

Лидия Чуковская

---

*Записки об Анне
Ахматовой*

1963 — 1966

Лидия Чуковская

---

*Записки об
Анне Ахматовой*

1963—1966

ДОСТОЯНИЕ РОССИИ

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПРОГРАММА
КНИГОИЗДАНИЯ
РОССИИ

Лидия Чуковская

Записки об Анне Ахматовой

В ТРЕХ ТОМАХ

Лидия Чуковская

Записки об
Анне Ахматовой

1963—1966

ТОМ ТРЕТИЙ

Москва

« С О Г Л А С И Е »

1997

Лидия Чуковская

Записки об Анне Ахматовой

Том третий

1963 — 1966

Издание первое

Журнал «НЕВА», 1996, №8, №9, №10

Подготовка текста и некоторые пояснения
в отделе «За сценой»:

Елена Чуковская и Жозефина Хавкина

при участии *Венгения Ефимова*

Художественное оформление

Александра Юликова

Руководитель программы «СОГЛАСИЕ»

Вацлав Михальский

---

*В качестве иллюстративного материала
в томе воспроизводятся автографы
потайных стихотворений Анны Ахматовой,
не входивших в её прижизненные издания.
Автографы хранятся в архиве Лидии Чуковской
и подарены ей автором.*

На суперобложке фотография
Анны Ахматовой.

Кожарово. Снимал Л. Поляков. 1966 год

На обороте суперобложки фотография
Лидии Чуковской.

Переделкино. Середина 60-х годов

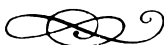
ISBN 5-86884-050-X

ISBN 5-86884-053-4 (т.3)

ББК 84.3Р7

ч 88

© Е.Ц. Чуковская, 1997

© А.М. Юликов, художественное оформление, 1997

© «Согласие», 1997

СОДЕРЖАНИЕ

1963

9

1964

133

1965

264

1966

309

Стихотворения Анны Ахматовой

319

За сценой

333

1963. (1–84)

335

1964. (85–184)

381

1965. (185–237)

437

1966. (238–248)

462

ПРИЛОЖЕНИЯ

469

Тяжба

471

Голая арифметика

489

Ганс Вернер Рихтер
Эвтерпа с берегов Невы

498

Список сокращенных названий

505

Список иллюстраций

508

Указатель имён

510

Список произведений
Анны Ахматовой, упомянутых

в томах I–III

526

Я благодарна судьбе за то, что она щедро оделила меня многолетними, изо дня в день, встречами с Анной Ахматовой.

В своих «Записках» я пыталась создать образ Ахматовой и, прежде всего, воспроизвести ее речь, столь близкую по словарному составу, по лаконизму, по своим интонациям, по широте, глубине и неутолимой трезвости взгляда — к ее гениальной поэзии.

Я пыталась также дать читателям сильное представление о той непосильной эпохе, сквозь которую она пронесла бездомность, болезнь, нищету, разлуку с сыном, постоянный ужас перед застенком: ужас за себя и за друзей. Пронесла с гордостью и величием.

7 июня 1995

Слово при вручении
Государственной премии.

10 января 63

На днях — 6-го или 7-го? уже не помню — повидалась я с Анной Андреевной. Она по-прежнему у Ники. Нескольким раз в комнату вбегал китайчонок — первый китайчонок в моей жизни! Четыре года, желтый, черно- и жестковолосый, глаза косые, очень хорошенький, чем-то похож на маленьких узбеков. Но он не настоящий: отец китаец, мать русская. Не думаю, чтоб он знал по-китайски, а по-русски разговаривает свободно, как и положено коренному четырехлетнему москвичу. Но вот в чем вундеркиндство: не только говорить, а читать умеет и писать! Читает — это случается: я сама в четыре года читала. Но он пишет! Анна Андреевна попросила: «Напиши мне что-нибудь, Сашенька!» Ника дала ему большой лист бумаги и карандаш. Он разостлал бумагу на низеньком столике, попрыгал, опираясь о столик желтыми ладонями, потом пососал карандаш и, стоя, вывел крупными, круглыми буквами:

«Я поздравляю Вас с Новым Годом Саша».

Даже все заглавные буквы на месте. Ни единой ошибки, только перед своим именем забыл поставить точку.

Попрыгал еще, опираясь ладонями о стол, и убежал обратно в соседнюю комнату. (Он, вместе со своей матерью, гость Никиной мамы. Отца нет — отец оставил семью и уехал в Китай.)

— Восьмое чудо света! — сказала Анна Андреевна, прочитав Сашину записку. — Буду показывать всем. Ни одной ошибки. Мне бы так научиться. Я ведь ни на одном языке не умею писать грамотно.

Мой приход — и Сашин набег! — оторвал Анну Андреевну от работы: она диктовала Нике свой, как она пояснила мне, «конспективный ответ» на предисловие к

первому тому Собрания Сочинений Гумилева*. Выступать со своими соображениями в печати она не собирается: здесь — в нашей печати — имя Гумилева запрещено, не очень-то выступишь, а там — это для здешних советских граждан опасно. Хочется ей, однако, чтобы ее соображения были зафиксированы.

1) Три дементные старухи написали о Гумилеве воспоминания. Доверять этим мемуарам нельзя. Одоевцева, конечно, знала его близко, но потом почему-то взбесилась и возвела на него напраслину. И знала-то она его всего один год.¹

2) Нельзя считать Волошина и Кузмина его друзьями. Они были враги. Нельзя основываться на показаниях Брюсова: Валерий Яковлевич туп и Николая Степановича не понимал.

3) Нельзя изгонять ее, Ахматову, из биографии Гумилева и из его поэзии. Почти все стихи определенного периода связаны с ней, и биография тоже. «Для меня он стал путешественником (чтобы излечиться от любви ко мне); для меня стал Дон Жуаном (чтоб доказать мне — он любим); для меня и про меня писал стихи»**.

Ника записывала непосредственно под диктовку, я записываю теперь.

— Но ведь такой ключ к биографии Гумилева только от вас и можно получить, — сказала я. — Вряд ли Нико-

* См. «Записки», т. 2, с. 526—527, а также в отделе «За сценой»: ³¹⁴.

** 6 ноября 1962 года А.А. записала:

«...трагедия любви — очевидна во всех юных стихах Г<умиле>ва. Героиня так же зашифрована, как и пейзаж — иначе и быть не могло... Он сначала только лечил душу путешествиями и стал настоящим путешественником (13-й г<од>). Все (и хорошее, и дурное) вышло из этого чувства — и путешествия и донжуанство. В 1916 г., когда я жалела, что все так странно сложилось, он сказал: «Нет, ты научила меня верить в Бога и любить Россию»» (см. публикацию К.Н.Суворовой в журнале «Новый мир», 1990, № 5, с. 220). См. также с. 105 этого тома.

лай Степанович объяснял своим дамам — Одоевцевой, в частности, — что он любит *ее*, чтобы доказать свою любовь к *вам*.

— Разумеется, — спокойно ответила Анна Андреевна. — Вот почему я и считаю себя обязанной продиктовать свои показания... В-четвертых, — продолжила она, обращаясь к Нике, но тут зазвонил телефон. Анна Андреевна взяла трубку. Говоривший говорил так громко, что я узнала голос: Костя Богатырев. Слов я разобрать не могла, Ахматова же отвечала полуизвиняясь, полуобещая, полужалуюсь... «Да... да... конечно... ну, конечно... ну, не сердитесь... дайте мне еще неделю».

— Бедный Костя, — сказала она, окончив разговор. — Он не понимает, с кем имеет дело.

Оказывается, она уже давно обещала дать Косте рекомендацию в Союз. И все тянет и тянет, не дает и не дает, и никак не соберется написать. Я спросила, почему, собственно, и в чем для нее трудность? Может быть, у Богатырева не хватает работ?

Анна Андреевна замахала на меня рукой.

— У Богатырева всего хватает, не хватает у меня. Я просто не умею ничего писать. Ничего, кроме стихов. Вы это знаете. Я — как еврей-скрипач в старом анекдоте. «Вам не по душе этот дирижер?» — «Что вы, дирижер первоклассный!» — «Не нравится композитор?» — «Что вы — Бетховен!» — «Отчего же вы так плохо играете?» — «Я вообще не люблю музыки». Вот так и я. Я вообще не умею писать... Лидия Корнеевна, приготовьте шпаргалку! Умоляю вас! Для вас это пустяки. А то Костя зря мучается. Он очень хороший человек, и переводчик отличный, и в Пастернака влюблен по уши, и Рильке любит.

Я обещала попробовать. Анна Андреевна заранее поблагодарила меня.²

А из «Знамени» насчет «Поэмы» и предисловия Корнея Ивановича ответа нет, нет и нет. Кожевников «читает»...

— Вы понимаете, — сказала Анна Андреевна, — читает вовсе не он. Он испугался и послал «Поэму» наверх...

Сейчас очень легко стать эпицентром землетрясения. Всюду ищут излишние сложности, выискивают какие-то злокозненные намеки... Я очень боюсь за Осипа.³

Она спросила у меня, работается ли мне? Нет. Я ничего сейчас делать не могу, после речи прокурора на процессе Эйхмана в Израиле. Да, вот мне казалось, что я уже все знаю про немецкие лагеря смерти, про расстрелы и печи, а речь прокурора заново меня перевернула. Было так: я провела день в Переделкине, у Деда. В Доме Творчества кто-то под глубоким секретом и всего на три часа дал Корнею Ивановичу эту речь. Брошюра, напечатанная мелким шрифтом чуть не на газетной бумаге. Изобилие фотографий: вот подростки — мальчик и девочка, лет шестнадцати, слушают. Их лица, глаза. На другой фотографии дает показания свидетель казни, случайно уцелевший сам. Он так потрясен собственным рассказом, что падает в обморок, теряет сознание. Когда стреляли — не терял, а, рассказывая, не вынес! (Мы, видимо, не отдаем себе должного отчета в силе слов — собственных, чужих. Они сильнее, чем мы думаем.) Бумага и печать в этой книжке дурная — Корней Иванович, щадя мое зрение, прочел мне речь прокурора сам, вслух, от первой строки до последней. Прочел и заспешил в Дом Творчества — возвратит в назначенный срок. Самое ужасное то, что лицо у Эйхмана интеллигентное, тонкое: хирург, а быть может, скрипач? Рот, правда, отвратителен, рот убийцы. Книжка переведена на все языки мира. «От имени шести миллионов...».⁴

— А как ты думаешь, сколько миллионов погибли у нас при Сталине? — спросил Дед, когда я подавала ему валенки.

Я не знала. У нас ведь страна огромная, лагеря повсюду; я не знаю, сосчитаны ли все лагеря — не то, что все люди... Кто вел счет погибшим? И сохранились ли архивы?

— У них шесть миллионов, а у нас при Усатом тридцать, — отозвалась, помолчав, Анна Андреевна. — Когда мне говорят — вы, наверное, тоже слышали эту иди-

отскую фразу: «пусть так, пусть выпустили, пусть реабилитировали — но зачем рассказывать об этом вслух, зачем выносить сор из избы?..», — слышали? Я всегда отвечаю — вот, Лидия Корнеевна, берите, дарю, пригодится! я всегда отвечаю: «С каких это пор тридцать миллионов трупов стали сором? Когда был несправедливо осужден один человек, Дрейфус, — весь мир за него заступился. И хорошо. Так и надо... А тут тридцать миллионов неповинных — сор!»

15 января 63

У меня грипп. Лежу. Звонила мне Анна Андреевна, справлялась о здоровье. Я в свою очередь спросила, какова же, наконец, судьба «Поэмы» в «Знамени»? Оказывается, рукопись возвращена при письме Куняева, которое она мне прочла.

По неграмотности — нечто чудовищное. Я запомнила так:

«Возвращаем Вам матерьял (!). Редактор сказала (!!!), что печатать Вашу «Поэму» теперь, сразу после того, как журнал в № 1 публикует целый цикл Ваших стихов, неудобно».

А не неудобно Куняеву, работнику редакции (то есть, по обязанности, знатоку языка) согласовывать на такой манер существительное с глаголом? «Редактор сказала»? Впрочем, я уже слышала от кого-то, не веря ушам своим, «*моя* врач велела» и, не веря глазам, видела в «Литературной Газете»: «вошла секретарь»*.

— Кто там *такая эта* Куняев? — спросила я у Анны Андреевны.⁵

— Не знаю. (Из трубки било ключом тихое бешенство.) И не все ли равно? Куняев написала, что редактор сказала... Публичная библиотека в Ленинграде запрашивает у меня письма читателей. Лучше уж я подарю им это письмо издателей.

---

* См. статью: Лидия Чуковская. Моя грач прилетела // Невское время (С.-Петербург), 10 января 1996. — *Примеч. ред.* 1996.

Потом она спросила, как у меня обстоят дела с «Софьей»? — в Новосибирске, в «Сибирских огнях».

Я прочла ей письмо Лаврентьева. Не все, а только начало и конец.

«Уважаемая Лидия Корнеевна!

Ввиду Вашего отказа, во время нашей беседы в Москве, внести в текст повести «Софья Петровна» дополнения, я, по приезде домой, еще раз перечитал рукопись и окончательно утвердился в мнении, что в таком виде «Софью Петровну» печатать нельзя..

На встрече членов правительства с деятелями литературы и искусства тов. Хрущев говорил, что произведения о культуре личности должны не только описывать злодеяния и ужасы тех лет, но и укреплять у читателя-современника веру в справедливость и гуманность нашего общества.

Рукопись возвращаем.

Главный редактор

(В.Лаврентьев)».

Анна Андреевна молчала так долго, что я уж подумала, нас разъединили... Лаврентьев совершенно прав: для укрепления веры в справедливость и гуманность нашего общества повесть моя решительно не годится... А-а, вот они чего захотели! Чтобы не было в прошлом массовой облавы на людей, не сохранились бы в народной исторической памяти миллионы попусту загубленных жизней, а были бы отдельные частные ошибки отдельных следователей, приведшие к отдельной гибели отдельных лиц! 1937-й год как образец гуманности и справедливости!.. Нет уж, от меня не добьются.

Обе мы молчали. Анна Андреевна шумно дышала в трубку. Телефон — механизм, не приспособленный для обсуждения вопроса: что такое гуманность и что такое бесчеловечье.

Анна Андреевна переменяла тему.

Она прочитала мне свои ответы на вопросы одного иностранца. Он прислал письмо: пишет книгу о ней. Первые ее ответы показались мне чуть замысловатыми, искусственными, а дальше о детстве — чудесно. «Дикая

девочка». «Меня принимали за помесь русалки и щуки». Потом о Царском: «тут вода была звуком водопадов, — звуком, всегда сопровождавшим Пушкина»^{*}.

20 января 63

Теперь грипп у Анны Андреевны, и я приходила ее навещать. Сидит в кресле укутанная, t° 37.2. Однако пир: на низеньком столике перед нею два первые номера: № 1 «Нового Мира» и № 1 «Знамени» — и в обоих стихотворения Анны Ахматовой!^{**} К тому же в «Новом Мире» два рассказа Солженицына.

Я сразу схватила книжку «Нового Мира» — поглядеть на «Родную землю». Существует ведь «магия печатного слова». Да, в печати «Родная земля» еще сильнее, чем в машинописи, в произнесении, в памяти. Еще величавее и клятвеннее. Никакой нежности к родине, никаких сантиментов, никакого умиления — грязь на калошах, хруст на зубах, месим, мелем — а звучит как присяга.

---

^{*} О звуках водопадов, сопровождавших Пушкина в юности, в Лицее, А.А. поминала не раз — и в стихах и в прозе. Так, по-видимому, в начале шестидесятых годов в набросках к «Большой исповеди»:

Еще я слышу свежий клич свободы,
Мне кажется, что вольность мой удел,
И слышатся «сии живые воды»
Там, где когда-то юный Пушкин пел.

(«Двухтомник, 1990», т. 1, с. 394)

А также в отрывке из прозаической записи:

«У Пушкина я слышу царсосельские водопады (“сии живые воды”), конец которых еще застала я» (там же, т. 2, с. 286).

^{**} В № 1 «Нового Мира» помещены три стихотворения — «Последняя роза», «Родная земля», «Царсосельская ода» и два четверостишия: «О своем я уже не заплачу», «Ржавеет золото, и истлевает сталь». См. «Записки», т. 2, № 95, 96, 98, а также с. 510 и с. 183—184.

О стихах, опубликованных в № 1 «Знамени» см. «Записки», т. 2, с. 523.

Да и все ее стихотворения в «Новом Мире» сильные необыкновенно — и «Царскосельская ода» и «Последняя роза», и четверостишия.

Заговорили о двух рассказах Солженицына: «Случай на станции Кречетовка» и «Матрёнин двор». Первый я еще не читала, а второй полюбился мне, еще когда он по рукам ходил. О «Матрёнином дворе» Анна Андреевна отозвалась высоко.

— Да... Удивительная вещь... Удивительно, как могли напечатать... Это пострашнее «Ивана Денисовича»... Там можно все на культ личности спихнуть, а тут... Ведь это у него не Матрёна, а вся русская деревня под паровоз попала и вдребезги... Мелочи тоже удивительные... Помните — черные брови старика, как два моста друг другу навстречу?.. Вы заметили: у него скамьи и табуретки бывают то живые, то мертвые... А тараканы под обоями шуршат? Запомнили? Как далекий шум океана! и обои ходят волнами... А какая замечательная страница, когда он вдруг видит Матрёну молодой... И всю деревню видит молодой, то есть такую, какая она была до всеобщего разорения... Заметили вы, что́ древняя, древнее всех, бабка над гробом Матрёны думает: «Надоело мне вас провожать». *Вас* — покойников, тех, кто моложе ее, кому бы еще жить да жить.

Зато про «Случай на станции Кречетовка» Анна Андреевна отозвалась сурово:

— Нет. Это рассказ неправдивый. От Солженицына мы ждем правды, только правды. Он не должен такие рассказы рассказывать.

(Я еще не читала, судить не могу.)

— Там главный герой выдуман. Склеен из бумаги. Таких у нас нет и никогда не было.

Ника за рассказ вступилась. Своим тихим, застенчивым, но твердым голосом, она произнесла, что, напротив, ей рассказ очень нравится, что он «в самую точку», что у нас такие люди были — «искренне-правовверные», как их назвала она. И даже в большом количестве и повсюду.

Анна Андреевна сердилась. Повторяла: «Не было таких людей. О таких в газетах сочиняют. Он его из бумаги склеил. От Солженицына мы другого ждем, только правды, а не этих выдуманных добродетелей».

Что ж, надо мне поскорее прочесть.

Важная новость: Анна Андреевна дала «Реквием» Карагановой, чтобы та показала Дементьеву.⁶ Я сомневаюсь в удаче. Опубликовать не опубликуют, а перестукают сотрудники на своих машинках, и разойдется он по городу. Это бы хорошо! — а худо то, что может «Реквием» попасть за границу, выйдет он где-нибудь в Нью-Йорке и тогда... тогда тут разразится гроза... «Живаго»-подобная.

Однако Анна Андреевна не высказала по поводу моих опасений большого беспокойства — на душе у нее другая досада. (Никогда не угадаешь, что ее встревожит и ранит.) Она прочла «Реквием» одному физику, и тот сказал, что это чистой воды акмеизм и в каждой строке слышен Мандельштам. И то, и другое — совершенный вздор. Ахматова давно уже никакой не акмеизм и вообще никакой не «изм» — она суверенная держава, именуемая «Анна Ахматова», она сама по себе, ни к какой школе уже давно не принадлежит, школу переросла. Раз. Голос Мандельштама в «Реквиеме» не слышен совсем. Два.

— Из этих замечаний можно сделать только тот вывод, что ваш собеседник к стихам глуховат, — сказала я. — Эти замечания характеризуют не «Реквием», а только его самого.

— Не утешайте меня, я безутешна, — с нарочитой небрежностью ответила Анна Андреевна.

Я понимаю: до тех пор, пока «Реквием» не будет напечатан и не получит всенародного распространения, — Анне Андреевне не удастся услышать отклик, отзвук, и она будет с преувеличенным интересом прислушиваться к каждому отклику, к каждой оценке*.

---

* Напоминаю: о судьбе «Реквиема» в СССР см. «Записки», т. 1, с. 37—38, а также т. 2, с. 491—495, 536—537, 560—562, 564, 573—575.

Теперь она хочет подарить экземпляр Солженицыну и послать Паустовскому. «Константин Георгиевич очень высоко отозвался обо мне в Париже», — сказала она.⁷

Завтра к ней придет «толстый человек» — поэт Евгений Винокуров. За стихами для «Литературной России». Она вынула из сумочки узкий зеленый блокнотик и стала читать нам с Никой первые строки отобранных ею стихотворений. Когда я или Ника не схватывали всё стихотворение сразу, по первой строке, она милостиво — но и не без насмешки! — прочитывала нам всё до конца. О сколько же ею наработано за долгие годы «некатания на лодке»! Впрочем, для меня ни одного нового не оказалось. Пока она читала вслух, я молча читала на две строки вперед про себя... Но понравятся ли они «Литературной России»? Тому начальству, от которого зависит печатанье?*

А потом мы пили чай, и начался Пушкин. Да, много, много наработано ею! Она окончила статью о своем давнем пушкинистском открытии — о том самом, о котором рассказывала мне лет десять назад**.

— Я показала статью Оксману и теперь могу считать ее оконченной. Он ведь главный ругатель. Он сказал: «ничего этого никогда не приходило мне на ум, но никаких возражений я не имею».

И она огласила статью. Называется «Пушкин и Невское взморье». Читая, она прибежала, по ходу дела, к пушкинскому однотомнику, лежащему в кресле у нее за спиной. Кое-что она не прочитывала, а, подняв голову от рукописи, пересказывала. Видимо работа еще не совсем окончена. Убедительная она — во всяком случае для такого читателя-неспециалиста, как я, — чрезвычайно. И — как все пушкиноведческое у Ахматовой — исследование ведется на глубине глубин. Основную мысль развивает она с несокрушимой логичностью, хотя слог не

---

* Вплоть до января 1964 года ни одно стихотворение Анны Ахматовой в «Литературной России» опубликовано не было.

** См. «Записки», т. 2, с. 50—51.

безупречен, и далеко не на каждой странице статья превращается в «прозу поэта». Зато иногда слышен живой голос Ахматовой, живые интонации ее устной речи.

За время, что Анна Андреевна писала эту статью, основная мысль сильно расширилась, разветвилась, углубилась и обогатилась. Тогда, вначале, помнится, Анна Андреевна говорила только об отношении Пушкина к могилам декабристов, о том, как упорно он разыскивал их и тосковал по ним. Первоначально она занята была истолкованием отрывка «Когда порой воспоминанье...». Теперь, новый вариант статьи говорит уже о культуре могил в пушкинской поэзии *вообще*, цитируется:

Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...

и строки:

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва...

Могилы животворят землю! Это уже не только о пятерых декабристах, это о каждом человеке, упокоенном в родной земле! (Татьяна: «Да за смиренное кладбище, / Где нынче крест и тень ветвей / Над бедной нянею моей...».) Но прежде всего, конечно, Пушкин говорит о могилах казненных. Мысль от декабристских могил («Когда порой воспоминанье...») переходит к «Полтаве», к могилам Искры и Кочубея: Петр казнил их как «государственных преступников», но тела отдал родным, и «государственные преступники» оказались похоронены не где-нибудь, не как-нибудь, а в самом священном месте: в Киево-Печерской Лавре. Эта Лавра — святыня России. Ахматова утверждает, что упоминанием о могилах Искры и Кочубея Пушкин попрекал Николая: вот ведь Петр отдал тела казненных — родным, они похоронены почетно, а ты что сделал? Тела пятерых похоронил воровски, трусливо, тайком.

— Скромное название при нескромном содержании, → сказала Анна Андреевна, окончив читать. И взглянула на меня пытливо. — Не правда ли?

— Правда, — ответила я.

Но лишь позднее, по дороге домой, поняла я, о чем Анна Андреевна, собственно, спрашивала и, главное, почему заново написала она эту статью именно теперь, в наши годы. В чем «нескромность».

Ахматова часто говорит, что все пушкинские произведения — о ком бы он ни писал, от «Золотого петушка» до «Каменного гостя», — автобиографичны. Так вот: ахматовское пушкиноведение автобиографично насквозь.

Гумилев. Пунин. Мандельштам. Где их животворящие могилы? Где кресты, плиты, памятники? И сколько еще имен может назвать каждый из нас.

Ахматова — и мы вместе с нею! — тоскуем по могилам близких. В особенности теперь, когда прорвано безмолвие и столько рассказано о страшных концах.

Наши преступники — неповинные, хотя и государственные! — не в Лавре они похоронены.⁸

26 января 63

Провела вечер с Анной Андреевной. У нее Аничка, внезапно приехавшая из Ленинграда. Анна Андреевна в кресле, Аничка у ее ног на скамеечке. Маленькая, миленькая, хорошенькая, непонятненькая. Приехала в Москву хлопотать о муже. Он в армии, где-то далеко, на севере. Аня хочет, чтобы его перевели поближе, в Ленинградскую область. Анна Андреевна согласилась написать письмо маршалу Коневу, чья дочка, знакомая знакомых, обещала передать послание Ахматовой из рук в руки отцу.

Аня очень мило называет Анну Андреевну «Акума». (Так называли ее Шилейко и Николай Николаевич.)

Скоро она ушла ночевать к каким-то друзьям, и мы остались вдвоем. Сегодня Анна Андреевна плохо слышит. Это бывает с ней — то лучше, то хуже. Сейчас — не из-за гриппа ли?

Произнесла следующий монолог:

— Мне кажется, я разгадала загадку Вознесенского. Его бешеного успеха в Париже. Ведь не из-за стихов же! Французы стихов не любят, не то, что иностранных —

родных, французских. Там стихи печатаются в восьми-стах экземплярах. Если успех — еще восемьсот. И вдруг — триумф! Русских, непонятных... Я догадалась. Вознесенский, наверное, объявил себя искателем новых форм в искусстве — ну, скажем, защитником абстракционистов, как Евтушенко защитник угнетенных. Может быть и защитник, но не поэт. Эстрадники!⁹

А меня их поэзия — или их эстрада? — как-то не занимает. Конечно, причину успеха интересно было бы исследовать. С социально-исторической точки. На Западе, говорит Анна Андреевна, не понимают по-русски, а стихов вообще не ценят. Пусть так! а в России — понимают? По-русски? И ломаются на вечера Вознесенского и Евтушенко... В чем же дело?

Помолчали немножко. Тут я вспомнила новость, привезенную мною от Деда, из Переделкина: в апреле приедет Берлин.

Анна Андреевна оживилась. Последовал еще один монолог.

— С женою или один? В прошлый раз он был с женой. Впрочем, это не имеет ровно никакого значения... Ехать ли мне в Ленинград? Может быть, мне придти под часы на углу Садовой и Невского? По старости меня привезут туда на тачке... Впрочем, может быть, я обойдусь телефонным разговором, как в прошлый раз... «Таинственной невестречи / Пустынны торжества...»

2 февраля 63

Анна Андреевна у Ардовых. Начала вызванивать меня, чуть только я вернулась в город со своего переделкинского поста. Сегодня я у нее побывала.

Она довольна: Аничкина просьба будто бы удовлетворена. И еще радость: лазутчики донесли — «Москва» будто бы берет «Поэму». Требуется только каких-то перемен в предисловии Корнея Ивановича. Ну, это лучше, чем если бы требовали перемен в «Поэме».

В «Литературной России» вышла, между тем, долгожданная статья Льва Озерова «Тайны ремесла»*. Газета

* О статье Льва Озерова см. «Записки», т. 2, с. 527.

лежала на постели. Я взялась читать. Но успела я прочесть только до середины.

Не для этого она меня звала. Скоро хозяева ушли в гости, а мы с Анной Андреевной перекочевали из маленькой комнаты в столовую. Там она положила передо мною на стол статью «Пушкин и Невское взморье». Оказывается, этой статьей заинтересовалась «Литературная Россия», и Анна Андреевна хочет, чтобы я прочитала глазами.

Толком прочесть я могла бы у себя дома, одна — прочла бы несколько раз — и глазами, и вслух — и тогда была бы какая-нибудь от меня польза. А так, поднадзорно и наспех, потому что Анна Андреевна ждет, чтение мое безответственно.

Снова и снова думаю: это статья удивительная — по глубине проникновения в пушкинские мысли и чувства, по изобилию подтверждающего материала, а к тому же и глубоко современная: в пору разоблачения культа личности (то есть признания в многомиллионных убийствах) весьма своевременно напомнить о культе могил, к которому зовет Пушкин: «в словах, — по выражению Ахматовой, — величавых и, как всегда у этого автора, не подлежащих отмене»^{*}.

Читая, я делала на отдельном листке мелкие замечания, не размышляя о том, воспользуется ими Анна Андреевна или пренебрежет. Окончив, я сказала только, что для газеты статья, пожалуй, трудна: в ней множество отступлений, цитат, неведомых читателю имен и непривычных ассоциаций.

— Конечно, пусть читатель потрудится, — сказала я, — положит перед собою Пушкина, перечтет, подумает... “В титовской повести «Уединенный домик на Васильевском» поражает...”, — так начинаете вы. А ведь читателю — кроме литераторов — неизвестно, что повесть написана со слов Пушкина, и кто такой Титов, и что за домик?.. Начать надо по-другому — открыто, широко, понятно — потом уж вести вдаль и вглубь.

---

* См. ОП, с. 153.

— Я решительно лишена дара популяризации, — ответила с раздражением Анна Андреевна. — Тонкое могу выразить, а общеизвестное — нет.

(Повторять общеизвестное — это, она права, ни к чему, но тонкость и сложность мысли вовсе не противоречит общедоступности. Все дело в способе изложения. Так я думаю.)

— Вот, например, ваши стихи, — сказала я. — Уж куда сложнее и тоньше, а... Конечно, не каждое сердце понимает их во всей их сложности, но они — доступны. А ведь каждое ваше стихотворение — не повторение пройденного, а новизна, открытие.¹⁰

— Сейчас мне предстоит новое открытие, — сказала Анна Андреевна, — разгадать загадку Лагренэ.

Сказала, что бьется над этой загадкой уже давно.

— В этом доме нет Пушкина... Да, да, не удивляйтесь — нет... Вот завтра я перееду к Марусе* и там буду разгадывать. Думаю об этом день и ночь.

И она рассказала мне, в чем суть дела.¹¹

10 февраля 63

Анна Андреевна у Петровых. Я была там. Мы сидели вдвоем, а из соседней комнаты доносились голоса общей беседы. Постепенно я расслышала: Мария Сергеевна, Ариша, Юля Живова, Костя Богатырев.¹²

Я рассказала Анне Андреевне свою переделкинскую новость — о брошке. Она была заинтригована**.

* Маруся — Мария Сергеевна Петровых.

** В переделкинском Доме Творчества отдыхал в это время (только что из Парижа) Константин Георгиевич Паустовский вместе с женой, Татьяной Алексеевной, и с падчерицей, Галей Арбузовой. Он мельком сказал, что привез мне подарок от Иозефа Чапского. Брошку. Я удивилась и не поверила. Константин Георгиевич ошибся, подумала я, через меня Чапский хочет передать подарок Анне Андреевне. Ведь это ему она посвятила стихотворение: «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...», я же в Ташкенте виделась с ним всего дважды: один раз мельком на людях и один раз недолго, наедине.

— Это, конечно, вам, — повторяла я. — Ведь я-то собственно, с Чапским еле-еле знакома, а вы даже стихи посвятили ему: «Из Ташкентской тетради».

— Если там есть свирель, мне. Если нет — вам, — заявила Анна Андреевна.

Но я не знала ничего насчет свирели — я еще не видела брошку. Паустовские еще не распаковались, а Татьяна Алексеевна обещала мне вручить этот дар, когда я буду в Переделкине следующий раз... И вообще, при чем тут свирель? — в стихотворении Ахматовой, посвященном Чапскому, нет никакой свирели. Быть может, разговор о чем-то свирельном был между ними? Ей лучше знать.

— Это наверно вам, — настаивала я. — Я-то видела его, помнится, всего дважды. Когда Паустовский сказал, что привез мне подарок «от высокого поляка» — я клялась и божилась: за всю мою жизнь не познакомилась ни с единым! Он назвал фамилию, тогда я вспомнила. И решила, что подарок через меня — вам. Ведь я-то видела Чапского всего два раза...

Анна Андреевна с сердцем:

— А вы думаете, я — больше?

— Но ведь стихи-то ему написали — вы!

Она позвала Юлю. Попросила найти в чемоданчике какую-то старую тетрадь. Перелистывая, отыскала черновик и прочла прежний конец стихов к Чапскому:

Будь добрым к моей запоздалой мольбе:

Пришли наяву ли, во сне ли

Мне голос азийской свирели.

А-а, вот почему она ждет в подарок свирель! Знак исполненной просьбы. Но я удивилась: откуда же Чапскому знать этот вариант, если окончательный текст бессвирелен? И вообще — разве она читала ему эти стихи? Я не спросила.¹³ Анна Андреевна заговорила о другом стихотворении, — уже не Чапскому, кому-то другому.

— Я вам не читала? Слушайте. Одна беда: забыла середину. Вспомнить не могу и, боюсь, никогда уже не вспомню. Слушайте.

Прав, что не взял меня с собой
И не назвал своей подругой.
Я стала песней и судьбой,
Сквозной бессонницей и вьюгой.

— Тут пропуск, — перебила себя Анна Андреевна.

Меня бы не узнали вы,
На пригородном полустанке
В той молодящейся, увы,
И деловитой парижанке*.

Я запомнила это стихотворение мгновенно, как когда-то мгновенно запоминала «Реквием». В чем секрет запоминаемости? В том ли, что естественнее сказать невозможно — ни в стихах, ни в прозе? И потому повторяешь чужие слова как собственные?

— А что было во втором четверостишии?

— Не имею ни малейшего представления, — ответила Анна Андреевна.

(Может быть его и не надо, потому оно и утратилось?)

Заговорили о «Реквиеме». Я рассказала о бесконечных хвалах, которые слышу отовсюду — теперь, когда он, наконец, пошел по рукам.

— Да, я и не ожидала такого успеха. Плачут бесперебойно, — подтвердила Анна Андреевна. — Они, — она показала глазами на потолок, — не знали, кого надо было непременно убить. Меня. А они не убили вовремя, только мучили по-всякому.

Потом начала искать в сумочке какое-то письмо от Полевого, редактора «Юности». Он просит стихи для

---

* Пользуюсь случаем указать ошибку в ББП на с. 305. Там напечатано: «Ночной бессонницей» (так же, как в «Дне поэзии». М., 1971). Между тем, не только я, но и многие другие друзья Анны Андреевны помнят «Сквозной», да и эпитет «ночной» лишен всякого смысла: дневной бессонницей страдает все человечество. В первом томе «Двухтомника, 1986» (и «Двухтомника, 1990») ошибка в эпитете исправлена, но не обозначена точками забытая Анной Андреевной вторая строфа.

журнала «и вообще пишет, что без моих стихов больше не может жить», пояснила она.

Из сумочки летели рецепты, чужие стихи, письма, но письмо Полевого так и не обнаружилось.

17 февраля 63

В пятницу вечером, чуть только я вернулась из Переделкина, мне позвонила Анна Андреевна. Первый вопрос:

— Получили брошь?

— Да.

— Есть там свирель?

— Мне кажется, нету.

Сегодня с утра я поехала к ней. (К Ардовым.) Подала ей коробочку с брошью. Она долго ее рассматривала, серебро и бирюза, потом восклицала о дарителе и о подарке: «Первоклассный человек!.. и какой вкус!» Потом, «отвернувшись вполборота», величественно протянула мне брошь на ладони и с высокомерием произнесла: «Свирели нет. Это вам. Наденьте сейчас же».

— Ну пусть это будет мой подарок вам! — взмолилась я.

— Что вы! У меня их слишком много! Я их раздариваю. Семьдесят три года не возраст для таких игрушек.

Объявила, что сегодня вечером снова переезжает: на этот раз к Алигер.

— Я веду бедуинский образ жизни, не правда ли? Сегодня за мной заедет и перевезет меня на новое место один молодой человек. Он перевозит меня в четвертый раз. Мой эвакуатор.

(А семьдесят три года — возраст для бедуинского образа жизни? — с бешенством подумала я. — Игрушки — не возраст, — а кочевье?)

Наверное, Анна Андреевна увидела мои мысли, потому что взяла меня за руку и сказала жалобно:

— Ну, не надо, не надо меня жалеть! не жалейте меня так.

Жалеть — это не то чувство, не то слово. Во мне не жалость, а злость. Дом — стены, окна, крыша, стол, стул, постель — у Анны Андреевны все это есть — там, дома,

в Ленинграде, да еще «Будка» впридачу. Но ведь настоящий дом — это не стены и крыша, а забота. Ирочка и Аничка видно не очень-то. Хотя в Ленинграде Союз Писателей в писательском доме предоставил квартиру Ахматовой (не Пуниным), они, живя с нею, не считают себя обязанными создавать в этой квартире быт по *ее* образу и подобию, — быт, соответствующий *ее* работе, *ее* болезни, *ее* нраву, *ее* привычкам. Сколько бы они ни усердствовали, выдавая себя всюду за «семью Ахматовой» — это ложь. Никакая они не семья. Я-то ведь помню Ирину в тридцать восьмом году, как она обращалась с Анной Андреевной еще в Фонтанном Доме. Здешние друзья, принимая Ахматову, хотя и продолжают собственный образ жизни (продиктованный работой, болезнями, привычным укладом, стариками, детьми, теснотой), умеют устраивать так, чтобы, живя у них, жила она на *свой* лад. Потому, видно, и наезжает Анна Андреевна так часто из Ленинграда в Москву.

Пока мы молчали, из соседней комнаты явственно доносился голос Виктора Ефимовича.

Я сказала:

— Виктор Ефимович расспрашивает кого-то по телефону о судьбе «Поэмы» в «Знамени».

— У вас слух, как у борзой, — ответила Анна Андреевна. — Значит — никакого склероза.

(Ну уж и никакого! А склероз хрусталика?)

Анна Андреевна снова и снова о Солженицыне:

— Никогда не видывала подобного человека. Огромный человек. Надеюсь, он понимает, что́ его ждет. Было время, я спрашивала, выдержит ли он славу? Помните, накануне «Ивана Денисовича»? Он ответил: «Я выдержал сталинские лагеря». Теперь я спросила: «Вы понимаете, что скоро вас начнут ругать?» — «Конечно!» — «Выдержите?» — «Я выдержал прокурора. Уж сильнее не обругают». — «Вы ошибаетесь. Это другое, совсем другое. Если выдержали прокурора, нельзя быть уверенным, что выдержите *это*».

Да, она права. Прокурор — му́ка одного сорта, а публичное шельмование в газетах и на собраниях — другого. Страшен для человека львиный рык, а укусы целого полчища крыс? — неизвестно еще, что страшнее. Но неужели это непременно случится? С ним — а, значит, и со страной? С нами?

Живем, как на качелях.

Солженицын просил Анну Андреевну прослушать его поэму, «ту, сказал он, которая помогла мне все перенести, выжить, остаться живым». Прослушала. Он просил ее дать совет: следует ли добиваться печатания или не следует?

— Я его умоляла: спросите у кого-нибудь другого! Я насчет «печатать-не печатать» совсем не советчица. Я на это не стажировала. Я просто сумасшедшая старуха!¹⁴

Ответ на свой вопрос — а какова же поэма? не в смысле печатанья, а хороша ли? я получила уклончивый. Не понравилось ей, что ли? И она не хочет признаться из уважения к автору? Нет, на нее не похоже. Ведь бранила же она мне рассказ Солженицына «Случай на станции Кречетовка» (и, между прочим, совершенно зря).

— Я прочла «Кречетовку», — сказала я. — Рассказ, мне кажется, прекрасный, и ничего неправдивого там нет. Вы утверждаете, таких людей, как тамошний главный герой, не было в сталинское время, все его добродетели выдуманные, вера в правоту нашей действительности — тоже. Вы ошибаетесь. Напротив, таких, как Зотов, было много, слишком много, автор попал в самую точку всенародной трагедии. Если бы во «вредителей и диверсантов», во «врагов народа», в непогрешимость власти, в божественную мудрость Сталина никто по-настоящему не верил, а строй поддерживала только продажная челядь, если бы «разоблачителями» оказывались одни лишь продажные шкуры — о! в чем же тогда трагедия? Никакой трагедии; люди продажные существовали и существуют всегда и всюду. А у нас были «верующие»... Чистые души.

Анна Андреевна сердито повела плечами.

— Я таких не встречала.

— А я — в изобилии.

Непонятно мне, за что же она в таком случае ценит мою «Софью»? Ведь там изображена мать, ослепленная верой, верующая газетам более, чем своему любимому, единственному и тоже верующему сыну! И когда колеблется в ней эта вера — тогда рушится разум, рушится ее мир... Как же не было? Не было бы этих обманутых, власть не в силах была бы осуществить свое многомиллионное злодейство.

Да что там моя глупенькая обывательница Софья Петровна! Сколько я видела и вижу умных и чистых «верующих»!

Анна Андреевна переменяла разговор, объявив подобревшим, веселым голосом:

— Я дала Володе Муравьеву* почитать книгу того господина о Льве Толстом. («Тот господин» — у нее всегда «Гость из будущего», Исайя Берлин.) Он пришел в восторг. Объяснял мне, что это гениально. Я слушала молча и смотрела девственными глазами.¹⁵

Потом не обошлось без обычной шпильки Толстому: «Он, конечно, полубог, но иногда в него вселялся дух одной из его тетушек».

Потом рассказала, что позирует скульпторше Масленниковой. Ей нравится, как вылеплен Пастернак и собственная ее голова тоже нравится.¹⁶

Потом опять о Солженицыне:

— А знаете, Александр Исаевич удивился, когда я сказала, что люблю Некрасова. Видимо, он представлял себе меня этакой чопорной дамой. (Анна Андреевна во мгновение ока превратилась лицом и осанкой в воплощение чинной тупой чопорности.) А Некрасова не любить разве можно? Он так писал о пахаре, что нельзя было не рыдать**.

* О Владимире Сергеевиче Муравьеве см.⁶².

** Об отношении Ахматовой к поэзии Некрасова см. также ее ответы на вопросы Чуковского, то есть его «Анкету поэтам» (20-е годы). — «Чукоккала», М.: Искусство, 1979, с. 272. — *Примеч. ред. 1996.*

(Лепят — это хорошо, подумала я. Но ее следовало бы и снимать на киноплёнку: Ахматова — чопорность, Ахматова — огорченное удивление, Ахматова — сочувствие, рыдание, восторг.)

Рассмеялась:

— Вообразите, у меня новое бедствие — «на сегодняшний день» все актрисы-чтицы возжаждали читать с эстрады мои стихи! Встречаются среди них интеллигентные, но в большинстве ринулись такие панельные лиговские девки, что мои стихи из их уст вызовут новое — третье! — постановление ЦК!

Тут вошла Нина Антоновна и, извинившись передо мною, повелела Анне Андреевне идти в пустую комнату и, наконец, одеться. Анна Андреевна послушно ушла.

— Ахматовка началась сегодня с самого утра, — объяснила Нина Антоновна. — И продлится до поздней ночи... Как видите, Анна Андреевна принимает гостей в халате на рубашке и в туфлях на босу ногу. Накормить я ее успела, умыться она умылась, а вот одевается только сейчас...

Скоро вернулась Анна Андреевна в красивом платье, в ожерелье и в перстнях, в торжественной белой шали. Теперь она «Ахматова в мантии».

Мне было уже пора, но захотелось рассказать свою переделкинскую новость. Точнее — северную, карельскую. Там вздумали уничтожать старые деревянные церкви — чуть ли не сотню церквей! Об этом написал Паустовскому кто-то из Ленинграда, прося заступы. Прислали длинное письмо: история этих церквей, их фотографии. Паустовский все еще в Доме Творчества и сильно хворает (астма). Я навещала его, а он поручил мне попросить Корнея Ивановича зайти: хочет вместе обратиться «наверх». ¹⁷

— Я уже давно собираюсь написать «Реквием» по распятым церквям, — сказала Анна Андреевна. — Северные деревянные церкви — они как маленькие дети, их нельзя обижать... Никакие нельзя, конечно.

Помолчали. Она что-то шептала про себя — не знаю, стихи или молитву. Думаю, молитву — если среди разговора ее одолевают стихи, она тихонько гудит, а не шепчет.

Когда я пришла домой, мне захотелось разгадать загадку свирели — вспомнить досконально стихи Ахматовой Чапскому. Я их знаю наизусть, но, быть может, путаю что-нибудь. Взяла беленькую книжечку и прочла «Из восточной тетради»^{*}. Бубен — есть, свирели нет, свирель осталась только в черновике. В чем же тут дело?^{**}

22 февраля 63

Анна Андреевна в Лаврушинском, в писательском доме, у Алигер.

Я была там.

Комната маленькая — но все же побольше, чем на Ордынке. Анна Андреевна уютно сидит на диване. У нее гости: Эмма Григорьевна, Наташа Горбаневская^{***} и Юлия Живова. А из хозяев никого дома нет. Юлия и Наташа часто выходят из комнаты — свои какие-то, видно, у них дела.

По случаю морозов Анна Андреевна решила отложить отъезд в Ленинград. Радостная она, веселая, и вот

---

* Анна Ахматова. Стихотворения. М.: ГИХЛ, 1961, с. 280.

** А дело было в том, что заключительные строки первого варианта, показанные мне Анной Андреевной 10 февраля 1963 года, сохранились не только в старой тетради, но и были опубликованы в 1960-м в третьем номере ленинградского журнала «Нева» («Пришли наяву ли, во сне ли / Мне голос азийской свирели»). Услышав мои уверенья: «подарок прислан не мне, а вам», А.А. предположила, что Чапскому попались на глаза эти строки и он исполнил ее просьбу. Она заблуждалась. Не только Чапский в Париже, но и я в Москве «Невы» с этими строчками не видела.

Об И. Чапском см. «Записки», т. 2, «За сценой»: 217.

*** Об Н. Горбаневской см. с. 243 настоящего тома.

по какому случаю: получила письмо от Пагирева, из Ленинградского Отделения издательства «Советский Писатель». Спрашивают — какие ее книги они могут включить в план 64 года?

Приятный вопрос.

Рукопись нового сборника уже несколько месяцев лежит неподвижно в здешнем, московском «Советском Писателе» — валяется где-то в низинах. Теперь Ахматова ее оттуда возьмет*.

Анна Андреевна попросила нас всех усесться ближе и прочитала пять стихотворений памяти Марины Цветаевой. Автор — Арсений Тарковский. Не сразу привыкаешь к противоестественному сочетанию: голос Ахматовой произносит не ахматовские стихи. Из ее уст чужие слова и ритмы звучат странно: уж очень мы привыкли, чтобы этот голос говорил только свое. Читала она медленно, серьезно: читала, как всё и всегда, — из глубины. Стихи мне понравились — очень. (Кроме, может быть, одного — тоже хорошего, но не трогающего, чуть риторического.) В особенности понравилась «Стирка белья». (Надо будет расхрабриться и рассказать Арсению Александровичу о своей встрече с Цветаевой в Чистополе, накануне конца. У меня где-то записано**.) Жаль, Анна Андреевна как раз «Стирку белья» не одобрила. Заспорили мы о втором четверостишии. Начинается стихотворение строчками:

Марина стирает белье.
В гордыне шипучую пену
Рабочие руки ее
Швыряют на голую стену...

и дальше как-то так: окно открыто, но ей все равно —

Пусть видят и это распяты...¹⁸

* Речь идет о том сборнике стихотворений, который А.А. составляла с помощью Ники Николаевны Глен. О судьбе этого сборника см. далее с. 61—67 и 73—74, а также «Записки», т. 2, с. 546.

** См. «Записки», т. 1, с. 235.

— Стирка не распятые, — сказала Анна Андреевна. — Все женщины стирают.

Это очень несправедливо. Ну, быть может, назвать стирку распятием, это слишком, потому что по сравнению с распятием любая боль не в боль и труд не в труд. Но, во-первых, отнюдь не все женщины стирают большую стирку. А, во-вторых, даже если почти все стирают, то некоторых, например, Цветаеву — безусловно следовало бы освободить.

Да и не в стирке тут дело. Это мера ее нищеты, зависимости, независимости и упрямства.

Я достала из портфеля номер журнала «Юность». Прочла Анне Андреевне и Эмме Григорьевне (Юля и Наташа опять исчезли) стихи Юнны Мориц. Я уже несколько раз прочла их дома, но мне хотелось опять и опять видеть их напечатанными, не веря глазам своим:

ПАМЯТИ ТИЦИАНА ТАБИДЗЕ

На Мцхету падает звезда,
Крошатся огненные волосы,
Кричу нечеловечьим голосом —
На Мцхету падает звезда...
Кто разрешил ее казнить,
Кто это право дал кретину —
Совать звезду под гильотину?
Кто разрешил ее казнить,
И смерть на август назначал,
И округлял печатью подпись?
Казнить звезду — какая подлость!
Кто смерть на август назначал?
Война — тебе! Чума — тебе,
Земля, где вывели на площадь
Звезду, чтоб зарубить, как лошадь.
Война — тебе! Чума — тебе!
На Мцхету падает звезда.
Уже не больно ей разбиться.
Но плачет Тициан Табидзе...
На Мцхету падает звезда...

— «Война — тебе! Чума — тебе!» — повторила Анна Андреевна, кликнула Наташу и Юлю и велела мне читать еще раз.

Я прочла уже наизусть. Мне доставляло радость проносить:

Кто это право дал кретину —
Совать звезду под гильотину?
.....
Казнить звезду — какая подлость!
Кто смерть на август назначал?

(Митю казнили не в августе — в феврале, но увели на казнь в августе.¹⁹)

Не знаю, понравились ли эти стихи Анне Андреевне, или просто заинтересовали ее как знамение времени, но она попросила прочесть их в третий раз.

Хотелось бы обдумать и понять самое энергичное четверостишие:

Война — тебе! Чума — тебе,
Земля, где вывели на площадь
Звезду, чтоб зарубить, как лошадь.
Война — тебе! Чума — тебе!

Тебе? Нашей земле? Нашей стране?

Чумы не было. Война была. Облили свежей кровью нашу и без того окровавленную землю. А повинна ли в прежней крови наша земля, или только кретин и подручные его? Легко ответить: «повинны все». Труднее понять: кто? когда? в чем? в какой степени? С какой минуты началась виноватость?

Пушкин не писал: «Чума — тебе!», но:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Но как, и почему, и в какую минуту случается, что Богом избранный певец умолкает, говорят одни холуи, а когда певец пробует все же запеть, его суют под гильотину?

И чума и война — она ведь, обычно, кретинов милует, а карает, по большей части, неповинных: юность в цвету, женщин, детей, леса, поля...

Я спросила у Анны Андреевны, согласна ли она с приговором, вынесенным нашей земле Юнной Мориц?

— Чума? Война? Приговор юридически обоснованный. Однако, говоря тем же юридическим языком, я сказала бы: «Виновна, но заслуживает снисхождения».

Да. Потому что сама в беде.

«Богородица белый расстелет / Над скорбями великими плат» — вспомнила я из Ахматовой. Скорби были велики еще накануне той, первой, что же сказать о предшествии второй? «Гóры гóря»... «Пускай на нас еще лежит вина, — / Всё искупить и всё исправить можно».

Анна Андреевна и Эмма Григорьевна заговорили о пушкиноведческих делах. Глядя в окошко, я думала: не сойду ли я в конце концов с ума, пытаюсь решить, заслужен ли странною приговор: «Чума — тебе! Война — тебе!..» и как это все случилось. Юля и Наташа начали болтовню о литературных происшествиях. Юля рассказала, что, по слухам, Евгений Винокуров, выдвинутый на Ленинскую премию,²⁰ по третьему туру не прошел, зато Исаев, бездарь, прошел.²¹

— Это совершенно все равно, — с раздражением прервала ее Анна Андреевна. — Ленинские премии, как и все премии на свете, выдаются, бывает, правильно, чаще — неправильно. — И добавила: — Давайте условимся раз навсегда: поэт — это человек, у которого ничего нельзя отнять и которому ничего нельзя дать.

Быть может и так. Но ведь существует и общественное мнение, которое грех сбивать с толку.

Я рассказала о чудесной речи Ромма. Привела одну цитату: «Почему мы до бесконечности врем?»²²

— Почему мы до бесконечности врем? — повторила Анна Андреевна.

Эмма Григорьевна сообщила, что, по слухам, Шолохов собирается громить «Матренин двор».

— Отлично! Этим он окончательно прикончит себя! — воскликнула Анна Андреевна.²³

Заговорила о «Реквиеме». Восторги и слезы продолжают. Неблагоприятный отзыв пока единственный: секретарша Эренбурга, Наталья Ивановна Столярова, передала Анне Андреевне суждение Ильи Григорьевича: любовные стихи будто бы удаются ей лучше. Какой вздор и какое неправомерное для ахматовской поэзии деление! На любовные и гражданские! Впрочем, мои литературные вкусы со вкусами Ильи Григорьевича, видимо, вообще не сходны. Когда-то, помню, в 46-м или 47-м, когда я работала в симоновском «Новом Мире», Симонов послал меня к Эренбургу просить стихи. Я пошла. И тут услышала от Ильи Григорьевича, что лучший наш поэт — Леонид Мартынов. Ну вот, а теперь ему не понравился «Реквием».

У Анны Андреевны сейчас много машинописных экземпляров «Реквиема», и она их щедро раздаривает.

— Для вас я должна была бы переписать его от руки, — сказала она мне полупшепотом. — Но сейчас, честное слово, сил нет.

Да, пожалуй, должна была бы. Но я напоминать не стану. Я не собирательница автографов.

— Я счастлива, что дожила до этого времени. «Реквием» ходит и «Поэма» дописана, — сказала Анна Андреевна, провожая меня в переднюю. — Чего же мне больше?

Больше? Печатанья, конечно, печатанья!* Надо, чтобы школьники заучивали «Реквием» наизусть. Напечатают ли, или не напечатают? вот и будет видно, жаждут ли искупить вину, или XX и XXII съезд так только, для фасону.

Я шла переулками к метро — это не дальше, чем от Ардовых — и каждый шаг отдавался в сердце. Физически. Оно у меня как-то от каждого движения набухает и

---

* Напоминаю читателю, что в Советском Союзе «Реквием» впервые целиком был напечатан в 1987 году: в журнале «Октябрь», № 3 и в журнале «Нева», № 6.

болит. Это наверное из-за «Софьи». На днях мне звонила художница, которой поручено было иллюстрировать книгу. Разговор об обложке, рисунках, заставках. Все словно и взаправду. А ведь книги не будет.

29 марта 63

Сегодня телеграмма от Анны Андреевны. Не прочитав ее, а только разглядев «Комарово», я вообразила, будто Ахматова поздравляет меня с минувшим днем моего рождения и очень удивилась: я день своего рождения с 37 года не праздную, Ахматова же вспомнила его лишь однажды: в Ташкенте, в 42-м.

Я прочла:

«Вторник возвращаюсь домой весь апрель буду Ленинграде напишите мне = Ваша Ахматова».

Долго я, ничего не понимая, вертела прямоугольную бумажку так и этак. Переписка между нами не ведется — зачем мне, собственно, знать, в Комарове Анна Андреевна или в Ленинграде? Да и в любом случае, письмо я все равно адресовала бы в Ленинград — так дойдет быстрее. К чему она вдруг сочла необходимым сообщить мне свое расписание? И какого, собственно, ожидает от меня письма?

Наконец, догадалась.

Она хочет через меня разведать, не приехал ли тот, кто собирался приехать в апреле*.

Когда сама-то она приедет в Москву? Уехала она еще до марта — до погрома! — а приедет после. Сейчас уже нельзя ожидать, чтобы где-нибудь напечатали:

Кто это право дал кретину —

Совать звезду под гильотину?

Никакой гильотины, оказывается, никогда не было. То есть она, конечно, была, но словно ее и не было. А кретин? Кретин, конечно, тоже был, но он, оказывается, был не совсем кретин. И те, кто не хочет забыть ни о гильотине, ни о кретине — с теми теперь надо бороться.

* Исая Берлин.

Что же, сколько уже погромов мы пережили, и гораздо более грозных. Переживем еще один.

А вот «Софья» уже не переживет. «Софья». Она на краю гибели. Опять.²⁴

18 мая 63

Утром позвонила мне Анна Андреевна. От неожиданности я не сразу узнала голос. «В Комарове прозрачная весна, а здесь уже пышное лето». Она просила меня придти немедленно, но я выбралась только к вечеру.

Она сидела в столовой, за круглым столом, вместе с Ниной Антоновной. Не усаживая меня, поднялась навстречу и взяла за руку:

— Пойдемте ко мне, посекретничаем. Дамы всегда секретничают, правда, Ниночка?

И вот мы опять сидим друг против друга в той же ардовской комнатке. Я на стуле, она на своей узкой тахте — полная, прямая, красивая. Легко опирается о тахту легкими ладонями. Молчим.

Есть что-то для меня неотразимо милое в этой повторяемости ее приездов, наших однообразных встреч, в том, что и комната опять та же, да и она — та же. Словно какой-то ритм и утешительный смысл придают моей жизни эти, иногда неожиданные, встречи.

За окном, в том же ардовском дворике, зеленеют деревья.

Приехала она, как говорит, по делам: из-за каких-то переводов и из-за того, что Луконин просит в «День Поэзии» стихи, обещая напечатать, если она пожелает, даже отрывок из «Поэмы» с предисловием Корнея Ивановича*.

Приехала с надеждой на очередную «невстречу». (Намек в одной фразе.)

Привезла ее Галя Корнилова. Переезд, всегда дающийся ей тяжело, на этот раз совершился благополучно.

* См. с. 58 и 128.

— Мне не было худо на вокзале. Обошлось даже без нитроглицерина... Но я вижу, вам не терпится услышать мой «творческий самоотчет»? Пожалуйста.

Прочитала «Предвесеннюю элегию», дивную, северную, метельную, одинокую. Весну в разлуке. Весна-призрак: тот, с кем я разлучена, он тут, со мною, он в воздухе, он в тишине, он в метели.

Простившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной.

Странно, что слова эти написаны только теперь, ведь столько о разлуке сказано, написано на всех языках, сыграно на всех музыкальных инструментах, а впервые создана эта формула:

Простившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной, —

только теперь*.

Ведь это чувство непрерывного присутствия того, кто отсутствует — это и есть самое мучительное — и самое счастливое в разлуке.

...Сказала, что окончила еще одну главу для книги о Пушкине.

— Злая Эмма одобряет и Медведева тоже, — сказала она.

— Это что ж — «Домик на Васильевском острове»?

— Да... Нет, не совсем. Это новый слой, — и Анна Андреевна провела рукою в воздухе, будто разрезая его. — Называться будет: «Пушкин в 1828 году».

Да, я вижу: погром погромом, а литература литературой. Как сказал Маяковский: «...поэзия пресволочней-

---

* О «Предвесенней элегии», как о начале цикла «Полночные стихи» (БВ, Седьмая книга) см. с. 77 настоящего тома. — № 99.

Отсылаю читателя к отделу «Стихотворений», помещенному непосредственно сразу после моих записей. Там собраны те стихи, без которых наши разговоры могут оказаться не вполне понятными. Нумерация стихотворений начинается с № 99 (в томе втором «Записок» отдел стихотворений кончался номером 98).

шая штукавина / Существует — и ни в зуб ногой». Погромы погромами, а работа работой. Не прекращается ни на день, ни на час, ни на минуту. Прочна русская литература! И в тех работниках, которые нам известны, и в тех, о которых мы еще ведать не ведаем.

Потом Анна Андреевна раскрыла толстую тетрадь и протянула мне. Страница вся исчеркана, строки стихов перечеркнуты и так и этак. Я вообще не умею читать быстро, к тому же Анна Андреевна своим ожиданием мешала мне. Не разобрала я и не запомнила ничего. Общий смысл поняла так: «прокуратура отошла, остался ты»*.

Анна Андреевна взяла у меня из рук тетрадь, захлопнула ее, отложила в сторону и не без лукавства произнесла:

— И еще новая строфа в «Поэму».

— Ф-фу! — вырвалось у меня. Точнее: из меня.

Это было восклицание невежливое, неприличное, сознаю. Но ведь в прошлый раз Анна Андреевна клялась, что теперь-то уж «Поэма» окончена наверняка, что больше она к ней не притронется. А я утверждала: притронетесь и не раз.

Вот и вышло по-моему.

Анна Андреевна стала надо мной потешаться по случаю этого «ф-фу». Однако новорожденную строфу все же прочла. Хорошая строфа, ничего не скажешь! Но, по-моему, не обязательная. Может она быть, может и не быть. Вставляет Анна Андреевна ее куда-то в «Решку». Куда? Я не поняла**.

Рассказала про дачного своего соседа, Гитовича. Она с ним поссорилась.²⁵

* Предполагаю, что А.А. показала мне отрывок «Через 23 года» (т.е. через 23 года после начала работы над «Поэмой без героя»). Предполагаю также, что отрывок обращен к Н.Гумилеву («заветные свечи» — это те, что в «Поэме» именуются «венчальными»). ББП, с. 307. — № 100.

** Об этой строфе см. с. 43, 44 настоящего тома.

— Он нахамил Николаю Ивановичу Харджиеву, который приехал меня навестить. А потом, в отдельности, мне. Пьяный, конечно. Он пьян уже лет двадцать. Представьте себе, все его защищают. Говорят, он это из ревности. Но я думаю, ревнуют жен или любовниц, а если человек ревнует чужую соседскую старушку, то его следует запереть в пробковую комнату... Я очень люблю Сильву, с ней я по-прежнему, а с ним мириться не буду. Но сейчас ему худо, он лежит носом к стенке, я даже хочу просить девочек, чтобы дали ему какие-нибудь переводы.

(Гитовича прорабатывают за стихи, где говорится, что он-то не варвар и потому любит Пикассо. «А, значит, *мы* варвары!»^{25а})

В комнату, постучав, вошел незнакомый юноша. Черноволосый, чернобровый. Черты лица четкие, прямые, правильные, лицо замкнутое.

— Лидия Корнеевна, разрешите вам представить, это Анатолий Генрихович Найман, Толя, — сказала Анна Андреевна. Юноша поклонился, мы пожали друг другу руки, и Анна Андреевна издевательски стала ему рассказывать про мое «ф-фу!».

— Вы только подумайте, — оживленно жаловалась она, указывая ему на меня глазами, — и это человек из первого десятка, да, да, из самого первого! «Ф-фу!» — единственное, чего я дождалась от Лидии Корнеевны, когда сказала ей о новой строфе.

Толя — Анатолий Генрихович — вежливо улыбнулся. Я начала припоминать. Я уже слышала наименование «Толя Найман» от кого-то, кто недавно побывал в «Будке». Сообразила: Толя Найман — один из молодых поэтов, подружившихся в последнее время с Анной Андреевной. Да, да: Иосиф Бродский, Толя Найман, Женя Рейн и кто-то еще.²⁶

Между тем, Анна Андреевна снова — в который уж раз! — заговорила о Страховском:

— Подумайте, Россию он забыл начисто, запомнился ему только один Городецкий.

Я сказала, что мемуары всегда лишены точности, верности, даже если авторы не имеют специального намерения лгать — и, по-моему, гораздо точнее и надежнее всяких мемуаров — письма. Прочитировала Герцена (уж такого заядлого мемуариста!):

«Письма — больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное».²⁷

— Вы так все тридцать? — спросила Анна Андреевна.
— Учѣтесь, Толя!

— Что — тридцать?

— Все тридцать томов академического Собрания Сочинений Герцена наизусть?

Я вообще никакой прозы наизусть не знаю, но эти строки из «Былого и Дум» легче, по-моему, запомнить, чем забыть... «На письмах запеклась кровь событий»... Попробуйте, забудьте!

— Герцен ошибается. Не ко всем письмам эти слова применимы. Вот, например, письмо Пушкина к Вяземскому о «Гавриилиаде» и князе Дмитриии Горчакове. Ни слова правды. «Гавриилиада» лежит у Вяземского в столе, и он отлично знает, кто ее написал, а Пушкин сваливает все на покойного князя Горчакова.²⁸

Ну, это, по-моему, не опровержение герценовской мысли: это чистейшая мистификация. Не характерно для писем. Но даже на этой мистификации «запеклась кровь событий»: до правительства дошла «Гавриилиада», и Пушкин делает попытку выпутаться из беды.

Заговорили о тех молодых, которых после мартовского погрома бьют в Ленинграде. Молчаливый Толя назвал Соснору. Я что-то где-то когда-то о нем слышала, но сама ничего не читала.

Анна Андреевна тоже.

— Наверное, он назначен теперь в Ленинграде избрывать тех молодых, которые, после мартовского пленума, чем-то провинились здесь, в Москве. Помните, как было после 46-го со мною? Я оказалась безусловно главной язвой, но далеко не единственной. Всюду иска-

ли и находили «ахматовщину» — кого-нибудь, заменявшего меня в другом городе или в другой республике. В Узбекистане, например, на это место был назначен Уйгун. Он никогда не читал ни единой моей строки. Вероятно, когда-нибудь где-нибудь напечатал какие-нибудь стихи про любовь. Он оборонялся. Он кричал: «Дайте мне эту Ахматову!» Ему дали. Прочел. «Хорошо, — сказал он. — Хорошо, но не до слез»... Мне это рассказывал Липкин.

21 мая 63

Наташа Ильина привезла к нам в Переделкино Анну Андреевну. Сначала Ахматова посидела с Корнеем Ивановичем в саду, на ближней лавочке, потом мы все посидели вместе на веранде. Дед сегодня хорош, остер, радостен, приветлив (ночью — спал!), Анна Андреевна тоже казалась веселой. Одно меня резануло: прошлым летом она доходила по тропинке от дачи до моего домика, а нынче сделала несколько шагов, опираясь на мою руку, и повернула обратно:

— Нет, Лидия Корнеевна, мне не дойти.

Временное ли это ухудшение, или так и будут теперь изо дня в день, из недели в неделю — падать, падать силы? Я ее усадила на веранде. Помню, как еще недавно она и по лестнице Дедовой поднималась к нему в кабинет на второй этаж, а сейчас, когда она пожелала вставить новую строфу в «Решку», Корней Иванович сам принес ей сверху свой экземпляр «Поэмы»: подняться она не могла.

Прежде, чем вписать новую строфу в экземпляр «КИЧ», Анна Андреевна нам ее прочитала. Так я услышала «века — Эль Греко» во второй раз. Опять я не совсем поняла, зачем эта строфа тут нужна, тем более — или тем менее! — что последующая начинается тоже с «века». Новая только замедляет движение. Хотя, конечно, с другой стороны, Эль Греко в «Поэме» весьма уместен.

Анна Андреевна прочла:

Чтоб посланец давнего века,
 Что пришел с полотна Эль Греко,
 Объяснил мне совсем без слов,
 А одной улыбкою летней,
 Что была я ему запретней
 Всех семи смертельных грехов*.

— Грехи смертные, а не смертельные, — сказал Корней Иванович.

— Это совершенно все равно, — не без раздражения ответила Анна Андреевна и принялась вписывать новую строфу в «Решку».

Она ее вписала между строфами:

Но сознаюсь, что применила
 Симпатические чернила...

и

Чтоб сюда из чужого века
 Незнакомого человека

* Впоследствии эта строфа претерпела некоторые изменения: в частности, вместо «Что пришел с полотна Эль Греко» стало: «Из заветного сна Эль Греко». Но самое интересное: вся строфа оказалась не «поэмой», бродячей. В 1964 году, в московском «Дне поэзии», на с. 62, опубликована она в заключение цикла «Полночные стихи». Однако и там выглядит она «не на месте»: помещена после стихотворения, озаглавленного «И последнее» под названием «Отрывок». Следом за «Последним» какой же в цикле возможен «Отрывок»? В «Беге времени» среди «Полночных стихов» строфа об Эль Греко, по воле Анны Андреевны, отсутствует (цикл завершен четверостишием 65 года, под заглавием «Вместо послесловия»); в окончательном же тексте «Поэмы без героя» строфы об Эль Греко тоже нет. Поэтому, я думаю, прав В.М.Жирмунский, опубликовавший ее не в «Поэме без героя» и не в «Полночных стихах», а отдельно: как самостоятельный «Отрывок» (ББП, с. 380).

Обращаю внимание читателей на то, что ахматовское выражение «а одной улыбкою летней» напоминает строку из «Канцоны» Н.Гумилева — «Дорогая с улыбкой летней» (см.: Н.Гумилев. Колчан. М.-Пг.: Альциона, 1916 или его же — Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1988, с. 227. Б-ка Поэта. Большая серия.)

Дерзко глянули бы глаза,
 Чтоб он мне, отлетевшей тени,
 Дал бы ветку мокрой сирени
 В час, как эта минет гроза.

Пока Анна Андреевна меняла «ветку мокрой сирени» на «ворох мокрой сирени»*, пока она вписывала новую строфу между прежними, а я украдкой через ее плечо перечитывала строфы подряд — задумалась я вот над чем: почему это в поэзии Ахматовой сирень всегда вблизи от смерти, от гибели? Всегда или почти всегда? Я еле успевала ловить летевшие мне навстречу строки:

И ходить на кладбище в поминальный день
 Да смотреть на белую Божию сирень**.

Ну, тут понятно: куст белой сирени на чьей-то могиле. Но в «Поэме», вот только что:

Чтоб он мне, *отлетевшей тени*,
 Дал бы ворох мокрой *сирени*...

И уже давно в «Поэме» о кануне войны, о кануне тысячи тысяч смертей:

И кладбищем пахла сирень***.

Это уже в благополучнейших комнатах, в гостиных. (Было: «И в кувшинах вяла сирень».)

Или:

Но не первую ветвь сирени,
 Не кольцо, не сладость молений —
 Он погибель мне принесет****.

Тут сирень как будто противоположна гибели, но все-таки упомянута где-то поблизости... А вот стихи, обра-

* В окончательном тексте «Даст охапку мокрой сирени» (ББП, с.373). Вообще эта строфа претерпела большие изменения, но сирень осталась.

** «Лучше б мне частушки задорно выкликать» — БВ, Белая Стая.

*** ББП, с. 367.

**** ББП, с. 355.

О «магической роли», которую играет сирень в «Поэме без героя» см. также: Борис Филиппов. Поэма без героя. — «Сочинения», т. 2, с. 83.

щенные к давным-давно разлучившейся с ней современнице, женщине еще живой, но уже превратившейся для Ахматовой в тень, в тень прошедшего, в символ прошедшей молодости:

Всегда нарядней всех, всех розовой и выше,
Зачем всплываешь ты со дна *погибших* лет... —

здесь не современница погибла, но годы, а раз гибель — значит, так и жди сирени:

Флобер, бессонница и поздняя сирень* ...

И только в одном стихотворении припомнилась мне сирень вне всякого сочетания с гибелью:

Бензина запах и сирени,
Насторожившийся покой...
Он снова тронул мои колени
Почти недрогнувшей рукой**.

Впрочем, в предыдущем четверостишии не гибель, но горе. («Томилось сердце, не зная даже / Причины горя своего».) Спрошу у нее когда-нибудь, знает ли она сама о горестности своей сирени? И не стоит ли подумать о такой работе: «Ахматова — деревья, травы, цветы»? Розы; крапива; лопухи; ива; тростник; лебеда; подснежник (в могильном рву); подорожник (лихолетье); «...слышно, как в лесу растет трава».

Пока я перебирала в уме сиреневые и растительные строчки, я пропустила мимо ушей весь разговор Анны Андреевны с Корнеем Ивановичем. Наконец, бросив сирень, вслушалась. Один француз прислал Анне Андреевне воспоминания Сергея Маковского о Гумилеве. Она уверяет — по количеству и качеству вранья это нечто чудовищное. Считает нужным опровергать, но не знает как. Ну как отсюда, в самом деле, опровергнешь? Воспоминания Одоевцевой, Неведомской, Гумилевой, предисловие Глеба Струве, и вот теперь еще прибавился к ее заботам и Маковский. Опровергать надо там, оттуда, а там, сказала Анна Андреевна, «все умерли или притворяются мертвыми».³⁰

* «Тень» — БВ, Седьмая книга; см. 29.

** «Прогулка» — БВ, Четки.

Потом она вынула из сумочки фотографию своего портрета, сделанного Анненковым «по памяти». В юности я любила первый анненковский портрет Ахматовой — тот, 1921 года, петербургский, о котором так метко Замятин писал, что это портрет скорби; скорбно поднятых бровей, что духовная сущность Ахматовой, сущность ее поэзии, да и тяготы страшного времени переданы на этом портрете и притом самыми скупыми средствами (быть может, подумала я, в соответствии со скупостью художественных средств ахматовской поэзии). Линий наперечет, а вся Ахматова тут.³¹ Новое же ее изображение гуашью «по памяти» не понравилось мне. Дама в открытом вечернем платье, не то она в театре, не то на балу, демонстративно печальная, демонстративно отвернувшаяся, со стилизованно-длинными пальцами. Демонстративность так чужда Ахматовой! На первом портрете все концентрировано и все всерьез — судьбу Ахматовой разглядел и передал, и даже предсказал скупыми линиями художник; на втором все «нарочно». Словно какая-то актриса взялась сыграть Анну Андреевну на сцене, и Юрий Павлович ее изобразил.³²

Анне Андреевне этот второй портрет тоже, она сказала, не нравится.

Сели мы на веранде ужинать. Как, однако, переменялось время! Сколько я помню Корнея Ивановича, он не только сам никогда не пил, но требовал — и в Куоккале, и в Ленинграде, и в Переделкине, и в Москве — чтобы в доме не было вина. А сейчас, покоряясь обычаю, хоть сам по-прежнему не притрагивается, завел у себя вина для гостей. Наташа и Таничка Литвинова пили много,³³ Анна Андреевна позволила себе одну рюмку, а я и Дед на них глядели. (Я — с завистью.)

... Да, напоследок вспомнила я еще одну сирень — и опять в сочетании со смертью:

И даже собственную тень,
Всю искаженную от страха,
И покаянную рубаху,
И замогильную сирень*.

* «Наследница» — ББП, с. 302.

26 мая 63

Я была звана к ней вечером. Ардовых нет. Она в столовой, у нее в гостях Эмма — хозяйничающая, и Паустовский — рассказывающий.

Он только что из Ялты. Там, в Доме Творчества, много народу, и среди них Ермилов. С ним никто не здоровается.

— Вот и говорите, будто нет у нас общественного мнения, — заметил Паустовский. — Это неверно. Оно есть.

Я сказала, что если и есть, то лишь среди узкого круга интеллигенции, да и то — по узкому кругу поведения, да и то — еще нет его, а оно только проклевывается, нарождается.

Анна Андреевна спросила, как здоровье Эренбурга? «Не ест, не пьет, не спит, глубоко потрясен случившимся», — ответил Паустовский.

Я рассказала, каким увидела Илью Григорьевича, навестив его. Меня поразило желтое, оплывшее лицо, всклокоченная седина и, главное: когда он выходил из комнаты, — тыкался в стены: не понимал, где дверь.

— Еще один убитый, — сказала Анна Андреевна.

— Никто за него не заступился. Вот чем потрясен Илья Григорьевич более всего, — пояснил Паустовский. — Хрущев орал неистово.

— А за кого у нас когда-нибудь кто-нибудь заступился — публично? — спросила Анна Андреевна с сердцем.

— В данном случае к тому же это было и физически немислимо, даже если бы и попытался кто слово сказать, — продолжал Паустовский. — Мобилизованы были соответствующие «писательские кадры», так что они орали и топали при малейшей чьей-нибудь попытке ответить, и заглушили бы любой голос. Они наслаждались. Они брали давно лелеемый реванш.

Тут я вспомнила рассказ своего приятеля Б., тоже побывавшего на «встрече с интеллигенцией». «Я прошел войну, перенес артиллерийские обстрелы, атаки, сам, случилось, подымался в атаку, — но такого ужаса, как на

этой “встрече”, в жизни никогда не испытывал. И не от криков Хрущева — он кричал Эренбургу: “Не будет вам клуба Петефи, не надейтесь!”, “Раб, раб, раб!” (раб буржуазной идеологии, раб империализма) — не от хрущевского бешенства, а от беснования соседей. Они дорвались до мести. Зал восторженно аплодировал хрущевской ругани, и чувство было такое, что пророни кто словечко против — они пустятся в рукопашную, до смерти забьют кулачищами, разорвут. Зал жаждал расправиться с теми, кто поверил XX и XXII съезду. Хрущев наорал, безо всякой причины, на Вознесенского, а одному молодому человеку крикнул: “Эй, вы, там, у двери, почему вы не аплодируете?”»

— На второй встрече, то есть в МК, было не легче, — сказал Паустовский. — Там никто не орал, не топал, начальство вело себя почти вежливо, зато выступавшие писатели — так называемые писатели — холуйствовали наперебой. Ирина Левченко и Евгения Федоровна Книпович дивили подлостью. Левченко — темная, грубая баба, а Евгения Федоровна, как никак, литератор, и я дивлюсь. Интеллигентная, образованная.³⁴

— Я не дивлюсь нисколько, — сказала Анна Андреевна. — Дама эта из самых последовательно-страшных. Но самое страшное не то. Мне говорили — я газет не читаю — что на встрече в МК (так это, кажется, называется?) разрешили уже бранить и Солженицына. Я — старыца-пророчица. Я предсказывала Александру Исаевичу: скоро вас начнут бранить. Он не Эренбург. Он выдержит. Но то, что его разрешено, то есть предписано «подвергнуть критике» — признак грозный. Не для него одного. Симптом поворота к сталинщине.

— Против «Матрёниного двора» выступил Тельпугов, — пояснил Паустовский.

— Фамилия безразлична, — ответила Анна Андреевна. — Это псевдоним — не литератора, а определенного заведения.³⁵

Разговор снова вернулся к Эренбургу. Анна Андреевна сказала:

— Илья Григорьевич совершил большую ошибку: отвечая Ермилову. Не следовало Ермилову отвечать. Ермилов в этом случае не литературный критик, личность, такая или другая, он тоже псевдоним — высшей власти. За ним армия, флот, Военно-Воздушные Силы Республики. Следует ли отвечать танковой колонне?

— А я думаю, следует, — сказала Эмма, разливая по чашкам чай. — Раз ответ Эренбурга все-таки напечатан, значит — следует. Танки не прочли, люди прочли.

Я поддержала Эмму.

— Провокация, — сказала Анна Андреевна. — Это дало Ермилову возможность еще раз переехать Эренбурга всеми колесами.

Беда в том, — подумала я, — что ответ Эренбурга мне не очень нравится.³⁶

Мы молча пили чай.

Анна Андреевна рассказала Константину Георгиевичу о Гумилеве, то есть о воспоминаниях Маковского и предисловии Струве. Хотела даже какой-то отрывок из предисловия прочесть. Попросила Эмму Григорьевну принести из ее комнаты книгу. Эммочка не нашла. Анна Андреевна отправилась на поиски сама и тоже не нашла. Очень огорчилась, попробовала процитировать по памяти, но не удалось.

Видя, что она потемнела, Константин Георгиевич пустил в ход свои устные новеллы. Рассказывает он виртуозно (гораздо выразительнее передает устную речь, чем на страницах своих книг).

Южный базар. Торговец помидорами, здоровенный детина. Заломил непомерно высокую цену. Скромный старичок-покупатель предлагает свою — чуть пониже. Детина — ни за что. За такие помидоры предлагают такие ничтожные гроши. «Меня душит смех!», — орет он на весь базар.

Затем новелла об одесской старушке. Остановила прохожего на улице: «Я очень извиняюсь, конечно, что вмешиваюсь в вашу интимную жизнь, но вы случайно не Файнштейн?»

Посмеялись. Помолчали. Потом Константин Георгиевич стал просить Анну Андреевну читать стихи.

— Меня душит смех, и я очень извиняюсь, конечно, но я, кажется, согласна, — сказала Анна Андреевна.

Она прочла нежную «Предвесеннюю элегию» и воинственную, громогласную, трагическую «Какая есть. Желаю вам другую. — / Получше...». Один из образцов державинско-тютчевской линии в ее поэзии. Интонация ораторски-обличительная с примесью горечи. Оба стихотворения — и нежное, и угрожающее — прочла она тихим, глубоким голосом. (Слушая «Какая есть...», я подумала, что, быть может, я одна на всем свете понимаю, почему стихотворение написано именно тогда и чем вызваны строчки «О, что мне делать с этими людьми...» и «Придется мне напиться пустотой...»*.)

Константин Георгиевич поблагодарил и поднялся. Перед уходом упомянул совершенно мельком: в Париже, в газете «Русские Новости», он видел объявление магазина русских книг — там продаются «стихи Анны Ахматовой». На машинке.

Лучше бы он этого не говорил: Анна Андреевна сильно встревожилась. Какие стихи, что за стихи? Он не видел, какие. И почему на машинке?

Он ушел, вскоре ушла и Эмма, а меня Анна Андреевна оставила.

На столе два зеленые изящные томика — подарок Паустовского. Я раскрыла первый.³⁷ Надпись: «Анне Андреевне Ахматовой, лучшей поэтессе мира, наследнице Пушкина».

— Этой пластинки я не люблю, — сказала Анна Андреевна. — А от вас жду отчета о «Софье».

И взглянула на меня пристально.

Мне рассказывать не хотелось. Я знала, что не доставлю ей радости. Но рассказала. И про «парочку месяцев», и про рисунки, которые я уже держала в руках, и про Козлова.³⁸

— Итак, — сказала Анна Андреевна, — ни «Реквиему», ни «Софье Петровне» не увидеть света. «Не следует та-

* См. «Записки», т. 2, с. 158—159; № 57.

щить мертвецов на страницы советских книг» по меткому выражению товарища Соколова.³⁹ И «это все правда, но она не укрепляет советский строй».

Очень страшно прибавила:

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать*.

Это уже не об убитых, а о памяти нашей. Убийство памяти.

— Как вы думаете, — спросила Анна Андреевна, — там, в Париже, в книжном магазине, мои стихи — это «Реквием» или что-нибудь другое?

Я решительно ничего не могу по этому поводу думать, потому что не знаю, что за газета и что за магазин, и почему в книжном магазине продается машинопись, а не книжка? Но полагаю: если бы «Реквием» — название было бы указано и Паустовскому оно бросилось бы в глаза.

— Если «Реквием» — мне предстоит еще одно Постановление ЦК. Третье, — сказала Анна Андреевна. — Новые времена не состоялись.

И вдруг безо всякого перехода:

— Сегодня утром я читала Нине, Боре и Алеше Баталову свой сценарий. Алеша говорил необыкновенно интересно.

— Сценарий? Как это вы вдруг взялись?

— Я и не собиралась, я собиралась переводить. Он сам пришел и напросился.⁴⁰

А мне, по правде сказать, кроме ее сценария, захотелось прочесть воспоминания Маковского: я ведь совсем не знаю, как пишут *там*. Однако Анна Андреевна получила от друзей книгу всего лишь на день, и теперь ее уже нет.

— Писать надо не о том, ревновала я или не ревновала, — объяснила она, — а о том, что Гумилев был уже сложившийся поэт, а мы двое, молодые, я и Осип, ничего у него не взяли. Вот *это* интересно. А не сплетни.

---

* БВ, Anno Domini.

И снова, уже в передней:

— Итак, правда не укрепляет советский строй. Для кого это хуже — для правды или для строя?

28 мая 63

Сегодня у нас на даче снова побывала Анна Андреевна. Привезла ее в своей машине Наталия Иосифовна. С ними Наташина собака Лада.

Сразу, чуть только я отворила перед Анной Андреевной дверцу машины и она, тяжело опираясь на мою руку, прошла через лужайку и тяжело опустилась в соломенное кресло, — сразу, по этой тяжести и по выражению глаз, я поняла, что она сегодня больна и сердита.

Деда не было дома. Да она не к нему и приехала сегодня, а к Коле Иванову: посоветоваться с ним о Маковском. Как опровергать. Корней Иванович не дал в прошлый ее приезд никакого совета. За мною же заехала она не знаю для чего. Может быть, только для того, чтобы сказать:

— Вы неправы. Я уверена: в Париже вышел именно «Реквием». Снова начнут прорабатывать меня и этим погубят Леву. Следите за центральной прессой. После марта возможно все.

Спорить с ней бесполезно: в ответ она сердится. Да и о чем, собственно, спорить? Новые времена не состоялись, я это понимаю. Если «Реквием» вышел *там*, а здесь запрещен — ей грозит беда. Но Паустовский во все не утверждал, что в Париже издан именно «Реквием».

Пока мы разговаривали, Наташа бродила с Ладусшкой по лесу. Когда она вернулась, Анна Андреевна сразу пошла к машине. Наташа за руль, Анна Андреевна, с моей помощью, рядом, а милая Лада на заднем сиденье.

— Ну, проводите нас, — сказала Анна Андреевна. — Ну что вам стоит? Полминуты?

Я села. В самом деле полминуты.

Наталия Иосифовна оставила машину на улице у ворот, а мы вошли во двор — или, точнее, в сад.

Таких пышных кустов сирени, какие разрослись вокруг дачи Ивановых, я нигде не видала. Неподвижное, лиловое и белое, кипение вокруг веранды.

Хозяева настаивали, чтобы мы с Наталией Иосифовной тоже вошли. Мы вошли, но скоро сбежали. Потому что я знала, что говорить с Комой о Маковском Анне Андреевне без меня будет ловчее: со мной и при мне она уже несколько раз обсуждала этот предмет. Мы ушли, пообещав часа через полтора вернуться.

Вернулись. Узнав, что у Ивановых — Анна Андреевна, с нами вместе зашел и Корней Иванович, прихватив свою сегодняшнюю свиту. Мы поднялись на крыльцо большой компанией: кроме меня и Наташи — Дед, Марианна Петровна,⁴¹ Ваничка*. Уселись на веранде за длинным прямоугольным столом. Возле Анны Андреевны Кома и Таня. Хозяева — Тамара Владимировна и Всеволод Вячеславович — недавно вернулись с юга, оба загорелые, посвежевшие. Тамаре Владимировне очень идет загар, особенно в сочетании с сединой, чуть подсиненной. Если же взглядеться во Всеволода Вячеславовича, — видна, сквозь загар, бледность. Разговор опять зашел о писательских сборищах: Ермилов, Эренбург, Кочетов. Тамара Владимировна высказывалась со свойственной ей отчетливостью и энергией. Ваня рассказал, что на дощечке, прибитой у ворот дачи Ермилова — «здесь злая собака» — кто-то приписал «и беспринципная». Анна Андреевна молчала. Молча через стол протянула она Корнею Ивановичу большую фотографию.

— Первый день первой мировой войны, — объяснила она, — проводы Бенедикта Лившица. (По-моему, Ивановым она эту фотографию уже показывала, теперь смотрели ее мы. На снимке: Мандельштам, Корней Иванович, Бенедикт Лившиц и Юрий Павлович Анненков.)

Корней Иванович шумно восхищался: «Боже, какие молодые! Неужели это мы? А я-то каков? Кажется, вот сейчас ни с того ни с сего пущусь вприсядку... И почему это у всех лица интеллигентные, а я дурак дураком?»

* Иван Игнатьевич Халтурин. — см. «Записки», т. 2, «За сценой»: 101.

Все смеялись. Корней Иванович показал снимок мне, Наташе, Марианне Петровне, Ване, потом вернул Анне Андреевне.⁴²

Она сидела молча. Наконец, решительно поднялась. Все встали. Она простилась с каждым в отдельности, каждому улыбнувшись и протянув свою легкую руку. Мне же сказала с укором: «Да подставьте же скорее свою!» — и тяжело на меня оперлась. Я повела ее через двор к машине.

Провожал нас Всеволод Вячеславович. Я спросила, как он чувствует себя после южного отдыха.

— Хорошо, — ответил он. — Очень хорошо. Только болят почему-то ноги.

Шел он, однако, бодро, чего нельзя сказать об Анне Андреевне. С тяжелой одышкой дошла она до машины, трудно села в нее. (Большое для нее усилие — шаг на ступеньку вверх, а потом, согнувшись, внутрь, и потом выпрямиться.)

Села в машину по Наташиному приглашению и Марианна Петровна — она торопилась в город.

Дал ли Кома какой-нибудь совет Анне Андреевне насчет Маковского?⁴³

Но разве это так уж существенно? Маковский и пр.? Гораздо более заботит меня судьба «Реквиема» и ее здоровье. Одно от другого, к сожалению, в большой степени зависит.

31 мая 63

Вечером, напуганная ее давешним нездоровьем, отправилась я к ней. Думала, застану в постели. Ничуть не бывало: нарядная, в сером шуршащем платье, красивая, моложавая, — движется свободно и величественно.

Я принесла ей ту газету, то объявление, о котором ей рассказал Паустовский. Объявлено о продаже пятидесяти ее гектографированных стихотворений.

Насчет «Реквиема» принесенная мною газета заставила ее поверить мне и успокоиться.

— А-а, понимаю! — сказала она. — Они просто перепечатали «хвост» — те мои стихи, печатавшиеся в здеш-

них газетах и журналах, которые не попали в последнюю книжку*.

Потом радостно:

— Я сегодня получила подарок. Приятельница, проезжавшая через Москву, подарила мне одно мое стихотворение. Я совсем забыла, что когда-то написала его. Четыре строки. Написала на Пасху, в 47-м году. Борису Леонидовичу.

И прочла:

Я всем прощение дарую...
И в Воскресение Христа
Меня предавших в лоб целую,
А не предавшего — в уста**.

Затем она рассказала о Трифионовой. Оказывается, только ее одну решила она не прощать — из числа тех, кто предал ее в 46-м году. Тамара Трифионова процитировала стихи о мирной прогулке по городу, как изображающие будто бы военное время, блокаду. Хотя и дата указана: «В марте 1941». Помню, помню их — благополучнейшее стихотворение о Ленинграде, самое пожалуй благополучное из когда-либо посвященных Петербургу-Ленинграду. Мирный пейзаж и тишина на душе:

Sadran solaire*** на Меншиковом доме.
Подняв волну, проходит пароход.
О, есть ли что на свете мне знакомей,
Чем шпилей блеск и отблеск этих вод!
Как щелочка чернеет переулок.
Садятся воробьи на провода.
У наизусть затверженных прогулок
Соленый привкус — тоже не беда****.

* Анна Ахматова. Пятьдесят стихотворений. Составил Никита Струве. Ротаторное издание. Париж, YMCA, 1963.

** Впоследствии, уже после выхода в свет «Бега времени», куда это четверостишие из-за цензуры, разумеется, войти не могло, — А.А. указала мне другую дату: 1948. Не знаю, которая верна. См. «Двухтомник, 1990», т. 1, с.356.

*** Солнечные часы (франц.).

**** БВ, Тростник.

Вот эти стихи Трифонова приводила как доказательство равнодушия Ахматовой к судьбам своих сограждан во время блокады. Довоенные!*

— Я собиралась не подать ей руки. Но здесь, в Москве, на втором съезде писателей, поднималась я с Евгением Львовичем Шварцем по лестнице и вижу: она стоит наверху, на площадке и радостно поджидает меня. Бежит вниз по лестнице ко мне навстречу, протягивает руку... И я подала ей свою.

9 июня 63

Пришла к Анне Андреевне — она уныло и неудобно лежит на своей узкой тахте, более похожей на койку. Вынула из сумочки стихи, предупредила: «Это не мои» и прочла. По-видимому, была довольна, когда я сказала, что стихи мне нравятся. «Это Толины. Толи Наймана».

Стихи эти интересны своею странностью. На ахматовские не похожи совсем.

В столовой Нина Антоновна, Любовь Давыдовна и Наташа Ильина собирались по какому-то случаю — или безо всякого! — выпить. Я заглянула туда, подразнила их немножко и вернулась к Анне Андреевне.

— У меня был Кома Иванов, — рассказала она. — Вы ведь знаете: Всеволод Вячеславович в больнице. Я спросила: «Как отец?» Кома ответил «Плохо». Я сразу поняла и не стала спрашивать...⁴⁴ Мы заговорили с ним о Пастернаке. Кома дивно рассказал о «Лейтенанте Шмидте». Что, когда Борис Леонидович писал о Шмидте, он хотел написать его Христом. Тогда-то он и задумал свой евангельский цикл. Недаром Шмидт цитирует Евангелие. Помните? «...Я жил и отдал / Душу свою за други своя». Но потом Борис совсем отошел от этого замысла, даже позабыл о нем. Сам признался: «И долго-долго о тебе / Ни слуху не было, ни духу». Подумайте: ни слуху, ни духу о Христе!⁴⁵

---

* См. предисловие к «Запискам», т. 2 («Немного истории», с. 14—15).

Не знаю, по какой ассоциации, она сказала вдруг:

— Я часто думаю, что поэзия — это верное слово на верном месте. Слова должны стоять на верных местах.

— То есть смысловое ударение совпадать с ритмическим? — спросила я.

— Это само собой. Это азбука. Нет, я о другом*.

Тут в комнату вошла Нина Антоновна и потребовала нас обеих к столу. За столом вместе с дамами сидел молчаливый Толя Найман. Все — кроме меня! — пили очень бойко, даже Анна Андреевна, как и у нас на даче, выпила полрюмки. (Я, к сожалению, не могу совсем.) Голоса́ звонче, громче. Анна Андреевна рассказала, что Луконин, выпросивший у нее для журнала кусок «Поэмы» со вступлением Корнея Ивановича, теперь требует, чтобы она написала что-нибудь о Маяковском.⁴⁶

Она не хочет.

— В последний раз я видела Маяковского так. Это было в 24-м году. Мы с Николаем Николаевичем шли по Фонтанке. Я подумала: сейчас мы встретим Маяковского. И только что мы приблизились к Невскому, из-за угла — Маяковский! Поздоровался. «А я только что подумал: “Сейчас встречу Ахматову”». Я не сказала, что подумала то же. Мы постояли минуту. Маяковский язвил: «Я говорю Асееву — какой же ты футурист, если Ахматовой стихи сочиняешь?»⁴⁸

* Среди «Листков из дневника» есть у Ахматовой такая запись (1959): «“Знакомить слова”, “сталкивать слова” — ныне это стало обычным. То, что было дерзанием, через 30 лет звучит как банальность. Есть другой путь — точность, и еще важнее, *чтобы каждое слово в строке стояло на своем месте*, как будто оно там уже тысячу лет стоит, но читатель слышит его вообще первый раз в жизни. Это очень трудный путь, но, когда это удастся, люди говорят: “Это про меня, это как будто мною написано”. Сама я тоже (очень редко) испытываю это чувство при чтении или слушании чужих стихов. Это что-то вроде зависти, но поблагороднее» («Двухтомник, 1990», т. 2, с. 284-285). См. также «За сценой»: ⁴⁷.

— Эта встреча для Луконина не годится, — сказала Нина Антоновна. — Но ведь у вас были с Маяковским и другие встречи. Раньше.

— Были, — ответила Анна Андреевна, но рассказывать не стала.

Я попросила разрешения уйти в другую комнату и посидеть одной. Не знаю, от духоты ли, или от чего другого, но с каждой минутой все громче, чаще и сбивчивее стучало сердце. Я ушла в комнату Анны Андреевны, села у окна и распахнула его. Тишина и прохлада быстро привели меня в порядок. Вошла Нина, а с нею и Толя: они поставили передо мной табуретку, на табуретку — чемодан Анны Андреевны, а потом Нина вернулась к гостям, а Толя принес чашку чая и бутерброд. Я сказала Толе про стихи, сказала, что стихи его мне понравились, и стала расспрашивать, где он учился, что окончил. Оказалось, он наш, ленинградец! молодой инженер, окончил Технологический институт. В разговоре прямизна черт, неподвижность и сумрачность совершенно пропали. Напротив, лицо стало переменчивое и выразительное. С большим остроумием и, более того, даже с актерским блеском — рассказал он об обычаях и нравах в своем Институте.⁴⁹

Вошла Анна Андреевна с чашкой чая в руках и тоже села за наш стол-чемодан. Повелительно распорядилась, чтобы Толя переписал свои стихи — мне в подарок, исправив там вторую строку так, как она с ним условилась. Толя, примостившись на тахте и положив листок на книгу, писал.

Пока он писал, мы молча пили чай. Он кончил и, вручив листок мне, ушел в столовую допивать коньяк.

Я спросила у Анны Андреевны, что за стихи Асеева — ей? Хорошие? У Асеева так мало хороших стихов.

— Мне — хорошие, — ответила Анна Андреевна. — Я — виновница лучших стихов Асеева и худшей строки Блока: «Красный розан в волосах». Сказал бы: «с красной розой» — уже красивее, правда? А то этот ужасающий, безвкусный розан.

— Я думаю, его смутило бы «с кр р», — сказала я.

— Ничуть. Всё лучше, чем этот ужасающий розан.

Я спросила, где теперь та черная тетрадь со стихами, посвященными ей, которую она когда-то показывала мне в Ленинграде.

— Она сохранилась?

— Нет, — каким-то отвлеченным голосом ответила Анна Андреевна. — Все пропало.

Ее позвали к телефону. Она вернулась встревоженная. Звонит жена Павла Николаевича Лукницкого. У него очередной стенокардический приступ. А между тем именно ему дала Анна Андреевна кусок «Поэмы» для Луконина. Раз. А кроме того, просила принести ей некоторые годы из «Трудов и дней» Гумилева — они хранятся у Павла Николаевича, вместе с которым она и составляет их — принести некоторые даты для подготовки опровержения заграничных лжей.

— И вот теперь он как раз заболел! Со мной всегда так.

Потом прочла одно свое стихотворение, написанное, по ее словам, «во время тополиной метели». Но я, из-за своей дурной головы, не запомнила ни строки*.

22 августа 63**

Вот, не виделась я с Анной Андреевной век, а записать надо очень многое. Хватились не сразу и теперь восстанавливаю, как удастся... Сбивает меня и то, что мы живем в новую эпоху, послемартовскую. То есть в старую. То есть в ново-старую. То есть пожинаем плоды мартовского погрома.

Фрилочка сейчас в Доме Творчества, в Комарове. Чуть не каждый день бывает у Анны Андреевны в «Будке».

* Согласно предположению А.Г.Наймана, речь идет о стихах «Какое нам, в сущности, дело...» (БВ, Седьмая книга), написанных 6 июня 1963 года (в БВП ошибка: июля).

** Большой разрыв между датами объясняется тем, что в промежутке А.А. уехала из Москвы в Ленинград, а оттуда в Комарово, в свою «Будку».

Прислала мне отрывок из рецензии Книпович на тот сборник, который Анна Андреевна составила с помощью Ники Глен. Отличный: там и «Поэма без героя», и «Реквием», и многие стихи тридцатых и сороковых годов, никогда не печатавшиеся. Называется «Бег времени». Он был принят ленинградским отделением издательства, но внезапно затребован Лесючевским в Москву и отдан на рецензию — то есть на расправу! — Книпович... Отрывок, присланный мне Фридой, так меня взъерошил, возмутил, точнее — оскорбил, что я послала Фриде телеграмму: «Пришлите рецензию целиком, хочу драться». Желание глупейшее, сама сознаю, потому что *с кем же, кому и как* — драться? Если бы еще рецензия напечатанная, тогда имелся бы шанс где-нибудь напечатать ответ (и то вряд ли) — не мой, конечно, я против Книпович ничто, а, например, Корнея Ивановича или Паустовского. Но рецензия «внутренняя», то есть подпольная, некий удар ножом исподтишка в спину («в спину... самый разбойничий удар», так, кажется, у Лермонтова). Фридошка, в ответ на мою телеграмму, прислала мне рецензию Евгении Федоровны уже не в отрывке, а всю целиком, и тогда я вполне оценила разбойное искусство автора. Никакой ждановщины — таковая хоть и молча, но осуждена начальством после XXII съезда, и уж конечно, никакой критической дубинки! что вы! партия уж давно осудила дубинку. Всё тютельница в тютельница: *та́к и то́*, что требуется теперь, сию секунду, после мартовских встреч. Молодец, Евгения Федоровна! Угадчива...

Сначала мед и млеко. Целая страница похвал: Ахматова вызывает в рецензентке горячее восхищение; Ахматова, кто бы мог подумать? большой русский поэт; Ахматова владеет высоким мастерством; Ахматова создает образцы поэзии подлинной, значительной.

Лень мне делать точные выписки, да и зачем? я сохраню этот исторический документ! и — и — напоследок самая большая похвала в устах Книпович: некоторые стихи Анны Ахматовой перекликаются с высшими дос-

тижениями советской поэзии, даже с одним из лучших стихотворений самого Н.Тихонова...

А потом остороженько, невинненько тетя Книпшиц подкрадывается к своей цели. Она скромно просит у поэта прощения за свою дерзость и осмеливается посоветовать (не потребовать, упаси Бог, а всего лишь посоветовать!), чтобы Ахматова «пересоставила» сборник. И тут Евгения Федоровна берет, наконец, быка за рога. В книге, видите ли, к сожалению, слишком много смертей! надгробных памятников, надписей на могильных камнях... Раскулачивание, пытки и расстрелы в подвалах, ленинградская блокада, Бабий Яр и сотни неведомо где засыпанных Бабьих Яров — это ей нипочем, а память о них — да сгинет! Сверху подан сигнал к забвению, и Книпович покорна очередному сигналу.

Этот протест против надгробий — это Евгения Федоровна протестует против «Реквиема» и против «Венка мертвым». (Каким мертвым? Не было никаких мертвых! Поговорили на двух Съездах и хватит. Если вовремя стереть надгробные надписи, то и память сотрется.) В книге много смертей и совсем ни одного воскресения...

Такова расправа с «Реквиемом», с «Венком мертвым» и многими другими стихами.

Затем Книпович принимается за «Поэму без героя». Тут уж она более откровенна и, хотя и не знает некоторых потаенных строф, «Поэма» настораживает ее. Обосновывать свою неприязнь и подозрительность она себе труда не дает — тут уж строчит, что попало... Во-первых, сообщает она, «Поэма» написана совсем не так, как Ахматова писала ранее (а почему, собственно, поэт обязан всегда писать *так*, как писал ранее? разве он неподвижен?) и, кроме того, о тринадцатом годе друзья Евгении Федоровны (среди которых она, естественно, не забывает упомянуть Александра Блока), *рассказывали ей* совсем не так. Очень убедительный довод, когда говоришь о произведении, где нет героя, но зато есть героиня: история... «Мне рассказывали не так» — убрать «Поэму без героя»!

Да, я забыла еще одну вылазку. Не приводя цитаты из «Реквиема» — «И если зажмут мой измученный рот, / Которым кричит стомиллионный народ» — не приводя этой крамольной цитаты, Книпович, однако, утверждает, что, когда поэт берет на себя смелость говорить от имени народа, ему (то есть поэту Анне Ахматовой) это, будто бы, оказывается не под силу. Еще бы! Книпович всегда наизусть помнит список лиц, которые назначены говорить от имени народа на сегодняшний день и кому это под силу. (Тихонову, например.) Анны Ахматовой среди них, разумеется, нет... Да кто это и когда у нас кому-нибудь зажимал рот? При советской власти никто и никому. И кричать — отчего же? Ахматова вообразила, будто она, она, имеет право говорить от имени народа да еще в крик кричать!

(Чем же отличается квалифицированная, высокообразованная Книпович в своей душегубительной деятельности от всех этих темных и малограмотных Лаврентьевых, Карповых, Тельпуговых? Образованностью? Германистка: Гете, Шиллера и Гейне читала в подлиннике? Блок был влюблен в нее? Да ничем она и не отличается, у них цели и заботы одни. Нет, она гораздо хуже их. Именно тем и постыднее, что образованнее. Они-то ведь Шиллера и Гете не читали — ни в переводе, ни в подлиннике.)

Тошно мне, страшно мне.

Терзаясь рецензией Книпович, обдумывала я, что мне теперь делать, где искать на нее управу? И следует ли мне — искать или всё уладится само собой? Фрида пишет: «погодите драться». Она пишет, когда кончился в Ленинграде международный симпозиум, Сурков привез к Анне Андреевне в Комарово Вигорелли* — и Анна Андреевна, в присутствии иноземного гостя, прочла Суркову вслух рецензию Книпович. Неизвестно, что понял гость, но Сурков пришел в негодование, всячески поносил Книпович и обещал книгу защитить.

Быть может, этого и достаточно? Я плохо разбираюсь в иерархии Союза Писателей, хотя в Союзе и состою.

* О Джанкарло Вигорелли — см. ⁸⁶.

Кто сильнее: первый секретарь правления Федин, или председатель Иностранной Комиссии Сурков? Думаю, все-таки Федин. Сурков — Сурковым, если он будет действовать в защиту Анны Андреевны, то и хорошо, но если вступится Федин — будет еще лучше. Да и попросту говоря, с Константином Александровичем Фединым я знакома с отрочества, а теперь он наш сосед по даче, да ведь и никого другого из начальствующих лиц, кроме Федина, я в Союзе не знаю, а издательство подчинено Союзу, а Союз — Федину; решила я идти к Константину Александровичу.

Итак, побывала я у Федина. Пока шла, припомнился мне мудрый совет Маршака: «если идете кого-нибудь за кого-нибудь просить — старайтесь о том, к кому идете, думать хорошее, а не дурное — иначе он непременно почувствует ваши недобрые мысли и откажет вам». Для думанья хорошего о Федине было у меня всего полторы минуты — к нему от нас полторы минуты ходу — но я легко припомнила — клочками, отрывками — всё хорошее: как в юности моей мы увлекались книгою «Города и годы», как я до сих пор ценю его книгу «Горький среди нас» и сильную страницу о Житкове; вспомнила, какой он, в ленинградские, серапионовские времена (а впрочем, и в переделкинские, совсем недавно) был сероглазый, широкоплечий, красивый, с красивым голосом и всегда приветливый; вспомнила, как он пришел на похороны моей матери и провел несколько часов возле Корнея Ивановича; как добра была ко мне ныне покойная жена его, Дора Сергеевна, когда мы обе оказались в эвакуации, в Чистополе; как и теперь привязаны к Корнею Ивановичу внуки Федина — Костя и Варенька.

...Бледно-серое лицо с синими губами и красными веками. Сгорбленность, сутулость, чуть-чуть дрожат руки. Мы на веранде. Не верится, что человек этот живет в цветущем, благоуханном саду, в таком нарядном доме — лакированные перила, цветочные горшки, а посреди

стола красавица — коробка шоколада. Удивительно, что в этом нарядном уюте горько живет хозяину: глаза мученические. Словно он сидит здесь, в тишине и уюте, после долгих мучений, и ждет: кто еще придет его мучить?

— Вам нездоровится? — спросила я. — Может быть, я не вовремя? Я могу в другой раз, когда вы назначите. Ведь от меня до вас рукой подать.

— Нет. Садитесь, пожалуйста, Лида. Кушайте шоколад. Рад вас видеть. Сегодня я первый день в отпуске.

Я спросила, интересный ли был симпозиум? .

— Совершенно дурацкое положение. Наши посылают невежественных людей, а потом их надо зачем-то спасать. Пытаешься спасти. А они не способны плавать и пускают пузыри.⁵⁰

Доверительный тон и удивил, и ободрил меня. Я изложила дело. Рецензия с собою. Константин Александрович прочел и молча возвратил ее мне. Я сказала, что рецензия Книпович в ее критической части представляется мне совершенно необоснованной. Стараясь отбирать одни лишь парламентские выражения, сказала, что выбрасывать из книги «Реквием» или «Венок мертвым» — постыдно, стыдно перед мертвыми и живыми; что нападки на «Поэму» — беспомощны: нельзя же отвергать художественное произведение, посвященное определенной эпохе, по той причине, что друзья рецензентки рассказывали ей, видите ли, о том же времени *иначе*. Что, кстати, многие стихотворения Блока свидетельствуют: ахматовское восприятие эпохи близко блоковскому... Я сказала, что существует подробная и обоснованная статья Корнея Ивановича о «Поэме» и о тех же временах — а он, в отличие от рецензентки, сам пережил, помнит и знает десятые годы... Почему же издательство опирается на мнение друзей и знакомых Книпович, а не на статью современника и участника изображенных в «Поэме» событий?.. О «Поэме без героя» Книпович написала с большой самоуверенностью, но небрежно, неряшливо, поверхностно. «О первой по-

павшейся рукописи из самотека — и то нельзя отзывать с такой бездоказательностью», — закончила я.

— Ну, им никакие доказательства не требуются, — ответил Константин Александрович. — Они понимают друг друга без слов. Тут дело не в степени убедительности, а в силе имен: Лесючевский заказал, Книпович заказ выполнила. Мнение Корнея Ивановича для них звук пустой. Хоть он специалист по Ахматовой и вообще по русской поэзии, но Лесючевскому нужна подпись Книпович, ни чья иная.

Монолог Федина довел меня до онемения. Вот как, оказывается, ясно понимает он, кто такие Лесючевский и Книпович! Будто я с Фридой о них разговариваю, а не с первым секретарем Союза Писателей. А я-то воображала: Федин давно уж сделался их стана человек.

Он поднялся. Я тоже.

— Оставить вам рецензию? — спросила я, несколько опомнясь.

— Нет. Спасибо, что пришли и рассказали. — И тут я снова удивилась — но уже по другому поводу. — Я попробую поговорить с Сурковым. («Всего лишь с Сурковым! — подумала я. — Да ведь с Сурковым и сама Анна Андреевна уже говорила». Я хотела было сразу сообщить об этом Константину Александровичу, но воздержалась, — быть может, его разговор с Сурковым весит более, чем жалоба Анны Андреевны?) — На Суркова, — продолжал Федин, — сильно давят сверху, но он любит и почитает Ахматову и, вероятно, попробует защитить книгу. Тем более, что к осени ожидается потепление в литературных делах.

Он уже провожал меня по дорожке к воротам. «А вы? А вы попробуете предпринять что-нибудь решительное? Или всего только поговорите с Сурковым?», — хотела я спросить, но спросила по-другому:

— Когда же мне зайти к вам, Константин Александрович, чтобы узнать... удались ли ваши хлопоты?

— Вы не заходите, — ответил он. — Если что удастся, я сам пришлою к Корнею Ивановичу Ниночку. — Он от-

ворил передо мной калитку. — Да, Лида, я давно хотел сказать или написать вам: я прочел вашу книгу и она мне очень понравилась. Все времени не было.⁵¹

Мы простились. Домой я возвращалась с неменьшей смутой в душе, чем вышла из дому. Хочет он сделать что-нибудь? Или не хочет? Или хочет, но не может? Кто кому подчинен — он Лесючевскому или Лесючевский ему? Серое лицо, синие губы, красные веки — откуда в нем такая измученность? Мне на минуту сделалось стыдно: частенько говорила я об этом сгорбившемся человеку с насмешкой, со злостью. Я вспомнила, как один раз (уже после выступления Федина против «Литературной Москвы» и после Пастернака) мы с Ваней Халтуриным проходили мимо фединской дачи и Ваня сказал: «Тут на воротах следовало бы написать: “Дача Пилата”» — и я рассмеялась. А судьба Федина и ему подобных — это тоже совсем, видно, несмешная судьба.

Переживая машины на шоссе, вспомнила я слова лейтенанта Шмидта, обращенные к судьям:

Что ж, мученики догмата,
Вы тоже — жертвы века.

От пастернаковской цитаты стало мне на душе полегче.⁵²

Не умею я, видно, драться.

Из Комарова воротилась Сарра Эммануиловна*. Она, оказывается, тоже, вместе с Фридой, часто бывала в «Будке». Анна Андреевна о рецензии Книпович отзывается так: «Евгения Федоровна ставит мне в упрек, что в моей книге много смертей и ни одного воскресения. В истории человечества известно до сих пор только одно единственное: воскресение Христа. Другого не знаю. Воскрешения, правда, совершаются. Пора бы Евгении Федоровне подумать, в каком качестве воскреснет *она*».

* Бабенышева. О ней см. «Записки», т. 2, «За сценой»: 109.

15 октября 63. Комарово. «Дом Творчества»

Сегодня, в день приезда, я хотела немного передохнуть, разобраться в черновиках, выписках, блокнотах, тетрадях, и вообще оглядеться внутри и снаружи. Непрерывный рокот волн, такой мне знакомый, детский. Быть может, думалось мне, и родное море увижу сегодня же? Здесь берега не плоские, как в Куоккале, а спускаться на берег надо с высокого обрыва. Но нет, сегодня еще только сосны и рокот, а с морем лицом к лицу я еще не встретилась. Другая случилась встреча. Из столовой, во время обеда, меня внезапно вызвали в тамошний вестибюль, к телефону, и незнакомый мужской голос произнес:

— Анна Андреевна просила вам передать, что ждет вас сегодня к себе непременно.

Если после обеда я не полежу хотя бы минут сорок — сердце соскочит с гвоздика, расстучится, и тогда уж никуда не пойдешь. Значит, сразу идти не могу. А темнеет рано. Значит, одна переходить вечером через рельсы не решусь — а Будка где-то там, по ту сторону линии. Там, дальше, дорога, объясняют, идет лесом — Озерная улица, дорога на Щучье озеро, потом где-то надо свернуть налево-и тогда сразу Будка. Леса я не боюсь, а вот спутанных станционных огней, в темноте врезающихся мне в глаза, и, главное, толчеи на станции, толпы, — вот этого я боюсь отчаянно.

Из хороших моих друзей, да еще бывающих нередко у Анны Андреевны, здесь один только Володя Корнилов. За обедом мы условились отправиться в Будку сразу после ужина, а к ужину придти ровно в семь, спешно его проглотить — и — в дорогу.

Так и сделали. Вышли в полную тьму. Я уже изучила новый нрав своего зрения: ко всякой тьме я постепенно привыкаю и что-то начинаю различать, а вот огни во тьме — они источают не свет, а боль, и не видишь уж совсем ничего. Конечно, без Володи мне бы через пути благополучно не перебраться. Зеленые, желтые, красные, вой электричек, приближающихся к станции с обеих сторон сразу, и беспорядочно мечущаяся толпа. Из все-

го этого хаоса Володя вывел меня твердой рукой. Но есть у моего доброго поводыря серьезный недостаток: молодость, сила. Очень уж он скор. Быстр. Неудержим. Сам не сетется, как электровоз, и ничем его не затормозишь.

Озерная — это, по-видимому, попросту обыкновенная лесная просека. Сейчас там асфальт и зеленоватые, редкие, не колючие огни фонарей. Грохот станции остался позади, дорога тихая. Володя расспрашивал меня о нашей жизни в Куоккале, и я рассказывала.⁵³ И тут, во время рассказа, вдруг выплыло из небытия давно потерянное мною, — приехав сюда я все пыталась вспомнить его, но не удавалось, — давно забытое мною слово: Келомякки. Слово из моего финляндского детства. Когда мы жили в Куоккале, то станция, которая сейчас переименована в «Комарово» — она еще называлась по-фински: «Келомякки». «Вы где дачу снимаете — в Келомякках?» — спрашивали тогда. — «Нет, в Териоках». Русификация тогда не доходила до переименования финских местностей на русский лад. Куоккала тогда так и называлась Куоккалой, а не Репиным, как теперь. Да что названия! Теперь тут ни единого финна.

Володя круто и внезапно свернул куда-то через канаву в лес. Рытвины, колдобины, а главное, еловые ветви, норвящие содрать с меня очки. Электрички, — те хоть по ровным рельсам катят, а мой добрый поводырь, не уступая им в скорости, лупит через корни и пни. Я еле спасаюсь, держась за хлястик его плаща.

— Володя, нет ли другой дороги?

— Есть. Но так, наискось, ближе... Вот и пришли.

Забор. Калитка. Невесть что. И вдруг в слабом свете я разглядела крыльцо. Две ступеньки.

Володя постучал. Никакого ответа. Он постучал сильнее.

Дверь открыла какая-то женщина — полутьма, не вижу кто, голос незнакомый — потом еще одна дверь — из тьмы в свет! — еще одна слева — и на пороге большая, ярко освещенная, радостная Анна Андреевна, протягивающая мне руку с громким возгласом:

— Ура!

Она поздоровалась с Володей, сказала, что не слышала стука, потому что слушала музыку, велела нам раздеться, и мы вошли.

Ее комната. Она за письменным столом, мы с Володей — напротив. Пока она расспрашивала Корнилова, как подвигается работа над новой поэмой и когда он ее почитает, я во все глаза разглядывала комнату. Ведь это не чужая комната (хотя бы и милая, а чужая) у Ардовых ли на Ордынке; у Ники; у Марии Сергеевны — это ведь *ее* комната, *ее*, ахматовская, уставленная *ее* вещами. (В последний раз я видела ахматовскую комнату только на улице Красной Конницы, в Ленинграде; до этого — чердачок на улице Карла Маркса, 7, в Ташкенте; до этого — в Фонтанном Доме, в 38-м году, — а в новой, в той, что в писательском доме на улице Ленина, еще не была*... В Москве же она живет не у себя — у друзей, и комнаты не выражают ее.

Что же здесь, в Будке?.. Жар от круглой черной железной печи. (Опять — весть из моего детства: такая черная круглая печка в Куоккале у нас тоже была, в передней, кажется, а в столовой большая, кафельная, с пестрыми изразцами).

Володя отнекивался и на расспросы Анны Андреевны отвечал не совсем внятными междометиями, я же крутила головой и глядела.

Поперек комнаты — письменный стол. Чем-то он не похож на другие письменные столы, но чем — не пойму. На столе высокие старинные подсвечники, в подсвечниках высокие свечи. Между свечами чернильница, тоже старинная, думаю — века XVIII-го. Поверх чернильницы какой-то странный предмет: камень не камень, деревяшка не деревяшка. Форма? Змея не змея, птица не птица.

За спиной у Анны Андреевны стул, на стуле чемодан — открытый, с аккуратно сложенными папками. В углу напротив (слева, если глядеть от нее) — углом висят некрашенные книжные полки. Вдоль стены направо — по-

* Так никогда там и не побывала.

стель: матрас, опертый о кирпичи и прикрытый темной накидкой. У двери — печь.

Вошел — не знаю откуда, с улицы или из соседней комнаты (если таковая существует) — высокий, рыжеватый, крупного сложения молодой человек. С Анной Андреевной он не поздоровался (наверное, они сегодня уже виделись), Володе кивнул небрежно.

— Лидия Корнеевна, — сказала Анна Андреевна, — позвольте вам представить: Иосиф Бродский... Иосиф, познакомьтесь, пожалуйста, это Лидия Корнеевна Чуковская.

Бродский поклонился, и мы пожали друг другу руки. Странное у него лицо. Странность в том, что хотя голова и все черты вылеплены крупно, отчетливо и не косит он нисколько, но в лице как будто нету центра, оно рассредоточено, как бывает у тех, у кого глаза смотрят в разные стороны... Однако длилось такое мое впечатление всего один миг. В следующий — лицо это сосредоточилось и оживилось.

— Ваш отец, Лидия Корнеевна, — сказал Бродский, слегка картавя, но очень решительно, — ваш отец написал в одной из своих статей, что Бальмонт плохо перевел Шелли. На этом основании ваш почтеннейший рёге даже обозвал Бальмонта — Шельмонтом. Остроумие, доложу я вам, довольно плоское. Переводы Бальмонта из Шелли подтверждают, что Бальмонт — поэт, а вот старательные переводы Чуковского из Уитмена — доказывают, что Чуковский лишен поэтического дара.

— Очень может быть, — сказала я.

— Не «может быть», а наверняка! — сказал Бродский.

— Не мне судить, — сказала я.

— Вот именно! — сказал Бродский. — Я повторяю: переводы рёге'а вашего явно свидетельствуют, что никакого поэтического дарования у него нет.

— Весьма вероятно, — сказала я.

— Наверняка, — ответил Бродский.

— Иосиф, — вмешалась Анна Андреевна, — вы лучше скажите мне, кончилась ли ваша ангина?

— Кончилась. Спасибо. Глотать не больно. Я здоров. Бродский простился с Анной Андреевной, кивнул нам с Володей и вышел.

Володя, ерзая на стуле, начал:

— Ну и характер... Я...

Анна Андреевна перебила его, заявив, что желает прочесть нам свои новые стихи.

— Это только отрывок, — пояснила она. — Это отрывок из пьесы. Разговор ведут голоса лунатические. Собеседование лунатиков. Кажется, это только самое-самое начало будущей пьесы. Не знаю еще*.

Она прочитала отрывок — из пьесы или из чего-то другого — не поймешь. Судя по тому, что стихи разбиты на реплики — это произведение относится к числу драматических. Действия же пока нет. Лунный луч, заговоривший ахматовским голосом. Хотя гóлоса там три, или можно даже считать четыре, но все они ахматовские. И при том новые. В общем я была до такой степени сбита с толку, что боялась ее расспросов. Лучше бы чтение никогда не кончилось, и слушателям не пришлось бы отвечать. Но Анна Андреевна окончила, и расспросы начались.

Мы оба — и я, и Володя — не блистали ясностью и внятностью. Володя, по-моему, и не пытался. А я попыталась, «но слова мои были смутны». Я сказала, что это, в своем роде, сестра «Поэмы без героя», потому что тут тоже, как и там, воплощен поток времени, но там речь идет о кануне двух исторических эпох, двух войн и одной после-войны, здесь же поток времени дан вне истории. Здесь встречаются — или не встречаются? — люди разного времени, и речь идет об их трагической «невстрече». Они разминулись, но при этом сосуществуют... Я сбилась и умолкла.

Показалось мне, что Анна Андреевна была довольна.

— Категория времени гораздо сложнее, чем категория пространства, — повторила она мысль, уже однажды слышанную от нее мной.

* Начало пьесы «Пролог» — БВ, Седьмая книга; — № 101.

Потом она показала нам стихи Бродского — трудно уловимые, но несомненные. Голос у него новый, странный и сильный. Запомнить, впрочем, мне не удалось ни строки. Потом Анна Андреевна с энтузиазмом принялась хвалить красоту одной девушки, невесты Бродского: «таких на свете нет... тоненькая... умная... и как несет свою красоту! Ведь вот моя Аня, она ведь тоже красивая, но она — как это теперь называется? — *халда*... Одеться не умеет, держаться не умеет, и все противно: и как говорит, и что говорит, и как ходит».

Анна Андреевна попросила Володю найти на полке книгу ее стихов по-итальянски. Толстая, прекрасная книга, приятно в руки взять. А переводы какие? А Бог их знает. Я побоялась тронуть эту тему. Ее портрет: фотография 59 или 60 года*. Показала нам и шведскую газету с большой статьей о ней. Тут Модильяни; тут фотография в Мраморном (1926) и еще одна — та, со странным поворотом головы, со скошенными глазами и странным ртом (1921)**... Потом Анна Андреевна объявила, что слышала о моем походе к Федину и просит рассказать подробно.

Я рассказала.

— Вы, я вижу, Лидия Корнеевна, плохо разбираетесь в субординациях, — сказала она. — Не Федину, первому секретарю Союза Писателей, подчинены Лесючевский и Книпович, а прямо наоборот. Вот если бы вы искали у Лесючевского управы на Федина — вы имели бы полный успех... Федин — седой, почтенный, беспартийный — да он рожден изображать собою председателя Союза Писателей. Собрания Сочинений, и языки знает, и голос бархатный. Он выглядит весьма импозантно, в

---

* Anna Achmatova. Poesie. A cura di Raissa Naldi. Presentazione di Ettore Lo Gatto. Nuova Accademia, Milano, 1962 (67 стихотворений и отрывков из «У самого моря»).

** Перечисленные фотографии можно увидеть в книге: Анна Ахматова. Стихи, переписка, воспоминания, иконография / Составитель Э.Проффер. Анн Арбор: Ардис, 1977.

особенности на Западе или в Ленинграде на международном симпозиуме.

— А зачем ему было передо мною изображать, будто он мне точка в точку сочувствует, Лесючевским и Книпович возмущается и попробует заступиться за вашу книгу?

— Он не изображал. Константин Александрович, наверное, искренне сочувствует и вам и мне. Но он понимает, в отличие от вас, Лидия Корнеевна, что он против Лесючевского, да еще помноженного на Книпович, — пешка, а вы до сих пор не поняли... «Бег времени» зарезан, и 25-го я еду в Москву набирать переводы. Для денег. А здесь остаюсь еще на неделю, до 23-го, только ради вас...

Нам с Володей пора было: вечером в Дом Творчества возвращаться надлежит не позднее одиннадцати.

— Завтра приходите непременно, — сказала Анна Андреевна на прощание.

Мы вышли в ту же тьму. Ни луны, ни звезд — тьма. Я умолила Володю идти на Озерную по ровной дороге, а не через лесок. На Озерной спокойные, зеленые, редкие фонари, а впереди — спутанные огни станции. Я думала о том, что Анна Андреевна сейчас очень уж ласкова («остаюсь здесь только ради вас») и хороший ли это знак? В Ташкенте, накануне ссоры, она тоже была очень со мною мила, беспокоилась, если я пропускала два вечера и кого-нибудь за мною посылала: «я вас так жду», показывала каждую новую строчку, советовалась, ну и пр... Не расхрабриться ли мне и не узнать у нее теперь, через столько лет, что же такое случилось тогда в Ташкенте?

— Видали? — спросил вдруг Володя, остановился на секунду и сразу зашагал дальше. — Видали, какой характер... Бродский каков?

Ответить я не успела. Володя шел быстро, говорил быстро, я перебивать не успевала.

— Вот какой характер! Он думает, если поэт, ему все позволено! Ведь он вас не знает, видит в первый раз и

сразу грубит... Зачем? С чего? Только услышал фамилию и сразу... Ведь вы — друг Анны Андреевны, ее гостья, она хозяйка, и ей неприятно. Ладно, ладно, он поэт, но такой характер удивительный!

Я сказала, что характера у Бродского еще, наверное, и нету, рано ему еще иметь характер, а это просто мальчишество, юность. «Понимаете, Володя, вы молодой, но вам уже за тридцать, мне уже пятьдесят шесть, а ему лет двадцать, и оттого охота резать правду-матку в глаза. Ему не нравятся переводы Корнея Ивановича (он, наверное, только что их прочел и статью о Бальмонте) и вот, как услышал мою фамилию — так из него, как пробка, мгновенно и выскочило суждение».

— Да ведь не вы переводили Уитмена и писали о Бальмонте. А у него язык чешется, только бы сказать неприятность.

Я хотела объяснить, что я ничуть не в обиде, никакого оскорбления Корнею Ивановичу он не нанес, о его переводах пусть думает, что ему хочется, а Бальмонт все равно плохой поэт, и переводы у него дрянные, расфуфыренные.⁵⁴

Но тут мы подошли к станции. Сутолока, свистки, огни колются.

Володя скоро уедет, ну как я тут буду одна переходить через рельсы?

— Нет, видели, какой характер? — повторил Володя еще раз, когда мы простились в холле Дома Творчества, расходясь по своим этажам.

16 октября 63

Опять то же вечернее путешествие к Анне Андреевне вместе с Володей. Она оживленная, веселая, чувствует себя сегодня отлично. Когда, не помню в какой связи, Володя заговорил о Пастернаке, она спросила:

— Рассказывала ли я вам эпизод с Поливановым? Как он на меня накричал?

Мы оба не знали — ни кто такой Поливанов, ни как накричал.

— Это было в Москве, еще у Ники. Ко мне пришел физик, Миша Поливанов. Симпатичный и эрудированный молодой человек. Он пастерначист до мозга костей, до кончика ногтей, до корней волос, он яростно влюблен в Пастернака...⁵⁵ Когда я имела неосторожность произнести по адресу Бориса Леонидовича нечто не совсем почтительное — поднялся крик. Оскорбление величества! «Я говорил с Борисом Леонидовичем два раза — это сама искренность». — «Я говорила с Борисом Леонидовичем двести раз — это само лукавство»... Теперь Миша Поливанов возымеет обыкновение утверждать, что Ахматова и Пастернак были на ножах. Но я этого не боюсь. Я приму свои меры.

Она попросила Володю найти в чемоданчике, раскрытом на стуле у нее за спиной, синюю папку, развязала ее и отыскала среди бумаг два письма Пастернака — давние, довоенные, те, что читала мне когда-то еще в Фонтанном Доме. Там, в одном из писем, он объясняет ей, помню, что хотеть жить — ее безусловный долг перед людьми, потому что представления о жизни легко разрушаются, а она их главный восстановитель и создатель... И о сборнике «Из шести книг» помню отзыв: «воплощенное чудо».

— Но эти-то ведь письма уж безусловно искренние, а не лукавые, — сказала я, перечитывая полузабытые строки (к сожалению, написанные не тем единственным, крылатым и сдержанным, невероятным почерком, — а на машинке) — эти-то письма искренни и подтверждают скорее мысль Поливанова, нежели вашу.

Читая, я передавала страницу за страницей Володе.

— Все эти сверх-восторги тоже не без задней мысли, то есть тоже не без лукавства, — ответила Анна Андреевна. — Борис Леонидович был человек редкостно добрый и изо всех сил старался тогда меня утешить. Вы помните эти годы.

Я спросила, сохранились ли подлинники? Сохранились, но, оказывается, не у нее. У нее одни лишь копии. Анна Андреевна когда-то отдала оригиналы на хранение своей приятельнице, Лидии Яковлевне Рыбаковой;

Лидия Яковлевна умерла, а дочь ее, Ольга, вернула Ахматовой одни лишь машинописные копии. Почему? Объяснила так: «Оригиналы принадлежат мне, они получены мною в наследство от мамы». Однако, однако, однако, подумала я, что значит быть дочерью коллекционера! Какое же «наследство от мамы» — ведь не дарила же эти письма Анна Андреевна Рыбаковой*.

Володя бурно возмущался, я тоже. Почерк — это голос: единственный в мире голос — единственный почерк! И что это за дикая мотивировка? При чем тут «наследство от мамы», если налицо адресат?

— А я без внимания, — сказала Анна Андреевна. — Оригиналы не пропадут. Копии же я дам размножить и распространить. Вот и не выйдет, будто Ахматова и Пастернак на ножах.^{55а}

Я осторожно спросила, писала ли она еще что-нибудь, кроме пьесы? Она достала из чемоданчика несколько листов машинописи и надела очки. Медленно, тихо и внятно прочла нам семь стихотворений. Оказывается, «Предвесенняя элегия», которая так мне полюбилась еще в Москве:

Простившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной, —

это только начало целого цикла. Больше всего поразило меня стихотворение: «Не на листопадном асфальте» — там все волшебное: и адажио Вивальди, и свечи, и смычок. И опять все новое, хотя чем-то и связано с пьесой. Ворожкой? Надвременностью? Я ничего путного сказать не могла, сказала только, что одного стихотворения не понимаю: «Красотка очень молода, / Но не из нашего столетья». Анна Андреевна с большой кротостью прочла его во второй раз:

Красотка очень молода,
Но не из нашего столетья,
Вдвоем нам не бывать — та, третья,
Нас не оставит никогда.

* О Рыбаковых см. «Записки», т. 1, «За сценой»: ⁷⁶, а также в кн.: *В. Виленкин. В сто первом зеркале*. М.: Сов. писатель, 1990, с. 11.

Ты подвигаешь кресло ей,
Я щедро с ней делюсь цветами...
Что делаем — не знаем сами,
Но с каждым мигом нам страшней.
Как вышедшие из тюрьмы,
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы*.

Но я все равно не поняла. Не знаю, как Володя: он молчал. Анна Андреевна, ничего не объясняя, спокойно спрятала стихи в чемоданчик.

Постучался и вошел Бродский, а с ним черноокая девушка, сплошные ресницы, брови и кудри. Глаза живые, умные, улыбка прелестная.

Нам с Володей было пора. Прощаясь, Анна Андреевна просила меня завтра прийти не вечером, а днем: врачи велют ей ежедневно гулять, «а мне это так тяжело, никто не умеет меня уговаривать, может быть, удастся вам».

Я обещала. Попробую. Что-нибудь придется мне в своем расписании переменить. Я-то сама гуляю с утра, потом, до обеда, работаю, после обеда — сплю. Попробую работать вечером, а с утра, после завтрака, сразу сюда.

17 октября 63

Ровно в 12 часов я постучала в Будку. Идти было легко. Серый финский день, серое небо и под стать им благородная темная хвоя. На станции ни толкотни, ни огня, ни гудков. Переход простейший — и отчего это я так его боюсь? — а по Озерной между рядами рыжих стволлов идти — одно удовольствие.

На стук мне отворила Ханна Вульфовна (я уже видела ее в прошлый раз, но забыла записать). Она осторожно постучала в дверь к Анне Андреевне, и та подала голос. Но не сразу. Я догадалась: разбудили! Вот беда, но

---

* Впоследствии «В Зазеркалье» (Полночные стихи, 3) — БВ, Седьмая книга.

ведь она сама назначила мне этот час. Анна Андреевна крикнула из своей комнаты, что сию минуту будет готова, и просила обождать в кухне. Скоро позвала меня. Она была уже одета, но еще не причесана: волосы до плеч. Ханна Вульфовна причесала ее и мгновенно подала ей завтрак, а мне чай. У нее доброе лицо, и я порадовалась, что возле Анны Андреевны добрая женщина.⁵⁶ Но зачем же она ее разбудила? Лучше бы мне уйти и придти еще раз — позднее.

— Что вы, Лидия Корнеевна, я уже давно не сплю. Лежу и со сна все ставлю в стихах на место. Я это называю «творческий час».

— Еще хуже! Помешала я вашей работе!

— Вздор. Повторяю вам, что осталась здесь на неделю только для вас.

Такие, сказанные уже вторично, лестные слова, не означали, однако, покорности. Когда она окончила завтракать, я надеялась, мы сразу отправимся на прогулку. Ничуть не бывало! Сегодня она слаба, она не может, ей не хочется, ей нездоровится. В другой раз. Завтра! А сегодня она будет читать стихи. Напрасно я напоминала ей о врачах, соблазняла прекрасной погодой. Нет! Мы никуда не пойдем, она будет читать стихи.

Достала из чемоданчика ту же папку, а из папки — то же «начало пьесы». Прочла вслух и велела говорить.

— Я знаю, как вы правдивы. Вы не можете не говорить правды.

(Опять хвала. И опять больно. Ташкент! Ташкент! Отчего же *тогда* она поверила кому-то, кто, в отличие от меня, прекрасно владеет умением говорить неправду?)

Я сказала, что, кажется мне, ключ ко всему отрывку из пьесы надо искать в том голосе, который слышится издали. Сначала голос героини:

И в дыхании твоих проклятий
Мне иные слышатся слова:
Те, что туже и хмельней объятий,
А нежны, как первая трава.

Герой произносит свои проклятия. А «Слышно издали» — это и есть те «иные слова», которые героине за гробья слышатся сквозь проклятия:

Все наслаждением будет с тобой —
Даже разлука.

Или:

Но прозвучит как присяга тебе
Даже измена...

В прошлый раз такое объяснение не пришло мне на ум, потому что вещь, хоть и очень ахматовская, но и очень новая. Но и в этот раз я в подобранном ключике не уверена.

— Так? — спросила я у Анны Андреевны. — Хотя бы грубо, «по смыслу»? Так?

— Если перевести с лунного языка на человеческий, — нехотя ответила Анна Андреевна, — то, пожалуй, так. — И, видимо, недовольная, спросила опять: нравятся ли мне стихи? который голос больше? который меньше? Я ответила: более всего — «Говорит она». Ощущение «загробности» так удивительно сочетается здесь с приметам земной жизни: с шорохом сосен, со скрипом колодца, с криками ворон. И еще очень нравится «Слышно издали».

— А «Песенка слепого»?

— «Песенка» тоже, она звучит народным заклинанием, но какова роль этого слепца в пьесе, я еще не догадываюсь.

— Я тоже, — сказала Анна Андреевна.

— Не нравится мне только «Говорит он», в особенности «невероятным стоном»... Вообще во всех его проклятиях — какая-то приподнятая выдуманность. В монолог же героини поражает слово «лютня».

Для тебя я словно голос лютни
Сквозь загробный призрачный рассвет.

Лютня! Какое восхитительное слово! И почему-то, не знаю, почему, но сразу веришь, что если из загробного мира могут доноситься до нас какие-нибудь звуки, то разве что только лютни. Не рояля, конечно, не виолончели, не скрипки, а только лютни. Прелесть слова

обновлена стихом, слышишь слово точно впервые.

Анна Андреевна ничего не ответила, взяла у меня из рук листы и небрежно сунула их в чемоданчик.

Помолчали.

Затем она рассказала о каком-то инженере, ее поклоннике, который знает все ее стихи наизусть и еженедельно, вместе с женой, приезжал за нею в ЗИМ'е и возил по всем местам, упомянутым в ее стихах. И внезапно исчез. Она не понимает, почему, и огорчается.

Я не решилась спросить, возил ли он ее в Царское? Помню давние слова: «Царское для меня такой источник слез».

Да, а вчерашняя черноокая спутница Бродского оказалась вовсе не его невестой, как я вообразила, а просто приятельницей, женою молодого поэта Евгения Рейна.

— Нет, нет, эта очень милая, умная, тонкая, но та совсем, совсем в другом роде. Не похожа. И никакой косметики... Одна холодная вода.

Мы заговорили о Солженицыне. Неприятный вышел разговор. Она спросила, читала ли я главы из романа — те, где говорится о свидании заключенных с женами. Я ответила: да, читала. В Москве, у его друзей.

— Почему же он мне не дал их, ни словечком о них не обмолвился? Он был у меня в Ленинграде. Я еще в самом начале нашего знакомства сразу прочла ему «Реквием». А он мне глав о том же самом не дал и даже не упомянул о них. Я так им всегда восхищаюсь, так счастлива, что до него дожила. За что же он меня обидел? Скажите, разве это хорошо?

Конечно, хорошего мало. Но как я могу объяснить, догадаться? Я сказала только, что главы эти, в сущности, никакого отношения к «Реквиему» не имеют. Время другое, и «обстоятельства места действия» — тоже другие, и внутренняя тема тоже другая. Ведь ЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ, исполняя одни и те же обязанности — палаческие, — в разные времена исполняли их по-разному. Солженицын в своем романе изображает конец сороковых, а «Реквием» — это «ежовщина» (то есть облава на горо-

жан с осени 36-го по осень 38-го). Дальше стало не хуже и не лучше, но по-другому. «Поднимались, как к обедне ранней, / По столице одичалой шли» — всего этого уже не было, многосуточных и многотысячных очередей тоже. Да и заключенные у Солженицына в этих главах не рядовые (которых в лагерях миллионы), а особые, привилегированные: работают в особом, столичном заведении, на шарашке. Они из лагерей выбраны по принципу профессий.

— А главы-то каковы? — спросила Анна Андреевна.

— Замечательные. Если весь роман такой, то это великий роман. Солженицын пишет на основном русском языке, это такая редкость и радость.

— За что же он меня обидел?.. — повторила она.

— Не стоит обижаться, — сказала я. — Тем более, что ведь скоро, быть может, он и принесет свои главы вам.

— А я еще подумаю, прощать его или не прощать, — ответила Анна Андреевна, но уже без горечи и не без юмора.⁵⁷

И тут же рассказала, что вновь поссорилась с Гитовичем.

— Был у меня, пьянствовал с Ниной и Бродским. Когда Иосиф снял нагар со свечи, обозвал его холуем. Извинялся перед Бродским отдельно, передо мною отдельно, перед нами обоими вместе. Но я все равно не простила.

А меня начала одаривать. Сама добыла из бездонного чемоданчика новую какую-то папку и протянула машинописные листы со стихами под заглавием: «Еще пять».

На самом деле, их не пять, а шесть. Шестым оказалось стихотворение «Ты напрасно мне под ноги мечешь», очень страшное, о смерти, — то, которое она уже читала мне однажды в Москве. («Смерть стоит все равно у порога, / Ты гони ее или зови, / А за нею темнеет дорога, / По которой ползла я в крови») Тогда я запомнила только эти четыре строки, а теперь попросила Анну Андреевну продиктовать мне все стихотворение целиком — среди машинописных его не было. И понятно: света ему не увидеть.

А за нею десятилетия
 Скуки, страха и той пустоты,
 О которой могла бы пропеть я,
 Да боюсь, что расплачешься ты.

Когда Анна Андреевна кончила диктовать, а я писать (карандашом, небрежно, наспех) — она взяла перо и очень аккуратно проставила над всеми стихами эпиграфы: из Ахматовой, из Данте и, над последним, из Пушкина. «...Вижу я / Лебедь тешится моя». Я сразу вспомнила, как Анна Андреевна говорила в Москве: «И зачем этот господин так обо мне печется?», считая, что выдвижение на Нобелевскую премию и вообще слава на Западе — это дело рук Исаяи Берлина. Значит, «Еще пять» — тоже обращены к нему... Ясно! Подзаголовок:

Еще пять
 или
 Стихотворения
 из цикла
 Сожженная тетрадь
 (Шиповник цветет)

а эпиграф к первому: «Нескáзанные речи / Я больше не твержу, / И в память той невестречи / Шиповник посажу».

Ведь «Сожженная тетрадь», «Шиповник» — это понятно, кому.

Анна Андреевна обозначила на моей небрежной записи «V», поставила «Москва» и подписала весь цикл*.

* Три стихотворения из подаренных мне в тот день: «Как сияло там и пело...», «Не пугайся, я еще похожей...», «Ты стихи мои требуешь прямо...» вошли впоследствии в цикл «Шиповник цветет» (БВ, Седьмая книга); остальные, явно примыкающие к тому же циклу: «И увидел месяц лукавый...», «Дорогою ценой и нежданной...» опубликованы посмертно — сначала в периодике (в журнале «Литературная Грузия», 1967, № 5 и в альманахе «День поэзии», М., 1973), а затем в БВП, с. 296-297. О стихотворении «Ты напрасно мне под ноги мечешь...», обращенном к тому же лицу, см. «Записки», т. 2, с. 252; № 66.

Подарки на этом кончились, но стихи и допросы — нет. Анна Андреевна спросила у меня, поняла ли я, в конце концов, «Красотку» — то́ стихотворение, которое она читала мне и Володе среди других, — кажется, семи. Я сказала: нет, не поняла. Она дала мне прочесть все семь глазами. Я прочла — вникнуть толком мне мешало ее ожидание.

— Поняли, что это единый цикл?

— Да... И что-то общее с «Прологом».

— А поняли стихотворение, которое не понимали раньше?

— Нет. Я не понимаю, кто эта дама. «Красотка очень молода, / Но не из нашего столетья».

— Это не женщина, а то состояние, в котором они находятся, — терпеливо объяснила Анна Андреевна.

— И состоянию подвигают кресло? «Ты подвигаешь кресло ей...» Состоянию — кресло?

— Лидия Корнеевна, я не узнаю вас сегодня.

Мне было пора. Обедают в Доме Творчества с двух до трех. Но Анна Андреевна ласково и настойчиво удержала меня. Наверное, в утешение моей тупости.

— Подумайте, как я оскандалилась. Недавно, слушаю по радио «Гранатовый браслет» Куприна. Я не поклонница этого классика, а уж эта вещь из рук вон плохая, безвкусная. Но — помните? Мандельштам в одной рецензии про меня написал, что я прессую русскую психологическую прозу. Помните?.. И что же? Мои строки: «В которую-то из сонат / Тебя я спрячу осторожно» — это точное совпадение с «Гранатовым браслетом». Там герой перед своей смертью просит любимую женщину играть «Appassionata». Только не говорите никому! Срамотища!⁵⁸

18 октября 63

Вечером у нее снова с Корниловым. Ханна Вульфовой, видимо, нет — нам долго не открывали. Володя обогнул угол Будки и постучал в светящееся окно. Анна Андреевна открыла нам сама. Говорит, не слышала стука, потому что слушала музыку.

Сели. Она за стол, Володя на табуретку, а я в глубокое продавленное кресло.

— Узнаете? — спросила Анна Андреевна.

Я не сразу поняла: речь о кресле. Узнала! Оно то́ самое, ленинградское, еще из Фонтанного Дома. Там оно стояло у печки. Уже и тогда — четверть столетия назад! — оно было ободранное, продавленное, и сесть в него было легче, чем из него выбраться. Письменный же стол, странной формы, за которым сидит теперь Ахматова, оказался, по ее словам, вовсе не письменным, а туалетным. Зеркало и мрамор сняты — вот он и превратился в письменный. (В Ленинграде, в довоенной комнате, не видела я его. Не помню.)

Анна Андреевна протянула Володе стихи: получила их сегодня в дар от одной дамы, отдыхающей у нас в Доме Творчества.

Володя прочел, фыркнул и передал листки мне.

— Вслух, пожалуйста, вслух, — потребовала Анна Андреевна.

Читаю:

Я порой ненавижу тебя... —

и... остановка. В горле першит. Уж очень смешно.

— Жаль, что только порой, не правда ли? — отозвалась Анна Андреевна. — А теперь я вам свое прочту.

Она открыла книжку в твердом цветастом переплете.

— Это не новое, еще прошлогоднее. Из цикла «Тайны ремесла». Я почему-то его невзлюбила, сама не знаю, почему.

Что такое день выхода книги? Вот о чем оно написано. День встречи поэта с читателем. «Тот день всегда необычаен». Мне стихотворение тоже не очень понравилось. Оно, конечно, прекрасное и виртуозное, но какое-то уж очень рассудительное; обстоятельное и, при горечи содержания, почему-то легко скользит поверх темы. Боль наносят только две строки, заключительные:

И мимоходом сердце вынут
Глухим сочувствием своим*.

* ББП, с. 306.

В отдел «Тайны ремесла» это стихотворение так и не вошло.

Только тут и вздрагивает сердце в ответ. А «Моим и дыба хороша» — то есть моим читателям — самая, казалось бы, страшная строка — почему-то не задевает.

Я это постаралась выразить. Оказалась ли я среди тех, кто «мимоходом сердце вынет»?.. Надеюсь, нет.

Анна Андреевна закрыла книгу.

Помолчали.

Я спросила у нее, а потом и у Володи, читали ли они в одном из давних номеров «Литературной Газеты» Фридину статью о музыкальном училище в Туле? О том, как одну тамошнюю молодую преподавательницу уволили по доносу студента? Нет, ни она, ни Володя не помнят, не прочли.

Фридина запись, сделанная ею на заседании месткома, где обсуждался донос и по этому доносу решено было уволить преподавательницу, гораздо живописнее, выразительнее, чем статья. В непосредственной записи каждый персонаж — директор, председатель месткома, завуч, парторг, кассирша, физкультурник и сама подсудимая, и Фрида — гораздо слышнее и виднее, чем в статье. Сделав маленькое вступление, я прочитала отрывки из подлинной записи.

Суть дела такова. Студенту Жохову, как поняла Фрида, необходимо было объяснить начальникам, почему тогда-то и тогда-то он не ночевал, как положено, в студенческом общежитии. Он подал рапорт: искусно соблазнила его и наконец соблазнила преподавательница училища, пианистка, Нина Сергеевна Петрова. А Петрова эта была уже у начальства под подозрением: в прошлом году «проштрафилась, видите ли, по сексуальной линии», объяснил Фриде директор.

В прошлом году что-то такое происходило между нею и преподавателем вокала т.Литвиненко... И вот теперь — опять...

«ДИРЕКТОР: — Получив письмо Жохова, я вызвал Петрову, чтобы дала объяснения. При этом присутствовали: председатель месткома, парторг и завуч. А Петрова

* 22 января 1963 года; «О понятиях, совсем не старомодных».

просит: нельзя ли наедине поговорить? А я отвечаю: не вижу, мол, необходимости. Она прочла письмо Жохова и побежала травиться. Ну, через неделю Петрова является. Мы ее сразу вызвали на местком, поскольку бюллетень кончился, а в заключении больницы сказано: "Сознание ясное, вполне ориентируется во времени и в окружающей обстановке". А она: "я еще не в силах разговаривать". Не в силах — ладно. Мы проявили чуткость, дали ей отсрочку».

Проявив чуткость, они отложили заседание месткома еще на два дня. Фрида, корреспондентка «Литературной Газеты», осталась в Туле и присутствовала на этом сборище.

С глубоким вниманием слушала меня Анна Андреевна, и я продолжала читать отрывки из Фридиной записи:

«ДИРЕКТОР: — Говорите, товарищ Петрова, мы вас слушаем.

ПЕТРОВА: — Я взялась подготовить Олега Жохова в наше училище. Он очень способный, даже талантливый человек. Сначала он занимался усердно, а потом начал пропускать занятия, и я сказала ему, что больше работать с ним не могу. И велела поставить об этом в известность завуча.

Все, что он написал в письме — неправда. Что́ его толкнуло на такую ложь — не знаю. Мне очень трудно говорить... Всё.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Что-то коротко очень!

ДИРЕКТОР: — Мы просим вас ответить прямо: что толкнуло студента написать такое письмо? Надо отвечать прямо, а то придется сидеть здесь десять часов.

ПЕТРОВА: — Мне нечего добавить к тому, что я сказала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Нина Сергеевна, уважаемая, от вашей откровенности будет зависеть ваша дальнейшая судьба.

ДИРИЖЕР-ХОРОВИК: — Зачем нам ваши сказки?

ЗАВУЧ: — Про белого бычка!

КАССИРША: — Чего-то я недопойму. Надо бы послушать молодого человека. Какие-нибудь подробности.

МАТЕМАТИК (*косая сажень в плечах, рубашка красная*): — Я тоже считаю, что необходимо позвать Жохова.

КАССИРША: — Да, да, позвать молодого человека! Подробности надо узнать!

ФИЗКУЛЬТУРНИК: — Я все коридоры обегал, не нашел этого Жохова.

МАТЕМАТИК: — Нет, мне все-таки хотелось бы услышать откровенность!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Нина Сергеевна, есть такая просьба к вам: рассказать все по существу дела. Если вы коллективу признаетесь, будет лучше. Ваше поведение — это своего рода оборона!

ГОЛОСА: — Это детская игра. Стыдно! Стыдно сказки выдумывать!

ПЕТРОВА, *тихо*: — Мне добавить нечего.

КАССИРША: — Нет, пускай молодого человека приведут. Я *его* желаю послушать.

ДИРИЖЕР-ХОРОВИК: — Дайте мне слово, а то никогда не кончим. Я не верю, чтоб наш советский комсомолец мог написать такое письмо, если бы не было причины. У меня опыт, я таких, как Петрова, вижу насквозь! Сидит в коридоре на диване в юбке с начесом, понимаете, нога на ногу, в зубах, понимаете, папироса... Тó она в Москве, тó она в Тбилиси, тó она на экскурсии, тó она на Стравинском, тó она на Чайковском. И еще студенток своих на экскурсии да на концерты за собой таскает! Как вы смели в прошлом году посягать на советскую семью? На семью т. Литвиненко?

МАТЕМАТИК: — Я здесь новый товарищ. Но у меня есть соображения. Педагоги занимаются формированием и воспитанием. Коммунистическая мораль — прогрессивная, жизнеутверждающая. А с Петровой произошел самый низкий, самый отвратительный поступок. Этот поступок лóжит на нас темное пятно. Этот поступок крайне низкий. Петрова отвергает этот свой поступок, но если Жохов подал такое заявление, значит, этот во-

прос назрел... Преподаватель вокала т. Литвиненко защищал нашу родину, проливал свою кровь, а вы его соблазнили, так мне товарищи рассказывали. Нехорошо! Ох, плохо! Вы этим толкаете своих студенток на путь разврата. Этот ваш случай ошарашил нас полностью с головы до ног. Поступок крайний, из рук выходящий!

ЗАВУЧ: — Неприятно сидеть на таком местке. Нам читают такую сказку про белого бычка и про золотую рыбку.

Класс Петровой держится чересчур сплоченно, он организовался в какой-то нездоровый коллектив. После болезни Петрова жила у одной из своих студенток. Вы что — приживалка?

ПЕТРОВА: — После болезни мне было трудно оставаться одной в четырех стенах. И я приняла приглашение Наташиной матери побыть у них некоторое время.

ФИЗКУЛЬТУРНИК, *ликья*: — Товарищи! Да ведь она призналась! Слышите, говорит, мне одной в четырех стенах неохота!

ЗАВУЧ: — Вы панибратски обращаетесь со своими студентками. Кто вам дал право устраивать классные собрания у себя на дому? Это непедагогично! Нам надоело нянчиться с вами!

ДИРИЖЕР-ХОРОВИК: — У нас своих дел, что ли, нет? Давайте, зовите Жохова!

ВСЕ: — Да, надо кончать! Жохова!

ФИЗКУЛЬТУРНИК: — Сейчас сбегаю!»

И тут не выдержала Фрида. В записи пробел, пауза. Затем: «ВИГДОРОВА: — Товарищи, опомнитесь!»

Тут, судя по записи, наступило продолжительное молчание... По-видимому, слегка опомнился директор.

«ДИРЕКТОР: — Да, особой необходимости нет. И так все ясно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — А что, т. Вигдорова, вы с нашим коллективом не согласны?

ВИГДОРОВА: — Дело журналиста молчать, но...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, *ободряюще*: — Говорите, говорите, мы на вас жалобу писать не станем.

ВИГДОРОВА: — Пишите. Я привыкла... Что до моего мнения, я думаю так: когда Жохов принес свое письмо, ему следовало объяснить: это — подлость.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Э-э, т. Вигдорова, вы неправы. Я не вижу ничего предосудительного в его письме. Не вижу! Жохов — честный, порядочный человек. Когда он вначале сказал мне, будто ночевал в аудитории, я решил расследовать, где же он ночевал на самом деле. Тогда он и принес это письмо. И здесь уж все сказано без обвиняков. Если мы Петрову оставим, что мы будем говорить студентам? Что мы будем объяснять, раз Жохов такое письмо написал?.. Вот вы, т. корреспондент, были на уроках у Петровой. Какое ваше впечатление?

ВИГДОРОВА: — Это замечательные уроки, артистические.

ЗАВУЧ: — Ну, а я на уроках Петровой не был. Неприятно мне было ходить к ней. Нам этот всякий артистизм не нужен. И я считаю, что после письма Жохова педагоги увидели подлинное лицо Петровой. Уволить — и все.

ПЕТРОВА: — Я очень прошу вас: дайте мне возможность довести до конца занятия с моими девочками.

ПАРТОРГ: — По существу вы вели себя аморально... Да... По существу... Уволить...

Председатель ставит вопрос на голосование. Решают уволить — единогласно.

ДИРЕКТОР: — Ну что ж, осталось написать приказ. С управлением культуры вопрос согласован».

— «По существу», — сказала Анна Андреевна и отвернулась к окошку. Потом — «Мы проявили чуткость».

Володя спросил, что же стало с Петровой дальше? Я рассказала: она еще раз пыталась покончить с собой. Фрида приютила ее у себя в Москве и выходила. После статьи в газете и множества сложных перипетий Петрову удалось устроить на работу в другом городе. Тульский директор, впрочем, тоже не ленился: он, проявляя чуткость, позвонил новому начальству и рассказал об аморальном поведении Петровой. Фрида, в заметке опубликованной ею в ответ на многочисленные письма читателей, сообщала: директор, столь усердно по-

трудившийся, чтобы довести молодую талантливую женщину до самоубийства, приложил все усилия, чтобы загубить ее будущее... Но без успеха.

— Да, — сказала Анна Андреевна, — сказка о золотой рыбке и белом бычке — сказка с хорошим концом. Нина Сергеевна без работы не осталась. Но в Туле остались те же учителя. Им по-прежнему нужны «подробности». Подумайте: эти люди не чему-нибудь учат, а музыке! Музыке! О себе они говорят: «Я здесь новый товарищ!»

Да, говорят страшно. И не только «по содержанию», а каждая интонация — дикарская. Слог страшен. Уровень душевной культуры.

Мы сидели, молчали. Я уж думала — не напрасно ли вылила на голову Анне Андреевне этот ушат. Ей было не по себе.

— Вы едете в Москву 25-го? — спросил Володя, перебивая молчание.

— Хочу. Но хочу так сильно, что назло себе могу заболеть.

Помолчали еще. Наконец, Анна Андреевна спросила Володю, кончил ли он свою поэму и не может ли прочитать. Володя ответил: ничего своего читать не станет, а предложил прочесть одно стихотворение Межирова и прочел межировские стихи наизусть. Очень они мне понравились. Они написаны двустихиями, сухими, точными, необъятно содержательными и притом запоминаются сразу. Я запомнила:

Недолет. Перелет. Недолет.
По своим артиллерия бьет.

Мы под Колпиным скопом лежим:
Артиллерия бьет по своим.

Это снова разведка, наверно,
Ориентир указала неверно.

Из окопов никто не уйдет:
Недолет. Перелет. Недолет.⁵⁹

И еще несколько двустиший такой же силы. Но целиком я не запомнила.

— Да, — сказала Анна Андреевна. — «Надо все-таки бить по чужим, / А она — по своим, по родимым». Вот это настоящие военные стихи. «Нас комбаты утешить хотят, / Нас великая родина любит. / По своим артиллерия лупит, / Лес не рубят, а щепки летят».

Тут я услышала, что там не только двустишия, но и четверо... (Когда Анна Андреевна сразу, наизусть, читает чужое — это, пожалуй, единственный верный признак, что стихи понравились ей по-настоящему.)

Она попросила Володю записать для нее Межирова. Володя пристроился к столу и начал записывать, бормоча извинения по поводу своего почерка. Анна Андреевна терпеливо ждала. А пока он писал, сказала мне:

— Вот мы здесь сидим, разговариваем, читаем стихи, а в Туле вот такое музыкальное училище, — и с брезгливостью повела плечами.

20 октября 63

Была у нее утром, одна. В 12 часов. Опять помешала «творческому часу», опять недолго сидела в кухне, опять она встала, оделась, но не могла причесаться сама. Опять Ханна Вульфовна причесала ее и мгновенно принесла завтрак. Опять я порадовалась умной, умелой заботе.

В разговоре Анна Андреевна с благодарной нежностью поминала о Бродском: «Иосиф воды натаскал... Рыжий печку истопил».

Снова я — безо всякого успеха! — настаивала: идемте гулять! Ни за что! Кротость, тихий голос — «спасибо вам», «завтра уж непременно» и упорная непокорность. Тем же тихим и кротким голосом снова сделан был упрек мне, — в том, что я не поняла «Красотку». «Значит, вам и весь цикл из семи непонятен». Ладно, пусть непонятен. Я перечить не стала, хотя непонятно мне только одно стихотворение.

Опять — разговор о Солженицыне. Почему не дал ей свою главу про тюремные свидания? Я ответила: «Быть может, случайно». Она рассердилась.

— Это не такой человек, чтобы делать что-нибудь или не делать чего-нибудь — случайно. Я тоже.

Я повторила, что, судя по прочитанной мною главе, роман не имеет ничего общего с «Реквиемом». Другое десятилетие, другой замысел — и свидания другие.

— Все равно. Не дал, и ни словечком не обмолвился, что работает на том же материале.

(Да не на том же, Господи! Свидания тридцать седьмого и свидания сороковых — это разный материал. А вообще о наших тюрьмах и лагерях, о встречах и о «не-встречах» много еще будет писано. Ведь не всех расстреляли, не всех уморили холодом, голодом, карцерами и трудом — многие вернулись и кое-кто будет писать.)

Анна Андреевна продолжала сердиться.

— «Скажу без ложной скромности» — помните это выражение у Льва Толстого? Помните? Перечисляя лучших русских прозаиков, он назвал среди них и себя, оговорив: «скажу без ложной скромности»... Мы с вами, Лидия Корнеевна, скажу без ложной скромности, создали новый жанр — отражение тогдашних событий. Все, что будет написано после — будет уже не то. Мы писали не пост-фактум, а о тогдашнем тогда же.⁶⁰

Да, конечно. Тогда о *тогдашнем*. А Солженицын написал позднее и о более позднем. Ну и что же? Ведь и более раннее и более позднее необходимо запечатлеть. Затем, меня удивило, почему Анна Андреевна, обычно столь острая и точная в своих определениях, в этом случае столь не точна. «Мы с вами, Лидия Корнеевна, создали новый жанр». Это «мы с вами», разумеется, лестно для меня, но почему же новый жанр? Новая жизненная ситуация — та, которую и в мыслях своих человек не смел выразить словами, выговорили в искусстве мы. Да, это так. Да, это моя гордость. Но жанр? И поэма «Реквием» жанр не новый (до «Реквиема» была поэма

«Двенадцать», цикл отдельных стихотворений, тесно спаянных между собою, развивающих фабулу и потому именуемый поэмой), а уж моя «Софья Петровна» это типичная, вполне традиционная повесть! никакой не новый жанр. Материал, правда, так же как и у Анны Андреевны совершенно новый: тридцать седьмой год, ежовщина — и не столько самый застеночек изображен мною (на это я и не покушалась), а поврежденная застенком психика людей на воле, степень их ослепленности — ложью газет и радио, верою в газеты и радио, в кровавые фальшивки показательных процессов. Непостижность тридцать седьмого года для рядового — и даже не рядового! — разума. Непостижность, вызванная его бессмысленностью (а разум искал смысла — и, не находя, люди теряли разум) — вот что я обозначила именем «Софья Петровна»... Ново? О, да. Так. Ново, но не в жанровом отношении.

Я молчала, сознавая, что новый ли жанр или новый материал, а это все равно не объясняет скрытности Солженицына перед Анной Андреевной. Обижена же она именно на его умолчание. Я не знаю, но думаю, что он человек вообще скрытный. Лагерь не обучает откровенности.

Не дождавшись от меня никакого ответа на свой вопрос, Анна Андреевна выдвинула ящик стола — достала еще одну папку и принялась, листок за листком, вынимать оттуда написанные от руки и на машинке стихи. Одно за другим она прочитывала стихи вслух, не называя авторов. Это все были разные стихотворения, посвященные ей. Известным мне оказалось лишь одно — Самойлова.⁶¹ Остальных я никогда не читала и не слыхала: стихи Ахмадулиной, Толи Наймана, Володи Муравьева и еще чьи-то, забыла — чьи. Понравились мне, кроме самойловского, два стихотворения: Наймана и Муравьева.

О стихах Наймана я сказала: «Это поэт». О стихах Муравьева: «Тоже, может быть, поэт».

Анна Андреевна осталась мною довольна. О Толе она отозвалась так:

— Правда, он хорош? А его никто никогда не замечает. Он пишет уже многие годы — никто никогда. Словно нет его. Знаете, бывают такие судьбы.

(Знаю. Бывают.)

О Муравьеве:

— Если окажется, что он, кроме всего прочего, еще и поэт — то, стало быть, он — человек-чудо. Чего только он не знает, чего не изучил! Познания удивительные. И всего двадцать три года — вы подумайте!⁶²

Анна Андреевна спросила у меня, хорошо ли мне здесь работается? Я сказала: нет, плохо работается. Мешает близость Куоккалы. Соблазн. Каждый день я решаю: ехать мне туда снова или не ехать? Снова въехать на минуту в свое детство или побережь — его, себя? Затем, как ни странно, писать о Герцене мне сильно мешает сам Герцен. Все выписки сделаны, последовательность моей книги продумана, вообще — садись и пиши. Но мне мешает Герцен. Открою ли я «Былое и Думы» для проверки какой-нибудь даты, какого-нибудь факта, открою ли письма к детям — к Саше, к Тате — или письма к Огареву, или «Письма к противнику», или «Письма к будущему другу», «К старому товарищу» — я снова погружаюсь в глубину этой сверкающей прозы и, вместо того, чтобы писать, — читаю, проваливаюсь в бездонность. Ну вот как проваливаешься, взяв на минуту «Войну и Мир»: хочешь, скажем, посмотреть рисунки Пастернака, перелистываешь, но опять Наташин первый бал, опять смерть князя Андрея, опять Пьер требует от Анатоля Курагина Наташины письма... Вот так же у меня и с Герценом: Тату и Сашу я знаю не хуже, чем Николеньку или Наташу Ростовых, а смерть близнецов ранит не менее больно, чем смерть Болконского. С трудом отрываюсь я от перечитывания, чтобы писать. А зачем, спрашивается, писать, если читать гораздо увлекательнее, да и полезнее?

Анна Андреевна слушала, не спорила, но по глазам ее было заметно, что относится она к моим рассуждениям о Герцене иронически, или, в лучшем случае, снис-

ходительно — как к словам человека, слегка поврежденного. Что уж тут поделаешь — спросила, приходится слушать. И снисходить. Мало ли какие бывают у человека бзики!

Потом я сказала, что перечла книгу Лидии Гинзбург (о «Былом и Думах») и переменяла свое прежнее мнение. Раньше я была несправедлива к этой работе. Жаловалась когда-то Анне Андреевне: скучно. Теперь я вижу — я была неправа. Работа отличная, множество новых, собственных наблюдений. Но все-таки книга и в теперешнем моем восприятии страдает существенными недостатками: она, как бы это объяснить? не склонена ни к автору, ни к нашему времени. Вне времени, вне герценовского трагического пути, вне всякой «сверхзадачи». Автор ничего о нас этим не хочет сказать и ничего о себе не хочет сказать.

Анна Андреевна оживилась.

— Полная противоположность Пушкину. Пушкин, о ком бы и о чем ни писал, — всегда говорит о себе. О Радищеве — это о себе, о Мильтоне — о себе.⁶³

Я снова попыталась упросить Анну Андреевну выйти на воздух. Нет. Она снова порылась в той же папке и вытащила еще чьи-то стихи. Протянула мне. «Читайте про себя». Я прочла. Патетично, лживо, слащаво, сусальное, казенно. Стихи о ленинградской блокаде. Весь набор пошлостей, наговоренных о блокаде Ленинграда в печати. Этакий бездушный концентрат.

— Противно, — сказала я.

Анна Андреевна подхватила с неожиданной энергией.

— Правда, мерзость? И ложь. А о блокаде надо писать только правду, одну правду, всю правду — как о лагере. Для меня, представьте себе, обе темы эти родственные: лагерь и блокада. Я блокаде не умиляюсь. Я ее ненавижу, как ненавижу ежовщину, как всё, что делал Сталин. Это ведь тоже он, не только Гитлер, даже гораздо больше он, чем Гитлер... Для спасения людей, Царского, Павловска — город надо было отдать. Да, да, не удивляйтесь:

отдать. Тогда не умерли бы сотни тысяч... Версаль сохранился. Париж не вымер — и снова он французский, не германский.⁶⁴

Что в блокаде Ленинграда, в гибели сотен тысяч людей повинен не только Гитлер, но и Сталин — эта мысль для меня не нова. Но — отдать? Отдать Ленинград? Что подумала бы та же Анна Андреевна в Ташкенте, если бы мы тогда услышали по радио: «Наши войска оставили город Ленинград»? Не подумала бы, а что почувствовала бы и как зарыдала бы!

Потом Анна Андреевна рассказала об одной знакомой даме:

— Она явилась ко мне в 46-м году. Протягивает какие-то две бумажонки. «Комендант города посылает вам два билета на завтрашнее утро в Гавань. Там будут вешать двоих немцев». И очень настаивала, чтоб я шла. (Это уже от себя.) Я ей ответила: «Не сомневаюсь, что эти несчастные люди совершили ужасные преступления, и кара, которая их постигает, заслужена. Но я-то за какие преступления должна это видеть?»

По дороге домой я все думала: неужели следовало, можно было, нужно было — отдать Ленинград? Да, сотни тысяч не вымерли бы от голода. Кольцо удава не задавило бы их. Но что сделали бы с населением немцы? Не знаю, как в Париже, а знаем ведь мы, что они вытворяли в наших городах, деревнях, поселках, селах!

Сталин же всегда Ленинград ненавидел, всегда, прямо или исподволь, расправлялся с ним. Он издавна считал его соперником Москвы, да и две охранки соперничали. Вспомнить хотя бы организованное им убийство Кирова, безвинно расстрелянных и высланных после этого убийства, вспомнить тот же тридцать седьмой, когда тысячи ленинградцев объявлены были террористами.

Насчет участия Сталина в блокаде сомнений нет — но — отдать Ленинград? Гитлеру?

Не знаю.

21 октября 63

Корнилова нет, уехал, а мне вечером к Анне Андреевне. С кем же? Тут милая наша, полюбленная еще с редакционных маршаковских времен, Анна Абрамовна. Она обрадовалась, когда я попросила ее проводить меня к Анне Андреевне («это моя мечта... увидеть ее... хоть издали») — но когда я сказала, что надо будет непременно войти вместе со мною в Будку и увидеть Анну Андреевну отнюдь не издали — «нет, ни за что! ни за что!». И тут я вспомнила, какой застенчивой была она всегда, с юности. Тогда, когда впервые пришла работать в редакцию. И как медленно к нам привыкала.

Однако мне удалось ее уговорить. То есть попросту она поняла, что и без нее я пойду все равно, пойду одна, а это, из-за толкотни у железнодорожных путей, по вечерам опасно.

Пошли. На дверях большой белый лист. Анна Абрамовна прочла мне вслух: «Я у Гитовичей». Карандашом написано, и почерк — я взяла в руки и вгляделась — не ахматовский.

Дача Гитовичей — на том же участке, шагах в двадцати.

Мы поднялись на чужое крыльцо. Я постучала. Вышла женщина — наверное, жена Гитовича, Сильва, а за нею сразу же Анна Андреевна в белой шали. Повелительно: «Идемте ко мне». Сильва вела ее под руку. Они первые взошли на крыльцо Будки. Сильва вертела ключом в замке — дверь долго не впускала их. А мы стояли поодаль, ожидая. Анна Абрамовна внезапно бросилась мне на шею. Я от неожиданности попятилась. «Что с вами?» — «Я видела ее, я ее видела! Спасибо вам!» — повторила она. Господи, какая она еще молодая!

Дверь, наконец, открылась. Анна Андреевна вошла в дом. Сильва — к себе. Я схватила Анну Абрамовну за руку и втащила ее в Будку. Анна Андреевна ласково с ней познакомилась и попросила нас обеих сесть. Сама села за свой стол. Тут началось мучение: Анна Абрамовна не поднимала глаз. Сидела перед Ахматовой, глядя в

пол. Поднимала глаза только тогда, когда Анна Андреевна обращалась не к нам обеим, а непосредственно к ней. Ответы — беззвучные, еле роняемые, — «да», «нет».

Я сказала, что сквозь полуоткрытую в доме Гитовичей дверь видела Литджи.

— Правда, красавица? — оживленно спросила Анна Андреевна и прибавила: — У нее восемнадцать медалей, а у меня только три.⁶⁵

Рассмеялись. Стало на минуту проще, но Анна Абрамовна снова потупила очи.

Я попросила Анну Андреевну почитать стихи. Пусть новая гостья будет вполне счастлива, а я еще раз послушаю «Красотку» — авось, пойму. Да, как я и ждала, Анна Андреевна снова прочла свой цикл из семи и, вероятно, в назидание мне, спросила у своей новой знакомой:

— Все понятно?

— Да, — подняв на секунду глаза, отвечала бедняга.

Я решила, что допрошу ее подробнее на обратном пути. Раз она поняла, пусть и мне объяснит.

Но я не надеюсь. Она умница, но весь вечер пребывала в столбняке.

Анна Андреевна между тем рассказала:

— На днях Бобышев принес мне розы. Их было пять. Четыре вели себя обыкновенно — постояли и увяли — но что выделывала пятая, это непостижимо для ума. Вела себя удивительно. Светилась ночью — только что по комнате не летала! Я ей сочинила мадригал, а потом, когда она все-таки осыпалась, положила ее в коробку и похоронила в саду... Мальчишки дразнятся, говорят, что мадригал неудачный. Ну что ж! Мадригалы вовсе не все и не всегда бывали удачны. Правда?*

Прочла. Неудачный! Я сказала, что хоть это и не соответствует моему полу и возрасту, но я в данном случае присоединяюсь к мальчишкам.⁶⁶

Помолчали. Неожиданным и быстрым движением Анна Андреевна достала из стола и протянула мне

* «Пятая роза» — ББП, с. 309. — № 102.

очень странную тетрадку. Небольшие листки, наспех сшитые нитками. (Так я, случилось, наскоро сшивала себе тетради в военное время, когда тетрадей не было, а бумага редкость.) На первом листе выведено: «Сожженная тетрадь». А-а, значит это не просто ее выдумка «Стихи из сожженной тетради»! тетрадь существовала в действительности, существует и теперь! и совсем не сожжена. (А может, в свое время сожжена, а теперь возникла снова?) Я хотела перелистать несожженную, живую, но Анна Андреевна проворно вынула ее у меня из рук и сунула в ящик.

Новая гостья по-прежнему сидела молча, по-прежнему не поднимая глаз.

— Знаете, какую я задумала книгу? — весело заговорила Анна Андреевна. — Книгу по теории сплетни. И о том, как люди разговаривают, не слыша друг друга и себя самих. Вы замечали? Это постоянно и у этого есть свои законы. Приведу пример: одна дама жалуется другой: «скоро зима, а у меня нет шубы». Другая отвечает: «я прохожу зиму в драповом». Правда, мило? Отвечая, не слышит себя. А вот вам пример на перенос ударения. Человек рассказывает о последнем открытии в науке: Иоанн Креститель — историческое лицо. Это доказано. Известно уже, где и когда он жил, ну чуть ли не до пещеры, в которой жил! с полной точностью. Собеседник слушает и отвечает: «Неужели вы верите в чудеса?»

Я сказала, что, по-моему, сплетни нередко создаются так: всякий человек воспринимает из слов другого не то, что другой говорит, а только то, что он, слушающий, способен понять. Стараясь пересказать вашу мысль третьему лицу, даже стараясь добросовестно, он переводит вашу мысль на свой язык. Ведь не только иностранцы говорят «на разных языках», а и люди одной родины, одного языка, но разных поколений, разных социальных слоев, разного личного опыта. И вы, в пересказе собеседника, собственной своей мысли не узнаете... Другое словоупотребление делает и вашу мысль другой. Оттенок мысли, интонации. Наизусть же чужую

речь редко кто способен запомнить. Так что сплетни иногда произрастают невинно.

— Да, люди чаще говорят на разных языках, чем это принято думать, — согласилась Анна Андреевна. — Вы правы, пересказ чужих слов это нечто вроде перевода на иностранный язык. Тщетно пытается переводчик передать оттенки чужой речи, а ведь в них все дело.⁶⁷ Я недавно перечитывала «Войну и Мир». Помните, Долохов, пропуская мимо себя французов, пленных, приговаривает: «Filez!». Толстой отмечает, что слову этому Долохов научился от них же, от французов. В этом комментарии — целая эпоха. «Filez!» значит: «давай, давай!» Конечно, гувернеры не обучали своих питомцев таким словечкам... А для нас этот оттенок вульгарности пропадает.

Потом:

— Но что делается в переводах под строкой! Я никогда никуда не хожу, но тут я готова пойти к директору издательства, чтобы ткнуть его носом в это безобразие. Итальянское спутано с латынью! Ошибка в каждой строке! Я готова идти и даже сидеть у него в предбаннике!

Потом:

— Вы знаете, я считаю неприличным делать замечания людям, если они неверно говорят. Неприличным и пошлым. Ничего не поправляю. Все переношу. Но вот «во сколько» вместо «в котором часу» или вместо «когда», — тут она задохнулась от гнева и дальше произнесла по складам, — я вы-нес-ти не мо-гу. И «мы живем в Кратово» вместо «в Кратове» — тоже не могу.

Я тоже. Но в отличие от нее совершаю пошлые поступки: ору на собеседника. Или спрашиваю: почему вы говорите «живу в Переделкино», а не в «в Переделкине»? С чего бы? Ведь русский язык склонен к склонению. Почему же вы не склоняете названий? Или почему бы тогда не говорить: «Я живу в Москва»?

Анна Андреевна спросила у меня, как поживает Александра Иосифовна. («Я всегда помню, что Александра Иосифовна сшила мешок для вещей... я шла на свидание

к Леве».) Я ответила: Шура живет очень одиноко, кто из ее близких в тюрьме погиб, кто на войне; Тамара Григорьевна умерла; Самуил Яковлевич и я в Москве, я не рядом с нею, как раньше. К тому же она много болеет, а болеть в пустой квартире, без всякого ухода, в одиночестве, не только грустно, а и опасно. Одна!

— Марусенька Петровых говорит мне, — сказала Анна Андреевна, — «вы окружены морем любви». (И вдруг у нее, у Ахматовой, на лице промелькнула улыбка — прелестная, лукавая, шаловливая даже.) — Вы заметили? Я ответила вам по схеме, только что мною осужденной! «У меня нет шубы». — «А я прохожу в драповом». — «Александра Иосифовна хворает одна». — «А я окружена морем любви».

Она рассмеялась — над собою. Мне стало весело. Даже Анна Абрамовна позволила себе улыбнуться.

— А знаете, что со мной случилось недавно? — проговорила Анна Андреевна навстречу этой улыбке. Весело проговорила, даже шутливо. — Включаю я как-то мимоходом радио. Слышу вдруг свое имя. И м-сье André Jdanoff... Это французы передают, что китайцы передают, что Жданов относительно злодейки Ахматовой был совершенно прав, и напрасно ее стихи переиздаются сейчас ревизионистами в Советском Союзе. Вы только представьте себе: я одна и против меня 600 миллионов китайцев!

Анна Андреевна испуганно поежилась, помолчала и заговорила опять:

— Бедные китайцы! Они ведь еще живут до XX съезда, до Хрущева, еще при Сталине, Ежове, Берии. Никакой Солженицын еще не рассказал им во всеуслышанье про *их* лагеря. Наши ужасны, а каковы же китайские? Они ведь всегда идут след в след за нами, только еще чудовищнее.

Я постаралась представить себе китайского Ивана Денисовича в китайских лагерях. Но — не удалось... Ведь в сущности о китайцах я знаю одно: их 600 миллионов. Мао терзает их, а они готовы терзать друг друга и нас.

Узнать бы, сколько миллионов человек из этих шестисот — в тюрьме?

600 000 000. 600 000 000. Эти нули воображению ничего не дают.

Я попросила Анну Андреевну почитать нам еще. Она прочла — Марине Цветаевой. И еще раз многозначительно повторила: «Мне тут сильно помог Маршак». В чем, где? «Он объяснил мне, что у меня плохой конец, и я сделала по-другому, лучше».

Я порадовалась. Я-то хорошо знаю — испытала, видела — как сильно умеет помогать Маршак! Недаром к его суждениям и Твардовский прислушивается.

Когда я упомянула имя Твардовского, разговор впал в обычную теперь, куда ни приди, колею: кто, когда и в какой мере понимал, что творилось вокруг? На воле и в застенке? пытки, показания под пытками? Я, как всегда, сказала: «Разные люди понимали в разное время. Если скинуть со счета тех, кому выгодно было не понимать, то, надо признаться, что встречались люди, не понимавшие искренне. Не так-то просто обобщить частный случай — “нашего Петра Иваныча взяли зря” — до масштабов целой страны». (Ибо нелегко происшествие, ощущаемое тобой, как бессмыслица, осознать не как случайную чью-то ошибку, а как обдуманное, запланированное, многомиллионное — и притом бессмысленное — мероприятие. Для чего государству потребовалось убивать миллионы неповинных Петров Иванычей? Человеческий разум привык искать цели, а тут цели никакой не представишь, оттого и людям не давалось понимание.)

Выслушивая подобные мои рассуждения, Анна Андреевна обычно начинает негодовать весьма могущественно. Так случилось и сегодня.

— Ах, они не понимали? — закричала она. — Ложь. Вздор. Не хотели понимать — дело другое.

(Она-то всегда оставалась мудра и прозорлива. Но ведь мудрость и прозорливость не каждому даны... Да и понимала ли она вовремя коллективизацию? Я с ней в ту пору знакома не была. Спрошу как-нибудь.)

Наступило долгое молчание. Анна Андреевна, видимо, устала. Мы простились.

Тихие фонари на Озерной.

Я давно не встречалась с Анной Абрамовной, но слышала от общих друзей, что любимый ее брат, арестованный в 37-м, реабилитирован посмертно. Но, думала я, он расстрелян — жена его была отправлена в лагерь, а это, как я узнала в сороковом, верный признак мужни-на расстрела. Я собиралась поговорить о «Красотке», но, пока мы шли по Озерной, спросила у Анны Абрамовны, вернулся ли за эти годы кто-нибудь, кто сидел с ее братом в одной камере и что ей вообще известно о его последних днях. Спросила — и раскаялась. Ужасно, ужасно, и зачем рассказали ей? Впрочем, «кто имел силы пережить, должен иметь силы помнить». О гибели брата ей сообщили двое вернувшихся. Он был не расстрелян, а запытан, он умер на Шпалерной под пытками. Он отказывался подписать что бы то ни было — о себе, о других (а ему вменялось в вину участие в террористическом заговоре) и обозвал следователя гестаповцем. В разговорах с товарищами по камере он утверждал упорно, что в стране произошел фашистский переворот и вот почему арестовывают неповинных и, уж разумеется, в первую очередь, коммунистов. (Он был коммунист.) ...О, сколько раз слышала я в тридцать седьмом эту версию! За нее хватались, цеплялись, она вносила смысл в бессмыслицу!.. Его избивали на каждом допросе. Однажды под утро в камеру втащили и бросили на пол какую-то окровавленную рогожу: «вот вам ваш Освенский»... Он был еще жив. Шевелил губами. Умер к утру.

Что́ он понимал — до тюрьмы? Чему — служил, служа партии? Что́ — понял?

22 октября 63

Сегодня я провела у Анны Андреевны весь день напролет.

Чуть я пришла, Анна Андреевна дала мне чистый лист и велела записывать.

— Пишите.

Прочитала тихим, серьезным, спокойным голосом подробное, обстоятельное опровержение статей Маковского и Струве. С цитатами, датами, доказательствами, ссылками, разъяснениями — ну вот, например, разъяснено, что «лунная дева» в стихах Гумилева — это она. Потом отложила листки и принялась устно излагать сущность дела. Она уже излагала то же самое Нике, Корнею Ивановичу, Комере.

— Мне чужого не надо. У Николая Степаныча было много дам, и я их всех перечисляю. Но — в другой период. А вламываться в мою биографию и исказить ее — я не позволю. И его облик изменять — тоже. Был такой период творчества и жизни Гумилева, когда все его стихи — обо мне, когда всё в его жизни имело истоком — меня.⁶⁸ Путешественником он стал, чтобы излечиться от любви ко мне, и Дон Жуаном — тоже. Брак наш был концом отношений, а не началом их и не разгаром. Этого никто не знал. Нас надо было смотреть в девятьсот пятом — девятьсот девятом годах. Тогда Николай Степаныч закладывал вещи под большие проценты, чтобы приехать и увидеть мой надменный профиль какие-нибудь пятнадцать минут.

Я прекрасно понимаю, что читать собственную биографию или биографию мужа не только в искаженном, а даже хотя бы и в чуть-чуть не точно изложенном виде, — тяжело. Прикосновение чужой руки к твоей жизни, к твоей памяти — больно. А вмешиваются все, кому не лень. Таковы, наверное, раны, неизбежно наносимые славой...

(Записать — я записала. А дальше что? Где это и когда это доступной окажется мне возможность полемизировать с потусторонними Струве и Маковским? Впрочем, Анна Андреевна, конечно, продиктовала свой протест многим, да и сама записала, и в неведомое нам будущее доберутся, быть может, когда-нибудь чьи-нибудь листки.)

Анна Андреевна протянула мне газетную вырезку — статью Георгия Иванова о «Бродячей собаке». Дешевка!

И кроме того: стихотворные цитаты — из Ахматовой, например, — перевераны. Это уж последнее дело: переверять стихи.

— У него и всё так, — сказала Анна Андреевна.⁶⁹

Заговорили, уж не помню почему, о школе. Я — о дочке моих любимых Пантелеевых, о Машеньке. Хотя она и вежлива, и дисциплинирована, и прилежна, да к тому же от природы одарена явным талантом актрисы, учителя в школе ненавидят ее и очень деятельно отравляют жизнь и ей, и ее родителям.

— Чему вы удивляетесь, — сказала Анна Андреевна. — Они ведь садисты. Педагогика развивает садизм. Педагоги — деспоты, а от деспотизма до садизма — один шаг. Так было всегда, а теперь уж и говорить нечего... А разве то, что изобразила Вигдорова, — не один из видов садизма?

Анна Андреевна попросила меня рассказать о моей вчерашней спутнице.

— У нее хорошее лицо. Но почему люди так меня боятся? Ведь она слово вымолвить боялась.

Я, в беглых чертах, рассказала об Анне Абрамовне: «одинокая мать», работала у нас в редакции младшим редактором, растила маленькую дочку. Когда, в 37-м, редакция была разгромлена, Анну Абрамовну уволили. И тут же обрушилась новая беда: арестовали брата, а потом и невестку. Остались две девочки. Анна Абрамовна взяла их к себе и своим трудом вырастила всех трех: дочку и двух племянниц. Хотя и право на труд вернули ей далеко не сразу.

— Желала бы я видеть хоть одного человека, — с тихим бешенством сказала Анна Андреевна, — в семействе которого в 37-м году не оказалось бы врага народа. Одного, двоих... Брат и невестка погибли?

— Невестка вернулась, а брат — погиб, — ответила я. Конечно, ни слова, ни словечка ей, ее больному сердцу, о кровавой рогоже! Ни слова, хотя эта проклятая рогожа всплыла передо мною сегодня, чуть только я открыла глаза.

Рассказывая про Анну Абрамовну и девочек, я вдруг вспомнила то, о чем не вспоминала столько лет. Один раз, мы, Туся, Шура, Зоя и я, решили помочь Анне Абрамовне устроить для девочек веселую елку. Пришли с подарками. Одной, — помнится, Лене, — подарили большую, нарядную коробку шоколадных конфет. Когда девочка открыла коробку, оттуда к ней на колени выпал красный квиточек: по красному полю белыми кудрявыми буквами «Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство»...

— Если бы Сталин не умер, — сказала Анна Андреевна, — этой девочке, кроме счастливое детства, причиталась бы и счастливая юность. Ее арестовали бы: дочь расстрелянного должна была бы пополнить собою ряды «мстителей». Ее ожидала бы судьба моего Левушки... А ваша Анна Абрамовна — подвижница. Оттого она такая застенчивая. Подвижники всегда застенчивы. Помните у Толстого — подвиг капитана Тушина? Подвиги разные — не знаю, который выше, — а застенчивость равная.⁷⁰

После того, как Ханна Вульфовна накормила нас обедом, я предложила Анне Андреевне выйти на воздух. Завтра она уезжает, я толкусь у нее каждый день и все без толку: так мы ни разу и не вышли!.. Нет. Не пожела-ла.

— Ну посидите со мной еще немного. Теперь мы не скоро увидимся, только в Москве. Еще ведь светло, вы уйдете засветло, вам и без провожатых не страшно будет через рельсы. А я зато расскажу вам про свою последнюю встречу с Блоком. Я была на его последнем вечере в Большом Драматическом. Вместе с Лозинскими в каких-то своих лохмотьях. Когда он кончил читать, мы пошли за кулисы. Александр Александрович спросил меня: «Где же ваша испанская шаль?» Это были его последние слова, обращенные ко мне*.

---

* Эти слова почти с точностью совпадают со строками из будущих «Воспоминаний об Александре Блоке» (см. «Двухтомник, 1990», т. 2, с. 196).

Стоя в передней, пока я надевала пальто, она сказала очень добрым голосом:

— Идя навстречу вашему непониманию, я решила разъяснить «Красотку» с помощью эпитафия. Найду что-нибудь из Катулла или Горация. Большого я сделать не могу*.

Я вспомнила, уже миновав станцию, что ведь и я тоже была на том вечере Блока в Большом Драматическом! Но когда я слушала сегодня ее рассказ — Блок, Лозинские, шаль — мне и в голову не пришло, что это тот самый вечер! Тот самый, где Дед читал свое вступительное слово, где я в последний раз слышала, как читает Блок**. Загадочное понятие «время», она не раз говорила об этом, и она права. И память. Последний вечер Блока в Петрограде — это из моего, из моего подвала памяти — странно, что два подвала, столь разные, могут оказаться бок о бок. В 1921 году мне четырнадцать лет, я — никто, а она уже давно Ахматова, он уже давно — Бог. Он говорит ей свои последние слова. И я тоже где-то тут неподалеку *одновременно*. Сейчас у нас 63-й. Я не я, она не она, его нет. Как это понять? Наше существование? То же время, те же факты — а память разная. Путаюсь.

23 [?] ноября 63, Москва

Анна Андреевна начала мне звонить — домой и на дачу — с первого дня моего возвращения. «Приходите скорее». Но я не могла сразу. Она сердилась.

Сегодня я, наконец, выбралась. Теперь живет она далеко, на набережной Шевченко, у Западовых (то есть у Галины Христофоровны).⁷¹ Длинная комната. Никакая. С первого же слова я поняла, почему Анна Андреевна так упорно добивалась свидания. У нее ко мне дело. С него и начала.

* Стихотворению «Красотка очень молода» в печати предпослан эпитафия из Горация: «O quae beatam, Diva, tenes Cyprum et Memphin...» («О, богиня, которая владычествует над счастливым Кипром и Мемфисом...»).

** В Большом Драматическом Театре, 25 апреля 1921 г.

— Мне уже давно предлагает «Советский Писатель» — ленинградское отделение — выпустить мой однотомник. Сурков предлагал. Я все отказывалась: хотела одни только новые стихи, «Седьмую книгу». Теперь согласилась. Пусть однотомник. Дело только за вами.

— За мной?

— Да. Составлять будете вы.

Я? Ох, как это сейчас мне не ко времени и, главное, не по глазам. Но по душе. Большая честь, да и радость: ведь составлять-то будем вместе! Случалось мне участвовать в подготовке и других ее сборников, но все-таки составляла их не я. А тут — я. Она и я... Поблагодарив, я выдвинула одно условие: чтобы с издательством, с редакторами мне ведаться не пришлось. Я с ними не умею. В борьбе с редакторами сколько я собственных своих работ загубила (вполне «легальных», о «Софье» не говорю). Составить — составлю, а уж в редакцию — оборонять, уступать, торговаться — пусть ходит кто-нибудь поумнее. От меня один только вред.

Анна Андреевна кивнула.

— Узнаю непреклонного автора «Лаборатории», — сказала она*.

Ну и ладно. Сговорились... Потом Анна Андреевна достала откуда-то с подоконника толстый том. Протянула его мне.

«Воздушные пути», № 3.

О, какая радость, какая милая книга! Какой формат, какой шрифт, какая бумага! Держать в руках — и то приятно. И открывается именем Анны Ахматовой.

На первом месте — стихотворение «Нас четверо». (У нас оно, помнится, печаталось в «Литературке» без одной строфы и всего с одним эпиграфом вместо трех — а вот в «Воздушных путях» целиком!) Другое ахматовское стихотворение у нас не печаталось вовсе — обращенное к Цветаевой: «Невидимка, двойник, пересмешник...»**.

* См. 51.

** «Нас четверо» — см. «Записки», т. 2, с. 485, № 97; «Невидимка, двойник, пересмешник», то есть «Поздний ответ», см. там же, «За сценой»: 51; № 60.

— Кто-то из моих ближайших друзей безусловно состоит у них на жалованьи, — сказала Анна Андреевна. — Нет, нет, не из ближайших, вы, например, вне подозрений. Но кто-то из очень осведомленных. Подумайте: и ненапечатанные-то стихи они знают, и про «Домик на Васильевском» им известно, что я как раз над ним сейчас работаю, и в «Поэме» про мое письмо к вам...

Она не дала мне толком прочесть стихи, взяла у меня из рук книгу и открыла чью-то статью о «Поэме без героя». Там отрывки из «Письма к NN». (Снова это письмо именуется почему-то «Письмом к Н.» и преподносится в качестве «письма-введения», хотя в то недолгое время, когда оно в «Поэме» существовало, оно было всего лишь примечанием в конце... Плохо исполняет свои обязанности товарищ на жалованьи!)

Прочесть статью Анна Андреевна мне не дала, книгу захлопнула. И опять открыла, и опять протянула мне:

— Прочтите-ка стихи. Про себя, пожалуйста.

Ну да, сначала ведь я прочла только так, поглядела, обрадовалась. А теперь прочла толком. И радость померкла.

«Духом, хранителем “места сего”» превратилось в бессмысленное «места всего» (это в первом стихотворении), а во втором «Маринкина башня» — в «Мариинскую». Боже мой, как же работают издатели, составители? Бумага у них есть, шрифт образцовый, цензуры нет (из-за цензуры здесь были удалены три эпиграфа и целая строфа!) — чего же им не хватает? Если нету там русских наборщиков и корректоров — смотрели бы в оба сами! Нельзя же делать такие жирные ошибки на самом видном месте, в начале тома! Ведь все они, небось, профессорского звания — и не знают «места сего»! Ну, а если заметили слишком поздно — обязаны были вклеить в тираж листок с опечатками... Нам здесь спасенья от цензуры не хватает, и бумаги вечно не хватает, а им там — чего?

Анна Андреевна «повернулась вполоборота»:

— Любви, — сухо сказала она.

Любви? Но тогда можно было бы и совсем эти стихи не печатать. Начальства над ними нет, никто их под руку не толкает: запретить, или, напротив, печатать Ахматову. Трудятся они по собственному почину. Вольному воля...

— Не огорчайтесь, — сказала Анна Андреевна, снова вынимая книгу у меня из рук и решительно отправляя ее на подоконник. — У нас с вами таких чудовищностей не будет... Давайте, я вам лучше смешное расскажу.

Рассказала, что ее навестили один заезжий француз и дама. Дама сидела в столовой, вместе с хозяевами, а француз с нею, у нее. Когда гости ушли, выяснилось, что у них в этот вечер были билеты в Большой, на «Лебединое озеро».

— Какое там! Он сидел у меня шесть часов. Да, да, ровно шесть. Я сосчитала. Я своими глазами видела, как у него за это время выросла борода... Еле-еле его от меня домкратом вытащили...

Я подумала: а ведь в самом деле, видеть Ахматову интереснее, быть может, чем «Лебединое озеро». Я вижу ее часто, привыкла, но понимаю француза, хотя мне и не дано понимать, что именно в ней интересно людям чужого языка, чужой судьбы. Чтó интересно и дорого нашей Анне Абрамовне — понимаю, чтó французу — нет...

Анну Андреевну позвали к телефону. Чуть только она вышла из комнаты, я схватила с подоконника книгу. Открыла оглавление. Ох, сколько тут интересного, вот бы мне почитать: письма Бабеля! Воспоминания Михаила Чехова! Артур Лурье! Да и статья о «Поэме»!

Однако, воротившись, Анна Андреевна сразу лишила меня этой надежды. Она дала мне понять, что книга эта в течение ближайшего времени должна вернуться к владельцу.

Досадно!

Я поднялась.

— Ну посидите со мной еще пять минут. Я так рада, что вы согласились составлять мою книгу. Знаете, что

сказал о моем последнем цикле Зенкевич? Влюбленность изображена тут в виде некоей третьей силы, вне людей существующей.

Что ж, это верно. То есть и то, что влюбленность в виде посторонней силы изображена в «Красотке», да и в жизни оно так и есть. Приходит некая третья сила и начинает распоряжаться двумя неповинными людьми. Они, в сущности, ни при чем.

2 декабря 63

Я торопилась в поликлинику, но Анна Андреевна позвонила с утра и попросила непременно приехать: хочет посоветоваться о цикле стихов для «Нового Мира». После поликлиники мне — в библиотеку, но я вырвала час и поехала к ней. «Новый Мир» — «Новым Миром», а звонок ее был вызван серьезной бедой: 29 ноября в газете «Вечерний Ленинград» появилась статья о Бродском — статья страшная: называют его «окололитературным трутнем», «тунеядцем», а у нас тунеядство — обвинение нешуточное, могут и выслать и посадить.⁷² То, что Иосиф — поэт, ему не защита: поэтами и вообще литераторами признаются только члены Союза или хоть какого-нибудь Группкома. Бродский же не член ничего, а просто поэт. Да еще непечатающийся. Правда, Бродский переводит с польского, а труд переводчика у нас трудом признается, но только при наличии договора с издательством. По слухам же, объяснила мне Анна Андреевна, Косолапов, директор Гослита, собирается договоры с Бродским спешно расторгнуть.

Анна Андреевна встревожена и от тревоги больна. Неужели вот так, до последнего дня своего, осуждена она терзаться судьбами друзей? Терзается: она полагает, что в глазах начальства Бродскому повредила его дружба с нею.

— Будут говорить: он антисоветчик, потому что его воспитала Ахматова. «Ахматовский выкормыш».

Сказать, разумеется, все можно. Но из чего же следует, что Бродский — антисоветчик? На самом деле, в сти-

хах Бродского — в тех, какие известны мне — нету ничего а) антисоветского; б) ахматовского. Никакой связи с поэзией Анны Ахматовой (и вообще с чьей бы то ни было) я в стихотворениях Бродского не улавливаю, я не в состоянии понять, откуда они растут. Советской властью он, по-видимому, не интересуется вовсе, и трудно сообразить, почему она интересуется им?

Я прочла валяющуюся на столе статью и уверила Анну Андреевну, что упрек в ахматовщине там начисто отсутствует, хотя и мелется какая-то привычная галиматья насчет модернизма, пессимизма и декадентщины. Цитаты же из стихотворений вырваны так, что вообще ни о чем не свидетельствуют.

— Еще бы! — сказала Анна Андреевна измученным голосом, — там нет ни одной строки из стихотворений Бродского. Все чужие.

Легла на тахту, на спину, руки вдоль тела. Я спросила, припасен ли поблизости нитроглицерин? Она молча кивнула. Потом помотала головой по подушке: не надо, пройдет и так.

Статья скрыто, и притом явно, антисемитская. А что касается антисемитизма, я считаю его тоже надругательством не столько над «лицами еврейского происхождения», сколько над русской культурой, над Россией, в такой же мере поклепом на нее, в какой нынешний газетный язык — карикатура на русский.

Изобилие соответствующих фамилий в поименном перечне поклонников Бродского. Подписи под погромной статьей стоят три; из трех фамилий две еврейские — вот и концы в воду, никак нельзя упрекнуть разоблачителей в антисемитизме! * Прием проверенный и давно известный. «Группка» — опять группка, снова группка — сколько раз еще мы будем это читать? И если «группка» — то где же неразлучная с нею «школка»? Если бы после XX и XXII съездов действительно насту-

---

* Подписи под статьей в «Вечернем Ленинграде» («Околлитературный трутень») — А.Ионин, Я.Лернер, М.Медведев.

пило новое время, то откуда бы взяться старым приемам и словесным клише? «Воспитательная работа» — вечная, нескончаемая воспитательная работа! столь схожая с работой Лубянки, что и не заметишь, где кончается одна и начинается другая. Наша Родина с большой буквы и непременная тяга ныне разоблачаемого злодея к какой-то чужой, не нашей родине — той, которая с маленькой. Не выбраться читателю из этой лжи; читатель — муха, всеми лапками увязающая в липкой бумаге. Подлинные факты читателю неизвестны, ему не на что опереться, чтобы спастись, не увязнуть. (Вот ведь и я не знала, что цитаты выдернуты из стихов, Иосифу не принадлежащих. Но меня спасает «стилистическое обоняние»: чтобы почуять ложь, мне не требуется осведомленность в фактах: у лжи есть запах. Не устаю удивляться, как его не чуют другие.)

«Тошнит, как от рыбы гнилой».⁷³

Газетину эту выбросить на помойку, к сожалению, нельзя: придется ведь «что-нибудь предпринимать». Интересно — что? Ответа в печати не допустят. Вряд ли решился бы выступить с этой мерзостью «Вечерний Ленинград», если бы мерзость не была «согласована и увязана» с «вышестоящими инстанциями».

Кончается статья угрожающе: «Такому, как Бродский, не место в Ленинграде».

Знаем мы это «не место». Десятилетиями оно началось одно место: лагерь.

Анна Андреевна очень решительно села. Опустила ноги на пол. Прислушалась к сердцу. Встала на ноги. Опять прислушалась. И села за стол.

Мы начали было отбирать стихи для «Нового Мира», перебрасываясь начальными строчками. Однако не судьба была нам сегодня работать. Раздался вежливый стук в дверь: пришел Лев Адольфович Озеров. Не помню уж по какому поводу, он начал подробнее описывать зал, где в Стокгольме происходят торжества по случаю вручения Нобелевских премий. По-видимому, где-то в мире действительно существует Стокгольм.

Мое время истекало. Пора идти. Поговорили о существующем мире еще: про убийство Кеннеди — и о Кеннеди, и о его жене, и о том, что у нас в стране и интеллигенция и «народ» его любили.

Я ушла.

8 декабря 63

Она звонила один раз в промежутке, но я не могла придти: библиотека, поликлиника, Переделкино. Сегодня вырвалась, наконец, к десяти часам вечера.

Анна Андреевна в своем нарядном сером платье, оживленная, красивая. Она только что из гостей — от Озерова — где, по ее словам, «шампиньоны, инженеры, икра; физики, любящие стихи — знаете, как это сейчас принято всюду».

Я ей рассказала о нашем с Фридой замысле: напишем о Бродском подробное письмо Игорю Сергеевичу Черноуцану, одному из деятелей аппарата ЦК. По поручению Корнея Ивановича мне уже приходилось встречаться с ним. Человек интеллигентный, доброжелательный, и склонен опекать литераторов. Напишем ему завтра же, не откладывая, и, вместе со своим письмом, передадим и письмо Иосифа: он опровергает пакостную статью факт за фактом, пункт за пунктом.⁷⁴

Бродский был все время в Москве, но теперь уехал обратно в Ленинград по звонку отца.

Анна Андреевна обрадовалась нашей затее.

— А вы знаете, Толю Наймана уже тоже втянуло в дело Иосифа теплым воздухом, — сказала она печально. — Они ведь близкие друзья. Косолапов теперь и с ним не желает подписать договор. Его может постичь точно такая же судьба, какую они готовят Иосифу.

Анна Андреевна спросила, читала ли я стихи Бродского и что о них думаю.

Пока я жила в Комарове (уже после ее отъезда), ко мне частенько приезжали мои молодые ленинградские друзья, и каждый раз с целыми охапками стихов. Стихи Мочалова, Сосноры, Плисецкого, Горбовского, Гор-

дина, Кушнера, еще чьи-то. Кушнер? Да. Соснора — нет. Я не знаю, за что его поносит начальство, но мне кажется — тут никакой лирической волны. Ценители говорят: «стихи интересные». А я этого термина не понимаю... Впрочем, любовь сегодняшней ленинградской молодежи — Бродский — имя его и его строки не сходят у них с языка. И мне его стихи полюбились, хотя и не все. «Новая гармония» слышна безусловно. А все-таки воспринимаю я поэзию Бродского какими-то странными клочками, ломтями, кусками. Одни стихотворения сразу запоминаю наизусть, переписываю для москвичей, показывала, вернувшись, Корнею Ивановичу и Самуилу Яковлевичу, иногда чуть не плачу от них, — а другие не воспринимаю совсем, хоть убей, ни звука. Для меня существует не один поэт Бродский, а двое их, причем № 2 не то, чтобы слабее первого, а просто не проникает в мое сознание. И потом, спросила я у Анны Андреевны, почему даже самые горячие поклонники поэзии Бродского с каким-то странным сомнением говорят о нем самом, о человеке Иосифе Бродском? В чем тут дело?

— Бродского любят очень, — ответила Анна Андреевна. — И поэта, и человека. Аудитории гремят. Друзей множество. Однако в Ленинграде возникли среди молодежи разные течения. Например, Горбовский. У него много приверженцев. Вы его читали? Что думаете?

— Я читала, и мне он не кажется значительным поэтом.

— Мне тоже. Но у него свои поклонники... Они не любят Иосифа... К Бродскому — зависть. Ведь он — чудо.

Это не ответ на мой вопрос: с недоумением, а иногда и порицанием, относятся к Бродскому отнюдь не завистники. Однако, быть может, в слове «чудо» ответ все же содержится. Слово «чудо» включает в себя непонятность. Таковую же, как и слово «поэт». Ну вот, например, никому не удалось до сих пор объединить представление о поэзии Фета с человеческим обликом Афанасия Афанасьевича.

Впрочем, Бродский-человек для меня прежде всего незнакомец. Анне Андреевне видней.

— Вот, полюбуйте, отношение к поэту, — сказала она. — Не к Бродскому.

Она порылась в сумочке и протянула мне письмо. Не помню, из какого города. От одной матери. Речь идет о ее сыне, поэте. Может быть, он и не поэт, но любит поэзию и сам пишет стихи. Письмо страшное.

Грамотой мамаша не владеет: «писсимумизм», «ивангелъ». Жалуется, что сын ее слишком любит книги, купил себе девяностотомного Толстого, заучивает наизусть стихи, делает выписки из «четырёх ивангилий» и уверяет, будто бы в России всегда убивали поэтов: убили Гумилева, преследуют Ахматову. Не хочет читать ничего современного — ни газет, ни журналов. Маменька по этому поводу обратилась к врачам (!), но они сочли молодого человека здоровым. Теперь она умоляет Анну Андреевну «повлиять на сына».

— Да ведь она просто темная дура, — сказала я.

— Ошибаетесь. Она — современная Салтычиха. Не успокоится, пока не запрет сына в сумасшедший дом.

Показала мне список своих стихотворений, отобранных ею для «Нового Мира». Я предложила исключить «Пятую розу» и включить «Если б все, кто помощи душевной...».

Со вторым моим предложением Анна Андреевна согласилась, с первым — нет.

— Мне хотелось, — сказала она в защиту «Пятой розы», — напомнить, что существует такая стихотворная форма: мадригал... Вы не беспокойтесь: я поработала, и сейчас мой мадригал лучше, чем был в Комарове*.

14 декабря 63

Полночь. Я только что от нее. (От Западовых.) Мой доклад о деле Бродского. Невесело! Товарищ Черноуцан на

---

* Оба стихотворения появились в печати только после смерти Ахматовой: см. ББП, с. 260 и с. 309.

О каких стихах для «Нового Мира» разговаривали мы в декабре 63 года — не помню; в июне 64-го в «Новом Мире» появились «Пролог, или Сон во сне» и «При не-посылке поэмы» — БВ, Седьмая книга.

наше с Фридошкой письмо пока не ответил: ни письмом, ни звонком. Гранин уклоняется*. Дар** сообщает, что одна только секция переводчиков по настоянию Эткинда*** вступилась за Иосифа: послала в Гослит протест против внезапного и необоснованного расторжения всех договоров.⁷⁵ В «Смене» лежит будто бы еще одна гнусная статья. Слухи мрачнейшие: Союз Писателей в Ленинграде затевает суд...

В гостях у Анны Андреевны — милый Толя Найман. (Не пойму, с какой минуты стала я в уме называть его «милый Толя»? Но это случилось. Мил мне этот человек своим умением молчать или даже исчезать, если участие его в разговоре необязательно; собеседник же он живой и тонкий.)

Опечалила я Толю и Анну Андреевну своими вестями.

О Бродском Анна Андреевна очень высоко:

— Это как две капли воды похоже на высылку Пушкина в двадцатом году. Точь-в-точь.

Или:

— Не смыть им будет со своих рук его крови. Они будут запятнаны. Ведь Бродский — чудо, дивный поэт.

Давид Яковлевич Дар советует написать письмо в «Известия». Пусть Ахматова обратится туда с письмом в защиту Бродского. План этот возникал уже не однажды, но всякий раз Анна Андреевна отвергала его: она полагает, что ее прямое вмешательство в дело Бродского принесет не пользу, а вред. На этот раз внезапно согласилась.

— Готова писать кому угодно и что угодно.

Однако отложила окончательное решение до понедельника: хочет посоветоваться с Сурковым. «Дело против Иосифа благословил Союз Писателей; может

* Впоследствии Д.А.Гранин переменил свое отношение к делу Бродского и от уклончивости перешел к активной защите. Об этом см. подробнее в отделе «За сценой»: ¹²⁴, а также с. 213 настоящего тома.

** О Д.Я.Даре см. ¹⁶⁵.

*** О Е.Г.Эткинде см. ⁷⁹.

быть через Суркова — путь к обороне самый верный».

Может быть... Анна Андреевна попросила меня для разговора с Сурковым составить ей «шпаргалку» — дата, содержание статьи и пр. Я же попрошу мне помочь Фриду.

Толя дал мне справку о Лернере. Этот главный зачинщик — человек из КГБ. Сейчас работает где-то на какой-то хозяйственной должности, но главная его должность — руководить дружинниками. Они со страстью преследуют фарцовщиков — настоящих и мнимых — пишут доносы на «идеологически невыдержанных» молодых людей, подглядывают, подслушивают, шантажируют. Лернер такой же фанатик сыска, как Бродский — фанатик поэзии. Делает успешную карьеру. Сейчас вот выступил в «Вечернем Ленинграде», это уже шаг вперед, а раньше выступал всего лишь в многотиражке, — в газете того института, Технологического, где учился Толя. Там Лернер заведовал клубом и блистал разоблачительной деятельностью. Там он «выявил антиправительственную группу» в составе Наймана, Бобышева и кого-то еще. «Что можно сказать о комсомольце Наймане? — процитировал Толя. — Найман во всеуслышание заявляет, что у него нет никакой идеологии».

Толя рассмеялся. Мы — нет. («И декабрьским террором пахнуло / На людей, переживших террор».⁷⁶) Я подумала о Мишкевиче. Лернер — вылитый Мишкевич. Обоих на одной фабрике делали. И сколько их, таких, к услугам власти! Не счесть... Толя еще сказал, что для компрометации Бродского пущена в ход интересная фотография: сидят голые бабы, а среди них — одетый, застегнутый на все пуговицы, молодой человек. Это будто бы Иосиф. Но — ни малейшего сходства.

Узнаю Мишкевича. В тридцать седьмом он подделывал поправки в издательских корректурах, чтобы доказать наше вредительство. Впрочем, в 37-м не очень-то требовались фальшивки. Можно было схватить любого прохожего и выбить из него любое признание. А сейчас все-таки требуются какие-то доказательства, документы... Хотя бы и фальшивки.

Толя ушел. А мы молчали, молчали. Я надеялась, молчание кончится стихами. Так и случилось.

Анна Андреевна сказала: «Вот что написано мною третьего дня». Прочла стихи о морозе и расставании. Вздор: не о морозе и не о расставании — о смерти.

О своей смерти.

Расставание с кем-то — и с жизнью! — и при этом не горестное, а торжественное, праздничное, даже, я сказала бы, радостное.

Среди морозной праздничной Москвы,
Где протекает наше расставанье...

Новый Год, Рождество.

И где, наверное, прочтете вы
Прощальных песен первое издание...

Потом как-то так:

И святочного неба бирюза,
И все кругом блаженно и безгрешно...

Я не запомнила всего целиком, но две строки больше полоснули меня по сердцу. Ведь «прощальных песен первое издание» — это ни что иное, как тот сборник, который мне предстоит составлять. А она чувствует себя на пороге смерти. «Что? Что? Уже?...» спрашивает тот, к кому обращено стихотворение*.

Но как празднично говорит она о своей кончине: мороз и праздник. «Блаженно и безгрешно». Так и видишь зажженные елочные свечи, снег, сверкающий лед, огни, купающиеся в сугробах. Так и слышишь: «Мороз и солнце. День чудесный». В морозе и правда живет нечто праздничное. «И святочного неба бирюза, / И все кругом блаженно и безгрешно». Это уже не только безгрешно, а и без нее, это она уже переступила смерть. И по ту сторону празднует Рождество.

...Анна Андреевна беспокоится о «Поэме»: вот-вот должна выйти «первая часть почти целиком» в москов-

---

* ББП, с. 246. Не ссылаюсь, как обычно, на «Бег времени», потому что там, на с. 400, опечатка: пропущена строка — вторая снизу: «Немного удивленные глаза». — № 103.

ском «Дне поэзии». А я не беспокоюсь. Мне все равно. «Не вырежут ли внезапно, накануне выхода?», — тревожится она. А я исподтишка думаю (стыдно признаться!), «хоть бы и вырезали, мне не жалко». Потому что величие «Поэмы», тайна «Поэмы» открывается только в соотношении трех частей триптиха. «Поэма» построена так, что каждая из последующих ее частей переосмысляет предыдущую.

Еще тревожится Анна Андреевна о другой поэме — «Путем всяя земли». Позвонила из Ленинграда Ирина Пунина и сказала, что там вышел ленинградский «День поэзии» с этой вещью.

— Ира говорит, — пояснила Анна Андреевна, — что не хватает пяти последних строк. Но вам-то я их впишу.

Благодарю вас! У друзей появится еще один автограф Анны Ахматовой, а читатель снова окажется обокраденным. Хуже: введенным в заблуждение*.

— Поэма «Путем всяя земли» написана в сороковом году, — напомнила Анна Андреевна. — Время итогов.

Заговорили о ее одномнике. «Нашем». Надо мне за него браться. Но если возьмусь сейчас — загублю, не кончу книгу о «Былом и Думах». У меня ведь договор, срок. Но: «Прощальных песен первое издание»...

Я предложила построить одномник по образцу сборника «Из шести книг»: то есть начиная с последних стихов. Начать с последней книги (с «Бега времени», зарезанного Книпович), а потом идти по книгам назад, в обратном порядке, вплоть до сборника «Вечер». «Первые да будут последними».

— Нет, — сказала Анна Андреевна. — Читатели почему-то терпеть не могут такого порядка.

Галина Христофоровна пригласила нас чай пить. Уютная кухня. Хозяева и неизвестный мне гость (фамилию,

---

* В ленинградском «Дне поэзии» поэма Ахматовой «Путем всяя земли» была напечатана в совершенно изувеченном виде: не «за исключением последних пяти строк», а за исключением конца и двух глав посреди-не.

здороваясь, не расслышала), вкусный крепкий чай. Все любезны, приветливы, но говорить как-то явно не о чем, и Анна Андреевна быстро увела меня обратно к себе.

(Монолог и диалогов последовало в этот вечер немало, но сейчас, когда пишу, в голове сумбур. Глаза не видят, перо не пишет. Два часа ночи.)

Анна Андреевна накинула на плечи черную шаль — тонкую, прелестную. Подарок от Виноградовых.

— Вот это в самом деле *моя* вещь, — сказала она. — Можно накинуть на любое рубище и все будет хорошо.

Да! Шали идут ей любые. Каждая у нее на плечах «пала как мантия», по слову Цветаевой.⁷⁷

Дальше, не помню уж как и почему, затеялся разговор о Тагер — о двух Тагер, Елене Михайловне и Елене Ефимовне. Одна — ленинградская (ее я знаю с давних пор), другая — московская (ее не знаю совсем). Вряд ли и они знакомы друг с другом, эти тезки и однофамилицы. Я спросила о Елене Михайловне — в Ленинграде она живет в одном доме с Ахматовой и они видятся. Елена Михайловна уже несколько лет работает над повестью о «Светлане» Жуковского — там Александра Андреевна Протасова, Воейков, Машенька Мойер, и где-то поблизости брезжит Пушкин.⁷⁸ Я не слыхала ни строки, Анна Андреевна слышала отрывки.

— Слишком долго Елена Михайловна пишет эту повесть. Я заметила, если человек пишет что-нибудь очень уж долго, — он не кончает.

(Так у меня с Герценом.)

— А главы — хорошие?

— В книге слишком много свадеб, и каждый раз очень подробно описана фата. Нельзя так. Свадьба должна быть на всю книгу одна и похороны тоже одни. Возьмите «Мертвые души». Такое страшное название: «мертвые», а смерть там всего одна. Заметили? Смерть прокурора. Прокурор свинья, негодяй, но как страшно ощущаешь смерть, физически. В «Саге о Форсайтах» по очереди умирают все, и когда умирает шестая старушка — ее уже не жалко.

Я сказала, что вообще не люблю «Форсайтов».

— Нечего там любить! Добротный третий сорт.

Я спросила, не думает ли она, не возникла ли толстовская «Смерть Ивана Ильича» из этой вот смерти прокурора у Гоголя? Толчок к замыслу? Эпизод из «Мертвых душ» развернут в «Иване Ильиче» в целую повесть. Быть может, недаром оба покойника — прокуроры? Разумеется, главным побудительным толчком был для Толстого рост его собственного религиозного сознания, мысль о жизни и смерти ничтожного человека, о предсмертном прозрении человека и, главное: мысль о равнодушии живых к умирающему. То же у Гоголя: на странице о смерти, да и на похоронных страницах.

— Об этом стоит подумать, — сказала Анна Андреевна. — Я подумаю, перечту.

Но продолжать ей хотелось о Тагер.

— А Елену Ефимовну Тагер вы знаете? — с живостью спросила она. — Нет? Не знаете, что́ было со мной в Ташкенте? Как она один раз ночью страшно ко мне вошла. Общежитие уже покоилось в объятиях Морфея... Я в своей комнатухе — помните? четверть здешней кухни! — я тоже легла уже, но еще не спала. Вдруг слышу деревяшка по лестнице: «курлы́, курлы́» — и прямо в нашу общую с соседями прихожую. Ну, думаю, не ко мне... Нет, ко мне. Вошла: «я знаю шифр вашей поэмы»... Повернулась и вышла... Представляете себе, как это тогда звучало страшно? Слово «шифр»?

Представляю себе.

Думаю, мысль о взаправдашнем шифре могла возникнуть из-за таких строчек:

Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила,
Что зеркальным письмом пишу...

Но, разумеется, только очень наивный читатель мог принять эти строки всерьез. И начать разгадывать «шифр»! Конечно, как во всех гениальных произведениях искусства, чернила в «Поэме без героя» особенные. Но дело тут не в каком-то специально изобретенном

«шифре» — если только не подразумевать под этим словом приемы любого художества. «Поэма без героя» Ахматовой зашифрована не в бóльшей степени, чем любое стихотворение. Особая трудность триптиха в том, что он — мост из одной эпохи в другую, причем движение на мосту двустороннее — «и туда и назад сразу» — как сказал мне один из моих друзей*.

— Откуда берутся у вас такие умные друзья? — спросила Анна Андреевна.

...Я сплю.

15 декабря 63

Сегодня мы с Фридой составили «шпаргалку» для разговора Анны Андреевны с Сурковым. Всё изложили по пунктам: краткую биографию Бродского, лживость выдвинутых против него обвинений, поступок Косолапова и пр. Фрида отпечатала нашу стряпню на машинке и сегодня вечером доставит ее Ахматовой.

Из ленинградских источников поступило известие (ленинградцы постоянно звонят Фриде), что суд над Иосифом назначен на 25 декабря.⁷⁹

17 декабря 63

Звонила Фрида.

Сегодня Анна Андреевна, Фрида, Толя и Ардов принимали на Ордынке Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. (В промежутке выяснилось, что Дмитрий Дмитриевич, с которым так давно уже дружна Анна Андреевна, — депутат Ленинградского Совета от Дзержинского района! от того самого района, где живет Бродский. Вот удача-то!)

Анна Андреевна изложила ему эмоциональную сторону дела, Фрида, Толя и Ардов — фактическую. Кажется, Дмитрий Дмитриевич внял и будет действовать.⁸⁰ Когда Дмитрий Дмитриевич ушел, рассказала мне Фрида, Анна Андреевне позвонил Сурков, получивший уже ее записку, и сказал: «дело пахнет клеветой».

Не пахнет — смердит.

* Оскар Адольфович Хавкин, писатель, смолоду любящий и знающий русскую поэзию. Подрóбнее см. ⁹⁸.

20 декабря 63

Анна Андреевна позвала меня, чуть только я вернулась в Москву с переделкинского дежурства. День она сегодня снова проводит у Ардовых.

Столовая. Анна Андреевна на диване в углу. За обеденным столом Нина Антоновна и Виктор Ефимович играют в карты. Из глубины квартиры, из комнаты мальчиков — голос Бродского. А меня Анна Андреевна, против обыкновения, не увела «к себе» — по-видимому, маленькая комната занята.

Иосиф, уходящий, присел на минуту к нашему столу. На мой вопрос: «Как в Ленинграде?», ответил:

— В Ленинграде мне звонят по телефону разные голоса и спрашивают: «Скоро ли ты уберешься отсюда, жидовская морда?»

Ну, анонимные угрозы — это старинный прием громщиков.

— Дело Дрейфуса и Бейлиса в одном лице, — сказала Анна Андреевна, в точности повторив определение Маршака. — А я лютая антисемитка на антисемитов. Ничего глупее на свете не знаю...⁸¹

(Голосá, не сомневаюсь, наемные, гебешные, но тем, конечно, опаснее.)

Бродский поднялся и простился. Я пошла проводить его до дверей. В ответ на мои слова утешения и надежды, сказал:

— Вы не думайте, пожалуйста, что мне плохо. Я спокоен. Я все время помню, что двадцать лет назад людям моего возраста было гораздо хуже.

«И не только людям твоего возраста, и не только двадцать лет назад», подумала я. Но не стала уточнять. Радует меня спокойствие этого человека. Не хнычет. Молодец.

На смену Бродскому из глубины квартиры явился Толя Найман. Вести дурные: он говорил по телефону с женой (она в Ленинграде) и ленинградцы советуют показать Иосифа психиатру. Если будет справка о каких-либо психических недугах — можно спасти

Бродского от суда. Ради этого стоит и в лечебницу лечь*.

Хорошего, однако, никто не ждет. Здешние друзья и ленинградские настроены мрачно. Когда я заикнулась было, что, если суд состоится, Фрида непременно придет, все запишет и выступит со статьей в газете, — Ардов закричал на меня:

— Вы не знаете, о чем говорите! Если будет общественный суд — мальчика оттуда на носилках вынесут! Писать можно только до суда и совсем не в газету.

Он бросил карты, встал, порывлся в каких-то бумагах на полке под зеркалом и протянул мне копию своего письма к Толстикovu, первому секретарю Ленинградского Обкома. Вот какие, оказывается, у Виктора Ефимовича высокие связи!

«Уважаемый Василий Сергеевич! В дополнение к нашему разговору вчера...»

Вот как! Они даже встречаются и разговаривают!⁸²

Я прочтала. Письмо толковое. Опровергает все факты, порочащие Иосифа: разоблачена махинация с фотографией, рассказано о незаконном уничтожении договоров, о чужих стихах, ложно приписанных Бродскому, и о том, что Бродский никогда не жил тунеядцем и, хоть и в разных местах, но работал. Все в этом письме хорошо — кроме фальшивого, заискивающего тона. Выходит так, будто «в общем и целом», он, Виктор Ефимович Ардов, и «руководитель мощной партийной организации города Ленина», Василий Сергеевич Толстиков (не просто руководитель — «авторитетный руководитель» — пишет Ардов) будто они заодно, и не Бродского следует оградить, защитить от клеветы, распускаемой мошенниками, будто не их необходимо публично разоблачить и отдать под суд (существует ведь у нас в уголовном кодексе какой-нибудь соответствующий закон?), а оградить от нежелательных слухов и сплетен пресвятую партийную организацию города Ле-

* Об «использовании психиатрии для борьбы с инакомыслием» мы тогда еще не слышали. Да и понятия «инакомыслящие» еще не существовало тогда.

нина. Дело Бродского, дескать, вызывает слухи и сплетни, нежелательные для нас с Вами, уважаемый Василий Сергеич! Чуковский, Шостакович и Маршак собираются написать письмо в защиту поэта. «А зачем нужны нам эти коллективки?», спрашивает Ардов, убеждая Толстикова прекратить дело. «Кому это *нам?*» — спрашиваю молча я.

Да, молча. Необходимо спасти Иосифа. Ардов к Толстикову вхож и знает, на каком языке с ним разговаривать. Упрекая Косолапова в расторжении договоров, Ардов предварительно шаркает перед ним ножкой; даже перед Б.А.Марковым, редактором газетенки «Вечерний Ленинград», расшаркивается: он-де, Ардов, «глубоко чтит Маркова» (за что бы это?), но тот, бедняга, «введен в заблуждение» злонамеренными клеветниками. И потому напечатал статью против Бродского.

Под суд бы этого Маркова вместе с Лернером и Косолаповым! Под гласный народный суд!

Уж эта мне наша бедная власть! Вечно кто-то неведомый вводит ее в заблуждение! Не иначе как в заблуждении пребывали те бедные следователи, которые на следствии сапогами и стульями насмерть забивали ни в чем неповинных людей! Самого товарища Сталина столь искусно, оказывается, ввели в заблуждение, что он, по ошибке, отправил на тот свет или в лагеря около двадцати миллионов человек.

— Давно уже ничто так не терзало меня, как дело Иосифа, — сказала Анна Андреевна.

Мрачные разговоры продолжались под возобновившуюся карточную игру. Нина играла сосредоточенно и молчаливо, Ардов — восклицал, хлопал картами по столу, щегольски распускал веером, или, звучно перебирая карты, собирал колоду. Требовал у Анны Андреевны какие-то деньги, хотя участия в игре она не принимала. Анна Андреевна долго искала возле себя на диване свою неразлучную с нею сумочку, потом долго нашаривала монеты, наконец высыпала на стол перед Ардовым горсть меди и серебра.

— «Страничка из воспоминаний», — сказал Ардов. — «Поклонники поэтессы не представляли себе ее скупости».

Анна Андреевна показала мне московский «День поэзии» 1963 года. Вид отвратный. Стихи, как люди в трамвае, теснятся, наступая друг другу на строки, и сюда же, в этот же трамвай, втиснута «Поэма без героя», «Часть первая». И никакая это не первая часть. «Глава первая», «глава вторая», «глава четвертая». Спрашивается — где же третья? И где предисловие Корнея Ивановича? И куда подевалось начало всей первой части? И почему строфы о Блоке — не все? Ответ на эти вопросы содержится в примечании. Добро бы еще — в примечании от имени редакции, а то подпись «А.А.», от автора. «Автор не счел нужным воспроизводить здесь части “Поэмы”, опубликованные в других изданиях». Гм. Частей в «Поэме» три. Здесь объявлена первая, но и она в клочках. Что же, автор полагает, читатель разыщет «другие издания» и сам составит из них всю первую часть, как ребенок находит на кубиках рожки, хвостик и копытца козы и складывает из них картинку: коза пасется на лугу?

— Это вы в действительности сами «не сочли нужным» публиковать *все* главы и строфы первой части подряд? — спросила я. — Сами благословили пропуски?

— Да, это я сама, — ответила Анна Андреевна высокомерно.

Я умолкла. Боже меня упаси вмешиваться в авторскую волю! Но сомневаюсь я, что это она сама, собственной головой, додумалась до такой белиберды. Тем более, что в пропущенной главе и пропущенных строфах нет ничего, противоречащего цензуре. Уж наверное редакция как-нибудь словчилась в последнюю минуту получить ее телефонное согласие. Поставила Анну Андреевну перед совершившимся фактом.

Желая переменить разговор, я спросила, состоялась ли обетованная беседа с Сурковым.

— Состоялась. «Алексей Александрович, я хочу поговорить с вами о судьбе Иосифа Бродского». — «Анна Андреевна, я хочу поговорить с вами об однотомнике Ан-

ны Ахматовой»... Однотомник, Лидия Корнеевна, будет большой. Включим туда все мои сборники в хронологической последовательности.

Боря привел машину. Анна Андреевна отправлялась обратно к Западovým. (Здесь комната занята.) Боря сопровождал ее. Я села вместе с ними: меня по дороге завезли домой. «Каждый раз, как я вижу Иосифа, он нравится мне в четыре раза больше, чем в предыдущий», — сказала Боря. «Ровно в четыре, не в три и не в пять?», — спросила я.

— А Сурков не пожелал говорить со мною о Бродском, — сказала Анна Андреевна. — Это самый дурной знак. Союз Писателей в своем репертуаре.

28 декабря 63

Суд над Бродским затеян с явно провокаторской целью: в зале сойдется вся хорошая молодежь Ленинграда — защищать его. Этого-то КГБ и надобно: Лернер переписет «крикунов», «зачинщиков», «смутьянов», словом, всех «неблагонадежных»... Радость одна: суд, назначенный было на 25-е, отложен. Надолго ли? И что удастся сделать «депутату Ленинградского Совета Дзержинского района» — Д.Д.Шостаковичу?

Пока что Ардов отвез Бродского здесь в Москве в психиатрическую лечебницу имени Кащенко на обследование. Фридошка предлагала другое: чтобы уберечь Иосифа от всяких ленинградских провокаций, отправить его в Тарусу, пожить у ее знакомых. Но больничная справка — это, быть может, для защиты нужнее?

Вечером сегодня я поехала к Анне Андреевне (она у Западových). С нею снова и снова о Бродском. Хотя следовало бы поменьше: она и без того тревожная, тяжелая, полубольная. У нее Эмма: каплет какое-то лекарство в рюмочку. Эмма Григорьевна видом своим тоже не радуется: поседела, осунулась. Когда в комнате у хозяев рывкнул телевизор, Анна Андреевна его не услышала, я, по своему обыкновению, подскочила от внезапного резкого звука, а Эмма Григорьевна сказала:

— За одной стеной моей комнаты целыми днями ревет телевизор, за другой — радио. Я совсем не могу работать.

Какой там работать! Я на ее месте давно свихнулась бы, или удавилась. Когда работаю, не выношу не только радио-рева, но голосов в коридоре. Мне бы пробковую комнату, как у Марсея Пруста.

Эмма Григорьевна ушла к хозяевам говорить по телефону. Едва дверь за нею затворилась, Анна Андреевна сказала:

— Эмма вот уже столько лет живет хуже худого. Вечное безденежье, а жилье? — вы помните ее конуру? в развалинах при больнице? В новой комнате — попытка радиовещанием.⁸³ Книга не пишется, а ведь никто не изучил так глубоко Лермонтова, как она. Сдать работу надо к юбилею. Это для нее единственный шанс. Это ее хлеб, честь, жизнь. Время лермонтовское она знает до тонкости — без ее помощи и мое пушкиноведенье споткнулось бы: архивы, архивы!.. Эмма — надежный друг: я прочно помню, как она ездила навещать Осипа в ссылке... Орденов за это не давали.⁸⁴

Мне жаль, что Эмма Григорьевна, не имея обыкновения подслушивать, не подслушала этот монолог. Вот и орден.

Эмма вернулась.

Анна Андреевна начала искать возле себя сумку. Не находила, сердясь. Эмма быстро нашла.

— Хотите показать Лиде? — спросила она.

— Да. Уж Лиде-то — простите, Лидия Корнеевна, нашу фамильярность! — в первую очередь.

Она открыла сумку, вынула оттуда какую-то книгу и протянула мне. Книжка белая, рамка черная, и большими внятыми буквами на белой обложке:

АННА АХМАТОВА
РЕКВИЕМ

У меня похолодели руки, а сердце нырнуло куда-то в колени. «Реквием» — напечатан! Уже не машинопись, а

книга. На титуле: Товарищество Зарубежных Писателей. Мюнхен. 1963.

Мюнхен. Почему именно в Мюнхене? Но не все ли равно?

И сразу передо мною Фонтанный Дом, продавленное кресло возле печки, беспорядок, ее нерасчесанные волосы на мятой подушке, вспышка огня в пепельнице, обгорелые края заворачивающегося клочка бумаги. Пепел. 1938.

А сейчас ее слово воскресло из пепла и обращено в самый обыкновенный, обыденный, заурядный предмет: книга! В мире миллионы — а, быть может, и миллиарды книг! — ну, вот, прибавилась еще одна. Еще одна книга — только и всего.

«Пепел Клааса».

Пока я перелистывала «Реквием», добывая при этом слова не из напечатанного текста, а из самой себя, — Анна Андреевна уверяла Эмму, что ее, Ахматову, начнут теперь «перемалывать на кофейной мельнице». — «Не думаю», — говорила Эмма. Я тоже. Вряд ли станут наши, взамен неудавшегося мирового пожара, раздувать новый мировой скандал — вроде пастернаковского. Слишком глупо. Умнее просто не заметить. Борис Леонидович, напечатав за границей «Живаго», жизнью своей и смертью своей выплатил вперед всё сполна. Довольно с нас и того позора, что великий «Реквием» прозвучал на Западе раньше, чем дома. «Мюнхен».

Я отдала книгу Анне Андреевне, и она в тот же миг спрятала ее в сумку. Ну да, чтоб на поверхности не лежала. «Если, в порядке чуда, я получу еще один экземпляр — он будет ваш», — обещала она.

Потом она показала мне короткую записочку Адамовича. Я французского не знаю, и что за записка, кому записка — не поняла. Спросила.

— Это не существенно, — ответила Анна Андреевна. — Не важно, что и кому. Но вы подумайте: один русский человек пишет другому русскому человеку по-французски! Вас это не удивляет?

Затем показала статью Адамовича, передававшуюся по французскому радио. Статья о ней. Я спросила, хорошая ли?

— Большого вранья нет. Но вообще никакая.

Перевела отрывок. «Ахматову чтут в России за ее бесстрашие в сталинские времена. Конечно, в этом уважении играет роль и то, что она великий поэт».

«Играет роль и то...» Да ведь бесстрашие Ахматовой, главным образом, в поэзии, в великой поэзии и выразилось. Это и есть для поэта самое выразительное мужество.

Затем между мною и ею повторился диалог, повторявшийся уже не раз. «Какое же бесстрашие, когда я только и делала, что боялась? Я боялась больше всех». — «Да, вы боялись больше всех, потому что понимали больше всех. Но, одолев страх, написали “Реквием” и многое другое».

Помолчали. Эмма собралась уходить. Я тоже. Я сказала на прощанье Анне Андреевне, что после Нового Года сразу примусь за ее однотомник. (Не совсем понимаю, как выберу время, но примусь. И сказала нарочно, чтобы мне отступать уж было некуда.)

— А будет ли теперь однотомник? — вздохнула Анна Андреевна, кивнув на сумочку.

Мы с Эммой долго стояли на улице, поджидая маршутку. Мерзли. Эмма не имеет обыкновения жаловаться, хотя жизнь бьет и бьет ее. Не жаловалась и теперь. Но в облике ее я все время ощущала бездомность — в опущенных губах, плечах. Внезапно я вспомнила, что забыла посмотреть в новой книжке — стоят ли под стихами даты? Ведь в данном случае даты тоже весьма существенны.

Эмма тоже не поглядела. Наверное, от ошеломленности самим фактом. Обе мы книжку не рассматривали, а только дивились ей. Мы даже обрадоваться оказались не в силах. Естественно было бы в такой день покупать шампанское, подносить автору цветы. Мы же способны только пугаться.

5 января 64

Вечером я приехала к ней — к Западковым — говорить о книге. У меня уже накопились кое-какие замыслы и вопросы: сижу в Ленинской, о «Былом и Думах» не думаю, а перелистываю журналы девятисотых и десятых годов; вылавливаю стихотворения Ахматовой, никогда не перепечатававшиеся в сборниках. Не хочется просто повторять готовые сборники, хочется богаче, богаче... Анна Андреевна может взглянуть теперь на старые свои стихи, когда-то отвергнутые ею, глазами нового возраста и отменить приговор. Да и цензурные требования менялись... Проклятие: ахматовской библиографии не существует, а глаза мои не выносят мелкого шрифта. И поисков, то есть перелистывания.

Кроме некоторых вопросов и предложений, я принесла Анне Андреевне номер парижской газеты, где, среди книжных новинок, упомянут и мюнхенский «Реквием»*. Увидев объявление, она сразу повеселела: газета-то просоветская (если не прямо посольская!).

— Значит, «Реквием» легализирован, — сказала она, — и мы с вами вставим его теперь в мою новую книгу.

Да, вставим в новую книгу! И это будет посильнее пустословия на тему «о массовых нарушениях социалистической законности во времена культа личности Сталина».

Муж в могиле, сын в тюрьме.
Помолитесь обо мне.

Я предложила назвать всю книгу «Бег времени» — дать всему сборнику то заглавие, какое Анна Андреев-

---

* «Русские Новости», 13 декабря 1963 года (№ 967): в перечне книг, поступивших в русский магазин, указан и «Реквием».

на и Ника предназначали всего лишь для собрания новых стихов (для сборника, столь успешно зарезанного Лесючевским и Книпович). Ведь ахматовский однотомика — это в самом деле памятник бегущему времени — и какой памятник и какому времени! Более полустолетия нового века.⁸⁵

Анна Андреевна согласилась. «Почем знать, — сказала она лукаво, — быть может, я и в шестьдесят четвертом году что-нибудь напишу, и тогда будет ровнехонько пятьдесят пять: с 1909 по 1964. Очень хорошо».

Да, если найдем что-нибудь путное в 1909 году, подумала я. (Пока не находилось.)

Анна Андреевна достала из чемоданчика и протянула мне великую драгоценность: свой экземпляр всего прежнего «Бега». Машинопись с ее поправками, с ее пометками на полях и даже с черновиками и вариантами новых стихов. Конечно, никакой машинистке я доверить эти листки не могу. Перепишу всё сама от руки, верну экземпляр Анне Андреевне как можно скорее, а потом уже свой отдам перепечатать... Глаза, глаза! Но о том, как стремительно падает зрение, я Анне Андреевне не говорю. О том, что, когда еду теперь в автобусе или троллейбусе, — из окошка почти не вижу домов. Словно под землей в коридоре метро, где видишь только огни. Молчу: взялся за гуж — не говори, что не дюж.

Недавно на остановке я выпала из троллейбуса. Я не вижу ступенек. Не ушиблась, только порвала чулок.

...Начались бесконечные поиски письма Вигорелли. Я — плохая помощница в поисках, Анна же Андреевна всегда сильно сердается на пропавшую вещь, и, осерчав, не может найти. В чемоданчике — нет, в сумочке — нет, ищем вместе на подоконнике, на стуле и даже под стулом. Анна Андреевна в одышке и в негодовании. Наконец, виноватой оказывается какая-то книга, куда письмо было сунуто.

Письмо — приглашение на июнь в Рим; там Ахматовой вручат премию Европейского Сообщества писателей. Называется «Этна-Таормина».⁸⁶

Она поедет, она снова увидит Италию! Что такое Италия для меня? Названия итальянских городов в правом углу писем Герцена, Тургенева, Толстого. «Итальянские стихи» Блока. «Итальянские впечатления» Розанова. С детства: «Madonna Litta» в Эрмитаже. Венеция в «Былом и Думах» Герцена. Венеция в «Охранной грамоте» Пастернака. Всё.

— Вигорелли пишет, — сказала Анна Андреевна, — «зима промелькнет быстро». Это у них в Риме зима быстрая, а у нас совсем наоборот. У нас старая, добрая, долгая московская зима.

Она умолкла и полулегла на постель поверх одеяла.

— Сердце?

— Нет, Тагор. Так от него голова болит. Переводишь час, и голова начинает раскалываться.

А вдруг, подумала я, выдадут ей такую крупную сумму, что ей более уже не придется переводить? Да еще деньги за «Бег»?

— Раз «Реквием» легализирован, — сказала Анна Андреевна, — мы можем сделать в новом сборнике целый отдел: «Поэмы». Там будет «Путем вся земля», «Реквием» и «Поэма без героя» — вся целиком, наконец. Я ни за что не позволю печатать снова одну только первую часть. Все три части и с лагерными кусками.

Я спросила, как насчет «Венка мертвым».

— Возьмите карандаш, — ответила она. И продиктовала:

«Венок мертвым»

Пильняку	Есенину
Пастернаку	Булгакову
Анненскому	Пунину
Зощенко	

— Что скажет госпожа Книпович? — проговорила она, и, пожимая плечами, произнесла скрипучим голосом. — «Слишком много мертвых и ни одного воскресения».

Я подумала: если на свете возможно какое-либо воскресение, то вот только такое: «Реквием», «Венок мертвым».

— Слишком много мертвых, — повторила Анна Андреевна уже спокойно, всерьез. И рассказала — со слов одного вернувшегося, — что Чаренц, сидевший в соседней камере, дни и ночи требовал морфия*. И добавила:

— Мы все так увлечены цифрами — восемнадцать миллионов, двадцать миллионов, — что стали забывать о людях. Даже мы с вами — забыли. О *каждом* человеке. Да, Лидия Корнеевна, уверяю вас — забыли... А ведь *каждый* погибал по-своему.

Мне кажется, я не забываю. Но, быть может, мне это только кажется. Я помню, но мне не дана от Бога та воскрешающая сила, какая дана ей. Даже одна сотая этой силы. Я сказала, что с возмущением прочла когда-то у Толстого — не помню, где, кажется, в «Круге чтения»: «Лес по дереву не плачет».⁸⁷ И лесу, по-моему, следовало бы оплакать каждое дерево, а уж человечеству! не дерево — человека! Слез не хватит? Плакать можно и молча:

Магдалина билась и рыдала.
Ученик любимый каменел.
А туда, где молча мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

Вошла домработница Оля — постлать постель на ночь. Анна Андреевна пересела на стул. Я хотела protestиться, но она не позволила. «У меня ничего не болит, Тагор прошел, и спать еще рано».

— Давайте играть так, — предложила она. — Назовите лучших, по-вашему, поэтов среднего поколения.

Я ответила: Самойлов, Корнилов, и, судя по единственному известному мне стихотворению, — Петровых. Может быть, еще Новелла Матвеева. Не знаю.

— А я по другому, — сказала Анна Андреевна. — Петровых, Липкин, Самойлов, Корнилов.

Липкин? Анна Андреевна говорит мне о нем уже не впервые. Я же не читала почти ничего.

— А Кушнер? — спросила я.

---

* О Чаренце см. «Записки», т. 2, с. 186.

— Изящен, — ответила Анна Андреевна. Интонация непонятная: то ли в похвалу, то ли в порицание. Она повторила:— Изящен.

— А Горбовский?

— Стихи из вытрезвителя. Groш цена.

Была у нее Багряна. Сказала, что переводить Ахматову на болгарский не следует, потому что болгары и так поймут. У меня никакого представления о болгарском нету, но что Шевченко, например, переводить на русский не следует — в этом я убеждена. Конечно, украинский вполне самостоятелен, но близок. Вместо того, чтобы корезить переводом гениальную лирику, следует печатать и для русских шевченковские стихи по-украински, а под строкой переводить лишь отдельные слова. Ну, например, «година» значит «час», а не год, а слово «рух» — движение. А «луна» — эхо. Но зачем переводить на русский: «Хрущі над вишнями гудуть»?

Тут я вспомнила, что Анна Андреевна вообще украинский не любит, а Шевченко никогда не читала.

Ей хотелось о болгарях:

— Ника привела ко мне дивного болгарина.⁸⁸ Умный, образованный, блестящий. Он мне объяснил, что наши стихи надо переводить на другие европейские языки без рифм, иначе они старомодно звучат. Сейчас вся Европа пишет без рифм, без строф, без всяких признаков формы. Хотелось бы посмотреть, что у них выходит. Я же согласна остаться старомодной.

Я напомнила ей про «Вольные мысли» Блока, про ее же «Эпические мотивы» и «Северные элегии». Рифм нет, точных строф тоже нет, но форма существует безусловная и строгая... Да и в коротких стихотворениях: «Когда человек умирает...», «Думали, нищие мы...». А у Блока: «Когда вы стоите на моем пути...»

Да и у Пушкина: «Вновь я посетил...»

Теперь так пишут в современной Европе?

Почитать бы современных англичан — да где их возьмешь, современных?

* Хрущі (укр.) — майские жуки.

7 января 64

Сегодня мое утро началось с того, что мне позвонил товарищ Черноуцан. Голос суховатый, твердый. Интонации интеллигентные, но сухость, сухость официальная. Этого и следовало ожидать; чего же другого, собственно, я ждала? разговора по душам о поэзии, о стихах Бродского? Вздор какой! Инстанции на то и созданы, чтобы игнорировать суть любого дела. Игорь Сергеевич говорил со мною вполне благожелательно, а затем терпеливо выслушал мои возражения. Спасибо ему.

Он сказал, что редакции «Вечернего Ленинграда» «указано», «поставлено на вид» — за грубость тона и фактические передержки. Произнесены были товарищем Черноуцаном даже такие слова: «статья доносительская». Вот оно что! Нынче и в инстанциях порицают доносы.

На этом бы и кончить: статья грубая, лживая и доносительская. И приступить к «оргвыводам»: редактора газеты — в шею, авторов статьи — под суд за клевету.

Ан нет. С удивлением слушаю дальше. До сих пор все произносилось в соответствии со здравым человеческим смыслом, далее — съехало в причудливую бюрократическую ахинею.

Он, товарищ Черноуцан, позвонив в Ленинград, выяснил: Бродский вел дневник и в этом дневнике встречаются антисоветские высказывания. Кроме того, «общественность», то есть Гранин, председатель Комиссии по работе с молодыми, дал о Бродском отрицательный отзыв. Союз Писателей создал особую комиссию — опять комиссию! — в таком составе: Олег Шестинский и Эльяшевич. (О Шестинском не знаю ничего, об Эльяшевиче — только дурное.⁸⁹)

Я старалась разговаривать сдержанно. Не знаю, удалось ли мне это. Я сказала: а зачем, собственно, требуется комиссия и еще одна комиссия, если Анна Ахматова утверждает, что Бродский — поэт, и поэт замечательный? То же и здешние знатоки перевода и поэзии. Почему Шестинский и Эльяшевич авторитетнее

Ахматовой, Маршака и Чуковского? И ленинградских специалистов-переводчиков, которые уже дали свой отзыв? Что же касается дневников, то — тут я сорвалась — кто же это смеет лезть в чужие дневники? Ведь это занятие постыдное, грязное. Дневник — интимный документ, а не публичная прокламация... Затем, чувствуя, чтохватила лишку, что вклинилась в права «компетентных органов», чья специальность — читать чужие дневники и письма, — я наскоро рассказала все, известное мне о Лернере. «И вот такой грязный субъект имеет власть над судьбой поэта!», сказала я. И умолкла. Собеседник мой и без меня знает отлично, откуда у Лернера полномочия относительно поэтов и не поэтов. Я спешно поблагодарила за звонок, за внимание, и мы простились.

Вечером с этими малоприятными сообщениями я поехала к Анне Андреевне.

Известия мои она встретила гневно.

— Иосиф не член Союза Писателей... К чему тут какая-то особая комиссия? А о Гранине больше не будут говорить: «это тот, кто написал такие-то книги», а — «это тот, кто погубил Бродского». Только так*.

И прибавила почему-то шепотом:

— Иосифа бросила невеста...

Справившись с негодованием и с печалью, — она заговорила уже спокойно и не о Бродском. Но, к сожалению, о Чехове.

Вчера она была у Марии Сергеевны, и они вместе по телевизору смотрели «Человека в футляре». В главной роли — Хмелев.⁹⁰

— Чехов Беликова осуждает, издевается над ним. А мне жаль Беликова. Чем он виноват? Его преследуют насмешками, а он просто душевнобольной, вцепившийся в свои представления... И в конце он падает с лестницы — старый, несчастный, больной — а дамы в больших шляпах смеются над ним. Фу!

---

* О Д.Гранине и о его роли в «деле Бродского» см. примеч. на с. 118.

До чего же, однако, она умеет быть упрямой. Фу! Уж и в больших шляпах повинен Чехов, хотя он ни о каких шляпах не поминает.

Я сказала, что Чехов не в ответе за кинопостановку. Что Беликов отнюдь не болен: нельзя же считать болезнью склонность к фискальству. Тогда и о Лернере можно сказать, что он — «душевнобольной, вцепившийся в свои представления». Не будь фискалом, ябедником! Ах, бедный Беликов, его с лестницы спустили! Да ведь он даже не ушибся, даже очки не потерял. Нет, мне его решительно не жаль — поделом ему, если бы он даже и ушибся. А если Лернера кто-нибудь спустит с лестницы — я счастлива буду! Не подглядывай в замочные скважины, не ройся в чужих дневниках. У Чехова в рассказе нет никакой трагедии Беликова, есть трагедия общества, подвластного Беликову. Инсценировка — это уж особь статья. Там акценты могут быть расставлены произвольно.

— Я грамотная, — перебила меня Анна Андреевна, — и рассказ я читала. Но Бог с вами, не будем о Чехове. Сейчас покажу смешное.

Вынула из сумочки, протянула мне письмо. Письмо от поклонника. Поздравление с Новым Годом, восторги по поводу «Поэмы». Потом:

«Мысленно целую Ваши руки, что имею обыкновение проделывать уже 50 лет».

Проделывать!

11 января 64

Сейчас, когда по случаю работы над «Бегом», следовало бы записывать каждое слово Анны Андреевны о ее стихах, — я веду дневник наспех, кое-как, урывками, неаккуратно. Перелистывание журналов и газет, переписывание новонайденного, поездки взад-вперед к машинистке, вычитывание после машинки, срочные звонки к Анне Андреевне — эпиграф? заголовок? дата? — да и поездки к ней, и самая работа с нею — почти не оставляют времени для дневника. Выходит так: либо работать, либо пытаться фиксировать ход работы. Выбирай!

Я чувствую себя какой-то по-новому слабой. Анна Андреевна тоже не особенно-то бодра. И особенно озабочена: Иосиф, Толя. А книгу как бы там ни было, во что бы то ни стало сделать надо в срок и притом настоящую, ахматовскую, чтобы лучшей была изо всех предыдущих ахматовских книг.

Сегодня я ездила к Анне Андреевне.

Рассказала ей «бродские новости». Они не радуют. Утешительное сообщение товарища Черноуцана, будто газете «указано», «поставлено на вид» и пр., не подтверждается: «Вечерний Ленинград» выступил снова и отнюдь не с извинениями перед оклеветанным, а с целой вереницей «читательских откликов».⁹¹

Знаем мы цену этим «откликам»! Половина сфабрикована, или, как у нас принято выражаться, «организована» — в редакции, не отходя от телефона, а те, что были посланы в защиту Иосифа — а такие, конечно, были — те попросту уничтожены. Единственная хорошая весть на «Бродском фронте», какую я могла сообщить: Фридошка предложила своей приятельнице, Ольге Георгиевне Чайковской, часто выступающей в «Известиях», взять командировку в Ленинград и попытаться там, на месте, выяснить, — что за темная история с дневником? Ведь это, наверное, тоже фальшивка... Та поедет.⁹²

Анна Андреевна слушала меня внимательно. Потом сказала — опять почему-то шепотом:

— Иосиф пытался перерезать себе вены.

Я и так хожу в последние дни со тьмою в глазах. Что-то случилось не то с головою, не то со зрением. К врачу вырваться не успеваю. А тут на миг, а быть может и на целую минуту, я погрузилась во тьму. Не было меня.

— Жив? — спросила я, вернувшись.

— Да... Все из-за невесты...

Яснее, яснее, яснее... свет!

— Вам нехорошо? — спросила Анна Андреевна с некоторым пренебрежением в голосе.— Могу предложить валерьяновые капли.

Мне нехорошо. Мне слишком много.

Мы сели работать.

Анна Андреевна в кресле. Я за столом. Перед нею две табуретки, на табуретках старый чемодан. На чемодане: очки — без футляра, оправа дыбом! и почему-то, как всегда, неочиненный карандаш. Тупой. Говорит, ей на чемодане удобнее, чем за столом. Высоко над этим табуретно-чемоданным сооружением плечи и прекрасная голова Анны Ахматовой. Наклоняться над бумагой ей не требуется: она зрячая, читает издали. Голова закинута, опущены на бумагу глаза.

Запомнила я лишь некоторые наши разговоры.

— «Подорожник» на самом деле назывался «Лихолестье». Меня отговорили друзья.

— Непременно вставим четыре строки, которые вы никогда не слышали и не читали, — сказала Анна Андреевна.

И скупое оно и богато
То сердце... богатство тай!
Чего ж ты молчишь виновато?
Глаза б не глядели мои!

— Это из самых ранних, 1909 год? — спросила я.

Анна Андреевна с сердцем:

— Что вы! Как это может быть девятый год! Бог с вами, Лидия Корнеевна! Это типичные десятые годы... Образчик неистовых речей. В девятом я так не писала.

Я спросила, почему в одном из машинописных перечней, которые она дала мне, строка «Шестнадцатилетние руки» заменена строкой: «Мои молодые руки»? (Помню: были когда-то и «пятнадцатилетние руки».)

— Громоздко. И кроме того — не нужно. Это молодость, вообще молодость. Понимаете? Подписывается договор с жизнью**.

На прощанье Анна Андреевна дала мне перечни тех стихов, которым надлежит войти в книги «Анно Domini» и «Тростник». Теперь я должна по первоисточникам и по разным изданиям проверить состав — не

* ББП, с. 226.

** «Записки», т. 1, с. 98 и 203, а также № 27.

забыто ли что! — и сравнить тексты: нет ли разночтений?

Не могу сказать, чтобы перспектива этой кропотливой работы меня радовала. Но зато! Зато Анна Андреевна продиктовала одно свое старое, никогда мною не слышанное и не читанное стихотворение, которым на самом деле должна открываться книжка «Anno Domini»:

ПЕТРОГРАД, 1919

И мы забыли навсегда,
Заключены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.
Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

1920

— Вы понимаете?— сказала Анна Андреевна.— Оно оказалось — для Петербурга, Петрограда, Ленинграда — пророческим... Написано оно в двадцатых*.

18 января 64

Анна Андреевна от Западовых перебралась на Проспект Мира, к Нине Леонтьевне, вдове Шенгели. Толя Най-

---

* Этими стихами (первоначальное название «Согражда-нам») открывалось берлинское издание «Anno Domini». Стихи были вырезаны почти изо всех экземпляров тиража. Напечатаны снова — спустя пятьдесят три года (ББП, с. 149). — *Примеч. ред. 1996.*

ман снимает комнату, как оказалось, в этом же самом доме, в этом же самом подъезде. Анна Андреевна смеется: «Подумайте: какой огромный город — и такое совпадение! Это то же, что ненароком попасть молнией в муху!»

Тут же, в соседнем подъезде, Володя Корнилов.

Лифт, как водится, чаще стоит, чем работает. Толя на втором этаже, Шенгели на седьмом. Я предпочла бы наоборот. Толя — человек молодой, что́ ему лифт-не лифт?

Комната у Анны Андреевны вытянутая в длину. Верхнего света нет, да и настольная лампа для меня тускловата.

Я разложила на столе вокруг лампы свои листки: вопросы о вариантах, о датах. В журнале стихотворение печаталось так, в сборнике этак; иногда перемены продиктованы редактором, цензором, иногда — Музой. В разные годы цензура запрещала разное: то́ ничего божественного, то́ ничего мрачного, то́ ничего о прошлом, то́ ничего о 37-м, то́ — никаких архаических слов. В угоду цензуре, для спасения стихов, даты тоже, случалось, ставились от публикации к публикации разные.

Анна Андреевна встревожена известиями о болезни Срезневской.

— Это — как весть о себе самой, — сказала она.

В последние годы они, по-моему, виделись редко. И сходства между ними никакого. Но у них, у сверстниц, у однокашниц — общая юность, а значит, и общая память. Они помнят то же Царское, тот же Павловск, тот же Петербург. И, главное, тех же людей.

Анна Андреевна напряжена, тревожна. Но — сели работать.

Я спросила, как быть со стихотворением «Сердце к сердцу не приковано»? В первом издании «Вечера» оно напечатано; затем, когда «Вечер» сделался составной частью «Четок», — в восьми изданиях этой книжки не было стихотворения «Сердце к сердцу...», а в девятом оно явилось опять. Какова же ее авторская воля —

окончательная? Вставлять в новую книгу или не вставлять?

— А вы как думаете?

Я призналась, что по-настоящему люблю только первые четыре строки. Они слышатся мне как некая законченная поговорка — или сентенция? не требующая продолжения. Другие два четверостишия неорганичны, не сливаются с первым, живут каждое само по себе, могут быть, а могут и не быть.

— Ну, если могут быть — пусть будут. Вставим.

Я не спорила и сделала пометку в своем блокноте*.

Зато стихотворению «Хорони, хорони меня, ветер!» не повезло. Оно печаталось несколько раз, но теперь Анна Андреевна произнесла: «Плохие стихи». И вычеркнула**.

Затем я спросила, куда мы вставим мое любимое, появившееся в 1961 году в «Звезде», — «Молюсь оконному лучу»***. Раньше я его не знала. Не открыть ли им всю книгу? Оно ведь 1909 года, из тех ранних, которые Анна Андреевна уже признает. Кончатся же сборник будет стихами шестидесятых. Полвека! Более, чем полвека: 55 лет****.

Анна Андреевна перебила меня:

— Хронологии в расположении своих стихов я придерживаться не собираюсь. Нет, не только из-за цензуры. Хронология губительна, ею загублен даже Пушкин. Она

* БВ, Вечер. № 104.

** ББП, с. 39; см. также «За сценой»: 93.

*** БВ, Вечер. № 105.

**** Печататься Анна Ахматова начала в 1907 году. Однако свои стихи, написанные до 1909 года — даже если они и были опубликованы — А.А. вообще не желала более видеть в печати и упорно не пускала их на страницы своих книг. О многих своих ранних стихах она отзывалась так: «ужасающие» (см. «Записки», т.1, с. 52 и 138). С удивлением вижу их теперь торжественно открывающими третий том «Сочинений» Ахматовой на равных правах с основным текстом.

пригодна лишь для академического издания, а для сборника, адресованного любому читателю, — закон другой.

Я с ней совершенно согласна. Хронология — это для составителя легче всего, а для читателя — всего скучнее. Движение времени, разные периоды в творчестве поэта можно и должно показать другими средствами.

Я сказала, что советую открыть новый сборник именно этим стихотворением не только из-за даты. Существуют ведь в 1909 году и другие прекрасные стихи. Но этому я отдаю предпочтение потому, что оно в известном смысле эпиграфично.

— Объясните, — приказала она.

Я ей стала говорить, сбивчиво и путанно, что в поэзии Ахматовой, всей, в целом, — характерно, чем бывает утешена лирическая героиня, попадая в любую беду, — тогда, в частности, когда «сердце пополам».

— Чем же?

В стихотворении «Молюсь оконному лучу», луч, играющий на рукомылке, «словно праздник золотой / И утешенье мне». Скорбное стихотворение «Все души милых на высоких звездах» кончается такими строками: «А этот дождик, солнечный и редкий, / Мне утешенье и благая весть»*. В горестном «Кое-как удалось разлучиться» — «Черный ветер меня успокоит, / Веселит золотой листопад»**.

— Вы хотите сказать, в любой беде героиню утешает природа?

— Не в том дело. Не только природа. У вашей героини существуют разные способы превращать в праздник любую беду, оскорбление, обиду. Ей есть куда отступать. Изменил ей возлюбленный, она отвечает: «А я иду владеть чудесным садом, / Где шелест трав и восклицанья муз»***. Оклеветали? Забросали камнями? Из этих камней воздвиглась для нее прекрасная башня, «высокая, среди высоких башен». «Отсюда раньше вижу я зарю, /

* БВ, Седьмая книга; «Записки», т. 1, № 34.

** БВ, Anno Domini.

*** «Пусть голоса́ органа снова грянут...» — БВ, Anno Domini.

Здесь солнца луч последний торжествует*». Вот и выходит, что ее побили камнями, а на ее улице опять праздник... Кто-то сказал ей: «Ну что ж, иди в монастырь / Или замуж за дурака...» Но и эта речь — эта обида — превращена ею в торжество.

Принцы только такое всегда говорят,
Но я эту запомнила речь.
Пусть струится она сто веков подряд
Горностаевой мантией с плеч**.

С плеч струится горностаевая мантия! Снова героиня торжествует... Смерть Александра Блока? Горе? Потоки торжества: «А Смоленская нынче именинница...». «А кладбище — роща соловьиная, / От сиянья солнечного замерло...».

— Вы напишете об этом когда-нибудь? — спросила Анна Андреевна неожиданно жалобным голосом.

Я была польщена.

И сборник она согласилась открыть стихами «Молось оконному лучу». Ай да я!

Потом Анна Андреевна сказала, что хочет продиктовать мне одно стихотворение. Насколько ей известно, оно не печаталось до сих пор нигде. Я открыла блокнот.

О, знала ль я, когда в одежде белой
Входила Муза в тесный мой приют,
Что к лире, навсегда окаменелой,
Мои живые руки припадут.

О, знала ль я, когда неслась, играя,
Моей любви последняя гроза,
Что лучшему из юношей, рыдая,
Закрою я орлиные глаза.

О, знала ль я, когда, томясь успехом,
Я искушала дивную судьбу,
Что скоро люди беспощадным смехом
Ответят на предсмертную мольбу***.

* Уединение («Так много камней брошено в меня...») — БВ, Белая Стая.

** «Читая Гамлета», 1 — БВ, Вечер.

*** БВП, с. 181. (Напечатано с ошибкой во второй строке второго четверостишия.)

— Вставим в «Anno Domini», — сказала она. — Стихотворение, увы! плохое, но мы его все-таки вставим... Год 1925...

И пояснила:

— Оно плохое потому, что симметричное. В искусстве должна торжествовать асимметрия. Симметрия скучна.

Нина Леонтьевна пригласила нас чай пить. Я как-то не разглядела ее. Несколько минут мы все трое молчали. Наконец возник неизбежный разговор о Мосгазе. Раз встретились три человека — значит, разговор об Ионесяне. Иначе теперь не бывает*.

— Ходят слухи, — рассказала Нина Леонтьевна, — что милиция зашевелилась после визита Хрущева в Прокуратуру. В начале января он будто бы специально заехал

---

* В декабре 1963 года в Москве, где, как во всяком большом современном городе, ежедневно совершаются страшные преступления, — появился убийца, отличающийся от своих коллег особой манерой, особым почерком. И особой свирепостью. В дневные часы, в ту пору, когда квартиры, преимущественно отдельные, пустоваты (молодежь на работе), а дома чаще всего остаются дети да старики, он звонил в дверь и, на вопрос «кто там?», отвечал: «Мосгаз». Ему отворяли доверчиво. А он загонял свою жертву в ванную комнату и убивал ударом охотничьего топора. Обыкновенно у нас ни в газетах, ни по радио о злодействах ни слова, до тех пор, пока злодей не пойман и не изобличен. Так было и на этот раз: целый месяц город жил страхами и слухами. Наконец, убийцу поймали — он оказался неким Владимиром Ионесяном, актером Оренбургского театра музыкальной комедии. Сообщение о его поимке появилось в газетах 13 января, а о расстреле — 1 февраля 64 года. Газетчики, пользуясь случаем, воспели работников Прокуратуры и милиции и очередной раз объяснили читателям, будто в нашей стране тяжкие преступления — редкость, а вот в США — нечто повседневное. (Что касается статистики преступлений — то в нашей стране она вообще не публикуется.) — *Написано в 1985 году.*

к Главному Прокурору республики и дал ему срок десять дней: «не найдете этого “Мосгаз” — всю прокуратуру разгоню».

Ах, так вот почему недели две назад на Минском шоссе нашу машину остановила милиция; у меня потребовали паспорт и лазили в багажник — обыскивать. И вот почему нашу квартиру в городе удостоил посещением участковый! Сидели мы с Фридой у меня в столовой — стук в дверь. Отворяю. Щелканье каблуками, козырянье. «Разрешите к вам взойти?» Огромный, плечистый, и не голос, а зык и рык. «Пожалуйста». Мы сели втроем в столовой. Если бы не Фридошка тут же, я бы его боялась. Дедина прорычал, что в столице нашей родины совершаются «дёрзкие преступления», и он, участковый, обходит свой район, чтобы «пробудить актуальность граждан». «На звонок в дверь, спрашивайте “кто?”, и открывайте только вашим лично знакомым. Если услышите — “Мосгаз” — не веруйте. То́ — представители городского хозяйства, а то́ — уголовный элемент». «В случае вашей подозрительности — вступайте в актуальное сотрудничество с милицией». Он протянул мне листок с телефоном, зашаркал, затопал: «Я извиняюсь, конечно», — козырнул и вышел.

— Личный приезд Хрущева в Прокуратуру, если он состоялся, — это опасное дело, — сказала Анна Андреевна. — Опасно, когда назначен срок розыска. Малый поставленный срок мог пробудить в следственных органах такую «актуальность», что они обнаружили преступника даже досрочно. Квалифицированных следователей-криминалистов у нас нет. Они могли схватить кого попало и заставить взять на себя «дёрзкие преступления». Будем надеяться, что этого не случилось.

После чая мы снова занялись книгой. Анна Андреевна сказала, что некоторые стихи она хочет на этот раз дать не по отдельности, а в виде циклов. Наверное, «Венок мертвым» и затевать не стоит, все равно в таком виде ни за что не пропустят, лучше уж мы сами распределим стихи по другим отделам, а вот, например, стихи к

Пастернаку или цикл «Черный сон» (не сказала, к кому) и еще многие, многие, даже и без заглавий, проставляет так: I, II, III. «Построю циклы по внутренней связи. И “Элегии” пора скомпоновать и еще кое-что. Я позабочусь о циклах», — повторила она.

Я поняла: с высоты своего теперешнего возраста она смотрит назад, и ей становятся видны, зримы пути ее жизни, чужих жизней, «концы и начала»...

Потом:

— Вы заметили? Чуть только мы перестаем говорить о стихах — начинаем об убийствах, чуть только перестаем об убийствах — начинаем о стихах.

Пожалуй, так.

Я предложила Анне Андреевне, раз уж она собирает-ся выстраивать стихи в циклы, — не создать ли цепочку четверостиший? Я думаю, собранные одно к другому, нанизанные зернышко к зернышку, они зазвучат сильнее, чем если разбросать их по всей книге вразброд. Ведь их много: «Что войны, что чума...», «О своем я уже не заплачу...», «За такую скоморошину...»*.

— Я и сама думала об этом, — сказала Анна Андреевна. — Даже знаю уже, какими строками начать**.

Потом, помолчав:

— Вот вы тут упомянули стихотворение «Все души милых на высоких звездах». Угадываете ли год? Тот же, что «Пятым действием драмы...»? Я не ради хронологии спрашиваю, а потому, что год кричит из них. Слышите ли?

Я задумалась. Когда-то в Ленинграде Анна Андреевна уже читала эти стихи, одно рядом с другим, но о годе не

* «Записки», т.2, с. 480, 510, 353.

** Цикл «Четверостишия» был намечен Анной Андреевной еще тогда, когда она составляла первый «Бег времени» вместе с Н.Н.Глен. Быть может, окончательное название цикла — «Вереница четверостиший» — восходит к десятым годам, к «Веренице восьмистиший» Сергея Городецкого.

говорила. Теперь, спасибо ей, ждала моего ответа терпеливо. Я, молча, про себя, прочитала оба.

— Тысяча девятьсот двадцать первый? После казни?

— Браво!

— Мы так и поставим? 1921?

— Ни в ко-ем слу-ча-е... Не забывайте, пожалуйста, Лидия Корнеевна, где вы живете.

Я шла домой и думала: а позволят ли, позволят ли:

За такую скоморошину,
Откровенно говоря,
Мне б свинцовую горошину
От того секретаря.

Намереваясь вставить эти четыре строки — не забывает ли Анна Андреевна, где она живет? В самом ли деле со Сталиным кончено?

25 января 64

С утра у нее. Задаю свои нудные вопросы о вариантах, отделах, циклах, заголовках и датах. Она отвечает небрежно и вяло, у нее, по-видимому, что-то другое или кто-то другой на уме. Новые стихи? Дело Бродского? Однако во время разговора о книге она воодушевляется. Сегодня повторила опять:

— Я не собираюсь губить свою книгу хронологией. Хронологией изгажен и загублен даже Пушкин.

Я тоже враг хронологического расположения стихов в сборнике, обращенном к широкому кругу читателей. Хронология — дело академического, «научного» издания. Но, как бы там ни было, замысел необходим: так или иначе страницы книги должны передавать течение времени, делать наглядными новые этапы, новые периоды творческой жизни автора. Циклы? Да, конечно, циклы, но, на беду, Анна Андреевна не торопится их составлять. Понимаю: оглядываясь назад, улавливать «начала и концы» отношений, разрывы и возвраты, сбывшиеся и несбывшиеся предчувствия и пророчества — нелегкое дело. Анна Андреевна совершает его не спеша, чем отчаянно тормозит работу машинистки:

ведь стихотворение вне циклов перепечатывается каждое само по себе, каждое на отдельной странице, а выстроенные в цикл — 1, 2, 3 — располагаются на странице подряд. Значит, пока Анна Андреевна еще не построила цикл, — у меня и у машинистки прогул, простой.

Один — не цикл, но отдел — совершенно ясен, и я им счастлива. Сегодня мы окончательно порешили, что в самом конце книги будет помещен отдел «Поэмы»; их будет три: «Путем вся земли», «Реквием» и «Поэма без героя». А куда же «У самого моря» или «Русский Трианон»? Найдем, сообразим, но здесь им не место. «Путем вся земли» и «Реквием» — при всей своей самоценности — это некие ступени к «Поэме без героя». (Александр Николаевич* назвал когда-то «Путем вся земли» — «время назад!»; в таком случае, «Поэма без героя» — «время назад и вперед».) А не напиши Ахматова «Реквиема» — не было бы в «Решке» и в «Эпилоге» лагерных строф.

Пройдут ли они сквозь цензуру? Пыл хрущевских разоблачений слабей и слабей.

— Лагерные строфы в «Эпилоге» и в «Решке» могут и не пройти, — сказала Анна Андреевна, — что ж! Обойдемся без них. Но печатать «Поэму» в виде одной только первой части — я более не разрешу. Триптих это триптих. Пусть тогда и всей книги не будет.

Я возликовала. Решение мудрое. Первая часть «Поэмы» печаталась уже не раз и толковалась тоже не единожды — между тем, без двух других частей толковать ее неправомерно. «Решка» и «Эпилог» переосмысливают часть первую, да и смысл всей этой необычайной и великой вещи, «Поэмы без героя», не может быть понят, если вместо трех частей упорно преподносится читателю только первая.

Я с удовольствием подумала: завтра же займусь текстологией «Поэмы». У меня ведь их много — экземпляров,

---

* Тихонов (Серебров) — о нем см. «Записки», т. 1, с. 98, а также «За сценой»: ³⁷.

подаренных Анной Андреевной в разное время, начиная от ташкентской тетради 1942 года — карандаш! рука Ахматовой от первой строки до последней! с трогательной надписью на первой странице. И промежуточных машинописных середины пятидесятых годов, конца пятидесятых и начала шестидесятых тоже хватает. Весело будет вникать — что, как, когда и для чего менялось*.

(Было раньше «У шкатулки ж двойное дно». Стало потом «тройное»: это явились на свет Божий лагерные строфы... А сколько еще в «Поэме» — не знаю, как называть! — «доньев», что ли? Днищ?**)

* Самым интересным я считаю первый, подаренный мне в Ташкенте, экземпляр. Он не машинописный, как все последующие, а собственноручный — это раз. До него, более ранний, известен мне только один: тот, который в точно такой же школьной клеенчатой тетради А.А. подарила Штокам — Исидору Владимировичу и Ольге Романовне. Вариант «Поэмы», напечатанный в ББП на с. 431—442 относится, как это видно из даты под прозаическим текстом, уже не к 42-му, а к 43-му году.

Подробное описание моей ташкентской тетради см. «Записки», т. 2, с. 25—26. Здесь же добавлю только, что подарена она была мне Анной Андреевной 20 мая, затем взята обратно для поправок и вручена окончательно 15 октября 1942 года.

Примеч. ред. 1996: Этот ахматовский автограф впервые полностью воспроизведен в настоящем издании, см. «Записки», т. 1, между с. 480 и 481; об истории текста — там же, в «Приложении».

** Я была поражена, прочитав через много лет в одной из ахматовских записей о «Поэме» нечто об этих «днищах»:

«Поэма опять двоится. Все время звучит второй шаг. Что-то идущее рядом — другой текст, и не понять, где голос, где эхо и которая тень другой, поэтому она так вместительна, чтобы не сказать *бездонна*. Никогда еще брошенный в нее факел не осветил ее *дна*. Я как дождь влетаю в самые узкие щелочки, расширяю их — так появляются новые строфы (выделено мною. — Л.Ч.). За словами мне порой чудится петербургский период русской истории:

Да будет пусто место сие, —

Анна Андреевна прервала мои размышления.

— Пишите, — сказала она.

Я приготовилась. Она продиктовала:

Привольем пахнет дикий мед,
 Пыль — солнечным лучом,
 Фиалкою — девичий рот,
 А золото — ничем.
 Водюю пахнет резеда,
 И яблоком — любовь.
 Но мы узнали навсегда,
 Что кровью пахнет только кровь...
 И напрасно наместник Рима
 Мыл руки пред всем народом
 Под зловещие крики черни;
 И шотландская королева
 Напрасно с узких ладоней
 Стирала красные брызги
 В душном мраке царского дома...

Помнит ли Анна Андреевна тот зимний день 39 года в Ленинграде, когда она прочла мне это стихотворение впервые? На Загородном, у Пяти Углов, в моей комнате? Я помню наизусть — и стихотворение и день. Это было вскоре после того, как Корней Иванович прислал мне с Киселевым записку о Митиной гибели*.

Но мы узнали навсегда,

Что кровью пахнет только кровь, —

вот какая тогда стояла погода на душе и за окном, и строки Ахматовой казались мне вестями о Мите.

дальше Суздаль — Покровский монастырь — Евдокия Федоровна Лопухина. Петербургские ужасы: смерть Петра, Павла, дуэль Пушкина, наводнение, блокада. Все это должно звучать в еще не существующей музыке. Опять декабрь, опять она стучится в мою дверь и клянется, что это в последний раз. Опять я вижу ее в пустом зеркале».

(Текст продиктован Анной Андреевной Эмме Григорьевне Герштейн, — см.: «Двухтомник, 1990», т. 2, с. 259—260.)

* См. «Записки», т. 1, с. 62. — № 25.

— Год? Год для ясности поставим тридцать восьмой, — ответила на мой вопрос Анна Андреевна.

Я с большим удовольствием — люблю ясность! — поставила на листке «1938», но осмелилась поинтересоваться, когда это стихотворение создано было ею на самом деле.

— В тысяча девятьсот сороковом.

— Нет, Анна Андреевна, вы ошибаетесь, этого не может быть. Вы читали мне его в тридцать девятом.

— Ну да, в конце тридцать девятого... Помню, что Борис и Осип, оба, называли его лучшим моим стихотворением.

— Анна Андреевна! Этого тоже никак не могло быть! Вы написали его гораздо раньше, потому что ведь Осип Эмильевич весной тридцать восьмого уже арестован.

Анна Андреевна меня не ударила, но глянула так, будто ударила.

Ну, значит, я попала в точку*.

25 января (продолжение)

После короткой поездки в Библиотеку, под вечер я снова у Анны Андреевны. Но мы не работали — почти. Пришла Фрида с вестями о «деле Бродского» и о нем самом, о Бродском. Иосифа Фрида устроила в Тарусе. Она поселила его у своих тамошних соседей, то есть в семье Оттена.⁹⁴ В Москве и в Ленинграде хлопоты перед властями необходимо продолжать энергически, но самого героя следует умыкнуть на время от пристального внимания всех и всяческих Лернеров. По Фридиной просьбе приятельница ее, журналистка Ольга Георгиевна Чайковская, взяла в газете (кажется, в «Известиях») командировку и отправилась в Ленинград. Выяснить надо, что там наворотили, иначе ведь непонятно, что именно мы должны опровергать. Там Ольга Георгиевна добилась приема у секретаря Горкома т. Лаврикова.

Анна Андреевна слушала и расспрашивала Фриду с большим вниманием. Повторяла вслух каждый вопрос

* См. ББП, с. 477 и «Двухтомник, 1990», т. 1, с. 430.

Чайковской и каждый ответ Лаврикова. Взвешивала на точных весах.⁹⁵

Потом Фрида начала рассказывать о житье-бытье Иосифа в Тарусе. Рассказ этот, звучавший для моего слуха в общем благополучно, вызвал неожиданную бурю. Неожиданную для Фриды и для меня. Оттен отдал Иосифу свою рабочую комнату и свой письменный стол; домашние относятся к гостю с полным радушием — чего, кажется, больше? Иосиф спокоен, работает, даже весел.

— Все идет хорошо, — добавила Фрида, — до тех пор, пока кто-нибудь не звонит ему из Ленинграда. По-видимому, сведения о невесте неблагоприятные... Во всяком случае, звонки выбивают его из колеи, он впадает в тоску, грозитя уехать. Ну, тут уж ничего не поделаешь.

Эти Фридины слова и вызвали бурный гнев. Оказалось, что в Ленинграде сейчас — Толя Найман; Анна Андреевна уверена — звонки из Ленинграда — это Толины звонки (очень может быть), но она воспринимает почему-то сведения об огорчениях Бродского, как козни Оттенев против Толи. Почему — я не поняла.⁹⁶

— Они негодяи! — кричала (да, да, кричала!) Анна Андреевна. — Толя для Бродского ложился костью, он ведет себя героически, а они на него возводят напраслину! Вы этих людей не знаете! Помните, Лидия Корнеевна, что́ они с Надеей делали!

— Помню, — ответила я, но не стала развивать эту тему. Анна Андреевна имеет в виду постыдную — со стороны Надежды Яковлевны! — защиту Ивинской*. Помнить-то я помню, но кто кому что́ внушал: Оттены ли Надежде Яковлевне или Надежда Яковлевна Оттенам — не ведаю. У Надежды Яковлевны сознание извращенное, я замечала это уже не раз.

По правде сказать, мне было жаль Фриду. Жаль, что она увидела Анну Андреевну в минуту неправого гнева.

---

* Речь идет о том, что О.В.Ивинская годами присваивала деньги и вещи, предназначавшиеся для одной из заключенных, — см. «Записки», т.2, с. 207—209, а также в отделе «За сценой»: 97.

Разумеется, друзьям Иосифа сейчас не следовало бы сообщать ему дурные вести, но при чем тут Оттенy? и их предполагаемая ненависть к Толе? Они, вероятно, и не знакомы с ним.

Фридоchка сидела потупясь. Странно видеть это лицо, всегда такое доверчивое и ясноглазое, отуманенным, недоумевающим. Наверное и Анна Андреевна припомнила, что Оттенy — Фридины добрые соседи по Тарусе, что Бродского, в трудную минуту, с нашего общего благословения, устроила к ним Фрида, что они гостеприимно приютили его. Во всяком случае, поняла или нет, но сменила гнев на милость и как круто! Перед нами сидела другая Ахматова. Спокойный, тихий, ласковый, кроткий голос. Войди сейчас в комнату человек — он не поверит, что секунду назад голос этот задышался и прерывался в запальчивых выкриках. Медленно и спокойно открыла она свой «Кипарисовый ларец» — то бишь ободранный чемодан — и, к моему великому удивлению, добыла из его недр уже не один, а два экземпляра мюнхенского «Реквиема»! Фридоchка об этом чуде вообще ничего не слыхивала (я ведь, если «никому не говорить», то уж буквально *никаму*), и теперь она смотрела на заморское чудо во все свои огромные глаза.

Казалось, стены сияли

От пола до потолка...

(А вот Тамара не дожидила.)

Анна Андреевна, с некоторой даже жалобностью, начала спрашивать, не может ли Фрида... нет ли у нее... знакомого фотографа — надежного! — который переснял бы одну ее старую фотографию... из одного ее старого удостоверения... и потом... эту фотографию... вы, Фрида Абрамовна... не могли бы... я не знаю, как это делается... я не умею... наклеить... приклеить... на мой экземпляр?

Ахматова была сейчас — как это ни странно! — сама кротость, мольба, беспомощность.

А Фрида — само счастье, она не знала, куда деваться от радости: может доставить радость. (Это не оттого, что Ахматовой, а кому бы то ни было, такова щедрая

Фридина душа.) Сейчас же оказалось, что одна ее ближайшая подруга — прекрасный фотограф, а другая, тоже ближайшая, золотые руки — и, словом, — послезавтра у Анны Андреевны в чемоданчике окажется экземпляр «Реквиема» в том виде, в каком ей угодно.

Анна Андреевна на секунду протянула мне картонную книжечку — пропуск в Фонтанный Дом через Дом Занимательной Науки. «Узнаёте?» Черным по белому, в графе «профессия» начертано, что она, Ахматова, Анна Андреевна, есть «жилец». Дав мне вспомнить этот раритет, она передала пропуск Фриде*. Вот эту свою фотографию она и хочет поместить на титульном листе в своем экземпляре «Реквиема».

— Послезавтра, — повторила Фрида, пряча в портфель экземпляр и пропуск.

Милости продолжались. Анна Андреевна как будто желала стереть в нашей памяти давешнюю свою мгновенную вспышку. Условившись с Фридой о своем экземпляре, второй она преподнесла мне! Без надписи, разумеется: распространять машинопись или читать вслух эту поэму по нашим временам уже как бы и дозволено, а вот Мюнхенское эмигрантское издание... Ни в коем случае.

Я немедленно спрятала книгу в портфель. Дома встречусь с каждой буковкой.

Перед этим горем гнутся горы...

Я опять подумала, как думала в последние годы уже не раз: «а хорошо, что Митю убили сразу, а не послали умирать *туда*».

Молчание.

— Почитайте стихи, — попросила Фрида.

Кротость и даже демонстративная покорность. Анна Андреевна покорно прочла:

Другие уводят любимых, —
Я с завистью вслед не гляжу.
Одна на скамье подсудимых
Я скоро полвека сижу.

* О пропуске и фотографии см. «Записки», т. 2, с. 238.

(Фотография воспроизведена на с. IV второго тома настоящего издания. — *Примеч. ред.* 1996.)

Вокруг пререканья и давка
И приторный запах чернил.
Такое придумывал Кафка
И Чарли изобразил.
И в тех пререканиях важных,
Как в цепких объятиях сна,
Все три поколения присяжных
Решили: виновна она.
Меняются лица конвоя,
В инфаркте шестой прокурор...
А где-то темнеет от зноя
Огромный июльский простор,
И полное прелести лето
Гуляет на том берегу...
Я это блаженное «где-то»
Представить себе не могу.
Я гложу от зычных проклятий,
Я ватник сносила дотла.
Неужто я всех виноватей
На этой планете была?

Выйдя на улицу, мы, перебивая друг друга, прочли услышанное в два голоса — единогласно. Запомнили! Такова уж природа ахматовской поэзии: несомненность, непреложность, естественность, даже обязательность интонации, синтаксического движения, намертво прочная неразлучаемая слитность слов. Пусть русская поэзия скоро полвека сидит на скамье подсудимых, — она, видать, не сидит сложа руки.

Нестерпимая мысль: этих стихов в нашем «Беге времени» не будет! Цензура стремительно волочит время назад и за ее обратным ходом в состоянии поспеть раз-ве что Евгения Федоровна Книпович*.

---

* Впервые это стихотворение появилось (с пропуском одного четверостишия) в Париже, в 1970 году, в журнале «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения» в № 95-96, и без пропуска — в 1974-м — в сб. «Памяти А.А.»; в Советском же Союзе впервые в 1987 году в журнале «Даугава», № 9 (публикация Р. Ти-менчика) и затем в сборнике: Анна Ахматова. Я — го-

27 января 64

Смотрю и смотрю «Белую Стаю», берлинскую. Давненько ее никто не смотрел: всё выбирали выбранное из выбранного. А перечесть берлинский сборник это почти то же, что заглянуть в ахматовские тетради*. С Анной Андреевной говорю по телефону — съездить некогда (меня настигает машинописный поток: «Вечер», «Четки»...) Вижу все хуже: о самостоятельной вычитке третьего и четвертого экземпляра и думать нечего. Такое ощущение, будто глаза нарываю.

Но сейчас мне самой хоть один бы экземпляр собрать от начала и до конца — целиком!

Анна Андреевна радуется каждому заново выловленному мною из «Белой Стаи» стихотворению, словно встрече с другом после долгой разлуки.

— Вы знаете, что вы делаете? — сказала она мне сегодня. — Вы воскрешаете книгу!

Обнаружила я также и в «Ниве» 1913 года и в «Шиповнике» 1922-го стихотворения Ахматовой, ранее не входившие в сборники.

Она и их встретила приветливо и благословила переписать: берем!

Вообще из предложенных мною сегодня отвела она только одно:

А, ты думал — я тоже такая...**

лос ваш... / Составление и примечания В.А.Черных. М.: Книжная палата, 1989, с. 280. Предполагаю, что во всех публикациях, в том числе и в сб. «Памяти А.А.», 16-я строка неточна: вместо «Огромный небесный простор» следует «Огромный *июльский* простор».

- * Четвертое издание сборника «Белая Стая» именуется обычно «берлинским» потому, что тираж отпечатан в Берлине. Однако это издание — советское (Петрополис—Алконост, 1923).

От предыдущих изданий (первое — в 1917-м) последнее, «берлинское», отличается наибольшей полнотой.

** «Записки», т. 2, № 78, а также с. 390.

Ну, этого-то уж и в самом деле нельзя, даже издательству предлагать нельзя; стихотворение имело честь цитироваться в докладе товарища Жданова... Доклад как бы отменен, но как бы и не отменен. Святыня.

По поводу строчек «И что брошусь, моля и рыдая, / Под копыта гнедого коня», — Анна Андреевна рассказала смешное:

— Николай Степанович, когда прочитал это стихотворение, спросил: «Гнедой конь? Значит, он у тебя гвардейский гренадер?» Коля отлично знал масти.

Когда я предложила стихотворение «Как ты можешь смотреть на Неву», Анна Андреевна спросила:

— А вы понимаете строчку «Черных ангелов крылья остры»? Это ангелы на зданиях Сената и Синода*.

Я как-то никогда не задумывалась над черными ангелами. Ангелы и ангелы.⁹⁷ А они, оказывается, не на небе, а попросту на земле, в нашем городе, и сколько раз я мимо них проходила — не взглянув, не увидя! Ну да, возвращаешься из Института домой, весна, решаешь идти не к трамваю, а пешком, по набережной — забираешь мимо Исаакия, левее, левее, мимо Галерной, мимо этих вот ангелов, мимо Медного Всадника. Все это свое, ежедневное, домашнее, привычное. И — неотъемлемое. Не стоит лишний раз и глаза поднимать.

А теперь? Конечно, я их еще когда-нибудь увижу, но буду уж теперь смотреть и смотреть. Мы — разлученные. В Ленинграде мне более не жить. Проездом — можно**.

31 января 64

Говорит о своих стихах нечто, совсем для меня неожиданное:

— «Высокие своды костела»? Нет. Не дадим. Не потому, что религия, все равно запретят. Просто плохие стихи***.

* «Как ты можешь смотреть на Неву...» — БВ, Белая Стая; № 106.

** О причинах, разлучивших меня с Ленинградом, см. «Записки», т. 2, с. 32—38.

*** БВП, с. 66; № 107.

— «Морозное солнце. С парада / Идут и идут войска»? «Снег летит, как вишневый цвет». Ни за что! Терпеть не могу. Очень плохие стихи*.

Зато о стихотворении:

И мнится — голос человека
Здесь никогда не прозвучит... —

сказала:

— Вот это непременно. Это одно из моих центральных**.

Ей, конечно, виднее. Но у меня отношение к перечисленным стихам иное. К первому я равнодушна. Для Ахматовой слишком подробный рассказ. Без ее многоговорящих пауз. Второе люблю, помню, повторяю со школьных лет. Оно из тех ахматовских, которые ощущаешь, как *свои* — то ли это я сама сочинила, то ли Ахматова про меня. Третье же — по ее определению «одно из центральных» — совсем не берет, не трогает, никакой власти надо мной не имеет, хотя это безусловно «очень хорошая Ахматова».

А для нее почему стихотворение представляет особую ценность — понять, пожалуй, легко.

И мнится мне, что уцелела
Под этим небом я одна, —

заветная мысль Ахматовой о судьбе уничтоженного поколения и о ее собственной, совсем отдельной, «страшной судьбе», «дивной судьбе». Недаром ведь и в «Поэме» сказано:

Только как же могло случиться,
Что одна я из них жива?

О том же «Все ушли, и никто не вернулся». Или «De profundis...»***.

* ББП, с. 117; № 108.

** БВ, Белая Стая; № 109.

*** Стихотворение «Все ушли, и никто не вернулся» — № 110. Впервые — с искаленным концом — опубликовано в Париже, в «Вестнике РСХД» в 1969 г., в № 93, потом — правильно в сб. «Памяти А.А.», с. 25; в Советском Союзе впервые опубликовано Р.Тименчиком в 1987 году в журнале «Даугава», № 9.

Погибаю от вычитки экземпляров. Я хочу непременно четыре: два, как положено, в издательство, один мне, один — Анне Андреевне. К счастью, благородно предложил мне свою помощь Оскар Адольфович.⁹⁸ Иначе я просто погибла бы. Он проводит над экземплярами по шесть, по восемь часов в сутки. Я читаю первый и второй, он переносит исправления на третий и четвертый. Их я просто не вижу, да и второй с трудом. Работа идет споро и спорилась бы еще быстрее, если бы не многоуважаемый товарищ автор. Дело в том — смешно записывать азбучные истины! — что у меня работа механическая, а у автора — какое открытие! — творческая. То есть над ней не должен тяготеть срок. Механическому труду творческий всегда помеха. Не оттого ли вечная распря между типографией и автором, между типографией и редакцией (если только редакция тоже не упа-

---

«De profundis» — ББП, с. 295. Хотя стихотворение это опубликовано В.М.Жирмунским на основе автографа — утверждаю: в автографе описка, и в 8-й строке последнее слово не «горы́», но «весны́». Об этом свидетельствует рифма («сочтены» — «весны»), а также общий смысл всех двенадцати строк: поколение уничтожили накануне его неистового расцвета:

De profundis!... Мое поколенье
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленье,
Только память о мертвых поет.
Наше было не кончено дело,
Наши были часы сочтены,
До желанного водораздела,
До вершины великой *весны*,
До неистового *цветенья*
Оставалось лишь раз вздохнуть...
Две войны, мое поколенье,
Освещали твой страшный путь.

Следует помнить, что «наше дело», о котором пишет Ахматова, это великое дело культуры, в частности, поэзия акмеистов, производивших имя своей группы от греческого «акме», что означает «расцвет».

---

† Из бездны [взываю] (*лат.*).

ла до уровня механизма и работает не как придаток к типографии, а как сообщество единомышленников в искусстве). Конечно, у меня хватает ума Анну Андреевну не торопить и ей на нее не жаловаться.

Но, надо признаться, задерживает она работу. Внезапно, когда какие-нибудь стихи уже переписаны на отдельных страницах, Анне Андреевне приходит на ум сотворить из отдельных стихотворений цикл. Так, например, внезапно осенила ее идея составить цикл, посвященный В.К.Шилейко, «Черный сон» — она позвонила мне тогда, когда у нас все эти стихи были уже перепечатаны, строка за строкою проверены, страница за страницей пронумерованы и вложены в папки. Значит, снова ехать к машинистке, снова вычитывать и снова нумеровать... Что ж! Не жалуюсь, потому что цикл удался на славу. Стихи от объединения выиграли.

С трудом вымаливаю у нее эпиграфы. Как без них перепечатывать? И посвящения она всё обещает обозначить. Сегодня, когда я по телефону стала их уж очень выпрашивать, она сердито ответила: «Пишу новое, мне не до старых посвящений».

3 февраля 64

Сегодня Анна Андреевна провела у меня чуть ли не весь день. Я разложила перед нею на столе всё, нами уже вычитанное и рассортированное по книгам — сборники «Вечер», «Четки», «Белая Стая», «Подорожник», «Appo Domini», «Тростник»... И в особой папке одна из поэм — «Поэма без героя».

Анна Андреевна надела очки и принялась читать. Страницу за страницей читала весьма сосредоточенно. Собственной рукою не исправляла ничего, но мне иногда диктовала поправки и даты. С датами беда: то продиктует не только год, но и месяц и число, и даже час суток, а один раз — число, но ни года, ни месяца. Не обошлось и без внезапных приступов гнева: она так иногда сердится на строки, ею самою созданные, будто это не она сочинила, а кто-то другой, очень глупый.

- ✓ 1) Случайный эпизод — восток посыл. ред.
 ✓ 2) Веселая компания — смех посылки
 Н.Ф. ✓ 3) Соединяет берега океана в един. — Давид. остров
 ✓ 4) Все от него — Св. святости
 ✓ 5) 9 декабря — исправит газу
 ✓ 6) Как-то попробует смотрит на Кету (проберет)
 — 7) На балконе — исправит (как шобто...)
 ✓ 8) Перед весной — смех посылки
 ✓ 9) Да, я люблю и к "и" (уберет) и Дми
 ✓ 10) А что говорить в книге ("Перед год")
 11) Эмиграция Талмид и Лоб. Хем
 ✓ 12) Первые восхвал. (1910) посылки в
 место

Дано мне 2/II 64

во время работы над книгой.

(Замечания от соавтора
первых книг.)

Работа над «Бегом времени».
Замечания Анны Ахматовой и
запись Л. Чуковской. Февраль 1964

— «Что делать мне? Они тебя сожгли!» Какая глупость! Какая глупая строка! «Что делать?» Когда город сожгли, тогда уже нечего делать... И вообще я не пожарный!

Я ей предъявляю сборник 61 года, где напечатано «Что делать мне? Они тебя сожгли...» Это несколько не умеряет гнев. Спрашиваю: не вернуться ли к первому варианту: «Мой городок игрушечный сожгли».

— Нет. «О, горе мне! Они тебя сожгли». Только так*.
Подчиняюсь. Исправляю.

Следующий взрыв:

— «Смуглый отрок бродил по аллеям / У озерных глухих берегов». Какое невежество! Глупость какая! Откуда взяты глухим берегам возле резиденции царя?

Снова предъявляю сборник 61 года.

— Но раньше, до 61 года, уже печаталось однажды «грустил!» — и отталкивает от себя последний сборник. — А не это дурацкое «глухих»!

Правда, печаталось. В книжечке 58 года стоит «У озерных *грустил* берегов». Но сборник 61-го — последний.

— Брать надо не последний вариант, а лучший. Мало ли какую глупость в каком году напечатали. В сборнике 61 года я просто не досмотрела.

— Анна Андреевна, но «*глухих* берегов» — сильнее! И в Царском, если отойти от дворца подальше, и глухие места возможны! У вас там упомянуты пни. Не у самого же они дворца торчали — эти пни!

— У меня пни, а у вас просто привычка к прежнему. Так бывает с читателями. Исправьте: грустил**.

Исправляю, хотя и уверена: это хуже. Не нужен во второй строке еще один глагол? Не пойму. А может быть, «смуглый» и «глухих» пленяло совпадением согласных? Не знаю.

* См. «Записки», т. 2, с. 225.

** БВ, Вечер. Вариант этого стихотворения со строкою «У озерных *грустил* берегов» был опубликован в сборнике 1958 года, а до тех пор во всех многочисленных изданиях и переизданиях «Вечера» и «Четок» всегда печаталось «У озерных *глухих* берегов».

Оказывается, Сурков просил вставить в новую книгу непременно что-нибудь из цикла «Слава миру». «Не о Сталине, конечно, Анна Андреевна, но чтобы не было с вашей стороны демонстративного отказа от этого цикла». Так! Однако и без Сталина весь цикл плох: я, когда впервые читала его, подумала, помнится, — что же такое «мастерство»? Уж Ахматова ли не мастер! А вот решила написать — чтобы спасти Леву — стихи в честь Сталина, решила, постаралась — и — и — любой ремесленник исполнил бы свою задачу лучше.

Теперь она просит выбрать из этой стряпни «стихи попримочней». (Ну, это еще моя счастливая доля: когда они писались — в пятидесятом году — меня возле не было... Мы еще с нею в ссоре, и кто-то другой слушает и подает советы... Меня чаша сия миновала. А ведь отговаривать ее я тоже не нашла бы в себе сил: Лева.)

Сейчас я предложила оставить одно: «Прошло пять лет, — и залечила раны, / Жестокой нанесенные войной, / Страна моя...» В этом слабом стихотворении две чудотворные строчки:

...И русские поляны

Опять полны студеной тишиной*.

— Возьмем ради этих двух строчек? — предложила я. — «Студеная тишина». Так и видишь поляну среди деревьев. Поляны, оказывается, не пусты. Они полны студеной тишиной.

Анна Андреевна удивилась:

— Что же здесь особенного? Я ехала в поезде, взглянула в окно и увидела.

(Сколько людей ехали мимо леса, мимо полян в лесу и почему-то не увидели! А ей стоило глянуть и она *увидела* тишину!)

Взяли.

Потом был непонятный разговор о «Прологе». Анна Андреевна предложила вставить туда стихотворение Гаршину: «...А человек, который для меня / Теперь никто» и т.д. Я сказала, что замысел пьесы в целом неизвестен

* БВ, Седьмая книга.

мне, а в отрывке «Из пьесы “Пролог”» я нигде не вижу этому стихотворению места. Там ведь все таинственно и загробно, и многозначно, а это стихотворение весьма земное*.

Потом мы немного поспорили об «Эпиграмме»: я думала, это в цикл «Вереница четверостиший», а она пожелала в «Тайны ремесла»**.

«Поэму без героя» читала она уже мельком: утомилась. Отодвинув папку, начала оглядывать зоркими своими глазами фотографии на стенах. На бюро углядела маленький снимок: голова Ахматовой на подушке (профиль, распущенные волосы). Я подала ей этот профиль. Она попросила переснять. Я обещала***.

Очень задерживает перепечатку отсутствие эпиграфов к циклу «Библейские стихи» и названий к «Песенкам». Я о них снова и снова. Но нет. «Еще не решила»****.

Спрашиваю: кто составлял ее сборники, когда они выходили впервые.

— Я сама. Кто же еще? А корректуры держал Лозинский... В этом году пятьдесят лет со дня выхода «Четок».

Тревожится она за Толю: он в Москве без прописки.⁹⁹ Еще пуще за Бродского. Я пересказала ей разговор Са-

* БВ, Седьмая книга.

** БВ, Седьмая книга; «Записки», т. 2, с. 260.

*** Свое обещание я выполнила: подарила ей недели через три несколько экземпляров переснятой головки. В настоящее время эта фотография широко распространена в зарубежных изданиях. См., например: Анна Ахматова. Стихи, переписка, воспоминания, иконография. Анн Арбор, 1977.

**** БВ, Тростник. «Библейские стихи» — это цикл, ранее именовавшийся «Из Книги Бытия». Перемена заглавия вызвана появлением «Мелхолы»: история Мелхолы и Давида рассказана не в «Книге Бытия», а в «Книге Царств». Поэтому и возникла необходимость в более общем заглавии.

Что касается «Песенок», то заглавия к ним — «Дорожная», «Лишняя» и др. — она дала мне не позднее середины февраля.

муила Яковлевича с Косолаповым, директором Гослита. Косолапов, прочитав в «Правде» статью Маршака о Солженицыне, позвонил ему с большими хвалами.¹⁰⁰ А Маршак — в трубку: «Да, Солженицын. Он и в тех условиях остался человеком. А вот вы, Валерий Алексеевич... Что же это вы делаете? Молодого, талантливого поэта преследуют мерзавцы. Они хотят представить его тунеядцем. А Бродский не только талантливый поэт — он и замечательный переводчик. У вашего издательства с ним несколько договоров. Вы же, узнав о гонениях, приказали с ним договоры расторгнуть! Чтобы дать возможность мерзавцам судить его как бездельника, тунеядца. Хорошо это? Да ведь это то же, Валерий Алексеевич, что выдернуть табуретку из-под ног человека, которого вешают».

— «Художественное мышление есть мышление образами», — процитировала Анна Андреевна. — Образ точен.

И, помолчав:

— Очень скверный признак — эти расторгнутые договоры. Дело затеяно и решено где-то на самых высоких высотах. Косолапов такой же исполнитель, как Лернер. Исполняет приказ.

Я убрала папки, накрыла стол скатертью, и мы сели ужинать.

— Какой сегодня хороший день, — сказала Анна Андреевна вдруг. — Вот побывала у вас и такое чувство, что я тоже работала. Я ведь никогда не работаю.

— А переводы?

— Весьма трудоемкая форма безделия.

17 февраля 64

Катастрофа.

Пишу, лежа и закрыв глаза. Интересный опыт. Прочту ли?

Сегодня утром вырвалась в Институт Гельмгольца к профессору Фрадкину.

Кровоизлияние в сетчатку левого глаза. В правом, двадцать лет назад, было, помнится, три. Теперь в левом.

К счастью, «на периферии», а не «одно в центр», как тогда в правом.

«Бег» я успела. Хотя кровоизлияние, он сказал, уже довольно давнее. Боли резкой в глазу не было, а общее плохое самочувствие — привычное дело. Потому я не поняла.

Теперь две недели приказано не читать и не писать. Полеживаю в полутьме. А как же «Былое и Думы»? Срок 1 марта.

Завтра в Ленинграде судят Бродского. Он из Тарусы уехал домой, и его арестовали.¹⁰¹ Пользуясь своими барвихинскими связями, Дед и Маршак по вертушке говорили с Генеральным Прокурором СССР Руденко и с министром Охраны общественного порядка РСФСР Тикунным. Сначала — обещание немедленно освободить, а потом какой-то вздор: будто бы, работая на заводе, нарушил какие-то правила. И его будут судить за это. Всё ложь.

Телеграмма в суд от Деда и от Маршака послана.¹⁰²
Фридошка в Питере.

Строчка у меня находит на строчку. Прекращаю.

24 февраля 64

На днях Раиса Давыдовна Орлова, Лев Зиновьевич Копелев, Вячеслав Всеволодович Иванов (то есть попросту Кома!), Михаил Константинович Поливанов, Иван Дмитриевич Рожанский, Наталья Владимировна Кинд и я — послали телеграмму Толстикovu.

А Фрида пишет из Малеевки, что отправила письмо Руденко. В письме от нее ко мне портрет Бродского под судом.¹⁰³

Я лежу, но нарушаю, нарушаю, нарушаю. Делаю наброски для статьи в «Литературную Газету».¹⁰⁴

3 марта 64

Судилище было подлое.

Иосиф вел себя как подобает поэту. Фрида сделала записку и мне прочла. Надо, чтоб все.

Пока что постановили поместить на исследование в психиатрическую лечебницу. По этому случаю Евгений Александрович отправился в Ленинград — там у него связи с психиатрами.¹⁰⁵

«Темен жребий русского поэта».¹⁰⁶ Минует ли Иосифа этот жребий?

Пушкин, Лермонтов, Рылеев, Полежаев, Шевченко, Гумилев, Есенин, Маяковский, Цветаева, Мандельштам. Да и Блок, в сущности. Да и Пастернак. А скольких мы не знаем.

«Бег времени»... Время бежит, а жребий русского поэта всё тот же. Хуже.

...Мне еще неделю Фрадкин приказал лежать и *не*. А хочется снова перечесть «Бег», весь, насквозь, от начала и до конца. Ведь в последние дни работала я над рукописью в спешке и с дурной головой.

4 марта 64

Какая досада! Фридошка ехала из Малеевки домой и пока она была в дороге — ей как раз и позвонил по телефону помощник Руденко. Фриды не было; он все проговорил Александру Борисовичу.¹⁰⁷ Ну, опять чепуха. В Ленинград выезжает какой-то «"очень чуткий человек", который во всем разберется».

Интересно, кто бы это? ¹⁰⁸

10 марта 64, Переделкино

Ура! Фрадкин разрешил читать и писать по двадцать минут в день. Увы! всю остальную жизнь не более двух часов. Ну это, положим, дудки. Да и пишу я без спросу уже давно. А вот превысить дозу чтения не рискую. Ведь все и случилось-то из-за чтения, не из-за письма.

Пока не забыла, по свежему следу, запишу о «Беге времени». Как работали под конец. И о «деле Бродского». Они вместе.

Книгу завершает отдел «Поэм»: «Путем всея земли», «Реквием» и «Поэма без героя». «Поэма» дана вся! Це-

ликом! Не одна только первая часть Триптиха, а, наконец-то, все три! (Правда, без лагерных строф в «Решке», но это уж было бы слишком большое счастье*.)

«У самого моря» хоть и поэма, но к этим трем отношения не имеет.

Книга «Нечет» составлена по списку Анны Андреевны: вручила она мне перечень стихов, от которого я и не отступала.

Зато «Седьмую книгу» она велела делать мне самой, указав только, что открывать должно циклом «Тайны ремесла», а кончать «Полночными». Я «Тайны ремесла» расширила — ввела туда три стихотворения: «Творчество», «Мне ни к чему одические рати» и «Многое еще, наверно, хочет / Быть воспетым голосом моим»**. Анна Андреевна осталась довольна, только из стихотворения, посвященного Мандельштаму, приказала убрать три цензуроопасные четверостишия: первое, второе и последнее***.

Вот уже истекли мои законные 20 минут.

Но еще не больно.

Да, впрямую «Поэма» лишается строфы о Седьмой симфонии Шостаковича, но косвенно, «на выбор», так

* О «лагерных строфах» см. «Записки», т. 2, с. 435—436 и № 86. (См. также автограф на с. 438—439 второго тома настоящего издания. — *Примеч. ред. 1996.*) Что же касается того, будто «Поэма» дана в «Беге времени» вся целиком — радость моя оказалась преждевременной. На поверку в книгу вошла всего лишь первая часть.

** БВ, Седьмая книга.

«Творчество» и «Мне ни к чему одические рати...» см. также «Записки», т. 1, № 2 и № 11.

*** «Я над ними склонюсь, как над чашей...» — ББП, с. 405. Редакторы, работавшие над составлением книги после 1971 года, то есть после смерти В.М.Жирмунского, поместили этот полный окончательный текст, во избежание цензурных придинок, среди черновиков; № 111. В настоящее время текст напечатан полностью («Двухтомник, 1986», с. 245).

сказать, остается и Шостакович^{*}. Вызвана эта пертурбация тем, что внутри возникла еще одна «Седьмая» — элегия — «И со мною моя “Седьмая”»^{**}.

Говоря о своих стихах, Анна Андреевна, кроме «хорошие», «плохие», «лучшие», употребляла иногда такой термин: «это одно из моих центральных», или иначе, но в том же смысле: «одно из моих ключевых».

Так, когда я призналась, что к ее стихотворению «Многим» я равнодушна, она сердито ответила: «Это одно из моих ключевых»^{***}.

Мы поспорили — вставлять ли «Наследницу».

— Ведь это одно из ваших ключевых, — говорила я.

— Да, — ответила Анна Андреевна, — но последние четыре строки цензуропасны, а без них — остается одно хвастовство^{****}.

А за мною, тайной сверкая
И назвавши себя Седьмая,
На неслыханный мчалась пир,
Притворившись нотной тетрадкой,
Знаменитая ленинградка
Возвращалась в родной эфир.

^{**} См. с. 286 этого тома.

^{***} Стихотворение «Многим», вставленное, как одно из центральных, в «Бег времени», — редакцией было из книги выкинуто. Оно опубликовано мною уже после кончины Ахматовой, в 1967 году в журнале «Литературная Грузия», № 5.

Среди лучших своих стихов А.А. — во время работы над «Бегом» — называла также «Если плещется лунная жуть...» и «Тот город, мной любимый с детства...» (БВ, Тростник).

^{****} В стихотворении «Наследница» Ахматова признает себя наследницей великой русской культуры (см. «Записки», т. 2, с. 366 и № 74). Кончатся же стихи, после перечисления всех унаследованных богатств, такими четырьмя строками:

И даже собственную тень,
Всю искаженную от страха,
И покаянную рубаху,
И замогильную сирень.

Надо еще записать о «Поэме», но глаз уже болит. Запишу, однако. Подлинный конец «Поэмы» — строки:

...И отмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток*.

Имея в виду цензуру, жаждущую бодрого конца, Анна Андреевна в «Беге» кончает другими строками:

Ураганом с Урала, с Алтая
Долгу верная, молодая
Шла Россия спасать Москву**.

(Строфа о Шостаковиче уходит под строку, тут же, — то есть служит для читателя словно бы еще одним наглядным окончанием «Поэмы».)

А с Бродским так: Дед и Самуил Яковлевич, по Фридиному совету, написали письмо в ЦК некоему т. Миронову, который «курирует судебные дела» в соответствующем отделе ЦК. Канителью было нам добыть имя и отчество этой, столь засекреченной и столь могущественной личности... «Если существует человек в высшем органе власти, распоряжающийся решениями судов, —

- * Привожу всю строфу целиком:

От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток.

(ББП, с. 377)

- ** Привожу и эту, специально написанную для цензуры, строфу, — целиком:

И себе же самой навстречу
Непреклонно в грозную сечу,
Как из зеркала наяву —
Ураганом с Урала, с Алтая
Долгу верная, молодая
Шла Россия спасать Москву.

(ББП, с. 430)

говорит Дед, — то зачем тогда вся эта сложная машина: суд, прокуратура?» Письмо, по-моему, толковое. Опять-таки хлопотно было найти человека, который взялся бы лично вручить письмо Миронову. (Нашли через знакомого знакомых — подругу его жены.) Теперь ждем ответа: Анна Андреевна звонит мне чуть ли не каждый день. К письму Маршака и Чуковского приложено Фридино свидетельство о безобразиях на суде.¹⁰⁹

Вот уже и за 40 минут я зашла.

Только что позвонил Толя: нет ли ответа? После него взяла трубку Анна Андреевна: она о том же и о моих глазах.

12 марта 64

Кручу ленту назад. О «Поэме» был интересный разговор. Я уже не могу восстановить слово в слово, а только «смысл». Я заговорила о Прусте. «Да, это родственно, — согласилась Анна Андреевна, — это тоже, как сказал Тихонов о “Путем вся земля” — “время назад”. И, так же как у Пруста, это ни в какой мере не воспоминания. Времена — прошедшее, настоящее и будущее объединены».

И еще, мельком, об одной строфе в «Решке». Оказывается, строфа, где на песке мертвый Шелли, а над ним Байрон с факелом — это не описание самих похорон, а описание картины, изображающей похороны*. Она была создана в год рождения Ахматовой — в 1889 году. В дни ее молодости репродукции картины были распространены в журналах, висели в гостиных.¹¹⁰

В один прекрасный день — я уже позабыла дату, но это было еще до Фрадкина — я попросила Фину взять такси и приехать за мною.¹¹¹ Мы погрузили в машину

• В темноту, под Манфредовы ели,
И на берег, где мертвый Шелли,
Прямо в небо глядя, лежал, —
И все жаворонки всего мира
Разрывали бездну эфира,
И факел Георг держал.

(ББП, с. 374)

шесть тугих папок и отправились к Анне Андреевне на проспект Мира*.

Каждый экземпляр занимает две папки. В каждом, в общей сложности, — 457 страниц. Два экземпляра — I и IV — я предназначаю, как положено, для издательства; III — Анне Андреевне; а II — себе. «Контрольный».

Лифт не работал. Fiна волокла четыре папки, я две.

С точки зрения медицинской науки, мне уже полагался в то время постельный режим. Но, к счастью, ни я, ни наука еще ничего не знали о кровоизлиянии в сетчатку. Глаз не болел; одышка и стук в висках. Дотащи́лась я доверху кое-как.

Не желая навязывать Анне Андреевне свое знакомство, Fiна, сгрузив папки у двери, кинулась по лестнице вниз. Из передней дотащи́ла все до стола домашняя работница.

Анна Андреевна обрадована, тронута, благодарна («кланяюсь в ножки» и пр.), но, сказать по правде, я на секунду обиделась. В ответ на мои разъяснения — что́ в издательство, что́ ей, что́ мне — она спросила:

— Почему это вы все время повторяете: первый экземпляр, четвертый экземпляр, второй? Не все ли равно? Какая разница?

Для нее никакой, а для меня та, что первый я минут пять читаю свободно, второй с болью, а третий и четвертый непрочитываемы: зыбь, рябь, резь.

Она сочувствует мне, жалеет меня, но не понимает. Она, всепонимающая, не понимает!

Это, как мы отвозили с Финой Анне Андреевне «Бег времени», было уже давно. Теперь Мишенька Ардов должен отвезти (или уже отвез?) два экземпляра в издательство, в Ленинград. А сегодня событие: Корнею Ивановичу на дачу позвонил т. Миронов. *Сам* т. Миронов! «Сам Гиппопотам! К нам Гиппопотам!»

Как я решусь рассказать о Мироновском звонке Анне Андреевне? Суд еще не состоялся, а приговор уже выне-

---

* То есть во всяком случае до 17 февраля 1964 года.

сен. Незачем ждать завтрашнего суда. Дед, рассказывая мне, чуть не плакал.

«Не занимайтесь этим делом, т. Чуковский, оно грязное!» «Бродский не сам пишет свои переводы, за него работают другие».

— Как не сам? — закричал в ошеломлении Корней Иванович. — Вы имеете в виду переводы по подстрочнику? Но все поэты, занимающиеся переводами — если только не с европейских языков — работают по чужому подстрочнику! Пастернак не знает грузинского, Ахматова не знает корейского или китайского. Вы просто не понимаете, о чем говорите.

Но Миронов продолжал свое. «Вы, писатели, должны заботиться об идейном воспитании нашей молодежи, а вместо этого вы и т. Маршак защищаете таких подонков, как Бродский». «Вы говорите, стихи в газете перепутаны? Не его? Это принципиального значения не имеет». «Бродский хуже Ионесюна: тот только пробивал топором головы, а Бродский вливает в головы антисоветский яд».

Дед успел сказать, что Бродский талантлив, что стихи его ему известны, что там нет ни одной антисоветской строки, — а в чем, собственно, грязь? Миронов, не ответив, повесил трубку.

Бродский хуже Ионесюна! Тот *только* пробивал топором головы...

13 марта 64

Уже после того, как мы с Финой доставили папки к Анне Андреевне, я, для успокоения сердца, попросила Юлю и Нику еще раз прочитать экземпляры насквозь. До отправки первого и четвертого в издательство они все равно лежали у Анны Андреевны без движения. От этой вычитки был большой прок: ведь я, в последние до-фрадкинские дни, работала неполноценно. Ника обнаружила две пропущенные строчки в стихотворении «Я пришла тебя сменить, сестра» и две-три мелкие опечатки. Анна Андреевна

продиктовала, наконец, эпиграфы к «Библейским стихам»^{*}; кроме того, перестроила — в который раз! — последнее четверостишие в стихотворении «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума», а цикл «Московские акварели» переименовала в «Трилистник московский». (По Анненскому^{**}.)

Вот, кажется, все перемены, сделанные в «Бега» после меня.

Ника приехала ко мне (я уже лежала) и внесла все эти поправки в мой — «контрольный» — экземпляр. Тогда насчет «Бега» я успокоилась.

Сегодня, сейчас, в Ленинграде суд над Бродским. А зачем? Ведь т. Миронов уже вынес свой приговор.

* БВ, Anno Domini.

** Конец стихотворения «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума» менялся неоднократно. Было:

И если вернется та ночь и к тебе,
Будь добрым к моей запоздалой мольбе:
Пришли наяву ли, во сне ли
Мне голос азийской свирели.

(«Нева», 1960, № 3)

Стало:

И если вернется к тебе эта ночь,
Ее не гони, как проклятую, прочь,
И знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

(Анна Ахматова. *Стихотворения*, М., 1961, с. 281)

Впоследствии:

И если вернется та ночь и к тебе
В твоей для меня непонятной судьбе,
Ты знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

(БВ, *Седьмая книга*; см. также «Записки», т. 2, № 75)

В книге Анненского «Кипарисовый ларец» существует отдел, где каждый цикл именуется «Трилистником»: сумеречный, сентиментальный и т. д. См.: Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1959.

14 марта 64

Анна Андреевна снова у Ардовых. Миша и Боря в Ленинграде, и она, временно, в «комнате мальчиков». А в маленькой — Алеша Баталов.

Лежит. У ног — грелка. Правой рукой растирает левую от локтя к плечу, от плеча к локтю. Встретила меня словами: «Проводится успешная подготовка к третьему инфаркту».

Если третий инфаркт случится, можно будет присвоить ему звание «имени Бродского». Вчера в Ленинграде судили Иосифа. И осудили. Подробностей мы еще не знаем: Фридошка еще не вернулась, но знаем приговор. За тунеядство — 5 лет. Но 5 лет чего? Тюрьмы? Ссылки? Это нам еще неизвестно. Во всяком случае ложь взяла верх: поэт Бродский признан тунеядцем. Весь вечер вчера и до двух часов ночи мы перезванивались — я из Переделкина в Москву, а москвичи с Ленинградом и друг с другом. Очень долго никаких вестей. Наконец, в два часа ночи из Ленинграда Анне Андреевне дозвонился плачущий Миша Ардов.

Сегодня, вернувшись с дачи, я поехала к Анне Андреевне. Возле нее Толя. Сидели мы втроем и долго молчали. Я заметила, что, глядя на Анну Андреевну, я и сама начала растирать левое плечо, хотя сердце у меня и не болит. Когда же мы заговорили, то, конечно же, снова о Бродском.

Толя вскочил и ушел в ванную. Вернулся с красными глазами, но без слез. А мне все казалось, что я опять в Ленинграде, на дворе тридцать седьмой, то же чувство приниженности и несмываемой обиды, и тайная мысль: «Чему быть — того не миновать, скорее бы и мне туда же». Эта мысль не от силы, а от непреодолимой усталости, от слабости. Конечно, шестьдесят четвертый отнюдь не тридцать седьмой, тут тебе не ОСО и не Военное Судилище, осуждающее каждый день на мгновенную смерть или медленное умирание тысячи тысяч людей, — но правды нет и нет, и та же непробиваемая стена. И та же, привычная, вечно насаждаемая сверху, как и антисемитизм, садистская ненависть к интеллигенции.¹¹²

Я рассказала Анне Андреевне о вчерашнем телефонном разговоре Миронова с Корнеем Ивановичем. И сразу поняла, что рассказывать не следовало. И без того — рука, сердце.

Возможен ли крик тихим голосом? Оказывается — возможен. Анна Андреевна тихим голосом кричала.

— Этакая наглость. Чуковский тридцать лет занимается переводами, переводит сам и написал теорию перевода. Кто такой Миронов? При чем тут Миронов? В самом деле, объясните мне, пожалуйста, Лидия Корнеевна, кто такой товарищ Миронов?^{112а}

Я ответила, что он то ли член ЦК, «курирующий судопроизводство», то ли «из аппарата ЦК» — я в этом не разбираюсь.

— Я тоже, — сказала Анна Андреевна спокойнее. — Кто бы он ни был, он прежде всего посторонний. Как бы он ни звался, самое главное: по-сто-рон-ний. Культуре. Поэзии. России. Их по этому признаку подбирают. Это опять тот же Андрей Александрович Жданов, играющий на рояле в поучение Шостаковичу. Нам, переводчикам, он объясняет, что такое подстрочник! Из какого небытия он возник? Только бы плюнуть в душу интеллигенции. Бóльшего удовольствия у них нет. Слаще водки.

Толя ушел. Анна Андреевна, грузно повернувшись со спины на бок, нашла свою сумочку и вынула из нее письмо. Письмо от Вигорелли — вторичное приглашение весною в Рим.

— Вы поедете?

— Не знаю. Мне всё равно, что будет со мной.

И стала рассказывать, как ее собираются чествовать в Италии.

— Вы, и еще два-три человека из самых близких, знаете, чьих рук это дело. Я не понимаю, зачем этот господин так беспокоится*. Мне все равно, что будет со мною.

* А.А. полагала, что своими успехами на Западе она обязана деятельной благожелательности Исаяи Берлина. См., например, стихотворение «Ты напрасно мне под ноги мечешь...» с эпиграфом из Пушкина: «...Вижу я / Лебедь тешится моя» («Записки», т. 2, № 66).

Меня терзает судьба Иосифа и Толина судьба. С Толей всё может повториться точь-в-точь. Он зарабатывает переводами и нигде не состоит. Да еще не прописан. Типический туняец.

А на Вигорелли — гнев. В какой-то рецензии он, оказывается, назвал сборник «Из шести книг» — «полным собранием сочинений Анны Ахматовой». Конечно, в ту пору этот сборник был полнейшим из возможных. Помню я, с какой радостью Анна Андреевна одаривала им друзей! Но теперь, в шестьдесят четвертом, сборник Ахматовой без «Поэмы», без «Родной земли», без стихов о войне — без всей лагерной темы! — какое же это *теперь* «полное собрание»? Какая же это Ахматова?*

— Это клевета на меня, — повторила Анна Андреевна. — Не только рецензия Вигорелли: книга! Это не моя книга... Да, да, Лидия Корнеевна, я отлично помню: составляла я сама вместе с Люсей Гинзбург, редактор — Тынянов, корректоры — вы и Тамара Григорьевна... Уж чего, кажется, лучше? Но ведь там меня нет! Какое же мое полное собрание сочинений без...

Ну да, конечно. Без «Реквиема» — он был тогда уже почти окончен. Без всех стихотворений тридцатых годов. Безо всех стихов, которые она даже записать тогда боялась, а не только представить в редакцию... Но откуда могло это быть известно Вигорелли? Откуда ему могли быть известны все эти *без*?

— Он не *хочет* знать. За сорок лет советской власти он не удосужился узнать, что сборник любого поэта, выходящий здесь, — не есть и не может быть *полным* собранием сочинений... Бутафория!

---

* А.А. гневалась на Вигорелли. Но ведь, как стало известно из записи Марины Цветаевой, опубликованной в ее «Неизданных письмах» (Paris, YMCA-Press, 1972), — Марина Ивановна, вернувшись из-за границы, тоже приняла сборник сорокового года за «полное собрание» и с недоумением спрашивала: что же делала Ахматова после революции? (См. «Записки», т. 2, «За сценой»: 20.)

? марта 64*

Иду к Анне Андреевне. Иду нарочно пешком, чтобы не придти подольше. Несу ей в подарок Фридину запись: оба суда. Не знаю, кто уже был у Анны Андреевны и что кто успел ей рассказать.

Но кто бы что ни рассказывал, а Фридина запись — это нечто уникальное. Точна, как стенограмма, выразительна, как художественное произведение. Жанр? Совершенно новый: документальная драматургия. Ничьей наружности нет — вообще никто и ничто не описывается, а все сосредоточено в репликах, все голоса слышны, как и подобает драме. Каждый персонаж характеризуется собственной речью. Явственно слышны: нарочитая грубость судьи Савельевой; воинствующая глупость народных заседателей; дремучее невежество свидетелей обвинения; явная кагебешность «общественного обвинителя»; интеллигентность и высокая юридическая квалификация защитницы; интеллигентность и правдивость свидетелей защиты; интеллигентность и подлость секретаря «Комиссии Союза Писателей по работе с молодыми» — Евгения Воеводина,¹¹³ угрожающие выкрики из недр зала — и чистый, спокойный, ясный голос Бродского. Голос человека, затравленного до отчаяния, но ни разу не изменившего ни своему призванию, ни правде. Спокойный голос; а ведь и друзья его говорили мне, будто он истеричен. Нет. Спокойствие и достоинство.

Из Фридиной записи ясно: обвинение в тунеядстве — вымысел, а главное — дневник шестилетней давности и какие-то двое друзей за решеткой. Друзья будто бы антисоветские, и дневник будто бы тоже. Сколько я ни читала стихов Бродского, а ни одной антисоветской ноты не услышала. Да беда-то в том, что и советской ноты — ни единой. А успех огромный, особенно у молодежи — успех, не предусмотренный, не предписанный властью. Не предназначавшийся Бродскому по раз-

* Дата неразборчива. Из положения записи в тетради видно, что сделана она между 14-м и 22-м марта.

верстке. Вот в чем причина причин. Тунеядство же — вымысел и притом ничем не подтвержденный.

Шла я и думала о Бродском, о суде — вот и в новое время та же постылая ложь! — но сквозь все эти мысли стояло передо мною Фридино лицо, как бывает в кино: наплывом и крупным планом.

Она приехала ко мне прямо с вокзала. Такой не видела я ее никогда. Всегда она радовала меня своей душевной устойчивостью, равновесием, и более того — каким-то детским весельем. А теперь одна сухость, краткость — словно весь мир, да и я тоже, чем-то перед ней провинился. «Фридошка, обедать хотите?» — Нет. — «Ванну?» — Нет. — «Хотите прилечь, отдохнуть?» — Я хочу только одного — доехать, наконец, до дому.

Фрида выложила в столовой на круглый стол свои записи: штук десять маленьких тетрадочек, таких, в какие школьники записывают иностранные слова для зубрежки. Прочитала их мне одну за другой. Удивительно: драма написана драматургом без помарок! Единым духом! Крупный Фридин почерк так и рвется на волю с этих крошечных страниц.

Теперь, сегодня, запись уже не в тетрадках... Ночами переписали ее Ника и Юлия, без усталости переписывают еще и еще: теперь уже, если мы будем обращаться в любую инстанцию — в Прокуратуру, в ЦК, куда угодно, — теперь эту запись мы приложим к каждому своему заявлению. Лучший экземпляр несусь я Анне Андреевне.

Да, не отступает от меня Фридино лицо. Глаза — «круглые да карие, горячие до гари» — глаза на лице не видны, видны черняки под глазами. Черняки — ярче глаз! А ведь еще недавно одна Фридина приятельница, рассказывая о своем разговоре с нею, сказала: «Фрида подняла на меня свои фары».

Не впервые журналистка Ф. Вигдорова присутствует на неправом суде. Но привыкнуть, видно, нельзя. Каждое новое неправосудие заново окровавливает душу.

Фрида потребовала моего совета: вставлять ли по памяти или на основе чужих записей (там не она одна пи-

сала), то, что ею невольно упущено? Например, она упустила, недослышала, как Савельева отказалась приобщиться к делу письма и телеграммы в защиту Бродского. Как она не дала огласить их.

Я сказала — не стоит! Драма перенасыщена беззакониями. А вставлять с чужих слов не стоит.¹¹⁴

...И все-таки, вопреки своей воле, я, наконец, до подъезда Анны Андреевны дошла.

Анна Андреевна сама отворила мне дверь. Дома никого. Повела в столовую. Усадила рядом с собой на диван и сказала тихим голосом:

— Мы все ходим с ножами в спинах. Ардов в деле Ио-сифа ведет себя весьма двусмысленно.

Я спросила, что случилось, но она то ли не расслышала, то ли не пожелала ответить.

И вот перед нею на столе Фридина запись.

— Уберите! — вскрикнула она, чуть глянув на заголовок. — Неужели вы думаете, что я могу *это* читать? По-дальше, по-дальше! В портфель!

Повернулась ко мне гневно. Да. Всегда забываем мы о ее болезни. Вот уж и Фрида сама не своя. А уж после двух инфарктов! И, главное, после т. Сталина, т. Ежова и т. Берии.

«А почему вы говорите про стихи “так называемые”?» — «Мы называем ваши стихи “так называемые” потому, что иного понятия о них у нас нет».

«А вы учились этому?.. Чтоб быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...» — «Я не думал... что это дается образованием... Я думаю, это... от Бога...»

Я сунула запись в портфель.

Помолчали.

«Стойте, как следует! Не прислоняйтесь к стенам!.. Отвечайте суду, почему вы не работали?»

Да, хорошо, что Анна Андреевна этого не слышит — как слышу, сквозь Фридину запись, я.

— У вас с собой блокнот? — спросила Анна Андреевна. — Составим список тех моих стихов, которые мы сами из предосторожности не включили в «Бег». Я буду диктовать, а вы добавляйте.

Мы заговорили наперебой, и я писала:

Булгакову
 Легкая судьба
 Другие уводят любимых
 Застольная
 Ты напрасно мне под ноги мечешь
 Не столицей Европейской
 И вот, наперекор тому
 С Новым Годом! С новым горем!
 Строфы из «Решки»

Мы перебивали друг друга. Вспомнили, кажется, всё*.

— «Здесь девушки прекраснейшие спорят», — сказала под конец Анна Андреевна.

Этого стихотворения я никогда не слыхивала. Анна Андреевна стала уверять, что она давно его мне читала. Нет. Не читала никогда.

Здесь девушки прекраснейшие спорят
 За честь достаться в жены палачам.
 Здесь праведных пытаются по ночам
 И голодом неукротимых морят.

— Не вздумайте записывать. Только первую строчку. Это, кажется, 1924 год.

Я и не думала. Я просто запомнила все четыре.
 Закрыла блокнот**.

* Будущее показало, что далеко не всё.

** Ни одно из перечисленных выше стихотворений при жизни Ахматовой опубликовано не было. Большинство напечатано посмертно (и притом за границей) в сборниках «Памяти А.А.» и «Tale without a Hero and Twenty-Two Poems by Anna Akhmatova» (The Hague: Mouton, 1973). Полная иностранная библиография мне, впрочем, неизвестна.

Многие годы единственным стихотворением, напечатанным в Советском Союзе, было «Памяти Булгакова» (см.: «День поэзии». Л., 1966, с. 50, а также ББП, с. 289).

Остается неясным, какие стихи обозначила А.А. словами «Легкая судьба». Согласно предположению

— Пойду лягу, — сказала вдруг Анна Андреевна. — А вы дайте мне, пожалуйста, грелку.

Она легла, а я пошла в ванную и на кухню. Нашла грелку, вскипятила чайник. Положила грелку к ногам, накрыла Анну Андреевну пледом. Она лежала неподвижно, вытянув руки вдоль тела. Я сидела возле тихонечко. Казалось, она дремлет. Скоро пришли хозяйева. Мне было пора. Да и Анна Андреевна почти спала.

— А хорошо, что мы все за него хлопотали, — сказала она, внезапно подняв веки.

— Для нашей совести хорошо?

— Нет. Хорошо потому, что правильно.

22 марта 64

Анна Андреевна кочует. На этот раз она опять у Алигер, в писательском доме: Лаврушинский, 17, квартира 41. На одной площадке с Ивановыми.

Открыла мне сама. Из передней дверь направо закрыта — и оттуда шумные голоса: у хозяев гости.

Анна Андреевна повела меня по коридорчику вперед и налево. Маленькая уютная комната — Машина? Танина? — не знаю. Та самая, в которой я уже была.

А.Г.Наймана, она имела в виду стихотворение «Все ушли, и никто не вернулся»:

И глаза я поднять не посмела

Перед *страшной* судьбою своей —

я же полагаю, что, быть может, это стихи, начинающиеся строкой «То, что я делаю, способен делать каждый».

В настоящее время (1990) все перечисленные тогда Анной Андреевной стихотворения в Советском Союзе уже опубликованы. Библиографические сведения о каждом из них см. на предыдущих страницах моих «Записок».

Стихотворение «То, что я делаю, способен делать каждый...» напечатано в «Ленинградской правде» 29 января 1989 года (публикация М.Кралина); «Здесь девушки прекраснейшие спорят...» — в журнале «Огонек», 1989, № 10. Оба стихотворения — см. сборник «Узнают...», с. 267 и 262.

Полутьма. На столике возле тахты изогнутая лампа. Поверх абажура накинут красивый темный платок.

— Это я нарочно взяла у Тамары Владимировны, чтобы ваши глаза отдыхали, — сказала Анна Андреевна.

Я была тронута, хотя и удивлена внезапностью этой заботы.

Сначала о Бродском. Она сказала, что в Ленинграде, в «Смене», появилась на днях статья под заглавием «Тунеядцу воздаётся должное».

— Я ее, конечно, не читала, но легко могу себе представить, — сказала Анна Андреевна.¹¹⁵

О, я тоже. Настанет ли такая пора, когда всем тунеядцам, от Лернера до Прокофьева и Толстикова, воздано будет по заслугам?¹¹⁶

Я рассказала о Фридином замысле: распространить запись суда между властью имущими — и не только по судебной линии. Процесс велся незаконно, и незаконие запечатлено четко. Фрида уже послала свою запись, кроме Руденко, еще и «крупным общественным деятелям»: Чаковскому, Твардовскому, Суркову. Быть может, кто-нибудь из них и пожелает вмешаться? Твардовский?

— Ну уж только не Чаковский, — сказала Анна Андреевна. — Детище его, «Литературная Газета», ничем не лучше «Смены»... А знаете, у меня огорчение. Догадаетесь, кто не пожелал присоединиться к хлопотам об Иосифе? Александр Исаевич... Давно я так не огорчалась.

Я сказала, что, насколько мне известно, Солженицын, после опубликования «Ивана Денисовича», получает горы писем от заключенных и, пользуясь своею славой и новыми связями, пытается им помочь, вызволить их из беды. Выручить тех, за кого не заступится никто.¹¹⁷

— Хорошо, если так, — сказала, помолчав, Анна Андреевна. — «Выручить тех, за кого не заступится никто». Но единственная ли это причина? Мне мельком когда-то сказал Паустовский, что в «Одном дне Ивана Денисовича» звучат антиинтеллигентские ноты. Я мимо ушей эти слова пропустила. Счастлива, что дожидая до Солженицына. Однако наша интеллигенция приняла не

меньше страданий, чем наш народ. Сам-то он, Солженицын, кто? — народ или интеллигенция? Кто читает и почитает его: народ или интеллигенция? Разделение мнимое и никчемное. В особенности после ежовщины и войны. Наша интеллигенция кроваво обвенчалась с народом. Это кажется из Герцена: «кроваво обвенчалась»? Не так ли?

Так. Из «Былого и Дум». Но там Москва и Россия.

— Разделение и связь между интеллигенцией и народом — условность, тайна. Сегодня он «человек из народа», завтра — великий актер или великий поэт. Ужасно попятное движение: был интеллигент, стал падалью. Сам или дети его. Распространяет смрад. В смраде гибнет интеллигенция и народ — равно.

Заговорили о Гумилеве.

Анна Андреевна сказала:

— Он сидел на Гороховой с 4-го до 25-го августа.

Я спросила, правда ли — ходят такие слухи — что власти предлагали ему побег, но он отказался, желая разделить участь товарищей.

— Вздор... Никаких товарищей у него не было и не могло быть, потому что и дела никакого не было. Колю допрашивали отдельно, о других арестованных он и не знал.

Я спросила, правда ли, что уходя, Николай Степанович взял с собою Жуковского?

— Неверно. Взял он «Илиаду», и Пунин, который был там, видел, как ее отобрали.¹¹⁸ Мы получили от Николая Степановича три открытки. В одной он сообщал нам, что написал два стихотворения.

Я ничего более не спрашивала. Почему — не знаю.

Анна Андреевна с тревогой заговорила о Толе. Он на волоске. Маклярский грозит его отчислить. Сценарий, представленный Толей, признан негодным.^{118a}

— Кто это — Маклярский?

— Главное начальство! Разумеется, в сталинские годы поджаривал чьего-то отца, это известно... А если отчислят — уготована Толе судьба Иосифа. Увидите. Ведь он в Москве не прописан.

Я сказала, что, если Толю отчислят, он может уехать «по месту жительства» — в Ленинград.

— Но ни «по месту жительства», ни в каком другом месте ему не дадут работы! Он — друг Бродского и кандидат в тунеядцы.

Чуть успокоясь, она сказала, что «Литературная Россия» выпросила у нее стихи.

— После долгих просьб и мольб я дала одиннадцать стихотворений. А они не печатают. За этим что-то кроется.

Думаю, ничего не кроется, а просто стихи редакция откладывает из номера в номер: их вытесняет «более современный материал».

Ну да, что-нибудь вроде Роберта Рождественского. Я спросила, нравятся ли ей его стихи.

— Не читала и читать не стану! Поэт — это человек, наделенный обостренным филологическим слухом. А у него английское имя при поповской фамилии. И он не слышит. Какие уж тут стихи!

Потом Анна Андреевна надела очки, порылась в сумочке и вынула оттуда письмо. Снова от Вигорелли. На этот раз благодарность за воспоминания о Модильяни, ею присланные, а затем сообщение о ее будущем триумфальном путешествии по Италии*. Она сунула письмо обратно и целую минуту с ожесточением запихивала глубже и глубже.

— Тут уж пошла петрушка, — говорила она, комкая внутри сумки письмо.

— Анна Андреевна, это не петрушка, это правда! Вы поедете, вы снова увидите Италию!

— Нет, петрушка, петрушка...

Я спросила, получила ли она еще письмо от мальчика из Лодейного Поля?

— Да, и прекрасное. Вот что значит великая страна: после такого гноя, крови, смрада, мрака приходят такие

---

* Воспоминания Ахматовой о Модильяни появились впервые в Италии: *L'Europa Letteraria*, Roma, 1964, № 27. На родине же лишь посмертно: Анна Ахматова. Амедео Модильяни // *День поэзии*. М., 1967, с. 248.

мальчишки... От них всё скрыли, а они всё нашли... И откуда приходят? Из Лодейного Поля!¹¹⁹

28 марта 64

Вечером поздно я поехала к Анне Андреевне (к Алигер). Хозяйки нет дома, у Анны Андреевны гости. Все в столовой, вокруг большого стола: Ника, Юля Живова, Копелевы — Лев Зиновьевич и Раиса Давыдовна*. Мне показалось, все какие-то невеселые. Анна Андреевна сидит на диване отдельно. Полубольная, недобрая, хмурая. Велела мне сесть рядом: «Я сегодня совсем плохо слышу», — сказала она.

В облике у нее что-то новое, я не сразу поняла, что. Потом разглядела: другая прическа. Не челка, и не вверх и гладко, а одна прядь спущена посреди лба.

Означает ли эта перемена, что поездка ее в Рим решена и что Нина Антоновна уже принаряживает ее к поездке? Нина Антоновна режиссер, актриса — наверное, она и умелый гример.

Хочу, чтобы Анна Андреевна ехала, и боюсь, чтобы Анна Андреевна ехала. Поздно, поздно, она слишком больна. Вряд ли у нее хватит сил *видеть* Рим, а сил-то на поездку уйдет сколько!

Отвратительная неприятность: Иосиф позвонил на Ордынку к Ардовым откуда-то с дороги, спросил, как дела, на что Виктор Ефимович ответил: «Забудьте наш телефон. *Здесь* у вас никаких дел больше нет».

Верно сказала в прошлый раз Анна Андреевна: нож в спину.

Тут я сразу поняла ее недомогание. И что сей сон значит? Еще недавно он, тот же Ардов, написал заступническое письмо Толстикову. Взгрели его за это, что ли? Как бы там ни было, срам, срам и срам. Каково это было услышать Иосифу по дороге в ссылку! Столь неожиданный ответ из того дома, где его всегда привечали: Анна Андреевна, мальчишки, Нина Антоновна, да и тот же Ардов.

* Об Р.Д.Орловой и Л.З.Копелеве см. ¹³⁶.

— Ужасно! — сказала Анна Андреевна с искаженным лицом. И повторила: — Ужасно!

Извинившись перед гостями, она увела меня к себе в комнату и там, под секретом, сообщила одну горькую новость: Толя отчислен от Сценарных курсов. Эту беду она тоже как-то связывает с Ардовым.

Мы вернулись. Пришла Маргарита Иосифовна. Она была приветлива, но час поздний, всем уже пора. Гости поднялись. Разговаривали, одеваясь в передней и в столовой. Тут раздался звонок и вошла Тамара Владимировна. «Я на минутку, мне надо потолковать с Львом Зиновьевичем об издании»*. Разговор между ними был быстрый, а потом, стоя в передней, Тамара Владимировна попросила меня передать привет Фриде Абрамовне. «Пожмите ей руку, — сказала она. — Я всегда относилась к ней с уважением, а теперь уважаю в особенности». Мне было радостно услышать очередной восхищенный отзыв о Фридином шедевре. Передам с удовольствием.

Случилось так, что во время этого короткого разговора стояли в передней Анна Андреевна (вышедшая нас проводить), Тамара Владимировна, я — и хозяйка дома. Тамара Владимировна расспрашивала Анну Андреевну о здоровье, а я мельком глянула на Алигер. Разумеется, чтение на лицах — дело рискованное. Маргарита Иосифовна вежливо молчала. Спорить с гостями ее Высочайшей Гостьи ей, как женщине благовоспитанной, было неловко. Но мне показалось, что реплика Тамары Владимировны не доставила ей удовольствия. Улыбочка на лице была, мне показалось, ироническая.

Если я угадала верно, то остается вопрос: к кому или к чему относится ирония? К таланту Бродского? К заступничеству за Бродского? К Фридиной записи? К приветственным словам Тамары Владимировны?

1 апреля 64

День подарков. Мне, не мне. Анне Андреевне и не Анне Андреевне. Однако не от меня.

---

* Лев Зиновьевич Копелев был членом Комиссии по литературному наследию Всеволода Иванова.

Я позвонила поздновато — можно ли придти?

— Да, да, и, пожалуйста, поскорее!

Я — поскорее. Пришла. Никакой причины спешить не оказалось.

Анна Андреевна в маленькой уютной комнате. Полулежит. Веселая, спокойная. Рассказала мне то, что я уже слышала от Фриды: ей позвонил «человек из “Известий”», некто Гольцев,¹²⁰ хочет придти: «он желает узнать мое мнение о таланте Бродского».

Провокация это? Вряд ли! Высокого своего мнения о таланте Иосифа Бродского Ахматова не скрывает. А если бы «Известия» выступили с разоблачениями неправого суда — всех этих Лернеров, Савельевых, Воеводиных, Тяглых и прочих негодяев — вот это было б дело! Да не выступают они: ведь вся эта шушера действует с благословения Толстикова. А Толстиков — верховная власть.

Постучал и вошел Павел Николаевич Лукницкий. Моложавый, чисто выбритый, аккуратно причесанный; я знаю, ему за шестьдесят, а выглядит он не более, чем на сорок пять; он придвинул стул к тахте, сел; на коленях необъятный портфель. Разговор между ними особенный и мне бы куда-нибудь деться. Да куда денешься? Я перенесла свой стул поближе к окну, но все равно слышала каждое слово тем легче, что они не понижали голосов и совсем не секретничали.

Анна Андреевна просила Павла Николаевича непременно в июле приехать в Комарово, «чтобы поработать как следует». Я-то знаю, над чем они работают, но знает ли Павел Николаевич, что я это знаю и что часть сделанной ими работы долгое время хранилась у меня? Нет. Анна Андреевна зря не проговаривается.

Я никогда не читала ни единой строчки, а интересно было бы прочесть. Интересно *будет* прочесть. Одна только загвоздка: когда? Прочтем, когда Гумилева, наконец, объявят одним из крупных лириков начала века и издадут в Большой серии, объяснив в предисловии, что путь его был «сложен и противо-

речив», и не упомянув при этом ни о заговоре (мнимом), ни о расстреле (подлинном). А я ведь помню Николая Степановича: помню у нас дома, во «Всемирной», в «Доме Искусств». Помню взгляд и голос. Для меня он живой.¹²¹

Павел Николаевич щелкнул замочком портфеля, извлек оттуда нечто красиво переплетенное и протянул Анне Андреевне. Вслед — перо. Значит, это нечто ахматовское — листы? тетрадь? книга? — нечто, подлежащее надписи.

Ахматова быстро сделала надпись. И нечто переплетенное исчезло в недрах портфеля. Из глубоких портфельных недр Павел Николаевич извлек сначала коробку шоколадных конфет. Затем две свои книги, обе с надписями: одна «взрослая», другая детская — мелькнули картинки. Тут произошел забавный диалог. В ту минуту, когда Анна Андреевна читала надпись на «взрослой» — «у вас малышей нет?», спросил Лукницкий (имея в виду, конечно, *вокруг*).

— *Пока нет*, — ответила Анна Андреевна, переосмыслив вопрос.

Взяла, однако, обе книги и положила возле себя. Протянула мне широко распахнутую коробку конфет. «Попробуйте, Лидия Корнеевна!»

Сладко! А Лукницкий между тем произнес нечто еще более сладостное — по поводу статьи Маковского, столь рассердившей Анну Андреевну. Павел Николаевич выдвинул такую теорию: Маковский, дескать, потому недоброжелательно отзывается о Николае Степановиче, что сам в ту пору был влюблен в Анну Андреевну...

Поверила ли она этой лести?

Не думаю. Она — человек трезвый.

Павел Николаевич поднялся. На прощание Анна Андреевна снова попросила его непременно летом приехать в Комарово.

— Теперь ваша очередь, — сказала она, когда Лукницкий вышел.

Я не поняла.

Она же, поискав вокруг, нашла фотографию — которую обычно называет «Я зарабатываю постановление» и протянула мне. «Переверните». Я прочла:

Корнею
Ивановичу
Чуковскому
в
Его День

Анна Ахматова

(это я читаю в 1946 г.)

А

2 апреля
1946
Москва¹²²

Я поблагодарила за этот дар от души, зная, как обрадуется Дед. Фотография хороша, но я впервые увидела: у! какая страшная тень за спиной у Анны Андреевны! Тень будущего.

— А это вам, — сказала она. Встала, схватила со стола какие-то листочки, протянула их мне и снова легла.

Я глянула: собственноручно переписанные «Черепки»! Родные братья «Реквиема»! Пять! А на обороте надпись:

Для
Л.К.Ч.
1 апреля 1964
Москва

А*

Тут я догадалась, почему она ответила по телефону: «Приезжайте скорее». Сегодня она милая, добрая, и, приготовив свои дары заранее, она хотела поскорее меня обрадовать.

— Читать будете потом. Да вы и знаете их — почти все. А сейчас я вам другое почитаю... Озерову заказали

* «Черепки» впервые опубликованы в 1974 году в Париже в сборнике «Памяти А.А.». У нас же — только в 1988 году в журнале «Горизонт», № 4, в моей работе «Два автографа». — № 112. См. также «Двухтомник, 1990», т. 1, с. 342.

Для
Л. К. Ч.
1 апреля 1964
Москва

А.

Автограф «Черепков»
с дарственной надписью Анны Ахматовой.
1 апреля 1964

Черенки

You cannot leave you, mother and
 2 2 2 2 orphan

Justice

I

Мая мученикой огня и воды,
 Тайлургинной с единственными силами...
 На погорном полове бегу,
 Как под тропками бего байдохимом...

II

Вот и доспорилея, дробный спорщик
 До Еписейских равнина...
 Вел он бродяга, шуан, заговаривая,
 Мас он — единственный сон.

III

Семь тысяч три километра...
 Не услышишь, как мать зовёт
 В грозоном вое полерного ветра,
 В тесноте обступивших кевзгоу,

Там думаете, свершив — ты милый,
 Ты последний и первый, ты — наш,
 Над обвоей Ленинградской могилой
 Савнодушная бродит весна.

IV

Кому и когда говорила,
 Зачем от людей не стало,
 Что катарга сына огноила,
 Что музу засекли мою.
 Я всех на свете виновней?
 Кто был и кто будет, кто есть
 И мне в сумасшедшей палате
 Валются — великая честь.

V

Вы меня, как убитого зверя
 На кровавий поднимите крик,
 Это хихикал и не веря
 Мноземцы бродили вокруг
 И писали в погребных изваях,
 Это мой дар неравнинный угас,
 Это был я поэтом в поэтах,
 Но мой пробил тринадцатый час.

мой литературный портрет. А я решила написать сама — так, для баловства. В галерее Уффици целая стена автопортретов... Вот, послушайте!

Она открыла «Тысячу и одну ночь» и начала читать нечто, как бы от третьего лица. То есть написанное как бы от имени Озерова? (Но какой же это в таком случае автопортрет?!) Увы! Прозу со слуха я запомнить наизусть не умею. Что это было? Пересказ самых разных суждений о наружности и поэзии Анны Ахматовой? Не окончив, Анна Андреевна внезапно захлопнула тетрадь*.

— Ну и так далее. Лучше посмотрите — вот.

Из сумочки — газетная вырезка. Напечатано по-русски, но печать не наша. Анна Андреевна объяснила, что это рецензия на «Реквием» в какой-то нью-йоркской газете. Читать, однако, не дала — вечная ее нетерпеливость — и спрятала обратно в сумку**.

Час поздний, не опоздать бы на метро. Я ушла. Хотелось скорее домой: спокойно перечесть глазами «Черепки». Фотографию завтра же доставлю Корнею Ивановичу. А лучший подарок — весть о «Реквиеме». Значит, его читают — на весь мир звучит погребальный колокол. Не звучал бы — не стали бы рецензию писать. Но

* Ближайшая к первоапрельской дате статья Л.Озерова об Анне Ахматовой — это «Мелодика. Пластика. Мысль», напечатанная в газете «Литературная Россия» 21 августа 1964 года. Не исключено, что первоисточником для статьи в большой степени послужили непосредственные беседы Л.Озерова с Анной Андреевной. Она говорила мне об автопортрете, написанном ею как бы от имени Озерова, а статья его имеет подзаголовок: «*Портрет писателя*».

«Тысяча и одна ночь» — рабочая тетрадь, прочновшитая в переплет «Тысячи и одной ночи». Не имея доступа к архиву Ахматовой, я не могу установить, какую запись она мне в тот вечер читала.

** Предполагаю, что это вырезка из нью-йоркской газеты «Новое Русское Слово». 15 декабря 1963 года там была помещена рецензия на «Реквием» за подписью О.Анстей.

пока что для чужих он звучит, «Реквием». Скорее бы вышел «Бег времени». Оплакали бы наши люди своих мертвых.

Странное это в самом деле понятие: время. Оно бежит и оно же на месте стоит. «Реквием» — ведь это Ленинград, комната Анны Андреевны, пепельница, кресло, мои возвращения ночью по Фонтанке и через Невский, маленькая Люша, следы бурых печатей на дверях Митиной комнаты... Потом война, Ташкент, тоска по Ленинграду, потом Москва, смерть Сталина.

Все это было? Было и быльем поросло? Было, прошло? Неправда. Оно неподвижно и никуда из меня не уходит. Какой там «бег»!

Разве не я тогда у креста,
Разве не я тонула в море,
Разве забыли мои уста
Вкус твой, горе!

Ее же строчками и живет в моем настоящем и прошедшем безостановочно бегущее (или неподвижно стоящее?) — время.

9 апреля 64

Вечером я у нее — у Алигер. В квартире слышны люди — Маргарита Иосифовна, Маша и Таня дома — но мы с Анной Андреевной долго просидели в тишине, Анна Андреевна, как всегда, полулежа. Я сказала ей, что Копелевы и Фрида составляют свод всех документов по делу Бродского. Кому бы ни передавать Фридину запись — свод всех документов необходим. История и предыстория всего происшедшего составлена и переслана из Ленинграда Фриде Наталией Иосифовной Грудининой.¹²³ То, что происходило *до* суда — интересно; *на* суде — увлекательно; а вот что *после* суда, это, пожалуй, всего поучительнее.

Преследовать после судебного приговора свидетелей защиты! Причем не за то, что они будто бы свидетельствовали ложь, а за то, что предварительно не согласовали свои показания с начальством! Ошельмовать их в

печати — в «Вечернем Ленинграде» и в «Смене» — а потом шельмовать в Союзе! Грозить по месту работы!

— Ценное открытие в юриспруденции, — сказала Анна Андреевна. — Впрочем, ничто не ново под луной! Привет товарищу Вышинскому!

Письмо Грудининой к Фриде было у меня с собою, и я не удержалась: кое-что процитировала.¹²⁴

Анну Андреевну в особенности заинтересовало то место письма, где Грудина пишет о следователях Волкове и Седове, исподтишка дирижирующих всем этим судебным делом. Затеяно оно будто бы из-за тунедства. А в действительности — из-за чего?

Насчет дирижерства — это она права. На XX и XXII съезде партии одна могучая организация была разоблачена. «Куль личности и нарушения социалистической законности». А теперь — законность, законность и законность!

А на самом деле некие Волков и Седов (то есть всё то же КГБ) дергают за веревочки не только Лернера и Савельеву, но и Прокофьева. А первый секретарь обкома Толстиков? Он командует Волковым и Седовым или они им? Не поймешь. А Миронов? Он ведает ими или они им? КГБ ведает Центральным Комитетом или ЦК партии ведает Комитетом Государственной Безопасности?

Анна Андреевна выслушала меня внимательно.

— Бродский возит навоз в совхозе, — сказала она.

Потом вынула из-под подушки переписанные от руки листки и медленным, глубоким голосом прочла несколько новых стихотворений Иосифа. Два мне понравились очень.

— Вот ему как раз и возить навоз, — сказала я. — Ко-му же еще?

Помолчали.

— Жаль, что товарищ Толстиков не имеет возможности лично наблюдать это зрелище из окна своего кабинета, — сказала Анна Андреевна. — «То́-то было б весело, то́-то хорошо...» Я думаю, на дне Иосифового дела оскорбление величества. Тунедец, распутник — это, ко-

нечно, пущено в ход потому, что истинной причины выговорить они не смеют. Миронов сказал Корнею Ивановичу: «там на дне грязь», но на вопрос: какая? в чем? — не ответил. Очень показательно. Не мог же Миронов осквернить свои уста, повторяя слова богохульника.

Помолчали. Кроме возмущения, «дело Бродского» вызывает во мне постылую скуку. Наша обыденность. Словно в поезде едешь по бескрайней степи. Когда ни выглянешь в окошко, всё одно, одно и одно. Нет, на двадцатые годы не похоже. И на тридцать седьмой не похоже. На «после войны» не похоже. Однако похоже на всё. Волков и Седов. Седов и Волков. Лернер.

...В ногах у Анны Андреевны газетный лист. Я потянула его к себе. Оказалось, это не газета, а всего лишь оттиск одной газетной полосы — ну, гранки, что ли. Полоса «Литературной России» с портретом Ахматовой и одиннадцатью ее стихотворениями. Теми самыми — выпрошенными, вымоленными. Анна Андреевна объяснила, что полоса эта снята — то есть, уверяют ее, не снята напрочь, а передвинута с апреля на май. Она хочет позвонить в редакцию и потребовать стихи обратно: в май не верит*.

Кто-то передал ей интересную подробность: начальство так кричало на Поделкова из-за этой полосы, что тут же, у телефона, с ним случился сердечный приступ.¹²⁵

И этот начальственный крик тоже надоел до тошноты. И почему это они никак не могут вдоволь наорать друг на друга и что-нибудь решить окончательно, прежде чем морочить голову автору?

На радио отказались передавать прочитанные Анной Андреевной стихи. Она уверена, что и вёчера ее в Музее Маяковского, намеченного на 26 апреля, — не будет.

Я спросила, как она думает: результат ли это «Реквиема» — все эти запреты — или что другое?

— Результат «Реквиема» в Мюнхене и «дела Бродского» в Ленинграде, — отвечала она.

---

* А.А. оказалась права: эта полоса с ее стихами в «Литературной России» так и не появилась.

Гадание наше постоянное — что́ из-за чего? — тоже мне осточертело. В темноте кто-то играет с нами в жмурки.

Я взяла со столика листок бумаги и написала Анне Андреевне свою новость: Юрий Павлович Анненков дал мне знать из Парижа, что скоро там выйдет «Софья».

Будет скандал? Или сообразоволят не заметить? Кто знает!

Анна Андреевна прочла, вернула мне записку, потом, глянув на потолок, со вздохом развела руками — и я выбросила листочек в уборную.

Тут пришла Эмма Григорьевна. Я с интересом прислушивалась к ее с Анной Андреевной разговорам, хотя участвовать не могла и ухватывала далеко не всё. Пушкин! В Италии, в Милане, хотят издать книгу ее статей о Пушкине. Хорошо бы! Она советовалась с Эммой о составе.¹²⁶ Потом Анна Андреевна читала принесенные Эммой копии каких-то архивных документов — кажется, все тех же писем Карамзиных.

— До Пушкина им уже никакого дела не было, — говорила Анна Андреевна. — Наталия Николаевна! вот это было интересно. А тут возле ходил какой-то маленький, курчавенький, писал стихи — кому это интересно?

Маргарита Иосифовна пригласила нас чай пить. Мы перешли в столовую, сели к столу, а Эмма Григорьевна по дороге отстала в передней и начала одеваться. Анна Андреевна — от стола — пыталась ее удержать. «Почему же вы уходите? Я вас так давно не видала, а вы уходите! Посидите еще!» Эмма отговаривалась поздним часом, далью, неудобным сообщением, пересадками... Надела пальто, шляпу, перчатки, но никак не могла попасть кончиком пояса в пряжку.

— Нет, мне пора, — решительно сказала она. — Час поздний. К тому же носятся слухи, что на сегодня в нашем районе назначен еврейский погром.

— И вы боитесь опоздать? — спросила от стола Анна Андреевна.

Эмма расхохоталась, но все-таки ушла.

Девочки — Маша и Таня — принесли чай и сели с нами. За столом было вкусно, а общий разговор не клеился. Наконец, болтовня разгорелась: Маша задала Анне Андреевне тот же вопрос, какой некогда я: была ли красива Любовь Дмитриевна Блок? Ну, это привычная и хорошо разработанная Анной Андреевной тема.

Тихо и по складам:

— Она была похожа на бегемота, поднявшегося на задние лапы.

Затем подробнее:

— Глаза — щелки, нос — башмак, щеки — подушки. Ноги — вот такие, руки — вот этикие.

Когда-то мне Анна Андреевна говорила, что у Любви Дмитриевны была широкая спина. Я напомнила ей об этом.

Ответ был мгновенный:

— Две спины, — сказала она.

Маргарита Иосифовна (как и я когда-то!) спросила, почему же в таком случае все считали Любовь Дмитриевну красивой?

— Да, да, все — Белый, Чулков, Сережа Соловьев, который сам был красавец. Сережа писал: «Любовь Дмитриевна одна умеет носить платье». Наверное, они все видели ее сквозь дивные стихи Блока, где она и Прекрасная Дама, и София, Премудрость Божия... Некрасивость Любви Дмитриевны заставила меня задуматься о красоте другой дамы: Наталии Николаевны Пушкиной. Была ли она красива? Ее тоже видели сквозь стихи: Психея и пр. Но ведь так ее видели при *его* жизни. Когда она вернулась в свет, ей было всего тридцать два года — расцвет для женщины! — но почему-то уж нигде ни звука о ее красоте. В письмах рассказывают о ней и то, и сё, но о красоте ни слова.

Мы вернулись в маленькую комнату. Анна Андреевна прилегла снова.

— Был у меня на днях один посетитель — голландец, — рассказала она. — Мы все видывали западных знатоков России, русской истории, русской литературы и пр. А тут я увидела рядового западного человека. Он при-

шел ко мне потому, что все московские достопримечательности уже осмотрел и ему сказали, что есть такая старуха, которая в десятые годы писала стихи о Боге. Вот он и пришел... Не знает ровно ничего ни о чем и ни о ком. Про Гумилева никогда не слыхивал.

Я спросила, не думает ли она, что «рядовой советский человек» тоже ничего не знает о поэзии стран Запада? Ведь это люди ее поколения и ее круга знали по четыре-пять иностранных языка, ездили за границу, учились в Марбурге или в Париже, — а теперь?

— И теперь, уверяю вас, интеллигентные русские лучше знают западную литературу — ну хоть не в подлинниках, хоть в переводах. Хоть одну из западных литератур. А этот — ничего, никого, даже Гумилева не знал.

Потом:

— Не забывайте, что западничество — во всех смыслах — очень русская черта.

Потом опять о Гумилеве:

— Сейчас на Западе много обо мне пишут. И всюду я читаю: «вышла замуж за основателя акмеизма». Точно это было условием свадебного контракта! А я вышла замуж за молодого начинающего поэта-символиста. Когда он увидел нашу работу — мою и Мандельштама — он начал подводить под нее теоретическую базу и родился акмеизм. Вот как было*.

Скоро она едет в Ленинград, а в конце мая в Комарово.

21 апреля 64

У меня грипп. Анна Андреевна по телефону справлялась о здоровье.

Потом:

— Я вынуждена буду уехать в Ленинград еще раньше, чем предполагала: хворает Ира. Я подумала: с кем бы

---

* «...несмотря на то, что мы были так связаны... весь акмеизм рос из его наблюдения над моими стихами тех лет, так же как над стихами Мандельштама», — записала Ахматова в своей записной книжке в ноябре 1962 года (см. публикацию К.Н.Суворовой в журнале «Новый мир», 1990, № 5, с. 221).

мне более всех хотелось увидиться в этом городе напоследок? Поняла: с вами. А вы заболели. Нехорошо.

Потом:

— Мой вечер в Музее Маяковского все-таки состоится. Меня спросили: кто для вас предпочтительнее в качестве открывающего? Шкловский или Андроников? Я ответила: не хочу ни того, ни другого. «А кого же?» Я ответила: «Карандаша»^{*}.

22 апреля 64

Температура у меня почти нормальная. Я отправилась к Анне Андреевне с утра. Не знаю, когда она переехала на Ордынку, но сейчас она там.

Я застала ее в столовой. Сидит на своем обычном месте в углу дивана за большим обеденным столом и вставляет французские слова в машинописные экземпляры воспоминаний о Модильяни.

Я преподнесла ей Леопарди. Случайно он попал ко мне в руки. В подлиннике — по-итальянски. Издание необычайно изящное. Ахматова по-итальянски понимает, а я ни звука. О Леопарди мне известно только то, что пишет о нем Герцен: он будто бы напоминает Лермонтова.¹²⁷

Анна Андреевна поблагодарила равнодушно. «Вряд ли кто-нибудь на этой планете может напоминать Лермонтова», — сказала она.

Ардов восхитился переплетом, бумагой, и тут же с большим проворством приклеил непрочно вклеенный портрет.

Окончив вписывать французские слова, Анна Андреевна повела меня в «комнату мальчиков», в «детскую». Сегодня она больная, раздраженная. Наверное, из-за телефона. Каждую минуту входила домработница — звонит такой-то или такая-то: Банников; Наташа Горбаневская; Аманда (не то англичанка, не то американка, пишущая книгу об Ахматовой). Каждый спрашивает, когда можно придти.

---

* «Карандаш» — знаменитый клоун.

Что ж, ничего удивительного. Ждановская петля разжалась, а год юбилейный*. Стихи с начала года печатаются в журналах и газетах. Да ведь и всегда к Анне Андреевне люди шли потоком. «Ахматовкой» называл Пастернак это изобилие посетителей. Сейчас — прилив.

Ирине, к счастью, лучше, и Анна Андреевна еще побудет с нами в Москве.

Она — сразу о Бродском.

Я пересказала ей одну забавную городскую сплетню:

Пьянка у Расула Гамзатова. Встречаются Твардовский и Прокофьев. Оба уже пьяные. Твардовский кричит через стол Прокофьеву:

— Ты негодяй! Ты погубил молодого поэта!

— Ну и что ж! Ну и правда! Это я сказал Руденко, что Бродского необходимо арестовать!

— Тебе не стыдно? Да как же ты ночами спишь после этого?

— Вот так и сплю. А ты в это дело не лезь! Оно грязное!

— А я непременно вмешаюсь!

— А кто тебе о нем наговорил?

— Оно мне известно как депутату Верховного Совета.

— И стихи тебе известны как депутату?

— Да, и стихи.

Анна Андреевна перебила меня.

— Они ему известны, конечно, от Маршака, да и я передала их Твардовскому через одного своего друга. Продолжайте.

Тут Твардовский заметил Якова Козловского, поэта и переводчика, и закричал Прокофьеву:

— Что же ты его не арестовываешь? Ведь он тоже переводчик, тоже переводит по подстрочникам и тоже еврей! Звони немедленно Руденко!¹²⁸

(Маршак уже давно говорил с Твардовским о делах Иосифа — они ведь видятся постоянно. Показывал

* 23 июня 1964 года Анне Ахматовой исполнилось 75 лет.

Фридину запись, показывал стихи, это я знала, а вот что Анна Андреевна через кого-то передавала их тоже — нет.¹²⁹ Спрошу у Самуила Яковлевича, понравились ли Твардовскому стихи? Поэзия Бродского — она ведь ему чужая и чуждая. Если не понравились, то тем более чести Александру Трифоновичу как человеку и депутату: значит, он вмешается из ненависти к антисемитизму и беззаконию.)

Я сказала Анне Андреевне, что собранные нами документы вместе с Фридиной записью уже пошли «наверх» по трем каналам: через Миколу Бажана, через Твардовского и через Аджубея.¹³⁰

Она уже знала об этом.

— Все это хорошо, а вот герой наш ведет себя не совсем хорошо, — сказала она, помолчав. — Даже совсем не.

Оказывается, был у нее Миша Мейлах, навещавший Иосифа в ссылке (один из преданнейших Бродскому молодых ленинградцев).

— Вообразите, Иосиф говорит: «Никто для меня пальцем о палец не хочет ударить. Если б они хотели, они освободили бы меня в два дня».¹³¹

(«Они» — это мы!)

Взрыв. Образчик ахматовской неистовой речи.

— За него хлопчут так, как не хлопотали ни за одного человека изо всех восемнадцати миллионов репрессированных! И Фрида, и я, и вы, и Твардовский, и Шостакович, и Корней Иванович, и Самуил Яковлевич. И Копелевы. Это на моих глазах, а сколько еще, именитые и не именитые, в Ленинграде! А у него типичный лагерный психоз — это мне знакомо — Лева говорил, что я не хочу его возвращения и нарочно держу в лагере...¹³²

Я подумала: Лева пробыл в тюрьмах и лагерях лет двадцать без малого, а Иосиф — без малого три недели. Да и не в тюрьме, не в лагере, а всего лишь в ссылке.

Анна Андреевна задыхалась от гнева. Вот почему она сегодня больная. Не следовало сообщать ей, что́ гово-

рит Иосиф. Все мы не умеем беречь ее сердце, все! Мне, например, Мишино сообщение трын-трава, пусть думает и говорит обо мне и о нас Иосиф всё, что хочет, а ей каково: Бродский ведь ее открытие, ее гордость.

Мы сидели молча, я припоминала, сколько еще, кроме перечисленных ею, хлопотали и хлопочут за Бродского! Вступаются за него! Эткинд, Грудинина, Адмони, Долинина, Гнедин, Иван Рожанский, Наташа Кинд...¹³³

Отдышавшись после неистовой речи, Анна Андреевна с полным спокойствием объяснила причину, по какой «Литературная Россия» все откладывает и откладывает из номера в номер печатанье ее стихов. От удивления я даже не сразу поверила. Когда, наконец, мы отучимся удивляться? Анне Андреевне рассказал З., связанный с этой редакцией, такие оглушительные факты: в «Неделе» появились чьи-то воспоминания о Распутине.¹³⁴ Так. А в «Литературной России» возымели намерение напечатать Ахматову. Так. Казалось бы, какая между этими фактами связь? Никакой. «В огороде бузина, а в Киеве дядька». Да ведь и печаталась уже Ахматова в «Литературной России»! Но в чьих-то начальственных мозгах Распутин ассоциируется с Анной Ахматовой (!!!). И «Литературной России» сделан был нагоняй: нельзя на близком расстоянии — близком по времени — преподносить читателю, хотя бы и в разных органах печати! — два таких близких в умах начальства имени, как Распутин и Ахматова.

Ахматова — и Распутин! Распутин — и Ахматова!

— Мало того, что меня не печатают из-за меня — так еще и из-за Распутина! — сказала Анна Андреевна со спокойным презрением.

Да, гиганты исторической памяти, великие эрудиты управляют нашей печатью.

Теперь она решила взять свои стихи из «Литературной России» и разделить их на две части: одни отдать в «Новый Мир», где предисловие напишет критик Андрей Синявский, а другие — еще не обдумала, куда.

А происшествию с «Литературной Россией» и «Неделей», в сущности, дивиться нечего. Административно-судебными делами в ЦК партии ведает Миронов, административно-литературными — он же. Литература как орган администрации!

Я рассказала Анне Андреевне эпизод, бродящий в виде очередной легенды по городу. 12 апреля, на празднование третьей годовщины со дня полета в космос, космонавты пригласили к себе в поселок, в клуб, знаменитого Евгения Евтушенко. Выступать. Читать стихи. Евтушенко приехал. Гагарин, Николаев, Терешкова — словом, герои космоса — встретили его радушно. Он готов был уже взойти на трибуну. Но тут подошел к нему некий молодой человек и передал совет т. Миронова: не выступать. Герои космоса его не удерживали. В самом деле, что такое для Юрия Гагарина невесомость по сравнению с неудовольствием товарища Миронова? (А полуправоверный Евтушенко опять, кажется, в полуопале.¹³⁵)

Напоследок я хватилась, что позабыла показать Анне Андреевне интересную записочку от Фриды.

Нашла ее.

«Экземпляр ходит — и это ужасно. То есть ужасно для самого главного — для дела. Безумные люди!»

Экземпляр ее судебного отчета. Но ужасно это для дела или хорошо?

Анна Андреевна полагает, что для дела не ужасно и даже, может быть, полезно, а вот для людей, переписывающих и распространяющих...

— Да, люди безумны, — сказала она.

А я подумала, что на безумные поступки толкает людей в этом случае популярность Бродского, подлость Савельевой и сила Фридиного слова. Иначе — стали бы переписывать такую длинную драму? На ее перепечатку, знаем по опыту, требуется не менее семи-восьми часов. Ведь мы посылаем Фридин отчет в каждую новую инстанцию, каждому «влиятельному лицу», и две наши верные помощницы, поклонницы поэзии Бродского, переписывают Фридин отчет ночами.

11 мая 64

Сегодня, после долгого перерыва, пришла я, наконец, к Анне Андреевне. (Дед болел гриппом, я тоже немножко, затем на всех парах писала о «Былом и Думах», бегала по глазным врачам и по аптекам — и — и — главная тра-та времени: «дело Бродского».)

Фрида и Копелевы, Фрида и я, Фрида, я и Копелевы встречаемся ежедневно, обсуждаем очередные вести, полученные из Ленинграда (Фриде оттуда постоянно пишет Эткинд, да и не он один), и каждая наша встреча кончается Фридиным вопросом: «как же мы будем поступать?» А как, собственно, *можем* мы поступать? Сочиняем очередную писанину — совместно или порознь — вот и все наши поступки.¹³⁶

Чуть только пришла я сегодня к Анне Андреевне, «дело Бродского» снова прыгнуло на меня из-за ее плеча. Слава Богу, и стихи тоже. Но, главным образом, распросы.

Не виделись мы долго: недельки три. Большинство моих «бродских» новостей для Анны Андреевны не новость. Бумажных и бытовых. Навестили Иосифа некие молодые люди. Молодые врачи. В комнате холод, грязь. Спит не раздеваясь. С сердцем плохо: физическая работа ему не по силам. Необходимо, чтобы местные, тамошние врачи дали ему справку о болезни — тогда, быть может, освободят его тамошние власти от тяжелой работы. Доставлены ему: спиртовка, теплые вещи и спальный мешок... Показали ему письмо мое. Говорят, оно ему понравилось.¹³⁷

Анна Андреевна слышала об этом письме. В Отдел Культуры ЦК. Товарищу Черноуцану. Первое ему же мы писали с Фридой вместе, а это, второе, я накатала сама. Друзьям оно нравится, и Фридошка стала даже прилагать его в виде предисловия к своему отчету. (Большая честь для меня.) Оба документа она посылает разным «влиятельным лицам» и в разные инстанции.

— Дайте, — сказала Анна Андреевна, словно увидав мои листки сквозь кожу портфеля.

В последнее время у меня в портфеле гнездятся копии. Они там живут и размножаются. Забавно: как и Фридин отчет, письмо мое получило собственное хождение. Будто выросли у него собственные незримые ножки. Не говорю уж о друзьях, но люди, никогда не читавшие стихов Бродского, никогда не издавшие его самого — просят, берут на день-на два и переписывают. Я даю, но не безвозмездно, с условием: вернуть мне подлинник и, в качестве гонорара, копию... У меня их теперь всегда штук десять и более. А сколько ходит по городу?¹³⁸

Я извлекла экземпляр. Анна Андреевна принялась читать. Перелистывала страницы вперед и обратно и снова вперед. Я поеживалась. Никогда не угадаешь, чего от нее ждать. Что-то она сопоставляла, перечитывала, обдумывала.

— Хорошо, — сказала она, наконец. — Даже очень. Только длинноты. Например, посередине. Уберите.

Я объяснила, что укоротить или переменить уже ничего не могу: письмо разослано уже по многим адресам. Товарищу Черноуцану и даже, сказала я, подумайте! один экземпляр отослан мною в редакцию газеты «Известия».

— Лидия Корнеевна! Я не узнаю вас. Неужели вы воображаете — напечатают?

Нет, конечно, нет. Все газеты работают по команде, а команды печатать что бы то ни было в защиту Бродского — не будет. Не напечатали же «Известия» письмо Варшавского — молодого ленинградца, научного работника, который побывал на суде и потом, прочитав в «Смене» отчет о судебном разбирательстве — подлейшую брехню! выворачивающую все наизнанку! возмутился, написал опровержение!¹³⁹ Не напечатают, конечно, нигде и мое письмо. Но ведь работники «Известий» — здание в несколько этажей! — такие же люди, как все другие, как, например, студенты Университета. Пусть знают правду. (Это тем более полезно, что, ходят слухи, Толстиков требует от «Известий» такого же вы-

ступления против Бродского и против защитников его, каким уже осчастливила читателей «Смена». Ну вот, пусть которому подлецу в «Известиях» поручат, тот и выступит, мое же письмо пусть послужит хотя бы слабым противоядием для отравленных. Фридина запись бродит по городу уже совсем бесконтрольно — пусть и мое письмо побродит. Чем больше людей узнают правду, тем лучше.)

Я попробовала переменить разговор: спросила, нет ли новых стихов.

— Бродского? — спросила в ответ Анна Андреевна. — Вы «Стансы» знаете?

Да, это как раз те из его стихов, какие полюбились мне более всех других и притом сразу. Эти, да еще «Стансы городу», да еще «Рождественский романс», да еще о черном коне.¹⁴⁰ Я начала — Анна Андреевна подхватила — и мы в два голоса произнесли первые четыре строки:

Ни страны, ни погоста
 Не хочу выбирать.
 На Васильевский остров
 Я приду умирать.¹⁴¹

Я никогда не видела, чтобы с таким счастливым и победоносным лицом читала Ахматова собственные свои стихи.

Анна Андреевна порылась в сумочке — искала новые стихотворения Иосифа, еще неизвестные мне — но не нашла.

— Посылает все время, — сказала она. — А какие у Фриды Абрамовны последние новости из Ленинграда?

В Ленинграде Лернер и К^о усердно распространяют слухи, будто Маршак и Чуковский отреклись от Бродского.

— Никто не поверит, — сказала Анна Андреевна. Но тут же с испугом: — А я еще не отреклась?

Через несколько дней в Союзе должен состояться доклад какого-то высокого чина из КГБ. Он объяснит собравшимся всю меру вины Бродского и глубину па-

дения тех, кто защищает тунеядца. Я полагаю, это от-лично: истинные распорядители покажут свое лицо. А то выходило, что чекистам на двух партийных съездах намылили холку и теперь у нас во всем и всюду торжествует закон. Они будто бы ни при чем! Нет, при чем, при чем. И вообще — некоторое достижение: Гранин устыдился (ведь справка, выданная Воеводиным, дана от имени Комиссии, а он председатель), устыдился и перешел на нашу сторону! Он заявил Прокофьеву, что если Евгений Воеводин не будет убран — Комиссия работать не станет. Во всяком случае — он.

— Рада за Гранина, — сказала Анна Андреевна.¹⁴²

Да, я тоже. Уверяли меня, что он хороший человек... А может, прав Паустовский, утверждая: в стране *существует* общественное мнение? Нельзя отчаиваться.

— В стране общественное мнение существовало всегда, — ответила Анна Андреевна. — Но власть никогда к нему не прислушивалась. Напротив: чем яснее и громче общественное мнение, тем свирепее на общество накидывается власть. Гранин прислушивается к обществу, Толстиков — обдумывает, кого бы еще посадить. И какой орден дать Воеводину: Трудового Знамени или Ленина?

Значит, по-прежнему: отчаянье? отчаянье?

Я покрутила головой и огляделась. Тахта Анны Андреевны, как лоскутным одеялом, устлана машинописными экземплярами.

— Тагор, — объяснила она. И тут же рассердилась. — Мне каждый день звонит редактор, этот турок — Ибрагимов, и объясняет, что я срываю книгу, хотя я всегда сдавала и сдаю переводы в срок.¹⁴³ Теперь мне по ночам, в виде специального кошмара, стало сниться, что я ее в самом деле срываю. Но зато...

Она взяла с подоконника и протянула мне нарядную книжку — итальянскую — где на первом месте напечатаны ее воспоминания о Модильяни и штук шесть ее фотографий разного возраста. Рассказала об открытии Харджиева: рисунок Модильяни напоминает

«Ночь» Микеланджело — фигуру, возлежащую поверх надгробья*.

За Италией — Америка: книга Рива о поездке Фроста в Советский Союз. Там тоже о ней и тоже ее фотография. Ну, эту книгу я уже у Деда видела. Там и фотография переделкинского дома тоже приложена.

— Но фотографий шпииков, о которых вы так живописно рассказывали, там нет? — спросила Анна Андреевна**.

20 мая 64

Анна Андреевна в ардовской столовой: перед зеркалом. За спинкою ее кресла — Нина Антоновна. Причесывается. Пудрит. Подкрашивает губы.

Я этих зрелищ не люблю. Многим и многим косметика к лицу, но не Анне Андреевне. Я испугалась, а вдруг Нина Антоновна подведет ей брови, нарумянит щеки? К счастью, нет. У Нины хватило вкуса остановиться вовремя.

Сразу вспомнила я Ташкент. Иду по бесконечной улице под беспощадным солнцем. Навстречу Анна Андреевна под руку с Фаиной Георгиевной Раневской. Минут пять стоим и разговариваем — так, ни о чем. Солнце жжет немилосердно, нестерпимо. Они — к Толстому, приглашены на обед. Прощаемся (я тороплюсь куда-то в детский дом***). Расстались. Иду дальше. И все не могу сообразить: почему за последние двое суток Анна Андреевна так постарела. Только шагов через двадцать догадалась: удлинены брови, начернены ресницы и, главное, нарумянены щеки... Фаина Георгиевна без румян не появлялась никогда, вот раскрасила и Анну Андреевну.

* Предполагаю, что речь идет о журнале «L'Europa Letteraria», Roma, 1964, № 27. Об открытии же Харджиева см. «Записки», т. 1, «За сценой»: 5.

** О визите Роберта Фроста в Переделкино и об изобилии шпииков см. «Записки», т. 2, с. 509—510.

*** См. «Записки», т. 2, с. 26—28.

Но нет. Нина прекратила свою деятельность вовремя. Хотя подкрашенные губы и делают Анну Андреевну бледнее, а значит, и старше, но это еще ничего, сносно.

Анна Андреевна пересела на диван. Сегодня она величественна и раздражена. Звонил Сурков. Сообщил, что она летит в Италию получать премию, что это уже решено. Он явится в 5 часов рассказать подробно о предстоящей церемонии.

— Я ему скажу: верните мне Иосифа! А то не поеду... Из Лондона приехал Алеша Баталов, там его без конца расспрашивали о деле Бродского. Говорит, в Нью-Йорке вышла целая брошюра со всеми именами.

Тут я наострила уши. Брошюра? В Америке? Это что же — Фридина запись? Взглянуть бы! Фридошке недавно звонил корреспондент какой-то итальянской газеты и просил у нее интервью и отчет о суде. Фрида поблагодарила, но ответила так: «Нам хотелось бы самим, без чужой помощи, добиться справедливости у нас на родине». Что же такое тамошняя брошюра? Узнаём ли?¹⁴⁴

Я рассказала Анне Андреевне, что в Москве несколько дней гостила мать Иосифа. Она была у Фриды, у Копелевых, у меня. Накануне — у сына в Коноше. К сожалению, не добилась там главного: чтобы местные врачи выдали Бродскому справку о пороке сердца. Медицинская справка — единственный шанс освободить ссыльного от тяжелой работы. Копелевы продиктовали Марии Моисеевне три телеграммы: Руденко, Тикунову, Брежневу.¹⁴⁵

— Три великих гуманиста, — сказала Анна Андреевна. — Материнские слезы не могут не тронуть их нежные сердца.

Помолчала. Потом:

— На каком, однако, благостном фоне проходит мой юбилей... Из праздников праздник. Иосиф в ссылке, Толе грозит то же.

Фрида собирается послать свою запись Федину. Я спросила, стоит ли? Федин об этом деле непременно узнает, так уж пусть лучше от нас...

— Федин ничего не узнает — ни от нас, ни не от нас. Федин *не знал*, что у него за забором, на соседней даче умер Пастернак.

Я хотела посоветоваться, как бы нам раздобыть американскую брошюру, но разговаривать немислимо. Каждую минуту звонит телефон. Берет трубку Нина и докладывает: такой-то или такая-то желали бы знать, когда можно придти?

Анна Андреевна — после очередного звонка:

— Видите, Лидия Корнеевна, что делается!? Меняю одну свою знаменитость на две ваши незначительности.

(Ну, это еще у меня надо спросить: соглашусь ли? Правда, знаменитость мне не угрожает. А хочу ли я ее? Жажду ли славы? Если слава — это понимание, то да, безусловно. Вот напечатана была бы «Софья Петровна», вот люди читали бы мою книгу и *понимали*... Мечта! Если же слава это толкучка вокруг — нет, спасибо. С премией или без премий — не манит.)

Между двумя звонками Анна Андреевна протянула мне номер «Юности». Там напечатаны ее стихи.

Вот это — лучше всяких премий. По-русски, в России, люди читают стихотворения Анны Ахматовой*.

Анна Андреевна снова пожаловалась на редактора, торопящего ее с переводами Тагора. И тут впервые я услышала от нее лестный отзыв об этом поэте:

— Он хорош. Я его не любила потому, что он чудовищно искажен переводами.

Мне захотелось взглянуть на новые, но не тут-то было. Пришел Лев Адольфович Озеров, устроитель вечера Ахматовой в Музее Маяковского. После него она ожи-

---

* В журнале «Юность» (1964, № 4) были опубликованы четыре стихотворения Ахматовой: два из цикла «Шиповник цветет» — «Как сияло там и пело...» и «Ты стихи мои требуешь прямо...» и «Два четверостишия» — «И скупое оно и богато...», «И слава лебедем плыла...» (опечатка: следует «лебедью»).

В «Беге времени» (Седьмая книга) опубликованы все перечисленные стихи, кроме четверостишия «И скупое оно и богато...», вычеркнутого в издательстве.

дала кого-то с магнитофоном: придут записывать стихи. А потом — Сурков.

27 мая 64

Вчера Анна Андреевна по телефону настойчиво просила придти. Я пришла сегодня днем и провела у нее день. Звала она меня для встречи с Аmandой. (Англичанка, пишущая какую-то работу о жизни и творчестве Анны Ахматовой.)

Однако Аманда явилась не сразу, и мы побыли часа полтора вдвоем. Анна Андреевна жалуется на недомогание. Показалась мне даже в лице ее какая-то отечность, желтизна. Она объяснила, почему не желает присутствовать на своем вечере.

— Что-то с ногами: плохо встаю, не могу на ступеньки, не могу поклониться.

Грустно. И — как же Италия?

Бранила Голубенцева. Это актер, который на вечере будет читать «Поэму».

— Наружность пренеприятная. Про «Поэму» не знает ровно ничего, не понимает в ней ровно ничего. Говорит, «это какой-то маскарад».

Мы сидели за столом в столовой, она в обычном своем углу дивана. Нины Антоновны нет: командировка в Белую Церковь. Ардов в соседней комнате, у себя в кабинете — спит.

На днях Анну Андреевну посетил Сурков: все те же разговоры об осенней поездке в Италию. Если бы ее там подлечили!

Оказывается, Сурков насчет Бродского позвонил Ильичеву. Тот ответил: «Бродский — подонок»... Далее Сурков сказал, что папку нашу он передал из рук в руки Руденко. Спасибо, большое спасибо! Впрочем, в успех я не верю. Да и сам он говорит, что на него оттуда «фукнули». Прокуратура, учреждение, существующее для надзора над соблюдением законов, предпочтет нарушить закон — лишь бы не поперечить реальной власти: Ильичеву,¹⁴⁶ Толстикovu...

Я вынула из портфеля и показала Анне Андреевне пакет. Тот самый, от которого, когда я взяла его из рук почтальона, у меня дрогнуло и на секунду остановилось сердце. Потому что на конверте штамп: «Ленинградская прокуратура».

Для меня Ленинградская прокуратура — это Митя, 1937.

Но тут не Митя и не тридцать седьмой, а Иосиф, шестьдесят четвертый.

Мое письмо, отправленное товарищу Черноуцану в Отдел Культуры ЦК, переслано, оказывается, оттуда в Ленинградскую прокуратуру. Теперь ответ. Ответ, разумеется, отрицательный, то есть подтверждающий решение суда.

Я протянула гадкую бумажонку Анне Андреевне. Она прочитала и молча вернула мне.¹⁴⁷

Иосиф же, между тем, в каком-то письме написал, что ему нравится жить в деревне, что он просит считать его не каторжанином, а просто жителем Архангельской области.

Прекрасно!

Я рассказала Анне Андреевне о Фридиных медицинских хлопотах. Они удались — этим видно и объясняется просьба Иосифа не считать его каторжником. Фрида сказала мне: Иосиф звонил Юле — у него в руках медицинская справка от тамошнего врача.

— Прекрасно, — повторила Анна Андреевна. — Знаете, как говорит о Фриде Маршак? «Вигдорова всегда мобилизована». Я прибавлю: и мобилизует других.

У Иосифа порок сердца. Если его освободили от тяжелой работы, — он обретает шанс остаться в живых.

В передней на холодильнике зазвонил телефон. Треск настойчивый, резкий, но Анна Андреевна не услышала ни звука. Я подошла. «Аманда». Анна Андреевна велела ей приехать сейчас же, немедленно. (Это — обычное требование знакомой мне ахматовской нетерпеливости. Сколько раз приказывала она мне: «скорее, сейчас же!»)

Она тяжело поднялась, тяжело прошла в «комнату мальчиков», где живет теперь, и сразу легла.

Я подсела к ней. Порывшись в сумке, она протянула мне листы со стихами. Иосиф.

— Гениальная симфония, — сказала она. — Читайте вслух.

Я прочла. Это сильно, это берет за сердце. Это обращение к возлюбленной, вопль разлуки, это молитва к Богу и к ней. Вещь длинная, и я запомнила всего несколько строк.

«Прощальная ода».

Запомнила отдельные строки:

Ибо она — как та птица, что гнезд не знает,
Но высоко летит к ясным холмам небесным.

И потом:

Как велик этот край? Или не больше платья?
Платьница твоего? Может быть, им прикрыла?

Многие строфы начинаются словом «Где?» — будто бы одинаково, но каждый раз это новый вопль.

Где ты? Вернись! Ответь! Боже, зачем скрываешь?
Боже, зачем молчишь! Грешен — молить не
смею...

Звонок в дверь. Я пошла отворять. Аманда.

Я за руку ввела ее в комнату к Анне Андреевне. Золотокосая, молодая, с приветливой широкой улыбкой. Со всем молодая. Смущенно поздоровалась. Дальнейшая наша совместная беседа обернулась столь неожиданной стороной, что смутилась не одна Аманда.

— Я посплю, — объявила Анна Андреевна, — а вы, обе, отойдите туда, к окну, и сядьте возле столика. Аманда! Сейчас Лидия Корнеевна расскажет вам, что такое тридцать седьмой...

Мы сели. Анна Андреевна повернулась на бок, спиной к нам. Рассказать про тридцать седьмой! Много получила я от Анны Андреевны затруднительных поручений, но *такого* — никогда. Дело не только в том, что Аманда — иностранка. То есть знает одно: в Совет-

ском Союзе при Сталине был террор. Или, как нынче, после XX и XXII Съезда, принято это называть: «массовые нарушения социалистической законности», «последствия культа личности Сталина». (Ни одной капли крови не просочилось сквозь эти ловкие фразы.) «Террор»! «Массовые нарушения»! Да ведь террор начался и длится с 1917 года по сей день. Но каждый год у него иная степень массовости, иная направленность. Так, например, террор, с такою силой и свежестью изображенный Солженицыным, это ужасы сороковых годов, а не тридцатых. Что знает англичанка о ночах террора, о днях и ночах террора? Кроме самого слова? Да и не англичанка, не иностранка, а любой наш соотечественник младшего поколения? Все разъединены, и у большинства память уворована. Человек деревенский? Человек городской? Интеллигентный? Неинтеллигентный? Все знают и помнят разное. Если вообще помнят.

Вот и моя «Софья» не увидит света. И не прольет свет. Ничего никому не напомнит. Никого ни с кем не породнит.¹⁴⁸

Я спросила Аманду, читала ли она «Реквием»?

— Струве, Мюнхен? — спросила она в ответ.

Правильно: Струве, Мюнхен...

Я и не попыталась рассказать ей, что кроется для меня в двух этих словах — нет, не «Струве, Мюнхен», а «тридцать седьмой»... Я начала рассказывать о своих встречах с Анной Андреевной в ту пору в Фонтанном Доме. Рассказала, почему и зачем пришла я к ней впервые. Как Анна Андреевна записывала на обрывках бумаги стихи и молча протягивала мне, как я сразу запоминала их (это было легко), а потом, как она жгла свои строки в пепельнице. Розово-черные лепестки пепла.

На меня, снизу вверх, глядело внимательное, молодое, прилежно слушающее лицо. Вставало ли у нее перед глазами то, что видела я? Конечно, нет. О воздухе тридцать седьмого я и не пыталась рассказать: о том, как утрами, после бессонных ночей, мы, оставшиеся «на воле», перекликались по телефонам, задавая какой-ни-

будь чепуховый вопрос («нет ли у вас лука?» или «не помните ли, когда написаны “Цыганы”»?) — только чтобы услышать милый голос, убедиться: человек еще жив, еще не отнят у себя, у жизни, у нас.

Анна Андреевна спала. Дышала ровно. Я мельком позавидовала ей: значит, она умеет спать днем! Да еще при других! Мне бы так! Тогда и никакая бессонница не страшна.

Вопросов Аманда не задавала. Лицо слушающее, доверчивое, но что она поняла — не знаю.

Я же, рассказывая, заново и заново думала: как подло прирезали мою «Софью».

Анна Андреевна повернулась к нам и открыла глаза. Я говорила в эту минуту про ее роскошный дырявый халат, про соседку, фабричную работницу Таню Смирнову, про мальчиков Вову и Валю. Валя потом умер — во время ленинградской блокады.

Тут Анна Андреевна прервала мое сбивчивое повествование и начала вспоминать сама.

— Помните, Лидия Корнеевна, как Таня Смирнова обо мне говорила? «Нянька у меня мировая!»

— Валя утром стучался в дверь: «Анна Андреевна, Вовка опять мокрый».

— У Вовочки был абсолютный слух. У меня никакого... Укладывая его на ночь, я пробовала петь, баюкать. Тогда он хватал меня за руки: «Не надо! Не надо! Не пой! Не пой!».

Я ей напомнила свой первый приход, свои расспросы — куда передала она письмо о Леве и Николае Николаевиче и самый текст письма.

— Да, меня обвиняли в том, что я подговаривала Леву убить Жданова*. Это была бы с моей стороны сверхчуткость, провиденье, пророчество. Правда? А я ведь никого не способна убить, даже муху: видны глаза, крылышки, лапки... Нет! Могу только моль.

— Как вы сказали? — переспросила Аманда. — Кого вы можете убить?

---

* См. «Записки», т. 1, с. 16.

Тут мы обе, и Анна Андреевна и я, мгновенно позабыли английское слово. Я, наверное, никогда его и не знала. Аманда глядела с интересом и недоумением. Анна Андреевна хлопала в воздухе ладонями, показывая, как убивают моль.

— Moth! — вскрикнула Аманда, просияв.

— Да, я способна убить только моль, — повторила Анна Андреевна.

А я? Если бы я была наедине с Анной Андреевной, я призналась бы, что несколько дней назад обуреваема была желанием убить Карпову. Она ведь гораздо вреднее моли, да и не в том дело, а в надругательстве, в перенесенном мною унижении. Убивать не желаю, а вот ударить бы мокрой тряпкой по лицу! Наглая ложь, полное сознание безнаказанности — как перенести это? Убить не убью, а судиться стану непременно и на суде скажу все, как есть. И про 37-й, и про свою повесть, и про издательство.

Но не хотелось мне жаловаться при ни в чем не повинной Аманде. Тем более, что Анна Андреевна пересела к окну и сама начала рассказывать. Рассказала, что Леву арестовывали четыре раза. Перечислила годы, месяцы, даты. Из моей головы, как всегда, мгновенно улетучились все, кроме одной: 10 марта 1938 года.¹⁴⁹

Аманда приготовила тетрадь и ручку. Я простилась. Анна Андреевна пересела на мое место и продолжила свой рассказ. Думаю, золотокошая англичанка появилась кстати. Конечно, если она толковая. Если будет записывать точно — ну, пусть не слова, но хоть сведения. А то ведь потом начнут непременно, кому не лень, воспоминания строчить, и из-под перьев беспрепятственно хлынут потоки вранья. Да еще в соответствии с грядущими «требованиями момента».

31 мая 64

Вчера вечером, вместе с Копелевыми, в машине их приятеля, отправилась я на Таганку. Там, в Музее Маяковского — вечер Ахматовой. Первый после постановления 46 года.

Мы прошли без билетов, называя только фамилии, по какому-то особому «списку друзей». Заботами Ники и Юли разместились во втором ряду. Зал крошечный. Оглядываясь вокруг, я постепенно различила знакомые лица: Нина Леонтьевна Шенгели, Николай Иванович Харджиев, Аманда, Эмма Григорьевна Герштейн, Любовь Давыдовна Большинцова, Татьяна Семеновна Айзенман, Володя Корнилов. Во облаке духо́в предстала передо мною давно невиданная и помолодевшая за этот долгий срок еще лет на десять Елена Сергеевна Булгакова. Ослепительно золотящийся свитер, с непостижимым искусством разглаженная юбка, туфли из серии «мечта поэта». Она заговорила любезно, приветливо, даже сердечно, но разговор наш был прерван: вечер начался.¹⁵⁰

Я обернулась. Зал переполнен. В проходах стоят.

Открыла вечер седая интеллигентная дама — вероятно, директорша. Предоставила слово Виктору Максимовичу Жирмунскому. Я не видела его со своих студенческих лет, то есть более четверти века. Он почти не изменился. Когда я услышала голос, даже почудилось мне, что я снова студентка, сижу в аудитории Литературных курсов при Институте Истории Искусств и за окнами Ленинград.

Виктор Максимович читал нам в ту пору лекции по истории западной литературы. Тогда они казались мне скучноватыми, голос монотонным. А сейчас я слушала с интересом. То ли я с тех пор поумнела, то ли он оживился, заговорив о предмете, горячо его волнующем. Слушатели — вслушивались. Говорил он продуманно: в меру отважно, в меру сдержанно. В меру наукоподобно, в меру популярно. В общем — содержательно и тактично.

Затем Тарковский. Не без некоторой сумбурности, но зато — как поэт о поэте. На большой глубине.

Затем Озеров. Суховато, со знанием дела и без вранья.¹⁵¹

Затем — Владимир Корнилов. Стихи, обращенные к Анне Ахматовой.

Быстро вскочил на трибуну и быстро проговорил. Раньше я никогда не слышала этих стихов. Услыхала впервые. Но запомнила сразу, даже быстрота не помешала. (Запоминаемость — признак естественности.)

Ваши строки невеселые,
Как российская тщета,
Но отчаянно высокие,
Как молитва и мечта,
Отмывали душу дочиста,
Уводя от суеты
Благородством одиночества
И величием беды.
Потому-то в первой юности,
Только-только их прочел —
Вслед, не думая об участи,
Заколдованный пошел.
Век дороги не прокладывал,
Не проглядывалась мгла.
Блока не было. Ахматова
На земле тогда была.

Спрыгнул с эстрады. Аплодисменты. Конец отделения. Антракт.

Знает ли Анна Андреевна эти стихи? Если знает, то вряд ли довольна последними двумя строчками. Всякий раз, заговорив о Блоке, она торопится признать его великим поэтом, но заключает какую-нибудь колкостью. А по-моему, Корнилов со всеми основаниями возводит ее, Ахматову, на опустелый блоковский престол. Тут дело не только в тех явных стихотворных связях между ними (образы, ритмы, присущее им обоим предчувствие гибели, Блок в «Поэме без героя»), словом, все, о чем толкуют исследователи. Корнилов прав: Ахматова унаследовала скипетр Блока в том смысле, что читатель нашего времени воспринимает и помнит не школы, не «измы» (символизм, акмеизм), помнит не борьбу между «измами» и школами, а то место, какое заняла Ахматова после гибели Блока. Блоковская поэзия напрягала

Анна Ахматова на пороге «Будки». Комарово. Май 1965.
Снимал Лев Шилев

Лидия Корнеевна Чуковская. Середина 60-х годов

Самуил Яковлевич
Маршак. 1962

Исайя Берлин. 60-е годы

Валерия Сергеевна Срезневская.
10-е годы

Лидия Чуковская с отцом – Корнеем Чуковским на пороге
своего дачного домика «Пиво-Воды». Переделкино
Середина 60-х годов

Юзеф Чапский и генерал Андерс перед зданием польского посольства. Париж. 1945

Юзеф Чапский. Автопортрет.
Лагерь Павлицев Бор.
1940

Александр Солженицын. «Один день Ивана Денисовича»
только что вышел в «Новом мире». Ноябрь. 1962

Стихи Ахматовой, нацарапанные кем-то
из заключённых на бересте. 1937

Александр Твардовский.
60-е годы

Арсений Тарковский.
60-е годы

Анна Ахматова и Анатолий Найман. Комарово. 1964.
Снимал Л. Поляков

Иосиф Бродский. Начало 60-х годов

Иосиф Бродский в ссылке в деревне Норинская. 1964.
Снимал Я. Гордин

Иосиф Бродский в ссылке

Фрида Абрамовна Вигдорова. 60-е годы

Питер Норман, 60-е годы

Саломея Андроникова (Гальперн).
Лондон. 60-е годы

Аманда Хэйт. Английская славистка, первый биограф Анны Ахматовой. 60-е годы

Анна Ахматова на церемонии вручения ей Международной литературной премии «Этна-Таормина» Италия. Катанья. 12 декабря 1964

Анна Ахматова за своим письменным столом. Комарово. Май 1965.
Снимал Лев Шилов

Анна Ахматова и Аня Каминская в Оксфорде. 1965

Анна Ахматова в дни второго съезда писателей РСФСР.
Март 1965. Снимал Д. Шоломович

до высшего духовного средоточия сердца́ его современников и ближайших потомков. После его кончины долг напрягать и очищать приняла на себя поэзия Ахматовой.¹⁵²

В антракте я искала Володю глазами, чтобы высказать ему свои соображения, но не нашла. Он куда-то пересел.

Второе отделение началось. И вот тут — неудача за неудачей. Всё второе отделение по уровню своему оказалось гораздо ниже первого.

Началось с голоса самой Анны Андреевны.

Ящик. Из ящика — бас. Интонации ахматовские, но голос, голос... Ни малейшего сходства.

Я ничего не понимаю в пленках и магнитофонах, но слушать было тяжко. А кто сделал эту запись и когда? не объявили.

Ящик неправдоподобным басом исполнил цикл «Шиповник цветет».

Затем на эстраде — бойко разбежавшийся мужчина. Однако директорша предоставила слово не ему, а двум молодым женщинам. Первая прочла «Полночные стихи», вторая — разные. Меня несколько встревожило (цензурно) стихотворение:

Небо мелкий дождик сеет
 На зацветшую сирень.
 За окном крылами веет
 Белый, белый Духов день*.

Религия! А разве уже можно?

Читали они грамотно: то есть не разлучали смысловых ударений с ритмическими. И не занимались каждая демонстрацией собственной особы — «поперек стиха не лезли», как сказал мне, присевший на минуту рядом со мной, Тарковский.

После них — Голубенцев. Тот, что бойко выбежал первым.

Я, наверное, вела себя неприлично. А как же иначе, если этот человек читал не только с пошлейшими интонациями, но путал стихи и на ходу сочинял сам!

* ББП, с. 122.

И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти несытые
Угрюмые взгляды твои!*

Безобразие! И так во всех вещах! И в одной «Северной элегии», и в «Летнем (Приморском) сонете»! Тут вместо:

И над цветущей черешней
Сиянье легкий месяц льет, —

Голубенцев прочел:

Веселый месяц слезы льет!**

Многие, как и я, выкрикивали из зала поправки. Но они все-таки аплодировали... Люди довольны, я это вижу: как-никак, а блокада прорвана, Ахматову можно печатать, можно исполнять с эстрады... (Даже рифмуя вместо «покорные» и «упорные» — «покорные» и «несытые».) Все равно — люди рады.

Потом пела певица: «Настоящую нежность не спутаешь»; «Память о солнце в сердце слабеет»*** и еще что-то.

«Разъезд. Конец».

Я уже встала и отыскивала попутчиков, чтобы вместе выйти, когда на эстраде снова явилась директорша и попросила всех снова ненадолго присесть.

Сели. Оказалось, директорша должна ответить на чью-то записку. Нашелся-таки бдительный балбес, который вовсе не рад, а возмущен, и послал устроителям записку: в Музее Маяковского, великого поэта революции — и вдруг вечер... чей же? Ахматовой!

Привет товарищу Жданову.

Директорша ответила очень спокойно: этот дом специализировался на поэзии, тут недавно был вечер На-

* Вместо: «Как я знаю эти упорные / Несытые взгляды твои!» — строки из стихотворения «Настоящую нежность не спутаешь...» — БВ, Четки.

** «Приморский сонет» — БВ, Седьмая книга.

*** БВ, Вечер.

зыма Хикмета, состоялись вечера немецкой поэзии, французской — почему бы не быть и вечеру Ахматовой? Маяковский любил «поэтов хороших и разных», и, в частности, стихотворения Ахматовой.

Мы стояли между рядами стульев — Раиса Давыдовна, Лев Зиновьевич, Ника, Юля и я. Юля рассказала интересную новость: утром ей дозвонился Иосиф и сообщил, что держит в руках справку, выданную тамошними врачами. Знает ли об этом Анна Андреевна? Переживая поток уходящих, мы сговаривались об очередной встрече.

Внезапно меня отозвала в сторону какая-то незнакомая дама.

— Простите, пожалуйста, — сказала она очень тихим голосом. (Думаю, это была одна из устроительниц.) — Вам, кажется... не понравился Голубенцев?

— Это не то слово! Понравился — не понравился! Помоему, нельзя нанести большего оскорбления поэту, чем публично перевернуть его стихи!

Лев Зиновьевич взял меня под руку, торопя. О, неумолимо-дружбоспособный Лев! Само собой разумеется, и для обратного пути нашелся у него приятель, готовый в своей машине везти меня и Нику прямо на Ордынку!

Поехали: неизвестный благодетель за рулем, я, Ника и целый куст сирени — дар Музея Маяковского Анне Андреевне.

Нам отворила домработница, повернулась спиной и, не поздоровавшись, сразу ушла. Раздеваясь, мы слышали из столовой голос Анны Андреевны. Громко и раздраженно говорила она с кем-то по телефону. Мы вошли. Она положила трубку. Царица бала сидит на диване в углу, одна, полуодетая, за круглым столом, а на столе — окурки грудой и гора грязных тарелок. Дом без хозяйки! Нина Антоновна в Киеве, а мальчики в нетях. Кто же остался с ней? Одна лишь добрая собака да злая сиамская кошка.

— Я сижу в рубище, — сказала Анна Андреевна, чуть мы вошли. — Пойти надеть фрак?

Мы ее отговаривали, — не стоит! не надо! — но она с трудом поднялась, вышла и вскоре вернулась в чем-то красивом.

Села.

— Я сегодня одна. Сижу и вспоминаю, что было в эти дни в 60-м — смерть Бориса Леонидовича. Как я тогда была в больнице.

У нее дрогнул голос.

Потом:

— Ну, а как вечер?

Лицо отекает. Она совсем больна.

Мы с Никой еще в машине условились — ничего огорчительного не рассказывать. Ни про Голубенцева, ни про бдительного балбеса. Поэтому я, в ответ на вопрос, начала, преувеличивая хвалы, докладывать о переполненном зале, о Жирмунском, Тарковском, Корнилове, Озерове.

— А дальше?

— А дальше пусть доложит Ника, — сказала я, неосторожно смеясь.

Ника успела произнести еще только одно слово — имя Голубенцева — ничего более, как Анна Андреевна с гневом перебила ее. По-видимому, ей кто-то уже успел рассказать все по телефону.

— Я не понимаю, чей это был вечер в конце концов — Голубенцева или мой? Все повторяют: Голубенцев, Голубенцев... А я требовала, чтобы он читал только «Поэму» и только по книге! Это была моя единственная просьба — и ту не могли исполнить! Больше никогда не разрешу ни одного вечера.

Мы сидели понуро. А что хорошего было бы, если бы Голубенцев читал «Поэму», хотя бы и по книге? Ведь сама же Анна Андреевна говорила, что он в «Поэме» ничего не понял. Да он и вообще не понимает стихов. (Черта, присущая многим актерам.)

---

* Конечно, речь могла идти лишь об отрывках из «Поэмы». Предполагаю, что под словом «книга» подразумевала А.А. в данном случае альманах «День поэзии», М., 1963.

Я стала рассказывать, как глубоко и точно говорил о ее поэзии Тарковский. «Вот кто понимает и любит», — сказала я.

Но и это невпопад.

— Я с Арсением Александровичем почти что в ссоре. Он пришел ко мне однажды и целый день просил, молил, настаивал, чтобы я не писала воспоминаний о Модильяни, потому что я не умею писать прозу. Я обиделась и уже полгода ему не звоню...

Я молчала.

— А вы разве не обиделись бы?

Я подумала. Нет, я не обиделась бы. Я бы огорчилась.

— И дальше?

— Я не обиделась бы, я огорчилась бы, но все равно продолжала бы писать.

(Не сама ли она когда-то в Ленинграде говорила мне, что не любить людей, которые не любят того, что ты пишешь, — стыдно?* Ведь вот хотя бы мои стихи. Они не нравятся никому из ближайших друзей моих. Ахматова хвалила мои стихи когда-то в Ташкенте, а потом забыла и никогда не спрашивает, пишу ли я. Все, кому я читаю их иногда, недовольны ими, а я пишу и пишу, и буду писать их. Зачем? Затем, что пишешь не «зачем», а «почему». Зачем, например, строчу я этот дневник? И сама не перечитываю и другим читать не даю.)

Она, оказывается, переезжает на три дня к Любви Давыдовне: Нины нет, а домработница уходит.

Пришли Любовь Давыдовна с Аmandой и сразу начали бурно хозяйничать: убрали со стола, нарезали колбасу, сыр. Потом Толя и Татьяна Семеновна. Потом — громкий звонок в дверь! — и ватага незнакомых юношей с сиренью. Они неуклюже поздравили Анну Андреевну, неловко положили мокрую сирень на стол. Один сказал, что принесли они цветы по поручению Музея Маяковского. Явная выдумка: просто предлог, чтобы придти к Ахматовой и увидеть Ахматову. Они сели очень робко и чинно, не спуская с нее глаз. Наверное, надея-

* «Записки», т. 1, с. 104.

лись, что она станет читать стихи. Она поблагодарила, но, думаю, читать сегодня не может. Сердце болит.

Впрочем, не знаю, что там было дальше, потому что мы с Никой ушли.

А сегодня все по-другому. День начался хорошо. Позвонил вдруг Толя Найман и сказал, что держит в руках № 5 «Москвы» со статьей Корнея Ивановича о «Поэме». ¹⁵³ Потом легкий, веселый, ласковый голос Анны Андреевны.

— Здравствуйте, Лидия Корнеевна, вот и вышла статья. Кланяйтесь, пожалуйста, Корнею Ивановичу, я думаю, он тоже рад. Я пошлю один экземпляр этого номера в Париж.

Я спросила, как ее здоровье.

— Мне сегодня гораздо лучше, чем было последние дни. Все уверяют, что вечер прошел хорошо. Сегодня меня навестил Жирмунский — он очень умен и мил. Тарковского я решила всемилостивейше простить. Я позвонила ему сама и поблагодарила за вчерашнее. А он, представьте себе, даже, оказывается, и не заметил, что я с ним в ссоре и уже полгода не разговариваю...

12 июня 64

Вечером взяла такси и отправилась в Сокольники, к Любови Давыдовне Большинцовой, где живет теперь Анна Андреевна. Воздух чудесный, зелень кругом, парк, но пятый этаж без лифта.

Большая нарядная комната. Больная, грустная, молчаливая Анна Андреевна. Сидит у стола в своем лиловом халате. Кивнула мне и молча указала на стул. У нее трахеит, и ей не велено разговаривать.

В глубине комнаты, у зеркала, Нина Антоновна и Любовь Давыдовна поворачивают, прикидывают, расправляют какую-то материю. Позвали и меня советоваться. Это — будущее платье Анны Андреевны. К юбилею.

Анна Андреевна шепотом окликнула меня. Я вернулась. Настроение у нее совсем не юбилейное. Тревоги,

тревоги. Толя Найман чуть не целый месяц пролежал в больнице с микроинфарктом. Теперь окреп, ходит. В двадцать восемь лет — инфаркт! Ехать в Ленинград незащищенным, без всякого издательского договора, ему никак нельзя: кандидат в тунеядцы. Друг Бродского, на примете у КГБ. Долго ли до второго инфаркта или ареста? Анна Андреевна собирается переводить Леопарди с Толей вместе: хлопочет об издательском договоре на оба имени. Она высоко ценит Толю как переводчика стихов, а об «официальном оформлении» торопится потому, что договор с государственным издательством докажет, что Найман не трутень, а труженик.¹⁵⁴ Впрочем, у Иосифа ведь не только договоры, а уж и напечатанные переводы предъявлены были суду, и ничто не помогло.

Все эти свои опасения высказала Анна Андреевна шепотом — трахеит! — и вдруг в полный голос:

— Сил моих нет видеть, как губят молодежь! Собственная моя судьба меня уже не занимает... Поеду в Италию, не поеду в Италию... Но видеть, как губят молодежь — это мне уже не под силу.

Она порылась в сумочке: письмо Бродского и стихи.

Я пересказала ей, как отзывается о поэзии Бродского Маршак. «Стихи мрачные, мрачные, слишком мрачные, но там внутри — свет».

Прочла ей отрывки из письма Евгения Александровича к Миронову.

— Это к тому Миронову, который столь квалифицированно беседовал с Чуковским?

Да, к тому самому. Месяц назад Миронов выступил в «Правде» со статьей о социалистической законности. Евгений Александрович Гнедин законы советские знает, испытал на себе, на собственном горьком опыте, — и — и, добавила я, надеется убедить Миронова.¹⁵⁵

По требованию Нины и Любочки, Анна Андреевна встала и пошла к зеркалу. А мне протянула «Звезду», № 5. «Прочтите. Здесь про меня».

«Заметки о незамеченном». Статья А.Урбана.

Плутала я, плутала по страницам; тут тебе и Егор Исаев, и Асеев, и Сельвинский, и Ручьев... Наконец, нашла

про Ахматову. Ей в этом году, сообщает критик, исполняется 75 лет. Она патриотка — в доказательство приведены строки из «Родной земли»... Затем цитата из статьи Озерова: отповедь эмигрантам.¹⁵⁶

Анна Андреевна вернулась к столу.

Какая у нее одышка!

— Не понравилась статья? — спросила она, переведя дух.

Нет, не понравилась. Таланта не хватает, таланта.

Оттуда выпала фотография. Я подняла карточку с пола. Та же, какую она подарила Деду (меньше размером).
Надпись:

«2 апреля 1946

Москва

✶

Лидии Корнеевне

Чуковской

дружески

Ахматова

11 июня

1964».

Любит она дарить эту свою фотографию. Жаль, что нигде не написано собственноручно: «Я зарабатываю постановление». Историческая минута ее жизни, тем самым русской истории.

— Объясните мне, Лидия Корнеевна, почему это один Чуковский умеет писать *громко*?

— Потому, что он пишет вслух.

Я поднялась.

— С 20 по 25 июня буду неизвестно где, — сказала на прощание Анна Андреевна. — Потом в Комарове.

Прятки от юбилея?

17 июня 64

Впервые в жизни возвращаюсь от Анны Андреевны, твердя вновь услышанные строки — не ахматовские, не ее.

Там, в Сокольниках, встретила я с Марией Сергеевной Петровых. Ну встретила и встретила — сколько раз встречались! У Ахматовой и не у Ахматовой. И сколько раз и сколько уж лет Самуил Яковлевич и Анна Андреевна говорили мне о поэзии Петровых.

Маршак жаловался: «Эта женщина — мой палач. Читает мне свои стихи. Я прошу: дайте рукопись! — ручаюсь, что устрою сборник в издательстве “Советский писатель”. Ни за что!»

Мне и не читала никогда и не показывала. Один раз, со зла, после очередного «не стоит», или «не помню», или «не хочется» — я ответила ей строками Мандельштама:

Ты, Мария, — гибнущим подмога...

Я стою у твердого порога...¹⁵⁷

Она тогда отвернулась — обиженно и непреклонно. А сегодня — прочла.

Теперь стану канючить машинопись. Теперь я уже без них — без этих стихов — не могу, а наизусть утратила способность запоминать с маху. Только клочки, отрывочки. Тем более, что читала она и короткие и длинные.

Ты думаешь — правда проста?

Попробуй, скажи.

И вдруг немеют уста,

Тоскуя о лжи.

Какая во лжи простота...

И дальше, под конец, о правде:

Когда же настанет черед,

Ей выйти на свет, —

Не выдержит сердце: умрет,

Тебя уже нет.

Но заживо слышал ты весть

Из тайной глуши,

И значит, воистину есть

Бессмертье души.

В другом стихотворении — «Дальнее дерево»:

Там сходит дерево с ума,
 Не знаю, почему.
 Там сходит дерево с ума,
 А что с ним — не пойму.

.....

И кончается:

Там сходит дерево с ума
 При полной тишине.
 Не более, чем я сама,
 Оно понятно мне.

И необходимейшая, необходимейшая (для меня)
 «Черта горизонта».

Так много любимых покинуло свет,
 Но с ними беседуешь ты, как бывало,
 Совсем забывая, что их уже нет...
 Черта горизонта в тумане пропала.

Случилось все так. Я была у Анны Андреевны в Сокольниках. Трахеит прошел — она здорова, говорит своим обычным голосом, но грустна, смутна. Возле нее Аманда и Мария Сергеевна. На столе изящно изданный томик: стихотворения Анны Ахматовой по-польски*. Насколько я могла угадать, кроме всех тревог и недугов, тяготит сейчас Анну Андреевну грядущий юбилей. Будут, кажется, стихи в «Новом Мире» и, кажется, еще где-то в газетах. Будут — не будут? Все шатко, зыбко и несоразмерно событию... Таким ли должен быть юбилей Анны Ахматовой? Наш всенародный праздник?*

* Anna Achmatowa. Poezje. Opracował i wstępem opatrzył Seweryn Pollak. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964. (102 стихотворения в переводах 27 поэтов.)

** В «Новом Мире» в № 6 с послесловием А. Синявского опубликован был отрывок под заглавием «Из трагедии “Пролог, или Сон во сне”» (впоследствии «Из пьесы “Пролог”» — БВ, Седьмая книга), а также стихотворение «При непосылке поэмы» — БВ, Седьмая книга.

К юбилею Ахматовой, однако, в газетах, журналах и альманахах напечатано было немало ее стихов. См.: Русские советские писатели. Поэты: Биобиблиографический указатель. Т. 2. М.: Книга, 1978, с. 159-160.

Снова она повторила мне:

— С 22 июня по 25-е я исчезну. 25-го перееду в Комарово.

— Где же вы проведете эти дни?

— Предложены два места в Москве, три в Ленинграде. Еще не решила... А знаете, Лидия Корнеевна, какая радость? Надюшу, наконец, прописали у Шкловских.

Я рада. Жить в Москве без прописки — дело опасное. Добился этого Гольцев, «человек из “Известий”», по просьбе Анны Андреевны и с помощью Фриды, которая обегала всех именитых литераторов и раздобыла письма. Я рада: и Надежде Яковлевне легче, и у Анны Андреевны камень с плеч. Ведь для нее, для Ахматовой, «Наденька» — живая память о великом поэте, об их общих друзьях. Многое и многое их связывает, даже постоянные ссоры.

Мария Сергеевна (между прочим, сегодня, во время разговоров о прописке, я впервые отчетливо вспомнила, что Осип Мандельштам некогда был влюблен в Марусю Петровых; конечно, я давно это знала, цитировала же ей в укор: «Ты, Мария, — гибнущим подмога», но сегодня *вспомнила*: «Между “помнить” и “вспомнить”, други...» и т. д.), Мария Сергеевна поднялась, прощаясь. Я тоже. Анна Андреевна обеих нас проводила до дверей и сказала вслед:

— Маруся, прочтите Лидии Корнеевне стихи. Не спорьте. Я вам велю. Слышите?

Мария Сергеевна не ответила. Мы вышли во двор. Благоухание, зелень, скамьи. Сели на ближайшую скамью. Я не знала — станет ли она читать или нет? Мария Сергеевна — отчаянная курильщица и прежде всего закурила. (Там, возле Анны Андреевны, вероятно, воздерживалась.)

Сидели мы молча — я не спрашивала, будет ли выполнен приказ. Очень уж у моей спутницы строгий профиль. Да, нежный и строгий. Но, докурив папиросу, она *сама* начала читать.

— Я могу только наедине, из души в душу, — пояснила она.

Вот так и бывает: живешь — не живешь,
А годы уходят, друзья умирают...
И вдруг убедишься, что мир непохож
На прежний, и сердце твое догорает.

Я еле удерживалась, чтобы каждую минуту не кивать головой: да, да, «всё так», всё про меня, только это вы написали, Мария Сергеевна, а почему-то не я.

Мы, чтобы не расставаться, пошли до метро пешком. Я слушала, я смотрела на этот нежный и твердый профиль, словно слышала и видела впервые.

Но бьешься не день и не час,
Твердыни круша,
И значит, таится же в нас
Живая душа.

То выхода ищет она,
То прячется вглубь.
Но чашу осушишь до дна,
Лишь только пригубь.

Я все кивала, кивала... А напоследок она прочла такое о тюрьме, что от оглушенности я не запомнила ни слова. Нет, две строки:

И даже в смерти нам откажут дети,
И нам еще придется быть в ответе.¹⁵⁸

20 июля 64

От Анны Андреевны из Комарова вестей нет. Хорошо, если это означает, что весть о моей встрече с велосипедом не настигла ее.¹⁵⁹

А я все в постели. Правда, уже без бинтов и ненадолго встаю. О смерти Самуила Яковлевича мне не говорили. Только недавно узнала я об этом несчастье. На похоронах не была! Дня через два встану и поеду на кладбище.

Маршак умер. Поверить трудно. Часть моей жизни, редакция, десятилетие над рукописями, Митя, ночные бестрамвайные возвращения домой, «Солнечное вещество», 1937.¹⁶⁰

...Праздновался ли в Ленинграде юбилей Анны Андреевны? Ко мне, пока я лежала, мало кого пускали, толком я и до сих пор ничего не знаю. И по телефону не могла.¹⁶¹ Одно знаю: Анну Андреевну на Ленинградском вокзале встречал Бродский! Три или даже четыре дня он пробыл в Ленинграде в отпуске! Вот чудеса!¹⁶²

29 июля 64

На днях получила письмо от Анны Андреевны — первое за все четверть века нашего знакомства. (Несколько строк из Ташкентской больницы не в счет. Правда, они от руки, а это на машинке.)

5 июля Дед выступал по радио — в честь семидесятилетия Анны Ахматовой. Откликов посыпалось множество — и он поручил мне отправить их Анне Андреевне. Я отправила.¹⁶³

С большим удовольствием переписываю сюда ее послание — такие добрые слова о работе над «Бегом»! Подлинник (из осторожности) буду держать на даче. Там, у Деда, — надежнее.

Переписываю:

«Дорогая Лидия Корнеевна!

Как это могло случиться, что я ничего не знала о Вашей болезни! Мне сказала о ней только Любочка, прилетевшая на похороны Елены Михайловны Тагер. Может быть, до меня не дошло какое-нибудь известие.

У меня особенных новостей нет. Завтра придет редактор моего двухтомника Дикман, и возникнет первый разговор о тексте. Обе папки — памятник Вашего трудолюбия и Вашей ангельской доброты ко мне — всегда со мной, как Вы велели.

Я тоже получила ряд писем, полных восторгов по поводу выступления Чуковского 5 июля. Авторы их — самые разные люди, есть даже один рабочий из Ярославля.

Буду нетерпеливо ждать известий о Вашем здоровье, очень беспокоюсь.

Толя чувствует себя лучше и напишет Вам сам.

Передайте, пожалуйста, мой привет Корнею Ивановичу и нашим общим друзьям.

Всегда Ваша Ахматова

21 июля 1964

Комарово.¹⁶⁴

Итак, новая работа над «Бегом» началась... Дикман... Интересно, что она любит, что умеет и какие получила инструкции?

7 ноября 64, Комарово

После обеда, когда я, как всегда, приготовилась лечь, — внезапный стук в дверь.

Толя.

Я высунула голову.

Оказывается, едуци из Ленинграда в Будку, Анна Андреевна желает прихватить с собою по дороге и меня. Машина у ворот.

Ахматовская настойчивость, ахматовское нетерпение!

Оно и понятно! Сколько накопилось событий, происшествий, стихов, бед, надежд и крушений за долгие месяцы, что мы не видались. Четыре месяца! Третью года! Даже и не охватить сразу!*

Главное, мне хочется знать, как поживает в издательстве ее одноклассник. «Ведь он мне несколько сродни». Да и помимо того, вообще.

Я обещала Толе явиться в Будку сегодня же после ужина. Обещала наобум, опрометчиво. Никого из друзей на этот раз в Доме Творчества нет. Друзей нет, а мой страх перед толпою, огнями, рельсами, толкотней, спешкой, электричками — вот он, во мне. При одной мысли о станционной платформе вздрагивает дыхание.

Выручил, спасибо, Давид Яковлевич Дар. Он со мною за одним столиком. Умный добрый чудак. Ценит по-

---

* О «деле Бродского» за это время — о продолжении хлопот, запечатленных частной перепиской, дневниками и официальными документами, — читатель может узнать на страницах «Тяжбы» (см. Приложение 1).

ПАМЯТИ В. С. С.

*А кто-то была как молитва
вскресная...*

Почти не может быть, ведь ты была всегда:
 В тени ближних лип, в блокаде и в больнице,
 В теремной камере и там, где злые птицы
 И траги пыльные и страшная года.
 О как выжило все, но ты была всегда,
 И мнится, что души отъели половину,
 Ты, что была тобой, — в ней знала я причину
 Чего-то главного. И все забыла вдруг...
 Но звонок твой голос зовет меня отсюда
 И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.
 Ну что ж! попробую.

Анна Ахматова

9 сентября 1964 г.
Коврово

*подарено 12/xi 64 на даче в
Коврово*

Машинопись стихотворения «Памяти В.С.С[резневской]». Эпиграф и подпись поставлены Анной Ахматовой. Внизу пометка Л.Чуковской. 12 ноября 1964

эзию Бродского, возмущается судом. Страстный обожатель Бориса Леонидовича.¹⁶⁵

Перелистав карманное расписание, Дар вычислил время, надежнейшее для спокойного перехода через рельсы. Те промежутки между семью и восемью вечера, потом между десятью и одиннадцатью, когда толпы пассажиров, спешащих в город и из города уже схлынули, встречных электричек нет и, по его расчетам, на станции пусто.

Так оно и оказалось — ни путаницы зеленых, красных, желтых, ослепляющих и сбивающих с толку огней, ни толкотни на обеих платформах. Два-три человека слоняются лениво. Я без страха перешла через рельсы. А потом Озерная улица, то есть, собственно, асфальтированная просека — и по обеим сторонам радость моя, любовь моя — сосны.

И вот я у нее.

Анна Андреевна за своим письменным столом, который вовсе не стол. Вдоль стены тахта — на ножках из кирпичей — не совсем тахта.

Сев напротив хозяйки, вслушиваюсь, вглядываюсь.

На кухне голоса, там живет сейчас целое семейство: Сарра Иосифовна и ее, незнакомые мне, муж и дочь.¹⁶⁶ От круглой железной печки возле двери веет теплом, но изо всех щелей: с полу, от окна, от двери — дует и дрожью пронизывает ноябрьский холод. Не назовешь комнату приспособленной для зимнего обитания. Какое-то недожилище.

Зато Ахматова — она вполне Ахматова.

Молчим. Слишком долго не видались, чтобы заговорить сразу.

Ох, как дует с полу. Хочется поджать ноги.

— Мы встречаемся с вами в новую эпоху, — говорит, наконец, Анна Андреевна. — Расстались при Хрущеве, встречаемся при Брежневе. Бег времени! Правительство-то новое, да новая ли эпоха?*

* Напоминаю читателям, что решение о снятии Хрущева было принято пленумом ЦК 14 октября 1964 года, а объявлено 16 октября.

Молчим.

Я спросила, каков ей показался Иосиф — он ведь приехал в Ленинград из ссылки в отпуск. Из ссылки! подумать только!

Анна Андреевна нахмурилась.

— Я поняла, что у меня хватит сил спокойно ожидать освобождения еще не более десяти дней, — сказала она, не ответив на мой вопрос. — Мы подписывали поручительство когда? 19 октября? а сейчас ноябрь на дворе. Более десяти дней я не выдержу*.

Опять мы впали в молчание. Прямо бедствие какое-то. Что значит — не выдержу?..

Мне хотелось расспросить об однокласснике, но раз она сама об этом ни слова?.. Печатают ли они, наконец, все три части «Поэмы», «Реквием» и вообще весь этот отдел?

Наконец она сказала, что ей очень хотелось бы ознакомиться с выступлением Чуковского — с тем, по радио, к ее юбилею. Я обещала завтра же написать Деду.

Опасаясь новой молчанки, я спросила, как праздновался в Ленинграде ее юбилей.

И тут мы, наконец, свободно разговорились. Мне даже и хохотать привелось. Видывала я Анну Андреевну негодующей Федрой, Екатериной Великой, царевной Софьей... А тут я впервые увидела Ахматову в комедийной роли. Да еще, кто бы мог подумать, в мужской.

— Все писательские организации поздравили меня, все, кроме родного Ленинградского отделения... Да, да, да... Наверное, им за такую оплошность намылили холку: через полтора месяца сам Прокофьев, в сопровождении Брауна и Чепурова, пожаловал ко мне извиняться. Не иначе, как по приказу свыше. Преподнес букет белых лилий. Ни дать ни взять — архангел Гавриил.

Интересно, в каких же выражениях он извинялся? В каких — буквально? Чем оправдывался?

Анна Андреевна привстала. На моих глазах превратила себя в косопузого, кривоногого поздравителя. В пра-

* См. Приложение 1, с. 484.

вой руке букет, левой он обнимает голову. Твердит неустанно: «Ой, стыдобища! Ой, срамотища!»¹⁶⁷

Я утерла слезы. Анна Андреевна опустила в кресло и снова из Александра Прокофьева превратилась в Анну Ахматову.

— Хотите, прочитаю новые стихи? — спросила Ахматова, не дав мне опомниться. И прочитала три. Одно «В пути», другое — на смерть Срезневской, третье — «В Выборге»^{*}.

Одно о «тайне тайн», о таинственном даре поэта, другое о смерти — не только Валерии Сергеевны, но и собственной своей смерти. Срезневская, наверное, последняя из тех, кого Ахматова могла окликнуть: «А помнишь?», последняя, кто знал ее со времен гимназической юности. «Почти не может быть. Ведь ты была всегда».

Прочитав «В Выборге», Анна Андреевна объяснила:

— Я Выборг осмотреть не успела, но Ладыженская так хорошо рассказала мне о скале, что я словно увидела сама.¹⁶⁸

А вот я, увы, не увидела. Не знаю, почему, но почему-то увидела я только то, чего в буквальном смысле слова увидеть как раз и невозможно: белую, стоящую на коленях зиму. «И на коленях белая зима / Следит за всем с молитвенным вниманьем». А подводную скалу не увидела. И Скандинавию, и Нептуна тоже нет.

Помолчали.

— Понравилась? — спросила Анна Андреевна.

Я ответила по правде: первые два очень. Оба превосходные. Кроме очарования поэзии заново поразила меня прославленная ахматовская зоркость. Тысячи людей, в их числе и я, тысячи раз видели финские сосны на закате. Она первая увидела (не скажу уж, воплотила в стихе), что на закате стволы сосен, такие прочные столбы,

* Стихотворение «Земля хотя и не родная...», первоначально называвшееся «В пути» («Новый мир», 1965, № 1), впоследствии печаталось без заглавия — БВ, Седьмая книга. — № 113. «Памяти В.С.Срезневской» и «В Выборге» — БВ, Седьмая книга.

коричневые чуть не до черноты — превращены силою света в розовое, нежное, живое, обнаженное тело. Я не запомнила, но попробую вспомнить это стихотворение на обратном пути. И Срезневской. «И мнится, что души отъяли половину, / Ту, что была тобой». (Такое чувство я испытала после смерти Тамары Григорьевны.)

— Хочу, чтобы «Памяти Срезневской» напечатано было в моем сборнике особым шрифтом. Может быть курсивом. Или обведено черной рамкой*.

Я расхрабрилась и спросила, как поживает одното́мник, движется ли по чиновничьей лестнице, то есть идет ли редакционная работа? «Да», — неохотно ответила Анна Андреевна. Я опять не решилась о «Поэме» и о «Реквиеме». Поняла, что об одното́мнике Анна Андреевна говорить не желает. Во всяком случае, со мною. Есть же на это какая-нибудь причина. Вряд ли приятная.

Заметив на столе сборник Кушнера, прочитанный мною недавно, я спросила, что она о нем думает.

— Изящен, — ответила она, то́ ли с одобрением, то́ ли с укором. — Интеллигентен, литературен, изящен. Однако, я боюсь, нравится ему такое занятие: писать стихи. А вот эта женщина, — Анна Андреевна раскрыла сумочку и вынула листок со стихами Натальи Горбаневской, — ей не хочется, больно ей, но не писать она не может.

И прочитала Горбаневскую вслух, медленным глубоким голосом. Пожалуй, мне понравилось. Странные стихи и неуловимые. Звук какой-то новый, немножко «бродский звук». Но свой.¹⁶⁹

Потом Анна Андреевна рассказала:

— Оксфордцы вздумали выдвинуть меня на Нобелевскую премию. Спросили, разрешаю ли. А я находилась тогда в припадке негативизма, которым страдаю с детства. Я ответила: «Поэт — это человек, которому ничего нельзя дать и у которого ничего нельзя отнять».

---

* Это желание осуществлено не было. «Памяти В.С.Срезневской» напечатано в «Беге времени» тем же шрифтом, что и остальные стихи и без траурной рамки, зато с ошибкой. Вместо «Ту, что была тобой» напечатано: «Ту, что была с тобой». — № 114.

Слышала я уже от нее эту формулу. Ошибочную. Отнять, увы, можно. Отнять, например, читателей-современников. Или читателей вообще.

Я ей сказала (вот балда! позабыла сообщить сразу!), что Юрий Павлович Анненков, в письме к Деду, спрашивает из Парижа, когда и где Ахматова будет в Италии.

— Он хочет меня видеть потому, что давно уже собирается иллюстрировать «Поэму без героя». Думаю, вот причина расспросов. Но это не он должен делать.

— Кто же?

— Тот, кто понимает, что «Поэма» не «Мир Искусства». Шире.

О, конечно! Какой же это «Мир Искусства»!

— Но ведь иллюстрировал же Анненков «Двенадцать», — сказала я. — Тоже не «Мир Искусства». А рисунки в самую точку.

— Тогда он был здешний и понимал; из Парижа понять нельзя.

Пожалуй, нельзя. Как из Москвы нельзя понять Париж. Вот, например, история с Сартром. Чем объясняется странный его поступок: отказ получить премию после Пастернака! Ведь это великая честь стать в один ряд с Пастернаком! Почему же он отказался?

— Потому, что Сартр левый, — объяснила Анна Андреевна.¹⁷⁰

Я не поняла. Коли Пастернак для них правый, то кого же они из здешних считают левым? Софронова, что ли? Или, может быть, Кочетова?

— Если окажусь в Риме, пошлю Сартру анонимное письмо, — с показною мечтательностью ответила Анна Андреевна. Таким тоном, словно посылать анонимные письма самое для нее разлюбезное дело.

Правые, левые... А как назвать того полковника в машине? Не правый, не левый, а просто зверюга. Интересно, много ли таких в армии? Я рассказала Анне Андреевне недавнее свое приключение. Ясный день, тороплюсь в Замоскворечье, в Лаврушинский писательский дом. Стою в очереди к такси. Передо мною полковник.

Когда подходит к нему машина, он внезапно обращивается и спрашивает: «А вам, гражданка, куда?» — «В Замоскворечье». — «Садитесь, подвезу. Нам тоже в Замоскворечье... Тут, поблизости, меня поджидает жена»... Я села с шофером. Проехали мы дома три, четыре, ждет в подъезде дама с девочкой. Полковник отворил дверцу. Дама вся в мехах, духах, серьгах. Девочка лет пяти. Бельенкая. У нее волосы не выющиеся, а завитые. До плеч. Вся в кудряшках. Сели, поехали. Не знаю, в ссоре ли была полковница с мужем и раньше, или осерчала, что лишняя пассажирка в машине. Не знаю, но она не проронила ни единого слова во весь путь. И глядела в окошко негодующе... Красная Площадь. Тут полковник, взяв девочку на колени и глядя ее по волосам, произнес речь:

— Светлана, смотри, слушай и помни! Светлана, смотри направо! Это Кремль. Смотри и запоминай. В Кремле жил самый великий человек на земле. Самый великий за всю историю человечества. Я скажу тебе, как его звали: Ио-сиф Вис-са-ри-о-но-вич Ста-лин. Он спас нашу Родину. Он спас тебя от смерти. Повтори!

— От смерти, — повторила девочка.

— Дура! — зарычал полковник. — Ты имя повтори: Ио-сиф Вис-са-ри-о-но-вич Ста-лин...

— Бедное дитя, — перебила меня Анна Андреевна.

Я рассказала дальше. Я — к шоферу: отворите мне дверцу, я выйти хочу. Шофер: «На Красной Площади машинам останавливаться запрещено». «Тогда — чуть проедем». Проехали, он притормозил, я вышла. Я думаю, полковник догадался, что́ к чему. «Вам же в Замоскворечье?» — крикнул он мне вслед не без насмешки. А я чувствовала себя оплеванной: ведь для него в ответ я слов не нашла, и для девочки. Я сбежала от него молча, трусливо.

— Уверяю вас, — утешила меня Анна Андреевна, — он и мадам поняли ваш уход отлично. — И, помолчав, добавила (о девочке). — Бедное дитя!

Потом мы заговорили про ее поездку в Италию. Я — обрадованно. Она махнула рукой.

— Что вы, Лидия Корнеевна! Чему радуетесь? Двигаться, смотреть, узнавать я физически уже не могу. Сил нет, поздно. Чему радоваться? Каждую минуту будет входить в номер отеля незнакомый господин и спрашивать, правда ли, что в Советском Союзе началось, наконец, антисоветское движение... Благодарю покорно!

Мне было пора. Взяв с меня слово завтра непременно придти днем, она меня отпустила.

Я трудно пробиралась в темноте сквозь цепкие ветви низкорослых елей. Выбравшись на Озерную, пошла легко и быстро. Не встретила ни одного человека. Хорошо, что с детства не боюсь ни темноты, ни леса. По обеим сторонам дороги — сосны. Между ними, из глубины, изредка — прямоугольники света: освещенные окна домов.

8 ноября 64

— Рябина в этом году хищная, окровавленная. Вы заметили?

— Сегодня наверное ветер. Сосны за моим окном всегда неподвижны, нарисованы. Японский рисунок. А сегодня они качаются, перешептываются, сплетничают. Значит, ветер.

Таковыми словами встретила меня Анна Андреевна, чуть я заявила к ней около полудня. Нынче я пришла днем в надежде вывести ее погулять. Но ветер противопоказан больному сердцу, и она — ни за что.

Застала я ее, против ожидания, не в постели, а прибранную, одетую, причесанную. Сарра Иосифовна подавала ей кофе.

Я захватила с собою письмо Деда. Пишет он мне, а не ей, но несколько строчек интересны и для Ахматовой. Это об Оксмани, о Солженицыне, о Твардовском. Думала я по дороге: тревожить или не тревожить дурными вестями Анну Андреевну? У нее на душе и без того много тревог: внезапная, трудная болезнь Нины Антоновны*; Иосиф; Толя; поедет она или не поедет в Италию...

---

* В начале октября Нина Антоновна перенесла инсульт.

Однако дурные слухи об Оксмане уже и так донеслись до нее, и она сильно обеспокоена этой новой бедой. Так уж лучше, думала я, пусть знает из первоисточника. Да и показалась она мне сегодня бодрее обычного.

«Юлиану Григорьевичу предложено уйти из Горьковского Института, — прочитала я, — все договоры с ним расторгнуты, ссылки на него изымаются (о чем он не знает). Он был у меня, пришибленный»*.

— Пришиблена и я, — сказала Анна Андреевна. — Вместе с ним и за него. Николай Васильевич Лесючевский — человек мстительный и свое дело знает.¹⁷¹ А тут еще такая Николаю Васильевичу удача — наивная иностранка (если ты наивна, не ездят в Советский Союз). Наивный Глеб Петрович Струве со своими наивными благодарностями.¹⁷²

Я ей сказала, что о заезжей иностранке не знаю ничего, а вот письмо Струве Юлиан Григорьевич мне показывал.

— К сожалению, не только вам, — перебила Анна Андреевна.

Да, конечно, многим. Но дело-то в том, что письмо Струве не содержит в себе ничего криминального, антисоветского, компрометирующего. Благодарность и благодарность, только и всего. Запомнила я одну фразу (не дословно): «Впервые советский ученый откликнулся на мой многолетний труд». И дальше одни учтивости — криминала нет.

— Не наивничайте хоть вы! — вскрикнула Анна Андреевна. — Учтивости! Письмом этим Струве учтивейше доказал, что советский ученый переписывается с антисоветским. Дал Николаю Васильевичу в руки неопровержимое тому доказательство.

Она задохнулась. Я переоценила сегодняшние ее силы.

А что показывал письмо Юлиан Григорьевич не только мне — это она права. Он сам подозрения имеет на

* Письмо К.И. ко мне от 31 октября или 1 ноября 1964 года.

одного молодого человека, фамилии которого в разговоре со мной не назвал. Похвалившись письмом, засунул конверт в который-то толстенный томище «Русской Старины» или «Русского Архива», не помню. Когда они явились, то всего лишь минут пять, не более, тыкались для виду в разные книги, а затем прямо пошли к полке со старыми журналами, выхватили нужный том и вытряхнули оттуда искомый документ. Так мне Юлиан Григорьевич рассказывал.

Я замолчала, ругая себя. Незачем было лишний раз огорчать больную. Вот и без всякого заоконного ветра причинен ей вред. Однако Анна Андреевна углядела мою попытку незаметно спрятать в карман письмо Корнея Ивановича: «читайте новости дальше». Я промямлила «ничего интересного». Но от нее не укроешься. Пришлось читать.

«В Союзе Писателей выступил Друзин и заявил, что пора призвать к ответу этих хрущевцев: Твардовского и Солженицына».

— Солженицына? — переспросила Анна Андреевна. — Еще бы, давно пора! Ведь это он призвал их к ответу. «Он весь, как Божия гроза». С первого же дня я у него спрашивала, понимает ли он, что скоро его начнут терзать.

Замолчали. Желая отвлечь Анну Андреевну от грустных пророческих дум, я прочитала ей двустрочную — неизвестного автора — эпиграмму на Друзина:

Был областной подонок Друзин.

Стал ныне Друзин всесоюзен.¹⁷³

Анна Андреевна не улыбнулась.

С ужасом заговорила об албанцах и китайцах, которые в обе радиоглётки защищают Сталина.

— Да ведь и у нас водятся такие, — сказала я.

— Я бы таких, — неожиданно спокойным, деловитым, ровным, даже бесстрастным голосом ответила Анна Андреевна, — я бы таких людей отправляла в соседнюю комнату и там специалисты проделывали бы с ними точно то же, что с каждым делал Иосиф Виссарионович.¹⁷⁴

9 ноября 64

Сегодня снова о китайцах и албанцах.

— Подумать только: живешь тихо, мирно, и вдруг оказывается, что ты — враг шестистам миллионам людей.

По случаю перемены правительства она теперь сомневается в своей поездке на Запад (в Оксфорд, где ей на днях дали почетное звание доктора филологических наук, и в Италию, где ей собираются вручить премию).

— Со мною всегда так, — говорит Анна Андреевна, — только начнет поворачиваться судьба чем-нибудь для меня хорошим — Италия, Оксфорд! — тут случается нечто невообразимое. Всегда! Вот и сейчас: китайцы жаждут моей крови. А вдруг наше новое правительство с ними подружится?.. Какая же тогда моя поездка на Запад? В Сицилию, в Лондон? Между прочим, все это предсказано у меня в «Китежанке»:

Ты лучше бы мимо,
Ты лучше б назад,
Хулима, хвалима,
В отеческий сад*.

Прочитала мне два четверостишия: одно о встречах, которые горше разлук, а второе — вот оно:

А-а, тебе еще мало по-русски?
И ты хочешь на всех языках
Знать, как круты подъемы и спуски
И почем у нас совесть и страх**.

Не странно ли, что строки эти написаны теперь, то есть до ее поездки? Ведь не китайцев и албанцев она имеет в виду, а римлян и лондонцев. Оксфордская степень, итальянская премия. Странно. А первое четверостишие, к стыду моей дырявой памяти, я не запомнила.

— Надеюсь, встреча наша с Иосифом будет веселой, счастливой, — сказала она. — Только бы поскорее... Все радиостанции мира кричат об освобождении Ивинской

---

* «Китежанкой» Ахматова нередко называла поэму «Путем всяя земли» — БВ, Тростник.

** «Узнают...», с. 284.

и Бродского. Для того ли я растила Иосифа, чтобы имя его стояло рядом с именем этой особы... Ладно, приеду в Италию, потом в Оксфорд — и объясню им who is who.

Боюсь, не удастся. Поэзия сильнее правды. Боюсь, Ивинская все равно войдет в историю как звезда любви, как муза великого поэта... Как Лара из «Живаго».

— Нет, не так, — ответила, подумав, Анна Андреевна. — Она войдет, как Авдотья Панаева, обокравшая первую жену Огарева. Так.¹⁷⁵

Заговорив о Бродском, она стала выпрашивать у меня подробности о Поликарпове — о приезде его в Переделкино к Деду.¹⁷⁶ В общем про это она уже слышана, а теперь просит «не в общем». Что ж! Губы у Деда были серые, и, когда мы с Фридошкой поднялись в кабинет, он почему-то лежал, и лежал в странном виде: не в халате, не в рабочей своей курточке, а в синем парадном костюме, при галстуке. Подвинулся и нас попросил сесть у него в ногах. Ну и дальше: Поликарпов ему объяснял, что будто бы только с его именем, с его, Чуковского, заступничеством они считаются, а вы, Корней Иванович, за кого, дескать, заступаетесь? Ну и дальше запустил обычную шарманку: подстрочники, попойки, под всем этим там, в глубине, грязь.

— Бесстыдники, — сказала Анна Андреевна. — Чуковскому который год пошел? Восемьдесят третий? Бесстыдники!

Я сказала, что сперва испугалась: Дед лежал странно, косо и «не в ту сторону», то есть головою не там, где подушка, а наоборот, и, главное, — губы, губы! — но он вдруг выпрямился, сбросил ноги на пол, притопнул башмаком и, форся перед нами, сказал:

— Он требует, а я ему — кукиш!.. Идемте вниз ужинать!

Между тем, Анна Андреевна уже не слушала меня. Она пристально глядела в окно. Ей так не терпелось понять, кто это пожаловал в Будку — что она встала, с неожиданной легкостью прошла в переднюю, отворила дверь на холод — прямо на крыльцо. Оказалось: Натан Альтман

с женой. Меня поразило, с каким ужасающе безобразным акцентом говорит он по-русски, и в какой степени жена его, вопреки прославленной красоте и элегантности, решительно лишена обаяния. Начался разговор о поездке в Италию, о премии, о художественных сокровищах Рима, об Оксфорде. Анна Андреевна веселая, даже, я сказала бы, радостная. Никаких тебе трагических четверостиший о встречах, что разлуки тяжелей.

Я ушла.

10 ноября 64

Сегодня я застала Анну Андреевну в постели. Лежит пластом. Сердце! Ни о какой прогулке и речи нет. Глотает нитроглицерин. Я собиралась было потешить ее стишатами Сергея Васильева «Как с Прокофьевым купался».¹⁷⁷

Развернула газету. Прочла заглавие. Анна Андреевна негодуяще на меня поглядела.

Я умолкла.

— Купался? С Прокофьевым? Это в газете? Я не ослышалась? Поэт воспевает свое купание с Прокофьевым?

Она сердито взбила подушку, сердито поставила ее дыбом и села, на нее опираясь.

— Вы, кажется, собираетесь мне *это* читать?

— Да. Для смеху.

— Нечему тут смеяться. Дурной знак: Прокофьев стоит твердо.

Разумеется, для Иосифа и для нас знак дурной. (О поэзии не говорю.) Воспет зачинщик беды. Прокофьев стоит при Толстикове, а Васильев — при Прокофьеве.

Чтобы отвлечь Анну Андреевну, я начала расспрашивать ее о вчерашних гостях. Мне показалось, вчера она была им рада. О Натане Альтмане и жене его.

— Альтман мой старый друг... Не могу же я не принять жену моего друга!.. И — забавно! Стишки в «Литературной России» в честь Прокофьева — знак дурной. А приезд ко мне Ирины — хороший. Эта дама — вернейший барометр. Она никогда не удостоила бы меня визитом, если бы акции мои в глазах начальства не поднялись.

Завтра Анна Андреевна уезжает в Ленинград, оттуда в Москву, оттуда в Рим.

Выдержит ли сердце? Да и Нины Антоновны рядом не будет. А всякая другая — хуже.

Анна Андреевна прочла мне новое из «Пролога». Восхитительное!

— «Пролог» живет здесь, в этом доме, — сказала она. — Чуть только я сюда возвращаюсь, он за меня берется. Боюсь, Италия ему помешает... Одна тамошняя возможная встреча, — Анна Андреевна многозначительно помолчала, — одна встреча может повернуть весь сюжет.

Я не спросила — встреча с кем? С кем-то из ее прежних друзей «тринадцатого года» или с тем, кто «проникнуть в тот зал не мог»? А в сущности, не все ли равно? Лишь бы «сон во сне» снился и снился.

— Понимаете? Встреча с тем, кто может дать новый материал для одной из сюжетных линий.

Мне было пора.

— Жаль, что уезжаю, так и не дождавшись Иосифа, — сказала Анна Андреевна.

Уезжает завтра вечером. Просила днем зайти проститься... До отъезда за границу она еще поживет в Ленинграде, потом в Москве — быть может, еще и успеет увидеться с Бродским.

11 ноября 64

Я зашла проститься, но Анна Андреевна, оказалось, сегодня еще в Питер не едет. То ли ей нездоровится, то ли некому ее сопровождать.

От прогулки она снова наотрез отказалась. Сил нет, да и, кажется, я оторвала ее от работы. Она за письменным столом. Приход мой был некстати.

Однако она не сразу меня отпустила. И состоялся, наконец, давно желанный мною разговор о «Беге времени». Радости он мне не принес.

Я не спрашивала. Анна Андреевна заговорила о «Беге» сама.

— Минна Исаевна Дикман просила меня познакомиться ее с вами. Но я эту просьбу тактично отклонила. Не хочу, чтобы вы с нею встретились. Я более сговорчива, чем вы, и на многое уже согласилась. Вы — не согласились бы.

Дикман? Не сразу я вспомнила: Минна Исаевна Дикман работает в Ленинградском отделении издательства «Советский Писатель» и редактирует сборник Ахматовой «Бег времени».

— Она уже выкинула 700 строк, — пояснила Анна Андреевна, — и я не сопротивлялась.

В этих ее словах всё меня рассердило. И то, что она не сопротивляется. И, с другой стороны, то, что она заподозрила меня в каких-либо притязаниях. Не такая уж я нескладная дура, чтобы проявлять упорство более упорное, чем сам автор, быть более монархисткой, чем сама монархиня. Воюю я с редакторами, это правда, но из-за собственных своих рукописей, а если случается из-за чужих, то только в границах авторской воли. Быть более неуступчивой, чем Анна Ахматова, — людей смешить.

Но 700 строк! 700 ахматовских строк! От злости я даже не спросила — каких?

— Я согласилась бы и на 800 и на 1000, — продолжала добивать меня Анна Андреевна, — если бы не память о вашем зрении, загубленном при моем nepозволительном участии.

Помолчали. Трудно заговорить после таких вестей. Да и не нужна мне жалость к моему зрению. Да и не только из-за моего зрения она согласилась. Я сказала, что здесь, в Комарове, не читаю и не пишу ровно ничего, кроме писем, и в этот свой приезд дала полный отдых глазам. Гуляю, ем, сплю и ничего не делаю — впервые, может быть, в жизни.

На этом бы мне и кончить. Но я не сдержалась и спросила, какова вообще Минна Исаевна Дикман, ну, помимо цензуры? То есть, любит ли она стихи, разбирается ли в поэзии? Любит?

Тут Анна Андреевна тяжело и гневно повернулась в своем кресле.

— Минна Исаевна Дикман не сочла нужным скрыть от меня, что любит мои ранние стихи. Поздние — «не очень». Подходящий редактор для «Бега времени». Не правда ли?

12 ноября 64

Серый, хмурый, пленительный финляндский день. Но я его себе сама испортила. Со случайными попутчиками согласилась съездить в Куоккалу. Ныне Куоккала именуется «Репино», и хотя Ильею Ефимовичем переименование это безусловно заслужено, оно меня раздражает. Вообще от экскурсии на соседнюю станцию я устала. Незачем мне было туда таскаться. Отъезд оттуда в семнадцатом разлучил нашу семью с куоккальской дачей навсегда. Правда, помнится, побывала я там, затаив дыхание, в сороковом, но тогда хоть с друзьями, это меня поддерживало. А сегодня! Наш ручеек, где Боба когда-то рукой поймал рыбку, наша гряда камней, награждавшая ссадинами мои босые ноги, наша «самая большая ель» у крыльца, окно из папиного кабинета — но тут же и новые какие-то елки, и перестроенное крыльцо, и новый сарай, и наш колодец, провалившийся и сгнивший. Уж лучше бы совсем ничего, чем то́ да не то́.¹⁷⁸ Живут незнакомые люди, и я с полужнакомыми приехала. Зачем? Тяжко.

Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами...*

...К «автору этих строк» пришла я сегодня только вечером. Приплелась кое-как.

Тут — Толя Найман за пишущей машинкой («взята взаймы у Гитовича», — пояснила Анна Андреевна). Машинка на стуле, Толя перед нею на маленькой скамеечке. Лицо четко очерченное, замкнутое, прямоносое и прямолобое. Четкий профиль. Переписывает что-то из тетради Анны Андреевны.

* Цитата из стихотворения Ахматовой «Ива» — БВ, Тростник.

Не знаю, почему — может быть, по звуку голоса, всегда выдающего мою усталость? — Анна Андреевна сразу заметила, что я «не в себе». Я рассказала ей, куда съездила утром, поддавшись на чужие уговоры.

— Напрасно вы позволили распорядиться собой. Ваши спутники совершили поездку всего лишь в пространстве — сколько отсюда до Куоккалы? Пять километров? — а вы — прогулку во времени. Съездили в свое детство.

Я сказала, что после детства уже побывала однажды в Куоккале — в сороковом — и потому рассчитывала, что обрела иммунитет. Но ошиблась.

Толя писал, не поднимая глаз и не поворачивая головы. Даже стук машинки не мешал мне чувствовать себя с Анной Андреевной привычно наедине.

— А как вы думаете, — спросила она, — куда на днях съезжу я? В Италию? Или в год по общему летоисчислению 1912-й, то есть в свои двадцать три? Италия — Италией...¹⁷⁹

Помолчали.

Ну да, конечно, я понимаю: Италия для нее то же, что Бежецк или «Бродячая собака» — тоже своего рода «Подвал памяти». В этом подвале живы Флоренция, Венеция — и — и Гумилев, с которым Ахматова еще не развелась, с которым они увидели и пережили Италию *вместе*.

Тут Толя вынул из машинки лист, вставил другой и приготовился продолжить работу. Но Анна Андреевна попросила переписать для меня «Памяти Срезневской». Какой она умеет быть проницательно зоркой! Словно увидела мою больную мысль. Стихотворение, посвященное Срезневской, это тоже своего рода подвал памяти. Для нее.

Я заново устала — так можно устать от гипнотического сеанса — и заторопилась домой. Толя кончил. Анна Андреевна вписала сверху эпитафию: «А юность была, как молитва воскресная...»

Я простилась. Толя помог мне одеться и пошел меня провожать. По дороге мы разговорились. Он подробно рассказал мне о своей очередной поездке к Иосифу.

Одержимость невестой продолжается. Толя отвез ему книги, еду, вещи. Я расспрашивала о быте: мне хотелось *увидеть*, что скрывается за словом «Коноша». Мгновениями, слушая Толю, *видела*. Он превосходный рассказчик, неужели не пишет, кроме стихов, прозу?

Толя отвез Иосифу копию нашего поручительства.¹⁸⁰

14 ноября 64

Сегодня взяла к ней Азу. Уж очень она просила — «ну, хоть взглянуть».

Пришли мы явно не в пору: Анна Андреевна работала. Тем не менее встретила нас приветливо и любезно. (Мне бы научиться не звереть, когда отрывают от работы.)

Я у нее спросила, пишет ли она «Пролог».

— Я его не пишу, он пишется сам, — был ответ.

Прочла дивные строки — не знаю, из «Пролога», нет ли? — но, думаю, «Пролог». Запомнила только:

Этот рай, где мы не согрешили,
Тошен нам...

И дальше:

С будущим убийцею во чреве...*

Она в поисках формы для бреда. («Я буду бредить, а ты не слушай»; «неповторимый бред»; «жгучий бред»**.)

- * Строки, отрывочно запомненные мною в Комарове, читаются так:

Этот рай, где мы не согрешили,
Тошен нам.
Этот запах смертоносных лилий
И еще нестыдный срам.
Снится улыбающейся Еве,
Что ее сквозь грозные века
С будущим убийцею во чреве
Поведет любимая рука.

(«Двухтомник, 1990», т. 1, с. 392)

- ** Цитаты из стихотворений: «Так отлетают темные души...» (ББП, с. 196; «Записки», т. 1, № 19); «Пусть голоса органа снова грянут...» (БВ, Anno Domini); «Все мне видится Павловск холмистый...» (БВ, Белая Стая).

Где ему форму отыщешь, как не во сне. Ищет форму для бесформенности и притом действенную, драматическую. Найдет! В «Поэме без героя» нашла ведь форму для памяти — память же сродни бреду, а форма «Поэмы» сродни драме.

Интересно, в какой степени удастся ей восстанавливать ташкентский вариант «сожженной драмы, от которой и пепла нет». Думаю, восстанавливать и не будет, а напишет заново*.

Анна Андреевна, с присущей ей внезапностью, обратилась к Азе и попросила ее прочесть мне вслух Толину статью о «Поэме». «Лидия Корнеевна плохо видит, читайте вы». Ну, машинопись-то, первый экземпляр, я теперь вижу отлично... Статья мне понравилась. Своеобразная, точная, тонкая, сжатая.

— Скажите все это Толе, — повторяла Анна Андреевна.¹⁸¹

Дальше — новый поворот, новая просьба, уже труднее: попросила Азу перепечатать воспоминания о Мандельштаме и привезти экземпляры сюда, в Комарово. Первый предназначается мне.

Аза согласилась. Спасибо ей, надеюсь ей это не составит большого труда. Она все равно хотела съездить в город, ну и отдаст там рукопись машинистке и привезет экземпляры обратно. Спасибо ей. А вот мне какво? Не в больном глазе тут дело, глаз зажил. Но Анна Андреевна, всегда такая точная, сегодня уполномочила меня... «подумать... перестроить... построить... если надо — исправить (?)». «В общем, делайте, что хотите».

Гм. Без нее? Перестраивать ахматовскую прозу — без Ахматовой? Гм.

---

* Историю пьесы «Энума элиш», которую Ахматова, по ее утверждению, сожгла в Ленинграде в 1944 году, — см. ББП, с. 508—510. «Пролог» — часть этой пьесы.

Пользуюсь случаем указать ошибку в первом томе «Сочинений» на с. 302. Читать следует: «Этот рай, где мы не согрешили»; «рай, в котором» — искажение. Та же ошибка — «Сочинения», т. 3, с. 8 и 10.

15 ноября 64

Не пустил меня к ней днем проливной дождь.

Я пришла вечером. Она обрадовалась: уже не ожидала меня.

Болтали.

О Валерии Сергеевне Срезневской.

— В 46 году психически больная Валерия хлопотала себе пенсию и в каком-то учреждении произнесла: «Сталин — немецкий шпион». Ее арестовали и дали ей семь лет.

Об Арсении Александровиче Тарковском.

— Книжка его стихов вышла слишком поздно. Слава, поздняя, испортила его. Он разучился быть вежливым. Сначала писал мне письма по стилю совершенно любовные... («Арсений, зачем вы сбиваете с толку Лубянку, стыдно».) Потом начал дерзить. Я уже рассказывала вам, кажется? Сидит целый вечер и бубнит «Не пишите прозу. Не пишите прозу. Не пишите прозу». Можно подумать, я «Клима Самгина» написала.

С большой горечью о Марии Сергеевне.

— Мария Петровых — один из самых глубоких и сильных поэтов наших. Она читала вам свои стихи? Убедились?.. А ей всю жизнь твердили: вы — не поэт. Она поверила. У нее теперь психоз: нигде не читать свои стихи и никому не давать печатать их. Даже когда предлагают, просят.

(«Я могу только так, из души в душу», — вспомнились мне слова Марии Сергеевны.)

Заговорили о здешнем море. «Все оттенки серого», — сказала я.

— Неверно, — ответила Анна Андреевна. — Не серого, серебряного. Все оттенки серебра. Я объясняю друзьям: «кто хочет изучить все оттенки серебра, должен приехать в Комарово».

Мне было пора, я заторопилась. Она просила завтра непременно придти.

16 ноября 64

Анна Андреевна уезжает завтра утром. А сегодня странный день, непонятный.

Сначала монологи. Целая серия.

О Шкловском:

— Я раззнакомилась с этим человеком, когда он написал, что капитанша из «Капитанской дочки» то же, что госпожа Простакова. Это чудовищно. Пушкин был первый историк XVIII века. Его святыней была эта женщина — смелая, мужественная, добрая, хотя и неграмотная и грубая. Для Пушкина святыня, а для Шкловского — она, видите ли, Простакова... Пушкин в это время терзался Натальей Николаевной, которая вся ушла в наряды. Его тошнило. Он написал ту, Миронову, и дочь ее, Машу... У дочери одно украшение: розовые ушки.¹⁸²

О Цветаевой:

— Хотят любить Цветаеву и за нее любят Сергея. А он был убийца. Эти мои слова передали Наталии Ивановне Столяровой. Она прибежала вся красная: «Вы не уважаете Марину Ивановну». «Нет, Марину я уважаю». «Моя мать была участницей покушения на Столыпина, и я свято чту ее память». «А моя мать была членом Народной Воли, и я тоже свято чту ее память. Но ни ваша мама, ни моя не были агентами сталинской разведки»... Уверяю вас, Лидия Корнеевна, Марина про Сергея была отлично осведомлена. Но у нее роман за романом, а Сергей — это прошлое, давнее. Что он и какой он — ей было уже все равно.¹⁸³

Мы простились. Но когда я в передней уже надела пальто, она вдруг объявила: «хочу пройтись». Сколько раз я предлагала ей выйти! Нет, ни за что. А сегодня вдруг: «Идемте гулять, вы подождите меня на крыльце, Сарра Иосифовна поможет мне одеться». Я постояла на крыльце, оглядываясь вокруг, вдыхая влажный воздух. Погода для ноября неожиданно теплая. Вышла Анна Андреевна, ступила с крыльца на землю и вдруг заметила, что на вербе набухли и собираются распус-

каться почки. Она протянула к ним руки, словно хотела обнять, и обрадовалась им и пожалела их. «Бедные, глупые, когда вздумали распускаться! Завтрашний мороз их убьет». Сняла перчатку, погладила ладонью серый пушок. Потом тяжело оперлась на мою руку, и мы пошли. Она в теплом, грубошерстном платке. Сделает три шага и остановится: одышка. Я чуть-чуть свободнее развязала узел у нее под подбородком. Пошли дальше. Одышка все равно, хотя она и опирается левой рукой на меня, а правой на палку. Тяжелая, задыхающаяся, старая. Господи, как же она поедет в Рим! Наконец, шагов через двадцать пять, мы ступили на асфальт, на Озерную. Анна Андреевна, снова задохнувшись, совсем развязала платок.

— Теперь вы идите домой, — приказала она, — а я буду стоять и глядеть вам вслед.

Вот тебе и прогулка!

Жестокий она человек. Как же уйти, не зная, доберется ли она до дому благополучно? Я умоляла ее разрешить мне проводить ее до крыльца; спрашивала, заболело ли у нее сердце; предлагала нитроглицерин (он у меня всегда с собой)... Что случилось? Почему мне нельзя проводить ее, раз у нее одышка и ей так трудно двигаться? Каково мне сейчас — бросить ее и уйти?

Нет! Стоит непреклонно. Спокойным ровным голосом повторяет:

— Вы идите, а я буду смотреть вам вслед.

Я не знала, чего во мне было больше: покорности, жалости или злости.

Стихи на нее нахлынули, и мое присутствие мешает им? Так и сказала бы.

Я пошла — пошла от нее прочь. По Озерной шла быстро, легко. Оглянулась. Анна Андреевна на том же месте и, когда я оглянулась, она подняла палочку и поманила мне ею. Вернуться? Нет, я уходила все дальше и каждые десять шагов оборачивалась, и каждый раз, как я оборачивалась, Анна Андреевна поднимала палочку и манила мне ею.

Вот я иду, иду, оборачиваюсь, а она кажется мне все меньше, меньше, вот уже и совсем маленькая вдали, вот я уже не отличаю ее платка от пальто — но — палочка поднимается, я вижу поднятый взмах.

Что это: прощание? прощение? благословение?

Сижу у себя, записываю эти строки. В Комарове мы увиделись сегодня в последний раз. Покаюсь перед собою: все эти дни я где-то глубоко в душе, тайком от самой себя, обдумывала: а не спросить ли, что случилось тогда в Ташкенте? За что она на меня рассердилась?

Теперь я рада, что ума хватило не спрашивать. Не взбалтывать.

Пусть навсегда теперь и останется она в моей памяти такою, как час назад: там, вдали, непонятная, большая, издали кивающая мне своей палочкой. Прощание? Прощение?

18 ноября 64

Тяжкий день. Читаю и перечитываю воспоминания Ахматовой о Мандельштаме. Ломаю себе над ними голову. Сколько раз она уже читала их мне, всегда чуть-чуть в новом, переиначенном виде. То длинней, то короче. Она сама не полагала их оконченными. Одно время вообразила, помнится, будто кто-то их у нее потихоньку изъял, потом восстанавливала? или заново писала? не знаю. Во всяком случае, доставшийся мне экземпляр хранит следы работы разных лет.

Трудностей в том, чтобы перестроить, скомпоновать, перекомпоновать я не ощущаю. Моих редакторских навыков вполне хватило бы. Но для этого требуется все же возможность общения с автором. Я-то ведь не знаток биографии Мандельштама. Даже для того, чтобы задавать вопросы, необходимо быть знатоком. А ее нет возле, и я не знаток, и когда еще мы с нею увидимся. И еще одна беда — главная: в воспоминаниях Ахматовой нет ни портрета Осипа Эмильевича-поэта, ни портрета их отношений — соратников, единомышленников в искус-

стве. (Анна Андреевна всегда подчеркивает, что соратниками они *были* — во всяком случае, в начале пути.) О его теории «знакомства слов» сказано мельком, о «Четвертой прозе» тоже.

Восхитительные куски — краткие, сгущенные, острые, меткие, едкие, словом, «проза Ахматовой», но нет единого дыхания, нет даже подобия какой-либо постройки. Построить легко — а чего нет, того нет.

Отрывки переходят иногда в простые перечни: перечень стихов, обращенных Мандельштамом к Ахматовой, перечень красавиц, в которых он бывал кратко, пылко, но безответно влюблен. Свидетельство о том, что свою жену, Надежду Яковлевну, он любил «невероятно, неправдоподобно».

Каждое звено драгоценность сама по себе. Каждое — Ахматова о Мандельштаме. Но слишком мало о Мандельштаме-поэте. Зато описание обыска, проводы, Мандельштам в Воронеже — ослепительны. Скупость и строгость в трагических местах чисто ахматовские.

Я ограничилась тем, что заполнила некоторые белые пустоты в машинописи, оставленные для цитат. И то не все, потому что под рукою нет книг. Поставила также против пустот большие вопросительные знаки.

Придется Анне Андреевне уж кого-нибудь в Ленинграде или в Москве поискать, кто поможет ей «вспомнить».¹⁸⁴

Вечером я позвонила ей в Ленинград: рукопись мною получена и с первой же оказией я пришлю ей большое письмо.

К отзыву моему она не проявила ни малейшего интереса, даже и вопроса не задала, зато с совершенной беспощадностью осыпала меня градом дурных новостей. От «Реквиема» в книге осталось всего два стихотворения; «Поэма без героя» и «Путем всея земли» посланы на дополнительное рассмотрение в Москву... (Это значит, весь отдел разрушен. Уничтожено подводное единство трех поэм.) К семистам уже прежде выкинутых строк

прибавилось еще сколько-то. Минна Исаевна снова выразила желание встретиться со мной, но Анна Андреевна объявила редакторше, что я несговорчивее, чем она, и встречаться не стоит.

— Будьте и вы несговорчивы! — закричала я в трубку, но сейчас же спохватилась и добавила: — Не слушайте меня, я в вопросах печатанья дурной советчик.

— Я уже на всё согласилась, — отчетливо выговорила Анна Андреевна. — Только если «Поэму без героя» не напечатают, верну деньги и потребую книгу обратно.

Мы простились. Теперь уже надолго.

— Я буду вспоминать наши беседы в Комарове, — любезно произнесла Анна Андреевна. И, помолчав и шумно подышав в трубку: — Как вы шли по лесной дороге, а я смотрела вам вслед.

[?] 65, Москва

Анна Андреевна проезжала через Москву из Рима в Ленинград накануне Нового Года. Жила у Любви Давыдовны Большинцовой, кажется, всего два дня. Мы не перекликнулись (я — в Переделкине). А 8 января она позвонила мне из Ленинграда в Москву. Голос чуть охрипший, пожаловалась, что утомлена, «хоть ложками собирай», но говорила бодро. Поручение: прочесть корректуру ее стихов, которые идут в «Новом Мире», в первом номере*.

Пожаловалась, что в «Дне поэзии» из цикла «Полночные стихи» удалено «В Зазеркалье» и из одного стихотворения выпала строчка**.

Сказала: «Я в Москву вернулась из Рима под самый Новый Год. Этаким Дед Мороз: шесть чемоданов с подарками».

Потом объявила свое дальнейшее предполагаемое расписание: может быть еще в январе придет в Москву; в марте намерена пожить в Комарове — не у себя, а

---

* В первом номере «Нового Мира» за 1965 год напечатаны семь стихотворений Анны Ахматовой: «Земля хотя и не родная...» (под заглавием «В пути»), «В Выборге», «Почти не может быть...» (стихи, посвященные памяти В.С.Срезневской), «Петербург в 1913 году», «Это рысьи глаза твои, Азия...», «Ташкент зацветает» и «Я буду помнить звездный кров...» — БВ, Седьмая книга.

** Речь идет о московском альманахе «День поэзии» (1964), в котором А.А. попыталась напечатать «Полночные стихи» в их первоначальном виде. Цензура изъяла «В Зазеркалье», то есть третье стихотворение этого цикла.

«Выпала строчка» — предпоследняя в пятом стихотворении — «Зов»: «Твоя мечта — исчезновенье».

Полностью «Полночные стихи» — БВ, Седьмая книга.

в Доме Творчества; в июне — Оксфорд. Оттуда уже прислали ей мерку для мантии.

16 февраля 65

Получила письмо от Анны Андреевны:

«Милая Лидия Корнеевна,

Вы опять были больны, а я опять узнала об этом с опозданием.

Вчера Пантелеев показывал мне свою невероятную девочку. Я в жизни моей не видела ничего подобного. Показывая (передразнивая) пьянеющую эстонку, она отчетливо произносила какие-то эстонские звуки и наполнила комнату чем-то эстонским.¹⁸⁵

Вы, вероятно, знаете, что я выбрана на съезд и думаю быть в начале марта в Москве.

Мне очень не хватает наших бесед. И накопилось множество новостей разного рода. «Бег времени» что-то не торопится.

Сегодня написала Фриде. Как она?

Как Корней Иванович? Как вы?

Пробуду в Комарове до 18-го февраля.

Целую Вас.

Ваша Ахматова.

11 февраля 1965

Комарово».¹⁸⁶

28 февраля 65

Анна Андреевна позвонила мне сразу же, в день своего приезда.

Наконец-то мы увиделись. В гостинице «Москва», № 508.

Большой, безобразный номер «со всеми удобствами».

Возле Анны Андреевны — Любовь Давыдовна и Аня. У Ани лицо лишено всякого выражения, а потому и обаяния — при несомненной юности и красоте.

Анна Андреевна заботливо причесана, в элегантном костюме, в красивой, современной, а не старинной ша-ли, с новой сумкой и в новых модных туфлях.

Впервые вижу ее одетой нарядно, и не «вообще», а по моде.

Я вслух восхитилась ее туалетом. Она с оживлением рассказала, что привезла Иосифу и Толе две одинаково «волшебные теплые и волшебные легкие куртки», а «Ниночке — купальный халат нечеловеческой пушистости», а Эмме Григорьевне — материю на пальто. «Я одевала тех, у кого ничего нет».

Аничка и Любовь Давыдовна отправились куда-то что-то доставать и устраивать чай.

Едва лишь они ушли, Анна Андреевна дала волю усталости. Плечи у нее опустились. Передо мною сидела старая, жестоко переутомленная женщина, одетая не по возрасту модно. Вялая, рассеянная, небрежная.

Холодно и небрежно спросила она о Корнее Ивановиче, обо мне и без большого интереса даже о Фриде. Самое страшное о Фридочке она уже знает, но у меня на губах был подробный рассказ: 14 января, Саша и Галя, дважды спускавшийся к нам врач.¹⁸⁷ Нет, сегодня ей не до того, я не стала на этот раз исповедоваться. Когда-нибудь в другой раз.

Она и об Иосифе и о Толе говорила как-то мельком. Знает она или не знает о нашей с Копелевыми телеграмме Руденко и о письме Корнея Ивановича — Смирнову?¹⁸⁸ О Толе она сказала: «Предстоит новый тур вальса: его не принимают в Группком. Попробую поговорить в Ленинграде с *самим* Дудиным».¹⁸⁹

Помолчали немного. Смирнов, Руденко — тщетные наши потуги, как и поручительство, как всё. Я спросила, не хочет ли она лечь. Она сердито покачала головой. Я начала расспрашивать об Италии.

По-видимому, поездкой она недовольна. Не Италией недовольна, а своей поездкой, то есть отношением тамошних людей к ней. Встречами с тамошними людьми.¹⁹⁰

— Ни одного родственного слова, ни одной свежей интересной мысли, ни одного человека, с которым хотелось бы подружиться.

— Стихов они и своих-то не любят, о наших и говорить нечего.

— Меня они знают только по «Реквиему». Более ничего не знают и знать не хотят.

— Борис Леонидович жизнью своей оплатил мировую славу, а мировая слава уж наверняка мерзость.

— Вам ни за что не угадать, какое тамошнее учреждение устроило мою поездку, премию и пр... Попробуйте.

Я предположила: нечто вроде здешнего Министерства Просвещения? Министерство Культуры? Союз Писателей?

— Ми-ни-стерство ту-ризма, — выговорила Анна Андреевна с отвращением. — То есть рекламы. Приветствовал меня там министр туризма...¹⁹¹

— Ни один из тамошних издателей не предложил мне деньги...

— Статья Адельки на уровне речи Жданова... Все они ожидали, что я там останусь, попрошу политического убежища, а когда оказалось, что у меня и в мыслях этого нет, напустили Адельку...

(Так она называет какую-то тамошнюю даму, которая написала о ней, по ее словам, грубую и глупую статью.¹⁹²)

Потом слегка повеселела, рассказывая о своей встрече с Твардовским. Было, по ее словам, так. Когда она шла через проход посреди зала в том замке в Сицилии, где ее чествовали, она отыскивала глазами своих, то есть русских.

— Иду и озираю зал. Ищу наших, москвичей. Там ведь была и наша советская делегация. Смотрю — в одном ряду посреди зала, с самого края прохода сидит Твардовский. Шествую торжественно и бормочу себе под нос — тихонечко, но так, чтобы он услышал: «Зачем нянька меня не уронила маленькой? Не было бы тогда этой петрушки». Он, бедняга, вскочил и, закрыв рот ладонью, выскочил в боковую дверь: отсмеиваться... Не фыркать же тут, прямо в зале...

Я тоже чуть не выскочила в коридор! Воспринять величественную церемонию как «петрушку» — это могла только она, Ахматова. Воображаю, как хохотал в коридоре или где-то там Твардовский. Интересно, собрался ли он с силами, чтобы вернуться в зал и прослушать ее чтение? (Она читала «Музу».) А вечером, она говорит, Твардовский вместе с Сурковым постучались в ее дверь.

— Александр Трифонович всю жизнь полагал, будто я такая чопорная, чинная старорежимная дама. Но переменил суждение. Алексей Александрович и он зашли ко мне с водкой и закуской, и мы отлично выпили и закусили втроем.¹⁹³

Вернулась Аня. Подала стаканы без блюдец и ложек, сыр без ножа, хлеб черствый. Я уже давно слышала, что с ножами у нас в гостиницах и в столовых всегда затруднения. Но ложечки? Но хлеб? Блюдца?

Анна Андреевна попросила Аню подать ей конверт с фотографиями. Показывала мне одну за другой: «Вот я читаю им “Музу”; вот мне вручают премию; вот я отвечаю и благодарю... А тут, видите, позади меня бюст? Это бюст императора Нерона, видите, он вполоборота, он отвернулся? Говорит: “Ахматова? Не слышал, не знаю. Вот Сапфо — слышал”»*.

...Фотографии отличные. Показала и еще одну, прекрасно воспроизведенную в тамошней газете.

Демонстрировала и комментировала она всю серию как-то механически. Наверное, не впервые.¹⁹⁴

---

* «Муза» — БВ, Тростник. Считаю необходимым снова привести это стихотворение здесь, хотя в «Записках», т. 1, оно уже приводилось (№ 6):

Когда я ночью жду ее прихода,
 Жизнь, кажется, висит на волоске.
 Что почести, что юность, что свобода
 Пред милой гостьей с дудочкой в руке!
 И вот вошла. Откинув покрывало,
 Внимательно взглянула на меня.
 Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
 Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

Чай еле теплый. Сыр недоступен — не ломать же руками! Анна Андреевна не обратила на застолье ни малейшего внимания. Не пила, не ела и не угощала меня. Мне все время хотелось рассказать о Фриде, но я щадила усталость Анны Андреевны, да и собственную свою боль. Расскажу в другой раз. Сегодня она невосприимчива.

Я спросила, писала ли она в Италии стихи.

— Кажется, нет... Как-то неясно... Написала одно, но оно лучше удается в прозе.

Изложила свои ночные вагонные впечатления: сквозь мутное грязное стекло какой-то безобразнейший город с полицейскими фургонами, нищими, с неуклюжей дамбой.

— Этот город — Венеция. Утром поднимется солнце и она опять станет нерукотворно-прекрасной. А ночью — такая.

Молчание. Самая бы подходящая минута встать и проститься. В глазах у Анны Андреевны тоска, тоска. Но я не удержалась и спросила о «Беге времени». Она с полным спокойствием ответила: «Реквиема» не дают совсем, а из «Поэмы» — только первую часть. Тираж нарочито маленький — всего 25 тысяч!^{194а}

Мы опять помолчали.

— Это для того, — пояснила она, — чтобы за границей думали, будто я ничтожество, будто читатели вовсе не желают читать Ахматову*.

Под ее ледяным спокойствием и я оледенела.

Кажется, ни в одну собственную свою книгу я не вложила столько труда, надежды и тревоги, сколько в этот ахматовский сборник.

Ладно. Пусть. Если ей все равно, то не мне же распускать нюни.

Анна Андреевна порылась в новой сумке и показала письмо какого-то иностранного издателя: из письма ясно, что в Америке выходит ее двухтомник под редакцией Г.Струве и Б.Филиппова. Показала и книжечку «Реквиема», изданную эмигрантами-чехами. На обложке

* А.А. ошиблась: тираж «Бег времени» — 50 тысяч.

сквозь большое, чуть зарешеченное окно виден цветущий сад.

— Они думают, — пояснила она, — это окно тюрьмы, глядящее в парк. Всё вместе — лагерь*.

Да, конечно, есть от чего взбеситься или оледенеть.

Впрочем, она собирается в Оксфорд.

Я наконец встала. Анна Андреевна проводила меня до дверей. У самой двери:

— Я из Франции получила приглашение. Вот уж непонятно, зачем могла я понадобиться французам.

13 марта 65

Днем я позвонила к ней — она у Любове Давыдовны — спросить, нельзя ли придти вечером? Анна Андреевна заговорила весело и возбужденно:

— Я сама к вам приду. Ниночку перевезли из больницы домой, я поеду на Ордынку ее навещать, а оттуда к вам. У меня к вам туча дел: хочу представить пред ваши ясные очи египтян и посоветоваться о Наровчатове. Как быть? Он звонит каждые шесть часов и просит у меня строчек четырехста для газеты...

Я ждала. Но когда вечером привез ее ко мне Боренька Ардов, она была уже усталая, бледная, не поминала о египтянах. Дышала трудно. Я предложила валидол, чашку чая, и прилечь. Нет. Сидит, хмурится, молчит. Я начала расспрашивать ее о съезде и об Италии.

Тут, с перерывами, были произнесены монологи на разные темы.

— Ушла я со съезда вся зацелованная. На меня кидались толпы девиц и дам с поцелуями и криками: «вы спасли мне жизнь!» Не понимаю, что случилось. Я и раньше ведь бывала на съездах. Но в те годы, наверное, они еще боялись: думали, за это на них сразу наденут кандалы.

— В Италии? В Италии совсем нет женщин. Не знаю, куда они их всех дели. Может быть, это потому так на

* Anná Achmatová. Requiem. Přel. Robert Vlach. Řím: Křest'anské akademie v Řimě, 1964, 24 ss.

наш взгляд кажется, что у нас женщин слишком много, они всюду.

Потом мельком спросила о Наровчатове: «Говорят, он сблизился с бандой. Правда это?»¹⁹⁵

Сказала, что завидует испанцу в № 12 «Иностранной литературы»: «Перевод Гелескула невероятный, восхитительный».¹⁹⁶ Потом, что потеряла для себя Хемингуэя с тех пор, как прочла воспоминания о Париже.¹⁹⁷

Потом:

— Мне позвонил Сурков. Говорит: «Ваши стихи, дорогая Анна Андреевна, ходят по рукам и попадают, куда не след: в полицейские застенки ФРГ». Не знаю, что он имел в виду: Мюнхенское издание «Реквиема», что ли?.. Я у него спросила: можно ли будет мне из Англии съездить в Париж? «Да, — ответил он, — я видел ваше имя в списке, составленном Триоле». Ему я ничего не ответила, но вы, конечно, понимаете, что мне неместно ехать куда бы то ни было по приглашению Триоле. При свидании я ему объясню: я могу быть гостьей Франции, но не Триолешки.

Помолчала немного, отдыхая от собственных слов.

— Юля привела ко мне одного поляка, который изучает акмеизм. Образованный, тонкий, умный, все понимает.¹⁹⁸ Он мне сказал: «Замечательные поэты, Пастернак, Мандельштам, Цветаева создали свой язык, каждый свой, и на нем писали. А вы своего языка не создали, ваши стихи написаны просто на русском». Как вы думаете, Лидия Корнеевна, это правда?

— Пожалуй, — сказала я. — Да. Это правда.

— Я тоже так думаю, — ответила Анна Андреевна.

Она еще раз отказалась принять валидол и прилечь. Я вызвала такси и отвезла ее домой, то есть к Любове Давыдовне, в Сокольники.

Она создала свою единственную, неповторимую «новую гармонию» и внесла ее в мир. Чем новее эта ее гармония, тем менее она с первого взгляда претендует на новизну. Новизна! Новизна ахматовской новой, воистину новой гармонии ошеломляет тем, что читателю ка-

жется: эти звуки были всегда. Слова были всегда. «Само собою разумеется — так. А как же иначе? Иначе и не скажешь»*.

А что, если разгадка тайны: Ахматова — Пушкин тут и кроется? То есть где-то неподалеку,azole.

15 марта 65

Только что ушли от меня Анна Андреевна, Копелев, Орлова, Петровых. Мы «при исполнении обязанностей»: надобно решить следующий шаг.

Прокуратура СССР дело Иосифа переслала, как и было обещано, в Верховный Суд РСФСР, то есть ко Льву Николаевичу Смирнову.

А он — взял да и уехал на десять дней в Африку!

В тот день, когда он вернется, ему будет вручено письмо Корнея Ивановича. Но этого, конечно, мало.

По Фридиному совету Алёна, то бишь Ольга Георгиевна Чайковская, побывала на приеме у Шубина, заместителя Льва Николаевича. Надо использовать оставшееся до решающей минуты время, чтобы вооружить суд. Доклад Алёны невесел, ее рассказ о встрече с Шубиным совсем выбил Анну Андреевну из колеи. (Раздраженная, слабая.) Алёна советует Анне Андреевне срочно обратиться с письмом к Анастасу Ивановичу Микояну, чтобы в руках у него оказался высокий отзыв Ахматовой о поэте Иосифе Бродском. Он, со своей стороны, может повлиять на Смирнова. Ильичев и Толстикова распоряжаются Верховным Судом по своему усмотрению — надо создать противовес. (Нравится мне этот независимый Суд!) Анна Андреевна предложила нам такой план: она письмо Микояну напишет, но пусть присоединят свои подписи еще два поэта: Сурков и Твардовский. (С Александром Трифоновичем она подружилась в Италии и теперь надеется на него. Алексей же Александрович предан ей издавна, да и сам, думаю, уже заинтересован

---

* Следует сопоставить этот диалог и вызванную им мою мысль со словами Анны Андреевны в примечании на с. 58.

в освобождении Бродского, потому что в качестве главы Иностранной Комиссии часто ездит на Запад, а там отбою нет от расспросов, возмущений и настояний.)

Одним словом, правду-матку режь, а тактику и стратегию блюди.

Я сказала, что мысль обратиться к Микояну дельная, но уж если Анна Ахматова свидетельствует, что Иосиф Бродский — поэт, какие, и кому, и чьи, и какого чёрта требуются еще заверения? Какие еще Сурков и Твардовский, эксперты и экспертизы? «Говорит Анна Ахматова».

— Не наивничайте, пожалуйста, я этого терпеть не могу! — оборвала меня Анна Андреевна. — Вам не десять лет! Голоса́ Суркова и Твардовского для Микояна и для Смирнова гораздо более весомы, чем голос какой-то Ахметкиной. Наверху своя шкала ценностей. Ольга Георгиевна мне пересказала собственные слова Шубина: «Больше всех меня возмущают эти Маршак и Чуковский. О деле Бродского они представления не имеют, а пишут и пишут, что он, видите ли, поэт. А какой он поэт? Заумник и даже не член Группкома!»

Мария Сергеевна глядела на меня с укором. В самом деле, не в возрасте Анны Андреевны и не с ее заболеванием сердца пускаться в судебные тяжбы. И в споры. Я умолкла.

— Сурков и Твардовский им ближе нас всех, — сказала Анна Андреевна спокойно. — О себе не говорю. Про меня давненько с полной ясностью высказался товарищ Жданов.

Если бы среди нас была сегодня Фридо́чка, она, в конце разговора, обняла бы по своему странному обыкновению голову правой рукой и спросила бы (из-под согнутого локтя нахмуренные, думающие брови): «Ну, и как же мы будем поступать?»¹⁹⁹

Да, вот именно, как мы будем поступать?²⁰⁰

Лев Зиновьевич сел за телефон и со свойственной ему виртуозностью несколькими звонками добыл из телефонного аппарата голоса своих многочисленных

друзей и поручил им добыть и подать ему телефоны, домашние и служебные, Твардовского и Суркова. Мы начали пить чай, а Лев Зиновьевич трудился не покладая трубки. Телефоны обоих были ему доложены в течение десяти минут, и он упорно дозванивался обоим поэтам, пока мы молча отхлебывали из чашек и жевали пастилу. Ни Суркова, ни Твардовского он, однако, не раздобыл, но и он, а потом Раиса Давыдовна крепко-накрепко условились с кем-то из своих друзей, что обоим поэтам будет передано: звонила Ахматова и просила Александра Трифоновича и Алексея Александровича звонить ей по такому-то телефону.

Не допив чая, все заторопились.

Сию и размышляю: одобрит ли наши мероприятия Фрида? И, если Верховный Суд вынесет отрицательный приговор, — как перенесут его: Бродский, родители Бродского, Анна Андреевна, молодые друзья — и — и — больная, приговоренная к неминуемой казни через раковые муки, — Фрида?

19 марта 65

Пренеприятный день устроила мне сегодня Анна Андреевна.

Утром ее телефонный звонок. Скромненько просит об одной небольшой услуге: принять Сергея Сергеевича Наровчатова.

А! Я догадалась сразу! Она и его мобилизовала на защиту Иосифа. Да, да, пожалуйста. Жду.

Пришел Наровчатов. Вельможно-снисходительно-демократичный.

По просьбе Анны Андреевны он написал письмо Смирнову. «Анна Андреевна просила, чтоб вы проверили, нет ли фактических ошибок... В датах или в чем-нибудь... Я ведь не особенно в курсе».

Прочитал мне вслух.

Я — «в курсе». Но посылали бы уж лучше подобные письма без меня. Письмо, в той части, где он объясняет, что такое работа переводчика, толковое. А под конец

Бродский именуется мальчишкой и тон просьбы таков: мальчишка, конечно, нашкодил, ну, по заслугам его и наказали, а теперь уж, пожалуй, хватит наказывать, пора миловать.²⁰¹

Слушая это вельможно-снисходительное сочинение, я вспомнила разговор, происшедший недавно при мне в Переделкине. Говорили о Наровчатове, дружно бранили его выступление на Съезде.²⁰² «Но в стихах он, спору нет, разбирается», — сказал один из собеседников. «Конечно! — ответил другой — но, согласитесь, в начальстве он тоже хорошо разбирается».

Когда Наровчатов кончил и сложил листки, я решительно не понимала, что мне делать. Ошибок фактических нет (о переводах и таланте Бродского он говорит со слов Анны Андреевны), но конец — гадкий. Я извинилась перед гостем — «на минуту оставляю вас, — там, кажется, пришел почтальон», а сама отправилась к телефону в дальней комнате. Позвонила Анне Андреевне. Говорю: так и так, письмо толковое, ошибок фактических нету, но тон обидный.

В трубке — недовольное молчание. Затем:

— Лидия Корнеевна! Это письмо кто подписывает? Вы или Наровчатов?

— Наровчатов.

Опять многозначительное молчание. Потом:

— Всего хорошего, Лидия Корнеевна! До свиданья!

Мастер выразительного диалога. Я изобличена в беспросветной глупости — изобличена одним лишь «до свиданья».

Положив трубку, я вернулась к Сергею Сергеевичу.

Улыбка во все лицо.

— А я тут вам пока книжку свою надписал!

Оказывается, он принес мне подарок: книжку своих стихов, вышедшую в этом году. И теперь надписал ее. Я прочла надпись:

«Дорогой Лидии Корнеевне Чуковской среди печального разговора, с надеждой на его благополучное завершение дарю я свои стихи. С.Наровчатов. 19/III».²⁰³

Я сказала: «Большое спасибо». Так что разговор наш завершился вполне благополучно. А вот дело-то как завершится?

Гость поднялся. «Так, значит, вы одобряете?» Я кивнула. Он взглянул на часы. «Очень благодарю за консультацию». Небрежно протянул мне листки и заторопился. «Вы уж вложите, пожалуйста, в конверт сами и доставьте. Мне, знаете, очень некогда».

Да, да, я вложу в конверт и посоветуюсь с друзьями, как доставить. У нас время найдется.

Но тошно мне, гадко мне.²⁰⁴

10 мая 65, Ленинград

Сегодня целый день провела в Комарове у Анны Андреевны. Сейчас вернулась в город к Шуре — и записываю. Мы проговорили несколько часов безотрывно, а потому в голове «сумбур вместо музыки». Надо записывать скорее, хотя бы и беспорядочно, а то рискую четверть или половину уронить в небытие.

С утра я вызвала такси и отправилась. Дождь не дождь, туман не туман, укутанная в туман дорога и гладь воды. Внезапно выглянуло солнце и одолело туман. Праздник!

Анна Андреевна вышла навстречу, стояла в прямоугольнике открытых дверей, пока я пробиралась по сверкающей мокрой тропке.

— Я так и знала, что эта машина имеет отношение ко мне. Я издали увидела ее, — сказала она, приложив палец к губам, шепотом, почему-то очень таинственно.

Сели мы друг против друга, она в кресло за свой стол, я напротив.

Она явно обрадована моим приездом, а я просто счастлива увидеть ее помолодевшей. Двигается она легко, без одышки — сделал свое дело, спасибо, дачный воздух. Отеки исчезли, потому и ахматовский профиль снова четко очерчен, единственен. Неувядаема ее красота.

И так же, как прежде, — приветлива, щедра, остроумна, ласкова, бурлива и гневна Анна Ахматова.

— Думали ли вы, что в машине, за которой следите, — я?

— Нет. Вас я не ждала. Ведь мы с вами расстались в Москве.

Вот тебе на! В первый же свой питерский день я позвонила Пуниным. Попросила Ирину Николаевну предупредить Анну Андреевну — я в Ленинграде! хочу навеститься в Будку! да не знаю, когда удобно?.. Ирина Николаевна записала телефон Александры Иосифовны и сказала, что как раз едет в Комарово доставить почту, всё разузнает и мне позвонит. Вообще была со мной очень любезна... Звонка от нее, однако, не последовало, и потому, объяснила я Анне Андреевне, я и приехала без предупреждения, рискуя оказаться некстати.

— Вы всегда кстати, — гостеприимно отозвалась Анна Андреевна, и вдруг с нарастающим гневом: — Ирочка и Аничка никогда не помнят ничего, что меня касается. Они хотят жить так, будто меня не существует на свете. И им это удастся вир-ту-о-зно!

Она задохнулась, и я обругала себя: наябедничала. Но я ведь и в самом деле удивлялась, сидя у Шуры, почему Анна Андреевна не отвечает на мой вопрос. Я не ждала такого подвоха со стороны Ирины Николаевны.

Гневная вспышка погасла, но не надолго. Анна Андреевна перевела разговор на другие темы, и уж тут не по моей вине и не по вине Пуниной боль, тоже, видимо, давно наболевшая и всё время возобновляющаяся, плавила и плавилась в гнев.

Предмет раздражения — Запад, точнее — западноевропейская пресса. Некий итальянец посвятил ей стихи, напечатанные в журнале, редактируемом Вигорелли. Анна Андреевна сочла их оскорбительными...²⁰⁵ Кто-то когда-то написал, будто псевдоним «Ахматова» происходит от «акме», от акмеизма, и будто она это скрывает со страху: ведь акмеизм — Гумилев, Мандельштам, имена запретные! и вот она, Ахматова, струсила и не желает признаться, что тоже принадлежала к этой группе.²⁰⁶

(Ай да «свободная пресса», призадумались бы хоть над тем, что, рассуждая публично о русских писателях, они рассуждают о людях, которые не имеют возможности ответить, возразить.)

Анна Андреевна надеется на Жирмунского: Виктор Максимович едет в Лондон читать лекции и обещал разъяснить там истинное происхождение ахматовского псевдонима: Ахматова приняла фамилию прабабки, а «прабабка не простая» — из рода последнего хана Золотой Орды, Ахмета.

На Виктора Максимовича положиться можно. Он разъяснит там авторитетно и убедительно. Да — слышат ли?

Анна Андреевна вынула из сумочки две телеграммы из «Литературной Газеты», обе от Наровчатова. Первая: «Глубокоуважаемая Анна Андреевна, мой отъезд в Чехословакию затормозил опубликование Ваших стихов. Они будут напечатаны тогда-то». Вышел обещанный номер газеты — стихов нет... Вторая телеграмма: «Дорогая Анна Андреевна (“за время его отсутствия мы сблизились”, — комментирует Анна Андреевна) — стихи появятся в первом номере после праздников».

Значит — завтра? Поглядим*.

И еще припомнили мы одну смешную историю, случившуюся пока мы не виделись: стихотворец Василий Журавлев принял одно стихотворение Ахматовой за свое собственное. И не какое-нибудь, а знаменитейшее «Перед весной бывают дни такие...». Ну там, где «А песню ту, что прежде надоела, / Как новую, с волнением поешь»...

Слегка подпортив, он тиснул стихи в четвертом номере журнала «Октябрь». За сим последовала насмешливая реплика в «Известиях». Оправдываясь, Журавлев разъяснял, что в своем фронтовом архиве он обнаружил эти стихи и принял их за свои...²⁰⁷ На месте начальства я, после этого эпизода, разогнала бы всю редак-

---

* Ожидаемые стихи в «Литературной Газете» так и не появились.

цию. А пушкинские строки «Птичка Божия не знает / Ни заботы, ни труда»? Приняли ли бы они их или нет за стихи Василия Журавлева?

Посмеялись. Анна Андреевна восхищена статьей Непомнящего о пушкинском «Памятнике».

— Он верно пишет, что Пушкин был «проклятым поэтом». У нас к этой мысли не привыкли, а ведь это так и было. За последние девять лет жизни он не слышал о себе ни одного хорошего слова. Ни единого. Читатели прочитали окончание «Онегина» с живым отвращением.

— Да что же это с ними случилось? — спросила я.

— Что случилось? Они сочли, что он исписался, он сто́ит на месте. Они же растут. Они росли, росли и очень скоро доросли до Бенедиктова.

Я покати́лась со смеху.

О Непомнящем еще сказала так:

— Я рада, что у этого поколения, наконец, появился критик. Профессия критика — редчайшая на свете... Цитата из моей статьи, кажется мне, там отнюдь не случайна и весьма на месте.

Она взяла в руки книжку журнала и с явным удовольствием, медленно и тихо провозгласила окончание статьи Непомнящего с цитатой из собственного «Слова о Пушкине» и из письма Карамзиной.²⁰⁸

Одышка все-таки слышна — при таком долгом чтении. Отложив «Вопросы Литературы», она заговорила не сразу. Но заговорила после паузы снова спокойно и ровно.

— Вы знаете, конечно, что в Ленинград приезжал Иосиф? Приезжал на майские праздники. Два дня назад сидел напротив меня вот на том самом стуле, на котором сейчас сидите вы... Все-таки хлопоты наши не даром — «где это видано, где это слыхано?», чтобы из ссылки на несколько дней отпускали преступника погостить в родной город?.. Неразлучен со своей прежней дамой. Очень хорош собой. Вот влюбиться можно! стройный, румяный, кожа как у пятилетней девочки... Но, конечно, этой зимы ему в ссылке не пережить. Порок сердца не

шутка... Ходят слухи, что его собираются загнать на Ямал. Вы об этом слышали?

Слышала, но как-то не верю. Или точнее: в понедельник верю, во вторник не верю, ну и так далее... Мне вообще почему-то кажется, может быть безо всяких оснований, что дело будет выиграно. Я напомнила Анне Андреевне о Сартре, Неруде, Арагоне. Да и о Тендрякове.²⁰⁹ Нельзя сказать, чтобы «на Бродском фронте» удача была на стороне Прокофьева и Ленинградского Обкома.

— Вы обольщаетесь попусту. Правда и удача, конечно, не с их стороны, но власть...

О происшествии в Союзе со старшим Воеводиным и Даром она уже знает...²¹⁰

Помолчали. Я все боялась, что она спросит о Фриде, но она не спросила. Прочитала мне четыре строки, никогда мною не слышанные:

Светает. Это Страшный Суд.
Свиданье горестней разлуки,
Там мертвой славе отдадут
Меня — твои живые руки*.

О, это из ее страшнейших. И, подражая ей, я сказала бы, из ее *ключевых*. «Свиданье горестней разлуки», как настаивает она в последние годы на этой теме! Слава же — тема давнишняя, пожалуй, не впервые уже, но лишь впервые с такою отчетливостью сопоставлена она со смертью. Об убитом Пушкине спрашивает: «Кто знает, что такое слава! / Какой ценой купил он право...»; о своей судьбе — «...притащится слава / Погремушкой над ухом трещать»; «Где под ногой, как лист увядший, слава» — и вот теперь: «Там мертвой славе отдадут / Меня — твои живые руки». Это «меня» поставлено высоко, высоченно, на самой вершине стиха.

О славе потом еще раз, сегодня, у нас возник разговор. И снова горестный, и снова о стихах. Правда, чужих.

Но сначала она протянула мне приглашение: ее приглашают в Югославию на конференцию ПЕН'клуба.

* Четверостишие, под названием «Из дневника путешественника» опубликовано в ББП, на с. 311 чуть по-другому: вторая строка — «И встреча горестней разлуки».

— Мне хотелось бы поехать. Меня очень интересует тема: литература и читатель. В Европе, по утверждению самих же европейцев, кризис литературы: ее меньше любят, ею меньше заняты и т. д. У нас не так. Я сделала бы им сообщение на основе писем читателей. У нас сейчас так любят стихи, как никогда не любили. Как вы думаете, отчего это?

— Я думаю, — сказала я, — это потому, что они у нас вместо всего. Вместо религии, вместо политики, вместо совести...

— Вместо всего, — повторила Анна Андреевна. — Да, да, вместо всего.

Мы заговорили о предстоящей поездке в Англию.

— Интересно понять, — сказала Анна Андреевна, — соблаговолит ли там присутствовать в это время — гм, гм! — вы знаете, о ком я говорю... Он ведь с большими странностями господин... Да, да, может как раз взять да и уехать читать лекции в Америку... Я от него еще и не такие странности видела.

Сейчас она усиленно — вместе с Толей — переводит Леопарди. Хочет сдать всё до отъезда. Египтян уже сда-ла. Ждет денег.

— Египтяне восхитительны. Самая ранняя из известных нам поэзий мира: две тысячи лет до Рождества Христова.

От египтян перешла к Рильке — к вышедшему недавно сборнику Рильке в переводе Тамары Сильман.²¹¹

— Все знакомые бранят эти переводы. Вы еще не видели?

— Нет.

— А я читала. Знакомые правы. Я спасаюсь тем, что сочиняю, будто Аничка утатила книгу. В самом деле переводы плохи... Но я очень люблю их обоих, Адмони и Сильман. Вот эти цветы — видите, свежие, не вянут — это примета: значит, подарены от всего сердца.

И тут — неожиданный поворот разговора. Новый бешеный взрыв. Она рассказала о посещении Гранина, который явился к ней по поводу какой-то листовки, выпущенной в ФРГ антисоветским издательством «Грани». На листовке — «Реквием», ни больше ни меньше... И со-

общил, будто сделалось известно (я не поняла из ее рассказа, кому известно?), что, когда она была в Италии, к ней приходили и предлагали ей остаться.

— Я так на него закричала, что он даже и сам крикнул: «Не кричите на меня, пожалуйста». А я кричала, что никто нигде ко мне не приходил, никто ничего не предлагал, что это все — вранье. Кому нужно это вранье? Зачем? Кто это изобретает?

Она задохнулась.

Значит, есть кому и есть зачем!

Потом, успокоившись, опять о Наровчатове.

— Вот, все его ругают. Я не спорю. Но скажу только: Эмме он наколдовал Союз, да и за Бродского заступился по первому моему слову.²¹²

Ну, за Эмму я рада. Уж сколько времени ее не допускали в святилище, несмотря на рекомендации Ахматовой, Деда и Андроникова... Да, за Эмму я рада, а вот о письме Наровчатова в защиту Бродского не могу вспомнить без ощущения брезгливости. Тему эту я поднимать не стала, а спросила, как Толины дела с Группкомом.

— Толю приняли, — сказала Анна Андреевна. — Значит, обвинение в тунеядстве ему не грозит. Помог устроить — Дудин.

Итого, подумала я, две хорошие вести: Иосиф приезжал в отпуск; Толю приняли в Группком. Нет, три: Тендряков. Это здесь. Да еще неожиданное подспорье: Сартр, Неруда, Арагон... Разумеется, Толю, вопреки пребыванию в Группкоме, могут, по случаю его дружбы с Иосифом, обвинить в чем угодно («был бы человек — обвинение найдется»), но тунеядство — отпало: член Группкома — трудящийся, переводы — признаваемый властью труд...

Я, в свою очередь, сообщила ей свою хорошую весть: 24 апреля после длительных откладываний состоялось, наконец, заседание суда нашего Свердловского района. Я была уверена, что под давлением свыше суд решит дело незаконно. Однако суд постановил: издательство «Советский Писатель» обязано выплатить мне все 100%

за ненапечатанную, но принятую издательством повесть «Софья Петровна». Лесючевский в ярости...

На суде было много народу, и судья, сохранявший, впрочем, полное бесстрашие, не один раз предоставлял слово мне. «И все-таки, — сказала я, — я предпочла бы, чтобы мне не заплатили ни копейки, лишь бы книга вышла»... Раиса Давыдовна сделала полную запись суда.²¹³

...За обедом Анна Андреевна опять хвалила Леопарди. Точных слов не помню. Темнело. Мне было пора. Уходить не хотелось! Незадолго до моего ухода снова зашел разговор о славе, коснувшийся стороною Фриды. Анна Андреевна спросила у меня, виделась ли я с Тарковским, который какое-то время жил в Переделкине, в тамошнем Доме Творчества. Я сказала, что видела его во Фридо-Копелевском гнезде, что он обрадовал меня стихами и огорчил тем, что, как мне показалось, он людей не очень-то замечает. По настоятельной просьбе гостей и хозяев он прочел несколько стихотворений — кажется, пять, очень хороших, — а когда его попросили повторить три из пяти, он ответил: «Нет, я прочту только одно» и прочел именно то, которое вообще в данных обстоятельствах и один-то раз читать не следовало... Стихотворение о девочке, умирающей в больнице. Все смутились, а он общего замешательства, общего смущения не заметил. Фрида только что из больницы, и почти нет надежды, что снова не окажется там... Фридочка сделала вид, будто не поняла причины общего смущения, но я видела: притворяется... Один человек ничего не заметил: Тарковский... Значит, он не замечает людей? Но из самых его стихов следует, что замечает, и даже очень замечает и чувствует чужое страдание — иначе и не написал бы!²¹⁴

— Он не выдержал славы, — сказала Анна Андреевна. — Говорю я вам, Лидия Корнеевна, поздняя слава — ужасная вещь. Слава должна приходиться в двадцать лет — хорошая, дурная, приятная, неприятная, ею нужно шутить, ею можно рисковать, играть с нею по всякому — а к нему она пришла в шестьдесят и не такая, о какой он мечтал всю жизнь... Сделался он очень обидчив.

Рассказывал мне: в одной студенческой аудитории его не хотели слушать, потому что все хотели слушать своего очередного *единственного* — знаете, как это бывает? Какого-то Пупсика. Хотели только Пупсика, а Тарковского не хотели. Это очень часто случается — и решительно со всеми. Я ему объясняю: у каждого поэта своя аудитория — у вас одна, у Пупсика другая. Там, где будут слушать вас, там не станут слушать Пупсика. И наоборот... Нет. Не принимает объяснений. Вы, говорит, Великий Утешитель... И не утешился... Слава пришла к нему слишком поздно, уже больному, немолодому — и он не выдержал, рухнул в себя.²¹⁵

26 мая, Переделкино

Только что сюда дозвонился Миша Ардов.

— Приехала Анна Андреевна, передаю ей трубку.

Она приехала сегодня, остановилась на Ордынке. Живет в большой комнате Ардова (сам он в командировке), а Нина Антоновна в маленькой, Алешиной. Нина только что вернулась из санатория после больницы.

Анна Андреевна — увы, без Нины! — едет в шесть часов во вторник в Англию через Бельгию. Хочет непременно увидеться со мною до отъезда и чтобы я привезла ей поглядеть тот автограф «Черепков», который она подарила мне в прошлом году. Встревоженно спрашивает, сколько там стихотворений. Я отвечаю: «Пять».

— Пять? Прекрасно! А вы все-таки привезите.

Я спросила, как поживает ленинградский сборник.

— Валяется где-то... Его пора уже переименовать из «Бега времени» в «Бег на месте».

Я спросила, известно ли ей, что в перспективном плане Госиздата красуется ее трехтомник.

— Знаю, на 1967 год. Это уже не для меня. Это уже «по ту сторону»*.

---

* Никакой ахматовский трехтомник в 1967 году в Гослитиздате не вышел. Что же касается выражения «по ту сторону» — то это переключка с названием, которое я собиралась дать сборнику своих стихов: «По эту сторону смерти».

28 мая 65

Вернувшись в город, я сразу же позвонила Анне Андреевне. Она просила приехать на Ордынку не позднее двух: в шесть вечера уезжает.

Столовая. Анна Андреевна в углу дивана. На столе пионы изумительной красоты. Особенно один — чудо пышности и расцветки. В силе, в интенсивности цвета мне почудилось даже что-то ташкентское.

— Смотришь на него и не веришь, — сказала Анна Андреевна.

Возле нее Ирина Пунина и Юлия Живова. На минуту вышла в столовую, услышав мой голос, Нина Антоновна. Бедная, бедная Нина! Всегда моложе себя лет на двадцать, теперь она лет на двадцать старше своих лет. Лицо серое, волосы седые. Говорит обрываясь, теряя слова. Все умолкают, стараясь ее не торопить. Анна Андреевна ласково и терпеливо подсказывает. Какая жалость, что не она, не Нина Антоновна, будет сопровождать Ахматову в Оксфорд! Аня слишком юна, обстановка же там будет непривычная и сложная во всех отношениях.

Да и здесь не просто. Ситуация такова: билеты приобретены (на сегодня, на шесть часов), разрешение есть, чемоданы уложены, а вот виз... для интереса и для укрепления сердечной мышцы — как раз виз-то еще и нет. *Еще!* О том, что Ахматова едет летом в Оксфорд, известно было не менее полугода назад! Сознательное издевательство? Вряд ли. Нечто более страшное: чиновничье бездарное бездушие.

Анна Андреевна жалуется, что отекли ноги, в особенности правая.

— В Москве так уютно, — говорит она, — я с удовольствием осталась бы тут и никуда не ехала. Жила бы тут и нянчила Нину.

Потом, помолчав:

— Идемте в соседнюю комнату, у меня к вам, как всегда, секреты.

Тяжело поднялась; я заметила, она взглядом простилась с пионами, и я вошла за нею в кабинет отсутствующей

щего хозяина. Шла она, грузно ступая на отекавших ногах.

В кабинете пыль, беспорядок, тяжелые шторы позади письменного стола, книги и бумаги вразброс. Мы сели в два сдвинутые кресла. Казалось, хозяин уехал внезапно, а после его отъезда на полу — чемоданы уезжающей Анны Андреевны. Послеотъездный и предотъездный разгром.

Анна Андреевна потребовала «Черепки». Быстрым, зорким оком оглядела две странички. «Так. Верно», — сказала она. Я не спросила, о чем она тревожилась, чему рада. «Верно, верно, — повторила она, возвращая листки. — “Всё так”, — знаете, как пишут в телеграммах».

И далее — нечто истинно ошеломительное:

— Я нашла обрывки «Седьмой»...

Видя, что я, как всегда, соображаю медленно, разъяснила, о чем речь, прочитав давно известную мне строфу из «Поэмы».

И со мною моя «Седьмая»,
Полумертвая и немая,
Рот ее сведен и открыт,
Словно рот трагической маски,
Но он черной замазан краской
И сухою землей набит*.

Порылась в сумочке. Вынула листок.

— «Седьмая» нашлась. Обрывок, черновик. Слушайте:

А я молчу. Я тридцать лет молчу.
Молчание арктическими льдами...—

только эти строки запомнились мне, а строчки лились потоком, и еще, и еще, но я воспринимала туго, рассеянно, по весьма постыдной, самолюбивой причине... Я только что решила назвать книгу *своих* новых стихов «Молчание», а теперь нельзя.

— Заметили ли вы, — сказала Анна Андреевна, не обратив никакого внимания на мою просьбу прочесть новонайденную «Седьмую» еще раз, — заметили вы, что ни

* См. «Записки», т. 2, с. 152, 356.

в английском, ни во французском нет слова «тишина»? Только «молчание».

Потом заговорила легким, свободным и даже веселым голосом:

— К вопросу о «Седьмой». Василия Журавлева помните? Так вот, я, оказывается, прямо наоборот. Он принял мои стихи за свои, а мне в руки попались эти листочки, я читаю и думаю: чьи это стихи? Кто бы это мог написать? Оказалось — я*.

Тишина так тишина. Посидели в тишине.

Вернулись в столовую. Анна Андреевна села на прежнее место, все вокруг стола — вокруг невероятных пионов. Чтобы снова поверить в них, потребовалось некоторое время. Анна Андреевна не спускала с них глаз.

Я показала ей номер газеты «Русские Новости» с объявлением о «Реквиеме» и о книге стихов Иосифа Бродского с пометкой «поэт-тунеядец». Она глянула невнимательно и протянула газету Юле. Заговорила о Бродском. Оказывается, к нему на день рождения ездили друзья — Толя Найман и Женя Рейн. Застали его не в деревне Норинской, где он отбывает ссылку, а в районном центре, в Коноше — в тюрьме. Наказан за нарушение режима: опоздал из отпуска. Толя пробился к какому-то большому начальнику, и тунеядца на сутки отпустили тунеядствовать. Праздник удался.

Какие, однако, нежности! Хороший знак.²¹⁶

Анна Андреевна рассказала, что в «Литературной Газете» после всех коленопреклоненных просьб, извинений и телеграмм выйдут только переводы из египетской поэзии, а из собственных стихов — ни единого**.

— Наровчатов убит, — добавила Анна Андреевна. — Он был здесь вчера и дрожал мелкой дрожью. Я его утешала.

---

* «Седьмая элегия» опубликована в 1989 году в ахматовских сборниках: «Я — голос ваш...» (с. 297) и «Узнают...» (с. 286).

** Анна Ахматова. Из древнеегипетских папирусов. Предисловие Сергея Наровчатова. — ЛГ, 29 мая 1965 г.

И глупо, и смешно, и противно! А главное — скучно! Как это все надоело. Одно и то же, одно и то же, одно и то же! Почему не печатать собственные стихи Ахматовой, а печатать только переводы? Ведь ждановщина *практически* отменена? Или *не* отменена? И какой болван, не имеющий касательства к поэзии, звонит другому болвану, и кто именно выносит окончательное решение, и почему все это вместе — государственная тайна? Причина, почему отклонены стихи, имя — решившего отклонить?

...Звонка о визах между тем нет и нет. Едут сегодня? Не едут?

Боже, какая скука! Сидим, молчим, ждем. И новость, которую я могла бы рассказать, но не рассказываю, тоже скучная, потому что опять, и опять, и опять Лубянка. От скуки я молчу... Оксмана вызывали на Лубянку. Весьма учтиво вернули ему все книги и все бумаги, кроме писем Глеба Струве, Владимира Набокова и нескольких книг. Довели свою любезность до такой степени, что какой-то тамошний генерал представился Оксману как поклонник таланта и приказал своему шоферу довезти Юлиана Григорьевича до дому и — подумать только! — подняться с ним вместе в квартиру и отнести туда книги...

От своего участия в исключении Оксмана из Союза, о запрете на имя тамошние деятели, однако, отказываются. «Это какая-то другая инстанция»... Людоеды в овечьей шкуре.

Скууучно!

Возник обычный общий разговор о Евтушенко, Вознесенском и Ахмадулиной. О Евтушенко и Ахмадулиной говорили по-разному, о Вознесенском же все с неприязнью.

— «Мальчик Андрюшечка», как называли его у Пастернаков, — сказала Анна Андреевна. — Вчера он мне позвонил. «Я лечу в Лондон... огорчительно, что у нас с вами разные маршруты... Я хотел бы присутствовать на церемонии в Оксфорде». Вовсе незачем, ответила я. На этой церемонии должен присутствовать один-единст-

венный человек: я. Свиданий ему не назначила: ни у Большого Бена, ни у Анти-Бена...

Разговор впал в обычную колею: вот мы сидим, недоумеваем, бранимся, а Вознесенский, Евтушенко и Ахмадулина имеют бешеный успех.

— Надо признать, — сказала Анна Андреевна, — что все трое — виртуозные эстрадники. Мы судим их меркой поэзии. Между тем, эстрадничество тоже искусство, но другое, к поэзии прямого отношения не имеющее. Они держат аудиторию вот так — ни на секунду не отпуская. (Она туго сжала руку и поставила кулак на стол.) А поэзия — поэзией. Другой жанр. Меня принудили прочесть «Озу» Вознесенского, какое это кошунство, какие выкрутасы...²¹⁷

Было около четырех. И до сих пор неизвестно — едут они или не едут, готовы визы или нет. Я ушла, условившись, что позвоню, и если да — примчусь на вокзал.

28 мая 65 (продолжение)

Не уехали. Отправятся 1 июня. Нет ничего вреднее для больного сердца, чем этикие финты.

29 мая 65

Вечером вчера международный звонок. Скороговорка телефонистки: «Вас вызывает Лондон. Будете говорить? Будете говорить? Будете говорить?» — Буду.

Звонила Аманда. Она хочет встретить Анну Андреевну в Голландии, чтобы помочь ей на пароходе. Я позвонила про это Анне Андреевне и по бурной ее радости заново поняла, *как* она боится дороги!

31 мая 65

Боялась не зря. Уезжала мучительно. Уехала, но не обошлось без болей в сердце. Я ее не провожала (занята), но Ника и Наталия Иосифовна рассказывают: до без четверти шесть ей не изволили сообщить, едет она или нет; она своим грозила, что если визу не дадут сегодня

— вообще не поедет ни в какой Лондон, а отправится к себе в Комарово. Дали! Но на перроне уже сплошной нитроглицерин.

26 июня 65

Вчера, вернувшись с дачи, я сразу позвонила ей. В ответ — бурная радость: «Я вам вчера весь день звонила. Приходите скорее!» И вот — Ордынка. Всюду цветы. Проклятье! Моя неспособность помнить дни рождения опять сыграла со мною злую шутку. Только что день рождения Анны Андреевны, а я и не вспомнила. И вообще непростительно: в нашем саду, в Переделкине, цветет сирень, а я ни веточки не привезла.

Ардовы в полном составе. Кроме них — Любовь Давыдовна. Потом портниха. Встреча наша в столовой, на людях, все время кто-то проходит, приходит, уходит. Анна Андреевна благостна, приветлива и величава, но по каким-то еле уловимым признакам я догадалась, что она то ли больна, то ли не в духе.

Вскоре, когда мы минут на десять остались одни, мне сделалась ясна причина ее раздражительности.

Иностранная пресса.

Из чемоданчика вынула она целый ворох газетных вырезок. И книгу — «Воздушные пути», № 4. Деду кто-то привез из-за́ моря в Переделкино экземпляр, дома я просмотрела, но еще не изучила досконально. С удивлением, благодарностью, радостью, скорбью увидела я там Фридину запись*. (Хватит ли у Фридошки сил обрадоваться?..) И там же стихи Бродского. И воспоминания Ахматовой о Модильяни — прекрасные. И ее же — о Мандельштаме — обрывки, драгоценные, разумеется, но в том же несобранном состоянии, в каком я читала их в Комарове. И дивная фотография Пастернака... И стихи — лагерные — Елены Михайловны Тагер... Остальное посмотреть я не успела.

---

* В Советском Союзе полная запись двух судов над Иосифом Бродским опубликована только в 1988 году. См. публикацию А.А.Раскиной — «Огонек», № 49.

Анна Андреевна сердито перелистывала книгу, отыскивая страницу. Нашла и протянула мне том, указывая ногтем, откуда читать. Чье-то предисловие (курсив). Сначала идет известная мне наизусть ахматовская «Последняя роза» (с опечаткой в эпиграфе^{*}). Потом текст от редактора. Весьма двусмысленный текст! Противно^{**}.

Гадко, не спорю.

Анна Андреевна вынула книгу у меня из рук, швырнула в чемоданчик, а передо мною выложила газетные вырезки.

— Читайте. Я должна примерить платье под руководством Нины и Любочки. Скоро вернусь.

Я начала читать. Не могу похвалиться, что справляюсь с английским без труда. Однако в газетных откликах разобралась. Они разные. Что ж! Пустовато. Хвалы, но за хвалами — пустота. И обидное невежество. Гумилев расстрелян в 20-м году. Им все равно — в 20-м, в 21-м... Ахматова рассматривается чаще всего не как великий русский поэт, а как женщина-поэт, поэтесса. («Я научила женщин говорить...») Она женщина, но отнюдь не феминистка. Не всегда также можно понять из текста замечаний, молчала ли она двадцать лет, или двадцать лет работала, но ее не печатали. Прокламируется некое ее литературное воскресение во время Второй мировой войны, когда она почувствовала себя патриоткой. (А 14-й

---

* БВ, Седьмая книга; а также см. «Записки», т. 2, с. 509—510, 519 и № 98. В «Воздушных путях» опечатка в эпиграфе: «напишiте» вместо «напишете».

** Редактор альманаха так комментирует «Последнюю розу»:

«Роза всегда служила в поэзии символом. Содержание символа менялось на протяжении веков. Но этим средством поэты пользовались искони. Думается, что Ахматова пользуется этой метафорой, чтобы назвать избранника. В дантовском «Раю» мы уже встречались со схожим художественным образом (Р. XII. 19).

Но кто он? Кто избранник Ахматовой?

Вскоре это имя стало известно всему миру: Иосиф Бродский» (с. 4, 5).

год? А — всегда?) Затем какая-то путаница с каким-то звонком Сталина в Ташкент, он будто бы приказал вылечить ее от тифа — хотя, мне помнится, звонил в Ташкент не Сталин, а Жданов, и не во время тифа, а раньше... Встречаются, впрочем, и толковые интервью: это те, в которых добросовестно воспроизведены собственные мысли Ахматовой об эстрадной поэзии — существуют стихи, которые звучат с эстрады, а на бумаге оказываются мнимостью; слова ее о Марии Петровых и о юных, но уже гонимых поэтах. (Явно подразумевается Бродский с товарищами.) Но то: «говорит Ахматова», а когда «говорят газетчики» — сплошное пустомельство.²¹⁸

Анна Андреевна вернулась и снова села на диван рядом со мною.

— Вкусили?

Я сказала: толково кое-что, но много равнодушия и вранья.

— Много злобы. Здесь, в этом ворохе, собрано далеко не всё. Интервьюировала меня одна журналистка. Поговорив со мною, опубликовала следующее соображение: «Сначала я думала, что это тяжелый случай нарциссизма»... И вот так — всё...

Я сказала: судя по вырезкам, не всё.

— Да, человеческая глупость разнообразна.

Анна Андреевна сунула газетные вырезки в чемоданчик. Вынула фотографии. Некоторые ужасны: не Анна Ахматова, а старушенция какая-то. Хорошая одна: трагическая маска. Без живой боли невозможно смотреть на ту, где Анну Андреевну почтительно сопровождают из одного здания Оксфорда в другое. Она уже в мантии. Выражение лица, поникшие плечи: люди! зачем вы ведете меня на эшафот?²¹⁹ Она объяснила: «В этот день у меня сильно болело сердце». Я глядела, вглядывалась в ее лицо, мученически возвышающееся над мантией, и вспомнились мне строки из «Черепков»: «На позорном помосте беды, / Как под тронным стою балдахин». Здесь, на помосте торжеств, тронный балдахин — мантия! — кажется пестрым саваном...

Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить...

Анна Андреевна спрятала фотографии. Начался монолог. Отрывистый и непоследовательный. Сейчас восстанавливаю в беспорядке.

— Я у сэра Исайи прямо спросила: все эти торжества — и Таормино, и Оксфорд — это ваших рук дело? «Нет... Ну, конечно, вернувшись, я рассказал что и как, но дальше все пошло само своим ходом».

— Он пригласил меня и Аничку остановиться у него. Мы жили в отеле. Тамошние люди не понимают, что нам нельзя ни у кого останавливаться, а положено жить, где поселены.

— Дружила с Оболенскими, они душеньки.²²⁰

— У Солдатовых была на семейном обеде, милые, милые люди.²²¹

— В Париже пришел ко мне Юрий Павлович Анненков. Неузнаваем. (Тут она таинственно понизила голос до шепота, словно удивляясь подмене.) Просто какой-то другой старичок.²²²

— Соломинка дивная, совершенно узнаваемая, та же. Встретила нас, приглашала жить у нее.²²³

— Кто переменялся — это Париж. Прекрасен, но совсем другой. Переменял цвет: был когда-то серый, а теперь белый. Волшебный. Старых улиц я не узнала. Какие-то роскошные взлеты, спуски, автострады. Меня щедро возили по городу. Но движение там — это уже не движение, а стояние... Город наряжен, а люди — да, представьте себе! люди в парижской толпе одеты плохо. В Лондоне старомодны до ужаса, в Париже бедноваты. Да, да, как-то что-то накинуто на одно плечо, всунуто в один рукав. Все женщины выкрашены в соломенный цвет, точно попадаешь в царство соломенных крыш.

— В Оксфорде я очень устала. Целые дни правила чужие диссертации. Кто бы мог подумать, что мне, при моей серости, придется заняться этим?.. Ну да, там все пишут диссертации об акмеизме, о Мандельштаме, о

Гумилеве, обо мне. У них всё перепутано и наврано, а я должна исправлять.

Я сказала: хорошо, что вы получили такую возможность.

— Нет, Лидия Корнеевна, я поняла, что на всё это надо махнуть рукой. Ничего не исправишь. Переводы ужасны. Я видела «Реквием» — избави Бог такое и во сне увидеть, это наглая халтура. «С морем разорвана связь» — будто бы с Балтийским. «Памятник мне» — будто памятник на могиле... И так всё сплошь. Самый точный перевод, сделанный Амандой и Питером — прозаический. Я его авторизовала. Но ведь это всего только проза*.

— Виделась я и с Акулой капитализма**. Это дурной человек. Сэр Исаяя сказал ему: «Вы не раз печатали стихи и прозу Ахматовой. Вы должны заплатить ей». Он ответил: «Закон на моей стороне». Видали хама? Через некоторое время он все-таки позвонил мне и спросил, хочу ли я, чтобы он лично привез мне деньги в конверте? Я ответила: «Рада за вас, что вы позвонили и произнесли эти слова. Ничего мне не надо: ни вашего визита, ни денег, ни конверта». И повесила трубку, не простившись.²²⁴

— Нет, нет, Лидия Корнеевна, на Западе уже ничего не исправишь. Злое вранье Неведомской, Анны Андреевны Гумилевой, Маковского считается первоисточни-

* А.А. называет стихотворный перевод Аманды Хейт и Питера Нормана — прозаическим потому, что, хотя он весьма точен в смысловом отношении, стихи почти всюду лишены рифм. Что же касается «халтурных переводов», то я не имею возможности установить, о чьих именно она говорит. Во всяком случае искажения чудовищны: в подлинном «Реквиеме» подразумевается Черное, а не Балтийское море, и памятник возле тюрьмы, а не на могиле.

** «Акулой капитализма» А.А. прозвала Р.Н.Гринберга, издателя-редактора нью-йоркского альманаха «Воздушные пути». (Отклики Анны Андреевны на обе публикации «Поэмы без героя» в «Воздушных путях» — см. «Записки», т. 2, с. 371, а также с. 476.)

ком и проникает в серьезные исследования. Мне некогда опровергать. Я не в силах.²²⁵

— Поляки в Париже обращались со мной как с мощами. Каждую минуту целовали колени.

Я спросила, побывал ли у нее Иозеф Чапский?

— Чапский? Был, был... — Она весело ткнула пальцем в мою злополучную брошку. — Я устроила ему сцену ревности, а он пел дифирамбы — вам.

Мне пришлось отколоть брошь от жакета и вручить ее на рассмотрение Нине Антоновне и Любове Давыдовне. (Которые не замечали ее множество раз.) Анна Андреевна насмешливо им поясняла: «Черная неблагодарность. Я ему стихи, а он в ответ брошку, не мне, а сопернице».

Дамы хвалили брошь.²²⁶

Анна Андреевна продолжала:

— Знаете, чему они там из моих рассказов более всего удивились? Вы, и вы, и вы (она кивнула мне, Нине и Любочке) этому нисколько не удивляетесь, для нас всех здесь это привычно. Они же делают большие глаза. Их удивило, даже потрясло, когда я рассказала, что за несколько дней до отъезда получила письмо от моряков и лесорубов. У них никто стихов не читает, кроме очень тонкого слоя интеллигенции. А тут вдруг, изволите видеть, моряки и лесорубы!²²⁷

Хлынул дождь. Он работал за окном, как хорошо налаженная, без перебоев, ровно работающая машина. Мне было пора — Анна Андреевна устала — да и ждала кого-то — кажется, Журавлевых. Из-за дождя я долго не могла уйти. Любовь Давыдовна капала ей в глаза какие-то синие, привезенные из-за границы капли — оказывается, у этой злосчастной путешественницы в придачу ко всем болезням еще и конъюнктивит.

8 августа 65

«Дорогая Анна Андреевна вчера утром умерла наша Фрида» — своею рукой написала я сегодня. (И дальше адрес, потому что Анна Андреевна адрес могла позабыть, а телеграфировать пожелает.)

10 августа 65

Среди других телеграмм, читавшихся над гробом — над Фридиным гробом! — была и такая:

«Пусть ее светлый образ останется для нас утешением и примером душевного благородства. Ахматова».²²⁸

Примером? Да. Но утешением? Какое тут утешение? Как утешиться, что Фриды больше нет, и главное, какое утешение в ее предсмертных муках!

10 сентября 65

Знает ли Анна Андреевна?²²⁹ И как я была бы счастлива позвонить Саше и сказать: «Саша? Говорю я... Скажи маме: в субботу, 4 сентября, дело пересмотрено, Иосиф свободен»...

Все кругом гадают: чье вмешательство побудило Верховный Суд пересмотреть наконец это дело? Думаю: капля долбит камень. Фрида своей записью докричалась наконец до широкого мира. На нас всех — и на Ахматову в том числе — Толстиков может плевать. На Сартра и на Европейское сообщество писателей ему плевать не позволяют. А Сартр — не знаю, правый он или левый? — Сартр, если верить слухам, написал Микояну, что в октябре писатели Сообщества съедутся в Париже и там разговор о Бродском пойдет непременно.²³⁰

Необходимо, чтобы Анна Андреевна и все ленинградцы знали: к нашей радости примешана капля яда... Лев Зиновьевич ходил в Верховный Суд РСФСР, и там ему сказано: решение ленинградского суда не отменено как ошибочное, а изменено только в части срока: вместо пяти лет наказание сократили до уже отбытого времени — один год и пять месяцев. Значит, он все-таки был виновен? В чем? А виноватость его может дать основания ленинградскому начальству, то есть Толстикову, Волкову, Лернеру, Прокофьеву, не допустить ни прописки, ни работы.

25 сентября 65

Бродский... Освобожденный Бродский.

Он приехал в Москву раньше, чем в Ленинград. С ним вместе мы позвонили в Ленинград, Анне Андреевне. Я отдала ему трубку, а-сама ушла в кухню жарить яичницу.

Иосиф. Тот, кого на один месяц и восемнадцать дней не дождалась Фрида.

Он как-то еще вырос и поширел. Большой, будто сильный. Но и потрясенный: не кончает фраз, бегаёт по комнате, все время крутит пальцами.

Одет плохо. Но и это его не портит. Доброта, простодушие, ум, дурной нрав, ребячливость — прямой поэт.

Читал мне стихи — но бросал, забывал их.

Теперь предстоит Ленинград и последний барьер — прописка.

Зашла за ним Юля. (Она его ко мне и привезла.) Они ушли вместе.

подавая ей клетчатое пальто — Иосиф сказал:

— Всё в клетку, как тюремная решетка.

8 октября 65

Приехала Анна Андреевна. Живет на Ордынке.

Такой отяжелевшей, унылой и раздражительной я, кажется, ее еще никогда не видала. Жалуеться на сердце: «мне хуже оттого, что лето я прожила без единой прогулки». Когда она встает, вид откровенно страдающий: гримаса боли и одышка.

Под зеркалом в столовой — две высокие белые стопочки книг. Возле нее, под рукою, один экземпляр. Бродский наконец освобожден, и, наконец, добежал до нас «Бег времени»! Но на радость, на счастье у нее, видно, тоже не хватает сил.

— Сейчас я покажу вам издательские мошенства. Подлейшие.

Она объяснила: снят эпитафия из Бродского к ее «Последней розе» (то есть убрана строка Иосифа, обращен-

ная к ней: «Вы напишете о нас наискосок»). Со стихами к Борису Леонидовичу поступлено так: цикл разрушен и вместо «Памяти Бориса Пастернака» предложено озглавить стихотворение «Смерть поэта». Она согласилась. Но уже без спросу негодяи подменили даты: вместо 1960-го под «Смертью поэта» в надежде на беспмятность читателей поставлено «1957», и под стихотворением «И снова осень валит Тамерланом», не 47-й, а тоже 57-й*.

— Это мелкое жульничество... — прокомментировала Анна Андреевна. — Нечто вроде воровства Муры Будберг с прилавка... Вы слышали? Все английские газеты полны этим происшествием... Какие мелкие, однако, приемы для такой крупной авантюристки!..²³¹

Она протянула мне книгу.

— Это для вас, надпись и поправки прочтете после... А сейчас я только покажу вам, где должно стоять «Я всем прощение дарую». Вот здесь. Сразу после стихотворения о Пастернаке 47 года.

— Уверена, что весь тираж «Бега времени» загонят в провинцию — там его никто не станет покупать.

(Быть может, и так. Вообще существует у нас подобный способ борьбы с книгами — с теми, в которые влюблены обе столицы.)

Сегодня Анна Андреевна и об Иосифе отзывается как-то раздраженно, безлюбовно.

Я сказала, что после всего перенесенного ему нужен был бы санаторий: хоть на двадцать шесть санаторных дней нормальная жизнь.

— Какая может быть нормальная жизнь у того, у кого все навыворот? С каторги вернулся румяный, здоро-

* Сняли строку Бродского — понятно: имя его запрещено цензурой. Поставили под стихами «Смерть поэта» не 60-й, а другой год — тоже понятно: мало ли какой поэт умер в 57-м году! Во всяком случае — не Борис Пастернак. В чем была задача злоумышленников, подменивших дату под последним стихотворением, — не совсем понимаю. Просто, чтобы подальше от 46-го?

вый, а из санатория вернется на четырех ногах и на цепи...

Она спросила, читала ли я «Воспоминания» Надежды Яковлевны, которые ходят по рукам.

Я их читала.

— Ну вот теперь, наконец, я буду знать, что это такое. Расскажите.

Я ответила: последовательный, подробный и напряженный рассказ о всех ступенях гибельного пути Мандельштама. Имеет ценность.

Меня ее вопрос удивил: она — участница событий, там в рукописи очень много о ней...

— А разве сами вы не читали? — спросила я.

— Нет.

— Надежда Яковлевна вам не предлагала прочесть?

— Предлагала.

— Почему же вы не прочли?

— Не знаю... — сделав рассеянные глаза, ответила Анна Андреевна.²³²

Потом мы долго пили чай с Ардовыми. Виктор Ефимович рассказывал анекдоты. Анна Андреевна молчала и не улыбалась. Нина Антоновна, которой, слава Богу, гораздо лучше, поила Борину «вторую Нину» из блюдечка.

Анна Андреевна увела меня к себе. Легла.

— В Париж я ехать отдумала. Может быть в марте. Только не теперь.

Пошарила в сумочке и вынула очаровательную записную книжку: «Это мне сэр Исая подарил».

Помолчали. — Вы заметили, — спросила она, — кто именно во все горло чувствует нынче Есенина?.. Зелинский, Сергей Васильев, Куняев, Прокофьев... Заметили, что Есенина выдвигают сейчас в противовес Маяковскому?

Заметила. И компанию славящих тоже вполне оценила. Хорош каждый в отдельности и хороши все вместе.

Анна Андреевна больна и устала. Я простилась.

Спустившись в метро, я села на пустую скамью и открыла «Бег времени». В ярком свете прочла:

«Лидии Чуковской — мои стихи, ставшие нашей общей книгой, дружески — Ахматова. 7 октября 1965. Москва».

В вагоне, перелистывая «Бег», увидела выправленные Анной Андреевной даты, восстановленный эпиграф из Бродского над стихами «Последняя роза»... Дома, вписавшись в книгу, обнаружила, что Анной Андреевной над стихотворением «Умолк вчера неповторимый голос» вписан эпиграф из Пастернака: «"Как птица мне ответит эхо" Б.П.»*.

12 ноября 65, Комарово

Колина смерть застала меня в Комарове**. 5-го утром, после Люшиного звонка, я рванулась в Ленинград, вечером в Москву; 6-го похороны; 7-го я сплошь возле Деда. И опять — обратно в Комарово, но до отъезда все-таки успела побывать на Ордынке, у Анны Андреевны. Приехала я к ней 8-го, ранним вечером, с тем, чтобы уйти пораньше (позднее она ждала Виноградовых). Она усталая, тревожная, хотя и получше, чем в прошлый раз.

Дверь мне отворила Нина Антоновна. Пока я снимала пальто и стаскивала боты в передней, Нина произнесла трудным, запинаящимся шепотом: «Прилетел Толя и нам удалось отговорить мадам от поездки в Париж». Нина хотела сказать еще что-то, но с губ срывались одни запинки, хотя я ее и не торопила. Она с досадою беспомощно помотала головой, взяла меня за руку и отвела в комнату Виктора Ефимовича. Ардов в командировке, Анна Андреевна живет у него в кабинете.

Сидит в низком широком кресле. Вместо ответного «здравствуйте» пошарила вокруг себя и протянула мне

* А.А. в эпиграфе не совсем точно приводит строку из стихотворения Пастернака «Все сбылось». В подлиннике — «Как птице, мне ответит эхо» («Пятитомник-П», т. 2, с. 120).

** Мой старший брат, писатель Николай Чуковский, скоропостижно скончался от сердечного приступа 4 ноября 1965 года.

Лидии
Гуковской — мои стихи,
ставшие нашей общей книгой,
дружески —
Ахматова

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • МОСКВА • ЛЕНИНГРАД • 1965

7 октября
1965
Москва

Дарственная надпись Анны Ахматовой
на «Бега времени»

экземпляр «Бега» для Корнея Ивановича. Я поблагодарила — не утешение, конечно, для Деда, но отрада, любовь... Завтра снова поеду к нему и отвезу.

— Я только что написала отказ от Парижа, — объявила Анна Андреевна. — Не еду никуда. Жаль, что вы в Комарове, когда я не там... Возвращайтесь скорее, застанете меня здесь... Побывала у меня Огородникова с инструкцией: «Поезжайте в Париж или нет, это как вам угодно, но только чтоб в городе не пронесся слух, будто Ахматову не пустили».²³³

Мне понравилась внезапная забота об общественном мнении. Анне же Андреевне, разумеется, ехать сейчас никуда не следует, разве что в хороший санаторий.

Я спросила, как прошло ее выступление на вечере Данте в Большом Театре — ведь мы с той поры не видались. Были ли там интеллигентные люди и как слушали?

— Никаких интеллигентных людей, и никак не слушали. Все эти люди живут, я уверена, в одном каком-то доме, где им предоставлены квартиры при условии, что они не пропустят ни единого юбилейного вечера в Большом Театре. Не реагируют они вообще ни на что, хлопают всем поровну и терпеливо ждут антракта и концерта.²³⁴

У Анны Андреевны две радости нынче: первая радость — книжка из березовой коры, прошитая веревкой. На коре выцарапаны ее стихи: «Двадцать первое. Ночь. Понедельник». Светлое это чудо привез ей кто-то из лагеря... Чудо Анна Андреевна положила мне в раскрытые ладони, а я не то что перелистывать, я дохнуть не смела — но она и не дала, вынула мгновенно у меня из рук и положила в особую коробочку, устланную ватой.²³⁵

— Отдам в Пушкинский Дом, — заявила она.

Да. Эти листки березовой коры почетнее Оксфордской мантии. И Нобелевской премии. И любой награды в мире.

Вторая радость: Надежда Яковлевна переселилась, наконец, в свою новостройку.

ТРЕТЬЕ И ПОСЛЕДНИЕ

Раз в Крещенский вечерок...

Джозеф

Полно мне леденеть от страха,
 Лучше кликну чакону Баха,
 А за ней войдет человек...
 Я его приняла случайно
 За того, кто дарован тайной,
 С кем горчайшее суждено.
 Он ко мне во дворец Фонтанный
 Оповождает ночью туманной
 Новогоднее пить вино.
 И запомнит Крещенский вечер,
 Клен в окне, венчальные свечи
 И поемы смертный полет...
 Но не первую ветвь сирени,
 Не кольцо, не сладость молений —
 Он погибель мне принесет.

Он не сикни мне
 милый мудрец,
 Но мы с ним так же заслужу
 то шутитесь двадцать
 лет.

1956

т. е. изданное № 2.
 И. Берлин

Страница экземпляра «Бега времени»,
 подаренного Лидии Чуковской.
 Пропущенные строки вписаны Анной Ахматовой.
 Внизу — пометка Л. Чуковской

— Поедем туда на днях с Никой и Юлей, повезем пирог и крендель. На новоселье. Я так счастлива за Надю. Наконец-то у нее свой дом. Это и с моей души снимает камень. Сурков давно уже предлагал нам обеим двухкомнатную. На двоих двухкомнатная — не худо, правда? Но наша с Надей совместная жизнь в Ташкенте доказала, что жить нам вместе не следует. Я не дала согласия, и вот из-за меня Надя получила жилье с опозданием: только теперь. Наконец-то! Я счастлива.²³⁶

— И еще одна радость, — продолжала Анна Андреевна. — Надя наконец поняла, кто такие Т. Они всячески ее величали — как и Ольгу. С Ольгой-то понятно зачем: через нее они хотели проникнуть к Борису Леонидовичу. И потому звали ее «супругой поэта». Может быть, она больше, чем супруга — этакая «звезда любви», но женой не была никогда: с Зинаидой Николаевной Борис никогда не разводился и не расставался.

Поговорили мы, конечно, о деле Синявского и Даниэля, как разговаривают сейчас всюду. И, конечно, с возмущением. Но меня чрезвычайно удивляет одно обстоятельство, сказала я Анне Андреевне: секретарша Эренбурга, Наталья Ивановна Столярова, принесла мне книжку «Фантастических повестей» Терца и книжка оказалась мне убогой, слабой. Стоит ли из-за таких пустяков идти на каторгу?.. Я спросила у Анны Андреевны, попадалась ли книга ей.

— Да, мне тоже приносили... Мне это не надо... Ах, причем тут хорошая проза, плохая проза... Надо одно: чтобы эти люди не попали на каторгу.

Так.

Я попросила ее прочитать мне воспоминания о Блоке — я о них от кого-то слышала. Она прочла. Это прекрасно. Это точная острая афористичная проза, сравнимая по силе только со стихами Анны Ахматовой. С воспоминаниями о Мандельштаме несравнима — почему-то Осипу Эмильевичу не повезло. Там всё (кроме нескольких абзацев) рыхло, внутренне бессвязно, клочковато. А это — как лучшие ее стихи. Коротко, ем-

ко, каждое слово отобрано. И — или это кажется мне? — иронично насквозь: «...и так как он был не только великим поэтом, но и мастером тактичных вопросов...». Далее, в качестве иллюстрации, приводится бестактнейший вопрос Блока: одна ли она едет в поезде или не одна.

И все эти точные перечисления встреч и слов служат какому-то одному несомненному умолчанию*.

Она спросила, быстро ли я доставлю Корнею Ивановичу «Бег»; внимательно расспрашивала, как перенес он Колину смерть; потом о Люше. Тронутая ее внимательностью, я мельком осведомилась, помнит ли она такой эпизод из Люшиного детства (когда-то мой рассказ заставил ее рассмеяться): я впервые привела Люшу в школу. Синий выглаженный бант, новые книжки, новый портфель — и цветы для учительницы. Внизу, в холле, в торжественной тишине, мамы и дети. И вдруг...

Анна Андреевна меня перебила, не дала договорить:

— И вдруг в этой торжественной тишине директор, долговязый парень, командует: — Матеря́, давайте направо...

Обе мы рассмеялись. Помолчали. Окончила же Анна Андреевна этот смешной эпизод неожиданно серьезным признанием:

— Помню ли? Конечно, помню. Я помню всё — в этом и есть моя казнь.

15 ноября 65, Комарово

Дурной день. Получила письмо от Люши, она пишет, что Анна Андреевна в Боткинской: не то сильный спазм, не то инфаркт.

Какое счастье, что она не уехала!

Буду теперь каждый день звонить в Ленинград, Пуниным.

Только бы не инфаркт. Ведь это будет уже третий или, по ее счету, даже четвертый. Беда.

---

* «Воспоминания об Александре Блоке» — см. «Двухтомник, 1990», т. 2, с. 195.

1 декабря 65, Комарово

Заходил ко мне Иосиф (приезжавший к Гитовичам). Он только-только из Москвы и трижды навещал Анну Андреевну. У нее инфаркт, тяжелый. Она в Боткинской. Я написала ей письмо на Ордынку.

19 декабря 65, Москва

Я только что от нее, из Боткинской. Корпус 6, палата 11.

Я чувствую себя очень плохо и, наверное, не решилась бы выбраться из дому, если бы не позаботилась о моем транспорте милая Ника.

К Анне Андреевне вошли мы по очереди. Нельзя утомлять ее.

Четыре постели в маленькой узкой палате. Тесно — проход между кроватями такой узкий, что сиделка, протискиваясь между, задевает боками и койки больных, и стулья гостей.

Анна Андреевна лежит на спине, на высоких подушках, вытянув руки вдоль тела. Не ворочается. Шевелит только головой и кистями рук. Лицо глубоко в подушке.

Инфаркт. По медицинскому счету третий, по ее собственному — четвертый.

Третий ли, четвертый ли — а сколько их может выдержать человек вообще? Не было бы следующего. Одна надежда на ее гениальный организм.

Анна Андреевна говорит тихим, сдержанным голосом. Я не задаю вопросов, но она говорит сама. О своем инфаркте: «Подозреваю в этом одну ванночку». А я ловлю себя на мысли тяжелой и недолжной: о Фриде. С тех пор, как в прошедшем августе я изо дня в день видела Фридино умирание, я каждое лицо на подушке представляю себе умирающим. Да с чего я, собственно, вздумала, что Анна Андреевна умирает? Ведь видела же я ее после инфаркта — там, в Ленинграде, в Больнице в Гавани. Тогда инфаркт был тяжелейший, но она встала, опять Ордынка, опять Комарово, встречалась с друзьями, писала стихи, сердилась, радовалась, из Ленингра-

да в Москву, из Москвы на Запад... Жила. И теперь так будет.

— В газете «Monde», — проговорила Анна Андреевна тихим голосом, — напечатана моя биография.

(Тут я вздрогнула: опять чья-нибудь ложь? опять ее безудержный гнев? После инфаркта?)

— К моему удивлению, — спокойно продолжала Анна Андреевна, — все правда, до последней запятой. А кончается словами, что *этот человек* — вы понимаете, кого я имею в виду? — должен догадываться: премию нынешнего года следовало присудить автору «Реквиема». Ему же дана только из боязни: если дать Ахматовой, не повторится ли история с Живаго?

Я рассказала, какая мерзкая погода была в Комарове в тот октябрьский день, когда мы прочли о Нобелевской премии. С моря подлейший ветер, с неба не то снег, не то дождь, а люди оскорблены, унижены, смущены, в глаза не глядят друг другу. Срам — и в природе и в душах. Я услышала новость на бегу, перебегая из жилого корпуса в столовую. Меня будто грязным полотенцем по лицу ударили.

Однако Анне Андреевне сейчас необходимы положительные эмоции, а не про Шолохова. Я пыталась припомнить что-нибудь радостное, веселое. Но ничего вспомнить не могла — не потому ли, что сердце у меня колотится шибко и беспорядочно, без всякого толку? Рассказывать Анне Андреевне про свою мерцательную аритмию? Врач сказал мне: такая форма бывает после некоторых инфарктов. И она неизлечима. Или — рассказать нечто общественно значимое — про пятерых литераторов, написавших в Прокуратуру специальную бумагу — экспертизу? — в поддержку обвинения Синявского и Даниэля? (Барто, Корнейчук, Сучков, Михалков — пятого забыла...) Вообще уже заранее отравляет воздух этот предстоящий процесс.²³⁷ Для меня это люди

---

* А.А. имела в виду Шолохова. О том, что Нобелевская премия по литературе присуждена ему, объявлено было в «Литературной газете» 16 октября 1965 г.

малоизвестные, а Синявского «Фантастические повести» просто не нравятся, но как же это отдавать людей под суд за книги? Хорошие ли книги или плохие? А каковы наши литераторы! Слышу нередко осуждение арестованных: зачем они печатались за границей? Затем, что их не печатали на родине. Но это все сейчас не для Анны Андреевны.

Наконец, мне удалось вспомнить хорошее: если только Лернер не пойдет в контратаку, дела Иосифа можно считать устроенными: принят в Группком, и работы у него переводческой — хоть отбавляй.

— Да, — ответила Анна Андреевна с мелькнувшей улыбкой. И дальше, сдвинув брови, неожиданно громким голосом: — Теперь из наших молодых друзей надо бояться не за Иосифа, а за Толю и Бобышева. В особенности за Толю. С ним может произойти точь-в-точь то же, что было с Иосифом. Их сейчас надо жалеть. Их.

А я думаю — не их, а ее.

Она опустила веки. Я ушла.

9 января 66

Сегодня в 12 часов я опять — через силу — отправилась в больницу к Анне Андреевне. Через силу и физически и душевно. Ничего нового хорошего я опять рассказать не могу. Напротив, новые угрозы. В Ленинграде выступил Толстиков и назвал освобождение Бродского крупной политической ошибкой. Это первое. Второе: на партбюро в ТАСС, докладывая о деле Синявского и Даниэля, кто-то заявил — «писатели добились освобождения Бродского незаконно». Третье: доклад Марка Поповского о следователе, издевавшемся над Н.И.Вавиловым, и о смерти Вавилова в заключении — запрещен.²³⁸ Так заново убивают память о погибших.

Не с этими же вестями идти к больной? Впрочем, Иосиф, все-таки освобожденный Иосиф, который сейчас гнездится на улице Горького то в моей, то в Люшиной комнате (да и в Переделкине побывал) — Иосиф несколько дней назад рассказывал мне счастливым голосом: «Анна Андреевна уже ходит».

— Представьте себе, поднимаюсь по лестнице и издали вижу, как она идет!

Мне не повезло. Сегодня у Анны Андреевны снова был приступ, и ей снова запретили ходить. Несмотря на это она оживленная, бодрая.

Я принесла ей те номера «Русских Новостей», где в списках книг, поступивших в магазины, упомянуты: первый том Собрания сочинений Ахматовой, «Бег времени» и еще одна книга: «Лирика».²³⁹ Анна Андреевна, заинтересованная и довольная, пыталась разобраться в ценах. И — что за «Лирика»? Что в эту книгу входит? Раннее? Позднее? И кто составил ее? Мы вместе пытались сообразить и прикинуть, но безуспешно. («Лири-

ка»! *Нелирики* у Ахматовой нет — что же обозначает это специфическое название?)

Затем она вынула из-под подушки сумочку, а из сумочки большие листы: переведенная на русский язык и переписанная на машинке статья какого-то немца в «Die Welt». Называется «В защиту Ахматовой». Это об отвратительных переводах ее стихотворений на немецкий язык. Примеры... лучше о них не думать. Статья доброжелательная, толковая, неглупая, но одно место особо поразило меня. Автор пишет, что после выступления Жданова настала такая пора, когда Ахматова утратила возможность печататься, а писать могла только в стол. Складывала, бедняжка, новые стихи в ящик своего соснового письменного стола, где они были недоступны Жданову!²⁴⁰

И это пишет человек, переживший фашизм! Ящик стола, недоступный Жданову! Нет, не знаю, как у них при Гитлере, а у нас и теперь для иных стихов потребны ящики другого рода.

Я спросила, многие ли навещают ее в больнице, ну, конечно, кроме само собой разумеющихся: Нины, Ники, Толи, Марии Сергеевны, Иосифа. И что говорят врачи о ее здоровье, о последнем инфаркте? Она рассказала про даму, обогатившую ее при посещении целым ворохом сплетен. «Корить грех; это ее органическое свойство; так, например, у всех людей существуют особые железы, выделяющие слюну; а у нее в придачу — железа, выделяющая злые гадости. Что же она может с собою поделаться?» С обычною доброжелательностью рассказала о Наташе Рожанской. Потом о физике Чердынцеве (побывавшем накануне), он открыл новый элемент в таблице Менделеева...²⁴¹ Французский посол передал ей через кого-то, что в Париже была для нее уже приготовлена квартира, машина, шофер, парикмахер. «Сами понимаете, Лидия Корнеевна, если парикмахер — надо ехать».

— А врачи? — настаивала я.

— Врачи, видимо, считают мое выздоровление чудом... Вы понимаете, слово это вовсе не из медицин-

ского словаря, но я расслышала, как один профессор употребил его, беседуя с моим лечащим врачом. Я уже говорила Иосифу, может быть я совершу еще одно чудо: произведу на свет двух близнецов?.. Врачи требуют, чтобы я прямо из больницы ехала в специальный послеинфарктный санаторий. Я и не подумаю. Отсюда на Ордынку. Пока не повидаюсь со всеми друзьями — не уеду ни в какой санаторий.

Говорит она громко, свободно, как будто мы с ней наедине у нее в комнате, — а между тем, в палате еще три больные женщины и возле одной сидит посетитель. Но Анну Андреевну это не стесняет ничуть. Я уже не раз замечала, что к больнице она приспособляется легко. (Спит... А я здесь не могла бы уснуть ни минуты.)

Да, относительно статьи немца:

— Пишет, что я вышла замуж за вождя акмеизма. Другие пишут, будто, когда я выходила замуж, у меня уже был свой салон, а я вышла замуж за начинающего. Никто не пишет правду: гимназист седьмого класса влюбился в гимназистку четвертого класса.

О переводах Иосифа и Толи. «Оба работают отлично. Иосиф хорош, но вольничает; Толя, пожалуй, точнее».

(Иосиф, рассказала я Анне Андреевне, говорил мне недавно: «Переводить стихи больше не могу. Они меня душат... Уж лучше возьмусь за технические переводы».)

Показала я Анне Андреевне поздравительную открытку от Иосифа, украшенную его собственноручным рисунком. Подарено также стихотворение «В деревне Бог живет не по углам».²⁴² А на открытке перышком изображение Божьей Матери с Младенцем, вол, осел... Прочла ей открытку вслух:

«Дорогая Лидия Корнеевна,

уж если приходится нам думать о времени, то давайте уж лучше думать о Всем Времени. Не прогадаем.

Вот этого самого, а также здоровья и какого-нибудь веселья хотел бы пожелать Вам в наступающем году.

Всегда Ваш Иосиф».

Анна Андреевна с интересом оглядела рисунок. Стихи ей были уже известны. Я рассказала ей, что они особенно понравились Корнею Ивановичу.

Тут я вспомнила, что забыла передать ей новость, полученную Корнеем Ивановичем: сэр Исаяя опубликовал статью об Осипе Мандельштаме. От этой вести Анна Андреевна пришла в радостное возбуждение.

— Дам знать Наде... Событие... Никогда никому не завидовала, а этому завидую... Еще одно событие: к Новому Году я получила письмо от Арсения Тарковского о моей книге. Это лучший подарок. Это что-то неслыханное. Я сразу попросила Нику переписать на машинке, чтобы сокровище не потерялось в потоке бумаг.

Самую лучшую новость она приберегла под конец:

— Лева был у Нины и сказал: «Хочу к маме».

23 января 66

Мы с Володей Корниловым написали письмо по поводу предстоящего суда над Даниэлем и Синявским. Мы отправили его в «Известия» безо всякой, разумеется, надежды на публикацию, но с большой надеждой на лучшее издательство в мире — Самиздат.²⁴³ По этому поводу аритмия моя разбушевалась. Черт знает что. Одышка. Когда сердцебиение, наконец, утихло, я поехала навещать Анну Андреевну — стыдно мне, что я так давно ее не навещала. Правда, в промежутке послан был ей мною пакет, полученный от Корнея Ивановича: первый том Собрания ее сочинений* и столь желанная статья Берлина о Мандельштаме.²⁴⁴

Она сидит в кровати, опираясь на высокие подушки, — приветливая, веселая, с разметавшимися неприбранными седыми волосами. Видимо радуется моему приходу, расспрашивает о моей болезни, просит поблагодарить Корнея Ивановича за посылочку и начинает воз-

---

* Анна Ахматова. Сочинения. Том I. Общая редакция, вступительные статьи, свод разночтений и примечания Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. [USA]: Inter-Language Literary Associates, 1965.

бужденный монолог. О статье сэра Исайи пока ни слова (прочла? не прочла?), но свой том она уже начала изучать и говорит о нем с насмешливой злостью.

— Предисловие могу назвать только так: «Кого бить?» Главный редактор по-прежнему твердит, что с 25-го по 40-й год я не писала*. А на самом деле: «Реквием», «Творчество», «Сказка о черном кольце»**, «Пастернаку», «Если плещется лунная жуть» (одно из лучших моих стихотворений)*** и многое другое, вам ведомое, а им неведомое. Второе предисловие — это просто эмигрантский маразм. «Ахматова не могла родиться в Москве»****. Что за чушь! А если бы моя мама в это время случайно оказалась в Москве? И почему их более устраивает, что я родилась в Одессе? Составлена книга тоже плохо. Не говорю уж о перепутанных датах... Поэма «Путем вся земля» разбросана кусками по всей книге... Редактор не заметил, что куски эти — всего лишь отрывки из единой вещи, что все они написаны размером, который более нигде у меня не встречается. Мне подарены два чужие стихотворения — да! да! — вместе с моими вставлены два чужие: одно — «Закат»***** и еще одно... забыла... от мужского имени...*****

Умолкла. Длинная речь вызвала одышку.

Помолчала.

* Насчет того, писала ли или не писала Ахматова с 26-го по 40-й год, — см. Приложение 2. — Примеч. ред. 1996.

** Продолжение «Сказки о черном кольце» писалось именно в тридцатые годы; окончена она в 36-м и не печаталась вплоть до 40-го; в предыдущие же десятилетия, например, в 1923 году, вещь эта публиковалась как «Два отрывка из сказки “О черном кольце”» (см. «Anno Domini», Берлин, 1923).

*** БВ, Тростник; дата — 1928.

**** Анна Ахматова. Сочинения. Т.1 [USA, 1-е изд.], 1965, с. 17.

***** Там же, с. 260.

***** «Одна звезда живет в моем саду» — там же, с. 284.

Потом:

— Не скрою от вас: пишу на отдельном листе замечания под фамильярным заглавием «для Лиды».

Интересно!

И тут — странная случайность! Совпадение. Не успела Анна Андреевна окончить свой монолог о книге и помянуть эпистолу «для Лиды», как в палату вошла Ирина Николаевна Пунина, только что из Ленинграда, поздоровалась и положила на тумбочку возле постели тот же том! первый том Собрания, полученный на имя Ахматовой в Питере. И кипу писем.

Прежде чем взглянуть, откуда письма и от кого, Анна Андреевна пристроила на поднятых коленях оба одинаковые экземпляра — и один протянула мне.

— Прекрасно! Теперь будем читать вместе, хотя и врозь. Заведите, по моему примеру, особый листок и пишите все, что заметите.²⁴⁵

Я думала было сразу уйти, чтоб не мешать встрече Анны Андреевны с Ириной и, главное, чтоб скорее, скорее приняться за чтение, но Анна Андреевна уйти не позволила. Она со смехом и очень подробно пересказала «Эвтерпу с берегов Невы». Я так и надеялась, что ирония Рихтера не обидит ее и она сквозь иронический тон угадает хвалу*.

Я спросила, что говорят врачи, скоро ли выпишут ее из больницы и куда она после больницы отправится.

— Выпишут меня скоро. Уже научили ходить. Требуют, чтобы я ни в коем случае после больницы никуда не ехала, кроме специального санатория. Сразу. А я поеду на Ордынку. Я никуда из Москвы не уеду, не повидав всех друзей.

Потом вдруг:

— Чуть не забыла. Я приготовила для вас дивный подарок: копию письма Тарковского о моей поэзии. Вот, возьмите.²⁴⁶

---

* О Г.-В.Рихтере см. ²⁴⁷.

Примеч. ред. 1996: Его статья, сохранившаяся в архиве Лидии Чуковской в переводе на русский, помещена нами в *Приложении 3*.

Для Лиды.

- 1. Закат
- 2. Одна звезда (284) } Не признаю своим

Если пишется 1 дек 1928. / Казань
Дага) "Мой город" - 1929

Вз. - 1935 - 1940.
1936 - один из удачнейших годов

Безградно перенос. стих. "Упадком."
За "Миром" (1) - первое в стих. ...

Нет - последний год (серг. 1922. Фрейта Марселю.)

Будет: Один идет. - 7 то войну, то гули
А человек, который мат.
5 Вмесе: Посылаем к улей из сити

Опечатка
7 Вадис с шестьюстами просились
6 стихах к Марселю - Марселю саз баше

Машина с 19 инв. Борис Петрович
"Неприсланы..."

"Котина ежика, (Алексва) Написана
"Дайте" (Разилев) и уже дана "Твор."
"От тебя в серии." В марте - "Мандельштам"
(Ворошиль). Одно видится в пасквиле Ворон

20 февраля 66

«Лицо Ахматовой — единственно прекрасное в мире, что осталось у нас», — сказал мне перед своим отъездом в Ленинград Иосиф.

Утром сегодня позвонила мне, наконец, Анна Андреевна. Вчера она вернулась из больницы к Ардовым, на Ордынку. Не послушалась, значит, врачей, настаивавших, чтобы она, никуда не заезжая, отправлялась прямо в Домодедово. Да и Союз Писателей не побеспокоился вовремя достать путевку.

Позвонила она мне с утра — привыкла, видно, в больнице рано вставать.

— Лидия Корнеевна, когда вы, наконец, придете? Я очень соскучилась, а вы все больны и больны. Поправляйтесь скорее и приходите. Ведь вы так и не дали мне отчет о моем первом томе.

Я объясняю: больна. Предписан постельный режим.

— Да, да, мне и Ника говорила, но я не поняла, что с вами.

Объясняю: «декомпенсация». «Дефицит».

— Дефицит?

Объясняю: сердце — 140 ударов в минуту, пульс 80. Мне велят побольше лежать и делают уколы строфантина.

— У меня за всю жизнь пульс не был более семидесяти двух, — наставительно сказала Анна Андреевна.

Я спросила, как она преодолела ардовскую лестницу. Хоть этаж невысокий, второй — а все же...

— Я ее и не заметила. По лестнице меня научили еще в больнице... Если вы не скоро поправитесь, я приеду вас навещать. Ждите!

Отлично! У нас хоть и шестой этаж, но, слава Богу, лифт.

И как счастлива буду я снова увидеть ее! Доложу свои впечатления о первом томе, расскажу об Иосифе — мы ведь много общались с ним в январе — и дома в Москве, и в Переделкине. Деду он читал «Новые стансы к Августе», Дед очень хвалил, но, кажется, Иосиф остался не-

доволен.²⁴⁸ Читает он так напористо, что с него течет пот. Иногда кажется красивым, похож на фотографии молодого Блока. О Мандельштаме сказал: «Знаете, Лидия Корнеевна, есть общее в судьбе. Но я несчастнее». Я: — Не грешите, Иосиф. «Нет, правда». О Цветаевой восторженно: «Она одна понимала: всё кончено»... Ходил к Твардовскому в «Новый Мир». Твардовский ему: «В ваших стихах не отразилось то, что вы пережили». И пригласил к себе домой — поговорить о поэзии. Иосиф в ответ: «Не стоит»...

Я показала ему наше с Володей письмо в «Известия» по поводу Синявского и Даниэля. Он с грустью: «А мне соваться нельзя, я все своим именем испорчу». (А мы — что? Помогли? И весь мир? Страшнейший приговор они получили...)

27 февраля 66

Звонила Анна Андреевна. Длинный разговор о первом томе Сочинений. Собственно, не разговор, а монолог. Я, лежа, успела уже проштудировать том и составила: 1) длинный список замеченных мною ошибок и 2) вопросы свои к Ахматовой — даты, тексты и пр. Общее впечатление у меня двойственное: радуешься «Реквиему» и т. п., огорчаешься неряшеством, путаницей, полужнайством, опечатками. Но все это не для телефонного разговора, все это я откладываю до нашей встречи. (В частности потому, что, когда говорю в трубку, усиливается сердцебиение.)

— Не книга, а полуфабрикат, — говорит Анна Андреевна. — Не книга, а гранки или верстка. Ее всю надо выправить красными чернилами и послать редакторам. Я так и сделаю. Все перепутано. А еще претендуют на академичность! В довершение бедствия, вставлено множество моих стихов, которые я не разрешала публиковать сознательно, потому что это плохие стихи... Приходите скорее! Я уверена, что вы во всем согласны со мной. Поправляйтесь!

1 марта 66

Опять неудача. Я чувствую себя лучше (строфантин отменен) и собралась было ехать к ней. Люша обещала сопровождать меня туда и обратно (на машине, разумеется). Я позвонила. Подошла Аничка. Оказывается, Анне Андреевне хуже, снова был сердечный приступ, ей делают строфантин, не разрешают двигаться, принимать гостей и говорить по телефону. Она лежит. Я спросила, как же она третьего поедет в Домодедово? (Достали путевку для нее и Нины Антоновны.) Аня говорит: доктор велел не ехать, а лежать.

3 марта 66

Какая досада! Я позвонила на Ордынку, чтобы справиться о здоровье и сказать — «если лучше, могу придти!», а Виктор Ефимович (почему-то с раздражением) ответил мне:

— Вы опоздали. Двадцать минут назад они с Ниной уехали в Домодедово.

— Как?! Ведь доктор велел лежать!

— А другой доктор отменил строфантин и велел как можно скорее на воздух.

Теперь когда же мы увидимся? Когда у меня хватит сил туда добраться?

5 марта 66, вечер

Конец.

Мне сказала Люша. Мне сегодня было получше. Я встала с утра, самостоятельно мылась, из ванной пошла на кухню. Люша у плиты.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросила она необычайно бодрым голосом.

— Крепче гораздо.

— Не стой. Тебе стоять вредно.

Люша придвинула мне табуретку. Я села.

— Мама! Случилось ужасное несчастье. Сегодня утром в Домодедове умерла Анна Андреевна.

Стихотворения

Анны Ахматовой

---

*те, без которых
понимание моих записей
затруднено*

ПРЕДВЕСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

...toi qui m'as consolé
Gerard de Nerval*

Меж сосен метель присмирела,
Но, пьяная и без вина,
Там, словно Офелия, пела
Всю ночь нам сама тишина.
А тот, кто мне только казался,
Был с той обручен тишиной,
Протившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной.

10 марта 1963
Комарово

ЧЕРЕЗ 23 ГОДА

Я гашу те заветные свечи,
Мой окончен волшебный вечер,—
Палачи, самозванцы, предтечи
И, увы, прокурорские речи,
Всё уходит — мне снишься ты.
Доплясавший свое пред ковчегом,
За дождем, за ветром, за снегом
Тень твоя над бессмертным берегом,
Голос твой из недр темноты.
И по имени! Как неустанно
Вслух зовешь меня снова... «Анна!»
Говоришь мне, как прежде, — «Ты».

13 мая 1963
Комарово

Холодно, сыро, мелкий дождь

---

* Ты, которая меня утешала. Жерар де Нерваль (франц.).

№ 101 к стр. 72

ИЗ ПЬЕСЫ «ПРОЛОГ»

ГОВОРIT ОНА:

Никого нет в мире бесприютней
И бездомнее, наверно, нет.
Для тебя я словно голос лютни
Сквозь загробный призрачный рассвет.
Ты с собой научишься бороться,
Ты, проникший в мой последний сон.
Проклинай же снова скрип колодца,
Шорох сосен, черный грай ворон,
Землю, по которой я ступала,
Желтую звезду в моем окне,
То, чем я была и чем я стала,
И тот час, когда тебе сказала,
Что ты, кажется, приснился мне.
И в дыхании твоих проклятий
Мне иные чудятся слова:
Те, что туже и хмельней объятий,
А нежны, как первая трава.

ГОВОРIT ОН:

Будь ты трижды ангелов прелестней,
Будь родной сестрой заречных ив,
Я убью тебя моею песней,
Кровь твою на землю не пролив.
Я рукой своей тебя не трону,
Не взглянув ни разу, разлюблю,
Но твоим невероятным стоном
Жажду наконец я утолю.
Ту, что до меня блуждала в мире,
Льда суровой, огненной огня,
Ту, что и сейчас стоит в эфире, —
От нее освободишь меня.

слышно издали:

Лаской страшишь, оскорбляешь мольбой,
Входишь без стука.
Всё наслаждением будет с тобой —
Даже разлука.
Пусть разольется в зловещей судьбе
Алая пена,
Но прозвучит как присяга тебе
Даже измена...
Той, что познала ужас и честь
Жизни загробной...
Имя твое мне сейчас произнести —
Смерти подобно.

ПЕСЕНКА СЛЕПОГО:

Не бери сама себя за руку...
Не веди сама себя за реку...
На себя пальцем не показывай...
Про себя сказку не рассказывай...
Идешь, идешь — и споткнешься.

№ 102 к стр. 99

ПЯТАЯ РОЗА

Дм. Б-ву

1

Звалась Soleil* ты или Чайной
И чем еще могла ты быть,
Но стала столь необычайной,
Что не хочу тебя забыть.

2

Ты призрачным сияла светом,
Напоминая райский сад,
Быть и петрарковским сонетом
Могла, и лучшей из сонат.

* Солнце (*франц.*).

3

И губы мы в тебе омочим,
 А ты мой дом благослови,
 Ты как любовь была... Но, впрочем,
 Тут дело вовсе не в любви.

*Нач. 3 августа (полдень),
 под «Венгерский дивертисмент» Шуберта
 Оконч. 30 сентября 1963. Буджа*

№ 103 к стр. 120

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Среди морозной праздничной Москвы,
 Где протекает наше расставанье
 И где, наверное, прочтете вы
 Прощальных песен первое издание —
 Немного удивленные глаза:
 «Что? Что? Уже?.. Не может быть!»

— «Конечно!..»

И святочного неба бирюза,
 И всё кругом блаженно и безгрешно...
 Нет, так не расставался никогда
 Никто ни с кем, и это нам награда
 За подвиг наш.

№ 104 к стр. 145

Сердце к сердцу не приковано,
 Если хочешь — уходи.
 Много счастья уготовано
 Тем, кто волен на пути.
 Я не плачу, я не жалеюсь,
 Мне счастливой не бывать.
 Не целуй меня, усталую, —
 Смерть придет поцеловать.

Дни томлений острых прожиты
Вместе с белою зимой.
Отчего же, отчего же ты
Лучше, чем избранник мой?

1911

№ 105 к стр. 145

Молюсь оконному лучу —
Он бледен, тонок, прям.
Сегодня я с утра молчу,
А сердце — пополам.
На рукомыльнике моем
Позеленела медь.
Но так играет луч на нем,
Что весело глядеть.
Такой невинный и простой
В вечерней тишине,
Но в этой храмине пустой
Он словно праздник золотой
И утешенье мне.

1909

№ 106 к стр. 161

Как ты можешь смотреть на Неву,
Как ты смеешь всходить на мосты?..
Я не даром печальной слышу
С той поры, как привиделся ты.
Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд,
И малиновые костры,
Словно розы, в снегу цветут.

1914

Высокие своды костела
Синей, чем небесная твердь...
Прости меня, мальчик веселый,
Что я принесла тебе смерть —

За розы с площадки круглой,
За глупые письма твои,
За то, что, дерзкий и смуглый,
Мутно бледнел от любви.

Я думала: ты нарочно —
Как взрослые хочешь быть.
Я думала: томно-порочных
Нельзя, как невест, любить.

Но всё оказалось напрасно.
Когда пришли холода,
Следил ты уже бесстрастно
За мной везде и всегда,

Как будто копил приметы
Моей нелюбви. Прости!
Зачем ты принял обеты
Страдальческого пути?

И смерть к тебе руки простерла...
Скажи, что было потом?
Я не знала, как хрупко горло
Под синим воротником.

Прости меня, мальчик веселый,
Совенок замученный мой!
Сегодня мне из костела
Так трудно уйти домой.

Ноябрь 1913

№ 108 к стр. 162

БЕЛЫЙ ДОМ

Морозное солнце. С парада
Идут и идут войска.

Я полдню январскому рада,
И тревога моя легка.

Здесь помню каждую ветку
И каждый силуэт.
Сквозь инея белую сетку
Малиновый каплет свет.

Здесь дом был почти что белый,
Стеклянное крыльцо.
Столько раз рукой помертвелой
Я держала звонок-кольцо.

Столько раз... Играйте, солдаты,
А я мой дом отыщу,
Узнаю по крыше покатоЙ,
По вечному плющу.

Но кто его отодвинул,
В чужие унес города
Или из памяти вынул
Навсегда дорогу туда...

Волынки вдали замирают,
Снег летит, как вишневый цвет...
И, видно, никто не знает,
Что белого дома нет.

Лето 1914

Слепнево

№ 109 к стр. 162

И мнится — голос человека
Здесь никогда не прозвучит,
Лишь ветер каменного века
В ворота черные стучит.
И мнится мне, что уцелела
Под этим небом я одна, —
За то, что первая хотела
Испить смертельного вина.

1917

№ 110 к стр. 162

Все ушли, и никто не вернулся,
Только, верный обету любви,
Мой последний, лишь ты оглянулся,
Чтоб увидеть всё небо в крови.
Дом был проклят, и проклято дело,
Тщетно песня звенела нежней,
И глаза я поднять не посмела
Перед страшной судьбою своей.
Осквернили пречистое слово,
Растоптали священный глагол,
Чтоб с сиделками тридцать седьмого
Мыла я окровавленный пол.
Разлучили с единственным сыном,
В казематах пытали друзей,
Окружили невидимым тыном
Крепко слаженной слезки своей.
Наградили меня немотою,
На весь мир окаянно кляня,
Обкормили меня клеветою,
Опоили отравой меня

И, до самого края доведши,
Почему-то оставили там.
Любо мне, городской сумасшедшей,
По предсмертным бродить площадям.

<1959>

№ 111 к стр. 172

О.Мандельштаму

Я над ними склонюсь, как над чашей,
В них заветных заметок не счесть —
Окровавленной юности нашей
Это черная нежная весть.

Тем же воздухом, так же над бездной
Я дышала когда-то в ночи,
В той ночи и пустой и железной,
Где напрасно зови и кричи.

О, как пряно дыханье гвоздики,
Мне когда-то приснившейся там, —
Это кружатся Эвридики,
Бык Европу везет по волнам.

Это наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой,
Это плещет Нева о ступени,
Это пропуск в бессмертие твой.

Это ключики от квартиры,
О которой теперь ни гу-гу...
Это голос таинственной лиры,
На загробном гостящей лугу.

1957

№ 112 к стр. 194

ЧЕРЕПКИ

*You cannot leave your
mother an orphan.*

I

Joyce*

Мне, лишенной огня и воды,
Разлученной с единственным сыном...
На позорном помосте беды,
Как под тронным стою балдахином...

II

Вот и доспорился, яростный спорщик,
До енисейских равнин...
Вам он бродяга, шуан, заговорщик,
Мне он — единственный сын.

III

Семь тысяч три километра...
Не услышишь, как мать зовет
В грозном вое полярного ветра,
В тесноте обступивших невзгод,
Там дичаешь, звереешь — ты милый,
Ты последний и первый, ты — наш.
Над моей Ленинградской могилой
Равнодушная бродит весна.

IV

Кому и когда говорила,
Зачем от людей не таю,
Что каторга сына сгноила,
Что Музу засékли мою.
Я всех на земле виноватей,
Кто был и кто будет, кто есть,
И мне в сумасшедшей палате
Валяться — великая честь.

* Ты не можешь оставить свою мать сиротой. Джойс
(англ.).

V

Вы меня, как убитого зверя,
На кровавый подымете крюк,
Чтоб хихикая и не веря
Иноземцы бродили вокруг
И писали в почтенных газетах,
Что мой дар несравненный угас,
Что была я поэтом в поэтах,
Но мой пробил тринадцатый час.

№ 113 к стр. 242

Земля хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.

На дне песок белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.

1964

№ 114 к стр. 243

ПАМЯТИ В.С.СРЕЗНЕВСКОЙ

Почти не может быть, ведь ты была всегда:
В тени блаженных лип, в блокаде и в больнице,
В тюремной камере и там, где злые птицы,
И травы пышные, и страшная вода.
О, как менялось всё, но ты была всегда,

И мнится, что души отъяли половину,
Ту, что была тобой, — в ней знала я причину
Чего-то главного. И всё забыла вдруг...
Но звонкий голос твой зовет меня оттуда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.
Ну что ж! попробую.

9 сентября 1964

Комарово

За сценой

Факты, люди, книги, документы

Л.К.Чуковская скончалась 7 февраля 1996 года. К сожалению, она не успела полностью завершить работу над третьим томом своих «Записок».

Все записи об Ахматовой, вошедшие в последний том, были подготовлены ею к печати еще в 1990 году. Тогда же был написан почти весь отдел «За сценой». Однако, материалы для этого отдела продолжали стекаться, и Л.К. дополняла его всё новыми сведениями. Незавершенные пояснения и заготовки для них были собраны в папку «Копилка для 3-го тома».

В январе 1996 года Лидия Корневна перечла третий том своих записей и отметила места необходимых добавлений в отдел «За сценой».

По материалам «Копилки» работа над отделом «За сценой» была нами завершена.

Эти новые пояснения отмечены в книге как «Примеч. ред. 1996».

В тексте «Записок» сохранена авторская манера написания каждого слова в названии учреждения, книги или журнала с большой буквы.

¹ *Одоевцева возвела на него напраслину.* — Ахматова имеет в виду утверждение И.Одоевцевой, что Н.Гумилев участвовал в контрреволюционном заговоре:

«О причине гибели Гумилева существует много догадок, — пишет Одоевцева. — Вот что об этом знаю я.

В конце апреля я сидела в кабинете Гумилева перед его письменным столом, а он... читал мне переплетенные в красный сафьян «Maximes» Вовенарга...

Я, как я это часто делала... слегка вдвигала и выдвигала ящик его письменного стола... Не рассчитав движения, я вдруг совсем выдвинула ящик и громко ахнула. Он был туго набит пачками кредиток...

— Простите, — забормотала я, — я нечаянно... Я не хотела... Не сердитесь...

И он, взяв с меня клятву молчать, рассказал мне, что участвует в заговоре. Это не его деньги, а деньги для спасения России. Он стоит во главе ячейки и раздает их членам своей ячейки... с этого дня я знала, что Гумилев действительно участвует в каком-то заговоре...»

На следующих страницах книги Одоевцевой участие Гумилева в заговоре обрастает новыми деталями. Зайдя к нему, она застаёт его за пересматриванием книг. Он объясняет: «Я ищу документ. Очень важный документ. Я заложил его в одну из книг и забыл в какую». Из дальнейшего рассказа выясняется, что Гумилев ищет «черновик кронштадтской прокламации». Завершается эпизод сообщением:

«После ареста Гумилева, при обыске на Преображенской, 5, чекисты искали более умело и тщательно, и нашли, кажется, черновик.

В списке предъявленных Гумилеву обвинений значилось: принимал деятельное участие в составлении контрреволюционной прокламации». (И.Одоевцева. На берегах Невы. М.: Худож. лит., 1988, с. 275—277, 279-280; книга Одоевцевой вышла в Париже в 1967 году, уже после кончины

Ахматовой. Однако, отрывки из книги печатались в парижских газетах и журналах, начиная с 1962 года.)

Теперь, когда «дело Гумилева» доступно историкам, недостоверность рассказа Одоевцевой и правоту Ахматовой легко установить.

- ² Я постаралась возможно скорее исполнить просьбу Анны Андреевны: приготовить для нее «материал», «шпаргалку», «колодку».

Вот что написала о Богатыреве Ахматова:

«В Приемную комиссию Союза Писателей

Я давно наблюдаю за работой К.Богатырева. Он обладает тонким вкусом, обширными познаниями в зарубежной — особенно немецкой — литературе и несомненным поэтическим даром. К.Богатыреву присуще изощренное чувство стиля, которое позволяет ему мастерски передавать индивидуальности самых разных художников. Диапазон его широк: так, им блестяще воспроизведены на русском языке стихотворения Райнера Мариа Рильке, одного из крупнейших германских лириков, и не менее трудные для перевода сатирические стихи, принадлежащие перу поэта-антифашиста Эриха Кестнера. Образный строй, словарь и ритмика обоих, столь непохожих друг на друга поэтов, переданы переводчиком с безупречной точностью, большой находчивостью и свободой.

Горячо рекомендую Константина Петровича Богатырева в члены Союза Писателей.

Анна Ахматова

12 января 1963

Москва»

О К.Богатыреве см.¹².

- ³ Я очень боюсь за Осипа, — то есть за судьбу стихотворений Осипа Мандельштама в Большой серии «Библиотеки Поэта». Опасения Анны Андреевны оказались не напрасны: сборнику не удавалось выйти в свет более десятилетия. Вышел он уже после кончины Ахматовой. Трудно было стихам проходить сквозь цензуру, большим препятствием для издания служила и сама биография автора. Издательству следовало найти литератора, который согласился бы не писать об арестах Мандельштама и о его смерти в лагере. Такой был в конце концов найден в лице А.Дымшица. В своем предисловии он упоминает, что поэт жил в

Чердыни, жил в Воронеже, но ни намеком не дает понять читателю, что и Чердынь и Воронеж были местами ссылки и что умер Мандельштам — после тюрьмы! — в пересыльном лагере под Владивостоком.

- ⁴ 6 000 000 обвиняют. Речь израильского прокурора на процессе Эйхмана. Иерусалим. Издание информационного отдела Министерства иностранных дел. 1961. (С приложением тринадцати фотографий.)

Речь прокурора начиналась словами:

«Представ здесь перед вами, Судьи Израиля, дабы вести обвинение против Адольфа Эйхмана, я не один стою. Со мной вместе в этот час — шесть миллионов обвинителей. Но они не могут встать... и воскликнуть: “Я обвиняю!” Их пепел развеян по холмам Освенцима и по полям Трешлинка и рассыпан по полям Польши. Их могилы разбросаны вдоль и поперек Европы... Итак, я буду за них говорить и от их имени предьявляю ужасающий обвинительный акт».

По приговору суда Эйхман был повешен.

- ⁵ Высмеивая Станислава Куняева за обороты речи, представлявшиеся и мне, и Ахматовой малограмотными, — мы обе оказались непрозорливы. Сейчас (1990) такое сочетание слов, как «редактор сказала» или «врач велела», принято и распространено не только в устной, но и в газетной, журнальной и вообще литературной речи. Никто не воспринимает этот оборот как уродство, как нарушение языковых норм. Они общеприняты. То же относится и к слову «матерьял», встречающемуся в письме Куняева. Ахматова не привыкла, чтобы стихи (или проза, или статья) именовались «матерьялом».

Мой вопрос «кто такая эта Куняев» тоже в настоящее время должен представляться читателям совершенно неправильным. **Станислав Юрьевич Куняев** (р. 1932) — известный поэт и известный редактор журнала «Наш современник». Он — автор многих стихотворных сборников — см., например, «Звено» (1962); «Глубокий день» (1978); «Озеро Безымянное» (1983).

Как поэт, Куняев особо прославился стихотворением, украшенным декларативной строкой: «Добро должно быть с кулаками» (из сб. «Землепроходцы», 1960, с. 25). Редактируемый им с октября 1989 года журнал «Наш современник» предоставляет свои страницы проповеди угрожающего,

демонстративного патриотизма и скрытого — а иногда и откровенного! — антисемитизма.

6 Александр Григорьевич Дементьев (1904—1986).

Цитирую КЛЭ: «...критик, литературовед... Автор монографии “Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 гг.” (1951)... автор учебника по истории советской литературы для средней школы (вместе с Е.Наумовым и Л.Плоткиным)... Выступил в печати в 1939. В 1948—53 руководил кафедрой советской литературы ЛГУ, в 1951—53 — отделом критики журнала “Звезда”. В 1953—55 и с конца 1959 — заместитель главного редактора журнала “Новый мир”...».

Вот как характеризует роль Александра Григорьевича в редакции Солженицын, имевший с ним дело в пору публикации своих повестей и рассказов.

«Они были на “ты”, очень всегда запросто, оба — Саши. Никто в редакции не смел Твардовскому возражать, один Дементьев поставил себя с независимым мнением и вволю спорил, и даже так устоялось, что Твардовский никакого решения не считал окончательным, не столкнувшись с Дементьевым, — не убедя или не уступя. А особенно дома (они в одном доме на Котельнической жили) Дементьев умел брать верх над Главным: Твардовский и кричал на него, и кулаком стучал, а чаще соглашался. Так незаметно один Саша за спиной другого поднаправлял журнал...» (БТД // НМ, 1991, № 6, с. 21).

В 1963 году в руки А.Г.Дементьева попал «Реквием» Анны Ахматовой. Какова была его судьба внутри редакции, кто явился инициатором отвержения — какую роль сыграл тут «политический комиссар», как называет Дементьева А.Солженицын (там же, с. 27), мне неизвестно.

7 К.Г.Паустовский в Париже дал интервью журналисту газеты «Les Lettres françaises» (№ 955, du 7 au 13 decembre 1962) Морису Марку. Разговор шел о современной советской литературе, в частности, о влиянии поэзии на прозу. «Я всегда утверждал, — заявил Паустовский, — что прозаик, не любящий поэзию, — не настоящий прозаик. Поэзия открывает нам в чистом виде ценность слова, она очищает язык от той грязи, которой он покрывается при каждодневном употреблении».

Об Анне Ахматовой в дальнейшем разговоре Паустовский отозвался так:

«Из старших современников Ахматова на сей день наш самый крупный поэт. Ее имя можно поставить в один ряд с именами наших величайших».

⁸ В 1988 г. в Советском Союзе создано общество «Мемориал», занимающееся, в частности, поисками мест, где были тайком и безымянно зарыты те, кто расстрелян при Сталине. Об учреждении этого общества, о его составе и целях см. в газете «Советская культура» 21 июля, а также в «Литературной газете» 27 июля и 10 августа 1988 года.

⁹ *Эстрадничи!*. — Н.Готхард, который бывал у Ахматовой в 1963—65 годах, записал такой разговор с ней 24 марта 1963 года:

«Интересуюсь, как относится Анна Андреевна к Евтушенко и Вознесенскому, чьи публикации и выступления на эстраде имеют шумный успех.

Анна Андреевна отвечает, отделяя каждое слово:

— Это гениальные эстрадные поэты. Они хорошо воспринимаются на слух. Игорь Северянин тоже был талантливым эстрадником» («Двенадцать встреч», с. 236). — *Примеч. ред. 1996.*

¹⁰ Несмотря на то, что в нашем разговоре о статье «Пушкин и Невское взморье» Ахматова отвергла предложенное мною начало как «популяризаторское», — она использовала его, работая над другой статьей, — «Пушкин в 1828 году», — объяснив читателю, кто такой был Титов и что за «Уединенный домик на Васильевском» (см. ОП, с. 218).

¹¹ А дело было в том, что Анну Андреевну занимало обнаруженное ею в связи с работой «Пушкин в 1828 году» сопоставление одного пушкинского письма — с «Уединенным домиком на Васильевском». Так, в письме к Н.В.Путяте (1828 г.) Пушкин писал:

«Вчера, когда я подошел к одной даме, разговаривавшей с г-ном де Лагрэнэ, последний сказал ей достаточно громко, чтобы я его услышал: прогоните его. Поставленный в необходимость потребовать у него объяснений по поводу этих слов, прошу вас, милостивый государь, не отказать посетить г-на Лагрэнэ для соответственных с ним переговоров». [Перевод с французского.]

Ахматова обнаружила — и в этом было ее «открытие» — что в «Уединенном домике» существует изображение весьма сходного эпизода:

«Он увидел, что она в стороне говорит тихо с одним мужчиною... любопытство, ревность заставили Павла подойти ближе, и ему послышалось, что мужчина произносит его имя, шутит над его дурным французским выговором, а графиня изволит отвечать на это усмешками. Наш юноша взбесился, хотел тут же броситься и наказать насмешника...» (ОП, с. 218-219).

¹² ...*доносились голоса общей беседы...* — Среди этих голосов — голос Кости Богатырева.

Константин Петрович Богатырев (1925—1976) — поэт и поэт-переводчик; германист; знаток русской и германской поэзии. В кругу литераторов он стал известен прежде всего как переводчик стихов Райнера Мариа Рильке. В 1961 году Ахматова подарила ему свою книжку [«Стихотворения» (1958)] с такою надписью: «Константину Петровичу Богатыреву за чудесные переводы Рильке. Ахматова. 4 февраля 1961 года. Москва».

Переводил он Гете и Томаса Манна, Эриха Кестнера и Эрвина Штритматтера, и др.

В 1968 году Богатырев снимался в фильме Генриха Бёлля «Ф.М.Достоевский и Петербург»: Генрих Бёлль к этому времени уже был его близким другом. Из русских современных поэтов более всех К.Богатырев любил Бориса Пастернака; Борис Леонидович, так же как и Анна Андреевна, высоко отзывался о работе Константина Петровича.

Однако судьба не щадила талантливого труженика. Жизнь его была тяжела, изломана, смерть — страшна и загадочна. В 1951 году, по фантастическому обвинению в намерении взорвать Кремль, Богатырев был приговорен к расстрелу; шесть недель просидел в камере смертников; затем расстрел заменили ему «сроком»: 25 лет. В 1956 году он, реабилитированный, вернулся в Москву, занялся германистикой, переводами; в 1965-м стал членом Союза Писателей. А 26 апреля 1976 года, ранним вечером, упал, обливаясь кровью, у дверей своей квартиры в писательском доме. Неизвестное лицо — или неизвестные лица — нанесли ему два удара по черепу и он скончался после пятидесяти трех суток тяжких страданий.

(В 1982 г., в Мюнхене, в издательстве Отто Загнера вышла книга: Поэт-переводчик Константин Богатырев. Друг немецкой литературы / Редактор-составитель Вольфганг Ка-

зак при участии Льва Копелева и Ефима Эткинда. — О Константине Богатыреве см. также в моей книге «Процесс исключения», с. 306—314.)

- ¹³ В своих воспоминаниях о многочисленных встречах с Ахматовой в Ташкенте — «Восточный полдень Анны Ахматовой» — жена композитора Козловского высказывает предположение, что стихи «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума» обращены к ее мужу («Звезда Востока», 1990, № 12, с. 133). Это предположение могут подтвердить заключительные строки первого варианта:

Пришли наяву ли, во сне ли
Мне голос азийской свирели.

В мемуарах Козловской, напечатанных в сборнике «Воспоминания» и озаглавленных «Мангалочий дворик...», предположение это, однако, изъято.

Примеч. ред. 1996: Алексей Федорович Козловский (1905—1977) — композитор и дирижер. С 1936 года находился в ссылке в Ташкенте. Среди ташкентских стихов к А.Козловскому прямо обращено «Явление луны» из цикла «Луна в зените», снабженное в «Беге времени» (Седьмая книга) посвящением: А.К.

Композитор Козловский написал музыку к ахматовской «Иве», к «Царскосельской статуе», к «Поэме без героя» (отрывки). Отрывки были выбраны им вместе с Ахматовой. См.: Б.Кац, Р.Тименчик. Ахматова и музыка. Л.: Сов. композитор, 1989, с. 68-69 и там же в Приложении — ноты.

- ¹⁴ Н.Готхард записал рассказ Ахматовой об этой встрече с Солженицыным:

«Он принес мне поэму. Она автобиографична. И спросил, стоит ли за нее бороться. Я сказала, что одного моего мнения недостаточно, пусть даст еще кому-нибудь. Он сказал, что ему достаточно моего мнения. Я сказала, что бороться за эту поэму не стоит» («Двенадцать встреч», с. 235, 236).

По словам А.Солженицына, он прочел Ахматовой первые две главы из своей поэмы «Дороженька».

Поэма, включающая одиннадцать глав, не опубликована до сих пор. — *Примеч. ред. 1996.*

- ¹⁵ Речь идет о книге И.Берлина «The Hedgehog and the Fox» («Еж и Лиса»), посвященной взглядам Льва Толстого на ис-

торию. Она вышла в 1957 году в издательстве «New American Library».

¹⁶ **Зоя Афанасьевна Масленикова** (р. 1923), изучавшая в Университете английский язык, одно время работала в английском отделе ТАСС. Но работа эта не пришлась ей по душе, она оставила ТАСС и начала зарабатывать, давая частные уроки английского. Скульптуре она не обучалась нигде и в этом отношении — самородок. 22 июня 1958 г. Масленикова приехала в Переделкино к Пастернаку и попросила разрешения лепить его. Позировать он согласился. Сеанс следовал за сеансом, разговор за разговором. Эти беседы Зоя Афанасьевна записывала. Отрывки из записей о Пастернаке напечатаны в 1978-79 годах в журнале «Литературная Грузия», а целиком в 1988 году в «Неве», в №№ 9 и 10.

С Анной Ахматовой Масленикова познакомилась уже после кончины Бориса Леонидовича, 27 декабря 1962 года, когда Анна Андреевна гостила на проспекте Мира у вдовы Г.А.Шенгели, Нины Леонтьевны. Туда, по просьбе Ахматовой, Масленикова привезла скульптурный портрет Пастернака.

«Анна Андреевна смотрела портрет, я бы сказала, профессионально: вдумчиво, не торопясь, в разных ракурсах. Портрет ей понравился», — пишет Масленикова в своих воспоминаниях (см.: Панорама искусств, 9. М.: Сов. художник, 1986, с. 150). И когда Масленикова предложила Ахматовой лепить ее, Анна Андреевна согласилась.

С тех пор, приезжая в Москву, Ахматова не раз позировала Зое Афанасьевне — то́ на Ордынке у Ардовых, то́ в Лаврушинском у Маргариты Иосифовны Алигер.

Окончить работу при жизни Анны Андреевны Зое Афанасьевне, однако, не удалось. После каждого сеанса она оставалась недовольна своими эскизами. Когда же Ардов известил ее о кончине Ахматовой, она приехала в морг и сняла с нее посмертную маску. Только после смерти Анны Андреевны Масленикова снова принялась работать над прежними эскизами и окончила наконец портрет.

Портрет Пастернака, много раз переделывавшийся и при жизни и после кончины уже по памяти, сохранен. Портрету Ахматовой не суждено было уцелеть.

•Портрет... никогда не выставлялся, стоял в моей мастерской, и мало кто его видел. Летом 1978 года моя мастерская

пострадала: хранившиеся там работы все до одной были уничтожены, пол был сплошь завален обломками гипса, изодранными в клочья рисунками, стихами, дневниками, письмами. Среди них валялись и куски портрета Анны Андреевны. У меня остались только фотографии с этой работы, да в квартире дочери уцелел еще один отлив посмертной маски. От греха подальше, я передала его в московский Литературный музей».

Фотографии обоих портретов — Пастернака и Ахматовой — приведены в том же выпуске «Панорамы искусств».

¹⁷ 15 февраля 1963 года К.И.Чуковский пишет в дневнике: «В Доме Творчества отдыхает Паустовский. Вчера Лида сказала мне, что он хотел бы меня видеть. Сегодня я пришел к нему утром... Дело у него ко мне такое: идиоты, управляющие Карелией, решили уничтожить чуть ли не все древние деревянные церкви. На столе у него фотоснимки этих церквей — чудесных, затейливых, гибнущих. Так и хочется реставрировать их. Подумать о том, чтобы их уничтожить, мог только изверг — и притом беспросветный тупица...

Разговор у нас был о том, чтобы послать телеграмму властям о прекращении этого варварства. Кто ее подпишет?

Леонов, Шостакович, я, Фаворский.

Паустовский предложил зайти к нему вечером. Он за это время приготовит текст». («Дневник-2», с. 332.)

17 февраля было написано письмо к Н.С.Хрущеву, которое подписали Паустовский и Чуковский. Черновик сохранился в архиве Чуковского. Там, в частности, говорилось:

«Нами получена копия письма, посланного учеными Ленинграда и Петрозаводска в редакцию «Известий» о том, что управляющий делами Совета Министров Карельской Республики — Петр Афанасьевич СЕМЕНОВ (он же — Уполномоченный по делам русской православной церкви) подписал список 116 церквей, подлежащих безотлагательному уничтожению.

Пусть сейчас мы не имеем денег на охрану и реставрацию северных памятников, но недалеко время, когда великолепные эти произведения станут объектами отечественного и мирового туризма и источником гордости нашей страны. Почти все церкви, входящие в список Семенова, являются признанными памятниками архитектурного искусства (16-го, 17-го и 18-го веков)... Мы обращаемся к Вам,

дорогой Никита Сергеевич! Мы умоляем Вас спасти наше северное искусство... от холодных рук и равнодушных сердец, иначе будет обездолена наша великая культура» (РГБ, ф. 620). — *Примеч. ред. 1996.*

¹⁸ Цикл стихотворений «Памяти М.И.Цветаевой» опубликован целиком в первом томе трехтомного Собрания сочинений Арсения Тарковского (1991).

¹⁹ М.П.Бронштейн был арестован 6 августа 1937 года и расстрелян 18 февраля 1938-го. О нем см. «Записки», т. 1, в отделе «...Но крепки тюремные затворы».

В последние годы жизни Л.Чуковская писала автобиографическую книгу под условным заглавием «Прочерк». Многие главы этой книги касаются судьбы М.П.Бронштейна и написаны на основе вновь открывшихся документов. Книга осталась незавершенной. — *Примеч. ред. 1996.*

²⁰ **Евгений Михайлович Винокуров** (1925—1993) — получил не Ленинскую, но Государственную премию гораздо позднее, в 1987 году. К 1963-му вышло уже несколько сборников его стихотворений; в 1951-м — «Стихи о долге»; в 1956-м — сборники «Синева» и «Военная лирика»; в 1958-м — «Признанья»; в 1960-м — «Лицо человеческое»; в 1962-м — сборники «Слово» и «Лирика». Винокуров не только поэт, но и эссеист, и поэт-переводчик, и автор статей о поэзии XIX и XX века, редактор-составитель многих сборников, преподаватель Литературного института. В 1961 году А.А. подарила Евгению Михайловичу сборник своих стихов с такою надписью: «Евгению Винокурову, от которого я жду стихи». «Ждали от него стихи», читали ему свои, обменивались с ним литературными впечатлениями и С.Маршак, и Борис Пастернак, и Александр Твардовский, и Илья Эренбург.

Имена Маршака, Ахматовой, Эренбурга, К.Чуковского назвал Евг. Винокуров в 1979 году, перечисляя тех, у кого он учился (ВЛ, 1979, № 3, с.132.)

В 1984 году, в третьем томе собрания его сочинений (М.: Худож. лит.), вышли в свет, среди других прозаических работ, краткие воспоминания об Анне Ахматовой.

²¹ **Егор Александрович Исаев** (р. 1926) — поэт. Цитирую КЛЭ, т. 3: «Печатается с 1945 года. Автор лирических стихотворений, поэмы «Над волнами Дуная» (1953, отд. изд.

1955) — о советских воинах, несущих службу за рубежами Родины. Поэма «Суд памяти» (1962) — лирико-философское, антифашистское произведение, посвященное борьбе за мир».

Ленинскую премию 1963 года Егор Исаев, вопреки слухам, не получил. Но бурная его карьера не пострадала. Многие из его произведений издавались и переиздавались по два раза в год, и он был щедро награждаем. В 1964-м — за поэму «Суд памяти» им была получена почетная грамота от Советского комитета защиты мира; в 1967-м — он награжден орденом Знак Почета; в 1974-м — премией «Огонька»; в 1976-м — орденом Трудового Красного Знамени; в 1980-м — Ленинской премией; в 1984-м — орденом Ленина; в 1986-м — званием Героя Социалистического Труда.

С начала 60-х годов Егор Исаев заведовал отделом поэзии в издательстве «Советский Писатель»; с 1963 года он — член редколлегии газеты «Литературная Россия»; с 1965-го — член правления Союза Писателей РСФСР; с 1981-го — рабочий секретарь Правления СП СССР. Впоследствии он — один из авторов знаменитого антисемитского «Письма писателей России», опубликованного 2 марта 1990 г. в газете «Литературная Россия».

- ²² **Михаил Ильич Ромм** (1901—1971) — автор многочисленных кинофильмов (в частности, фильмов о Ленине), не единожды лауреат Сталинских премий, многолетний профессор ВГИКа. В посмертно опубликованных воспоминаниях Ромма так рассказано о его речи в ноябре 1962 года: «Свобода [после XX и XXII съездов. — Л.Ч.] делалась все как-то ощутимее, и я в нее как-то уверовал, даже выступил на конференции Института истории искусств в ВТО и так разделал Грибачева, Кочетова и Софронова, что стало мое выступление ходить по рукам в качестве подпольного читва... Очень уж вовремя я выступил с этой речью, потому что буквально через неделю состоялось знаменитое посещение Манежа, где Хрущев... топал ногами, обрушился на левое искусство, заодно на всю культуру, на молодых поэтов... В общем, начался разгром... И мне пришлось довольно лихо. Главным образом за мое выступление в ВТО...» (Михаил Ромм. Устные рассказы. М.: Киноцентр, 1989, с. 125, 131.) Вот об этом-то «подпольном чтиве», о выступлении Михаила Ромма в ВТО, я и упомянула в разговоре с Анной Андреевной.

В качестве примера сталинизма в искусстве Ромм привел знаменитую, незадолго до смерти Сталина отшумевшую антисемитскую кампанию, притворно именуемую «борьбой с космополитизмом»:

«На обложке “Крокодила” в те годы был изображен “безродный космополит” с ярко выраженной еврейской внешностью, который держал книгу, а на книге крупно написано: “жид”. Не Андре Жид, а просто «жид». Ни художник, который нарисовал эту карикатуру, никто из тех, кто позволил себе хулиганскую выходку, нами не осужден. Мы предпочитаем молчать, забыть об этом, как будто можно забыть, что десятки наших крупнейших деятелей театра и кино были объявлены безродными космополитами... Они восстановлены — кто в партии, кто в своем Союзе, восстановлены на работе, в правах. Но разве можно вылечить, разве можно забыть то, что в течение ряда лет чувствовал человек, когда его топтали ногами, втоптывали в землю?!

А люди, которые с наслаждением, с вдохновением руководили этой позорной кампанией, изобретали, что бы еще выдумать и кого бы еще подвести под петлю, — разве они что-нибудь претерпели? Их даже попрекнуть не решились — сочли неделикатным».

Далее Ромм снова говорит об «остатках сталинизма в сознании», останавливаясь на другом примере: на кампании против итальянского неореализма, против работ целой плеяды блистательных итальянских киномастеров, создавших, по его выражению, «действительно великие, незабываемые произведения».

«Я позволил себе три года назад заступиться за итальянский неореализм, и до сих пор люди, которые настаивают на верности традициям, напоминают мне этот мой грех: как я смел заступиться за итальянский неореализм? Как я мог признать, что это течение оказало влияние на нашу молодежь? А по-моему, если оно оказало влияние на молодежь, то этого нельзя не признавать. Почему мы до бесконечности врем?... Я здесь свидетель и утверждаю: оказало!» (там же, с. 174-175, 177.)

²³ Хотя выступление М.Шолохова и не состоялось, но слухи возникли не случайно. Выступление против Солженицына готовилось к очередной встрече Н.С.Хрущева с интеллигенцией 7-8 марта. А.Солженицын рассказывает:

«У меня сохранились записи — самих совещаний, прямо там и сделанные, на коленях, и в те же вечера еще добавленные посвежу. Всё в подробностях не буду, но даже глоток того воздуха вырвать из тех залов и дать подышать опоздавшим — может быть стоит...

Встретились мы с Твардовским, и он мне сказал, поблескивая весело, но не без тревоги: "Есть фольклор, что Шолохов на подмосковной даче со 140 помощниками приготовил речь против Солженицына". А я еще так был самоуверен, да и наивен, говорю: "Побойтся быть смешным в исторической перспективе". Твардовский охнул: "Да кто там думает об исторической перспективе! Только о сегодняшнем дне"...

Тут — объявили Шолохова, я вспомнил слова Твардовского, и сердце мое пригнелось: ну, сейчас высадят из седла и меня, не много же я проехал!

В своих записях я помечал время начала каждого оратора. Ильичев и Хрущев начали в 13.25, Шолохов — в 13.50. А следующего за ним я записал — 13.51. Всего-то одну минуту, без преуменьшений, говорил наш литературный гений, это еще и со сменой. На возвышенной трибуне выглядел он еще ничтожнее, чем вблизи, да и бурчал невнятно. Он вытянул вперед открыто небольшие свои руки и сказал всего лишь: "Смотрите, я безоружный. — (Пауза.) — Вот Эренбург сказал — у него была со Сталиным любовь без взаимности. А как сейчас у вас — с нынешним составом руководства? У нас — любовь со взаимностью".

И — всё, и уже сходил, как Хрущев подал ему руку с возвышенности: "Мы любим вас за ваши хорошие произведения и надеемся, что вы тоже будете нас любить".

И всё. Этот жест безоружности и был показ, что заготовленной речи Шолохов говорить не будет. (Потом узналось: его и Кочетова предупредили против меня речей не произносить, чтобы "пощадить личный художественный вкус Хрущева". А — должны были две речи грянуть, шла банда в наступление!)

Худой волковатый Кочетов... прошелся... по "Вологодской свадьбе" Яшина, противопоставил такой пьянствующей деревне — просвещенную, ждущую журналов (его "Октября"), и закончил неудовлетворенно: — Не выбрасывать же со Сталиным и Советскую власть. Я приготовил другую речь, извините, прочел эту.

Так понять: речь-то была — против “Ивана Денисовича”. И самое время им — душисть его всеми катками! самая пора атаковать! Но — нельзя. Вот он, “культ личности”! (БТД // НМ, № 6, с. 41, 42, 49, 50, 53, 54.)

²⁴ А дело было в том, что 7 и 8 марта 1963 года состоялась «Встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства». На этой встрече Хрущев произнес речь, знаменующую «отбой»: разоблачение сталинских зверств, начатое на XX и XXII съездах партии, — прекращено. При этом Хрущев грубо накричал на Илью Эренбурга: как это посмел Эренбург в своих воспоминаниях написать, будто при Сталине все знали о его зверствах, но молчали; нет, истинные большевики не молчали; потом ни с того ни с сего наорал на Андрея Вознесенского и даже на одного молодого человека — художника И.Голицына — только за то, что тот не аплодировал ему, Хрущеву. Крики, брань и придирки были лишь формой; смысл же встречи — отказ от разоблачений Сталина. Тут-то я и поняла, что мою «Софью Петровну» прикончат. (О «мартовском погроме» см. подробно: БТД // НМ, № 6, с. 48—56; Михаил Ромм. «Четыре встречи с Хрущевым» в сборнике его «Устных рассказов» [М. 1989]; В.Каверин. Эпилог. М.: Моск. рабочий, 1989, с. 381—382; Василий Аксенов. Зима тревоги нашей, или Как марксист Никита учил писателей партийной правде // Стрелец, 1991, № 1, с. 182—190.)

Отрывок из моей «Записной книжки»:

• 11 марта меня пригласили в издательство. Художница, иллюстрирующая мою повесть, показала мне обложку и фронтиспис. Она говорила со мною так, как будто ничего не случилось и вот-вот книжка выйдет.

Но я понимала: случилось. Надежды нет.

Я позвонила Льву Ильичу Левину, одному из тамошних заправил, спросила, какова, по его мнению, будет судьба книги. Он ответил, что, конечно, в издательстве станут теперь все пересматривать — и принятое, и отвергнутое, и даже то, что уже в типографии. “Вы ждали 25 лет, — сказал он бодро, — подождите еще парочку месяцев. Через парочку месяцев будет виднее”.

(В действительности, повесть «Софья Петровна» напечатана в России только через четверть века, в 1988 году, в № 2 журнала «Нева».)

²⁵ **Александр Ильич Гитович** (1909–1966) — поэт и поэт-переводчик. О его стихах и переводах, созданных до 1955 года, привожу справку из КЛЭ:

«...Первый сборник стихов “Мы входим в Пишпек” вышел в 1931 г. Многие стихи 30-40-х гг. посвящены военно-оборонной теме. Поэма “Город в горах” (1939) повествует о борьбе Красной Армии с басмачеством в горах Таджикистана... Острая публицистичность, тонкие зарисовки пейзажа и быта дружественной страны характерны для “Стихов о Корее” (1950). В послевоенные годы Гитович — переводит классических и современных поэтов Китая и Кореи. Автор лирического сборника “Под звездами Азии” (1955)».

С середины пятидесятых годов публиковались преимущественно переводы Гитовича и главным образом с китайского и корейского. Из собственных произведений, к которым, впрочем, прибавлены и переводы — в первой половине шестидесятых, еще при жизни автора, вышли два сборника: «Звезда над рекой» (1962) и «Зимние послания друзьям» (1965). После его смерти вышло несколько книг: «Стихотворения» — в 1966-м и 1968-м годах; «Избранное» — в 1973-м и 1978-м.

Дача Гитовича в Комарове находилась на том же участке, что и «Будка» Ахматовой. Среди его стихотворений, посвященных А.А., есть такие строки:

.....
 Нам остались забор и лужайка,
 Чтобы все повидать наконец.
 Чтобы вышла седая Хозяйка,
 Приглашая гостей во дворец.

Ты забудешь вокзал и киоски,
 Ахнув, словно в кино детвора:
 Почему на высокой прическе
 Не надета корона с утра?

Все забудешь ты в этом чертоге,
 Где сердца превращаются в слух,
 Подивясь на волшебные строки,
 На ее верноподданных слуг.

Нет, на старость они не похожи,
 Потому что сюда, в кабинет,
 Или Смерть, или Молодость вхожи,
 Но для Старости доступа нет.

Может, песню ты сложишь про это,
 Чтоб друзья подивиться могли,
 Как спокойная гордость поэта
 Стала гордостью русской земли.

1960

(«Об А. А.», с. 328-329)

^{25a} *Примеч. ред. 1996:* Речь идет о стихах Александра Гитовича «Из цикла «Пикассо»», напечатанных в ленинградском альманахе «День поэзии» и в его книге «Звезда над рекой». Оба эти издания вышли в конце 1962 года. Почти одновременно правительство посетило художественную выставку в Манеже и там разразился скандал. Стихи Гитовича прозвучали как своего рода протест против вмешательства невежественной власти в искусство.

В стихотворении «Пикассо», поэт говорит:

Нет, я не варвар. Я не посягну
 На то, что мне пока еще неясно,
 И если половина мне прекрасна.
 Пусть буду я и у второй в плену.

Чтобы оценить еретичность подобных признаний, достаточно вспомнить тогдашнюю реплику Хрущева по адресу скульптора Э.Неизвестного: «В этом человеке... — дьявол и ангел. Дьявола мы в нем убьем, а ангела надо поддержать...» (см. воспоминания художника Л.Рабичева в сб: «Другое искусство: Москва 1956—76». М.: «Моск. коллекция» и «Интербук», 1991, т. 1, с. 105).

В тех же воспоминаниях говорится: «Члены правительства с возбужденными и злыми лицами, одни бледнея, другие краснея, хором кричали: "Арестовать их! Уничтожить! Расстрелять!" Рядом со мной Суслов с поднятыми кулаками кричал: "Задушить их!"» (Там же, с. 101-102.)

Вызовом прозвучало и другое стихотворение А.Гитовича из цикла «Пикассо» — «Бессонница»:

...А тот, кто в искусстве своем постоянен,
 Кто дерзок в раздумьях и ереси прочей —
 Его никогда не боялся крестьянин,
 Его никогда не боялся рабочий.
 Боялись его короли и вельможи,
 Боялись попы, затвердившие святцы,
 И если подумать, то — господи боже! —
 Его кое-где и поныне боятся.

- ²⁶ *...и кто-то еще.* — По-видимому, Дмитрий Бобышев. Об этих четверых, тогда совсем молодых поэтах (Дмитрий Бобышев, Иосиф Бродский, Анатолий Найман, Евгений Рейн), А.Найман вспоминает: «...мы не декларировали направления, не выпускали манифестов, не находились в оппозиции к другим группам и если чему себя противопоставляли, то лишь вязкой бесформенности поэзии официальной или намеревающейся стать официальной. Ахматова однажды назвала нас “аввакумовцами” — за нежелание идти ни на какие уступки ради возможности опубликовать стихи и получить признание Союза писателей» («Рассказы...», с. 73).
- ²⁷ «Былое и Думы», гл. XVI. — См.: А.И.Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 290.
- ²⁸ *Письмо Пушкина... о Гавриилиаде.* — 1 сентября 1828 года Пушкин из Петербурга писал князю Вяземскому в Пензу:
 «Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец Гавриилиада; приписывают ее мне; донесли на меня, и я, вероятно, отвечу за чужие проказы, если кн. Дмитрий Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность. Это да будет между нами». (А.С.Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949, с. 250.)
 Письмо сочинено Пушкиным в расчете на перлюстрацию. Выдумкой об авторстве Горчакова он надеялся защитить от преследований подлинного автора — самого себя.
- ²⁹ «Флобер, бессонница и поздняя сирень» — строка, сильно напоминающая мандельштамовскую: «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» (ББП-М, с. 92). У Мандельштама никакой сирени; однако в стихотворении Ахматовой «Тень» мандельштамовский звук не случаен: оно обращено к той самой Саломее Андрониковой, в которую был влюблен Мандельштам. Недаром эпитафия взята Ахматовой из стихотворения, посвященного Мандельштамом — Андрониковой: «Что знает женщина одна о смертном часе» («Соломинка» [черновик] — ББП-М, с.272).
- ³⁰ *Опровергать надо там...* — А.А. предпринимала неустанные попытки опровергать. Вот, например, отрывок из ее

письма к французскому литературоведу, специалисту по русской литературе Жоржу Нива, который в 62-м году перевел на французский язык воспоминания С.К.Маковско-го о Гумилеве и прислал их Ахматовой:

«Этот очерк содержит бесчисленное количество ошибок, которые надо приписать возрасту писавшего и его дурным источникам», — сообщила А.А. Жоржу Нива 7 июня 1963 года («Сочинения», т. 3, с. 354).

Примеч. ред. 1996: Ахматова обдумала свои возражения против статей Маковского и Струве и «с цитатами, датами, доказательствами, ссылками, разъяснениями... принялась устно излагать сущность дела... Анна Андреевна, конечно, продиктовала свой протест многим, да и сама записала, и в неведомое нам будущее доберутся, быть может, когда-нибудь чьи-нибудь листки» (см. с. 105).

Другим *опровержением там* должна была стать, по замыслу Ахматовой, ее биография, написанная английской слависткой Аmandой Хейт и в значительной степени отражающая взгляды самой А.А.

Это подтверждают, в частности, и дневниковые записи Ю.Г.Оксмана:

«А.А. очень многое диктовала о себе и своей работе одной англичанке, которая пишет о ней книгу» («Воспоминания», с. 646).

Из книги можно почерпнуть возражения против мемуаров С.Маковского и Г.Струве (а также и Георгия Иванова), услышанные автором от Ахматовой (см.: Amanda Haight. Anna Akhmatova. A Poetic Pilgrimage. N. Y.; L.: Oxford University Press, 1976, p. 177-178. Книга переведена на русский язык: А.Хейт. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. М.: Радуга, 1991, с. 188—190).

³¹ *...портрет... о котором так метко Замятин писал.* — См.: Евг. Замятин «О синтетизме» в кн.: Юрий Анненков. Портреты. Петербург: Petropolis, 1922; а также в кн.: Евгений Замятин. Сочинения. М.: Книга, 1988, с. 412.

³² В томе первом своих воспоминаний «Дневник моих встреч» Ю.Анненков так вспоминает об этих двух портретах:
«Я сделал с Ахматовой в 1921-м году два портретных наброска: один — пером, другой — в красках, гуашью. Ахматова позировала мне с примерной терпеливостью, положив левую руку на грудь... Портрет, сделанный пером, был

сначала воспроизведен в книге моих портретов... затем, в 1923-м году — во втором издании “Anno Domini”.

После этого, в течение многих лет, он воспроизводился в разных странах мира.

•Второй красочный портрет, — продолжает Ю. Анненков, — был впервые воспроизведен во Франции, в 1962-м году, в журнале “Возрождение”.

Как явствует из дальнейшего рассказа, этот второй портрет и окончен был художником уже не дома, а гораздо позднее, в Париже.

По-видимому, еще до воспроизведения в журнале, Юрий Павлович прислал Анне Андреевне фотографию второго портрета, которую она и показала мне. (См. также «Записки», т. 2, с. 461—462.)

³³ **Татьяна Максимовна Литвинова** (р. 1918), переводчица, художница, дочь наркома иностранных дел М.М.Литвинова, близкий друг К.Чуковского и всей его семьи. Т.М.Литвинова перевела Генри Джеймса, Дефо, Мери дита, Чивера. Т.Литвинова — соавтор Чуковского по переводам пьес Филдинга и Шекспира. — *Примеч. ред. 1996.*

³⁴ **Ирина Николаевна Левченко** (р. 1924). Цитирую КЛЭ, т. 4: «...Книги Левченко, основанные на личных наблюдениях, рисуют мужество советского народа в защите социалистического отечества. Левченко принадлежат также... сборник рассказов «Без обратного билета» (1962) — о целинниках, книга «Люди, штурм, победа» (1964) — о строителях Красноярской ГЭС».

19 марта 1963 г. в «Литературной газете», под заглавием «Мы с тобой, партия!», был помещен отчет о встрече в Московском городском комитете партии. В частности, приведены слова Левченко:

«Советские писатели — солдаты партии. В едином строю они борются с общим идейным врагом. Некоторые реакционные деятели Запада хотели бы извращенно представить жизнь нашей страны в период культа личности Сталина. Но мы всегда помним, что и в те годы наша партия и советский народ одерживали великие победы. Мы успешно строили социализм. У нас выросло достойное поколение патриотов...»

Общий смысл ее речи таков: не о сталинщине надо говорить и писать, а о победе в Отечественной войне и успехах народа в строительстве социализма.

Судя по скудным сведениям газетного очерка, той же линии восхваления успехов и отталкивания от разоблачений держалась и Е.Книпович. О ней см. «Записки», т. 2, «За сценой»: ¹⁰⁰ и с. 210 второго тома.

Е.Ф.Книпович — автор книги «Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии» (М., 1987).

³⁵ ...выступил Тельтугов. — По-видимому, ошибка моей записки и А.А. была права, говоря, что «фамилия безразлична». На встрече в Московском городском комитете партии, о которой идет речь, против «Матрёниного двора» выступил В.Тевекелян. Вот отрывок из его выступления:

«Мы знаем не только... А.Солженицына “Один день Ивана Денисовича”, — сказал он, — но и его рассказ «Матрёнин двор». Когда читаешь рассказ, складывается впечатление, что психология крестьянина осталась такой же, какой была шестьдесят лет назад. Но это неверно! Нам нужны произведения, которые бы исторически правдиво рассказывали об огромных революционных изменениях, происшедших в советской деревне» (ЛГ, 19 марта 1963).

Однако не В.Тевекеляну принадлежит первенство. Первым против Солженицына выступил В.Кожевников. Накануне «встречи в Кремле», 2 марта 1963 года, «Литературная газета» опубликовала его статью под названием «Товарищи в борьбе». Рассказ «Матрёнин двор» «написан автором в том состоянии, — утверждал Кожевников, — когда он еще не мог глубоко понять жизнь народа, движение и реальные перспективы этой жизни... Рисовать советскую деревню как бунинскую деревню в наши дни — исторически неверно. Рассказ Солженицына снова и снова убеждает: без видения исторической правды, ее сущности, не может быть и полной правды, каков бы ни был талант». А все потому, по мнению В.Кожевникова, что Солженицын механически воспользовался методом *критического реализма* (понимай: вместо метода *социалистического*).

По поводу этой, а затем и других статей, А.Солженицын вспоминает:

«Пора моего печатания промелькнула, не успев и начаться. Масляному В.Кожевникову поручили попробовать, насколько прочно меня защищает трон. В круглообкатанной статье он проверил, допускается ли слегка тяпнуть “Матрёнин двор”. Оказалось — можно. Оказалось, что ни у ме-

ня, ни даже у Твардовского никакой защиты “наверху” нет... Тогда стали выпускать другого, третьего, ругать вслед за “Матрёной” уже и высочайше-одобренного “Денисовича”, — никто не вступался» (БТД // НМ, 1991, № 6, с. 58).

Среди этих «других, третьих» — примечателен С.Павлов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, выступивший 22 марта 1963 года в «Комсомольской правде» со статьей о необходимости для молодых писателей служить «высоким идеалам».

«...Почему в жизни мы встречаем хороших советских людей, — спрашивал Павлов, — а в некоторых советских книгах пишут совсем о других? И действительно, стоит почитать мемуары И.Эренбурга, “Вологодскую свадьбу” А.Яшина, путевые заметки В.Некрасова, “На полпути к Луне” В.Аксенова, “Матрёнин двор” А.Солженицына, “Хочу быть честным” В.Войновича (и все это — из журнала “Новый мир”) — от этих произведений несет таким пессимизмом, затхлостью, безысходностью, что у человека непосвященного, не знающего нашей жизни, могут, чего доброго, мозги стать набекрень. Кстати, подобные произведения “Новый мир” печатает с какой-то совершенно необъяснимой последовательностью».

³⁶ Речь идет о полемике между Ермиловым и Эренбургом, развернувшейся на страницах печати в первые месяцы 1963 года. Власти были недовольны мемуарами Эренбурга «Люди, годы, жизнь», в особенности книгой четвертой (см.: «Новый мир», 1962, №№ 4—6). 29 января 1963 года в газете «Известия» появилась статья Ермилова «Необходимость спора». Ермилов укорял автора мемуаров в пристрастии к модернистским течениям в живописи и литературе; попрекал любовью к кубизму, сюрреализму — вместо социалистического реализма, и вообще в пристрастии к западному искусству вместо русского и советского. Но главное обвинение, брошенное Ермиловым Эренбургу, носило не эстетический, а моральный характер. В.Ермилов, сам всю жизнь неукоснительно приспособивший свои выступления к воле высшего начальства, теперь упрекал автора мемуаров в трусости: Эренбург утверждает, заявлял он, что в годы сталинских репрессий, отдавая себе отчет во множестве возмутительных несправедливостей, он считал необходимым, «сжав зубы», молчать (чтобы не потерять веры в правоту идей). Ермилов, патетически негодуя, отказывает-

ся оправдывать тогдашнее молчание Эренбурга. Он, Ермилов, и подобные ему коммунисты только потому, дескать, не бросались на защиту справедливости, что не отдавали себе отчета в происходящем. К тому же, уверяет критик, в тридцать седьмом году, вопреки опасности, на собраниях и в печати было «немало» выступлений в защиту гонимых. (Никакая печать ни единого слова в защиту не пропускала; выступления же на собраниях — в редчайших случаях — действительно были и неизбежно влекли за собою тяжкие кары.)

5 февраля 1963 года в «Известиях», в виде письма в редакцию, появился ответ Эренбурга. «В.Ермилов инсинуациями пытается оскорбить меня как человека и советского гражданина, — писал Эренбург. — На это я вынужден отвечать...»

Далее И.Эренбург привел цитату из своих мемуаров: «Я знал, что случилась беда, знал также, что ни я, ни мои друзья, ни весь наш народ никогда не отступятся от Октября, что ни преступления отдельных людей, ни многое, изуродовавшее нашу жизнь, не могут заставить нас свернуть с трудного и большого пути. Были дни, когда мне не хотелось дальше жить, но и в такие дни я знал, что выбрал правильную дорогу». Эренбург пытался объяснить Ермилову, что в 1937-38 годах он принимал участие в борьбе испанского народа против фашизма, и там, в пору этой борьбы, позволить себе «додумать до конца», понять со всей полнотой и ясностью, что творится в Советском Союзе — значило обречь себя на идейное банкротство, на духовную гибель. Потому он, «сжав зубы», страдая и мучаясь, молчал.

В том же номере газеты Ермилов снова с большою грубостью ответил Эренбургу. В следующих номерах редакция в поддержку Ермилову поместила несколько читательских писем.

³⁷ По-видимому, *два изящные томика* — это: Константин Паустовский. Избранные произведения в двух томах. М.: Гослитиздат, 1956.

³⁸ **Иван Тимофеевич Козлов** (1909—1987) — литературный критик, специализировавшийся на книгах о войне. В издательстве писателей он — в ту пору — первый заместитель председателя правления (Лесючевского). После мартовского пленума ЦК, судя по моей «Записной книжке»,

«Софью Петровну» дали на пересмотр И.Т.Козлову. Кратко пересказываю свою беседу с Иваном Тимофеевичем (20 мая 63 года):

«Сегодня я была у Козлова. Первая его фраза: "Я думаю, что мы не будем издавать вашу повесть". Объяснил — почему не будут. "Все это правда, совершенная правда, я работал в то время в издательстве "Молодая Гвардия", и всё было так, именно так, как описано у вас, но эта правда не укрепляет советский строй". Я: "Но это правда?" — "Я вам уже сказал: это правда, но она не укрепляет веру народа в советский строй". Я: "Значит, миллионы людей погибли, а вспоминать их нельзя?" — "Нет, почему же? Лет через 15 вашу повесть, может быть, и напечатают. Но не раньше". Я: "А может быть, и раньше. Я оптимистка". — "Не разделяю вашего оптимизма". Я: "Почему же? Ведь вот, когда я писала эту повесть, я не надеялась, что ее когда-нибудь кто-нибудь прочтет, а теперь мы с вами сидим и свободно обсуждаем ее, и прочли ее в машинописи уже десятки людей"».

³⁹ Ахматова пересказывает слова из заметки М.Соколова, напечатанной в «Литературной газете» 2 апреля 1963 года: «Товарищ Эренбург очень уважаемый человек, но он зря так поторопился вытаскивать на свет литературных мертвецов».

⁴⁰ По словам А.Г.Наймана, сценарий был намечен Ахматовой лишь в самом кратком виде. Герои сценария — двое летчиков; один из них погибает, а другой (замешанный в причинах гибели первого) пользуется сведениями о своем бывшем друге, чтобы добиться расположения его жены.

⁴¹ **Марианна Петровна Шаскольская** (1913—1983) — физик, кристаллограф, сотрудница Института Кристаллографии АН СССР, давний друг Корнея Ивановича (еще с ленинградских времен). В шестидесятые годы Марианна Петровна часто бывала у него в Переделкине, исполняя его поручения: помогала наводить справки в библиотеках, держать корректуры и пр.

⁴² В очерке о Мандельштаме, помещенном в «Чукоккале» (М.: Искусство, 1979, с. 56), Корней Иванович вспоминает: «Сохранился фотоснимок, относящийся к тому давнему времени, к 1914 году, к самому началу войны. На этом снимке мы четверо сняты рядом на длинной скамье: Мандельштам,

я, Бенедикт Лившиц и Юрий Анненков. На снимке запечатлен Мандельштам первых лет своей писательской славы, бодро и беззаботно глядящий вперед».

О той же фотографии вспоминает и Ю.П.Анненков:

«5 июня 1965 года... Ахматова... подарила мне одну страшно ценную для меня фотографию, относящуюся к первым дням войны 1914 года. В один из этих дней, зная, что по Невскому проспекту будут идти мобилизованные, Корней Чуковский и я решили пойти на эту улицу. Там, совершенно случайно, с нами встретился и присоединился к нам Осип Мандельштам... Когда стали проходить мобилизованные, еще не в военной форме, с тюками на плечах, то вдруг из их рядов вышел, тоже с тюком, и подбежал к нам поэт Бенедикт Лившиц. Мы обнимали его, жали ему руки, когда к нам подошел незнакомый фотограф и попросил разрешения снять нас. Мы взяли друг друга под руки и были так вчетвером сфотографированы...» («Дневник моих встреч», т. 1, с. 125).

- ⁴³ Вячеслав Всеволодович Иванов (Кома) объяснил мне, что подал тогда Анне Андреевне такой совет: не заниматься опровержением мемуаров Маковского, потому что это только привлечет к ним больше внимания.

Что касается меня, то я с очерком Маковского о Гумилеве получила возможность ознакомиться только в 1983 году в книге «На Парнасе Серебряного века» (Мюнхен, 1962). В вопросах творческой и личной биографии Гумилева я не компетентна; суждения же Ахматовой о воспоминаниях Маковского см. здесь же, на с. 46, 52, 105.

Теперь очерк С.Маковского переиздан в сборнике: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М.: Вся Москва, 1990.

- ⁴⁴ Всеволод Вячеславович Иванов (р. 1895) был болен раком и скончался через два месяца после этого разговора — 15 августа 1963 года.

- ⁴⁵ Ахматова приводит такие стихи из поэмы «Лейтенант Шмидт»:

Все отшумело. Вставши поодаль,
 Чувствую всею силой чутья:
 Жребий завиден. Я жил и отдал
 Душу свою за други своя.

(«Пятидесятник-П», т. 1, с. 326)

Строки из стихотворения «Рассвет»:

Ты значил все в моей судьбе.
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о тебе
Ни слуху не было, ни духу.

(Там же, т. 3, с. 532)

Вяч. Вс. Иванов вспоминает: «Против своей воли он (Пастернак. — Л.Ч.) оказался обреченным на преследования и мученичество, и это стало темой самих стихов. Его с молодости занимали такие люди, которые, как герой одной из его поэм, лейтенант Шмидт, в глубоком смысле были ориентированы на повторение евангельской жертвенности:

...Я жил и отдал
Душу свою за други своя.

Постепенно эта тема становится явственно преобладающей. Она и вызывает к жизни евангельский цикл Пастернака» (см.: Памятные книжные даты. М.: Книга, 1990, с. 107).

⁴⁶ **Михаил Кузьмич Луконин** (1918—1976) — поэт, автор многочисленных стихотворных сборников, военных и антивоенных, воспевающих и мирный труд, и любовь, и стойкость первых революционеров. (Подробнее см. КЛЭ, т. 4.) В 1962–63 годах — М. Луконин главный редактор московского альманаха «День поэзии».

⁴⁷ Интересно сопоставить слова Ахматовой с записью Марии Петровых:

«...Есть художники, для которых русский язык и дыхание — воздух — и предмет страсти. Такими были Пастернак и Цветаева. Для Ахматовой русский язык был воздухом, дыханием и никогда не был предметом страсти. Она не знала сладострастия слова». (Мария Петровых. Избранное. Стихотворения. Переводы. Из письменного стола. М., 1991, с. 368.)

⁴⁸ Привожу стихи Н.Асеева, посвященные Анне Ахматовой:

Не враг я тебе, не враг!
Мне даже подумать страх,
Что, к ветру речей строга,
Ты видишь во мне врага.
За этот высокий рост,
За этот суровый рот,

За то, что душа пряма
 Твоя, как и ты сама,
 За то, что верна рука,
 Что речь глуха и легка,
 Что там, где и надо б желчь, —
 Стихов твоих сот тяжел.
 За страшную жизнь твою,
 За жизнь в ледяном краю,
 Где смешаны блеск и мрак,
 Не враг я тебе, не враг.

18 апреля 1924

Стихи впервые опубликованы уже после смерти Ахматовой в «Литературной России» — 16 сентября 1966 г.; а впоследствии в книге: Николай Асеев. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1967, с. 146 (Б-ка поэта. Большая серия).

⁴⁹ **Анатолий Генрихович Найман** (р. 1936) — поэт и поэт-переводчик.

С конца 1962 года Анатолий Генрихович исполнял обязанности литературного секретаря Анны Андреевны. В 1989 г. вышли сначала в журнале «Новый мир» (№№ 1—3), а потом и отдельной книгой его «Рассказы о Анне Ахматовой» (М.: Худож. лит.). В этом же году в США опубликован сборник его оригинальных стихов: «Стихотворения Анатолия Наймана» (New York: Эрмитаж). Перечисляю наиболее известные переводы: Джакомо Леопарди. Лирика. Переводы Анны Ахматовой и Анатолия Наймана. М., 1967; Песни Трубадууров. М., 1979; Фламенка. М., 1983; Роман о Лисе. М., 1987.

⁵⁰ Об этом международном симпозиуме, состоявшемся в Ленинграде в августе 63 года, рассказывает в своем дневнике В.Лакшин — критик, член редколлегии «Нового мира» в ту пору, когда А.Т.Твардовский был главным редактором; заведующий отделом критики:

«5.VIII.1963. Первый день совещания. Тема: проблемы романа в литературе. Европейцы, якобы, в большинстве своем считают, что роман умирает, придумали какой-то «новый роман», по существу «анти-роман». А мы должны им доказать, что роман в классических его формах живет и здравствует...

6.VIII.. Вечером за ужином Вигорелли, поддержанный другими итальянскими писателями, начал браниться с Сурковым. «Если и другие советские делегаты будут выступать,

как Рюриков и Симонов, мы уедем. Мы приехали сюда не для того, чтобы нас воспитывали... Потом мы в Италии знаем русских писателей Казакова, Тендрякова — где они? Почему нет никого из молодых писателей?”

Сурков отбивался довольно неуклюже («Новый мир» во времена Хрущева», с. 146, 148).

⁵¹ Речь идет о книге: Лидия Чуковская. В лаборатории редактора. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1963.

⁵² Сохранилась запись К.Чуковского о роли Федина в истории с «Литературной Москвой»: «30 июля 1957. Был у Казакевича... Говорили о Федине — и о его выступлении на пленуме. Федин с огромным сочувствием к ЛитМоскве и говорил (мне), что если есть заслуга у руководимого им Московского отделения ССП, она заключается в том, что это отделение выпустило два тома “ЛитМосквы”. А потом на Пленуме вдруг изругал ЛитМоскву и сказал, будто он предупредил Казакевича, увещевал его, но тот не послушался и т. д. Я склонен объяснять это благородством Ф-на (не думал ли он таким путем отвлечь от ЛитМосквы более тяжелые удары), но Казакевич говорит, что это не благородство, а животный страх. Тотчас же после того, как Ф. произнес свою “постыдную” речь — он говорил Зое Никитиной в покаянном порыве — “порву с Союзом”, “уйду”, “меня заставили” и готов был рыдать. А потом выдумал, будто своим отречением от ЛитМосквы, Алигер и Казакевича, он тем самым выручал их, спасал — и совесть его успокоилась. “А все дело в том, — говорит Казакевич, — что он стал бездарно писать, потерял талант, растерялся — и захотел выехать на кривой”» («Дневник-2», с. 252). О Федине и «Литературной Москве» см. также в книге В.Каверина «Эпилог» (М., 1989, с. 250).

О Федине и Пастернаке см. «Записки» (т. 2, с. 309) и «Дневник-2» (с. 239, 261, 274, 283, 285). См. также мемуары З.Н. Пастернак (сб.: Воспоминания о Борисе Пастернаке. М.: Слово, 1993, с. 220). — *Примеч. ред. 1996.*

⁵³ ...о нашей жизни в Куоккале — см. в книге: Лидия Чуковская. Памяти детства. М.: Моск. рабочий, 1989.

⁵⁴ Интересно со спором о переводах Бальмонта из Шелли сопоставить суждение о тех же переводах — Бориса Пастернака:

«Упомянув о бальмонттовском переводе Шелли, Борис Леонидович сказал: “Мысль, вяло выраженная, для меня ничего не значит”» (см.: Вячеслав Вс. Иванов. «Сестра моя жизнь...». Фрагменты записей о Борисе Пастернаке // ЛГ, 31 января 1990, с. 5).

55 Михаил Константинович Поливанов (1930—1992)

— физик-теоретик, в ту пору сотрудник Математического института АН СССР. После кончины Пастернака Михаил Константинович участвовал в изучении его текстов и в подготовке к печати издания его «Стихотворений и поэм» в Большой серии «Библиотеки поэта» (1965). Познакомился Михаил Константинович с Анной Ахматовой в 1959 году у Ивановых, на праздновании дня рождения Вячеслава Всеволодовича (Комы) Иванова, где, среди друзей, присутствовали и Ахматова и Пастернак. (О Вяч. Вс. см. «Записки», т. 2, «За сценой»: ²¹³, а о празднике — там же: ²¹⁴.)

Цитирую устный рассказ М.К.Поливанова — мне:

Михаил Константинович впервые посетил Анну Андреевну зимою 1962–63 года у Ники Николаевны Глен. Хозяйка шепотом предупредила его, что сегодня А.А. дурно слышит, и потому он говорил несколько громче, чем это было принято. Вот отчего у Анны Андреевны создалось впечатление, будто он на нее «накричал». На вопрос Ахматовой, что он думает о романе «Доктор Живаго», Михаил Константинович ответил восторженно: роман этот «выстрел в ночь», это «новая мысль о революции», «Пастернак воскрешает эпоху с совершенно неожиданного угла». Анна Андреевна прервала: «Неверно! Это *моя* эпоха, *мое* общество, *мои* современники... Я не узнаю свою эпоху и своих современников. Роман — гениальная неудача». Он ответил: вы были в центре событий, в центре, где были и Блок, и Гумилев, и «Бродячая Собака», т. е. в Санкт-Петербурге, а в тех же тринадцатом-четырнадцатом годах в других слоях общества, в Москве, росла другая культура, и в том и состоит гениальность «Доктора Живаго», что в романе изображен тот слой и то общество, которое было не на виду, но для нас весьма существенно. Обрисовывая в разговоре круг, который изображает Пастернак, Поливанов назвал Флоренского, Булгакова, отчасти Бердяева. «Веденяпин напоминает Бердяева».

Впоследствии, возвращаясь в своих воспоминаниях к спору с Ахматовой, М.К.Поливанов писал:

«Тогда я понял одну из важных причин того, что люди этого поколения часто были разочарованы романом. Юрий Живаго, конечно, “камень, отверженный строителями”. Таких людей не было видно в литературно-художественном обществе тех лет, они были незаметны среди посетителей “Бродячей Собаки” или кружка около “Мусагета”. Легче представить себе их где-то среди молодого окружения участников сборника “Вехи” или, позднее, в том Невельском кружке, из которого вышли Юдина, Бахтин, Матвей Каган и многие другие. Почти все люди этого рода были уничтожены или прожили свою жизнь очень незаметно. Недавно мы узнали имена Дмитрия Кончаловского, Александра Ельчанинова. Они ровесники Живаго и пример людей, к которым он духовно близок и с которыми тоже, вероятно, не встречалась Ахматова. Значение таких людей в преемственности поколений огромно, но до сих пор еще не оценено» (см. сб.: Воспоминания о Борисе Пастернаке. М., 1993, с. 504).

^{55a} О судьбе этих писем рассказано в предисловии Е.Б. и Е.В. Пастернаков к их публикации. Ахматова передала письма Пастернака Л.Я.Рыбаковой, «объясняя это своей бездомностью и неумением хранить бумаги. Машинописные копии писем Ахматова в 1961 году передала в семейный архив Пастернака. В 1972-м письма, хранившиеся у Рыбаковой, поступили в ЦГАЛИ» (Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. М.: Наука, 1983, с. 653). — *Примеч. ред. 1996.*

⁵⁶ **Ханна Вульфовна Горенко** (1896—1978) — первая жена младшего брата Анны Андреевны, **Виктора Андреевича Горенко** (1896—1976). Когда, после революции, семья считала младшего брата, морского офицера — погибшим (см., например, стихотворение Анны Ахматовой 1918 года, оканчивающееся строками: «На Малаховом кургане / Офицера расстреляли. / Без недели двадцать лет / Он глядел на Божий свет»), в действительности он был жив и жил на Сахалине. Известие о брате А.А. получила в 1925 году (см.: П.Н.Лукницкий. *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-25 гг. Paris: YMCA-Press, 1991, с. 212).

«В 1922 году... на Сахалине, — рассказывает Н.Готхард, — Ханна Вульфовна познакомилась с Виктором Андреевичем

и они поженились, а в 1925 году к ним на Сахалин приехала мать Виктора (и Анны Андреевны) — Инна Эразмовна... Ханна Вульфовна с волнением ожидала ее приезда, не знала как посмотрит свекровь на сноху-еврейку. Но эти волнения были безосновательны, они быстро сблизились». Инна Эразмовна прожила на Сахалине до 1929 года. Оттуда уехала на Украину к сестре, а Ханна Вульфовна и Виктор Андреевич задумали перебраться в Китай. «Перейти границу... помог китаец-проводник, — пишет далее Готхард. — Поселились они в Шанхае» («Двенадцать встреч», с. 229—231). Когда же в 1947 году супруги разошлись, то он уехал в США, а она вернулась в СССР.

Ханна Вульфовна, живущая в Риге, не раз приезжала в Ленинград и в Комарово, чтобы ухаживать за Анной Андреевной.

⁵⁷ Впоследствии А.Солженицын горько сожалел о своем промахе. «Я круто ошибся», — писал он в первом издании своих очерков литературной жизни «Бодался теленок с дубом» (Paris: YMCA-Press, 1975, с. 261). Дело было в том, что Александр Исаевич заподозрил Ахматову в обычной «человеческой слабости» — «неспособности держать тайны...» и потому не дал «читать своих скрытых вещей, даже “Круга” — такому поэту! современнице! уж ей бы не дать?! — не смел. Так и умерла, ничего не прочтя».

⁵⁸ *...Мандельштам... про меня написал, что я прессую русскую психологическую прозу.* — Ахматова имеет в виду такие строки Мандельштама из его статьи «Письмо о русской поэзии» (напечатанной впервые в Ростове-на-Дону, в газете «Советский Юг» 21 января 1922 года): «Ахматова принесла в русскую лирику всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа XIX века... Генезис Ахматовой весь лежит в психологической прозе, а не в поэзии». (О.Мандельштам. Собр. соч. в трех томах. Под редакцией Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. Т. 3. Нью-Йорк: Международное Литературное Содружество, 1969, с. 34.)

В 1918 г. В.В.Гиппиус высказал ту же мысль: «Я вижу разгадку успеха и влияния Ахматовой... и вместе с тем объективное значение ее лирики в том, что эта лирика пришла на смену умершей или задремавшей форме романа» (статья «Анна Ахматова» — впервые в киевском журнале «Куран-

ты...» в 1918-м, № 2, а теперь в «Литературной учебе», 1989, № 3, в публикации М.Баженова).

О.Мандельштам видит генезис поэзии Ахматовой в прозе, в психологическом русском романе; К.Чуковский, еще ранее, чем Мандельштам, высказал схожую мысль: «Кроме дара музыкально-лирического, — пишет он, — у Ахматовой редкостный дар беллетриста. Ее стихи не только песни, но и повести. Возьмите рассказ Мопассана, сожмите его до предельной сгущенности, и вы получите стихотворение Ахматовой». И далее: «...это новеллы Мопассана, сгущенные в тысячу раз и каким-то чудом преобразованные в песню» (статья «Ахматова и Маяковский» — журнал «Дом Искусств», 1921, № 1, с. 27, а также: ВЛ, 1988, № 1).

Ранее, чем трое процитированных авторов, а именно в 1916 году, те же черты новеллистической или повествовательной прозы отметил В.М.Жирмунский. «Целый ряд стихотворений Ахматовой, — написал он, — может быть назван маленькими повестями, новеллами: обыкновенно каждое стихотворение — это новелла в извлечении, изображенная в самый острый момент своего развития, откуда открывается возможность обозреть всё предшествовавшее течение фактов» (статья «Преодолевшие символизм» в журнале «Русская мысль», 1916, № 12, а также в книге: В.М.Жирмунский. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977, с. 120).

⁵⁹ Корнилов прочел стихотворение Межирова:

Мы под Колпиным скопом стоим,
Артиллерия бьет по своим.

Это наша разведка, наверно,
Ориентир указала неверно.

Недолет. Перелет. Недолет.

По своим артиллерия бьет.

Мы недаром Присягу давали.

За собою мосты подрывали, —

Из окопов никто не уйдет.

Недолет. Перелет. Недолет.

Мы под Колпиным скопом лежим

И дрожим, прокопченные дымом.

Надо все-таки бить по чужим,

А она — по своим, по родимым.

Нас комбаты утешить хотят,
 Нас великая Родина любит.
 По своим артиллерия лупит —
 Лес не рубят, а щепки летят.

(Александр Межиров. *Избранное*. М.: Худож.
 лит., 1989, с. 561)

⁶⁰ Г.А.Русанов в своих воспоминаниях приводит такие слова Льва Толстого: «...у нас кого читать, много ли у нас великих писателей?.. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Герцен, Достоевский, ну... я (без ложной скромности)». (См. в сб.: Лев Толстой в воспоминаниях современников. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1955, с. 251.)

⁶¹ Стихотворение Д.Самойлова «Я вышел ночью на Ордынку» опубликовано было уже после кончины Ахматовой. См.: Д.Самойлов. Дни. М.: Сов. писатель, 1970, с. 79.

⁶² Стихотворение А.Наймана, которое тогда показала мне А.А., привожу:

Я прощаюсь с этим временем навек,
 И на прежнее несколько не похоже
 Повторяется вдали одно и то же —
 Белый снег вдали летает, белый снег.

Я прощаюсь с этим временем, и вот
 Ваше имя произнесенное глухо,
 Больше годное для вдоха, не для слуха
 Речкой дымною затянуто под лед.

Еще вздрогнет комаровская сосна,
 И мелькнет ослепший призрак Ленинграда,
 И меж листьев Александровского сада
 Еще вспыхнет темно-красная стена.

Но по новому во время этих встреч
 Вы кивнете величавой головою,
 И по новому задышит над Москвою
 Ваша горькая божественная речь.

Стихотворение В.Муравьева привожу тоже:

The analogy must not be overstressed.

(Аналогия не должна быть преувеличенной.)

Исайя Берлин. Еж и Лиса.

Горе тому, кто услышал голос певца,
 Сбросивший песню.
 Сердцу не будет ни тверди, ни дна, ни конца, —
 Негде воскреснуть.

Смерть наступает, и голуби падают с крыш
 В проруби окон.
 Голос все ближе — его не поймешь, не простишь —
 Песня — далеко.

Но — раздробившись в стекле, отразившись стократ
 В зеркале речи —
 Помни, что ты на земле, и забытый неправ,
 Мертвый — не вечен.

Владимир Сергеевич Муравьев (р. 1939) — филолог, знаток многих иностранных языков и литератур; по узкой специальности — «англист». После окончания Университета В.Муравьев начал работать в Библиотеке Иностранной Литературы, где работает и по сей день (1990). В 1968 году вышла его книга «Джонатан Свифт» (М.: Просвещение); в 1972-м — «Путешествие с Гулливером» (М.: Книга); он автор множества статей по английской, американской, немецкой, итальянской литературам. Переводил он Фолкнера, О.Генри, Вашингтона Ирвинга. Последняя его переводческая работа — книга Джона Рональда Руэла «Властелин колец» (М.: Радуга, 1989, 1990, 1991).

С 1974 года В.Муравьев — редактор журнала «Современная художественная литература за рубежом», выпускаемого Библиотекой Иностранной Литературы.

С Анной Андреевной В.Муравьев познакомился в феврале 1962 года. Она подарила ему фотографию одного из набросков, сделанных с нее А.Тышлером, давала ему читать «Поэму без героя», а также стихи из первого «Бега времени» — того, уничтоженного Книпович.

В.Муравьев был одним из молодых людей, живо и деятельно заинтересованных в судьбе и поэзии Иосифа Бродского.

⁶³ Ахматова имеет в виду две статьи Пушкина: «Александр Радищев» и «О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного Рая”». В характеристике и краткой биографии Радищева, написанной Пушкиным, Ахматова усматривала искусно скрытые автобиографические черты. Статья же о переводах Мильтона тоже, по мнению Ахматовой, насквозь полемична и автобиографична. На полях пушкинской статьи о Мильтоне Ахматова сделала пометку, оканчивающуюся словами: «Тема — независимость поэта». (См. ОП, с. 237.)
 О тех же двух статьях подробно см. комментарий Н.К.Козьмина в книге «Сочинения Пушкина», т. 9, ч. 2. Л., 1929, с. 710 и 846.

⁶⁴ Привожу отрывки из записок Ольги Михайловны Фрейденберг (1890—1956) — двоюродной сестры Пастернака, специалистки по классической филологии:

•С декабря пошло двойное усиление: морозов и голода. Такой ледяной зимы никогда еще не было. Город не имел топлива. Ни дров, ни керосина не выдавали, электроплитки были запрещены. Нормы всё уменьшались... Уже в декабре люди стали пухнуть и отекать от голода...

Стал трамвай. Не было топлива, а потому и тоска. Громадные городские и пригородные расстояния люди одолевали ногами... Ходили молча, из района в район, через мосты, по льду рек. Тащили за собой санки... на них балки, бревна, доски, щепки, палки... С первого января по двадцатое ровно ничего не выдавали...

Голодные, опухшие, отекавшие люди стояли в ожидании привоза по 8—10 часов на жгучем морозе, в платках, шалях, одеялах поверх ватников и пальто... День за днем, неделю за неделей человеку не давали ничего есть. Государство, взяв на себя питание людей и запретив им торговать, добывать и обменивать, ровно ничего не давало...

Начались повальные смерти. Никакие эпидемии, никакие бомбы и снаряды немцев не могли убить столько людей. Люди шли и падали, стояли и валились. Улицы были усеяны трупами. В аптеках, в подворотнях, в подъездах, на порогах лестниц и входов лежали трупы... Дворники к утру выметали их, словно мусор... Больницы были забиты тысячными горами умерших, синих, тощих, страшных...

А еды все не выдавали и не выдавали...

В Ленинграде погибло за зиму, по слухам, 3,5 миллиона человек... Ученых умерло, по словам специалиста (акад. Крачковского), больше половины...

Нельзя было ни говорить, ни жаловаться, ни взывать. В газетах и радио кричали о бесстрашии и отваге осажденных. О, мы-то города не сдадим! Нет тех условий, которые могли бы требовать капитуляции. Когда-то сдавали крепости, когда иссякали запасы продовольствия. Мы знали, что гибель от голода запертых в ящик пяти миллионов людей не ослабит героизма наших сытых главарей. Часто приходило в голову: кто безжалостней, — те ли, что заперли живых людей в ящик смерти, или те, кто стреляли и убивали? Никакие муки живых людей, ни убийства, ни голод — ничто никогда не побудило наши власти к сдаче города, или к ка-

ким-либо переговорам, соглашениям, к подаче какой-либо помощи жертвам. Здесь действовал обычный закон истаптывания человека. Он именовался отвагой, доблестью, геройством осажденных, добровольно-де отдававших жизнь отчизне» (см. в кн.: Борис Пастернак. Переписка с Ольгой Фрейденберг / Под редакцией и с комментариями Эллиотта Моссмана. New York and London, 1981, р. 204–205. См. также: О.М.Фрейденберг. Осада человека / Публикация К.Невельского в сб.: Минувшее, 3. М.: Прогресс, Феникс, 1991).

Любовь Васильевна Шапорина (1877–1967) — художница, организовавшая театр марионеток в Петрограде в 1919 году, — рассказывает у себя в дневнике (22 сентября 1944-го): «Встретила на улице Анну Ахматову. [Напоминаю читателю, что А.А. вернулась в Ленинград 1 июня 1944 г. — Л.Ч.] Разговорились: “Впечатление от города ужасное, чудовищное. Эти дома, эти 2 миллиона теней, которые над ними витают, теней умерших с голода. Это нельзя было допустить, надо было эвакуировать всех в августе, в сентябре. Оставить 50 000 — на них бы хватило продуктов. Это чудовищная ошибка властей. Все здесь ужасно... Никаких героев здесь нет, и если женщины более стойко вынесли голод — то все дело здесь в жировых прослойках, клетчатке, а не в героизме. Вы думаете, я хотела уезжать — я не хотела этого, мне *два* раза предлагали самолет и наконец сказали, что за мной приедет летчик. Все здесь ужасно, ужасно» (см.: Ахматовский сборник, 1 / Составители С.Дедюлин и Г.Суперфин. Париж: Институт славяноведения, 1989, с. 206–207).

⁶⁵ Собака Гитовичей Литджи, получившая 18 медалей — породистый шотландский колли; три медали Анны Ахматовой, это: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «За оборону Ленинграда» и юбилейная медаль «В память 250-летия Ленинграда».

⁶⁶ **Дмитрий Васильевич Бобышев** (р. 1936) — один из четырех молодых поэтов, ощущавших себя в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов четырьмя «побратимами», а после смерти Анны Андреевны (хотя к тому времени их группа уже распалась) «ахматовскими сиротами». Дмитрий Бобышев принадлежал к группе студентов Ленинградского Технологического института, возникшей в

середине пятидесятых годов. Поначалу их было трое — Найман, он и Рейн, а позднее к ним присоединился Бродский. Началось объединение с того, что в институтской стенной газете «Культура» Рейн и Найман занимались от-делами живописи и кинематографии, а Бобышев — ли-тературы. Газета вызвала неудовольствие начальства: на нее посыпались доносы, Рейн был исключен из Института, Бо-бышев попал в больницу, и все взяты на примету. (См. ста-тью Дмитрия Бобышева «Ахматовские сироты» в газете «Русская мысль» 8 марта 1984.)

Первым — осенью 1959 года — познакомился с Анной Анд-реевной Найман. Позднее — Евгений Рейн и Дмитрий Бо-бышев. Молодые люди бывали у нее вместе и порознь, читали ей свои стихи, она признала их поэтами, что при-дало им, непечатавшимся и непризнанным официально, — «мощный заряд уверенности» (там же).

В Советском Союзе Д.Бобышев почти не печатался — разве что в самиздатском журнале «Синтаксис», в журнале «Юность» (1964, № 11), в альманахе «День поэзии» (Л., 1967 и 1968) и в журнале «Аврора» (1970, № 2).

В конце 1979 года в Париже вышла книга Бобышева «Зия-ния», а сам он эмигрировал в США, где и живет до сих пор. В 1974 году в сборнике «Памяти А.А.» опубликованы «Тра-урные октавы» Д.Бобышева, посвященные Ахматовой. В на-стоящее время (1990) «Траурные октавы» опубликованы в сб. «Об А.А.», с. 450.

В 1989 году, в Нью-Йорке, вышла книга Бобышева «Звери св. Антония». А в 1992 году две его книги опубликованы в России: «Русские терцины и другие стихотворения» и «Полнота всего».

⁶⁷ Интересно сопоставить этот разговор с «Мнимой биогра-фией» — то есть с отрывком из ахматовской автобиогра-фической прозы.

«...невнимание людей друг к другу не имеет предела... Страш-но выговорить, но люди видят только то, что хотят видеть, и слышат только то, что хотят слышать. Говорят “в основ-ном” сами с собой и почти всегда отвечают себе самим, не слушая собеседника. На этом свойстве человеческой при-роды держится 90% чудовищных слухов, ложных репута-ций, свято сбереженных сплетен. (Мы до сих пор храним змеиное шипение Полетики о Пушкине!!!) Несогласных со

мною я только попрошу вспомнить то, что им приходилось слышать о самих себе» («Двухтомник, 1990», т. 2, с. 273).

⁶⁸ *Был такой период в творчестве Гумилева, когда все его стихи — обо мне...* — А.А. имеет в виду многие стихотворения Гумилева в трех первых его сборниках («Путь конквистадоров», 1905; «Романтические цветы», 1908; «Жемчуга», 1910). Тут она и дева луны (например, в стихотворениях «Баллада», «Ягуар», «Свидание»), и царица беззаконий, и дева гор, и больной ребенок. Ее образ — как основа стихотворения — проглядывается в стихах «Русалка», «Маскарад», «Отказ» и во многих других, созданных между 1905 и 1910 годами; «...вся его лирика... до душевного разрыва, вместе с “Пятистопными ямбами”... вся полна мною», — утверждала Ахматова (см. «Записки», т. 2, с. 235).

⁶⁹ Предполагаю, что А.А. показала мне рижскую газету «Сегодня», 1931, № 289, где помещен отрывок из воспоминаний Георгия Иванова «Бродячая Собака». Отрицательный отзыв Анны Андреевны о воспоминаниях Георгия Иванова см. также в «Разговорах...», с. 71.

⁷⁰ **Анна Абрамовна Освенская** (р. 1908) — работала в качестве младшего редактора в «маршаковской редакции», то есть в Ленинградском отделении Детиздата. «В 1935 г. счастливая судьба привела меня в Детиздат, где я проработала до 5 сентября 37 года, когда мне... предложили подать заявление об увольнении». (Цитирую письмо от 22 сентября 1989 г.) Через два года ее приняли на работу в Судпромгиз.

Старший брат Анны Абрамовны, **Михаил Абрамович Освенский** (р. 1898) в 1937 году занимал высокий пост первого секретаря Володарского райкома партии г. Ленинграда. Арестованный в начале сентября, Освенский, несмотря на избиения и пытки во время допросов, категорически отказался давать какие-либо показания против себя и своих товарищей. Это и определило его судьбу.

⁷¹ **Галина Христофоровна** (о ней см. «Записки», т. 2, «За сценой»: ⁴²) — в ту пору жена **Александра Васильевича Западова** (р. 1907), историка литературы. Специальностью Александра Васильевича была русская поэзия и журналистика XVIII века. Он — автор книг и очерков о Канте-

мире, Ломоносове, Хераскове, Державине, Новикове, Крылове. С 1959 года профессор МГУ. Кроме занятий историко-литературных, Западов занимался также вопросами редакторского мастерства.

⁷² *...у нас тунеядство — обвинение нешуточное.* — 4 мая 1961 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР принят был Указ о борьбе с тунеядством. 8 мая дружинники Дзержинского района г. Ленинграда в газете «Известия» заявили об этом новом Указе: «Мы полностью поддерживаем и одобряем его. Надо *беспощадно* травить паразитов и не давать им *пощады*». 10 мая в той же газете под рубрикой «Интервью по просьбе читателей» Председатель Верховного Суда РСФСР А.Т.Рубичев дал Указу такое разъяснение: «...лица, которые по возрасту и состоянию здоровья могут трудиться, но... не желают выполнять эту важнейшую конституционную обязанность, а живут на нетрудовые доходы, могут быть выселены в специально отведенные местности, а их имущество, нажитое нетрудовым путем, конфисковано». (В качестве наказания предусмотрено от двух до пяти лет принудительного труда.) Далее: «Выявление лиц, которые ведут паразитический образ жизни» должно «производиться органами милиции и прокуратуры, как по имеющимся у них материалам, так и по инициативе государственных и общественных организаций и заявлениям граждан». И наконец: «Постановления районного (городского) народного суда, так же как и общественный приговор коллектива являются окончательными и обжалованию не подлежат».

⁷³ Строка из стихотворения Пастернака «Кругом семяющейся ватой...» («Пятитомник-П», т. 1, с. 403). — *Примеч. ред.* 1996.

⁷⁴ 9 декабря 1963 г. Ф.Вигдорова вместе со мною написала письмо заведующему сектором литературы в аппарате ЦК Игорю Сергеевичу Черноуцану (1918—1990). К нашему письму мы приложили письмо Бродского, неопровержимо опровергающее обвинения, выдвинутые против него — пункт за пунктом, каждый раз со ссылкой либо на соответствующий документ, либо на достоверные показания свидетелей: и родился он не тогда, когда указано в статье, и учился не там, и работал с 15-ти лет, и никогда не принад-

лежал к тому литературному объединению, которое якобы дерзко покинул, и стихи, цитируемые в статье, — принадлежат не ему. Факты изложены Бродским в спокойной манере объективного протокола. В конце же письма он дает волю гневу и заявляет, что за клевету подаст на газету в суд: «...Как назвать то, что появилось на страницах Вашей газеты? Критической статьей это назвать нельзя в силу безудержной разнузданности и полного невежества авторов. Фельетоном это назвать также нельзя в силу сквозящего изо всех пор доносительского тона. Но и доносом это также нельзя назвать, потому что все здесь построено на заведомой лжи. Подобные околосценарные произведения имеют только одно наименование — пасквиль.

Встает вопрос, кому нужно было написать и опубликовать это произведение, компрометирующее одновременно и газету, в которой оно помещено, и источники, из которых черпалась информация. Я совершенно не понимаю, как на страницах «Вечернего Ленинграда» могла появиться эта забубенная ложь, эта хулиганская ругань, эта невежественная галиматья, это здание из лжи, скрепленное грязью. Полбеда, что написано: так как это ложь — это легко разрушить. Но чем выскрести эти чудовищные помои, эти совершенно идиотские, бездоказательные обвинения в антисоветскости, в порнографии, в тарабарщине? Да за одно это следует просто привлечь к суду всех троих молодых людей».

Письмо, написанное Ф. Вигдоровой и мною, привожу целиком:

«Многоуважаемый Игорь Сергеевич!

Талантливый молодой поэт, переводчик с польского, Иосиф Бродский был ошельмован 29 ноября 1963 г. на страницах газеты «Вечерний Ленинград».

Из письма самого Бродского, которое мы прилагаем, Вы убедитесь, какова цена фактам, приводимым в статье. Возраст его указан неверно, образование — неверно, трудовой стаж — неверно, большинство стихов, приписываемых авторами статьи Бродскому — в действительности принадлежат не ему... Но мы хотим говорить о другом. Нас возмущает, кроме искажения фактов, самый тон статьи, уместный, быть может, в фельетоне о мелких жуликах из торговой сети, но недопустимый в статье о поэзии.

Все неубедительно в этой статье. После каждого абзаца, сопровождаемого издевательскими подмигиваниями, хочется спросить: "Ну и что же? Что, собственно, вызывает ваше негодование?"

Друзья запросто называют поэта Осей, а подписывается он полным именем Иосиф Бродский. Ну и что из этого? Вечерами он сидит в кафе за стаканом коктейля в обществе приятеля и молодой девушки в очках. Ну и что же? Кафе для того и открыты, чтобы люди в них встречались с друзьями. И что за преступление — очки? Бродский любит гулять по Невскому и заходить в редакции. Что же из этого?

Авторы статьи пытаются доказать, будто Бродский не поэт, а всего лишь окололитературный трутень. И в доказательство ссылаются на его вельветовые штаны. Но для того, чтобы отличить литературу от нелитературы, надо уметь разбираться не в брюках, а в стихах. Суждение о поэзии вообще дело тонкое, о стихах молодых, еще несложившихся поэтов — в особенности. Тут одного улюлюканья по поводу причесок и очков недостаточно.

Мы знаем стихи Иосифа Бродского. На наш взгляд они иногда излишне литературны, но говорят о несомненном и большом даровании. И о растущем от вещи к вещи мастерстве. Поливать публично Бродского грязью, цитируя, ему в обвинение, чужие стихи, перевирая и притягивая за волосы факты — дело общественно вредное, потрафляющее вкусам мещанской, малокультурной среды.

Статьи, подобные той, что опубликована "Вечерним Ленинградом", ставят людей в незащищенное и безвыходное положение: возвести обвинение — легко, доказать его несостоятельность — гораздо труднее. Пока Бродский будет ходить по инстанциям и доказывать, что он *не* вынашивал замыслов предательства, что он *не* пишет порнографических стихов, что он *не* тунеядец и бездельник — его, как тунеядца и бездельника, вышлют из Ленинграда.

В каждой строке статьи чувствуется злоба против литературной молодежи — и нескрываемое презрение к литературному труду, к тоненьким школьным тетрадкам, в которых записаны стихи. «На его счету, — презрительно сообщают авторы статьи, — был десяток-другой стихотворений». Десяток-другой! Это ведь не яйца, а стихи, они не числом измеряются. Да и если говорить о числе, 10-20 стихотворений — это вовсе не мало, это целый сборник, целая

книжка стихов молодого поэта. Это труд, вдохновенный и тяжелый. Что же тут смешного, достойного оплевания?

Статья, злостно искажающая факты, неквалифицированная, потрафляющая вкусу мещан, которые привыкли судить о поэтах на основании покроя их брюк — привела уже к очень дурным результатам: Гослитиздат расторг с Бродским договор на переводы с польского, над которыми он успешно и усердно трудился в последние месяцы. Скомпрометировав поэта перед читателем, статья лишила его любимого труда и заработка.

Мы очень просим Вас, Игорь Сергеевич, срочно вмешаться и исправить причиненное зло. Расправа с поэтом — неискупаемый грех.

Ф.Вигдорова Л.Чуковская

9. XII. 63

Москва».

75 Привожу отрывок из обращения Секции переводчиков к директору Гослитиздата, принятого на заседании Бюро 11 декабря 63 г.:

«...Бюро считает, что И.Бродский — поэт-переводчик, работающий на высоком профессиональном уровне. Переведенные им стихи Галчиньского являются несомненным достижением нашей переводческой культуры. Опубликованные в книге “Заря над Кубой” стихи Пабло Армандо Фернандеса выделяются даже в этой очень хорошей по своему поэтическому качеству книжке. Бюро крайне удивлено неожиданным и одновременным расторжением всех заключенных с ним ранее договоров, тем более необъяснимым, что профессиональные качества своей работы И.Бродский ничем и никогда не скомпрометировал. И.Бродский, как переводчик стихов, человек талантливый и умелый, и нам представляется — если Издательство может заинтересовать наше мнение — что не следует закрывать перед ним дорогу к серьезному литературному труду».

Письмо подписано председателем Бюро, двумя его заместителями и, кроме того, членами. Среди подписавших — Е.Эткинд, В.Адмони, Э.Линецкая, П.Карп и др.

76 Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.

Молодежь оно сильно пугнуло,
 Поседели иные с тех пор,
 И декабрьским террором пахнуло
 На людей, переживших террор.

(Н.А. Некрасов. «Недавнее время»)

⁷⁷ «Пала, как мантия...» — строка из стихотворения Марины Цветаевой «Анне Ахматовой» («Узкий нерусский стан...», 1915). См.: Марина Цветаева. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Худож. лит., 1988, с. 53.

⁷⁸ «Светлана» — не перевод, а свободная переделка на русский лад баллады Бюргера «Ленора». Работая над «Светланой», Жуковский стремился создать произведение в русском народном духе. Посвятил он балладу своей племяннице, Александре Андреевне Протасовой, и подарил ей к свадьбе. Александра Андреевна вышла замуж за Александра Федоровича Воейкова (1778—1839), литератора, критика, полемиста, переводчика, редактора, издателя, автора знаменитой в ту пору стихотворной сатиры «Дом сумасшедших». (Напечатана сатира, по цензурным соображениям, тогда не была, а ходила по рукам в списках.) Воейков, человек ленивый и пьяный, скрыл от родни Протасовой, что половину отцовского наследства он, ко времени женитьбы, уже промотал. Женясь, принялся мотать вторую половину, присоединив к ней и приданое Александры Андреевны. Жить стало не на что; Жуковский устроил его профессором в Дерпте, но и там Воейков не ужился: лекциями манкировал, залез в новые долги, с коллегами перессорился. Выручил его — денежно — брат Иван. (См.: Наталия Ильина. Дороги и судьбы. М.: Сов. Россия, 1988, с. 3-4.)

Вообще был он человек нечистоплотный, в жизненном и в литературном отношении. Вяземский однажды публично назвал его доносчиком. Однако вращался постоянно в литературном кругу, водил знакомство со знаменитыми литераторами.

Жуковский влюблен был в свою другую племянницу, Марию Андреевну, сестру Александры Андреевны. Ввиду их близкого родства жениться на ней он не мог; выдали ее замуж за знаменитого хирурга Ивана Филипповича Мойера (1786—1858).

Пушкин был, как известно, дружен с Жуковским, знаком с Воейковым и с Мойером. Таким образом, повесть о «Свет-

лане Жуковского давала возможность Елене Михайловне Тагер изобразить широкий круг петербургских и московских литераторов первой половины XIX века и всю сложность отношений между ними.

⁷⁹ Из ленинградских источников поступило известие — о дате предстоящего суда над Бродским. Главным «ленинградским источником» был в то время для Фриды — Ефим Григорьевич Эткинд, профессор Ленинградского Педагогического Института им. Герцена, тесно связанный со студенчеством и ленинградской литературной молодежью.

Ефим Григорьевич Эткинд (р. 1918) — специалист по французской и германской литературе, теоретик (и практик!) художественного перевода. С примечаниями и под редакцией Е.Г.Эткинда вышли в свет в Советском Союзе сочинения Вольтера, Брехта, Бодлера, Верлена, Золя.

В 1969 году Е.Г.Эткинд попал «в поле зрения КГБ в связи с тем, что поддерживал контакты с Солженицыным и оказывал ему помощь в проведении враждебной деятельности» («Записки незаговорщика», с. 115). В апреле 1974-го, в течение одного дня, он был лишен всех ученых степеней, профессорского звания, а также членства в Союзе Писателей СССР. В октябре эмигрировал во Францию, где продолжил научную и преподавательскую работу в университетах Нантера и Сорбонны.

В Советском Союзе, до своего отъезда, Эткиндо опубликованы такие книги: «Поэзия и перевод» (1963), «Разговор о стихах» (1970), «Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина» (1973). Е.Г.Эткинд составил, снабдил предисловием и прокомментировал двухтомное издание «Мастеров русского стихотворного перевода» (М.; Л., 1968).

На Западе он продолжал интенсивно работать и как профессор русской литературы, и как участник множества международных симпозиумов, и как автор критических статей, и как теоретик стиха, и как руководитель работ над переводами, и как мемуарист. См., например, его книги «Материя стиха» (Paris, 1978, 1986); «Кризис одного искусства. Опыт поэтики поэтического перевода» (Lausanne, 1983). Под редакцией Е.Г.Эткинда в 1982 году вышла книга переводов стихотворений Анны Ахматовой на немецкий язык — «В зазеркалье» (изд-во «Piper Verlag»). Под его руководством вышла антология «Русская поэзия от XVIII века до

наших дней» — сначала в 1982 году по-немецки, а в 1983-м — по французски.

Е.Г.Эткинд — один из составителей семитомной «Истории русской литературы», выходящей одновременно в Италии и Франции.

О своем участии в деле Бродского Эткинд рассказал в книгах «Записки незаговорщика» и «Процесс Иосифа Бродского» (Лондон, 1988).

⁸⁰ *Дмитрий Дмитриевич вял и будет действовать.* —

О встрече Ахматовой с Шостаковичем рассказано в письме Ф.Вигдоровой к Е.Г.Эткинду 17 декабря 1963 года:

«...Нынче мы с Ардовым разговаривали с Шостаковичем. Он — депутат Ленинграда в Верховном Совете. Обращение к нему — естественно.

Разговор был очень хороший. Он сказал, что отыщет на сессии Василия Сергеевича Толстикова и поговорит с ним. Василий Сергеевич уже в курсе дела, с ним вчера разговаривал Ардов.

...Кроме того, мы вчера послали все материалы Суркову, и сегодня он звонил Анне Андреевне и сказал, что будет разговаривать с руководством Вашего Союза. Это ведь тоже не вредно, правда?» — См. «Записки незаговорщика», с. 152-153.

Та же встреча Ахматовой с Шостаковичем, несколько в иной тональности, описана А.Найманом («Рассказы...», с. 137).

⁸¹ Я впервые рассказала Маршаку о Бродском, когда Косолапов, по наущению Лернера, порвал с ним договоры. Самуил Яковлевич лежал в постели с воспалением легких. Выслушав всю историю, он сел, полукутаный толстым одеялом, свесил ноги, снял очки и заплакал.

— Если у нас такое творится, я не хочу больше жить... Я не могу больше жить... Это дело Дрейфуса и Бейлиса в одном лице... Когда начиналась моя жизнь — *это* было. И вот сейчас опять.

Фаина Георгиевна Раневская рассказывает в своих воспоминаниях. Однажды Анна Андреевна сказала ей: «Что за мерзость антисемитизм, это для негодяев — вкусная конфета, я не понимаю, что это, бейте меня как собаку, все равно не пойму» (СК, 16 сентября 1989).

А вот свидетельство В.Адмони и Т.Сильман: «В одну из наших последних встреч с Ахматовой она нам рассказала, что у

нее недавно побывала в Москве делегация черносотенцев — Анна Андреевна применила именно этот термин. Пришло несколько молодых людей, начинающих писателей (фамилий Ахматова не назвала). Сначала они произносили хвалебные, прочувствованные слова в адрес Анны Андреевны. Сказали, что чтут в ней великого, подлинно русского по духу поэта. И хотели бы сделать из нее свое знамя. Но существует препятствие: вокруг Ахматовой, среди ее друзей, много евреев. Их необходимо удалить. Анна Андреевна протянула руку по направлению к двери и сказала одно слово: «Вон!».

Ахматова рассказала это ровным, но полным сдержанного бешенства голосом. И добавила, что самое страшное в этом посещении — это несомненная организованность погромщиков. И то, что — судя по их намекам — им покровительствует кто-то в руководстве» (Т.Сильман. В.Адмони. Мы вспоминаем. СПб.: Композитор, 1993, с. 462-63).

⁸² С 16 по 19 декабря 1963 года в Москве состоялась очередная сессия Верховного Совета СССР. В работе сессии участвовал и В.С.Толстиков. 16 декабря с ним и разговаривал присутствовавший там в качестве журналиста В.Е.Ардов (см. ⁸⁰).

⁸³ *...Конура... в развалинах при больнице...* — это «выгородка» Эммы Григорьевны в некогда большой, многокомнатной квартире ее отца — сначала главного врача всей больницы, а потом заведующего хирургическим отделением. (В прошлом — Городская больница им. Семашко, ныне — Институт им. Вишневского — Замоскворечье, Большая Серпуховская.) Флигель одноэтажный, квартира — густонаселенная; комната Эммы Григорьевны — полутемная, в четырех ступенях от полуразваленного каменного крыльца. Когда, наконец, Эмме Григорьевне была предоставлена вместо развалины 13-метровая комната в новом доме, она оказалась в 3-х-комнатной коммунальной квартире, где в каждой комнате жили большие многодетные семьи. Нарочно, для издевки, они постоянно во всю мощь включали радио. В этой комнате Эмма Григорьевна прожила пять лет, кочуя — ради возможности работать! — от знакомых к знакомым. (Отдельную однокомнатную квартиру Эмма Григорьевна приобрела уже после кончины Анны Андреевны.)

- ⁸⁴ Осип Мандельштам был арестован в Москве 13 мая 1934 года. «Вскоре после описанных событий... — сообщает Э.Г.Герштейн в своей книге «Новое о Мандельштаме» (Paris: Atheneum, 1986, с. 95), — меня сняли с работы в 24 часа и выдали отвратительную характеристику. [Среди лиц, которым было известно стихотворение О.Мандельштама против Сталина — Осип Эмильевич на допросе назвал и Эмму Григорьевну. — Л.Ч.] Я мыкалась до 1936 года, когда устроилась в Литературном музее, но не на штатную, а на сделную договорную работу. Как только я получила первые деньги, я поехала в Воронеж».

⁸⁵ «Бег времени» — «Fuga temporum» (лат.). Эти слова Ахматова, по-видимому, взяла у Горация из его «Памятника», то есть из оды «Ehægi monumentum» — сначала для своего четверостишия («Что войны, что чума...»), а затем как заглавие для своей книги. Один из переводов знаменитой оды Горация принадлежит С. Шервинскому, с которым дружила А.А. Именно он перевел «fuga temporum» как «время бегущее». А.А. могла заимствовать это выражение из его перевода, хотя несомненно читала Горация и в оригинале. — *Примеч. ред. 1996.*

⁸⁶ В КЛЭ (т. 2) читаем:

«Европейское Сообщество Писателей — литературная организация, основанная в 1958 на конгрессе в Неаполе и объединяющая более 1400 писателей из 23 стран Европы. В отличие от ПЕН-клуба... является единственной общеевропейской организацией, в которую входят писатели как социалистических, так и капиталистических стран. В соответствии с уставом Сообщества, входящие в него писатели обязаны «всемерно содействовать развитию духа дружбы и сотрудничества между народами»... Генеральным секретарем Сообщества является итальянский критик и публицист Дж.Вигорелли».

Международная премия «Этна-Таормина» — одна из крупнейших премий в Италии.

На сообщение о премии Ахматова ответила Вигорелли благодарным письмом. Вот оно, в переводе с итальянского на русский:

«Дорогой Джаукарло, Ваше письмо, уведомляющее меня о том, что мне присуждена премия Таормины, доставило мне живейшую радость. Я не хочу ни блистать остроумием по этому случаю, ни прикрываться ложной скромностью, но это известие, пришедшее ко мне из страны, которую я нежно любила всю жизнь, пролило луч света на мою работу. Прошу Вас, дорогой Джанкарло, передать мою благодарность друзьям, остановившим свой выбор на мне, и пом-

нить, что мне было особенно приятно получить это известие именно от Вас.

В последнее время мои мысли обращались к Италии, поскольку я задумала перевести на русский язык в полном объеме стихи Леопарди, и у меня большое желание побывать снова у Вас на родине, чтобы погрузиться в стихию итальянского языка и увидеть дом, в котором жил и творил великий поэт». («Сочинения», т. 2, с. 308. Точная дата отсутствует, но год — 1964.)

Джанкарло Вигорелли — с 1960-го по 1965 год — один из редакторов итальянского журнала «L'Europa Letteraria».

⁸⁷ «Лес по дереву не плачет» — известная поговорка (см.: В. Даль. Пословицы русского народа. Т. 2. М.: Худож. лит., 1984, с. 23). Ее приводит Лев Толстой дважды: в «Азбуке» (Полн. собр. соч. В 90 т. М.—Л.: ГИХЛ. Т. 22, 1957, с. 49) и в статье «Так что же нам делать?» (там же, т. 25, 1937, с. 342).

⁸⁸ **Валерий Петров** (р. 1920) — болгарский поэт, драматург и сценарист. В годы, характеризующиеся у нас как «годы застоя», когда писать и печататься было трудно, Валерий Петров занимался переводами, — в частности, он перевел на болгарский язык все пьесы Шекспира (София, 1970—1981). По-русски отдельной книгой вышли три его поэмы — в переводе Д.Самойлова, В.Корнилова и М.Алигер: «Мальчик с пальчик», «В пути», «Погожей осенью» (М.: ГИХЛ, 1965). Некоторые стихотворения В.Петрова включены в русские сборники болгарской поэзии.

К столетию со дня рождения Анны Ахматовой в газете «Литературен фронт» 22 июня 1989 года опубликованы воспоминания Валерия Петрова о его единственной встрече с Анной Андреевной.

⁸⁹ О Шестинском не знаю ничего, об Эльяшевиче только дурное. — **Аркадий Павлович Эльяшевич** (р. 1921) — автор многих критических статей и книг, посвященных современной советской литературе. С 1960 года он — член редколлегии журнала «Звезда».

Критическое credo Эльяшевича было в шестидесятые годы таково: в нашей литературе «метод социалистического реализма даже в трудную пору продолжал жить и развиваться» (см.: Арк. Эльяшевич. Советская литература в борьбе за коммунизм. Л., 1963, с. 6). О нравственности Эльяше-

вич говорит, что «вообще» нравственности — не существует, а нравственность есть «категория социальная, классовая»; «подлинно человеческой в эпоху разделения мира на враждебные лагеря выступает лишь нравственность людей, связанных со строительством коммунизма...» (*там же*, с. 19–20). В той же книге, на с. 9, критик рассуждает о партийности, как о принципе не только политическом, но и эстетическом — впрочем, с оговоркой: «Дидактика вместо художественного освещения фактов, голое морализирование — грубое извращение и вульгаризация *принципа партийности*, полное непонимание его *эстетической природы*».

Таков член специальной комиссии по «делу Бродского» — критик Арк. Эльяшевич. Что же касается **Олега Николаевича Шестинского** (р. 1929) — то для 1964 года характерна книга его стихов «Позиция» (М.—Л.: Сов. писатель). Сам он говорит о своей позиции так: «Моя позиция *железная*» и в том же стихотворении:

И перед дулом пулемета
моей партийности суровой
толкалась черная пехота
хулителей всего родного.

Олег Шестинский идет по родной стране «победным шагом» и сравнивает себя не только с дулом пулемета, но и со штыком. Обращаясь к партии в стихотворении «Коммунисты», он декларирует:

Ты считай меня *штыком надежным*,
сильный я еще и молодой,
никогда я не был осторожным,
если выходил с врагом на бой, —
потому иду *победным шагом*
по тебе, краса-земля моя...
И такую жизнь под красным стягом
просто счастьем называю я!

Прочитав подобные плоские вирши, понимаешь, почему т. Логунов, выступивший на суде над Бродским как свидетель обвинения, поставил Шестинского подсудимому в пример: «Я сравниваю Бродского с Шестинским...»; «Олег ездил с агитбригадой...»; «И еще Олег работал в шахте...». И еще: «...надо трудиться, отдавать все культурные навыки. И стихи, которые *составляет* Бродский, были бы тогда настоящими стихами» («Огонек», 1988, № 49, с. 28–29).

Шестинский с 1971-го по 1973 год — секретарь Ленинградского отделения Союза Писателей, а после того, как в Ленинграде на выборах его провалили, переведен в Москву. С 1976-го по 1986 год он — один из секретарей Союза Писателей СССР, и главная его деятельность — «работа с молодыми». Собственных же сборников поэта-секретаря вышло за эти годы более десятка: иногда по две книги в год. Впрочем, в пору перестройки Олег Шестинский перестроился и в № 7 «Огонька» за 1989 год опубликовал несколько стихотворений. Читаем мы и стихи о благе религии, и строки, полные сочувствия к «врагам народа». Строки о матери:

Пошла в семью врага народа,
неся в кошелке сыр и масло,
в ее душе светилося что-то,
светилося что-то и не гасло.

Какова теперь *железная* позиция Олега Шестинского — из этих строк ясно.

- ⁹⁰ «Человек в футляре» — фильм, поставленный по рассказу Чехова режиссером И.М.Анненским в 1939 году. В главной роли — Н.П.Хмелев. Фильм имел огромный успех и неоднократно повторялся по телевидению в последующие годы.
- ⁹¹ Я имела в виду статью под заголовком «Тунеядцам не место в нашем городе», опубликованную в газете «Вечерний Ленинград» 8 января 1964 года. Статья без подписи. В ней приведены отрывки из писем, обличающих Бродского (на основе предыдущей статьи), но главная часть обзора посвящена порицанию и разоблачению его защитников, которые, как утверждает безымянный газетчик, либо сами тунеядцы, либо — ближайшие друзья обвиняемого.
- ⁹² **Ольга Георгиевна Чайковская** — по специальности историк. Книги — «Против неба на земле» (1966) и «Как любопытный скиф» (1990) посвящены истории русской культуры. Кроме того перу О.Г.Чайковской принадлежат научные статьи по истории западноевропейского средневековья. Однако наибольшую известность Ольга Георгиевна приобрела как журналистка, публиковавшая свои острозлободневные статьи сначала, в шестидесятые годы, в газете «Известия», а позднее, в семидесятые и восьмидеся-

тые, в «Литературной газете». Основные темы этих работ: отстаивание презумпции невиновности, роль адвокатуры и, главное, признание суда как высшей, ни от кого не зависящей, правовой власти. Руководствуясь этими принципами, она вмешивалась в судьбы конкретных людей — и именно это сделало ее единомышленницей и другом Ф.А.Вигдоровой. Особо острое внимание широкого круга читателей привлекли такие статьи О.Г.Чайковской в «Известиях»: «Адвокаты» (21 марта 1963), «Прокурор защищает» (16 июля 1963), «Опасное невежество» (9 сентября 1964), а десятилетие спустя в «Литературной газете» — «Выстрел в тире» (в номерах 21, 28 мая и 4 июня 1975). — *Написано в 1990 г.*

⁹³ В 1955 году, в № 11 «Нового мира» появилась статья Вл. Орлова «Новое об Александре Блоке». Возможно, что от внимания Ахматовой не ускользнул приведенный там отзыв Блока об этом стихотворении. Отметив (в своем экземпляре «Четок») многие удачные строки Ахматовой, Блок о стихотворении «Хорони, хорони меня ветер!» на полях написал: «Крайний модернизм, образцовый, можно сказать, “вся Москва” так писала».

⁹⁴ **Николай Давыдович Оттен** (1907—1983) — переводчик, сценарист, критик, автор многочисленных рецензий на театральные и кино-произведения. Постоянный житель Тарусы, Оттен — член редколлегии полукрамольного альманаха «Тарусские страницы» (Калужское книжное издательство, 1961). Там были опубликованы стихи Марины Цветаевой, Н.Заболоцкого, В.Корнилова, Н.Коржавина, Д.Самойлова, Б.Слуцкого, Е.Винокурова, П.Семынина, Н.Панченко, А.Штейнберга; проза Ю.Казакова, Ю.Трифоновва, Вл.Максимова, Булата Окуджавы, Бориса Балтера — то есть авторов, редко и трудно проникавших в ту пору в печать; совсем не публиковавшаяся тогда у нас проза Марины Цветаевой, а также проза уже много печатавшихся — Ф.Вигдоровой, К.Паустовского.

⁹⁵ Кроме Ю.А.Лаврикова, О.Г.Чайковская встретила в Ленинграде и с Лернером. Он показал ей папку «дела Бродского», подлинный дневник и те выписки, которые он, Лернер, сделал специально для суда. Одни приведены им точно; другие намеренно искажены; третьи вырваны из контекста

и потому переосмыслены. Лернер показал Чайковской только одну часть дела; вторую обещал показать «завтра», а «завтра» по телефону заявил, что не покажет ничего.

(Расспрашивала я Ольгу Георгиевну о ее поездке в Ленинград в 1984 году, то есть через 20 лет после поездки; точно свой разговор с Ю.А.Лавриковым воспроизвести по памяти она уже не могла.) — *Написано в 1985 г.*

⁹⁶ В действительности, как разъяснил мне А.Г.Найман, не он звонил из Ленинграда, а Бродский звонил в Ленинград, пытаясь разузнать хоть что-нибудь о своей невесте, чье молчание вызывало его подозрительность и постоянную тревогу.

⁹⁷ Крылатыми фигурами украшена арка на Галерной; ангелы, стоящие на аттике (т.е. над карнизом, венчающим арку) изваяны скульптором В.Демут-Малиновским в 1832—33 годах.

⁹⁸ **Оскар Адольфович Хавкин** (1912—1993) — поэт и прозаик. В пятидесятые-шестидесятые годы О.Хавкин — автор книг для детей и для взрослых, написанных преимущественно на сибирском материале. (Сам он много лет жил и учительствовал в Забайкалье.) Среди повестей — «Моя Чалдонка» (1956), «Месяц диких коз» (1959), «Время скажет» (1963) и др. Перу его принадлежат также романы: «У каменного моста» (1969) и «Дело Бутиных» (1994).

Стихи же О.Хавкина напечатаны лишь в 1986 году, в Иркутске — сб. «Взгляни на мир».

⁹⁹ *Тревожится она за Толю.* — Тревога Анны Андреевны была вполне обоснована. В 1962 году Найман, окончивший в 1958-м Ленинградский Технологический Институт и проработавший, в качестве инженера, более четырех лет на химическом заводе в Ленинграде, — был принят в Москве на Высшие сценарные курсы. Однако по обстоятельствам чисто семейным выписаться из родительской ленинградской квартиры он возможности не имел и в Москве жил без прописки. Положение угрожающее: жить без прописки запрещено законом... Если бы к тому же Наймана отчислили от Сценарных курсов, — против него легко было выдвинуть обвинение в тунеядстве. Тем более, что в ту пору он был одним из ближайших друзей Бродского.

Когда, в декабре 63-го года, сделалось известным, что Косолапов (директор издательства «Художественная литература») расторг с Бродским все договоры, — Найман убедил заведующего испаноязычной редакцией этого издательства спешно заключить с Бродским новый договор и послать в суд соответствующий документ. Заведующий получил нагоняй: в частности, ему ставили в вину: «пошел на поводу у Наймана, такого же проходимца, как и Бродский».

¹⁰⁰ С.Маршак. Правдивая повесть // Правда, 30 января 1964.

¹⁰¹ О том, как произошел арест, — рассказывает Я.Гордин в своем очерке «Дело Бродского» (с. 146–147), приводя заявление отца Иосифа, Александра Ивановича, прокурору города:

«13 февраля с.г. в 21 час 30 минут И.А.Бродский, выйдя из квартиры, был задержан тремя лицами в штатском, не назвавшими себя, и без предъявления каких-либо документов посажен в автомашину и доставлен в Дзержинское районное управление милиции, где без составления документа о задержании или аресте был немедленно водворен в камеру одиночного заключения. Позже ему было объявлено о том, что задержание произведено по определению Народного суда. Одновременно задержанный Иосиф Бродский просил работников милиции поставить в известность о случившемся его родителей... Эта элементарная просьба, которую можно было бы осуществить по телефону, удовлетворена не была.

Назавтра, 14 февраля, задержанный Иосиф Бродский просил вызвать к нему прокурора или дать бумагу, чтобы он мог обратиться с заявлением в прокуратуру по поводу происшедшего. Ни 14-го февраля, ни в остальные четыре дня его задержания, несмотря на его неоднократные просьбы, это законное требование удовлетворено не было...

Что же касается нас, родителей, то мы провели день 14-го февраля в бесплодных поисках исчезнувшего сына, обращались дважды в Дзержинское райуправление милиции и получали отрицательный ответ и только случайно поздно вечером узнали о том, что он находится там в заключении».

Е.Эткинд в «Записках незаговорщика» (с. 151) сообщает со слов Бродского:

«Была очень холодная ночь... Я шел по улице, меня окружили трое. Они спросили, как моя фамилия, и я как идиот ответил, что я “тот самый”. Они предложили мне пройти кое-куда с ними, им надо поговорить. Я отказался — я собирался зайти к приятелю. Началась потасовка. Они подогнали машину и скрутили мне руки за спину...»

¹⁰² Привожу текст этой телеграммы:

«Ленинград Восстания 38
Народный суд Дзержинского района товарищу Румянцеву
Спешим удостоверить что Ваш подсудимый Иосиф Бродский талантливый поэт, умелый и трудолюбивый переводчик, который несомненно может принести большую пользу советской литературе. Мы позволяем себе утверждать это, так как хорошо знакомы с его произведениями, в которых видны задатки серьезного дарования. В 1963 году он проявил особенно большую творческую активность, переведя югославских и польских поэтов, произведения которых частично опубликованы, а другие будут опубликованы по договору с Гослитиздатом в Москве. Мы просим Суд при рассмотрении дела Иосифа Бродского учесть наше мнение о несомненной литературной одаренности этого молодого поэта.

Писатели, лауреаты Ленинских премий

Корней Чуковский Самуил Маршак

17 февраля 1964 года

Барвиха Московской области, санаторий “Барвиха”»

¹⁰³ Ф. Вигдорова присутствовала на суде и, записав все происходившее, вернулась в Москву, а из Москвы уехала в санаторий Малеевку. 22 февраля она писала мне оттуда:

«Что-то теперь будет?»

Но что бы там ни было, что бы ни было, а я никогда не забуду, как он стоял в этом деревянном загоне под стражей. И, может быть, все будет хорошо, и он выйдет на дорогу и станет большим поэтом, а я все равно не забуду, как он смотрел — беспомощно, с изумлением, с насмешкой, с вызовом — всё разом.

А скорее всего, никем он не успеет стать, его сломают. Поэту нужны нервы толстые, как канаты. Несокрушимое здоровье. А он болен. Ему не совладать с тем, что на него кинулось».

Первый суд решил отправить Иосифа на психиатрическую экспертизу, поставив перед экспертами вопрос: страдает ли Бродский психическим заболеванием, которое может препятствовать принудительному труду в отдаленной местности...

Из Малеевки Фрида Абрамовна послала протестующее письмо Генеральному Прокурору СССР Р.А.Руденко, а мы, несколько человек, — телеграмму первому секретарю Ленинградского Обкома, В.С.Толстикovu. Привожу текст нашей телеграммы:

«Ленинград Смольный Обком Толстикovu
Глубокоуважаемый товарищ Толстикov. Обращаемся к Вам крайне встревоженные тем, что молодой талантливый ленинградский поэт подвергается несправедливому противозаконному преследованию. Мы, люди разных профессий, знаем, высоко ценим творчество Бродского, в частности, его стихотворные переводы испанских и польских авторов. Нам известно, что его считают очень одаренным поэтом корифеи нашей литературы Чуковский, Маршак, Ахматова. Тем более нас поразило известие о том, что восемнадцатого февраля в суде Дзержинского района Бродскому предъявили обвинение в тунеядстве, после чего его принудительно под конвоем отправили в психиатрическую больницу. Ему двадцать три года, он болезненно нервный юноша, пребывание в психиатрической больнице грозит ему непоправимой бедой. Травля Бродского на нашей памяти первый за многие годы случай рецидива печально известных методов произвола. Горько сознавать, что это происходит в вашем славном городе. Очень просим вашего решительного вмешательства. Промедление крайне опасно.

Члены Союза Писателей *Лидия Чуковская, Раиса Орлова, Лев Копелев, А.Ивич*, кандидат филологических наук *Вячеслав Иванов*, кандидат физико-математических наук *Иван Рожанский*, кандидат геологических наук *Наталья Кинд*, кандидат физико-математических наук *Михаил Поливанов*».

¹⁰⁴ Статья эта, под названием «Рецидив», была мною окончена, послана в газету, но напечатана не была. Привожу отрывки из нее:

«Не писать об этом я не могу. Дело молодого ленинградского поэта у людей моего поколения вызывает слишком много трагических воспоминаний.

Организованная травля Иосифа Бродского началась уже несколько месяцев тому назад. Когда я прочла первую статью о нем, опубликованную в газете “Вечерний Ленинград” 29 ноября 1963 года, мне показалось, что меня каким-то чудом перенесли из 63-го обратно в 37-й. Или, скажем, в 49-й...

То же воинствующее невежество, та же безудержная ложь, что и в тогдашних выступлениях печати, та же нескрываемая ненависть к интеллигенции, то же намерение запачкать как можно больше имен...

...Судье тов.Савельевой показалось странным, что коридоры суда переполнены, что молодежь толпится у дверей, и что многие и многие из присутствующих, по-видимому, не на ее стороне. Она не поняла... какую память пробуждает в них это беззаконие, какие тени воскресают для них за ее спиной и за спиной молодого поэта, и какие надежды возлагали они на судебный процесс...

— Удивляюсь, — громко произнесла она, проходя коридором суда, — почему на слушанье этого дела собралось столько народа?

— В наше время не часто случается видеть суд над поэтом, — ответили ей из толпы.

— А мне все равно, поэт он или не поэт, — с гордостью сообщила т.Савельева.

Тем, кто в годы культа личности Сталина расправлялся с цветом нашей поэзии, тоже было все равно — поэты перед ними или не поэты».

¹⁰⁵ **Евгений Александрович — Гнедин** (1898—1983), автор множества историко-публицистических статей, а также двух мемуарных книг: «Катастрофа и второе рождение» (Амстердам: Фонд им. Герцена, 1977) и «Выход из лабиринта» (N.Y.: Chalidze Publ., 1982). Вторая книга, содержащая, по прихоти издателей, заключительные главы первой, вышла в свет с предисловием академика А.Д.Сахарова. Привожу из этого предисловия отрывки:

«В своих мемуарах Евгений Александрович Гнедин описывает свою жизнь, при всей необычности отразившую судьбу его поколения. В начале пути Гнедин — революционер

по убеждению и идеалист в жизни, без малейших сомнений отдающий Советскому государству большое зарубежное наследство. Он — видный деятель иностранной политики СССР, один из главных помощников Литвинова. В 1939 году Гнедин арестован, его избивают в кабинете Берии, затем в особорежимной Сухановской тюрьме, но он не оговаривает ни других, ни себя. Два года строжайшей изоляции, стандартно-беззаконный суд, общие работы в лагере, ссылка. После смерти Сталина — реабилитация... затем — годы литературной и журналистской работы, скромная пенсия. Таковы внешние рамки судьбы автора, рассказанной со многими подробностями, иногда потрясающими. В эти рамки вмещается напряженная внутренняя жизнь, поддерживающая Гнедина в самые страшные дни на Лубянке и в особорежимной Сухановской тюрьме... Главное содержание книги — мучительные сомнения и искания автора — этические, философские, политические и социально-экономические.

...Мемуары Гнедина — это эмоциональная исповедь человека, прошедшего большой путь духовной эволюции. Важное место в ней занимают стихи («Себя не потерять в пути — / Вот все, к чему меня обяжет / Мой долг, пылающий в груди»).

Евгений Александрович себя в пути не потерял, чем вызвал беспредельное уважение окружающих: в подследственной тюрьме; в лагере на общих работах; в «вечной ссылке». Везде он оставался самим собой, укреплял себя сочинением стихов, помогал товарищам.

«...Его таскали волоком по роскошным кабинетам, изредка смазывали раны и ушибы и били снова — то следователи, то Кобулов в присутствии Берии... Я имел честь быть его другом», — с гордостью пишет о Гнедине Камил Икрамов, встретившийся с Евгением Александровичем в лагере «на водоразделе Печоры и Камы» (Камил Икрамов. Дело моего отца // Знамя, 1989, № 6, с. 48).

После смерти Сталина Е.А.Гнедин был, в 1955 году, «за отсутствием состава преступления» реабилитирован и возвращен в Москву. Тут началось его постоянное сотрудничество в «Новом Мире», руководимом А.Т.Твардовским. В журнале печатались статьи Гнедина на историко-революционные, социально-экономические и международные темы. В начале шестидесятых годов Евгений

Александрович сблизился с Копелевыми, с Ф.А.Вигдоровой и сделался деятельным защитником Иосифа Бродского, используя свои старинные партийные и медицинские связи. Он ездил в Ленинград, присутствовал на судилище. Когда один из свидетелей обвинения заявил, что Бродского защищают такие же тунеядцы, как он сам, — «Кто же? Маршак и Чуковский тунеядцы?» — крикнул со своего места Гнедин, за что и был выведен из зала суда дружинниками, силой затолкан в автобус и отправлен в милицию. Когда же писатели — Анна Ахматова, К.Паустовский, К.Чуковский, Ф.Вигдорова, Н.Грудина и др. составили свое поручительство (см. с. 484, 485) — оно было украшено именем: «Е.А.Гнедин».

В 1980 году, в знак протеста против вступления наших войск в Афганистан, Е.А.Гнедин вышел из партии.

- ¹⁰⁶ «*Темен жребий русского поэта*» — строка из стихотворения Максимилиана Волошина «На дне преисподней». В ту пору, когда мне вспомнилась эта строка, я знала всего одно четверостишие из стихотворения М.Волошина — с чьих-то слов. Целиком и напечатанным я узнала его гораздо позднее, прочитав сборник «Пути России», вышедший в Париже в 1969 году в издательстве «Эхо». В Советском Союзе стихотворение напечатано впервые в 1988 году — см.: «Новый мир», № 2, с. 162.

НА ДНЕ ПРЕИСПОДНЕЙ

Памяти А.Блока и Н.Гумилева

С каждым днем все диче и все глуше
 Мертвенная цепенеет ночь.
 Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит:
 Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.
 Темен жребий русского поэта:
 Неисповедимый рок ведет
 Пушкина под дуло пистолета,
 Достоевского на эшафот.
 Может быть, такой же жребий выну,
 Горькая детоубийца — Русь!
 И на дне твоих подвалов сгину
 Иль в кровавой луже поскользнусь,
 Но твоей Голгофы не покину,
 От твоих могил не отрекусь.

Доконает голод или злоба,
 Но судьбы не изберу иной:
 Умирать, так умирать с тобой
 И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!
 12 января 1922
 Коктебель

¹⁰⁷ **Александр Борисович Раскин** (1914–1971) — сатирик и юморист, мастер литературной пародии и эпиграммы, автор повестей для маленьких. Александр Борисович — муж Фриды Абрамовны Вигдоровой.

¹⁰⁸ Предполагаю — на основании позднего документа, составленного Н.И.Грудининой, — что этим «чутким человеком» был прокурор Быстров.

Ф.Вигдорова в письме ко мне от 4 марта сообщала:

«...пока я ехала домой, мне позвонил помощник Руденко — Александров. Он разговаривал с Александром Борисовичем.

— *Завтра* в Ленинград выезжает человек, который во всем разберется.

Александр Борисович: — Можно ли узнать его фамилию?

— Поверьте, что это — человек чуткий, справедливый и доброжелательный, который учтет мнение писательской общественности.

Я рада, что едет человек. Но каков он? Черноуцан, например, очень хвалил некоего Олега Шестинского, который должен был быть председателем комиссии по делу Бродского от Союза. А ленинградцы говорят, что он — человек худой. Но — будем надеяться. И ленинградцы должны узнать имя этого человека и сказать ему свое мнение. Если он услышит только одну сторону — будет беда».

По словам ленинградских друзей, произошло именно то, чего опасалась Фрида Абрамовна: приезжий «чуткий человек» общался в Ленинграде лишь с противниками Бродского: Волковым (следователем Идеологического отдела КГБ) и Прокофьевым.

¹⁰⁹ Генерал-майор **Николай Романович Миронов** (1913–1964) — член Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутат Верховного Совета СССР, заведующий Отделом административных органов ЦК КПСС.

Привожу отрывок из черногого наброска, сделанного рукой К.И.Чуковского:

«Мы считали, что эта мелкая литературная склока вскоре заглохнет сама собой. Мы знаем, что Бродский — талантливый поэт и литературный работник. Он переводил для нескольких издательств стихи кубинских, польских, югославских поэтов. Эти переводы были вполне доброкачественны и явились результатом большого и напряженного труда. Ибо переводить стихи, сохраняя их поэтические достоинства — дело нелегкое.

Каково же было наше удивление, когда дней десять тому назад мы узнали, что Бродский арестован Ленинградской милицией Дзержинского района по обвинению в тунеядстве. 18 февраля в том же Дзержинском районе под председательством судьи Савельевой состоялся суд над Иосифом Бродским. Суд, не познакомившись с литературными трудами Бродского, не обратив внимание на телеграмму Издательства «Художественная литература» (Москва) о заключении с Бродским договора... и на нашу телеграмму, в которой мы свидетельствовали о высоком достоинстве переводческих работ Бродского, вынес следующее решение:

«Направить подсудимого на судебно-психиатрическую экспертизу, перед которой поставить вопрос, страдает ли Бродский каким-нибудь психическим заболеванием, препятствующим направлению Бродского в отдаленные местности для принудительного труда».

В этом решении был предудказан обвинительный приговор — с последующей карой. И все это без заслушания авторитетной литературной экспертизы, без достаточного допроса свидетелей и без оглашения телеграмм! На суде ставился грозный вопрос, хватает ли заработков Бродского на прожитие, хотя суду было известно, что Бродский живет в семье и вносит свой заработок в общий семейный бюджет. Вспоминая нашу собственную молодость, мы можем сказать, что в возрасте Бродского тоже зарабатывали мало и далеко не сразу могли обеспечить себя и свою семью.

Этот судебный процесс вызвал в кругах ленинградской молодежи сильное волнение.

Мы получили из Ленинграда несколько взволнованных писем — одно из которых, наиболее содержательное, при сем прилагаем. (Автор письма — известная писательница и педагог Ф.А.Вигдорова.)».

¹¹⁰ В дни... молодости Ахматовой репродукции картины были распространены в журналах, висели в гостиницах. — Речь идет о картине французского художника Л.-Э.Фурньера «Похороны Шелли». В Италии, близ местечка Виа Реджио, на берегу моря, Байрон присутствовал при сожжении тела Шелли, утонувшего возле Ливорно 8 июля 1822 года.

Художник и иллюстратор Луи Эдуард Фурньер родился в 1857 году в Париже. С 1885 года систематически выставлялся в Салоне с историческими и жанровыми картинами. Картина «Похороны Шелли» была выставлена в Салоне в 1889 году и репродукция в том же году помещена в «L'Illustration» в № 27. В этом номере был представлен «Салон, 1889».

В каком году репродукция впервые появилась в русских изданиях (вероятно, в «Ниве») — нам неизвестно. А в 1940—42 она попала в «Поэму без героя» в качестве иллюстрации к романтической поэме, то есть к «столетней чаровнице» — как называет ее Ахматова в «Решке».

А столетняя чаровница
Вдруг очнулась и веселиться
Захотела...

«И вместе с ней, — пишет Э.Бабаев в одной из своих статей об Ахматовой, — ожили тени Шелли и Байрона, двух сумрачных палладинов знаменитой Чаровницы» (НМ, 1987, № 1, с. 161). — *Примеч. ред. 1996.*

¹¹¹ **Фина — Жозефина Оскаровна Хавкина** (р. 1942), с 1964 года помогала Лидии Корнеевне сперва периодически, а вскоре — в качестве постоянной помощницы. Фина читала Л.К. вслух, переписывала на машинке ее рукописи, наводила справки в библиотеках, разбирала ее архив, ездила по ее поручениям.

Недаром, публикуя свои «Записки», Лидия Чуковская написала: «Приношу также благодарность Ж.О.Хавкиной — незаменимой помощнице в моей многолетней работе» («Нева», 1993, № 4, с. 122).

И в «Завещании Люше»: «О Фине... Если бы не она — не было бы моих ахматовских книг» (Архив Е.Ц.Чуковской). — *Примеч. ред. 1996.*

¹¹² В это время А.И.Гитович писал поэту Владимиру Александровичу Лифшицу:

«Дорогой друг!.. С Бродским — дело страшное. Я до всех этих дел часто видел его — он постоянно бывал у Ахматовой, а значит — под моими окнами, так сказать. Но его стихов не знал совсем. Но — уже после фельетона — приехал ко мне профессор геологии и литературовед Македонов и привез стихи “молодого тунеядца”. И я со всей ответственностью могу сказать, что если Бродский проживет еще лет 10-20, то цены ему не будет. А если он снова вскроет себе вены, и на этот раз это окажется роковым — все равно его стихи останутся. И кое-кому История никогда не простит» (см.: Ирина Кичанова-Лифшиц. Прости меня за то, что я живу. Нью-Йорк, 1982, с. 144).

^{112a}*Кто такой товарищ Миронов?* — А.А. так никогда и не узнала, что, оказывается, именно т. Миронов в 1956 году закрыл «дело оперативной разработки» (ДОР), заведенное на Анну Ахматову ленинградскими чекистами в 1939-м. «Дело», по сообщению генерала КГБ О.Калугина, было заведено «с окраской: “Скрытый троцкизм и враждебные антисоветские настроения”, где содержались материалы, собираемые органами безопасности в течение многих предшествующих и последующих лет. “Дело” содержало немногим меньше 900 страниц и составляло 3 тома». — См. сб.: Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М.: Рудомино, 1994, с. 72—79.

О Миронове см. также ¹⁰⁹. — *Примеч. ред. 1996.*

¹¹³*Евгений Всеволодович Воеводин* (1928—1981) — сын писателя-приключенца Всеволода Петровича Воеводина (1907—1973). Евгений Воеводин, в просторечии именуемый “Воеводин-младший”, мелкий литератор, секретарь Комиссии по работе с молодыми при Союзе Писателей. На суде, от имени Комиссии, председателем которой был Д.Гранин, Евгений Воеводин предъявил справку, что Бродский никакого отношения к литературе не имеет. Справка эта предварительно не была им показана ни председателю Комиссии, ни ее членам, и тем не менее как обязательный документ приобщена к делу и явилась одним из оснований для приговора. «Он представил суду справку, содержащую обвинения моральные и политические, — пишет Е.Г.Эткинд, — которая якобы исходила из Комиссии по работе с молодыми... но справки этой не видел никто из членов Комиссии, кроме ее автора, Е.Воеводина; приговор

же опирался именно на этот фальшивый документ — для суда он оказался мнением Союза Писателей о Бродском» («Записки незаговорщика», с. 176).

В той же книге Е.Эткинд на с. 52 сообщает: «Имя Евгения Воеводина стало символом низости, а так как его отец, тоже писатель и тоже Воеводин (Всеволод) отнюдь не отличался порядочностью, то родилась отличная эпиграмма, заклеившая их обоих:

Дорогая Родина,
Чувствуешь ли зуд?
Оба Воеводина
По тебе ползут».

(Характеристику Е.Воеводина см. также в очерке Я.Гордина «Дело Бродского», с. 160, 164.)

- ¹¹⁴ «Я ознакомился с записями, сделанными Ф.Вигдоровой во время суда над Иосифом Бродским, — пишет один из присутствовавших, — и, сверив их с теми заметками, которые были у меня... убедился, что эти записи объективно и точно воспроизводят всё, что говорилось на суде... Атмосфера суда также передана очень достоверно. Вот, по-моему, единственная важная деталь, опущенная Ф.А.Вигдоровой, — телеграмма, присланная в адрес суда поэтами С.Я.Маршаком и К.И.Чуковским и содержащая отзыв о качестве переводов И.Бродского, по решению судьи не была даже оглашена и даже не приобщалась к делу...

И.М.Ефимов

преподаватель Ленинградского Политехнического Института им. М.И.Калинина
2.IV.64».

- ¹¹⁵ Привожу отрывки из статьи, появившейся без подписи в ленинградской газете «Смена» 15 марта 1964 года. Сперва сообщается, что решение суда о «выселении трутня из Ленинграда» сроком на пять лет принято было после «очень тщательного изучения всех имеющихся в деле документов, после внимательного заслушивания сторон». За этим сообщением следует брань по адресу тех, кто осмелился Бродского защищать — Н.Грудиной, Е.Эткинда и В.Адмони: «...Говоря откровенно, стыдно было за этих людей, когда, изощряясь в словах, пытались они всячески обелить Бродского, представить его как невинно страдающего непризнанного гения. На какие только измышления не пускались они!.. Только потеряв столь нужную каждому писате-

лю, каждому человеку идейную зоркость, можно было так безудержно рекламировать проповедника пошлости и безыдейности.

Что пленило Н.Грудинину и других поклонников Бродского в его так называемом творчестве?

Тупое чванство, ущербность и болезненное самолюбие недоучки и любителя порнографии, стократ помноженное на непроходимое невежество и бескультурие — вот что выглядывает из каждой строчки, вышедшей из-под пера Иосифа Бродского.

После брани по адресу защиты следует восхваление обвинителей:

«...Правильную, точную оценку его тлетворной деятельности дали на суде писатель Е.Воеводин, заведующая кафедрой Высшего художественно-промышленного училища им. В.И.Мухомовой Р.Ромашова, нач. Дома обороны Н.Смирнов, зам. директора Эрмитажа П.Логунов, трубоукладчик УНР-20 П.Денисов, общественный обвинитель — представитель штаба народной дружины Дзержинского района Ф.Сорокин и др.».

(Кто был автором этой статьи, можно установить по письму Н.Грудининой к Ф.Вигдоровой от 3 апреля 64-го года: это некто Моисеев, сотрудник отдела пропаганды газеты «Смена».)

¹¹⁶ *Настанет ли такая пора...* — пока, тридцать лет спустя, не настала. Я.М.Лернер за это время дважды осужден за мошенничество (в 1973-м и 1984 годах). В 1990 году он выступил со статьей «Маскарад», где вновь лгал и клеветал: заявил, что Вигдоровой не было на суде над Бродским, и опубликовал — в противовес вигдоровской записи — собственную халтурно состряпанную версию судебного разбирательства. Ему возразили в печати участники событий — В.Адмони, А.Найман, Я.Шкилевский («Русская мысль», 1990, № 3845). Тем дело и кончилось.

Что касается А.Прокофьева, то в январе 1965 года его с грохотом провалили на перевыборах в ленинградском Союзе Писателей. Подробнее см. ¹⁸⁶.

Дальнейшая судьба Толстикова мне неизвестна.

¹¹⁷ О письмах от заключенных, сотнями получаемых Солженицыным после публикации «Одного дня...», и о своем заступничестве за них (с помощью журналистки О.Чайковской)

Александр Солженицын подробно рассказывает в седьмой части книги «Архипелаг ГУЛаг» (М.: Сов. писатель, 1989; см., например, с. 483–485, 515–525, 539–542). Иногда кое-кого ему удавалось спасти.

- ¹¹⁸ В августе 1921 года Н.Н.Пунин ненадолго был арестован. «В следственном изоляторе ЧК на Гороховой, — пишет С. Михайловский, — Пунин столкнулся с Гумилевым. Одного вели на допрос, другого — с допроса. У Гумилева была «Илиада» Гомера. Он не расставался с нею ни в далеких путешествиях, ни на фронте в мировую. Теперь она тоже была с ним, и единственное, что он успел, — это показать ее Пунину...

Вскоре Пунина перевели на Шпалерную. Оттуда ему удалось передать письмо, в котором он описал короткую встречу с Гумилевым: «Мы стояли (друг) перед другом, как шальные, в руках у него была «Илиада», которую от бедняги тут же отняли» (С.Михайловский. Н.Н.Пунин. Портрет в супрематическом пространстве // Нева, 1989, № 6, с. 151).

Что касается «дела Гумилева», то краткое представление о нем дает Г.А.Терехов — старший помощник Генерального Прокурора СССР, член коллегии Прокуратуры СССР в шестидесятые годы:

«Мотивы поведения Гумилева зафиксированы в протоколе его допроса: пытался его вовлечь в антисоветскую организацию его друг, с которым он учился и был на фронте. Предрассудки дворянской офицерской чести, как он заявил, не позволили ему пойти с доносом» (Г.А.Терехов. Возвращаясь к делу Н.С.Гумилева // НМ, 1987, № 12, с. 257-258).

В 1989 году Д.Фельдман, в том же «Новом мире» (№ 4, с. 265), подверг сомнению не только участие Н.С.Гумилева в заговоре, но и существование самого заговора вообще:

«Приведенные Г.А.Тереховым... аргументы дают основания предполагать, что заговора вообще не было и что подтвердить это могут архивные документы, которые до сих пор старательно прячут от исследователей... Необходимо тщательный анализ документальных свидетельств, обязательны архивные разыскания... Нужно открывать архивы».

К этому следует добавить свидетельство М.В.Латманизова («Разговоры...», с. 85). Вот отрывки из записи от 24 июня 1964 года:

«Недели за три до моего отъезда в Ленинград, — говорит А.А., — ко мне пришел очень высокопоставленный человек. Он

близок к Аджубею, к редакции "Известий" (Это был В.П.Гольцев; см. ¹²⁰. — Л.Ч.)... Он рассказал, что были подняты дела, связанные со следствием по делу Гумилева, по делу "таганцевского заговора", по делу самого Таганцева, и выяснилось, что собственно никакого "таганцевского заговора" не было. Что Гумилев ни в чем не виноват, не виноват и сам Таганцев ни в чем. Никакого заговора он не организовывал. Он был профессор истории в университете в Ленинграде. Был большим оригиналом, но политикой, а тем более заговорами не занимался... весь этот заговор оказался несуществовавшим и теперь, после рассмотрения всех материалов, Гумилев будет реабилитирован. Вот так мне сказал этот человек...*

Примеч. ред. 1996: Ахматова, по свидетельству С.Липкина, «точно знала, что Гумилев в таганцевском заговоре не участвовал. Более того, по ее словам, и заговора-то не было, его выдумали петроградские чекисты для того, чтобы руководство в Москве думало, что они не даром хлеб едят» (С.Липкин. Вторая дорога. М.: Олимп, 1995, с. 163).

Теперь материалы о таганцевском заговоре опубликованы. Документы полностью подтверждают мнение Ахматовой. Их публикация в газете в декабре 1995 года сопровождается таким вступлением: «...удалось познакомиться с грандиозным "делом Таганцева". К ответственности по нему было привлечено 833 человека, а само дело насчитывало 382 тома следственных и оперативных материалов... Даже рассказывать о них нелегко. Хотя бы потому, что никакого заговора не было» (Борис Краевский. «Дело Таганцева»: кем и как оно было сделано. Сценарий «сталинских процессов» сочиняли еще при Ленине // Общая газета, 1995, № 49, с. 12).

Из публикации следует, что сценарий этого дела сочинил чекист Я.С.Агранов, который придумал «Петроградскую Боевую Организацию» и разные ее подразделения — «группу террора», «профессиональную группу» и многие другие. Общее число казненных по делу Таганцева превысило сто человек.

По образцу этого дела было сконструировано множество политических процессов вплоть до «дела врачей».

См. также документальную повесть Г.Миронова «Начальник террора» («Заговор Таганцева»). М.: Изд-во «Грабарь», 1993.

- ^{118а} **Михаил Борисович Маклярский** (1909–1971) с 1960 года возглавлял Высшие сценарные курсы. Перед войной М.Б.Маклярский руководил отделом в Четвертом управлении НКВД.
- ♦Круг специфических интересов полковника госбезопасности Маклярского, — пишет Ирма Кудрова, — включал именно деятелей советской литературы и искусства — в предвоенные и военные годы. Позже, когда война закончилась, на первый план выступила другая сторона талантов полковника. В миру он стал сценаристом. Фильмы по сценариям с его участием широко известны: “Подвиг разведчика” (1947), “Секретная миссия” (1950), “Заговор послов” (1966) и другие той же направленности». (Ирма Кудрова. Гибель Марины Цветаевой. М.: Независимая газета, 1995, с.176).
- ¹¹⁹ ♦Мальчиком из Лодейного Поля» Ахматова называла **Мишу Кралина** (р. 1948), в ту пору девятиклассника школы «Лодейнопольского района Ленинградской области». Второе Мишино письмо («тоже прекрасное», по отзыву Анны Андреевны) мне неизвестно, а первое было адресовано Корнею Ивановичу и передано по его просьбе — ей. Привожу цитату:
- ♦Скажите пожалуйста, можно ли мне, советскому школьнику, считать любимейшей поэтессой Анну Ахматову? Так часто приходится до хрипоты в голосе, чуть не до слез защищать ее и ее стихи. Словно какой-то запрет наложен на это имя. Нельзя рассказать о ней в кружке любителей поэзии, нельзя написать статью в наш рукописный журнал “Ровесник”. Не от культа ли личности достался нам этот запрет? Но я борюсь, потому что я люблю. Вы за меня, Корней Иванович? (Говоря все это, я имею в виду, главным образом, стихи Ахматовой последних лет.) Скорей бы прочитать ее “Триптих”. Я слышал, что он тоже прекрасен».
- Окончив после школы филологический факультет Ленинградского Университета, Михаил Михайлович Кралин начал упорно работать над изучением жизни и творчества Анны Ахматовой. Перечисляю некоторые из его поздних публикаций: Анна Ахматова. Из заветной тетради // Знамя, 1987, № 12; Анна Ахматова. Пролог, или Сон во сне // Искусство Ленинграда, 1989, № 1; а также статья «Победившее смерть слово» (“Нева”, 1988, № 7) и сборник «Об Анне Ахматовой».

- ¹²⁰ *Человек из «Известий» — Валентин Петрович Гольцев* (р. 1909) — журналист, автор многочисленных очерков, составитель сборника «700 тысяч километров в космосе» (о космонавте Г.Титове), а также «Ядерный век и война». С начала 60-х годов — специальный корреспондент «Известий»; с 65-го года — занял в «Известиях» высокий пост редактора военного отдела. Был он приближен к могущественному главному редактору, зятю Хрущева, А.И.Аджубею. Бродским он, по-видимому, не заинтересовался или заинтересоваться не пожелал. Однако, по просьбе Анны Андреевны, в том же 1964 году, он, пользуясь своим высоким положением, помог Н.Я.Мандельштам получить прописку в Москве. Кроме того, как свидетельствует М.В.Латманизов, он принес Ахматовой весть о возможной реабилитации Н.Гумилева. Об этом см. «За сценой»: ¹¹⁸.
- ¹²¹ «Труды и дни Н.С.Гумилева», составленные П.Лукницким и Анной Ахматовой, пока еще в свет не вышли. Что же касается сочинений, то, не считая журнальных публикаций, начавшихся в 1986 году, — в 1988-м в Большой серии «Библиотеки Поэта» вышел в свет однотомник «Стихотворений и поэм» (Л.: Сов. писатель). В биографическом очерке, предвещающем стихи, автор его В.В.Карпов о причастности Гумилева к заговору сообщает весьма двусмысленно: «...не берусь судить о степени виновности Гумилева, но и невиновности его суд не установил» (с. 76). — *Написано в 1989 г.*
- ¹²² Экземпляр фотографии с дарственной надписью стоит до сих пор на письменном столе Корнея Ивановича в музее «Дом Чуковского в Переделкине». Предполагаемых причин, вызвавших постановление ЦК и речь Жданова 1946 года, множество: одна из них — овации, устроенные Ахматовой, когда она выступила в Москве в апреле 1946 года. (Вышла на эстраду — зал поднялся и аплодировал стоя.) Говорили даже, будто Сталин приказал «расследовать, кто организовал вставание?» Подробно о постановлении 1946 года см. «Записки», т. 2, с. 7—20, 68—69). Снимок этот сейчас широко известен, он публиковался не раз — см., например: В.Виленкин. В сто первом зеркале. М., 1990.
- ¹²³ *Наталья Иосифовна Грудинина* (р. 1918) — ленинградская поэтесса, переводчица, руководительница — в ту

пору — литературного объединения молодежи при заводе «Светлана» и литературного кружка старшекласников во Дворце пионеров. Грудина — составительница нескольких сборников, где напечатаны стихотворения ее питомцев. Из ее собственных книг наиболее известны: «Дневник сердца» (1960) и «Посвящается молодости» (1970). Кроме того, Грудина переводит стихи поэтов Севера: якутские, эвенкийские, юкагирские и др.

¹²⁴ Из очень длинного и подробного письма Н.Грудиной привожу некоторые отрывки:

«...Адмони, Эткинд и я были вызваны к Прокофьеву. Кроме Прокофьева там присутствовали: из секретарей Браун и Чепуров, из партбюро Шейкин, Капица, Авраменко. Кроме того, был Воеводин-младший... В деле они, конечно, разобратся не пожелали, обрушили на нас град оскорблений и предъявили обвинения, что мы-де не поставили Союз в известность о том, что́ будем свидетельствовать, не согласовали этого вопроса с секретариатом, и второе обвинение — что мы свидетельствовали без учета “политического лица” Бродского...

Через неделю собрался... Секретариат и партбюро в достаточном кворуме... Прокофьев пустил в ход следующий прием: все, кто защищает Бродского — это целая организация, а Грудина — главный организатор. При этом он заявил с многозначительным видом, что ему, мол, все известно — в частности и то, что я организовывала телеграммы в “Известия” и в Бюро ЦК РСФСР. Этим он, видимо, решил поднять себя на высоту всезнающего и все сильного. Но... просто-напросто, когда я разговаривала по телефону со следователем Волковым (ГБ), то я ему об этих телеграммах сказала, поэтому “всезнание” Прокофьева проистекает все из того же источника — из уст следователя Волкова, который сам носа не высовывает, но втихомолку делом Бродского дирижировал и дирижирует сейчас. Кстати, мне стало известно, что в паре с ним действует другой следователь ГБ — Седов. Оба они держат на прицепе Лернера и других аналогичных мерзавцев из дружины Дзержинского района и сеют их руками те методы 37-го года, которыми им самим пользоваться запрещено.

Нужно сказать, что секретари вели себя подлейшим образом, все голосовали за все предложения Прокофьева —

очевидно, с перепугу, что их тоже зачислят в “организацию”. Взорвался один только Гранин (наконец-то!) и резко опротестовал воеводинскую фальшивку, посланную в суд. Он сказал, что понятия не имеет об этой бумаге, сказал, что она не только не была послана от комиссии, но и по-существу не совсем-то правильная, потому что, вопреки написанному в ней, Бродский создает талантливые стихи и именно благодаря им пользуется популярностью среди молодежи. Гранин сказал, что ему один за другим звонят возмущенные члены комиссии по работе с молодыми и опротестовывают свое участие в этом деле и что он по этому поводу созовет комиссию. Прокофьев пытался проташить голосованием запрет Гранину созывать комиссию, тогда Гранин сказал, что откажется от председательства в комиссии, если ему запретят ее созвать. С Граниным говорили грубо, перебивали его, запугивали...»

Секретариат постановил позаботиться о том, чтобы Грудина была лишена возможности руководить кружками молодых поэтов во Дворце пионеров и на заводе «Светлана». Об этом заседании Секретариата см. также в «Записках незаговорщика», с. 176—179.

- ¹²⁵ **Сергей Александрович Поделков** (р. 1912) — в 1964 году — член редколлегии еженедельника «Литературная Россия», курирующий отдел поэзии. Поэт, переводчик, автор многих стихотворных сборников.
- ¹²⁶ По словам Э.Г.Герштейн, Ахматова написала «заявку» на книгу о Пушкине и отправила в одно из итальянских — миланских — издательств. Книга в Италии, однако, издана не была.
- ¹²⁷ Привожу цитату из «Былого и Дум»:
«Есть пьесы Леопарди, которым я страстно сочувствую. У него, как у Байрона, много убито рефлексией, но у него, как у Байрона, стих иногда режет, делает боль, будит нашу внутреннюю скорбь. Такие слова, стихи есть у Лермонтова, есть они и в некоторых ямбах Барбье» (А.И.Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 10. М., 1956, с. 79).
- ¹²⁸ Краткое изложение ссоры Твардовского с Прокофьевым на пьянке у Расула Гамзатова — см. в дневнике В.Лакшина:
«7-8. IV. 1964. ...Трифоныч рассказал, что в пятницу, после за-

седания, пошел в гости к Расулу в гостиницу “Москва” и на смерть разбрался с А.Прокофьевым из-за дела Бродского. “Где же это слыхано, — сказал он Прокофьеву, — чтобы один поэт помогал посадить другого поэта”» («Новый мир» во времена Хрущева», с. 221).

¹²⁹ Стихи Бродского передал Твардовскому, по просьбе Анны Андреевны, — Семен Израилевич Липкин (о нем см. «Записки», т. 2, «За сценой»: ²¹²). Привожу его рассказ:

«По просьбе Анны Андреевны я передал Твардовскому (с которым был знаком совсем не близко, но издавна) поэму Бродского “Шествие” и два стихотворения: одно, посвященное Ахматовой (“Закричат и захлопочут петухи”), и другое — “Стансы” (“Ни страны, ни погоста / Не хочу выбирать”).

Твардовскому стихи не понравились. “Талантливо, — сказал он, — но слишком литературно”».

¹³⁰ **Алексей Иванович Аджубей** (1924—1993) — журналист, обладавший в ту пору большой властью: он был главным редактором газеты «Известия», членом ЦК КПСС и к тому же — зятем Н.С.Хрущева. В 1959 году (вместе с другими журналистами) Аджубей написал книгу о поездке Никиты Сергеевича в США «Лицом к лицу с Америкой» (М.: Госполитиздат), за которую в 1960 году все участники (среди них Н.Грибачев, Г.Жуков, Л.Ильичев, П.Сатюков и др.) получили Ленинскую премию по журналистике.

¹³¹ **Михаил Борисович Мейлах** (р. 1944) — автор нескольких специальных работ о провансальской поэзии — см., например, книгу «Язык трубадуров» (1975) — и работ об обэриутах. При участии М.Мейлаха вышло в свет четыре тома Собрания произведений Д.Хармса (Bremen: K-Press, 1978—1988) и двухтомное Полное собрание сочинений Александра Введенского (Ann Arbor: Ardis, 1980—1984; переиздано в 1993 московским издательством «Гилея»).

М.Мейлах — автор воспоминаний об Анне Ахматовой (см.: «Свою меж вас еще оставив тень...»: Ахматовские чтения. Вып. 3. М.: Наследие, 1992, с. 152—173).

В ту пору, о которой речь, Михаил Мейлах — девятнадцатилетний студент филологического факультета ЛГУ. Жил он тогда в Комарове, на даче у своих родителей, и несколько раз бывал у Анны Андреевны. В апреле 1964 года Мейлах

съездил навестить Бродского и, вернувшись в Ленинград, написал Ф.Вигдоровой письмо, где повторял упрек Иосифа, обвиняющего своих заступников в медлительности. Об этом (дата не установлена) Ф.Вигдорова мне сообщала:

«Мише Мейлаху я ответила так:

Милый Миша, мы очень мало знакомы, и поэтому мне трудно отвечать на ваше письмо.

И все же я хочу сказать вам, что ни Лидию Корнеевну, ни Льва Зиновьевича, ни меня побуждать к действию не надо. Вот уже более полугода *нет не то что дня, а часа*, чтобы мы не думали о судьбе Иосифа. Но люди мы не сановные, власти у нас нет никакой. Мы двигаемся не семимильными шагами, а отвоевываем дорогу по сантиметру. Это очень грустно, но это — так. И друзья Иосифа и сам Иосиф могут помочь нам только одним: доверием. Не сердитесь на это сухое письмо: мне было трудно его писать».

¹³² Ахматова говорит о количестве людей, защищавших Бродского. Привожу отрывок из «Воспоминаний о непрошедшем времени» Раисы Орловой (М.: Слово, 1993, с. 306):

«В деле Бродского принимали участие многие люди, многие литераторы. Этот список возглавляется именами старейшин — Ахматова, Чуковский, Паустовский, Маршак, Шостакович. А далее свидетели защиты — Н.Грудинина, В.Адмони, Е.Эткинд; те, кто писали письма, выступали на собраниях, уговаривали знакомых им власть имущих, писали характеристики Бродского, ходили по инстанциям, собирали отклики иностранной печати... Л.Чуковская, Е.Гнедин, Н.Долинина, Ю.Мориц, С.Наровчатов, Л.Копелев, Д.Гранин, В.Ардов (он, как и некоторые другие, вел себя непоследовательно — то защищал, то ругал Бродского), Л.Зонина, Вяч. Иванов, Д.Дар, И.Огородникова, Н.Оттен, Е.Гольшева, А.Сурков, М.Бажан, Е.Евтушенко, А.Вознесенский, Б.Ахмадулина, Р.Гамзатов, Я.Козловский, З.Богуславская... Это люди известные мне. А было и много других, более молодых литераторов Ленинграда — А.Битов, Р.Грачев, И.Ефимов, Б.Вахтин».

От себя добавлю по памяти: Я.Гордин, А.Найман, М.Мейлах, А.Бабенышев.

¹³³ **Иван Дмитриевич Рожанский** (1913—1994) — специалист по истории античной науки и философии, сотрудник Института Истории Естествознания и Техники

АН СССР. В ту пору «Наташа», то есть **Наталья Владимировна Кинд** (1917–1992), автор многочисленных трудов по изотопной геохронологии, сотрудница Геологического Института Академии Наук СССР, была его женой. Рожанские познакомились с Анной Андреевной в самом начале шестидесятых годов. Оба — друзья и защитники Иосифа Бродского, подписавшие, в частности, протестующую телеграмму Толстикову 20 февраля 1964 года (см.¹⁰³). В жизни Анны Андреевны Рожанские играли особую роль: вооруженные отличным магнитофоном, они одни из первых начали записывать ее голос. Анна Андреевна, гостя в Москве, часто принимала их у себя и сама с охотой бывала у них. Дом Рожанских был в ту пору местом постоянных встреч литераторов и ученых, привлекаемых туда не только гостеприимством хозяев, но и редкостным собранием книг и магнитофонных записей.

Рожанские записали на магнитофон отрывки из «Поэмы без героя», поэму «Реквием», отрывок из воспоминаний о Модильяни, а также гневный монолог Ахматовой в разговоре о Карамзиных и Наталии Николаевне Пушкиной. Кроме того — отдельные стихотворения, из которых многие еще не были тогда опубликованы: «Привольем пахнет дикий мед», «Наследница», «Ты напрасно мне под ноги мечешь», «Запад клеветал и сам же верил», «Поздний ответ», «Из тюремных ворот» и др.

Наталья Владимировна вспоминает: «Однажды Анна Андреевна дала мне прочесть “Поэму без героя”. Я прочла и призналась: “Не совсем поняла”. А.А. ответила: “Стихи и не надо понимать, их надо чувствовать”».

¹³⁴ В.А.Жуковская. Перед катастрофой // Неделя, 1964, № 14.

¹³⁵ Эта *очередная легенда* нашла свое отражение в дневнике В.Лакшина. В записи 18 апреля 1964 года читаем: «Был Евтушенко со стихами... Рассказывал, что его пригласили выступить в городке космонавтов под Москвой. Торжественно привезли, доставили чуть не на сцену и внезапно отменили выступление. Некто Миронов, заведующий отделом ЦК, сказал: “Чтобы духу его там не было”. Обрато машины не дали, и Евтушенко по лужам отправился к станции, сел на электричку и вернулся в Москву. Это все отголоски “исторических встреч” («Новый мир» во времена Хрущева», с. 225).

¹³⁶ Как уже мог убедиться читатель, дом Копелевых в шестидесятых (на улице Горького, 6) и в семидесятых (на Красноармейской, 21) был местом постоянной встречи московской — и не только московской — интеллигенции. Здесь обменивались русскими и иностранными книгами, самиздатскими рукописями, политическими новостями. Из рук Копелева я и (что существеннее!) редакция журнала «Новый Мир» получила первую рукопись А.Солженицына. (В романе «В круге первом» А.Солженицын вывел своего старого товарища по шарашке, Л.Копелева, под именем Рубин.) В доме Копелевых происходили встречи москвичей с немецкими и американскими корреспондентами, писателями и дипломатами. Отсюда многие самиздатские рукописи отбывали на Запад. Здесь, приезжая в Москву, встречался с советскими литераторами друг Л.Копелева Генрих Бёлль... Здесь собирали подписи в защиту преследуемых и деньги для политических заключенных. Чуть не все население писательских домов постоянно посещало квартиру Копелевых, пользуясь их многотомной разноязычной библиотекой.

Привожу отрывок из пародии Л.Осповата — о постоянном многолюдстве копелевского дома.

«В эту ночь супруги Копелевы улетали в Ялту, а жизнь в их доме шла своим обычным, размеренным ходом... Копелев... давал руководящие указания членам семьи, встречал и провожал гостей, учил свояченицу спряжению немецких глаголов и общался с друзьями. Таковых было немного... двоюродный брат троюродной племянницы прокурора армейского трибунала, муж той женщины, которая была когда-то детской любовью Копелева, скульптор Эрнст Неизвестный, просто неизвестный и еще один известный поддонок... Еще несколько однокашников, однокамерников и однодельцев пили чай с тетей Броней, обсуждая кандидатуры в правление Московского отделения писателей...» (сб.: Заклинание добра и зла. Александр Галич... М.: Прогресс, 1992, с. 450-451).

Естественно, что Л.Копелев и Р.Орлова находились под неотступным, явным и пристальным надзором властей. После выхода в свет в 1975 году в Америке книги Копелева «Хранить вечно» (Ann Arbor: Ardis) — надзор перешел в прямые преследования.

•В 1976 году в нашей квартире на первом этаже дважды разбили окно, — вспоминает Копелев. — В первый раз это произошло через несколько дней после того, как в соседнем доме “неизвестные” проломил голову Константину Богатыреву. Осенью 1976 года нам звонили, судя по голосам, молодые парни, и не слишком образованные, судя по лексике и стилистике. Матерились, удивлялись, что я еще “не подох”...» («Мы жили в Москве», с. 249).

В январе 1977 года Копелевых лишили телефона; в марте 77-го Льва Зиновьевича исключили из Союза Писателей. В 1980 году Раиса Орлова тоже была исключена (из партии и из Союза) за то, что вместе с мужем подписала письмо в защиту А.Д.Сахарова, высланного в Горький.

В 1980-м Л.Копелев и Р.Орлова решили на год уехать из Советского Союза. По приглашению Генриха Бёлля и Дармштадтской Академии языка и литературы, они, 12 ноября 1980 года, с обратными билетами в кармане, вылетели в ФРГ. Однако Указом Верховного Совета СССР 12 января 1981 года были лишены советского гражданства и остались в Кёльне. Там их многообразная литературная, лекционная и общественная деятельность — по связям Запада с СССР — продолжалась. Среди других русских книг, изданных по их инициативе и с их помощью, в 1987 году в переводе на немецкий язык Kay Borowsky и Nelli Kosko вышел первый том моих «Записок об Анне Ахматовой» с послесловием Р.Орловой (Tübingen: Gunter Narr Verlag).

Подробный список книг и статей Л.Копелева и Р.Орловой, изданных дома и на Западе, читатель найдет в № 3 журнала «Иностранная литература» за 1989 год, я же укажу лишь на те две книги, которые наиболее точно воспроизводят их писательский и жизненный путь и по материалу соприкасаются с моими «Записками» — те, где, в частности, рассказано и о деле Бродского, и о Фриде Вигдоровой, и о встречах Копелева и Орловой с Анной Ахматовой: Раиса Орлова. Воспоминания о непрошедшем времени (1983; переиздана в Москве в 1993 году) и «Мы жили в Москве».

Р.Д.Орлову познакомила с Анной Андреевной в 1962 году — я (см. «Записки», т. 2, с. 487). Л.З.Копелева — в том же 62-м году — Н.Я.Мандельштам. У Л.Копелева хранятся две книги Анны Андреевны с дарственными надписями. На «Стихотворениях» (1958) читаем: «Милому Льву Зиновьевичу Копелеву за его добрые слова об этих стихах. А.Ахматова.

4 июня 1962. Москва»; на «Беге времени»: «Льву Зиновьевичу Копелеву с глубоким уважением и даже восхищением. 27 февраля 1966. Москва».

¹³⁷ *Молодые врачи.* — **Евгений Иосифович Герф** (р. 1937) и **Виктор Миронович Гиндилис** (р. 1937). Один из них в то время терапевт, работавший на скорой помощи, другой — врач-генетик; оба — выпускники Второго Медицинского Института, тесно связанные студенческой дружбой. Герф поехал навещать Бродского главным образом потому, что в доме Копелевых познакомился с его стихами и с ним самим, и стихи и поэт чрезвычайно заинтересовали его. Герф в то время сам писал стихи. «Я ездил к Бродскому не как врач к пациенту, а скорее как ученик к учителю», — сообщает мне он в письме 1990 года. Гиндилис Герф пригласил с собой, «чтоб не было страшно», да и в надежде на его медицинские познания.

«Впечатление на меня, как на врача, Бродский произвел тяжелое, — пишет мне в том же письме Евгений Герф. — Он жил в деревянном угрюмом доме — помню серые доски, пыльные полувыбитые стекла, северное небо. Он ходил на работу, помогал очищать распаханное поле от валунов. Я обнаружил у Бродского признаки декомпенсации порока сердца — боли, кровохарканье». «Мы осмотрели Иосифа Бродского, — сообщает в том же 90-м году Виктор Миронович Гиндилис, — и нашли тогда... расширение границ сердца и функциональные расстройства сердечной деятельности. Оно и понятно, поскольку основное занятие И.Б. полный рабочий день состояло в том, что вместе с другими работягами он ворочал огромные каменные валуны (остатки движения ледников в этой зоне), перекатывая их на металлические листы-подстилки и затем перетаскивая в другое место... У И.Б. был чулан 5-6 кв.м., с топчаном, ящиком каким-то вместо стола и табурета и, главное, мизерное однорамное оконце, часть которого была разбита и потому заткнута какой-то тряпичей».

«...помню, как мы гуляем втроем, — пишет Е.Герф. — ...Бродский утверждает, что по этой дороге проходят этапы ссыльных, что это чуть ли не продолжение знаменитой Владимирки. Но говорим мы не о политике... Я учусь у него уму-разуму. И он учит меня видению иного... С той поры у меня хранятся два автографа Бродского. Один на ма-

шинке, это стихотворение “Витезслав Незвал” (“На Карловом мосту ты улыбнешься...”).

Подпись: “Дорогому Жене для воспоминаний об одной деревне с любовью. И.Бродский. 9164. Норинское”.

Другой автограф — в моей записной книжке, от руки, синими чернилами:

Сжимающий пайку изгнанья
в обнимку с гремучим замком,
прибыв на места умиранья,
опять шевелю языком.

Сияние русского ямба
упорней — и жарче — огня,
как самая лучшая лампа,
в ночи освещает меня.

Перо поднимаю насилию,
и сердце пугливо стучит.
Но тень за спиной на Россию,
как птица на рощу, кричит.

Да гордое эхо рассеяв,
засело по грудь в белизну,
лишь ненависть с юга на север
спешит, обгоняя весну.

Но, согнутый кашлем надсадным,
все ниже склоняясь в ночи,
почти обжигаясь — тем самым
от смерти подобье свечи
собой защищаю упрямо,
как самой последней стеной,
и это великое пламя
колеблется вместе со мной.

И. Бродский

9164

Норинское

Очевидно, 9164 это — год 1964».

Накануне отъезда врачей множество посылок для Иосифа Бродского принесли в дом Копелевых друзья. Об этом см. в книге «Мы жили в Москве», с. 106.

¹³⁸ Привожу свое письмо с некоторыми сокращениями:
«Несколько месяцев тому назад Ф.Вигдорова и я обратились к вам с письмом по поводу клеветнической статьи, поме-

щенной в газете “Вечерний Ленинград”. Статья поразила нас грубостью тона, невежеством, лживостью. Речь в ней шла о молодом поэте, Иосифе Бродском; чтобы доказать отсутствие у него дарования, авторы статьи щедро цитировали *не его* стихи...

Вам эта статья тоже не пришлась по душе. Но и Бродского Вы сочли недостойным заступничества. Люди, к которым Вы обратились за разъяснениями, доложили Вам о нем, как о человеке безусловно “антисоветском”.

Далее мною кратко изложено совершившееся на обоих судах. Продолжаю цитировать свое письмо:

♦Особенно тяжелое впечатление суд произвел на молодежь. Многие из молодых людей, присутствовавших на суде, встретили приговор негодованием и слезами. Еще бы! Они знают наизусть прекрасные лирические стихи Бродского (стихи о Ленинграде, о Пушкине), они знают его самого — человека, чуждого пижонства, карьеризма, стяжательства, человека буквально одержимого любимым делом, не встающего из-за машинки целыми днями — а иногда и ночами! — и вот именно его, труженика и бедняка, осудили у них на глазах как тунеядца!.. Суд над Бродским приобрел громкую и печальную известность, ибо в нем сконцентрировано все, ненавистное каждому культурному человеку, молодому и старому: неуважение к поэту, неуважение к интеллигенции, неуважение к закону. Чего стоит хотя бы тот факт, что приговор, в качестве одной из основ, опирается на справку Е.Воеводина — справку (Вы увидите это из записки), которая на суде была громогласно разоблачена как фальшивая!

...Вы можете сказать мне, что с жалобами на нарушение закона следует обращаться в соответствующие судебные инстанции. Это верно, — и обоснованные жалобы на неправильное ведение процесса уже поданы куда полагается отцом Бродского и его адвокатом. Но я обращаюсь к Вам не как к прокурору или адвокату, а как к литератору и общественному деятелю. В Архангельскую область на принудительный труд сослан талантливый поэт — с этим не может примириться моя гражданская совесть. Я уважаю всякий труд — в том числе и труд чернорабочего — но я отказываюсь понимать, кому это и для чего нужно, чтобы поэт, самостоятельно изучивший два языка и мастерски переводящий стихи, — принудительно, в виде наказания, исполь-

зовался как возчик?.. В Ленинграде, в одном из крупнейших культурных центров страны, перед лицом трудовых людей — строительных рабочих — был публично оболган и ошельмован поэт-переводчик, а с ним вместе и те литераторы, которые за него заступились. Это уже не просто беззаконие, допущенное относительно *одного* человека; нет, это оскорбление литературного труда, тяжелого и вдохновенного, оскорбление интеллигенции... Общественный обвинитель назвал заступников Бродского “подонками”; в зале раздались возгласы: “всех бы вас, писателей, вон из Ленинграда!”, “видим мы, как вы работаете!” и т. д. Бродского судили люди столь невежественные в вопросах перевода, что обращение к подстрочнику, без которого не обходится ни один поэт, они считают “использованием чужого труда”; его судили люди столь недобросовестные, что мнение о его работе Маршака и Чуковского они всеми силами постарались от аудитории скрыть, отлично понимая, что публика больше поверит суждению мастеров, чем фальшивой бумажке, состряпанной Воеводиным. Расчет верный — но бесчестный... А преследование после суда свидетелей защиты, выполнивших свой гражданский и профессиональный долг! А умышленное распространение слухов, будто все, кто прежде хлопотали о Бродском, теперь от него отступились! А невозможность ни для кого высказаться в защиту осужденного ни в одной газете, ни в одном журнале, напечатать подлинные стихи и переводы Бродского, невозможность печатно разоблачить махинации Лернера, клевету “Вечернего Ленинграда”! Всё это скопление умышленных, продуманных мероприятий далеко выводит дело Бродского за рамки “судебной ошибки”, досадной случайности. Какая уж тут “ошибка” — тут заранее обдуманное намерение: во что бы то ни стало, несмотря ни на какие факты, добиться публичного осуждения заранее обреченного человека... (Характерная в этом смысле мелочь — у дверей зала, где состоялся процесс, висел большой плакат: “Суд над тунеядцем Бродским”. Не означает ли это, что Бродский был признан виновным в тунеядстве еще до суда... К чему же в таком случае суд, если приговор объявлен заранее?) Нет, дело Бродского — это демонстрация несправедливости, компрометирующая советский суд и тем самым наносящая огромный вред воспитанию молодежи. (Гораздо больший вред, скажу в скобках, чем могут принести какие

бы то ни было записи, таящиеся в каком бы то ни было дневнике.) То новое поколение советских людей, которое в юности услышало о вопиющих беззакониях недавнего прошлого, та молодежь, которой с самой высокой трибуны было возвещено и обещано строгое исполнение законов — в деле для молодежи дорогом и заветном (ибо судили поэта, их сверстника!) — получила от судей наглядный урок грубого попрания законов, — а заодно и полного неуважения к литературному труду. Недаром один из литераторов, присутствовавших на суде, сказал: “Я тоже чувствую себя осужденным”.

Вот в чем печально-поучительный смысл дела Бродского, вот почему я убеждена, что люди, любящие литературу, обязаны всеми силами добиваться отмены приговора...

Осуждение Бродского своей грубой, демонстративной несправедливостью оскорбило не его одного. Оно противоречит не только закону, но и общественному мнению. Оно противоречит гуманности: у Бродского большое сердце, тяжелый физический труд ему не по силам. Оно оскорбительно для нашей литературы: переводчик-труженик приравнен приговором суда к бездельнику.

Приговор должен быть отменен. Бродский должен вернуться в родной город, к любимой работе. Молодежь, оскорбленная неправым судом, должна ощутить торжество справедливости.

Лидия Чуковская

4 мая 1964 г. Москва.

¹³⁹ Возмущенный статью в «Смене», где подверглись издевательствам и поношению свидетели защиты, — молодой ленинградец, сотрудник Радиевого Института им. В.Г.Хлопина Юрий Сергеевич Варшавский (р. 1931) обратился с протестующим письмом в редакцию газеты «Известия».

«Мне кажется, что молодежная газета Ленинграда, — писал он, — допустила ошибку, напечатав на своих страницах... грубые и развязные выпады. Редакция “Смены” не может не знать, что Н.И.Грудинина, Е.Г.Эткинд и В.Г.Адмони ведут огромную работу с молодыми писателями, поэтами и переводчиками и что творческая литературная молодежь Ленинграда очень обязана этим людям. Опубликовав заметку без подписи, “Смена” предоставила ее автору возможность публично поносить Н.И.Грудинину, Е.Г.Эткинда и

В.Г.Адмони как бы от имени редакции. Думается, что попытки возродить в наши дни практику подобной диффамации должны быть решительно пресечены.

Письмо Варшавского, разумеется, напечатано не было, но один из его приятелей прислал копию этого протестующего письма Фриде Абрамовне Вигдоровой. В дополнение он сообщал следующее:

«В качестве курьеза отмечу, что автор этого письма был вечером 13 марта удален из зала (на Фонтанке) и затем привлечен к ответственности за мелкое хулиганство, выразившееся в том, что он (цитирую протокол милиции) “преднамеренно чихал с целью сорвать заседание суда”».

- ¹⁴⁰ Все перечисленные стихотворения вошли в сборник «Стихотворения и поэмы» (N.Y.: Inter-Language Literary Associates, 1965). У нас же из этого списка стихов напечатаны пока что три: «Рождественский романс» («Юность», 1988, № 8, с. 67), «Стансы» в статье Эдуарда Безносова «Жизнь составляет клочок бумаги» (газета «Менделеевец», 1 июня 1989), а также «Стансы городу» — в очерке Я.Гордина «Дело Бродского». — *Написано в 1989.*

Примеч. ред. 1996: Теперь все перечисленные стихи вошли в Сочинения Иосифа Бродского в четырех томах (СПб.: Пушкинский фонд, 1992—1995).

- ¹⁴¹ Привожу это стихотворение целиком по экземпляру машинописи, доставшемуся мне в 1962 году.

СТАНСЫ

Е.В., АД.

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
я впотьмах не найду.
Между выцветших линий
на асфальт упаду.
И душа неустанно
поспешая во тьму,
проплывет под мостами
в петроградском дыму.

И апрельская морось,
 под затылком снежок,
 и услышу я голос:
 «До свиданья, дружок!»
 И увижу две жизни
 далеко за рекой,
 к равнодушной отчизне
 прижимаясь щекой.
 Будто девочки-сестры,
 из непрожитых лет,
 выбегая на остров,
 машут мальчику вслед.

1962

¹⁴² Д.А. Гранин от уклончивости по отношению к делу Бродского перешел к активным действиям в его защиту. 4 мая 1964 года поэт Глеб Сергеевич Семенов, один из постоянных ленинградских корреспондентов Ф.Вигдоровой, писал ей:

«...Как вы знаете, было заседание Комиссии (по работе с молодыми. — Л.Ч.) с решением довести до сведения секретариата невозможность работать с Воеводиным. Перед праздником на даче у Прокофьева Гранин сделал это, потребовав в ультимативной форме прямого снятия. Гнев длился 2 часа, после чего было сказано: “Да, Воеводин не годится, но снимать его я не буду, это будет выглядеть как уступка”».

8 мая 1964 года Гранин написал заступническое письмо Руденко, а впоследствии, вместе с М.Дудиным, посетил секретаря ЦК по идеологии П.Н.Демичева.

¹⁴³ **Алев Шакирович Ибрагимов** (р. 1925) — переводчик. Кроме поэтов западноевропейских (Байрона, Вордсворта, Шелли, Верхарна) он переводил и Восток: Рабиндраната Тагора, произведения современных тамильских прозаиков, Назыма Хикмета, а также поэтов-африканцев.

Собрание сочинений Рабиндраната Тагора в двенадцати томах выходило в Москве в издательстве «Художественная литература». Алев Ибрагимов был в это время одним из старших редакторов издательства.

Переводы Анны Ахматовой опубликованы в 7-м и 8-м томах этого издания.

¹⁴⁴ 20 мая 1964 года была составлена «Информация КГБ при СМ СССР об обсуждении творческой интеллигенцией судеб-

ного процесса над И.Бродским». «Информация» подписана В.Семичастным, недавно сменившим А.Шелепина на посту председателя КГБ. Приводим выдержки из этой секретной справки:

«Осуждение Бродского вызвало различные кривотолки в среде творческой интеллигенции.

В значительной степени этому способствовала член Союза писателей Вигдорова Ф.А., по собственной инициативе присутствовавшая на суде и составившая необъективную стенографическую запись хода процесса...

Члены Союза писателей Л.Чуковская, Р.Орлова, Л.Копелев оценивают процесс над Бродским как «рецидив печально известных методов произвола». Поэтесса Н.Грудинина считает, что во время суда над Бродским было допущено «беззаконие».

Поэт Е.Евтушенко прочитав материалы Вигдоровой, заявил, что процесс над Бродским пахнет фашизмом, нарушается законность...

Следует отметить, что наиболее активно муссируются слухи вокруг дела в кругах творческих интеллигентов еврейской национальности.

Вследствие достаточно широкого распространения материалов Вигдоровой, они стали достоянием буржуазной прессы. Об этом свидетельствует тот факт, что 13 мая 1964 года в английской газете «Гардиан» опубликована клеветническая статья некоего В.Зорза, в которой излагаются, а в некоторых случаях дословно цитируются выдержки из собранных Вигдоровой материалов. Комитет госбезопасности принимает меры к розыску лиц, способствовавших передаче тенденциозной информации по делу Бродского за границу» (см.: Елена Якович. «Дело» Бродского на Старой площади // ЛГ, 1993, № 18, с. 6; Л.Лазарев. «Колесики и винтики» // Октябрь, 1993, № 8, с. 184). — *Примеч. ред. 1996.*

¹⁴⁵ Руденко, Тикунов объяснены раньше; напоминаю читателю, что Л.И.Брежнев не был еще в это время главой партии и государства, как Н.С.Хрущев, но занимал уже в ту пору высший пост председателя Президиума Верховного Совета СССР.

¹⁴⁶ **Леонид Федорович Ильичев** (1906—1990) — с 1961 по 1965 секретарь ЦК по идеологии.

¹⁴⁷ Привожу ответ Ленинградской Прокуратуры (23.V.1964, № 4-1079):

«Гр. Чуковской Л.

Ваша жалоба, адресованная в Отдел культуры ЦК КПСС, рассмотрена.

Как видно из материалов дела, Бродский систематически не занимался общественно-полезным трудом и начиная с 1961 г. сменил 13 мест работы. В последнее время он нигде не работал, находился на иждивении своих родителей-пенсионеров и игнорировал неоднократные предупреждения сотрудников милиции о необходимости трудоустройства.

Поэтому постановление нарсуда от 13 марта 1964 г. о его выселении из Ленинграда является правильным. Срок выселения определен с учетом данных о личности Бродского, и оснований к опротестованию постановления нарсуда в настоящее время не усматривается.

При этом возвращаю приложенные к жалобе копии писем, письменное изложение дела, запись — на 47 листах.

Начальник Отдела по надзору
за рассмотрением в судах уголовных дел
Советник юстиции *Бороданков*.

¹⁴⁸ *Вот и моя «Софья» не увидит света.* — Незадолго до этого разговора я побывала у Валентины Михайловны Карповой (р. 1915), главного редактора издательства «Советский писатель» и главной, до той поры, поклонницы моей повести. Мне хотелось разузнать, сколько времени, по ее мнению, продлится запрет. В ответ на мои расспросы Карпова буркнула, не отрываясь от бумаг, во-первых: «я всегда говорила вам, что повесть ваша идейно порочна» (чего она не говорила никогда) и, во-вторых, «будьте еще благодарны издательству, что мы не требуем с вас деньги обратно». Последний ответ навел меня на мысль, что имею право требовать с издательства деньги — я, потому что по закону за принятую рукопись издательство, в любых обстоятельствах, обязано выплатить автору весь гонорар полностью (подробнее см.: «Процесс исключения», с. 182-183).

¹⁴⁹ Лев Николаевич Гумилев был арестован впервые при случайной «облаве» и пробыл в заключении всего десять дней — в 1933 году; вторично — в конце октября 1935 года

(вместе с Н.Н.Пуниным); третий раз — 10 марта 1938-го и в четвертый — 6 ноября 1949 года. В общей сложности Л.Н.Гумилев пробыл в заключении тринадцать с половиной лет.

¹⁵⁰ О Елене Сергеевне Булгаковой — см. «Записки», т. 2, «За сценой»: ²⁰⁴. Я познакомилась с нею в Ташкенте: одно время я жила в том же общежитии на улице Жуковского, 54, где и она. Мимо моего окна проходила лестница, которая впоследствии была воспета Ахматовой в стихотворении «Встреча» из цикла «Новоселье» (БВ, Седьмая книга). Когда я, осенью 1942 года, выздоравливала от тифа, Елена Сергеевна читала мне вслух «Мастера и Маргариту». В Москве мы встречались редко.

¹⁵¹ Привожу отрывки из записей Р.Орловой, сделанных тогда же:

В.М.ЖИРМУНСКИЙ:

«В конце марта мы отмечали пятидесятилетие “Четок”, книги, установившей славу Ахматовой в русской поэзии... Пятьдесят лет — время немалое, *такой* промежуток времени отделяет смерть Пушкина от возникновения русского модернизма. Однако, как вы видите и показываете своим присутствием, стихи не устарели. Мы собрались здесь, чтобы слушать стихи большого русского поэта, стихи уже классические, но еще современные, переведенные теперь на все языки мира.

...Ахматова создала много замечательных стихов. Далеко не все появились в печати. Но ответственность не на поэте, а на известных обстоятельствах эпохи культа личности...»

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ:

«Музе Ахматовой свойственен дар гармонии, редкий даже в русской поэзии, в наибольшей степени присущий Баратынскому и Пушкину. Ее стихи завершены, это всегда окончательный вариант. Ее речь не переходит ни в крик, ни в песню, слово живет взаимосвечением целого... Мир Ахматовой учит душевной стойкости, честности мышления, умению сгармонировать себя и мир, учит умению быть тем человеком, которым стремишься стать...

Язык Ахматовой связан с языком русской прозы. Ее произведений не коснулся великий соблазн разрушения формы, то, что характерно для Пикассо, Эйзенштейна, Чаплина».

ЛЕВ ОЗЕРОВ:

«Долго ли еще будет тетрадкой эта всеми ожидаемая книга?»
(«Мы жили в Москве», с. 281—283. О выступлении В.М.Жирмунского см. также: Лев Шилов. Анна Ахматова. М.: Знание, 1989, с. 10.)

¹⁵² В доказательство той мысли, что современники воспринимали Анну Ахматову как наследницу Блока, привожу отрывки из письма к ней Ларисы Рейснер, посланного из Афганистана и помеченного 24 ноября 1921 года:

«...Газеты, проехав девять тысяч верст, привезли нам известие о смерти Блока. И почему-то только Вам хочется выразить, как это горько и нелепо. Только Вам — точно рядом с Вами упала колонна, что ли, такая же тонкая, белая и лепная, как Вы. Теперь, когда его уже нет, Вашего равного, единственного духовного брата, — еще виднее, что Вы есть, что Вы дышите, мучаетесь... Ваше искусство — смысл и оправдание всего. Черное становится белым, вода может брызнуть из камня, если жива поэзия. Вы радость, содержание и светлая душа всех, кто жил неправильно, захлебывался грязью, умирал от горя. Только не замолчите — не умирайте заживо» (Лариса Рейснер. Избранное. М., 1965, с. 518).

Ту же мысль, хотя и совсем другим тоном и более лаконически, выразил и К.Чуковский. 17 марта 1922 года он написал у себя в Дневнике:

«Если просидеть час в книжном магазине — непременно раза два или три увидишь покупателей, которые приходят и спрашивают:

— Есть Блок?

— Нет.

— И «Двенадцати» нет?

— И «Двенадцати» нет.

Пауза.

— Ну так дайте Анну Ахматову!» (К.Чуковский. Дневник. 1901—1929. М.: Сов. писатель, 1991, с. 194).

Примеч. ред. 1996: Сохранились записи Лидии Чуковской для статьи «Ахматова и Блок». Там, в частности, говорится: «Ахматова (а не братья Блока по символизму: Белый, Сологуб), Ахматова виделась и видится как наследница и продолжательница Блока. В наследство от него она получила не только «тревогу» и «уменьше писать стихи» (как сама на-

писала однажды на одной из своих ранних книг, ему в дар). Она получила от него в наследство Россию. Когда Россия на минуту очнулась — в 60-е годы — и взглянула на себя глазами поэта, она поняла: на блоковский престол взошла Ахматова. <...>

Ахматова называла Блока: "человек-эпоха" и "Как памятник началу века / Там этот человек стоит".

Сама она — тоже памятник. И — началу века и продолжению века. В "Эпilogе" к "Реквиему" она просит воздвигнуть ей памятник против тюрьмы. А в начале своей жизни, в молодости, она жила теми же приметам эпохи, что и Блок. И тем же предчувствием гибели, что и он. <...>

Все страшные предчувствия Блока сбылись в последующие годы, уже после смерти его; и блоковское чувство истории, и герценовскую неразделимость "общего" с "частным" — воплотила в своей поэзии Анна Ахматова. <...>

После смерти Блока на его престол взошла Ахматова — второй после Блока поэт, чьим голосом заговорила Россия. Гражданская лирика Ахматовой неотделима от интимной, личной. Блок чувствовал "насилие полицейского государства", Ахматова пережила и воплотила эту эпоху — не стихию "Двенадцати", а методичную деятельность ежовской бюрократии» (Архив Е.Ц. Чуковской).

¹⁵³ Речь идет о статье Корнея Чуковского «Читая Ахматову». Об этой статье см. также «Записки», т. 2, с. 523, 528, 547–548).

¹⁵⁴ В конце концов Анна Андреевна добилась договора на совместный с Найманом перевод Леопарди (см.: «Рассказы...», с. 157). О своей болезни и ахматовских письмах к нему в больницу Найман рассказывает там же, на с. 160–179. Книга Леопарди вышла уже после кончины Ахматовой. См.: ⁴⁹.

¹⁵⁵ Статья Н.Миронова в «Правде» именовалась «Укреплять законность и правопорядок». Миронов, в частности, сообщал, что «партия навсегда покончила с извращениями периода культа личности, исключив всякую возможность проявления чего-либо подобного».

Евгений Александрович Гнедин, присутствовавший на суде над Бродским 13 марта 1964 года, составил список беззаконий, допущенных судом, и приложил к своему письму, которое адресовал Миронову. Письмо начиналось так:

«Многоуважаемый Николай Романович!

Обращаюсь к вам с этим письмом, так как считаю своим партийным и гражданским долгом со всей определенностью обратить Ваше внимание на политический вред, принесенный судом над ленинградским поэтом-переводчиком И.А.Бродским. Естественно, что я пишу об этом именно Вам, тому руководящему деятелю КПСС, который недавно авторитетно сформулировал точку зрения партии на законность и правопорядок и которому, как я предполагаю, подведомственны органы, занимавшиеся делом Бродского».

¹⁵⁶ Привожу строки Льва Озерова, процитированные А.Урбаном:

«Иноземным ценителям и журналистам важно не то, что Анна Ахматова жива и что наиболее совершенные свои произведения написала поздней, а именно в 30-40-60-е годы. Им важно доказать, что оставшаяся в России Ахматова замолкла, иссякла, исписалась. Был поэт — нет поэта. Такова <...> уготованная Ахматовой схема. Таковую судьбу ей придумали и навязали».

¹⁵⁷ Приведенные строки — цитата из стихотворения О.Мандельштама «Мастерица виноватых взоров», обращенного к М.Петровых (ББП-М, с. 173).

¹⁵⁸ Привожу это стихотворение Марии Петровых целиком (напечатано через много лет, посмертно, в журнале «Знамя», 1989, № 1):

Есть очень много страшного на свете,
Хотя бы сумасшедшие дома,
Хотя бы искалеченные дети,
Иль в города забредшая чума,
Иль деревень пустые закрома,
Но ужасы ты затмеваешь эти —
Проклятье родины моей — тюрьма.

О, как ее росли и крепили стены —
В саду времен чудовищный побег,
Какие жертвы призраку измены
Ты приносить решался, человек!..
И нет стекла, чтобы разрезать вены,
Ни бритвы, ни надежды на побег,

Ни веры — для того, кто верит слепо,
 Упорствуя судьбе наперекор,
 Кто счастлив тем, что за стенами склепа
 Родной степной колышется простор.
 Скупой водой, сухою коркой хлеба
 Он счастлив — не убийца и не вор,
 Он верит ласточкам, перечеркнувшим небо,
 Оправдывая ложный приговор.

Конечно, страшны вопли дикой боли
 Из окон госпиталя — день и ночь.
 Конечно, страшны мертвецы на поле,
 Их с поля битвы не уносят прочь.
 Но ты страшной, безвинная неволя,
 Тебя, как смерть, нет силы превозмочь.
 А нас еще ведь спросят — как могли вы
 Терпеть такое, как молчать могли?
 Как смели немоты удел счастливый
 Заранее похитить у земли?..

И даже в смерти нам откажут дети,
 И нам еще придется быть в ответе.

1938–1942

Остальные стихотворения, отрывочно запомненные мною в тот день, — напечатаны при жизни Марии Сергеевны, в 1966 году, в сборнике «Дальнее дерево» (Ереван: Айастан).

- ¹⁵⁹ Моя «встреча с велосипедом» — это происшествие в Перedelкинe 2 июля, окончившееся для меня трещиной двух ребер и сотрясением мозга. В сумерках я ступила с обочины на проезжую часть дороги, не различив, из-за своей близорукости, летевшего прямо на меня с горки велосипедиста. После этой «встречи» я пролежала в постели около трех недель.
- ¹⁶⁰ Самуил Яковлевич Маршак скончался 4 июля 1964 года в возрасте семидесяти шести лет.
- ¹⁶¹ Впоследствии на мой вопрос о юбилее В.Г.Адмони ответил так:
 «Насколько я могу вспомнить, в Ленинграде в июне 1964 года юбилей Анны Андреевны нигде и никак не отмечался. Союз в целом его не отмечал наверняка. Секция переводчиков (единственная, которая тогда могла это сделать,

хотя я и не был тогда еще ее председателем) в июне уже не функционировала (все разъехались). Так что единственное, что было (уже в июле) — это посещение А.Прокофьевым и А.Чепуровым Будки с бутылкой шампанского и со всевозможными извинениями. Должен оговориться, что память у меня плохая, но я дополнительно расспросил друзей» (из письма ко мне В.Г.Адмони).

¹⁶² В конце июня Бродский встречал Анну Андреевну на ленинградском перроне. Точной даты приезда Ахматовой в Ленинград и, стало быть, ее встречи с Бродским мне установить не удалось.

¹⁶³ О количестве откликов на свое выступление Корней Иванович 17 июля 64-го года писал мне:

«Когда я говорил по радио об Анне Андреевне — я чувствовал, что говорю скандально плохо, и мне было стыдно перед нею. И вдруг получаю целый ворох писем, образчики которых прилагаю».

¹⁶⁴ *Любочка* — Любовь Давыдовна Большинцова (1908—1983).

О ней см. «Записки», т. 2, «За сценой»: 49.

Елена Михайловна Тагер — см. там же: 233.

Минна Исаевна Дикман (1919—1989) — сотрудница Ленинградского отделения издательства «Советский писатель», официальный издательский редактор «Бега времени».

¹⁶⁵ **Давид Яковлевич Дар** (1910—1980) — очеркист, эссеист, автор философских трактатов и аллегорических сказок для взрослых. В дни ленинградской блокады вышла в свет его первая повесть — антифашистский памфлет «Господин Гориллиус» (1941). Тяжко раненый на Ленинградском фронте, Д.Я.Дар долго лечился в госпитале и там написал «Рассказы о боевых друзьях» (Пермь, 1944). После войны была опубликована «Повесть о Циолковском» (1948).

А с 1951 года началась литературно-педагогическая деятельность Дара. «Призвание Дара и роль, которую он тогда играл, были интересны и существенны: он — будоражил, — так вспоминает о значении педагогической работы Д.Я.Дара его младший современник и нередкий собеседник А.Г.Найман. — Он не уставал убеждать и показывать, что искусство — это не комод с признанными и навеки упакован-

ными достижениями, а постоянно творимое новое. Ниспровергал авторитеты, насмешничал, издевался и т. д. Дар был затравкой в кристаллизирующемся растворе сочинительства других; закваской литературного теста; катализатором творческой реакции».

«Давид Яковлевич в 1951 году пришел в Дом культуры трудовых резервов Ленинграда, — сообщает мне в письме его ученик и соавтор А.Ельянов, — руководить кружком молодых поэтов и прозаиков, учащихся ремесленных училищ и рабочих; два раза в неделю он вел занятия, на которых не просто шла речь о литературе и духовной жизни, а всегда происходило высокое таинство — посвящение в интеллигентность. Читались трудные книги, стихи запрещенных поэтов... Его знали и любили, и прислушивались к его мнению многие молодые литераторы тех лет...».

В 1957 году под редакцией Д.Я.Дара в Москве в «Трудрезервиздате» вышла книжка «Голос юности» — голос молодых участников его ленинградского кружка.

Большое впечатление на друзей Д.Я.Дара произвела его весьма самокритичная «Надгробная речь самому себе», которую он произнес на праздновании своего шестидесятилетия, запретив собравшимся все юбилейные речи.

Как только начались преследования Бродского (который никогда членом никакого объединения не был), Д.Я.Дар, вопреки энергичным протестам жены (он женат был на Вере Пановой), примкнул к защитникам молодого поэта. После тяжелой болезни и смерти Веры Федоровны (1973) Д.Я.Дар вышел из Союза Писателей, мотивируя свой поступок тем, что он — человек аполитичный, а Союз Писателей — политическая организация.

Неудивительно, что Даром заинтересовался КГБ, опасаясь его «вредного влияния» на молодежь, — тем более, что он никогда не скрывал своей любви к Пастернаку, писателю опальному. Когда в 1977 году Давид Яковлевич подал заявление в ОВИР о своем желании уехать в Израиль — разрешение последовало незамедлительно, хотя многие документы были им к тому времени потеряны.

В Иерусалиме, в 1980 году, вышла в свет последняя книга Д.Я.Дара «Исповедь безответственного читателя».

¹⁶⁶ **Сарра Иосифовна Аренс** — жена ботаника Льва Евгеньевича Аренса, брата первой жены Н.Н.Пунина, Анны Евгеньевны. Отношение семьи Льва Евгеньевича к

Ахматовой всегда, и после ее развода с Пуниным, было и оставалось дружественным. Вот как характеризует Анатолий Найман Сарру Иосифовну:

«Хозяйство в комаровском домике вела Сарра Иосифовна Аренс, почти семидесятилетняя старушка, маленькая, с утра до вечера в переднике, всегда с улыбкой на морщинистом личике с всегда печальными глазами. Тихая, нежная, услужливая, самоотверженная... она боялась Ахматовой, но ничего не могла поделать с неистребимым желанием дать отчет о расходах и находила момент пробормотать что-то о подорожавшем твороге, на что та немедленно разъярялась: “Сарра! Я вам запретила говорить мне про творог”. Еще больше Ахматовой она боялась — и безгранично любила и почитала — своего мужа, Льва Евгеньевича, брата первой жены Пунина. Он тоже был маленького роста, с выразительным живым лицом чудака, с живыми веселыми глазами и длинной белой бородой, которая развевалась по ветру, когда он ехал на велосипеде, главным образом, купаться на Щучье озеро. Ботаник и, кажется, с ученой степенью, он знал названия и свойства множества растений. Человек был верующий, православный... В свое время был репрессирован и на слова следователя: “Как же вы, просвещенный человек, и в Бога веруете?” — ответил: “Потому и просвещенный, что верую» (*Рассказы...», с. 146-147).

¹⁶⁷ О приезде А.Прокофьева, А.Чепурова и Н.Брауна к Ахматовой с извинениями — см. также: Сильва Гитович. Об Анне Андреевне. — В сб. «Об А.А.», с. 353.

¹⁶⁸ О поездке в Выборг подробно см. «Рассказы...», с. 189.

¹⁶⁹ **Наталья Евгеньевна Горбаневская** (р. 1936) — поэтесса. Окончив заочно Ленинградский Университет в 1964 году, Горбаневская некоторое время работала как переводчица и библиограф. Ее стихи начали ходить по рукам после того, как в 1961 году появились в самиздатском журнале «Феникс». С Анной Андреевной Наталья Горбаневская познакомилась, по-видимому, в 1963 году. (К какому именно ее стихотворению относится реплика Ахматовой, — я, к сожалению, не помню.)

Слова Анны Андреевны о боли, которой продиктованы стихи Горбаневской, подтверждены всем жизненным путем молодой поэтессы. Стихи писать Наталья Горбаневская не перестала, но выбранный ею жизненный путь рожден тою

же болью. С января 1968 года Горбаневская, вместе с Анатолием Якобсоном и Ларисой Богораз, сделалась основательницей и постоянной сотрудницей «Хроники текущих событий».

«Она, — вспоминал впоследствии А.Якобсон, — сделала 10 номеров и делала их хорошо. Она вообще человек литературный, умеет писать, владеет материалом... Благодаря Горбаневской, создавшей в первых 10-ти номерах определенную традицию, "Хроника" выходила на хорошем литературном уровне» (см.: Н. и М.Улановские. История одной семьи. М., 1994, с. 408 и 410).

В августе того же 1968 года Горбаневская, среди восьмерых демонстрантов, вышла на Лобное место на Красной площади в знак протеста против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию. Накануне она мастерила флажки и плакаты с надписями по-русски и по-чешски: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!» и «За нашу и вашу свободу!». Она вышла на площадь, везя перед собою коляску с младенцем. С нею одновременно: Константин Бабицкий, Павел Литвинов, Лариса Богораз, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Татьяна Баева и Владимир Файнберг. Подробное описание этой демонстрации см. в книге Натальи Горбаневской «Полдень» (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1970), а также в статье Ильи Мильштейна «Выйти на площадь» («Огонек», 1990, № 1).

Двое из демонстрантов получили тюремные сроки, трое — ссылку; Файнберг был сразу заключен в психиатрическую лечебницу; Баеву друзьям удалось выдать за случайную прохожую, а Наталью Горбаневскую спас на некоторое время младенец: она была оставлена на свободе, «признана невменяемой и отдана... под опеку матери».

Когда младенец подрос, с нею расправились по-настоящему. Три года — с декабря 69-го по декабрь 72-го — она провела в психиатрической больнице особого типа в Казани. В журнале «Источник» (1993, № 2) среди документов из архива ЦК КПСС опубликована служебная записка КГБ, относящаяся ко времени суда над Горбаневской (1970). В ней сообщается о приговоре; о том, что Горбаневская «являлась активной участницей дерзких антиобщественных акций» и т. п.

Стихи Горбаневская не переставала писать до заключения, и в заключении, и после. Укажу на те, которые вышли до

ареста в Советском Союзе: в газете «Московский комсомолец» (16 мая 1965); в журналах «Знамя» (1966, № 6) и «Звезда Востока» (1968, № 1). В «Звезде Востока» стихи нескольких молодых поэтов, озаглавленные «Первая встреча», сопровождаются короткими характеристиками; о стихотворениях молодой Натальи Горбаневской пишет Нина Татаринова, высказывая, в сущности, ту же мысль, что и Ахматова:

«Читая их, думаешь не о рифмах, не о строках, а о жизни. О том, какой ценой это дается поэтессе, свидетельствуют заключительные стихи ее подборки:

Накарябай строку, нацарапай
на запястье своем
да травинку кровинкой закапай
за рабочим столом».

После освобождения, в 1973 году, в США вышел сборник стихотворений Н. Горбаневской «Побережье» (Ann Arbor: Ardis); в 1975-м — сборник под заглавием «Три тетради стихотворений» (Bremen: K-Press), куда вошли ее самиздатские сборники 1972—1974 годов.

В декабре 1975-го Наталья Горбаневская эмигрировала в Париж. За границей ее стихи начали в изобилии публиковаться в журналах и отдельными сборниками. Отсылаю читателей к «Энциклопедическому словарю русской литературы с 1917 года», составленному Вольфгангом Казаком (London: Overseas Publications Ltd, 1988).

¹⁷⁰ С октября по декабрь 1964 года в европейских и американских газетах (например, в «Le Monde» 24 октября или в «New York Review of Books» 17 декабря) печаталось заявление Жана Поля Сартра с отказом от присужденной ему Нобелевским комитетом премии по литературе.

В общей форме Сартр сначала обосновывает отказ убеждением, что писатель никогда не должен принимать премий за свои работы. В частности же, о своем отказе получить премию после Пастернака, сообщает: «В нынешних условиях Нобелевская премия объективно выглядит как награда писателям Запада либо строптивцам с Востока. Ею, например, не увенчали П.Неруду, одного из крупнейших поэтов Америки. Речь никогда всерьез не шла о Луи Арагоне, который ее вполне заслуживает. Достоинно сожаления, что премию присудили Пастернаку прежде, чем Шолохову, и

что единственное произведение, удостоенное награды, — это книга, изданная за границей...» и — в некоторых переводах заявления Сартра — добавлено: «осужденная дома». (И.Э.Лалаянц. Нобелевские премии // Сов. библиография, 1989, № 2, с. 23).

¹⁷¹ *Николай Васильевич Лесючевский... свое дело знает.* — В феврале 1962 года в Москве, в Большом Театре, состоялось торжественное заседание по случаю 125-летия со дня смерти Пушкина. В Президиуме, среди начальственных лиц и официальных представителей пушкинских учреждений (Пушкинского Дома, Михайловского, Музея Пушкина и др.) находились и крупнейшие пушкинисты. Приглашен был и Оксман. По словам NN, Юлиан Григорьевич, поднимаясь по лестничке в Президиум, громко сказал, зайдя за столом Н.В.Лесючевского, директора издательства «Советский писатель»: «А товарищ Лесючевский здесь от чьего имени? От имени убийц поэтов?» (После 56-го года делалось известно, что Лесючевский причастен к аресту поэта Бориса Корнилова — тот расстрелян, и поэта Н.Заболоцкого — тот получил лагерный срок 8 лет.) О Лесючевском см. «Записки», т. 2, «За сценой»: ¹¹³.

¹⁷² ... *наивная иностранка и наивный Глеб Петрович.* — Речь идет о гонениях на Оксмана со стороны КГБ из-за его переписки с Г.П.Струве. Оксман передавал свои письма через американку Кэтрин Фойер или по дипломатическим каналам. Переписка касалась исключительно историко-литературных вопросов. Однако одно из писем Оксмана было выкрадено у К.Фойер в гостинице, а дипломатическая почта перлюстрирована. КГБ провел обыск у Оксмана и передал его дело в Союз Писателей.

Теперь опубликованы документы, касающиеся этой истории: докладная зам. начальника второго Главного управления КГБ Бобкова — в статье Л.Лазарева «Колесики и винтики» («Октябрь», 1993, № 8, с. 183) и воспоминания профессора Льюиса С.Фоера и Р.Фоер-Миллер — в кн.: Тыняновский сборник. Пятое Тыняновские чтения (Рига—Москва, 1994).

Бобков сообщает: «...в одном из писем Струве к Оксману говорится: “Сегодня дошли до меня с разными материалами... столь любезно собранными и пересланными вами, и воспоминания ЕМТ (Е.М.Тагер, поясняет Бобков. — *Ред.*)... о

Мандельштаме и два ваших письма. Мне бы хотелось задать вам еще много вопросов и о разных людях. Некоторые биографические данные (о Мандельштаме) мне уже стали известны, но сообщенные вами подробности были новы и читать их было жутко».

Об Ю.Г.Оксмане см. также «Записки», т. 2, «За сценой»: ¹⁰³. — *Примеч. ред.* 1996.

¹⁷³ Основные сведения о В.Друзине — см. «Записки», т. 1, «За сценой»: ⁴¹. Эпиграмма же вызвана тем, что в 1957 году Друзин был переведен в Москву и назначен заместителем главного редактора «Литературной Газеты». Впоследствии, в шестидесятые годы, он — один из главных деятелей Союза Писателей РСФСР: один из секретарей Правления Союза, заместитель председателя Комиссии по приему в члены Союза и по работе с молодыми — и пр. и т. д. Одновременно он заведовал кафедрой советской литературы в Литературном Институте им. Горького.

Разумеется, и свою критическую деятельность В.Друзин продолжал в полном соответствии с очередными указаниями начальства. См., например, его статью, опубликованную 6 сентября 1959 года в газете «Литература и жизнь» — «Жить и работать для партии, для народа».

«Пристрастие к будничной бытовщине убивает революционно-романтический пафос», — написано в этой статье. Или: «Важно, чтобы автор занимал в своем творчестве правильные идейно-политические позиции». Остальное не так важно...

¹⁷⁴ Желание, чтобы люди, защищавшие Сталина, испытали на себе хотя бы часть страданий, на которые он щедро обрекал других, — высказывалось Ахматовой не только в разговорах, но и в стихах. Например, в стихотворении «Защитникам Сталина»:

Это те, кто кричали: «Варраву
Отпусти нам для праздника», те,
Что велели Сократу отраву
Пить в тюремной глухой тесноте.

Им бы этот же вылить напиток
В их невинно клеветущий рот,
Этим милым любителям пыток,
Знатокам в производстве сирот.

(«Двухтомник, 1990», т. 1, с. 353)

- ¹⁷⁵ Основное примечание об Ивинской — см. «Записки», т. 2, «За сценой»: 97. Что же касается Авдотьи Панаевой, «обворовала — не обворовала» — см. специальное исследование Я.З.Черняка «Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. Дело Огарева—Панаевой. По архивным материалам» (М.—Л.: Academia, 1933); а также эссе К.Чуковского «Жена поэта» в его книге «Рассказы о Некрасове» (М., 1930) или во втором томе его «Сочинений в двух томах» (М.: Правда, 1990).
- ¹⁷⁶ К этому времени Д.А.Поликарпов (1905—1965) — заведующий Отделом культуры ЦК КПСС. О Д.А.Поликарпове и его роли в «деле Пастернака» см. «Записки», т. 2, «За сценой»: 196.
- ¹⁷⁷ Привожу отрывки из стихотворения Сергея Васильева «Как с Прокофьевым купался», напечатанного в «Литературной России» 6 ноября 1964 года.

Сколько б лет не пролетело —
буду

чувствовать спиной,
как с Прокофьевым купался,
я в купели ледяной.

Ветер

дул на всю катушку,
в рваной пене от гульбы
оловянной масти волны
подымались на дыбы.

.....

Ну а мы?

А мы разделись,
извините, догола.

И —

с разбегу бух в пучину,
закусивши удила!

Что там думать,

мять куделю!

Вплавь,

чтоб пенилась душа!

Ты на Ладогe смолился,
я дублен у Иртыша!

Норови
                                 волне под брюхо!
 Мы ж родились,
                                 черт возьми,
 не котятми на вате,
 а железными людьми!
 — Режь,
                                 Сережа,
   бога нету!
 — Режу,
                                 Саня,
   как ножом!
 Хорошо бороть стихию,
 бога нету, нагишом!

¹⁷⁸ О нашей куоккальской жизни см. мою книгу «Памяти детства» (М.: Моск. рабочий, 1989). Дача, о которой идет речь, сгорела дотла в 1986 году.

¹⁷⁹ О первой своей поездке в Италию А.А. рассказывала: «В 1912 году [я] проехала по Северной Италии (Генуя, Пиза, Флоренция, Болонья, Падуя, Венеция). Впечатление от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь» (см. автобиографию «Коротко о себе» — «Двухтомник, 1990», т. 2, с. 267).

¹⁸⁰ «Коноша — это большая станция и маленький городок, до Норинской от нее около 30 километров. Добираться надо было на попутном грузовике, которых за день проходило пять-шесть, из них верный — один, почтовый, по закону никого перевозить не имевший права, по безвыходности же положения странников подхватывавший. Приехав, я пошел наугад и в первой же избе по левую руку увидел в окне блок сигарет «Кент». Бродский снимал дом у хозяев, мужа и жены Пестеревых, кажется, за десять рублей в месяц. Пестерева жили рядом, в другой избе, более новой и крепкой. Люди были добрые, участливые, к Бродскому расположенные, называли его Ёсиф-Алексыныч. Дом был покосившийся, с высоким крыльцом, с дымовой трубой, половина кирпичей которой обвалилась, а железо, когда топилась печь, раскалялось, в темноте светилось красным, и Пестерева каждый день ждали пожара. Вокруг деревни бы-

ли поля, голые к тому времени, близко подступал лес, невысокий, сырой, дикий. На другом конце деревни протекала речушка, над ней стоял клуб, он же начальная школа, мы в нем посмотрели фильм с Баталовым в главной роли... Иногда можно было дозвониться до Ленинграда с почты в соседнем сельце Данилове. Сутки я провел в одиночестве, потому что его командировали в Коношу на однодневный семинар по противоатомной защите. Он вернулся с удостоверением и с фантастическими представлениями о протонах и нейтронах, равно как и об атомной и водородной бомбах... Когда я уезжал, он проводил меня до Коноши и, всовывая рубль в руку шоферу, молодому парню, который отказывался брать деньги, произнес с напором, картаво: “Алё, парень, не затрудняй мне жизнь!”» («Рассказы...», с. 138-139).

¹⁸¹ «Ахматова собирала мнения о Поэме, сама писала о ней», — сообщает А.Найман. Затем он пересказывает ту самую свою статью, которую я услышала 14 ноября 1964 года в Будке. — «Уже после ее смерти, — продолжает Найман, — выяснилось, что она записала... мое наблюдение в самый день нашего разговора, и вот в каких словах: “Еще о Поэме. Икс-Игрек сказал сегодня, что для поэмы всего характернее следующее: еще первая строка строфы вызывает, скажем, изумление, вторая — желание спорить, третья — куда-то завлекает, четвертая — пугает, пятая — глубоко умиляет, а шестая — дарит последний покой, или сладостное удовлетворение — читатель меньше всего ждет, что в следующей строфе для него уготовано опять только что перечисленное. Такого о поэме я еще не слыхала. Это открывает какую-то новую ее сторону» («Рассказы...», с. 128-129).

¹⁸² Цитирую те строки из книги Шкловского, которые так возмутили Анну Андреевну:

«Мы уже говорили, что эпиграф к III главе: “Старинные люди, мой батюшка” (“Недоросль”) — взят из Фонвизина; слова эти принадлежат Простаковой. Таким образом Пушкин неожиданно сближает семейство Мироновых и семейство Простаковых. Чем это вызвано?.. Комендантша по своему отношению к мужу напоминает у него Простакову» (Виктор Шкловский. Заметки о русских классиках... Изд. 2-е. М.: Сов. писатель, 1955, с. 77).

¹⁸³ Мать Натальи Ивановны Столяровой — **Наталья Сергеевна Климова** (1885—1918) до революции, курсисткой, была членом партии эсеров (максималистов). Она участница покушения на председателя Совета Министров Петра Аркадьевича Столыпина (12 августа 1906 года на Аптекарском острове). Столыпин остался невредим, пострадали — убиты и ранены — около ста человек. Эсеры, подготовившие этот взрыв, арестованы, среди них и Наталья Сергеевна Климова. Все — приговорены к смертной казни. Наталье Климовой из Петропавловской крепости удалось передать на волю письмо (опубликованное впоследствии в 1908-м в газете «Образование», № 8, под названием «Письмо перед казнью»). Однако смертная казнь была заменена ей пожизненной каторгой, а в 1909 году Климова бежала за границу (знаменитый «побег тринадцати»).

Мать Анны Андреевны — в девичестве **Инна Эразмовна Стогова** (1856--1930) — в молодости, курсисткой, была членом народовольческого кружка. «...Ахматова с оттенком удовольствия, — сообщает в своем эссе Лидия Гинзбург, — рассказывала мне: “Моя мать... любила говорить про какой-то кружок. Выяснилось потом, что этот кружок — Народная воля. Мама очень гордилась тем, что как-то дала Вере Фигнер какую-то свою кофточку — это нужно было для конспирации”» (Лидия Гинзбург. Человек за письменным столом. Л.: Сов. писатель, 1989, с. 297).

Наталья Ивановна Столярова (1912—1984) родилась в Италии, близ Генуи и получила образование в Париже. В 1934-м она приехала в Советский Союз, а весной 1937-го — арестована. Провела восемь лет в лагере, а затем — с 1945 года — в ссылке. В 1956 году Наталья Ивановна вернулась в Москву, работала секретарем у И.Г.Эренбурга, переводила для заработка с французского. Встретившись и подружившись в середине шестидесятых годов с А.И.Солженицыным, она многое рассказала ему о жизни женщин-лагерниц, и кое-какие из сообщенных ею фактов попали на страницы «Архипелага ГУЛаг». В своих «очерках литературной жизни» А.И.Солженицын посвятил Н.И.Столяровой, одной из его многолетних помощниц, специальную главу (БТД // НМ, № 12, с. 22—31).

Что касается мужа Цветаевой, Сергея Яковлевича Эфрона, то приведу сведения о нем, сообщаемые в докладе Р.Кембалла «"Ни с теми, ни с этими" — тернистый путь Марины

Цветаевой» — докладе, сделанном им на симпозиуме в Женеве в 1978 году.

Об С.Я.Эфроне читаем:

«...Эфрон... (без ведома жены) сделался членом так называемого Союза возвращения на родину... “Союз возвращения” скоро превращается в “Союз друзей советской родины”, в конце концов Эфрон становится — волей или неволей, сознательно или же несознательно — ни кем иным, как агентом ГПУ. Это не просто “подозрения” или же злонамеренные сплетни; это не выдумка, не клевета. Это, к сожалению, горькая правда, — правда, которую мне пришлось проверить недавно, на основе досье в швейцарских национальных архивах, посвященного делу Игнатия Рейсса, убитого агентами ГПУ в сентябре 1937 г. в Пюлли близ Лозанны... Следствие по делу Рейсса убедительно и бесповоротно установило, что Эфрон не только принимал участие в выслеживании Рейсса (и, между прочим, в выслеживании сына Л.Троцкого, Льва Седова), но что вместе с другими “друзьями советской родины” он из Парижа руководил убийством и того, и другого» (сб.: Одна или две русских литературы? Lausanne: L'Age d'Homme, 1981, с. 46-47).

Быть может, это и правда, что М.Цветаева ничего не знала о деятельности своего мужа как агента ГПУ, но о его вступлении в первоначальную организацию, в «Союз возвращения на родину», она не знать не могла.

Примеч. ред. 1996: В 1992 году Маэль Фейнберг и Юрий Клюкин опубликовали документы из следственного дела С.Я.Эфрона («Столица», № 38, с. 56—62 и № 39, с. 56—62; ЛГ, 1992, №36, с. 6). Из справки 1956 года по реабилитации С.Эфрона с полной определенностью следует, что «в 1931 г. Эфрон был завербован органами НКВД... по заданию органов вступил в русскую масонскую ложу “Гамаюн”... при его участии органами НКВД были завербованы ряд белоэмигрантов, по заданию органов провел большую работу по вербовке и отправке в Испанию добровольцев из числа бывших белых... Осенью 1937 г. Эфрон срочно был отправлен в СССР в связи с грозившим ему арестом французской полицией по подозрению в причастности к делу об убийстве Рейсса.

По работе с органами НКВД Эфрон характеризовался положительно».

Среди материалов «дела» находятся и два письма М.И.Цветаевой к Берии — в защиту мужа и дочери. Цветаева пишет:

«Когда, в точности, Сергей Эфрон стал заниматься активной советской работой — не знаю... Думаю — около 1930... Не зная подробности его дел, знаю жизнь его души день за днем... (я знала только о Союзе Возвращения и об Испании). Но что я знала и знаю — это о беззаветной его преданности. Не целиком этот человек по своей природе отдаться не мог... С октября 1937 г. по июнь 1939 г. я переписывалась с Сергеем Эфроном дипломатической почтой, два раза в месяц. Письма его из Союза были совершенно счастливые — жаль, что они не сохранились, но я должна была их уничтожить тотчас же по прочтении...»

¹⁸⁴ Впервые воспоминания Ахматовой о Мандельштаме напечатаны за границей в 1965 году в альманахе «Воздушные пути», № 4; затем, в 1968-м, во втором томе ее «Сочинений». В «Двухтомнике, 1986» даны лишь отрывки с таким пояснением Э.Г.Герштейн:

«В 1957 году Анна Андреевна начала работу над воспоминаниями о своем соратнике и друге. Это — поэт Осип Мандельштам. Самое заглавие работы Анны Андреевны — «Листки из Дневника» — указывало на первоначальное намерение автора сделать художественный очерк малой формы. Но постепенно эти воспоминания разрастались. Ахматова возвращалась к ним в течение последующих лет, дополняя рассказами о разных периодах их дружбы, о важных событиях в жизни Мандельштама и о его смерти. К сожалению, эти многочисленные дополнения не были сведены ею в единое целое, работа осталась незавершенной. Несколько разных редакций этих воспоминаний требуют для их опубликования тщательной текстологической подготовки, которую мы не имели возможности произвести. В настоящем томе мы ограничиваемся несколькими выдержками из них, печатая их в ряду других беглых высказываний Ахматовой о писателях-современниках» (т. 2, с. 373).

Эта текстологическая работа была произведена В.Я.Вилениным. Подготовленные и прокомментированные им «Листки из Дневника <О Мандельштаме>» см.: «Двухтомник, 1990», т. 2.

¹⁸⁵ Письмо написано из Дома Творчества в Комарове. Дочери Л.Пантелеева, Маше, с детства был присущ необычайный актерский дар. Она показывала знакомым отдельные «номера» собственного сочинения. В 1965 году, когда Анна Андреевна встретилась в Доме Творчества с писателем Л.Пантелеевым и его семьей, Маше было восемь лет.

(Мария Алексеевна Пантелеева скончалась после тяжелой многолетней болезни в 1989 году; одной из причин недуга был отказ принять ее в какой-либо театральный ВУЗ.)

¹⁸⁶ Упомянув о *новостях разного рода*, Анна Андреевна безусловно имела в виду, среди других, и множество новостей по «делу Бродского». За последнюю четверть года, что мы не виделись, «дело Бродского» явно сдвинулось в хорошую сторону, хотя освобожден он, после нашего «поручительства», вопреки обещанию Миронова, еще не был.

Большим событием в нашей жизни того времени была также и тяжелая болезнь Фриды Вигдоровой.

Много разговоров велось вокруг провала Прокофьева на выборах в Ленинградском отделении Союза Писателей 14 января 1965 года. Подробно рассказал об этом многообещающем происшествии поэт Глеб Семенов в своем письме к Фриде Абрамовне от 28 января 1965 года. Привожу отрывки:

«Фрида, дорогая, милая, друг мой! Как я рад, что Вам лучше уже по крайней мере настолько, что можно Вам писать. Наверно ведь только в эти недели окружающие Вас люди — близкие и стоящие поодаль, поняли, что Вы значите для них! Можно не видеть Вас каждодневно, но знать, что Вы есть, и от этого становиться выше и чище, мерять себя Вами. Не знаю, кто дотянется, таких, наверно, нет, но разве не гордо хоть примериваться?! Я горжусь даже тем, что могу писать Вам сейчас... Вам, вероятно, интересно узнать, что происходило 14-го в Ленинграде».

Далее Г.Семенов описывает перевыборы в Ленинграде во всех подробностях. Отводы лицам, выдвинутым в новое Правление партгруппой, давались очень решительно. Мно-

гие и многие выступали против Прокофьева, в частности, поминая дело Бродского. Один из выступавших закончил словами: «уходите, уходите, вы засиделись, кроме зла от вас ждать нечего». Прокофьев был вынужден сам снять свою кандидатуру «в связи с преклонным возрастом и ухудшением здоровья».

Вместо Прокофьева выбран был первым секретарем Ленинградского отделения — Д.Гранин.

Под конец выступил один из секретарей Обкома, который, заговорив о «деле Бродского», упомянул о протесте Прокуратуры СССР и расшифровал его так: «не реабилитация, а немедленное амнистирование согласно письму группы литераторов», «не помню уже кто его подписал, но, кажется, там есть и тов. Грудинина».

Далее Г.Семенов пишет:

«Воеводиных — ни младшего, ни старшего — на собрании не было: младший — в больнице, лечится от пьянства, старший — за несколько дней до этого на заседании бюро секции прозы подрался (буквально) с Даром — за то, что тот посмел сказать ему, что в нетрезвом виде на бюро приходить не следует. Его дело будет разбираться в партбюро. О младшем говорилось с трибуны — думается, его песенка спета.

Вот — “доносье” о наших ленинградских бурях».

В заключение привожу запись из Дневника К.Чуковского, сделанную им 18 января 65-го года:

«Литераторы в восторге. В Ленинградском Союзе Писателей были перевыборы и с грохотом провалили Прокофьева, который состряпал “дело Иосифа Бродского”. В правление выбраны “бродскисты”:

Добрынина [Грудинина. — Л.Ч.]

Долинина

Эткинд и др.

Такое крошечное и хрупкое торжество справедливости вызывает восхищение всего литературного мира» («Дневник-2», с. 367).

Собрание, на котором был провален А.Прокофьев, изображено также М.В.Латманисовым — см.: «Разговоры...», с. 92.

¹⁸⁷ «В этот день на операционном столе должно было выясниться: какая причина вызвала желтуху, каково имя болезни. Камень в желчном протоке? Рентген не показывал кам-

ня. Киста аппендикса? Да, быть может, и киста, но профессор Виноградов предполагал рак поджелудочной. Мы сидели в вестибюле больницы: Раиса Ефимовна Облонская, Нора Яковлевна Галь и я. Перед нами ходили, вставали, присаживались и вставали снова — Саша, Галя, Исаак Абрамович. Спустилась к нам знакомая докторша, объявила, что Фрида уже в операционной. Ушла. Спустилась снова: сделали еще раз, в последний раз, рентген. Камня нет. Осталась одна слабая, слабейшая надежда: опухоль железы, но не злокачественная. Один случай из миллиона. Бывает. Я смотрела на Изю и девочек, стоявших перед нашей скамьей. Фридины дочери и Фридин брат. Три варианта ее лица: бровей, глаз, ресниц, скул, волос. Держались они все спокойно. Галя была румяна, как всегда. Саша, как всегда, смугла и глазаста. Ни истерик, ни стиснутых губ и рук. Ни рисовки, ни позы. Спокойные, обыкновенные речи. Фридины дочери, воспитанные ее мужеством и ее чувством достоинства. Перед лицом самого горького горя, которое им когда-нибудь доводилось или доведется испытывать, они вели себя свободно, непринужденно, с большим непритворным мужеством. Докторша вернулась в третий раз. Брюшина вскрыта, Виноградов прав: рак поджелудочной. Я видела, как схлынул румянец с Галиных щек и, побелев, Галя стала более обычного похожа на Сашу и Фриду. Все окружили докторшу: та что-то чертила на бумаге, объясняя, как расположена опухоль и почему к ней нельзя прикоснуться. А я осталась сидеть: все равно не увижу. А если и увижу, то — что?» (Лидия Чуковская. Памяти Фриды // Звезда, 1997, №1.)

¹⁸⁸ Привожу целиком нашу телеграмму к Р.А.Руденко и в отрывках письмо К.И.Чуковского к Л.Н.Смирнову:

«Генеральному Прокурору СССР
Роману Андреевичу Руденко

Вот уже год тянется так называемое дело Бродского. Молодой талантливый ленинградский поэт несправедливо осужден как тунеядец. Его дарование и квалификацию, особенно как поэта-переводчика, высоко оценили такие мастера советской литературы, как Маршак, Чуковский, Ахматова, Паустовский. Несправедливый приговор взволновал

самые разные слои советской интеллигенции. За границей дело Бродского смущает и тревожит друзей нашей страны. Наше беспокойство усугубляется плохим состоянием здоровья Бродского: порок сердца, острая психостения. Просим вашего скорейшего вмешательства для отмены несправедливого приговора.

Члены Союза Писателей

Л.Копелев, Р.Орлова, Л.Чуковская

2 февраля 65»

Отрывки из письма К.Чуковского к Л.Н.Смирнову:

«Дорогой Лев Николаевич!

С радостью узнал, что дело Иосифа Бродского поступило теперь в Ваши руки. Теперь я могу надеяться, что это злополучное дело, так глубоко встревожившее нашу интеллигенцию, будет решено справедливо.

Вам, опытному юристу, не нужно доказывать, сколько нарушений закона допущено во время невежественного суда над Бродским — суда, который был для ленинградской молодежи тяжелым моральным потрясением. Прямое нарушение закона Вы увидите с первого взгляда. <...>

Я глубоко убежден, что несправедливый и жестокий приговор по делу Бродского будет наконец отменен, и молодой поэт возвратится в Ленинград, в литературную среду, необходимую для его профессиональной работы.

С глубоким уважением

Корней Чуковский

12 февраля 1965 г.»

¹⁸⁹ **Михаил Александрович Дудин** (1916—1994) — поэт, литературовед, прозаик и переводчик. «Как поэт Дудин сформировался на фронте, — сообщает 2-й том КЛЭ, — (сборники «Фляга», 1943; «Военная Нева», 1943; «Дорога гвардии», 1944; «Костер на перекрестке», 1944). Военно-патриотические стихи Дудина по своей тональности мужественны, энергичны. В них создан лирико-романтический образ советского солдата, активного гуманиста. После войны Дудин пишет о труде советского человека, о борьбе за мир, о жизни послевоенной Европы: сборники «Считайте меня коммунистом» (1950), «Родина» (1952), «Сосны и ветер» (1957), «Мосты. Стихи из Европы» (1958), «Упрямое пространство» (1960). Поэзия Дудина, звучная и волевая по своему ритмико-интонационному строю, остропублици-

стична, оптимистична и эмоциональна». Писал М.А.Дудин и повести, например, «Где наша не пропадала» (1967).
 ...Когда, в январе 1965 года, произошел “переворот” в Ленинградском отделении Союза Писателей и А.Прокофьев вынужден был уйти — одним из руководителей Правления стал М.Дудин. Вот почему А.А. со своей просьбой обратилась именно к нему, к Дудину.

Упомяну о двух стихотворениях М.Дудина, посвященных Ахматовой уже после ее кончины. Одно «Летят года...» (1978), другое «Надпись на книге А.А.Ахматовой» (оба — см.: «Об А.А.», с. 459-460). В первом Дудин называет Ахматову «Сафо двадцатого столетья» и пересказывает в стихотворных строчках ее разговор с ним о поэтах и поэзии; из второго привожу четыре строки:

Исповедью откровений,
 Каждой своей строкою
 Правда ее творений
 Встала над клеветою.

В 1988 году Михаил Александрович Дудин возглавил Комиссию по литературному наследию Анны Ахматовой при СП СССР.

¹⁹⁰ Через много лет — в 1976 году! — Константин Симонов (член советской делегации в Сицилию) писал В.Я.Виленкину:

«Я был в Италии, в Таормине, когда Анне Андреевне присуждали там премию, когда вокруг нее шумели и суетились, в сущности, в огромном большинстве своем не имевшие представления о ее поэзии люди.

...Анна Андреевна испытала разочарование, когда почувствовала и поняла не слишком большую литературную весомость этой премии, ощутила суетливо-рекламный, даже отчасти литературно-туристский характер суеты вокруг этого...

Может, по дороге в Италию Ахматова думала иначе, но где-то уже там... она почувствовала истинную меру значения всего происходившего, и я думаю сейчас — не этим ли объяснялась ее отчужденность, некоторая скованность человека, оставляющего для себя, на потом, окончательную оценку происходящего и не желающего слишком щедро духовно заплатить за ту меру внимания к себе, которая, в сущности, не заслуживает слишком щедрой благодарно-

сти» [Константин Симонов. Собр. соч. в 10 т. Т. 12 (дополнительный). М.: Худож лит., 1987, с. 437].

- ¹⁹¹ Из отчета сицилийской газеты «La Sicilia» от 13 декабря 1964 года явствует, что «церемонию открыл Президент Общества по развитию туризма города Катаньи, адвокат-нотариус Гаэтано Музумечи — он же один из организаторов премии. Затем взял слово депутат сицилийского парламента Розарио Николетти — помощник мэра, ответственный за туризм. И, наконец, генеральный секретарь Европейского сообщества писателей — Джанкарло Вигорелли».
- (Не знаю, как сейчас, а в то время туризмом в Италии ведало то же лицо, что спортом и зрелищами.)
- ¹⁹² Говоря о грубой статье *Адельки*, А.А. имела в виду статью Адели Камбриа, опубликованную 29 декабря 1964 года в еженедельнике «Il Mondo» под названием «Арсенал любви». Статья с бульварной развязностью трактовала Ахматову как женщину, которая «шестьдесят лет писала любовные стихи». Невнятно изложив биографию Ахматовой, Адель Камбриа умудрилась перепутать фамилии Гумилева и кубинского поэта Гильена, объявив, что именно Гильен был первым мужем Ахматовой. — *Примеч. ред. 1996.*
- ¹⁹³ О вечернем визите Твардовского и Суркова в гостинице «Эксельсиор» Александр Трифонович рассказывал так: «Вечером я решил зайти в номер гостиницы, чтобы лично поздравить Ахматову с премией. Она приняла меня так, словно мы были уже давно знакомы. Но я все же с некоторой опаской — женщина немолодая, может быть, сердечница — спрашиваю ее: а не отметить ли нам некоторым образом ее награждение? “Ну конечно же, конечно!” — обрадовалась она. “Тогда, может быть, я закажу по этому поводу бутылку какого-нибудь итальянского?” И вдруг слышу от нее: “Ах, Александр Трифонович, а может быть, водочки?” И с такой располагающей простотой это было сказано и с таким удовольствием! А у меня как раз оставалась в чемодане бутылка заветной, я тут же ринулся к себе, в свой номер» (см.: А.И.Кондратович. Твардовский и Ахматова // «Воспоминания», с. 678, 680).
- ¹⁹⁴ Со слов Ахматовой, ее рассказ о вручении премии Таормина записал М.В.Латманисов. «В старинном зале Урсино XII века, — говорит ему Ахматова, — ...председатель вручил мне

конверт. Этот конверт я положила на стол, не посмотрев в него. Но председатель улыбнулся, взял этот конверт со стола, открыл его, показал, что в нем чек на миллион лир — это премия, и положил мне в сумочку. Затем мне вручили вот этого рыцаря-марионетку. Мужчинам, получающим премию, вручают такую же куклу, но даму в костюме тех времен... Мне там было предложено вот это издание “Божественной комедии” Данте — вот оно лежит сзади вас — с замечательными рисунками Боттичелли. Это именной том, на нем вытиснено мое имя» («Разговоры...», с. 86).

17 декабря 1964 года корреспондент «Литературной Газеты» Г.Брейтбурд сообщал из Рима в Москву следующее:

«В зале старинного замка Урсино, где в 1402 году создавался первый в истории Сицилии парламент, собрались виднейшие итальянские и иностранные писатели, деятели культуры, официальные лица. Анна Ахматова поблагодарила собравшихся за вручение премии и в своем кратком слове выразила чувства симпатии к Италии и ее народу.

С оценкой поэтического творчества Анны Ахматовой выступил известный итальянский критик профессор Джакомо Дебенедетти. Затем слово было предоставлено Александру Твардовскому, который в частности отметил:

— Первое, что можно сказать о поэзии Ахматовой, — это подлинность лирического изъяснения, невыдуманность чувств и незаимствованность мыслей. Поэзия Ахматовой — образец высокого мастерства. Она — на уровне высших достижений культуры русского стиха и, следуя классической, главным образом пушкинской традиции, обладает чертами несомненной самобытности. Ее поэзия немногословна, экономна в средствах и по видимости как бы только традиционна.

На вечере, который транслировался по итальянскому телевидению, был прочитан перевод известного стихотворения Анны Ахматовой “Мужество”, напечатанного в “Правде” в дни Отечественной войны.

Итальянские газеты широко комментируют вручение премии Таормина как одно из наиболее значительных событий этого литературного года в Италии».

О пребывании Ахматовой в Италии см. воспоминания И.Эвентова «От Фонтанки до Сицилии» («Об А.А.», с. 378–379), ее письма к А.Найману («Рассказы...», с. 174–182), «Двенадцать встреч», с. 277–278, а также Приложение 3.

^{194a} Из «Поэмы» — только первую часть. — Ахматова согласилась на требования А.Суркова, который 12 февраля 1965 года направил такое письмо на имя директора издательства: «... я категорически считаю, что “Триптих” из книги надо снять ... не на пользу Ахматовой пойдет завершение книги, и так довольно сильно окрашенной закатными тонами, поэмой, отбрасывающей и автора, и с ним вместе читателя в предреволюционный Петербург, в мир мистики и фантасмагорий, являющихся странным декадентским рецидивом на фоне стихов второй части книги» (Анна Ахматова. Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1990, т. 2, с. 382.) — *Примеч. ред. 1996.*

¹⁹⁵ Состав той неорганизованной организации, которую современники называли «бандой», в разное время менялся. В середине шестидесятых годов «бандой» в литературных кругах именовали обычно такую компанию: А.Софронов, Вс.Кочетов, Н.Грибачев, — позднее М.Алексеев, быть может — Вадим Кожевников. Связывали этих людей тесная дружба, антитсемитизм, бездарность и предоставленная им власть над издательствами и журналами. Все они были — кто много разовым лауреатом Сталинской премии, кто — Героем Социалистического Труда, кто секретарем СП, кто — кандидатом в члены или даже членом ЦК, и все — редакторами или членами редколлегии крупнейших газет и журналов: «Литературной Газеты», «Огонька», «Знамени» или «Октября». Своею огромной властью они пользовались прежде всего для издания и переиздания собственных сочинений. «Октябрь», возглавляемый Кочетовым, вел неустанную войну с «Новым Миром» Твардовского; в пору борьбы с космополитизмом все они — с особым злорадством — принимали участие в травле русских литераторов еврейского происхождения; когда требовалось, громили, разумеется, Пастернака и всех, кого свыше велено было громить.

Примкнул ли в конце концов к так называемой «банде» С.Наровчатов, человек более интеллигентный, чем они, и поэт, не лишенный дарования, — мне неизвестно.

Сергей Сергеевич Наровчатов (1919—1981) — поэт. Цитирую КЛЭ (т. 5): «Военная тема составляет основу как первой книги Наровчатова “Костер” (1948), так и всей его поэзии, особенно сборника “Взыскательный путник”

(1963). Обращаясь к товарищам своей пионерской юности, павшим на фронтах Отечественной войны, поэт восклицает:

“...Со всем поколением в сердце несу я
Вашего сердца нетленную часть.
Навек присягаю, навек голосую
За Советскую власть!”

Для стихов Наровчатова характерны высокая гражданственность, точность слова, простота и ясность стиля. Позднее в его стихах появляется все более ощутимая тяга к философскому осмыслению жизни. Наровчатов часто выступает со статьями о современной поэзии».

С.С.Наровчатову посвящен очерк Елены Ржевской «Старинная удача» (см.: НМ, 1988, № 11). Они были соучениками по ИФЛИ. Ржевская говорит о несомненном даровании Наровчатова, о привлекательных чертах его наружности и характера, о его преданности товарищам, а затем о времени более позднем: «Наровчатов искал осуществления на других, не творческих путях и в престижных достижениях. Посты, награды...». Цитирует Ржевская и лирические признания поэта, то есть строки о самом себе:

...Мало дал я дьяволу и богу,
Слишком много кесарю отдал.
Потому что зло и окаянно
Я сумы страшился и тюрьмы,
Откровенья помня Иоанна,
Жил я по Евангелью Фомы...

«И бывало, что люди, соприкасавшиеся с ним, — продолжает Ржевская, — ощущали с неприязнью его равнодушие, сачновность. А глухая официальность его выступлений разлучала, мне кажется, читателя даже с лучшими, талантливыми его стихами».

Подробное перечисление стихотворных сборников, выпущенных Наровчатовым, и правительственных наград, им полученных, см.: Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987.

¹⁹⁶ 15 февраля 1965 года Анна Ахматова писала Иосифу Бродскому:

«Хочу поделиться с Вами моей новой бедой. Я умираю от черной зависти. Прочтите в “Ин. лит.” № 12 — “Дознание”

Леона Фелипе... Там я завидую каждому слову, каждой интонации. Каков старик! И каков переводчик! Я еще таких не видывала. Посочувствуйте мне» (Диалог поэтов. Три письма Ахматовой к Бродскому / Публикация Якова Гордина // Ахматовский сборник, 1. Париж: Институт славяноведения, 1989, с. 222-223).

«Как удар подействовало на нее “Дознание” Леона Фелипе, — вспоминает Э.Г.Герштейн. — По-видимому, это стихотворение было близко ей конкретностью видений поэта. Он видит “траурные реки”, “черные кладбищенские кони” бегут “с рыданьем”. Собеседник, поправляя его, переспрашивает: «С ржаньем?» — “Все кошмары приводят к морю”, — твердит, не отвечая, поэт. Образ моря Леона Фелипе перекликается с мотивами поздней Ахматовой. Вот строки испанца:

К огромной раковине в горьких отголосках,
Где эхо выкликает имена —
И все поочередно исчезают.
И ты идешь один... из тени в сон,
От сна — к рыданью,
Из рыданья — в эхо...

Перевод А.Гелескула

— Это я должна была написать, — с силой, даже с досадой, сказала мне Анна Андреевна» («Воспоминания», с. 553).

Леон Фелипе (1884—1968) — испанский поэт; **Анатолий Михайлович Гелескул** (р. 1934) — эссеист, поэт, переводчик.

Познакомил А.Гелескула с Ахматовой весной 1965 года его близкий друг Анатолий Яacobсон; вместе они побывали в Сокольниках, когда Анна Андреевна гостила там у Л.Д.Большинцовой. Анатолий Михайлович прочел Анне Андреевне, по его воспоминаниям, «два или три “цыганских романса”». При жизни Ахматовой были опубликованы такие переводы А.Гелескула: «Два “цыганских романса”» Федерико Гарсиа Лорки (ЛР, 7 июня 1963); девять стихотворений Леона Фелипе (ИЛ, 1964, № 12) и в 1965 году многие стихотворения Лорки в сборнике «Лирика» с предисловием Гелескула (М.: Худож. лит). Когда Анна Андреевна узнала, что Гелескул собирается переводить Рильке, она воскликнула: «Дай Бог, теперь, может быть, наконец будет русский Рильке» («Мы жили в Москве», с. 287).

А.Гелескул продолжает вести работу поэта-переводчика: переводит испанцев, португальцев, латиноамериканцев, поляков, французов — произведения Гарсиа Лорки, Хуана Рамона Хименеса, Фернандо Пессоа, Адама Мицкевича, Болеслава Лесьмяна, Гийома Аполлинера. Для однотомника «Поэзия испанского Возрождения» (1990) он перевел сонеты Гарсиласо де ла Веги, Франсиско де Кеведо и др. В 1993 году вышел сборник зарубежной лирики «Темные птицы» в переводах А.Гелескула.

¹⁹⁷ Слова Анны Андреевны о том, что она «потеряла для себя Хемингуэя с тех пор, как прочла воспоминания о Париже», относятся к роману Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» (ИЛ, 1964, № 7).

¹⁹⁸ *Поляк, который изучает акмеизм — Рышард Пшибыльский* (р. 1928), специалист по русской литературе, переводчик с русского на польский, историк литературы, критик, автор многочисленных эссе о русских писателях — о Достоевском, о Мандельштаме, об Ахматовой. Ю.М.Живова рассказывает: «Рышард Пшибыльский неоднократно встречался с Анной Андреевной. Весной 1965 года Ахматова подробно, в течение двух часов, рассказывала ему об акмеизме. Анна Андреевна называла его: «самый умный человек в Польше»».

¹⁹⁹ *Если бы среди нас была сегодня Фридоочка...* — В это время Ф.Вигдорова была уже выписана из больницы и, вместе с Копелевыми, снимала в Переделкине половину дачи Ивановых. В город она не приезжала.

²⁰⁰ Гораздо позднее, в начале июля 1965 года, поступлено было так: телеграмма А.Микояну — тогда председателю Президиума Верховного Совета СССР — послана за тремя подписями: Анна Ахматова, Константин Паустовский, Корней Чуковский. Кончалась она словами:

«Мы хорошо знаем творчество Бродского и считаем его одним из самых талантливых поэтов молодого поколения. Наши неоднократные обращения в разные инстанции остались безуспешными, и поэтому мы просим Вас вмешаться и восстановить нарушенную справедливость».

²⁰¹ Кончалось письмо С.Наровчатова такими фразами: «Без некоторой суровости в воспитании молодежи не обойтись,

но крайности не нужны и не стоит, на мой взгляд, бить из пушек по воробьям. Мальчишка, если и был в чем-то грешен, сейчас проучен достаточно жестоко и наверняка извлечет необходимые жизненные уроки из случившегося с ним. Пора его возвратить в нормальную жизнь, где он еще принесет пользу нашему обществу — парень-то явно одаренный».

Более всего меня возмутило слово «мальчишка».

- ²⁰² Речь С.Наровчатова на втором Съезде писателей РСФСР весьма примечательна. Сначала, не называя имен, он клеймит тех поэтов, у которых, по его выражению, «одна нога на эстраде, а другая — в инстанциях». Он не одобряет поэтов-эстрадников: вызвав бурные аплодисменты публики, они пугаются, что начальство примет их за фрондеров, и срочно сочиняют «правоверные стихи». Им, этим изворотливым сочинителям, гоняющимся за злободневностью, в речи С.Наровчатова противопоставлена гражданственность, названная «столбовою дорогой» и будто бы завещанная нам поэзией комсомольской. Наровчатов жалеет, что самый термин «комсомольская поэзия» у нас почти исчез из употребления». А между тем, говорит он, комсомольские поэты создали «сотни ярких строк» (см.: ЛГ, 5 марта 1965).
- ²⁰³ Сергей Наровчатов. Стихи. М.: Худож. лит., 1965.
- ²⁰⁴ Следующая моя встреча с Сергеем Сергеевичем Наровчатовым состоялась через девять лет, то есть уже после освобождения Бродского и кончины Анны Андреевны. 9 января 1974 года Сергей Наровчатов председательствовал на том самом собрании секретариата Союза Писателей, где меня из Союза исключили (подробнее см. «Процесс исключения», с. 235—253).
- ²⁰⁵ А.Г.Найман полагает, что А.А. сочла для себя оскорбительными стихи Pierr'a Paolo Pasolini, напечатанные в журнале «L'Europa Letteraria» (№ 33, 1965/1). Автор трактует Ахматову как царскосельскую поэтессу, которая поет свою песенку, не замечая великих событий XX века.
- ²⁰⁶ *Кто-то где-то...* — это Анджело Мариа Рипеллино, написавший предисловие к сборнику произведений русской поэзии начала века («Poesia russa del Novecento», 1954; 1960).

Рипеллино писал: «В кругу акмеистов развивалась поэзия Анны Ахматовой, жены Гумилева; псевдоним этот — “Ахматова” — произведен ею от самого названия “акмеизм”...»

²⁰⁷ См.: «Известия», 17 и 27 апреля 1965 года.

²⁰⁸ Речь идет о статье В.Непомнящего «Двадцать строк», в которой критик подробно разбирает стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (ВЛ, 1965, № 4). В конце своей статьи В.Непомнящий приводит отрывки из «Слова о Пушкине» Анны Ахматовой и из письма Екатерины Андреевны Карамзиной.

Я цитирую — с пропусками — статью Ахматовой:

«После... океана грязи, измен, лжи, равнодушия друзей..., высочайшего двора, заглядывавшего во все замочные скважины, величавых тайных советников — членов Государственного совета, не постеснявшихся установить тайный полицейский надзор над гениальным поэтом, — после всего этого как торжественно и прекрасно увидеть, как этот чопорный, бессердечный (“свинский”, как говаривал сам Александр Сергеевич) и уж, конечно, безграмотный Петербург стал свидетелем того, что, услышав роковую весть, тысячи людей бросились к дому поэта и навсегда вместе со всей Россией там остались.

«Il faut que j'arrange ma maison <Мне надо привести в порядок мой дом>», — сказал умирающий Пушкин.

Через два дня его дом стал святыней для его Родины, и более полной, более лучезарной победы свет не видел.

Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской...

...Он победил и время и пространство...

...И напрасно люди думают, что десятки рукотворных памятников могут заменить тот один нерукотворный aere perennius*» (ОП, с. 5—7).

«21 августа 1836 года, — пишет Непомнящий, — Пушкин сказал обо всем этом в своем “Памятнике”.

Через пять месяцев его тело — его часть — перестало принадлежать ему. И 30 января 1837 года Екатерина Андреевна Карамзина... писала сыну... в Швейцарию...

“Милый Андрюша, пишу тебе с глазами, наполненными слез, а сердце и душа тоскою и горестию; закатилась звезда светлая, Россия потеряла Пушкина! Он дрался в среду на ду-

* Aere perennius (лат.) — крепче меди.

эли с Дантесом, и он прострелил его насквозь; Пушкин бессмертный жил два дни, а вчера, в пятницу, отлетел от нас; я имела горькую сладость проститься с ним в четверг, он сам этого пожелал... Он был бледен как полотно, но очень хорош: спокойствие выразалось на его прекрасном лице».

После этой статьи В.Непомнящий стал пушкинистом. О Пушкине вышли две его книги, одна дополняющая другую: «Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине» (1983); «Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина» (1987).

- ²⁰⁹ Как и в какой форме писатели Жан Поль Сартр, Пабло Неруда и Луи Арагон весной 1965 года заступились за Бродского — я, к сожалению, сказать не могу. Что же касается Тендрякова, то 22 апреля на собрании в Доме журналистов, посвященном теме «Мораль и суд», он заявил: «Дело Бродского волнует людей во всех уголках нашей страны; я прочел запись Вигдоровой и если это правда, то надо судить суд».

Владимир Федорович Тендряков (1923—1984) — автор многочисленных повестей, романов, пьес, очерков, киносценариев и рассказов. Он был любим читателями при жизни, но подлинного Тендрякова мы узнали только посмертно: «То, что мы знали про Тендрякова при его жизни, — пишет Наталия Иванова в № 9 журнала «Юность» за 1989 год в статье «Потаенный Тендряков», — ...это искренняя, честная работа писателя, которой он пытался успокоить свою воспаленную совесть. То, что мы узнали сегодня по рукописям (помеченным шестидесятью и семидесятью годами. — Л.Ч.), над которыми Тендряков работал упорно и практически без надежды на публикацию, — это безоглядная жажда в конце концов сказать правду — без всяких компромиссов со своей совестью». Говоря о «новом Тендрякове», Наталия Иванова перечисляет повести и рассказы, появившиеся в нашей периодике в 1988-1989 годах: «Пара гнедых», «Параня», «Хлеб для собаки», «Донна Анна» (НМ, 1988, № 3), «Охота» (Знамя, 1988, № 9), «На блаженном острове коммунизма» (НМ, 1988, № 9), «Люди или не люди» (Дружба народов, 1989, № 2).

Выступление В.Тендрякова в защиту Бродского в 1965 году — это тоже настоящий Тендряков.

- ²¹⁰ *Происшествие в Союзе...* — старший Воеводин, Всеволод, явился на заседание секции в пьяном виде. Давид Яковлевич Дар предложил собранию обязать Воеводина (председателя секции) приходить трезвым. Воеводин кинулся на него с криком: «Помолчи, жидовская морда».
- ²¹¹ Райнер Мария Рильке. Лирика. Перевод с немецкого Т.Сильман. М.—Л.: Худож. лит., 1965.
- ²¹² *...Эмме он наколдовал Союз, да и за Бродского заступился...* — С.С.Наровчатова долгое время всячески сопротивлялся приему Э.Г.Герштейн в Союз (хотя рекомендовали ее Анна Ахматова, Иракий Андроников и Корней Чуковский). Когда же Сергей Сергеевич стал постоянным посетителем Анны Андреевны и она обратилась к нему с соответствующей просьбой — он заявил в Союзе, что перечитал заново работу Э.Г.Герштейн и во втором чтении ее книга о Лермонтове представилась ему ценной. После этого, в 1965 году, Э.Г.Герштейн в Союз Писателей была беспрепятственно принята.
О письме Наровчатова в защиту Бродского см. с. 274—275, а также «За сценой»: ²⁰¹.
- ²¹³ Подробно об этом суде см. мою книгу «Процесс исключения», с. 183—186.
- ²¹⁴ Привожу то стихотворение Арсения Тарковского, о котором идет речь:

ЧЕТВЕРТАЯ ПАЛАТА

Девочке в сером халате,
Аньке из детского дома,
В женской четвертой палате
Каждая малость знакома —
Кру́жка и запах лекарства,
Няньки дежурной указки
И тридевятое царство —
Пятна и трещины в краске.
Будто синица из клетки
Глянет из-под одеяла:
Не просыпались соседки,
Утро еще не настало?

Востренький нос, восковые

Пальцы, льняная косица.

Мимо проходят живые.

— Что тебе, Анька?

— Не спится.

Ангел больничный за шторой

Светит одеждой туманной.

— Я за больной.

— За которой?

— Я за детдомовской Анной.

*(Арсений Тарковский. Земле — земное.
М.: Сов. писатель, 1966, с. 138)*

²¹⁵ *Слава пришла к нему слишком поздно.* — Сборник стихов А.Тарковского «Перед снегом» вышел в 1962 году, когда автору было пятьдесят пять лет. «В 1946 году в издательстве “Советский писатель” готовилась книга поэта “Стихотворения разных лет”, — сообщает А.Лаврин. — Она была набрана и сматрицирована, когда появилось печально известное и ныне отмененное постановление ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград”. Издательство, решив переждать волну, вызванную постановлением, отложило выход книги на более поздний срок. Но затем сменился главный редактор издательства, и новый руководитель дал указание отправить книгу Тарковского на рецензию критику Е.Книпович. Рецензия оказалась резко отрицательной. По воспоминаниям вдовы поэта Т.А.Озерской-Тарковской, в ней заявлялось, что Тарковский принадлежит к тому же “Черному пантеону”, что и Ахматова, Мандельштам, Гумилев и Ходасевич. Матрицы книги были уничтожены... Поэт был глубоко ранен трагической судьбой своей первой поэтической книги и не хотел даже слышать о новой попытке издания» (см. примечания А.Лаврина в кн.: Арсений Тарковский. Собр. соч. в 3-х томах. Т. 1. М.: Худож лит., 1991, с. 420-421).

Об отношении Ахматовой к поэзии Тарковского см. также «Записки», т. 2, с. 430—431 и в отделе «За сценой»: ²⁵⁵. — *Примеч. ред. 1996.*

²¹⁶ Об этой поездке А.Г.Найман рассказывает:

«В мае Бродскому исполнялось 25 лет, и мы с Рейном к нему отправились. Когда с тяжелыми рюкзаками подошли к

дому, дверь оказалась на замке, и тут же подбежал Пестерев, крича издали: “А Ёсиф-Алексаныч посажонный”. За нарушение административного режима его увезли в Коношу и там приговорили к семи суткам тюрьмы. Через час появился грузовик в сторону Коноши, и я двинулся в обратный путь. Коношская тюрьма помещалась в длинном одноэтажном доме, сложенном из толстых бревен. В ту минуту, когда я подходил к ней, Бродский спускался с крыльца с двумя белыми ведрами, на одном было написано “вода”, на другом “хлеб”. Он объяснил мне, что все зависит от судьи, а судья сейчас в суде, точно таком же доме напротив. Я стал ждать судью... Судья мне в просьбе отказал, я пошел к секретарю райкома, в дом, ближайший к суду... Секретарь был моих лет, с институтским значком, серьезный, слушал меня без враждебности. Набрал по телефону трехзначный номер, сказал: “Ты Бродского выпусти на вечер, потом отсидит. Круглая дата, друг приехал”, — выслушал, видимо, возражения, повторил: “Выпусти на вечер”, — повесил трубку... Я сказал, что в деревне ждет еще один человек, что там водка и закуска, дайте уж сутки. Он подумал и согласился на сутки...» («Рассказы...», с. 140-141).

«Дело» явно сдвинулось с мертвой точки. В мае оно поступило на стол к председателю Верховного Суда РСФСР Л.Н.Смирнову и к заместителю председателя Верховного Суда СССР В.И.Теребилову.

17 мая 1965 года в ЦДЛ состоялась встреча писателей с В.И.Теребиловым. Л.З.Копелев заговорил о «деле Бродского». Теребилов оборвал его, заявив, что дело будет рассматриваться на днях и что попытка давления на суд недопустима. Впоследствии, в июле, когда «дело» все еще оставалось нерешенным, Л.З.Копелев обратился к Теребилову уже не устно, а письменно. Забегая вперед, привожу отрывок из его письма (16 июля 1965):

«Уважаемый Владимир Иванович!

Прошло уже два месяца с того вечера, когда Вы были у нас в Союзе Писателей и не позволили мне говорить о “деле Бродского” на том основании, что через несколько дней Вы сами будете рассматривать это дело и не хотите, чтобы на Вас “оказывали давление”.

Не знаю, чем объяснить, что Ваше публично данное обещание все еще не исполнено и все еще не отменено постыдное судебное решение, осудившее как “тунеядца” талант-

ливого поэта — решение, грубо противоречащее и духу и букве Советского закона, несправедливое по существу и политически вредное...»

Далее Л.З.Копелев излагает суть дела и все связанные с этим делом подлоги, фальшивки и нарушения закона.

Продолжает и кончает он свое письмо так:

«Не позволив мне говорить о Бродском, вы сами в тот вечер сказали, что он “парень, не соответствующий кондициям” и “несимпатичный”. Но ведь “несимпатичность”... не основание для высылки. И на основе каких “кондиций” можно осуждать поэта, как тунеядца? Последнее обвинение тем более нелепо, что, в противоположность многим своим ровесникам, Бродский не пьет, не курит, крайне воздержан и непритязателен в быту. Он по-настоящему бескорыстный литературный труженик, фанатично одержимый стихами и книгами; к тому же он физически очень болезненен...

Все сказанное выше побуждает меня просить Вас объяснить тем, кому это необходимо знать, какую тяжкую моральную и политическую ответственность возлагают на себя все, кто причастны к этому постыдному делу; дать указание, чтобы это мое письмо было приобщено к делу И.Бродского;

известить меня о том, получили ли Вы это письмо. (Копии я направляю в секретариат СП СССР)

С уважением Л.Копелев».

²¹⁷ Приведенные здесь слова Анны Андреевны об эстрадничестве интересно сопоставить с ее словами на ту же тему, приведенными в воспоминаниях Г.Адамовича:

«В разговоре я назвал имя Евтушенко. Анна Андреевна не без пренебрежения отозвалась об его эстрадных триумфах. Мне это пренебрежение показалось несправедливым: эстрада эстрадой, но не все же ею исчерпывается! Ахматова слегка пожалала плечами, стала возражать и наконец, будто желая прекратить спор, сказала:

— Вы напрасно стараетесь убедить меня, что Евтушенко очень талантлив. Это я знаю сама» («Воспоминания», с. 75).

Что касается поэмы А.Вознесенского «Оза» (см.: «Молодая гвардия», 1964, № 10), то кощунственным, вероятно, представлялось Анне Андреевне восклицание: «Аве, Оза».

²¹⁸ А.А. дала мне целую охапку вырезок из газеты «Times»: от 2, 3, 5, 7 и 11 июня 1965 года. Этим перечислением не исчер-

пывается, конечно, вся посвященная Ахматовой, по случаю присуждения ей высокого звания, пресса.

О поездке Ахматовой в Англию и о некоторых статьях в тогдашней английской печати — см. очерк Сильвы Эльдар и Льва Шилова «Английские недели Анны Ахматовой» в сб.: Тайны ремесла: Ахматовские чтения. Вып. 2. М.: Наследие, 1992.

²¹⁹ Фотография эта опубликована теперь во многих изданиях (см., например, «Об А.А.», с. 525).

²²⁰ *Дружила с Оболенскими, они душеньки...* — Оболенские: кн. Дмитрий Дмитриевич Оболенский (р. 1918) и тогдашняя его жена, Елизавета Николаевна. Ахматову с Оболенскими познакомил в Оксфорде сэр Исайя Берлин. Родом Оболенский из России; семья уехала на Запад, когда был он полуторагодовалым ребенком. С 1949 по 1961 год Оболенский занимал в Оксфорде кафедру русской и балканской истории. В 1962 году он выпустил «Антологию русской поэзии» — в эту книгу, в частности, вошли и переводы двенадцати стихотворений Анны Ахматовой и отрывок из «Поэмы без героя».

Кн. Оболенский — автор многих работ по византологии.

²²¹ **Александр Александрович Солдатов** (р. 1915) — дипломат, наш посол в Великобритании с 1960 по 1966 год. «Милые, милые люди» — говорит Ахматова о нем и о его жене, Руфине Борисовне. Привлекательность и обаяние Солдатовых отмечает в своем Дневнике и К. Чуковский; встречался он с ними в 1962 году в Лондоне, а затем в советском санатории в Барвихе... «Человек большого образования, широкий, умница... Жена посла волжанка, очень любит Некрасова» (4 июня 1962). «Единственные барвихинцы посещают меня — Солдатовы... Очень пытливые, начитанные, душевные люди. Он посол СССР в Англии, красивый, черный, — она миловидная умница» (28 октября 1962). «У них обоих — такая жажда знания, такой широкий кругозор, какого я не встречал у наших дипломатов» (30 октября 1962).

²²² О встречах с Анной Андреевной в Оксфорде и в Париже Юрий Павлович Анненков подробно рассказал в своих воспоминаниях. Они опубликованы в парижской газете «Русская мысль» 12 и 15 марта 1966 года и более лаконично — в «Дневнике моих встреч».

- ²²³ В очерке поэтессы Ларисы Васильевой, озаглавленном «Саломея, или Соломинка не согнутая веком», — читаем отрывок из рассказа Саломеи Николаевны Андрониковой:
- «— Я встретила с Ахматовой спустя годы, когда она приехала в Оксфорд на торжества в ее честь. Она пришла ко мне... у нас обеих было ощущение... что мы расстались лишь вчера и завтра встретимся снова. Оставила автограф “Тени”, признавшись, что посвятила стихотворение мне» («Огонек», 1988, № 3, с. 23).
- ²²⁴ Действительно, кроме «Поэмы без героя», Р.Н.Гринберг в своем альманахе напечатал при жизни Ахматовой стихотворения «Нас четверо», «Невидимка, двойник, пересмешник» — в № 3; а также воспоминания «Амедео Модильяни» и «Мандельштам» — в № 4. Таким образом он и в самом деле задолжал ей гонорар. Подробнее об Р.Н.Гринберге, как об издателе и человеке, см. публикацию Л.Ржевского в «Новом журнале», № 123 (Нью-Йорк, 1976), с. 162.
- Полагаю, что соображения об Анне Ахматовой, Иосифе Бродском и, главное, о розе, как символе влюбленности, принадлежат также перу Р.Н.Гринберга.
- ²²⁵ Главными пороками перечисленных воспоминаний (так же, как и воспоминаний И.Одоевцевой) А.А.считала искажение творческого и жизненного пути Н.Гумилева.
- О встрече Ахматовой с Глебом Струве, автором статей о ее творчестве, сохранилась подробная запись в Дневнике Ю.Г.Оксмана:
- «Она очень устала от Оксфорда, Лондона и Парижа, — записывает Юлиан Григорьевич 27 июня 1965 года. — На церемонию в Оксфорд приехали и некоторые русско-американские слависты во главе с Глебом Струве. Объяснение с ним по поводу того, что он пишет о ней, не привело к примирению. На ее возмущенные слова о том, что он говорит неправду, доказывая, что она “кончилась” в 1922 году, Струве заметил, что у него нет оснований менять общую концепцию. По-разному они смотрят и на ее роль в жизни Гумилева. Политика для Струве дороже истины...» («Воспоминания», с. 646).
- ²²⁶ Заметки из Дневника Чапского о встрече с Ахматовой в Париже были напечатаны уже после ее смерти — см.: «Русская мысль», 17 марта 1989.

²²⁷ Привожу письмо моряков и лесорубов:

«12 апреля 1965 г.

Сердечный привет из Архангельска.

Здравствуйте, уважаемая русская поэтесса, Анна Андреевна Ахматова.

Мы, это группа молодежи, лесопильщики и моряки из Архангельских лесозаводов и пароходов — познакомились с Вами на литературном вечере по радио. Вы читали, проникновенно декламировали. Мы слушали с любовью, с наслаждением. Хорошие стихи, как вино, немного опьяняют. Стихи, цветы и музыка неотъемлемые вещи, потребность их ощущаешь [неразб.].

Мне коллектив поручил передать Беломорскую вам благодарность за стихи «Муза».

Желаем Вам новых успехов, счастья и здоровья.

Талашов Александр Андреевич
бывший танкист».

Письмо опубликовал Лев Шилов в статье «Анна Ахматова и ее слушатели» (журнал «Клуб и художественная самодеятельность», 1988, № 5, с. 24).

²²⁸ Еще раз об образе Ф.Вигдоровой А.А. помянула в надписи на том экземпляре «Бега времени», который она подарила Фридиной дочери Саше через пять месяцев после Фридиной кончины:

«Нашей Дорогой Сашеньке

пусть эта книга будет хотя бы слабым и несовершенным напоминанием о Той, кому я когда-то обещала ее подарить, о Той, кто была Вашей матерью и единственным высочайшим примером доброты, благородства, человечности для всех нас.

Анна Ахматова

11 янв. 1966,

Москва»

«Из мира ушла большая добрая сила», — так начала я свое выступление на гражданской панихиде (см.: Лидия Чуковская. Открытое слово. М.: ИМА-press, 1991).

²²⁹ По-видимому, Анне Андреевне кто-то из москвичей дал телеграмму прямо в Комарово. Во всяком случае, по словам А.Наймана, 11 сентября им уже была получена от Ахматовой телеграмма: «Ликуем — Анна, Сарра, Эмма» (см.: «Рассказы...», с. 141).

²³⁰ Письмо Сартра в защиту И.Бродского теперь напечатано. Оно адресовано А.И.Микояну и датировано 17 августа 1965 года.

Жалуясь, что из-за дела Бродского «атаки врагов СССР, являющихся и нашими врагами, становятся все более ожесточенными», — Сартр продолжает:

«...зная вашу глубокую человечность, и вашу заинтересованность в усилении культурных связей между Востоком и Западом в рамках идеологической борьбы, я позволил себе послать вам это сугубо личное письмо, чтобы просить вас во имя моей искренней дружбы к социалистическим странам, на которые мы возлагаем все надежды, выступить в защиту очень молодого человека, который уже является или может быть, станет хорошим поэтом» (см.: Елена Якович. «Дело» Бродского на Старой площади // ЛГ, 1993, № 18, с. 6). — *Примеч. ред. 1996.*

²³¹ *Какие мелкие... приемы для такой крупной авантюристки!* — Речь идет о **Марии Игнатьевне Будберг** (урожденной Закревской, по первому мужу Бенкендорф; 1892—1974), секретаре и переводчице М.Горького. Мария Игнатьевна прожила в доме Горького с небольшими перерывами с 1920 по 1933 год. Именно ей Горький посвятил свою эпопею «Жизнь Клима Самгина».

Она была «невенчанной женой» Герберта Уэллса с 1933 по 1946 год.

Ахматова говорила о ней: «Будберг-Бенкендорф — это авантюристка типа Мата Хари. Помню, я ее встретила во “Всемирной литературе”. “Почему вы такая бледная”, — спросила я. — “Я только что из тюрьмы”. Она пыталась несколько раз перейти границу, и ее ловили. Когда Герберт Уэллс приехал в Петроград, она была переводчицей — английский язык тогда мало кто знал — и сумела вскружить ему голову... Когда-то, в Берлине, она танцевала с Вильгельмом. И вовсе не была красавицей. Сейчас она живет в Лондоне. Она, наверное, старше меня и, представляете, пьет коньяк» («Двенадцать встреч», с. 245-246).

Осенью 1965 года М.Будберг была задержана в одном из английских магазинов за кражу. Об этом писали газеты; К.И.Чуковский, знавший ее со времен «Всемирной литературы», записывает в Дневнике со слов нашего посла в Анг-

лии: «Мария Игнатъевна Будберг зашла в какой-то магазин и сунула в свою сумочку товару на десятки фунтов, а в кассу внесла лишь самую ничтожную сумму... На суде она держалась развязно. Говорила: в тот день я украла кое-какие вещички еще и в другом магазине.

В газетах было сказано, что Будберг уроженка России.

Как удивились бы, узнав об этом, Горький и Уэллс — ее именитые lovers» («Дневник-2», с. 379-380).

Нина Берберова посвятила жизнеописанию М.И.Будберг книгу под названием «Железная женщина» (М.: Книжная палата, 1991).

В рецензии на книгу Берберовой отмечено: «"Железная женщина" — это рассказ об удивительнейшей женщине нашего века... о ее судьбе и о судьбе ее друзей, в круг которых в разное время входили люди, определявшие лицо столетия. О многолетней подруге Локкарта, Горького, Уэллса. О женщине, которую одни считали английской шпионкой, другие — немецкой, третьи — сотрудницей ВЧК. О женщине, пользовавшейся репутацией одной из самых блестящих, одной из самых обаятельных, умных, талантливых в своем времени. Лондонская "Таймс" почтила ее смерть некрологом, названным "Интеллектуальный вождь"» (НМ, 1991, № 9, с. 21). — *Примеч. ред. 1996.*

²³² Предлагала Надежда Яковлевна Анне Андреевне читать свои «Воспоминания» или нет — на этот вопрос друзья Ахматовой отвечают по-разному. Так, А.Г.Найман на с. 83 своих «Рассказов...» сообщает: «Я спросил (у Анны Андреевны. — Л.Ч.), насколько книга разоблачительна и в самом ли деле так опасна для автора, как думает Н.Я. Она посмотрела на меня взглядом, выразившим, что находит мой вопрос странным, и прошептала: "Я ее не читала". Удовольствовавшись моим изумлением, добавила: "Она, к счастью, не предлагала — я не просила"».

После кончины Ахматовой М.С.Петровых в разговоре со мной подтвердила, что А.А. «Воспоминаний» не читала, хотя Надежда Яковлевна и предложила ей ознакомиться с оконченной рукописью. «Ахматова была обижена: речь в воспоминаниях идет о событиях, весьма тревоживших ее сердце, а Надежда Яковлевна, общаясь с ней, ни разу не упомянула о своей работе».

- ²³³ **Ирина Федоровна Огородникова** (р. 1923) — переводчица с румынского; тогда — сотрудница Иностранной комиссии Союза Писателей.
- Отказ от Парижа* (то есть письмо Ахматовой в Иностранную комиссию) теперь опубликован. Ахматова пишет: «...В последние дни состояние моего здоровья настолько ухудшилось, что о поездке в Париж в ближайшее время не может быть и речи.
- Мне очень жаль, что я принесла Вам столько хлопот в связи с предполагаемым отъездом...» (Тайны ремесла: Ахматовские чтения. Вып. 2, 1992, с. 144).
- ²³⁴ Вечер по случаю 700-летия со дня рождения Данте состоялся 19 октября 1965 года в Большом театре. А.А. произнесла на этом вечере короткую речь, в которой заявила: «Вся моя сознательная жизнь прошла в сиянии этого великого имени». Далее она цитировала строки «Чистилища», а также строки Гумилева из стихотворения «Флоренция» (см.: Николай Гумилев. Стихотворения и поэмы. Л., 1988, с. 397) и Мандельштама — из стихотворения «Слышу, слышу ранний лед» (см.: ББП-М, с. 190). Из собственных своих стихотворений она прочитала два: «Музу» и «Данте» (БВ, Тростник).
- «Последний раз я слышал выступление А.А.Ахматовой в Большом театре на вечере, посвященном Данте, — вспоминает М.В.Алпатов. — Анна Андреевна читала свои замечательные строки. Ее низкий голос звучал сильно, будто она говорила с живым поэтом» (М.В.Алпатов. Жизнь искусствоведа: Страницы воспоминаний // Панорама искусств, 7. М.: Сов. художник, 1984, с. 198).
- «Слово о Данте» напечатано на основе магнитофонной записи («Двухтомник, 1990», т. 2, с. 193).
- ²³⁵ Фотография этой книжки, существовавшей в единственном экземпляре, была опубликована еще при жизни Ахматовой. 14 августа 1965 года, то есть как раз в годовщину «постановления 46-го», в Уфе, в газете «Ленинец» была напечатана фотография «берестяной книги», раскрытой на том месте, где выцарапаны стихи «После ветра и мороза было / Любо мне погреться у огня». Впоследствии же фотография «книжки» публиковалась не один раз. Так, например, во втором томе двуязычного Полного собрания сти-

хотворений Анны Ахматовой (USA: Zefir-Press, 1990, p. 742) помещена фотография той же лагерной книжки. Книжка раскрыта на той именно странице, где, не без ошибки, выцарапано стихотворение, которое А.А. показала мне: «Двадцать первое. Ночь. Понедельник».

Примеч. ред. 1996: См. также с. VI настоящего тома.

²³⁶ Н.Я.Мандельштам поселилась по адресу: Большая Черемушгинская, д. 50, кв. 4.

²³⁷ Первая статья о деле А.Д.Синявского и Ю.М.Даниэля появилась только через месяц, 13 января 1966 года, в газете «Известия». Но еще до лживой газетной кампании против этих двух авторов, осмелившихся опубликовать свои книги на Западе, об их поступке и об их книгах велись бурные споры в литературной и прилитературной среде.

²³⁸ **Марк Александрович Поповский** (р. 1922) — литератор, эссеист, публицист. Первый из писателей он занялся изучением жизни и гибели великого русского ученого Н.И.Вавилова. Академик Н.И.Вавилов был арестован в 1940 году, избиваем на следствии и погиб от голода в саратовской тюрьме в 1943-м.

М.А.Поповский в середине шестидесятых годов начал читать открытые лекции о судьбе великого ученого; затем рукопись сделалась достоянием Самиздата; затем, когда лекции подверглись запрещению и сам он утратил возможность печататься на родине, М.А.Поповский, в 1977 году, эмигрировал. Опубликовал он свою работу впервые в отрывках в журнале «Простор» (1966, №№ 7 и 8) под заглавием «Тысяча дней академика Вавилова», а затем на Западе в русском историческом альманахе «Память» (вып. 2; Paris: YMCA-Press, 1979) под заглавием «Дело Вавилова». Впоследствии эта работа была напечатана полностью отдельной книгой. См.: Марк Поповский. Дело академика Вавилова. Ann Arbor: Hermitage, 1981; М.: Книга, 1991.

²³⁹ Объявление о новых книгах Анны Ахматовой (о первом томе «Сочинений» и о «Беге времени») появилось в «Русских новостях», насколько мне известно, 3 декабря 1965 года и затем, с присоединением заглавия «Лирика», публиковалось в той же газете не раз.

²⁴⁰ Статья из газеты «Die Welt» 5 июня 1965 года под названием «Между молитвой и отчаянием» и с подзаголовком «Защита Анны Ахматовой» принадлежит перу Валентина Польцуха. Polcuch (р. 1911) — журналист и автор биографических романов.

Похвалив перевод Мари фон Хольбек, он приводит грубые ошибки, обнаруженные им в переводах Ксаверия Шаффготша. Разбор предварен краткой биографией Ахматовой. Эта вводная статья пестрит мелкими ошибками, но более всего меня поразили следующие фразы: «...Анна Андреевна молчала в продолжение целых двадцати лет...», но тем не менее «...она писала — редкий случай в истории дикта-

тур — складывая написанное в ящик своего письменного стола. Над тем, что хранилось в этом ящике из соснового дерева, власть Жданова была бессильна.

Почему — бессильна?

²⁴¹ **Виктор Викторович Чердынцев** (1912—1971) — ученик Владимира Ивановича Вернадского, физик и геохимик, с 1960 года сотрудник Геологического Института Академии Наук СССР. Ахматова, говоря об открытии Чердынцева, по-видимому, подразумевает либо работу «Первозданный трансурановый элемент в природе», опубликованную в журнале «Геохимия» (1963, № 1), либо открытие более раннее, совершенное вместе с П.И.Чаловым в 1957 году, — о естественном разделении Урана-234 и Урана-238, именуемое «эффектом Чердынцева-Чалова».

В 1935 году, в Ленинграде, когда после убийства С.М.Кирова власти, кроме схваченных будто бы «по делу», выселяли в казахстанские степи или в дальние города тысячи даже и ни в чем не заподозренных людей, арестован был и В.В.Чердынцев. Однако заступничество В.И.Вернадского спасло его от ссылки.

С Анной Андреевной Виктор Викторович познакомился в 1938 году. Они подружились и при встрече читали друг другу свои стихи. Об одном из стихотворений Чердынцева, написанном строфой «Поэмы без героя» и посвященном Анне Андреевне, она упоминает во «втором письме о “Поэме”» 22 августа 1961 года. Она цитирует: «Не дожить до конца столетья... / Двадцать первое, двадцать третье... / Будто стружка летит с верстака!» И продолжает: «Это, извините, стихи трезвейшего и знаменитого физика-атомщика...» («Двухтомник, 1990», т. 2, с. 255-256). Привожу эти стихи целиком:

ПОСВЯЩАЕТСЯ АННЕ АНДРЕЕВНЕ АХМАТОВОЙ

Кто атомные двинул турбины?
 Кто снаряд в мировые глубины?
 Имена их не можем знать.
 Пусть со временем их объявят,
 На уроке ребят заставят
 За отметки запоминать.
 Словом, тем, что было в начале,
 Только им Вы судьбу обличали.
 Повинуясь закланию слов,

Мир открылся ясно и просто
 От сугробов Львиного моста
     До брезгливых каирских львов.
 Слово! Прошлое им обратили,
 Черный снег в серебро растопили,
     И ночной новогодний бред
 Застывает могучим сплавом,
 Навсегда он останется правым,
     Талисманом погибших лет.
 Не увидеть конца столетья...
 Двадцать первое, двадцать третье —
     Точно стружки летят с верстака!
 Нас война и мор растерзали,
 Но весна и гордость в скрижалях
     С Шереметевского чердака.
 Власть, богатство, почести, силу —
 Все в могилу, только в могилу
     Шутовской уводит парад.
 Пусть гоплиту жилось неплохо, —
 Позабыла его эпоха,
 Но убитого им Архилоха —
     Слово каждое — в сотни карат.

б. 11. 60

(Архив Е.С.Петровых-Чердынцевой. Она же в письме от 26 октября 1989 года сообщила, что *гоплиты* — пешие воины с тяжелым вооружением в войсках греков, и напомнила, что *Архилох* — дневногреческий поэт VII века до н. э.) Чердынцев — автор многочисленных стихотворений; одни из них — в том числе «Десятая Муза» (о Музе науки) — опубликованы в журнале «Простор» (1960, № 6), другие — в журнале «Химия и жизнь» (1981, № 4). Подробная научная биография В.В.Чердынцева изложена в послесловии к его книге «Ядерная вулканизация» (М.: Наука, 1973).

²⁴² См.: День поэзии. Л., 1967, с. 135.

²⁴³ О нашем — моем и В.Корнилова — письме в «Известия» см.: Лидия Чуковская. Открытое слово (М., 1991), а также журнал «Горизонт» (М., 1989, № 3). Через несколько месяцев я еще раз выступила в защиту Синявского и Даниэля — см. мое письмо «Михайлу Шолохову, автору «Тихого Дона»» (там же).

²⁴⁴ «A great russian writer» — статья Исаяи Берлина о вышедшем в Принстоне томе прозы Мандельштама в переводе и с предисловием профессора Кларенса Брауна («The Prose of Osip Mandelstam»). Статья эта, написанная в виде критического — и весьма высокого! — отзыва о работе профессора Брауна, является в то же время собственной оригинальной работой И. Берлина, посвященной основным чертам поэзии, прозы и биографии Осипа Мандельштама (см.: «The New York Review», 23 декабря 1965).

²⁴⁵ *Примеч. ред. 1996:* «Для Лиды», — писала Л. Чуковская, — это не письмо ко мне, а запись, сделанная Ахматовой в тетради. Запись представляет собою рецензию автора на первый том «Сочинений» Анны Ахматовой, вышедший в 1965 году под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова».

После смерти Ахматовой И. Н. Пунина передала ксерокопию страниц «Для Лиды» Лидии Корнеевне. По словам А. Г. Наймана, эта запись находится в ахматовской тетради «Лермонтов». Полностью запись «Для Лиды» не напечатана до сих пор. Отрывок из нее опубликован в сборнике «Памяти А. А.» — с ошибкой в дате (и с другими опечатками). Приводим выдержки из ахматовской записи «Для Лиды»:

«Стр[уве] не подозревает, что после вечера “Р[усского] Сов[ременника]” в Москве было первое пост[ановление] в 1925 г. Даже упоминание моего имени (без ругани) было запрещено. Оно выброшено из всех перечислений — просто не существует. Г-ну Струве кажется мало, что я тогда достойно все вынесла, он, якобы занимаясь моей поэзией и издавая толстенный том моих стихов, предпочитает вещать: “Ее звезда закатилась”, и бормочет что-то о новом рождении в 1940 г. Но почему же тогда “Четки” и “Белая Стая”, кот[орые] переписывали от руки и искали у букинистов, не находили себе издателя? Просто от того, что книги находились в index librorum prohibitorum”. Двухтомник Гессена (“Петроград”, 1928) был запрещен — корректура есть у Лукницкого. Ругань (о кот[орой] г-н Струве умалчивает) началась систематически примерно с Лелевича (“На посту”), “Мы не можем сочувствовать женщине, кот. не знала, когда ей умереть”, — писал Перцов, и это самая приличная фраза из его статьи (“Жизнь Искусства” 1925).

* Великий русский писатель (англ.).

** Перечень книг, запрещенных духовной цензурой (лат.).

Позднее (1946) про Сергиевского в Москве говорили: “Он себе из Ахматовой шубу сшил”. Как про дачу Плоткина: “На ваших костях стоит”.

Затем как может не придти в голову г-ну Струве, что в то время я писала нечто, что не только печатать было нельзя, но даже читать т.н. “друзьям”. (Таков был “Реквием”.) Вот несколько таких стих[отворений]*:

0. Не мудрено, что похоронным звоном (Лит. Газ.)
1. Алекс[андрийские] стихи (О лучше б ястребом)
20-ые годы
2. Зачем вы отравили воду (1935)
3. Эпиграммы (20-ые годы)
4. Пива светлого наварено (1922)
5. Не столицей европейской (30-ые годы)
6. Привольем пахнет дикий мед** (30-ые годы)
7. Последний тост (1931 г.?)
8. Русский Трианон (сгорел)
9. И ты мне все простишь (20 годы)
10. Морозова (30-ые годы)
- 11—13. Черепки (30-ые годы)
14. Подражание Армянск[ому]
15. Стекланный звонок
16. И неоплаканную тенью (20-ые г.)
17. На стеклах нарастает лед (30-ые)
18. Что войны, что чума (нрзб.)
19. Заклинание (Из тюремных ворот)
20. В том доме было очень страшно (полузабыла)
(20 годы)
21. Стансы
22. Подвал памяти
23. Заклинание (30-ые годы)

Итого 20 при беглом больничном

24. Застольная

Когда Осинский и Коллонтай попытались пикнуть — их немедленно усмирили. Простые смертные не смели рот открыть. (Книга Виноград[ова] шла как научная, «Образ Ахм[атовой]» — как рукопись). Очень мило звучат кри-

* Стихи никогда не были записаны (30-е годы), оттого невозможно точно их датировать.

** И Манд[ельштам] и Пастернак считали это одним из лучших моих стихотворений.

тические статьи того времени. Напр.: “Критика и контрреволюция”. Можно еще заглянуть в тогдашнюю “Литературную Энциклопедию” (!?) (авторы Маслин и Рыбасов).

Всем этим с высоты своего калифорн[ийского] великолепия г-н Струве пренебрегает. Он говорит о тяжко больной (находили даже туб[еркулез] брюшины) женщине, кот[орая] чуть не каждый день читала о себе оскорбительные и уничтожающие отзывы и если бы не поддержка верного читателя, вероятно так или иначе погибла. Это были годы голода и самой черной нищеты. То странное “пособие”, кот[орое] я получала, я делила между мамой илевой и жила на несколько рубл. в месяц. Это тогда знали все. Знают и теперь. <...>

Этот I-ый том производит впечатление последней корректуры, над которой еще надо серьезно поработать: Перепутаны даты (“Если...”), развалилась целая поэма (“Путем...”), нет цикла (“Новоселье”), возникли произвольные инициалы (“Нам встречи нет”), всё в чудовищных опечатках, никуда не годится расположение стихов <...>

Итак при двух неизвестно чьих стих[отворениях] (“Закат” и “Одна звезда”...) не хватает 11-ти проверенных и одобренных автором стихотворений, всунуты стихи из старых журналов, отвергнутых автором для книг, из цикла “Новоселье” выпало заглавие и два стих[отворения] (второе и четвертое), “Полночные стихи” испорчены тем, что произошло с “Зовом”. (Выпала строка.)

Не надо было печатать и кусок “Поэмы без Героя”, раз она вся идет во II-ом томе.

Что сделано с “Путем вся Земли” — “Неприятно и речь заговаривать”, как говорил Некрасов. Еще неприятнее писать о Предисловии. С этого я начинаю мою критику и не буду повторяться».

²⁴⁶ Привожу тот отрывок из письма Арсения Тарковского, который А.А. подарила мне:

«Дорогая Анна Андреевна!

Вы не можете представить себе, сколько людей вместе с Вашими врачами, с какой любовью и преданностью, следит за каждой десятой Вашей температуры! Как добивались и добиваются Ваши читатели “Бега времени”! Всё, чего нет в книге, или известно читателям или воображается ими,

они видят книгу такой, какой она могла бы быть, и пусть Вас не огорчает ее неполнота. Все же — это самая полная Ваша книга, самая большая по охвату созданного Вами. Выход ее в свет — праздник русской поэзии, и был бы праздником в любые времена (но она и очень *современна*), даже в присутствии имен, которые и произнести страшно (Тютчев, Баратынский и еще...). Я не один, кто знает окончание “Поэмы без героя” и многое другое. Об отдельных стихотворениях нет смысла говорить, все уже сошлось, скрепилось воедино, это уже система, “воздушная громада”, уже не “Северные элегии” и “Cinque”, и “Библиейские стихи”, это — Ахматова. Ваш подвиг недаром совершаем. Кроме того, каждое стихотворение больше самого себя в соседстве с другими, в этом единстве, в этой системе, в этом мире. Даже этой одной книги, без ненапечатанного, без черновиков достаточно для посылки адресату через двести лет. Если никто пока не распорядился, чтобы “цел был дом поэта”, то читатель об этом распорядится, для Вас уже построен Вами же коридор в будущее, и Вы по нему идете уже за столетия впереди самой себя. Мне кажется, что говоря так, я чего-то не договариваю, и, пожалуй, вот чего: Вы написали за всех, кто мучился на этом свете в наш век, а так еще не мучились до нас ни в какие времена, и если Пушкин был Пушкиным, то голос его — за тех, кто такого совершенства, как мы, в страсотерпении *не* достиг (допустим, хоть война 1941—1945). *Ваш* читатель и *Ваш* двигатель хлебнул *совершенного* лиха, и это — Ваше преимущество...»

Примеч. ред. 1996: Это письмо теперь опубликовано — см.: ВЛ, 1994, вып. 6, с. 337.

²⁴⁷ **Ганс Вернер Рихтер** (1908—1993) — немецкий романист, сатирик, критик, эссеист. Основатель литературной «Группы 47». Его выступление по радио, названное «Эвтерпа с берегов Невы», было передано 30 января 1965 года, а в октябре вышло отдельной брошюрой в издательстве «Friedenauer Presse», в Западном Берлине.

²⁴⁸ Иосиф Бродский. Новые стансы к Августе. (Стихи к М.Б. 1962—1982). Ann Arbor: Ardis, 1983. Какие именно стихи шестидесятых годов, вошедшие впоследствии в эту книгу, читал Бродский Корнею Ивановичу — я не помню. Быть может, он читал ту поэму, или отрывки из поэмы, которая так и называется «Новые стансы к Августе»?

ПРИЛОЖЕНИЯ

Отдел «Тяжба» подготовлен автором.

Статья Лидии Чуковской «Голая арифметика» и эссе Ганса Вернера Рихтера «Эвтерпа с берегов Невы», хранящиеся в архиве Л.К., включены в приложения нами. — *Ред.1997*

Тяжба

В промежутке

17 ИЮНЯ — 7 НОЯБРЯ

*(от моей последней встречи с Ахматовой в Москве
и до первой — в Комарове)*

Из моего общего Дневника

23 июня 64 года. Пиво-воды

В деле Бродского — просвет. Наконец-то мое письмо и Фридину запись прочел Черноуцан и обещал попробовать что-то сделать. Затем неожиданность: делом возмущен заведующий Международным отделом КГБ.

Я его понимаю: молодчики грубо работают.

Уже и левая итальянская печать выступила.

От Иосифа пришло очень хорошо написанное письмо к Руденко. Мы пошлем его в разные места.

Фрида приезжала из Тарусы и была на приеме в Управлении милиции с просьбой распорядиться послать Иосифа на ВТЭК. Ей сказали, что это может сделать Архангельск сам. И Коноша. Но Архангельск *сам*, увы! боится.

Иосиф на 3 дня ездил, с разрешения начальства, в Питер.

Из письма И.А.Бродского — Р.А.Руденко

Товарищ Генеральный Прокурор!

К сожалению, я не имею понятия о форме, в которой у меня есть право к Вам обратиться. Я знаю только, что мой приговор «обжалованию не подлежит». Я даже не знаю, есть ли у меня вообще данное право. Но я твердо убежден, что, как гражданин своей страны и как человек вообще, я имею право протестовать против того, что мне кажется несправедливым. Это человеческое право, и оно дается человеку с его рождением. Поэтому я обращаюсь к Вам. ...

Я начал работать с пятнадцати лет. Я был фрезеровщиком, кочегаром, фотокорреспондентом, санитаром, техником-геологом, матросом. Я хотел повидать мир, и мне это удалось. Все это время я писал стихи. В октябре 1962 года я заключил с Гослитиздатом свой первый договор на перевод стихов в сборнике «Заря над Кубой» и с тех пор по самое последнее время вел профессиональную переводческую работу... Именно это время: осень 1962 и весь 1963 год — именно это время, когда вышли две книги с моими переводами, когда мои оригинальные стихи были опубликованы впервые в журналах... когда Ленинградская студия Телевидения по моему сценарию сняла и выпускает сейчас на экран кинофильм — именно это время послужило впоследствии поводом для обвинения меня в «...невыполнении важнейшей конституционной обязанности честно трудиться на благо Родины и обеспечения личного благополучия», — я цитирую судебное постановление.

Товарищ Генеральный Прокурор! Я знаю немало профессий. И я считаю труд переводчика ничуть не менее достойным, чем труд кочегара. Больше того, это древний, как самый мир, труд. И я смею думать, что мой труд шел на благо Родине, ибо взаимопонимание едва ли не наивысшее человеческое благо...

Далее: я никогда в своей жизни не написал ни единой антисоветской строчки. Точно так же я никогда не писал порнографии. Точно так же я никогда нигде, ни с чьей помощью не устраивал своих «вечеров, где противопоставлял себя нашей советской действительности». Я выступал всего два или три раза по прямому приглашению Союза Писателей с чтением своих переводов...

На все это я указал суду, но никакого внимания на это обращено не было. Я просил суд также объяснить мне, в чем же я конкретно обвиняюсь. Ответа на этот вопрос я не получил. И потом в течение всего заседания суд занимался самым разнообразным поношением моей поэтической деятельности, хотя обвинялся я по вполне определенной статье и приговор мне был

вынесен в соответствии с ней. Товарищ Генеральный Прокурор, это незаконно. Как литератору мне абсолютно безразличны мнения людей невежественных, с какой бы яростью они ни высказывались. Но в том-то и дело, что вся эта дикая свистопляска была устроена для того, чтобы отвлечь внимание от основной сути дела: я не виновен... Обвинять меня по Указу о тунеядцах — значит фактически игнорировать не только документы, скрепленные государственной печатью, но и самый закон. Обвинять меня в уклонении от общественно-полезного труда невозможно... И все-таки, вызвав в качестве свидетелей шестерых человек, которые по их же собственным словам никогда меня не видели, суд нашел возможным обвинить меня в «уклонении от общественно-полезного труда». Прежде всего, могут ли называться свидетелями лица, которые меня никогда не видели? Свидетелями ЧЕГО они в таком случае являются? Когда я спросил, на основании каких же материалов они решаются составлять обо мне свое мнение, судья запретил им отвечать. Я просил свидетелей указать мне, что именно дает им право обвинять меня в порнографии и антисоветчине: просил привести какой-либо пример. Сделать это никто оказался не в состоянии. Создавалось такое впечатление, будто они знают, что нужно сказать, но не знают, о чем они говорят. Кроме того, один из свидетелей, Воеводин, представил суду фальшивую справку, гласящую, что я не являюсь «ни поэтом, ни профессиональным литератором». Справка была выдана якобы от лица комиссии по работе с молодыми авторами при Ленинградском отделении СП; но присутствовавшие на суде члены этой самой комиссии заявили, что с ними данный вопрос никогда не обсуждался, заседания комиссии не было и такого решения она не принимала.

Один из свидетелей обвинения заявил, будто я обманным путем освободился от воинской службы, — это тоже ложь. После всего этого последовало полтора-два часа выступления общественного обвинителя Со-

рокина, которого я видел в первый раз, представлявшее собой совершенно разнузданную клевету по моему адресу, а также по адресу «сиятельных тунеядцев», как он сам выразился, имея в виду Чуковского и Маршака.

После этого был устроен перерыв, а затем оглашен известный Вам приговор.

Товарищ Генеральный Прокурор! Ни юридически, ни нравственно я не виновен. Я не уклонялся от общественно-полезного труда и не вел антиобщественного паразитического образа жизни... Я имею все основания обвинить суд в недобросовестности и фальсификаторстве, в преднамеренном осуждении. Ничем иным нельзя объяснить столь явное пренебрежение к фактам.

Все это произошло потому, что я, что бы ни говорил суд, действительно поэт; пишу свои стихи и перевожу стихи зарубежных поэтов. Я убежден, что придет время, когда о недостатках и достоинствах моих стихов и переводов будут судить сведущие люди, а не те, что заявили в своем постановлении, будто я «...писал ущербные, упадочнические стихи, которые распространял среди молодежи Москвы и Ленинграда». Это глупость, смешанная с ложью.

Что же касается юридической стороны дела, то если хоть одно из брошенных мне обвинений основательно, я должен нести наказание несравненно большее, чем то, которому я подвергнут — и в этом смысле суд также совершает преступление перед законом. Уже хотя бы на этом основании я заявляю протест против вынесенного мне приговора...

Я прошу повторного разбирательства. Если я не прав, я ничего не выиграю. Но я знаю, что я ни в чем не виновен, и ничего не боюсь.

Я прошу у Вас не милости, а справедливости и верю, что мне не будет в этом отказано и я получу возможность вернуться к своему труду.

С искренним уважением

И.Бродский
Июль 1964 г.

Из дневника К. Чуковского

25 июня 64

Были у [меня] вчера четыре джентльмена. Л.Н.Смирнов, председатель верховного суда РСФСР, В.Г.Базанов, директор Пушкинского Дома, Е.Ворожейкин, директор Юриздата <...> и еще один, чья фамилия невыяснена. Мои коллеги по изданию 8-томного Кони.

Оказалось, что со Смирновым, Председателем Верховного Суда, я уже встречался в жизни — на Лахте, в Ольгино, в 1922 году. Он говорит: «помню, вы все возились с детьми». Был ли он тогда ребенком, я не решился спросить. Он тучный, высоколобый, с усталым лицом. Я заговорил об Иосифе Бродском.

Он оживился:

— Представьте, я получил о нем два письма. Оба из Лен[ингра]да. Одно по-английски. Пишет какой-то студент — на бумаге, вырванной из тетради. Такое смешное письмо...

— Вам смешно, а он страдает. Больной, должен где-то под командой грубых людей возить навоз и т. д.

— Очень смешное письмо.

Я стал говорить о злобном Прокофьеве, который из темных побуждений решил загубить поэта, о невежественном судье, Базанов и незнакомец вяло поддерживали меня, но Смирнов отошел в угол балкона (покурить) и все говорил:

— Такое письмо... И по-английски («Дневник-2», с. 356).

К.Г.Паустовский — А.И.Микояну

Председателю Президиума Верховного Совета

Дорогой Анастас Иванович!

Я встретился с тяжелой несправедливостью. Молодого ленинградского поэта и переводчика Бродского объявили тунеядцем, судили за то, что он писал стихи и сослали из Ленинграда на Север. Это дает мне основание обратиться к Вам и просить Вас вмешаться в это дело.

Материалы, из которых видно существо дела, прилагаются.

К.Паустовский

27 июля 1964 г.

Из письма И. Бродского — Ф. Вигдоровой

16.VIII.64

Дорогая Фрида Абрамовна,

писать Вам нужно бы слишком о многом, потому и не выходят письма. Это даже и лучше: спокойнее. Да и вообще все это время нахожусь как бы за скобками; кроме того, никаких таких новостей у меня не было. Вот и не писал и, кажется, даже не поблагодарил за машинку. Этого сейчас сильно стыжусь и, как бы с жаром, как бы наверстываю упущенное; она мне служит маленькую, но иногда замечательную службу...

Дело в том, что когда свыше поступило указание устроить мне комиссию, именно из А<рхангельс>ка сюда приезжал специальный человек (отнесшийся ко мне весьма благожелательно). Следовательно, возможна какая-то связь между М<осквой> и А<рхангельском>, скажем, на предмет затребования одного дела. Или наоборот, что если я попрошу здесь, чтобы дело послали в М<оскву>, хотя вряд ли меня послушают? Имеет ли это смысл? В общем, я хотел бы что-то знать, вернее, как-то поступать, ибо дольше находиться в бездействии не хочу и не могу. Мне кажется, что воз не двигается с места по моей вине. Я хотел бы также, чтобы Вы, если не трудно, написали мне всю правду, даже если дело решительно безнадежное (Миронов и проч.)...

Простите мне, пожалуйста, этот несносный тон и, может статья, нелепые фантазии. Говоря по чести, у меня просто увеличилось число причин, по которым я желал бы освобождения. Кроме того, уже семь с лишним месяцев всей этой вздорной (позорной) истории: ничего удивительного, что нервы разгулялись. Вообще же ничего убийственного не происходит (хотя то, что происходит, для меня, пожалуй, хуже самого невероятного — но об этом слишком долго). Пожалуйста, не сердитесь. Как свидетельство полной своей лояльности, приложу к письмецу стихи, писанные здесь в мае-июне; за весь июль написал только одно, славное, в общем,

стихотворение и больше ничего. Меня завалили переводами, но что-то такое случилось, что не могу к ним подойти и ничего не выходит. Ну, это уж сугубо мои личные дела, о них не стоит: литература. Просто, как ни вертись, здесь трудно работать.

На ноябрьские или к Новому году, меня, может статья, отпустят. М.б., имеет смысл поехать в Москву? Я очень хотел бы увидеть Вас и поговорить...

У меня очень плохой почерк, потому и воспользовался машинкой, которая давно хочет передать Вам привет и сказать, что она цела и здорова.

Черновик ответа Ф.Вигдоровой — И.Бродскому

<Конец августа 64>

...ну, вот, наконец, и письмо от Вас.

Я очень понимаю, что Вам писать трудно — вообще, а мне — в особенности. И все-таки хорошо, что вы написали.

Отвечать — тоже трудно. Потому, что не могу втолковать главного: дело не в Арх-ке. И не в Коноше. И даже не в Москве и Л-де. Не в городах, а в конкретных людях. И даже не в Прокофьеве. Дело в зав. отделом адм. кадров т.Миронове — и это гораздо серьезнее. У него есть все: моя запись, письмо Чуковской, Ваше письмо, адресованное Руденко. Так что — Вы тоже действуете. Все эти материалы лежат на столе Леонида Федоровича Ильичева.

К нему же от себя обратился руководитель Союза писателей — К.А.Федин.

Паустовский послал мою запись и Ваше письмо — пред. сов. мин. — Микояну. И, конечно, высказал ему свое мнение на произошедшее. Пока ответа нет.

Вот что, сбиваясь на протокол, я могу Вам сказать. Есть только один человек, к которому мы не обратились, — Н.С. (Хрущев. — *Ред.*) Но его в Москве давно нет — и уже нет того человека, кот. хочет к нему обратиться. Я и хочу, но я, как Вы сами понимаете, не фигура.

Вам не повезло в том, что Ваши друзья и заступники — люди не чиновные. Они очень немного могут. Они преодолевают путь не милями, а миллиметрами. Но нет такой минуты, когда бы они не помнили о Вас, и не действовали бы.

Не семь, как Вы пишете, а девять месяцев — время, достаточное для того, чтобы родился ребенок. А он, вот, не рождается.

И, несмотря на все это я с удивлением прочитала Ваши слова о ноябре или Новом годе. Не могу, не хочу думать, что Вы все еще будете там. Чудо ли, или до кого-то дойдет все же смысл, позор происходящего, но Вас должны освободить. Так я думаю и верю.

Еще раз хочу сказать, что, если бы речь шла об Арх[ангельске], о кот. упоминаете Вы, может, хватило бы и моего скромного влияния. А тут дело совсем, совсем другое. Постарайтесь понять.

Из письма К. Чуковского — Л. Чуковской

17 июля 1964

...Сейчас получил № Таймса, где рассказана история Бродского, сообщено о ходатайствах Шостаковича, моем и С[амуила] Я[ковлевича] — а так же сказано (по поводу рекевиема) что Ахматова — великий поэт.

Речь идет о статье Патрисии Блейк «Быть советским литератором все еще опасно», опубликованной 21 июня 1964 года в «Нью-Йорк Таймс Бук Ревью». Автор статьи сообщает: «Копии писем и телеграмм, которые были направлены в суд и в ЦК партии многими выдающимися представителями русской интеллигенции и творческими работниками, такими как Дмитрий Шостакович, Корней Чуковский и Самуил Маршак, недавно тайными путями дошли до Запада. Они заявляют, что “молодой и все еще развивающийся талантливый поэт должен быть огражден от необоснованных и оскорбительных обвинений”, и указывают, что процесс Бродского широко комментируется в России как “рецидив методов, которые применялись в период культа Сталина”...

История Иосифа Бродского свидетельствует о том, что быть советским литератором все еще опасно... Он — протеже самого крупного из ныне здравствующих русских поэтов — семидесятипятилетней Анны Ахматовой» (выдержки из статьи даны в переводе с английского. — *Ред.*)

Из письма И.Бродского — Ф.Вигдоровой

<Сентябрь 1964>

...читать Ваше письмо было гораздо мучительней, чем думать о собственных невзгодах. Очень больно, что Вас так ранит эта история. Хотел бы Вас как-то утешить, но, боюсь, вышло бы слишком кокетливо...

Вы пишете, что меня «должны освободить». Нет, Фрида Абрамовна, не должны. И не только — в силу политической ситуации, а потому, что у этой страны нет долга передо мной: я чувствую очень сильно, насколько эта земля не связана с человеком. Поэтому я все буду сам. Нужно ее пересилить, вспахать, что ли, перехитрить. Ладно. И это — лирика. Очень хочу на ноябрьские или к Новому году выбраться на пару дней (хотя теперь не знаю, удастся ли: болею уже неделю и на меня глядят очень косо)...

Из моего общего Дневника

11 сентября 64

Сегодня дурные вести о деле Иосифа.

Несколько дней назад, в городе, была у меня Наталья Грудинина. Она специально приехала из Ленинграда, чтобы добиться приема у Смирнова, Миронова, Суркова, Руденко. И, кроме того, послать большое письмо Никите Сергеевичу. Письмо составлено... длинно, — но горячо и убедительно...

Вместе с Львом Зиновьевичем она посетила Воронкова и они вместе подробно объяснили ему, сколько в деле фальшивок...

Ну вот, а сегодня Корней Иванович ходил к Федину, который читал начало его воспоминаний о Зощенко — и Федин сказал, что:

Дело Бродского (с Фридиной записью) было докладываемо лично Хрущеву (по-видимому, из-за криков за границей), он сказал, якобы, что суд велся безобразно, но пусть Бродский будет счастлив, что его осудили за тунеядство, а не за политику, потому что за стихи ему причиталось бы 10 лет...

Значит, мерзавцы — или обманутые — обманули Никиту Сергеевича разного рода фальшивками, состряпанными Лернером... Потому что никаких антисоветских стихов у Бродского нет и быть не может: он живет на удивление далеко от всякой политики.

Завтра я еду в город, увижусь с Фридой, которую не видела 100 лет, и будем думать думу...

Да, еще Никита Сергеевич спросил, как Фридина запись попала за границу...

Фрида посылала ее в «Известия», в «Литературную Газету», в Прокуратуру и так далее. Очевидно, в каком-то из этих учреждений кто-то переписал и пустил по рукам, а то, что ходит по рукам — неизбежно попадает за границу.

А от Иосифа вести плохие, и самая плохая та, что он не в силах переводить, хотя его завалили переводами.

Зима там близка. Переживет ли он ее?

Ф. Вигдорова — К. Федину

<Сентябрь 64>

Глубокоуважаемый Константин Александрович! Никто не вправе перекладывать тяжесть со своих плеч на чужие. Каждый сам должен нести свою ношу. Но я перекладываю свою ответственность за человеческую судьбу на Вас, потому что оказалось: я бессильна, у меня нет пути, на котором я могла бы добиться справедливости.

Речь идет о судьбе молодого талантливого поэта, несправедливо и бессмысленно сосланного на пять лет за тунеядство.

Я обращалась в газету (для журналиста — путь единственно верный), в прокуратуру, в ЦК — все напрасно.

Нет нужды излагать суть этого дела: оно полно и подробно изложено в записи двух судов, на которых я присутствовала и в письме Лидии Чуковской работнику ЦК Игорю Сергеевичу Черноуцану. Прочитайте эти материалы.

Вправе я или не вправе так поступать, но я перекладываю ответственность за судьбу оклеветанного молодого поэта на Вас: Вы — руководите Союзом Писателей. Может быть, перед Вами откроются двери, которые плотно закрыты передо мной.

Ф. Вигдорова.

И. Дьяконов — К. Федину

<Сентябрь 64>

Глубокоуважаемый Константин Александрович! Вы, по всей вероятности, помните меня мальчиком — я Игорь, единственный сохранившийся из семьи Михаила Алексеевича Дьяконова, которого, я знаю, вы любили, и — единственный — попытались нам помочь в 1938 году.

Вы на днях получили письмо от Фриды Абрамовны Вигдоровой. Я очень Вас прошу, в память той, не удавшейся Вам помощи в 1938 г., оказать помощь в этом деле — хотя человек, о котором идет речь, мне совершенно неизвестен, но исход этого дела для нас всех в Ленинграде — пробный камень: действительно ли 1938 год не повторится?

С глубоким уважением и благодарностью за прежнее
Ваш Игорь Дьяконов

Из письма Н. И. Грудининой — Н. Р. Миронову

11 сентября 64

...Поскольку высказанное Вами мнение о деле Бродского до суда и непосредственно после — оказалось трагичным для дела и исказило нормальный ход разбирательства и надзора со стороны органов Прокуратуры, то прошу Вас как коммуниста принять меня, выслушать и дать указания о проверке фактов, которые я Вам сообщу.

Это совершенно необходимо, потому что молодые литераторы моего родного города несут тяжелые идеологические потери в результате открытого показательного суда над Бродским и незаконного приговора, а также и потому, что восстановление законности и справедливости затягивается на чересчур долгий срок...

Из письма Н.И.Грудиной — Н.С.Хрущеву

13 сентября 64

По праву человека, отдавшего жизнь воспитанию собственных детей и литературной молодежи, я прошу Вас избавить молодые умы от «дела Бродского». Техника фабрикации «дела» в результате многолюдного суда стала известна чуть ли не всей интеллигенции Ленинграда и Москвы. Наше правосудие чернят за границей — и все лишь потому, что в одной из народных дружин Ленинграда завелся лгун и провокатор — некий ЯЛернер...

Когда же все это кончится? Партия и Вы лично — обещали нашим детям строгое соблюдение законов. Почему же безнаказанно нарушен закон в Ленинграде?..

Беззаконный приговор должен быть снят. Наши дети, молодые литераторы, а также все, кто был потрясен этим омерзительным «делом» — должны успокоиться и знать, что 38 год больше *никогда не повторится*.

Из моего общего Дневника

14 октября 64, Переделкино

Мы приехали к Деду вместе с Фридой, чтобы вместе (она так хотела) пойти к Ивановой, уговорившись о комнате. Но Дед внезапно позвал нас обоих к себе наверх. Он лежал на диване, слабый и грустный. Сообщил поразительную новость. К нему приезжал Дмитрий Алексеевич Поликарпов, специально по делу Бродского. Просить, чтобы Корней Иванович взял назад свое заступничество. Снял свое имя.

Корней Иванович, дорогой, отказался наотрез.

Странное дело: никаких политических обвинений против Бродского не выдвигается, а все та же галима-

тя о тунеядстве, о подстрочнике, о каких-то попойках и прочее. Что это за бесчеловечие и безобразие приезжать на дом к больному старику с допросами и насильничеством?

Из моего общего Дневника

22 октября 64

Сдвиг по делу Бродского — большой, счастливый. Миронов — тот самый Миронов, который накануне суда так гнусно говорил с Корнеем Ивановичем, который дал ход всему беззаконию — так вот, тот самый Миронов 3 октября позвонил в Ленинград Грудининой и сообщил, что он передал дело снова в Прокуратуру СССР, куда ее, Грудинину, и вызовут. 19 октября эта Жанна Д'Арк была на приеме у исполняющего обязанности прокурора СССР Малярова*. Решено: мы, хлопотавшие, 15 человек (число назвал он) берем Иосифа на поруки, срок сокращается до 8 месяцев. Вечером девятнадцатого у Фриды — я, Гнедин, Грудинина написали соответственную бумагу**. 20-го утром я, Шура и Грудинина съездили к Корнею Ивановичу; он подписал; затем Грудинина поехала к Паустовскому, а от него прямо в Ленинград. Туда же — Фрида, чтобы не потерять ни минуты; там подпишут Анна Андреевна, Дар, Вахтин, Долинина, Эткинд, Адмони и тогда письмо будет представлено Малярову. А к Иосифу поедет Толя (из Ленинграда), с которым Фрида посылает ему для осведомления наше поручительство.

Из книги А.Наймана «Рассказы...»

В октябре 64-го года я встречал в Ленинграде Вигдорову, ехавшую из Москвы собирать подписи тех, кто хотел поручиться за Бродского перед властями. Ступив на

---

* М.П.Маляров обещал освободить И.Бродского в течение нескольких дней, если за него поручатся «известные люди».

** Подпись Копелевых отсутствует, потому что они были в это время в командировке.

перрон, она воскликнула: «Толя, победа!» В Прокуратуре СССР ей сказали, что его вот-вот выпустят. В том же уверяли перед поездкой в Лондон Ахматову в Союзе писателей (с. 142).

Из «Поручительства» за И.Бродского

19 октября 1964

И.о. Генерального Прокурора СССР
т.Малярову Михаилу Петровичу

В Ленинграде, по Указу о тунеядцах, был осужден и выслан на 5 лет в места спец-поселения начинающий поэт-переводчик, Иосиф Александрович Бродский (год рождения 1940).

Мы, нижеподписавшиеся, профессиональные литераторы, просим освободить И.А.Бродского от пребывания на поселении, ограничив срок его осуждения временем, истекшим со дня приговора...

Мы хотели бы, чтобы Бродский вернулся к любимейшей ему работе — работе поэта-переводчика.

Мы обещаем Вам заняться воспитанием молодого поэта, добиваясь того, чтобы Бродский прочно утвердился на пути советского литератора, неустанно отдавая свои силы работе в соответствии своей квалификации (по договору с издательствами или на других законных основаниях). Мы убеждены, что И.А.Бродский, при его несомненном таланте, систематически занимаясь трудовой деятельностью, безусловно обеспечит себе необходимый прожиточный минимум.

Всецело сознавая свою ответственность, мы чувствуем себя в силах выполнить свое обещание.

Чуковский, Корней Иванович,
член Союза писателей, Москва
Паустовский, Константин Георгиевич,
член Союза писателей, Москва
Ахматова, Анна Андреевна,
член Союза писателей, Ленинград
Чуковская, Лидия Корнеевна,
член Союза писателей, критик, Москва

- Вигдорова, Фрида Абрамовна,*
член Союза писателей, журналистка,
Москва
- Грудинина, Наталья Иосифовна,*
член Союза писателей, поэт, Ленинград
- Вахтин, Борис Борисович,*
член Союза писателей, переводчик,
Ленинград
- Линецкая, Эльга Львовна,*
член Союза писателей, переводчик,
Ленинград
- Адмони, Владимир Григорьевич,*
член Союза писателей, доктор филоло-
гических наук, переводчик, Ленинград
- Хмельницкая, Тамара Юрьевна,*
член Союза писателей, критик, пере-
водчик, Ленинград
- Долинина, Наталья Григорьевна,*
член Союза писателей, прозаик, педагог,
Ленинград
- Гнедин, Евгений Александрович,*
журналист, Москва
- Семенов Глеб Сергеевич,*
член Союза писателей, поэт, Ленинград.

Л. Чуковская — К. Чуковскому

23 октября 64

Дорогой Дед,

Дозвониться тебе нет возможности — поэтому пишу.

Сегодня приехала из Ленинграда Фрида — счастливая, веселая, глазастая — совсем не такая, почерневшая и заплаканная, какой она дважды возвращалась после суда.

Бумага подписана всеми ленинградцами во главе с А.А.

Приятель Бродского послан к нему с копией нашего поручительства и всякими наставлениями.

Подписанная бумага сегодня отправлена прокурору Малярову — тому, с которым говорила Грудинина.

Теперь остается только ждать. Впервые за 8 месяцев можно ничего не делать, а *только* ждать.

Из моего общего Дневника

23 октября 64

Да, а Миронов, тот самый Миронов, который сначала благословил суд над Бродским, а недавно, 3 октября сделал крутой поворот, позвонив Грудининой, этот самый Миронов, Н.Р., разбился в самолете вместе с нашей делегацией, и сегодня его хоронили.

«...намерены исключить»

Р.Орлова и Л.Копелев вспоминают: «...Вскоре стало известно, что правление московской организации Союза писателей готовит дело об исключении Вигдоровой из Союза. Уже подыскивали ораторов из числа «умеренных либералов». Хотели так же, как раньше в деле Пастернака, спекулировать на аргументах: »она препятствует оттепели... она провоцирует репрессии... внушает недоверие к интеллигенции...»

Дело не состоялось — в октябре свергли Хрущева; растерялись и литературные чиновники — куда повернут новые власти?» («Мы жили в Москве», с. 104-105).

Теперь стали известны документы, подтверждающие серьезность намерений властей расправиться с Вигдоровой.

В ответ на «Информацию» председателя КГБ В.Семичастного (см.¹⁴⁴) сотрудники Идеологического отдела и Отдела культуры ЦК КПСС В.И.Снастин и Д.А.Поликарпов сочли необходимым «провести совместное заседание секретариатов правлений Союзов писателей СССР, РСФСР, Московского отделения СП СССР, на котором обсудить вопрос о нездоровых явлениях и фактах антипатриотического поведения отдельных литераторов».

В июле 1964 года «этот вопрос обсуждался на совещании руководителей творческих союзов и секретарей парторганизаций и Отдела культуры ЦК КПСС, а затем в соответствующих организациях» (ЛГ, 1993, № 18).

Ко времени моей ноябрьской встречи с Анной Андреевной (1964 года) в Комарове, в литературных кругах разнесся слух, что из-за активной борьбы за освобождение Бродского, Ф.Вигдорову, по инициативе партийной организации, намерены исключить из Союза Писателей. Этот слух сильно встревожил друзей Фриды Абрамовны; я, в частности, собиралась срочно прервать свое пребывание в Комарове и возвратиться в Москву.

Привожу отрывки из писем, полученных мною от Фриды до Комарова и в Комарове.

Из писем Ф. Вигдоровой — Л. Чуковской

5 ноября 64

...он [Александр Борисович]... тихо сидел в саду нашего дома. К нему подошел один молодой (впрочем, уже не очень молодой) критик и бухнул: — Как у Фриды Абрамовны с исключением из Союза?

Александр Борисович был уверен, что я от него все скрыла. А я и сама ничего не знала. Правда, ко мне то и дело подходили с вопросом: — Говорят, у вас неприятности?

Но я — по глупости или по легкомыслию — не волновалась. И не волнуюсь. И не буду!!!

Впрочем, сейчас, кажется, и оснований нет волноваться. Утихло.

Хороши были разные люди в этих обстоятельствах. Об этом — лично. Но слова Полевого [тогда редактора журнала «Юность». — Л.Ч.], сказанные им Романовой, я хочу Вам сообщить:

— Мне надоела эта Вигдорова, — сказал он. — То она пристает с NN, то с Бродским. Защищать ее я не буду. (Подумав): — Но и *топить* не буду!

Вот одолжил!

Любопытно: когда мне передали совет уехать из Москвы — поскорее и подальше, — я ответила: «Я не заяц, я не побегу».

7 ноября 64

Я очень огорчена Вашей болезнью, а своими делами не огорчена нисколько. Кстати говоря, они пошли на убыль...

...Не волнуйтесь, дорогая, история эта сошла на нет, потухла. Единственное, что меня мучает, это судьба Иосифа. Почему тянут? Почему не отпускают?

11 ноября 64

...хочу, чтобы Вы поняли: я не волновалась. Не горевала. Не чувствовала ничего похожего на страх. Я только рада была, что у меня будет хоть минутная возможность сказать все, что я о них думаю. Кажется, не будет у меня такой возможности. Все затихло. Ну, и слава Богу, — скажу я, любя и жалея своих друзей. И бедного Александра Борисовича.

Лидия Чуковская
Голая арифметика

Не имея возможности прочитать все статьи и воспоминания об Анне Ахматовой, напечатанные за рубежом, приведу лишь один пример «главной лжи», которая ее возмущала. В томе первом ее «Сочинений», опубликованном в 1965 году, в предисловии Глеба Петровича Струве на с. 7 читаем: «the period between 1925 and 1940 was indeed a period of almost complete poetic silence...» («период между 1925 и 1940 был периодом почти полного молчания»). Далее автор предисловия производит подсчет: около полдюжины (half-a-dozen) стихотворений Ахматова написала с 1925 по 1931; немногие в 1936-м и *одно* в 1939-м... Как видит читатель, ознакомившийся хотя бы с одним из сборников стихотворений Анны Ахматовой, вышедшем в конце восьмидесятых или в начале девяностых годов, а также прочитавший первый том моих «Записок», подсчет, произведенный Глебом Петровичем Струве, неверен. Подсчет этот и не мог быть верным. Находясь за тысячи километров от поэта, о котором пишешь, да к тому же еще по ту сторону железного занавеса — подсчитать, сколько стихотворений и когда этим поэтом создано — затея неисполнимая, в особенности, если сознавать, что речь идет о той поре, когда Анна Ахматова не только не имела возможности печатать свои стихи, но даже записывать их.

Однако автор предисловия столь твердо убежден в своих подсчетах, что с небольшой оговоркой повторяет их в 1967 году в новом издании первого тома «Сочинений» Анны Ахматовой. Повторяются они — с оговорками — и в статье Никиты Алексеевича Струве в сбор-

нике, изданном в 1989 году в Париже. Сборник юбилейный*. Статья озаглавлена бесстрашно: «Колебания вдохновения в поэтическом творчестве Анны Ахматовой».

Пытаясь подтвердить давнюю мысль Глеба Петровича Струве о многолетнем полном или почти полном молчании Ахматовой, Никита Алексеевич Струве прилагает к своей статье две научные таблицы: № 1 — «Количественное распределение стихотворений по годам» и № 2 — «Количественное распределение стихотворений по периодам».

Цель этих таблиц доказать, что Ахматова в иные годы создала много «стихотворных единиц» (термин Н.А.Струве), а в иные — меньше. Так, например, из таблицы № 1 явствует, что Ахматова в 1913-м — написала 46 стихотворений, в 27-м — только 3, а в 40-м — 33. Это ли не «колебания вдохновения»? Это ли не доказательство, что творческая способность Ахматовой на долгие годы, преимущественно с конца двадцатых и в тридцатые — угасла, а в сороковом — воскресла? Но, замечу я, ни Ахматова, ни кто другой и не утверждал, что, подчиняясь собственному плановому хозяйству, она почитала себя обязанной каждый год поставлять на потребу читателя одинаковое количество стихов. Кроме того, самый расклад по таблицам ясно показывает, что речь идет уже не о вдохновении, которого никакими таблицами не уловишь, — а о плодах вдохновения, о стихах.

Как бы предчувствуя публикацию ученых таблиц, Ахматова в своей автобиографической прозе написала:

«В частности, я считаю, что стихи (в особенности лирика) не должны литься, как вода по водопроводу и быть ежедневным занятием поэта. Действительно, с 1925 г. по 1935 я писала немного, но такие же антракты были у моих современников (Пастернака и Мандельштама)»**.

---

* Ахматовский сборник. I. Париж: Институт славяноведения, 1989.

** Анна Ахматова. Автобиографическая проза / Публикация Р.Д.Тименчика и В.А.Черных // ЛО, 1989, № 5, с. 8.

Стихи никогда не были «ежедневным занятием» Анны Ахматовой. Главный же недостаток научных таблиц: там не указано, что именно подразумевает Н.А.Струве, употребляя термин «стихотворная единица». Так, например, строфу о Блоке, вставленную Ахматовой в «Поэму без героя» в 1959 году, — считать ли единицей чего-либо, нет ли? Если же «единица» не определена до точности, то что, собственно, подлежит подсчету? Можно сказать «десять штук яиц» (подразумевая равенство подсчитываемого), но нельзя сказать: десять штук облаков, десять штук упадков или десять штук подъемов вдохновения. И по затраченному труду и по затрате времени одна единица не равна другой. И по значительности результата. Стихи бывают более характерные для главной темы, которой обуреваем в эту пору поэт, бывают и менее выразительные; случаются беглые — промельк, очерк — или, напротив, по определению Ахматовой, — «ключевые»; бывают, наконец, попросту, короткие и длинные.

От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала, —

это двестишесть есть несомненно оконченное художественное произведение, равное народной поговорке, и притом несомненный экспромт, мгновенно ударившая молния. Ну, а элегия, не в две строчки, а в 58 строк — например, «Предыстория» — это тоже «стихотворная единица»? или тут требуется какое-то другое обозначение? Создавалась она в разные годы, длилась.

Н.А.Струве говорит: «особенно бесплодны будут конец 20-х — начало 30-х годов». А что означает слово бесплодны? Пастернак и Мандельштам, как рассказывала Ахматова, считали лучшим из созданных ею в начале тридцатых годов стихотворение «Привольем пахнет дикий мед». Мне она говорила, что одним из лучших своих стихотворений она считает «Если плещется лунная жуть» (1928) и «Тот город, мной любимый с детства» (1929)*. «Лучшее» — оно сказано не научно и не подлежит арифметике, но вес имеет и во всяком случае об

* «Записки», т. 3, с. 173.

«угасании вдохновения» не свидетельствует, даже если в соответствующей го́ду графе стоит цифра «1».

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне...

Если в 1929 году Ахматова действительно написала с начала и до конца только одно это стихотворение — для русской поэзии год 1929-й следует считать не только не убыточным, но весьма богатым.

Согласно таблице, в 1926-м, 30-м, 32-м, 48-м, 51-м, 53-м и 54-м годах число «стихотворных единиц», созданных Ахматовой, равно нулю. Но ведь сила и быстрота, с какой прорастает стих еще до того, как он пророс наружу и лег на бумагу (или в память), нам неизвестны. Что создавалось в творческой лаборатории Анны Ахматовой в те, перечисленные Н.А.Струве годы, где в соответствующей графе значится «ноль»? Это неизвестно составителю таблицы, да и не может быть известно никому. Ведомо, например, что над «Поэмой без героя» Ахматова работала 25 лет. Начала со строфы «Ты в Россию пришла ниоткуда» — в 1940-м, и кончила в 1965-м! А когда началась работа над «Поэмой» в самом деле? Когда она зародилась? — эта «тайна тайн» никому не известна и «голой арифметике» (термин Н.А.Струве, с. 158) не подлежит.

«Определить, когда она начала звучать во мне, — пишет Ахматова, — невозможно. То ли это случилось, когда я стояла с моим спутником на Невском (после генеральной репетиции «Маскарада» 25 февраля 1917 г.), а конница лавой неслась по мостовой, то ли... когда я стояла уже без моего спутника на Литейном мосту в <то время> когда его неожиданно развели среди бела дня (случай беспрецедентный), чтобы пропустить к Смольному миноносцы для поддержки большевиков (25 октября 1917 г.). Как знать?!»*.

* Анна Ахматова. Проза о Поэме. — «Двухтомник, 1990», т. 2, с. 251.

Как знать, что и когда именно «начало звучать» или «пламенеть неведомым ядом» в ахматовской незримой и необозримой мастерской в 26-м, 30-м, 32-м, 48-м, 51-м, 53-м и 54-м годах, — в годы, обозначенные в таблице Н.А.Струве жирными нулями? (А над «Поэмой без героя», между прочим, в нулевые 40-е и 50-е годы разве Ахматова не продолжала работать?)

Попробуем сослаться на собственные признания Ахматовой. Им свойственна сбивчивость. (Это неудивительно: попытайтесь сами вспомнить, что и когда впервые зазвучало в глубине, в подсознании.)

«Мне было очень плохо, ведь я тринадцать лет не писала стихов, вы подумайте: тринадцать лет!» — говорит мне Ахматова в августе 1940 года, рассказывая о своей трудной жизни с Н.Н.Пуниным.

«Шесть лет я не могла писать. Меня так тяготила вся обстановка — больше, чем горе», — говорит она мне в марте 40-го о том же тяжком периоде своей жизни*.

Сколько же лет она не писала? Тринадцать или шесть?

Вот признание Ахматовой о периодах рабочих и нерабочих:

...просто мне петь не хочется
Под звон тюремных ключей.

Или:

... проходят десятилетия,
Пытки, ссылки и смерти — петь я
В этом ужасе не могу.

«Петь не хочется», а ведь пела. «Петь... не могу» — а пела.

Не пела, оказывается, по собственному признанию, целые десятилетия! Если бы и в самом деле так, откуда бы взял Н.А.Струве стихотворные цитаты, подкрепляющие его мысль о молчании? Прямо, открыто, будто специально идя ему навстречу, Ахматова признается уже не в шести и не в тринадцати годах молчания, а в *десятилетиях!* Но если бы она и вправду молчала десятки лет, откуда бы взялись ее книги (издаваемые Н.А.Струве)? И

* «Записки», т. 1, с. 187 и с. 88.

его арифметические таблицы? Не следует ли опереться на более достоверные строки, предваряющие написанный в тридцатые годы «Реквием»? Женщина, стоящая вместе с Ахматовой в тюремной очереди, спрашивает: «— А *это* вы можете описать? — И я сказала: — Могу».

«Реквием» был впервые опубликован полностью в Мюнхене, в 1963 году Глебом Петровичем Струве. Но и этот благой поступок не излечил ни Г.П., ни Н.А. Струве от плачевного заблуждения насчет бесплодности Анны Ахматовой то ли до 39-го, то ли до 36-го, то ли до 40-го года, который по количеству стихов объявлен годом расцвета. А что же «Привольем пахнет дикий мед», написанный, повторяю, в 1933-м — это не свидетельство расцвета? Хотя это единственное из известных нам в 33-м году стихотворение. А что если бы Лермонтов в 1831 году написал всего лишь одно стихотворение «Ангел», — если бы он в этом году создал всего лишь эту одну «стихотворную единицу» — следовало ли бы считать 1831 год для него годом упадка или расцвета? Хотя по количеству шедевров годы 1840-й и 41-й для Лермонтова гораздо богаче?

Однако от голой арифметики и споров о том, *когда* угасало вдохновение, а когда разгоралось вновь, пора перейти к голой истине, точнее — к самой сути спора. Ахматова утверждала, что *никогда* не отрывалась от жизни своего народа и *никогда* не переставала писать стихи. В этом ее гордость, сильнее того — гордыня: сквозь всё — «там, где мой народ, к несчастью, был» — писала стихи. Сквозь все невзгоды, выпавшие на долю народа и все беды собственной судьбы, исполняла она свое предназначение — предназначение поэта.

...Сын ее долгие годы томится на каторге. Отец ее сына — Н.Гумилев — расстрелян. Третий муж, Н.Н.Пунин, умирает в лагере. Долгие годы ни одна ее строка не печатается вообще и большую часть жизни заветные строки хранятся только в памяти. Молодость — туберкулез, вторая половина жизни — инфаркт за инфарк-

том. Почти всю жизнь — нищета. Бездомье. Тайный или явный полицейский надзор. Ближайшие друзья погибли в застенке или уехали навсегда. Сама она от застенка на волосок. С 46-го года имя ее и ее работа преданы громогласному поруганию. Юношам в ВУЗах и школьникам в школах преподносят высокую любовную лирику Анны Ахматовой как полупохабные откровенности распутной бабенки. И сквозь все это она продолжает работать! Не чудо ли? Чудо вдохновения и воли?

И проходят десятилетия,
Пытки, ссылки и смерти. Петь я
В этом ужасе не могу.

«Не могу» в данном случае не есть признание в собственной немощи, но мера ужаса, творившегося вокруг. («Мы на сто лет состарились...» — воскликнула Ахматова о первом дне первой мировой войны и цифра «100» обозначает здесь не *количество* лет, а степень потрясения.) Так и «я тринадцать лет не писала стихов», «шесть лет я не могла писать», а, если угодно, и десятилетиями не писала, обозначает не реальное число неплодотворных годов, а степень душевной угнетенности.

И униженности. Ведь и на унижение она пошла, пытаясь спасти сына:

Вместе с вами я в ногах валялась
У кровавой куклы палача, —

сказано ею о вымученных стихах в честь Сталина.

На Западе кому-то и зачем-то сначала нужно было утверждать, что, в отличие от ближайших друзей, Ахматова, оставшись в России, хоть и не замолчала совсем, но была подвержена припадкам полного онемения. А так как Ахматова хоть и провела «под крылом у гибели» большую часть своей жизни (зрелость и старость), работа в ее лаборатории никогда, вопреки всему, не прекращалась, — то разговоры о ее мнимом бесплодии ранили и оскорбляли ее. Ведь это она, Ахматова, а не кто другой, написала — в тридцатые, в 32-м или 33-м году:

Водою пахнет резеда
И яблоком любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь... —

ведь это она в пору Отечественной войны, когда пол-
России занято было неприятелем, сказала:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово, —

ведь это ее стихи о любви, о разлуке, о разрывах и
встречах питали и питают русских читателей и русскую
литературу.

В сдержанном, чинном (ибо подцензурном) предис-
ловии к весьма урезанному сборнику стихотворений
1961 года Ахматова заявила: «Читатель этой книги уви-
дит, что я не переставала писать стихи, для меня в них
связь моя с временем, с новой жизнью моего народа». (Новой? Вспомним: «Там, где мой народ, к несчастью,
был».) А 27 июня 1963 года Ахматова сказала М.В.Латма-
низову и он тогда же зафиксировал ее слова:

«Конечно, в разные годы, у каждого поэта, писателя
продуктивность не одинакова. В конце 20-х годов я пи-
сала меньше, в 30-е годы я писала больше. *Особенно
много писала в середине 30-х годов. Но я никогда не пе-
реставала работать.* (Выделено мной. — Л.Ч.) Это
прямо с какой-то определенной целью хотят меня по-
ставить в такое положение, что вот Ахматова интенсив-
но работала, много писала, выпустила несколько сбор-
ников и вдруг замолчала — все кончилось. Кому-то нуж-
ны эти выдумки»*.

В предшествующей таблицам статье, перегруженной
оговорками, Н.А.Струве пишет немало верного. Так, на-
пример, он справедливо указывает, что цикл «Пол-
ночные стихи», созданный семидесятилетней Ахмато-
вой, это сочетание юной свежести с умудренной ста-

* См.: М.В.Латманизов. Разговоры с Ахматовой // Русская
литература, 1989, № 3, с. 79.

ростью. И все-таки — подспудная, а иногда и явная цель статьи: с помощью не только арифметики, но и биологии («усыхание поэтического вдохновения приходит, как правило, на 33-й, 34-й год жизни») — цель статьи и таблиц доказать, что Ахматова была подвержена многолетним колебаниям вдохновения. («У Ахматовой перерыв оказался на редкость длительным».) Перерывы бывали — правда; на редкость длительные — упорно повторяемая неправда. Изо дня в день при одинаковом количестве и качестве продукции трудятся только ремесленники. Ахматова — поэт. И зачем Никите Алексеевичу Струве понадобилось, высказывая общеизвестную истину о колебаниях, неравномерностях вдохновения, иллюстрировать свою мысль творчеством Анны Ахматовой — того поэта, чей вдохновенный труд может служить образцом неколебимости, — удивительно.

24 февраля — 1 марта 1992

Ганс Вернер Рихтер

***Эвтерпа с берегов Невы,
или
чествование Анны Ахматовой
в Таормино****

Знаете ли вы, кто такая Анна Ахматова? Нет, не знаете, а если скажете, что знаете, то для этого могут быть всего лишь три причины: либо вы действительно образованнее, чем я, либо хотите *казаться* более образованным, чем я, либо вы были солдатом в России... На самом же деле вы пребываете в том же состоянии неведения, в каком находился я, когда поехал в Таормино, куда обычно ездят, чтобы осматривать греко-римский театр, дымящуюся Этну и несколько норманнских церквей. Впрочем, я вовсе не хотел ехать в Таормино, ни вообще куда-либо... Внезапно мне позвонили из Рима. Как раз перед полуночью.

Должен вам сказать, уважаемые радиослушатели, что мне редко звонят из Рима накануне полуночи. Поэтому я с некоторым удивлением смотрел на трубку. Оттуда раздался тихий, запинаящийся женский голос. Я должен немедленно прибыть в Таормино. Почему в Таормино? «Это очень важно», — сказал тихий женский голос. «Нет, нет! — воскликнул я, — не могу, нет времени, нет денег и вообще...» Тихий голос повторял упрямо: «Таормино — это важно... вы получите телеграмму... официальное приглашение...» «Господа! — закричал я в

* Об этой статье и её авторе см. «Записки», т. 3, с. 314 и «За сценой»: 247.

трубку, так как голос, голос из Рима звучал все тише, — да что мне делать в Таормино?» И тогда прозвучали слова: «Анна Ахматова».

Что ни говори, эти слова звучат хорошо. Пять «а» подряд, а я люблю «а». И все же я воспринял это имя неправильно. Мне послышалось «Белла Ахмадулина». Не пять «а», а только четыре, но имя заставляет прислушаться.

Белла Ахмадулина, татарка, молодая, красивая, первая жена Евтушенко. Стихи она пишет лучше, чем он, и, слава Богу, уже развелась с ним... Ах, вот что — значит, Ахмадулина! Но тут тихий голос исчез и связь прервалась.

На следующее утро прибыла телеграмма — смесь итальянских и французских слов — официальное приглашение Европейского Сообщества писателей, руководимого итальянцами, — телеграмма, в которой трижды повторялось слово «important» (необходимо). Речь шла о важном международном событии, и вовсе не о Белле Ахмадулиной, а о чествовании Анны Ахматовой в Таормино. Телеграмму подписал генеральный секретарь Сообщества — Джанкарло Вигорелли. Но кто же такая наконец Анна Ахматова? Я мог бы разузнать, но времени уже не оставалось.

Самолет опаздывал. Туман и метель в Баварии. Я надел не те ботинки. Они годились для Таормино, а в Мюнхене меня замело снегом. Холод пробирался сквозь демисезонный костюм, надетый мною для Сицилии. Я проклял Анну Ахматову. В Риме я пересел в самолет, который летел в Катанью. Падал он во все воздушные ямы, какие пролегали между Римом и Катаньей. Салон полон пассажиров. Все места заняты. В каждом кресле мужчина, каждый, читая газету, громко разговаривает с соседом. Мне на ум приходила мафия, и я мерз в промокших ботинках. За окнами ночь... Звезды... Подо мной горы Сицилии. Не стану описывать приземление — все пассажиры до единого оказались писателями из разных стран — французы, испанцы, ирландцы... Мне кажется нужным рассказать только об отеле в Таормино, куда мы наконец добрались.

Сан-Доменико, бывший монастырь, построенный в XV веке одним из князей Катаньи, в течение нескольких столетий — место отдыха для переутомленных работой монахов. В нашем веке превращен законным наследником сицилийского князя в отель. Во время второй мировой войны здесь располагалась ставка фельдмаршала Кессельринга, пока его не прогнали американцы, а сейчас здесь на неделю резиденция Европейского Сообщества писателей.

Огромный монастырский отель с колоннадами, галереей, внутренним двором, висячими садами, с молельнями, превращенными в холлы, и со множеством келий, превращенных в двойные и одиночные номера. Над каждой дверью — символическая картинка. Над моею изображена святая Иоанна Португальская, играющая черепом и короной... Но кто же такая Анна Ахматова?

Наутро, когда я открыл ставни, я увидел секретаря Союза Советских Писателей, который сидел на желтой садовой скамье под моим окном, окруженный мандариновыми и апельсиновыми деревьями, на фоне пышной зелени и цветущих кустов. Он сидел, как олицетворение мирного сосуществования посреди сицилийского утра и, быть может, думал о Хрущеве, утраченном им всего два месяца назад. «Ах, Сурков, как переменчива жизнь!» — хотел я воскликнуть, но ограничился чопорным поклоном из окна, и он так же чопорно поклонился мне — то были поклоны добропорядочных прихожан в храме мирного сосуществования.

Солнце сияло, Этна курилась, греко-римский театр гляделся в мирное море, а я лежал в шезлонге, размышляя о смысле своего пребывания здесь. И тут я увидел, что мимо проходит генеральный секретарь Джанкарло Вигорелли, итальянский литературный менеджер. Был он, как всегда, элегантен, строен, волосы гармонически завиты... Очки сияли. Я окликнул его и спросил, что мне нужно делать. Он изумленно воздел очки горé и развел руками. «Ничего, мой милый, ничего! События и поэты сами придут к вам!» И они действительно шли...

испанцы, португальцы, финны, шведы, русские, румыны, венгры, югославы, чехи, французы, англичане. Целые делегации с председателем, переводчиком и секретарем, и растерянные одиночки, несущие перед собою свои стихи. Лишь немногие были мне знакомы: Унгаретти, Альберти, Симонов, Лундквист, Твардовский, Квазимодо, Пазолини. Но здесь не требовалось представляться друг другу. Достаточно было днем лежать на солнце, вечер проводить в перестроенном из молельни баре, есть, пить, спать, — и не платить за это ни гроша. Виски, водка и граппа безвозмездно текли в глотки, закаленные стихами. Кто оплачивал все это? Советское посольство, сицилийская промышленность, римское правительство и, быть может, все-таки Мафия? Неужели мы гости Мафии? А может быть — Анна Ахматова?.. Но нет, дальше я думать не стал.

...В последующие дни не происходило ничего... В конце концов я сообразил, что все мы просто пребывали в ожидании. Да, мы заняты тем, что ожидаем Анну Ахматову — божественную Анну Ахматову; обязана она быть божественной, судя по всему тому, что говорилось кругом вслух, шепотом, намеками, судя по всем стихам в ее честь, которые в стольких комнатах огромного монастыря вколачивались в пишущие машинки и потом выколачивались наружу. Право, теперь уже и я с нетерпением ожидал ее прибытия.

— Анна Ахматова здесь, — услышал я, вернувшись в отель после прогулки на пятый день безделья. Это было в пятницу, в двенадцать часов дня, когда солнце стояло в зените.

На этом месте, уважаемые слушатели, я должен сделать цезуру, необходима пауза, чтобы достойно оценить этот час. Потому что из-за этой груди, из-за этого голоса, из-за всего этого облика могла бы начаться первая мировая война, если б не нашлось для нее других причин.

Да, здесь сидела сама Россия — посреди сицилийско-доминиканского монастырского сада. Россия восседа-

ла в белом лакированном садовом кресле, на фоне мощных колонн монастырской галереи. Великая княгиня поэзии (придворная дама на почтительном от нее расстоянии) давала аудиенцию поэтам в собственном дворце. Перед нею стояли поэты всех стран Европы — с Запада и с Востока — малые, мельчайшие и великие, молодые и старые, консерваторы, либералы, коммунисты, социалисты; они стояли, построившись в длинную очередь, которая тянулась вдоль галереи, и подходили, чтобы поцеловать руку Анны Ахматовой. Я присоединился к ним. Она сидела, протягивала руку, каждый подходил, кланялся, встречал милостивый кивок и многие — я видел — отходили, ярко раскрасневшись; каждый совершал эту церемонию в манере своей страны: итальянцы — обаятельно, испанцы — величественно, болгары — набожно, англичане — спокойно, и только русские знали ту манеру, которую ожидала Ахматова. Они стояли перед своей царицей, они преклоняли колена и целовали землю. Нет, этого, разумеется, они не совершали, но выглядело это именно так, или могло быть так. Целуя руку Анны Ахматовой, они словно целовали землю России, традицию своей истории и величие своей литературы. Среди них только один оказался насмешником — я не хочу называть его имени, чтобы уберечь его от немилости Анны Ахматовой. После того, как и я совершил обряд целования руки в стиле моей страны, насмешник сказал:

«А знаете ли, в 1905 году, в пору первой русской революции, она была очень красивой женщиной».

Тогда Анне Ахматовой было 16 лет; два года спустя, в 1907 году, появились ее первые стихи, которые привлекли внимание избранных литературных кругов. То были стихи восемнадцатилетней. А сегодня в семьдесят шесть она принимала чествования в Таормино, она — живое олицетворение целого периода русской истории от Николая II через Керенского, Ленина, Сталина, Хрущева до Брежнева и Косыгина, — все еще непреклонная, все еще величественная, часть самой России среди си-

цилийских мандариновых деревьев. Теперь следовало бы наконец рассказать о жизни и творчестве Анны Ахматовой, ради чего — признаюсь откровенно — мне пришлось заглянуть в историю русской литературы, — но сперва я хочу описать вечер, который наступил после этого дневного приема. Нам объявили, что Анна Ахматова будет читать стихи. Мы собрались вечером в одном из залов просторного монастыря — двести человек, большинство в праздничных костюмах, как на премьеру. За столом президиума сидели Унгаретти, Альберти, Вигорелли и Квазимодо. Один стул посередине оставался пустым. Снова мы ждали Анну Ахматову. Когда она вошла наконец в зал, все вскочили с мест. Образовался проход и она шла сквозь строй рукоплещущих, шла не глядя по сторонам, высоко подняв голову, без улыбки, не выражая ни удовлетворения, ни радости, и заняла свое место в президиуме. После пышной итальянской речи наступило великое мгновение.

Она читала по-русски голосом, который напоминал о далекой грозе, причем нельзя было понять, удаляется ли эта гроза, или только еще приближается. Ее темный, рокочущий голос не допускал высоких нот. Первое стихотворение было короткое, очень короткое. Едва она кончила, поднялась буря оваций, хотя, не считая нескольких русских, никто не понимал ни слова. Она прочла второе стихотворение, которое было длиннее на несколько строк и закрыла книгу. Не прошло и десяти минут, как ее чтение — акт милости, оказанной всем, — окончилось. Взволнованно благодарил ее Вигорелли, взволнованно благодарил Унгаретти, взволнованно рукоплескали все; аплодисменты не умолкали долго.

После этого присутствовавших поэтов попросили прочесть стихи, посвященные Анне Ахматовой. Один поэт за другим подходил к ее стулу и читал свое стихотворение, обращаясь к ней и к публике, и каждый раз она поднимала голову, смотрела налево, вверх или назад — туда, где стоял читавший, — и благодарила его любезным кивком каждый раз, будь то английские, ис-

ландские, ирландские, болгарские или румынские стихи. Все происходившее напоминало — пусть простят мне это сравнение — новогодний прием при дворе монархини. Царица поэзии принимала поклонение дипломатического корпуса мировой литературы, причем от выступавших здесь дипломатов не требовалось вручения верительных грамот. Потом кто-то сказал, что Анна Ахматова устала, и вот она уже уходит — высокая женщина, на голову выше всех поэтов среднего роста, женщина, подобная статуе, о которую разбивалась волна времен с 1889 года и до наших дней. Видя, как величественно она шествует, я внезапно понял, почему в России время от времени правили не цари, а царицы.

...Я увидел Анну Ахматову еще раз. Это было в палаццо Урсино в Катанье, во дворце, построенном Фридрихом Вторым. Там вручали ей премию Таормино.

Она сидела на эстраде, окруженная президентами и полу-президентами, итальянскими писателями и сицилийскими сановниками. Современницу Максима Горького и Антона Чехова освещали прожекторы телевизионных операторов. Но в этот раз пришлось ожидать не только нам, но и ей, так как опаздывал итальянский министр культуры. Она ожидала величественно и терпеливо. С самолетом, который не может стартовать из-за тумана, ничего не в силах поделаться даже сама Анна Ахматова, а значит, она не может позволить себе проявлять нетерпение. В этот раз она отвечала на речь министра культуры. Она коротко поблагодарила и в речи ее не было ни единой лишней фразы, ни единого лишнего слова. Царица благодарила своих подданных. И снова я увидел множество склоненных спин.

(Перевод с немецкого Льва Копелева.)

Список сокращенных названий

Произведения Анны Ахматовой

(В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ)

- БВ** — Анна Ахматова. Бег времени. М.; Л.: Сов. писатель, 1965
- «Сочинения»** — Анна Ахматова. Сочинения / Общая редакция Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. [Вашингтон]: Международное литературное содружество
- Т. 1 (2-е изд., пересмотренное и дополненное), 1967
- Т. 2, 1968
- Т. 3 / Общая редакция Г.П.Струве, Н.А.Струве, и Б.А.Филиппова. Paris: YMCA-Press, 1983
- «Памяти А. А.»** — Анна Ахматова. Стихи. В сб.: Памяти Анны Ахматовой. Paris: YMCA-Press, 1974
- ББП** — Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы / Составление, подготовка текста и примечания В.М.Жирмунского. Л.: Сов. писатель, 1976. (Б-ка поэта. Большая серия)
- «Двухтомник, 1986»** — Анна Ахматова. Сочинения в 2-х томах. М.: Худож. лит., 1986
- Т. 1: Стихотворения и поэмы / Составление, подготовка текста, комментарии В.А.Черныха и др.
- Т. 2: Проза. Переводы / Составление, подготовка текста, комментарии Э.Г.Герштейн, Н.Н.Глен, В.А.Черныха и др.
- «Двухтомник, 1990»** — То же. Изд. 2-е, исправленное и дополненное, 1990
- ОП** — Анна Ахматова. О Пушкине. Статьи и заметки / Составление, послесловие и примечания Э.Г.Герштейн. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Книга, 1989
- «Узнают...»** — Анна Ахматова. «Узнают голос мой...» Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта / Сост. Н.Н.Глен, Л.А.Озеров. М.: Педагогика, 1989

Об Анне Ахматовой

(ПО АЛФАВИТУ НАЗВАНИЙ)

- «Воспоминания» — сб.: Воспоминания об Анне Ахматовой / Составители В.Я.Виленкин и В.А.Черных. Комментарии А.В.Курт и К.М.Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991
- «Двенадцать встреч» — Н.Готхард. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Время и мы, 1989, № 106
- «Дневник моих встреч» — Юрий Анненков. Дневник моих встреч. Т. 1. Л.: Искусство, 1991
- «Записки» — Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т.1—3 настоящего издания (М.: Согласие, 1997)
- «Об А.А.» — сб.: Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания, письма / Составитель М.М.Кралин. Л.: Лениздат, 1990
- «Разговоры...» — М.В. Латманисов. Разговоры с Ахматовой // Русская литература, 1989, № 3
- «Рассказы...» — Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит., 1989

Разное

(ПО АЛФАВИТУ)

- ББП-М — О. Мандельштам. Стихотворения / Составление, подготовка текста и примечания Н.И.Харджиева. Л.: Сов. писатель, 1973. (Б-ка поэта. Большая серия)
- БТД — А.Солженицын. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни // Новый мир, 1991, №№ 6-8,11,12.
- «Дело Бродского» — Я.Гордин. Дело Бродского // Нева, 1989, № 2
- «Дневник-2» — Корней Чуковский. Дневник. 1930—1969. М.: Соврем. писатель, 1994
- «Записки незаговорщика» — Ефим Эткинд. Записки незаговорщика. London: Overseas Publications Interchange, 1977
- «Мы жили в Москве» — Раиса Орлова и Лев Копелев. Мы жили в Москве. М.: Книга, 1990 (1-е изд. см.: Ann Arbor. Ardis, 1988)
- ««Новый мир» во времена Хрущева». — В.Лакшин. «Новый мир» во времена Хрущева. Дневник и попутное (1953-1964). М.: Книжная палата, 1991

- «Процесс исключения» — сб.: Лидия Чуковская. Процесс исключения. М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990 (1-е отдельное изд. см.: Paris: YMCA-Press, 1979)
- «Пятитомник-П» — Борис Пастернак. Собрание сочинений в 5-ти томах / Составление, подготовка текста и комментарии В.М.Борисова, Е.Б.Пастернака, Е.В.Пастернак и др. М.: Худож. лит., 1989—1992

Словари, журналы, газеты

- ВЛ — журнал «Вопросы литературы»
- ИЛ — журнал «Иностранная литература»
- КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия в 8-ми томах. М.: Сов. энциклопедия, 1962—1975
Т. 9 (дополнительный), 1978
- ЛГ — «Литературная газета»
- ЛО — журнал «Литературное обозрение»
- ЛР — газета «Литературная Россия»
- НМ — журнал «Новый мир»
- СК — газета «Советская культура»

Список иллюстраций

Автографы Анны Ахматовой

- с. 165 Работа над «Бегом времени». Замечания Анны Ахматовой и запись Л. Чуковской. Февраль 1964
- с. 195–197 Автограф «Черепков» с дарственной надписью Анны Ахматовой. 1 апреля 1964
- с. 239 Машинопись стихотворения «Памяти В.С.С[резневской]». Эпиграф и подпись поставлены Анной Ахматовой. Внизу — пометка Л. Чуковской. 12 ноября 1964
- с. 301 Дарственная надпись Анны Ахматовой на «Бега времени». 7 октября 1965
- с. 303 Страница экземпляра «Бега времени», подаренного Лидии Чуковской. Пропущенные строки вписаны Анной Ахматовой. Внизу — пометка Л. Чуковской
- с. 315 «Для Лиды» — одна из последних записей Анны Ахматовой. Январь 1966

Фотографии

- с. I Анна Ахматова на пороге «Будки». Комарово. Май 1965. Снимал Лев Шилов
- с. II Лидия Корнеевна Чуковская. Середина 60-х годов
Самуил Яковлевич Маршак. 1962
- с. III Исайя Берлин. Лондон. 60-е годы
- с. IV Валерия Сергеевна Срезневская. 10-е годы
Лидия Чуковская с отцом — Корнеем Чуковским на пороге своего дачного домика «Пиво-Воды». Переделкино. Середина 60-х годов

- с. V Юзеф Чапский и генерал Андерс перед зданием польского посольства. Париж. 1945
Юзеф Чапский. Автопортрет. Лагерь Павлицев Бор. 1940
- с. VI Александр Солженицын. «Один день Ивана Денисовича» только что вышел в «Новом мире». Ноябрь 1962
Стихи Ахматовой, нацарапанные кем-то из заключенных на бересте. 1937
- с. VII Александр Трифонович Твардовский. 60-е годы
Арсений Александрович Тарковский. 60-е годы
- с. VIII–IX Анна Ахматова и Анатолий Найман. Комарово. 1964. Снимал Л.Поляков
- с. X Иосиф Бродский. Начало 60-х годов
Иосиф Бродский в ссылке в деревне Норинская. 1964. Снимал Я.Гордин
- с. XI Иосиф Бродский в ссылке
- с. XII Фрида Абрамовна Вигдорова. 60-е годы
Саломея Андроникова (Гальперн). Лондон. 60-е годы
Питер Норман. Лондон. 60-е годы.
- с. XIII Аманда Хэйт. Английская славистка, первый биограф Анны Ахматовой. 60-е годы
- с. XIV Анна Ахматова на церемонии вручения ей Международной литературной премии «Этна Таормина». Италия. Катанья. 12 декабря 1964
Анна Ахматова за своим письменным столом. Комарово. Май 1965. Снимал Лев Шилов
- с. XV Анна Ахматова и Аня Каминская в Оксфорде. 1965
- с. XVI Анна Ахматова в дни второго съезда писателей РСФСР. Март 1965. Снимал Д.Шоломович

Указатель имен*

- Аввакум, протопоп 351
Авраменко И.К. 403
Агранов Я.С. 400
Адамович Г.В. 131, 132; 454
Аделька – см. Камбриа А.
Аджубей А.И. 207; 400, 402, 405
Адмони В.Г. 208, 281; 375, 378, 397, 398, 403, 406, 414, 415, 423, 424, 483, 485
Аза – см. Ставиская А.А.
Айзенман Т.С. 223, 229
Аксёнов В.П. 348, 355
Александр Борисович – см. Раскин А.Б.
Александр Трифонович – см. Твардовский А.Т.
Александров (помощник Р.А.Руденко) 393
Алексеев М.Н. 444
Алёна – см. Чайковская О.Г.
Алеша – см. Баталов А.В.
Алигер Маша 186, 199, 203
Алигер М.И. 26, 31, 186, 190, 191, 199, 202, 203; 342, 361, 382
Алигер Таня 186, 199, 203
Алпатов М.В. 460
Альберти Р. 501, 503
Альтман Н.И. 250, 251
Аманда – см. Хейт А.
Андерс В. 509
Андроников И.Л. 205, 282; 451
Андроникова-Гальперн С.Н. (Соломинка) 293; 351, 456
Аничка, Аня – см. Каминская А.Г.
Анна Абрамовна – см. Освенская А.А.
Анненков Ю.П. 47, 54, 202, 244, 293; 352, 353, 358, 455, 506
Анненский И.М. 384
Анненский И.Ф. 135, 178; 178
Анстей О. 198
Аполлинер Г. 447
Арагон Л. 280, 282; 428, 450
Арбузова Г. А. 23
Ардов Б.В. 52, 129, 179, 190, 270, 299
Ардов В.Е. 27, 124–127, 129, 184, 190, 191, 205, 217, 284, 286, 299, 300, 318; 342, 378, 379, 406
Ардов М.В. 176, 179, 190, 284
Ардовы 21, 26, 36, 38, 48, 70, 179, 190, 214, 290, 299, 316; 342
Аренс А.Е. 425
Аренс Л.Е. 240; 425, 426

---

* Указатель составила Ж.О. Хавкина.

Номера страниц, относящихся к пояснениям под строкой или к отделу «За сценой» даны курсивом. Полужирным курсивом выделен номер страницы с основными сведениями о данном лице.

- Аренс С.И. 240, 246, 261; **425, 426**,
457
- Ариша – см. Головачева А.П.
- Архилох 464
- Асеев Н.Н. 58, 59, 231; 359, 360
- Ахмадулина Б.А. 94, 288, 289; 406,
499
- Ахмет хан 278
- Бабаев Э.Г. 395
- Бабель И.Э. 111
- Бабенышев А.П. 406
- Бабенышева С.Э. 67; 67
- Бабицкий К. 427
- Багряна Е. 137
- Баева Т.А. 427
- Бажан Микола 207; 406
- Баженов М.Н. 365
- Базанов В.Г. 475
- Байрон Дж.-Г.-Н. 175; 175, 395,
404, 416
- Балтер Б.И. 385
- Бальмонт К.Д. 71, 75; 361, 362
- Банников Н.В. 205
- Баратынский Е.А. 419, 468
- Барбье А.-О. 404
- Барто А.Л. 307
- Баталов А.В. 52, 179, 215, 284; 433
- Бахтин М.М. 363
- Башинджагян Г.Х. 108, 121; 371
- Безносков Э. 415
- Бейлис М. 125; 378
- Белый Андрей 203; 420
- Бёлль Г. 340, 408, 409
- Бенедиктов В.Г. 279
- Берберова Н.Н. 459
- Бердяев Н.А. 362
- Берия Л.П. 102, 184; 391, 435
- Берлин И. 21, 29, 37, 83, 180, 281,
293, 294, 299, 312; 37, 180, 341,
366, 455, 465, 508
- Бетховен Людвиг ван 11, 84
- Битов А.Г. 406
- Блейк П. 478
- Блок А.А. 59, 62, 63, 65, 94, 107, 108,
128, 135, 137, 147, 171, 203, 224,
304, 305, 317; 107, 305, 354, 362,
385, 392, 420, 421, 491
- Блок Л.Д. 203
- Боба – см. Чуковский Б.К.
- Бобков Ф.Д. 429
- Бобышев Д.В. 99, 119, 308; 323,
351, **369, 370**
- Богатырев К.П. 11, 23; 336, **340**,
341, 409
- Богораз Л.И. 427
- Богуславская З.Б. 406
- Бодлер Ш. 377
- Большинцова Л.Д. 57, 223, 229—
231, 237, 264—266, 270, 271, 290,
291, 295; 424, 446
- Борис, Борис Леонидович –
см. Пастернак Б.Л.
- Борисов В.М. 507
- Бороданков 418
- Боттичелли Сандро 443
- Боря – см. Ардов Б.В.
- Браун К. 465
- Браун Н.Л. 241; 403, 426
- Брежнев Л.И. 215, 240; 417, 502
- Брейтбурд Г.С. 443
- Брехт Б. 377
- Бродская М.М. 215
- Бродский А.И. 115; 387, 412
- Бродский И.А. (Иосиф) 41, 71—
75, 78, 81, 82, 91, 112—119, 124—

- 129, 138, 139, 141, 151, 155—157, 168—171, 174, 177—179, 181—184, 186—193, 199—201, 206—212, 215, 217—219, 227, 231, 237, 240, 241, 243, 246, 249—252, 255, 256, 266, 272—275, 279, 280, 282, 287, 290, 292, 296—298, 300, 306, 308—311, 316, 317; 118, 139, 238, 290, 291, 298, 351, 367, 370, 372—378, 383—390, 392—394, 396—398, 402—407, 409—418, 421, 422, 424, 425, 432, 433, 437—440, 445—448, 450—454, 458, 468, 471—487, 506, 509
- Бронштейн М.П. (Митя) 34, 154, 158, 199, 218, 236; 344
- Брюсов В.Я. 10
- Будберг М.И. 298; **458, 459**
- Булгаков М.А. 135, 185; 185, 419
- Булгаков С.Н. 362
- Булгакова Е.С. 223; 419
- Быстров 171; 393
- Бюргер Г.-А. 376
- Вавилов Н.И. 309; 462
- Ваничка, Ваня — см. Халтурин И.И.
- Варшавский Ю.С. 211; 414, 415
- Васильев С.А. 251, 299; 431, 432
- Васильева Л.Н. 456
- Вахтин Б.Б. 406, 483, 485
- Введенский А.И. 405
- Вега Гарсиласо де ла 447
- Верлен П. 377
- Вернадский В.И. 463
- Верхарн Э. 416
- Вивальди А. 77
- Вигдорова Ф.А. 60, 61, 63, 66, 67, 86, 87, 89, 90, 106, 115, 118, 119, 124, 126, 129, 141, 149, 155—159, 170, 171, 175, 182—184, 187, 191, 192, 199, 207—212, 215, 235, 250, 265, 266, 269, 272—274, 280, 283, 290, 295—297, 306; 290, 372—375, 377, 378, 385, 388, 389, 392—394, 397, 398, 406, 409, 411, 415—417, 437, 439 447, 457, 471, 476, 477, 479—483, 485—487, 509
- Вигорелли Дж. 63, 134, 135, 180, 181, 189, 277; 63, 181, 360, 381, 382, 442, 499, 500, 503
- Виктор Ефимович — см. Ардов В.Е.
- Виленкин В.Я. 77; 402, 436, 441, 506
- Вильгельм II Гогенцоллерн 415
- Виноградов В.В. 466
- Виноградов (хирург) 439
- Виноградовы 129, 300
- Винокуров Е.М. 18, 35; **344, 345, 385**
- Вовенарг Л. де Калпье 335
- Воеводин Вс.П. 280; 396, 397, 438, 451
- Воеводин Е.Вс. 182, 192, 213; 396—398, 403, 412, 413, 416, 438, 473
- Воейков А.Ф. 122; 376, 377
- Воейков И. 376
- Вознесенский А.А. 20, 21, 49, 288, 289; 339, 348, 406, 454
- Войнович В.Н. 355
- Волков 200, 201, 296; 393, 403
- Волошин М.А. 10, 171; 392
- Вольтер 377
- Вордсворт У. 416

- Ворожейкин Е.М. 475
 Воронков К.В. 479
 Всеволод Вячеславович — см.
     Иванов Вс. Вяч.
 Вышинский А.Я. 200
 Вяземский П.А. 42; 351, 376

 Габбе Т.Г. (Туся) 102, 107, 157, 181,
     243
 Гагарин Ю.А. 209
 Галина Христофоровна — см.
     Башинджагян Г.Х.
 Галич А.А. 408
 Галя — см. Киселева Г.
 Галь Н.Я. 439
 Галчиньский К.-И. 375
 Гамзатов Р. 206; 404, 405
 Гарсиа Лорка Федерико 446,
     447
 Гаршин В.Г. 167
 Гейне Г. 63
 Гелескул А.М. 271; 446, 447
 Герф Е.И. 410, 411
 Герцен А.А. (Саша) 95
 Герцен А.И. 42, 95, 96, 121, 122,
     133, 135, 170, 188, 205, 210; 351,
     366, 404, 421, 431
 Герцен Н.А. (Тата) 95
 Герштейн Э.Г. 31, 33, 35, 39, 48, 50,
     51, 129—132, 202, 223, 266, 282;
     154, 379, 404, 436, 446, 451,
     457, 505
 Гессен А.И. 465
 Гете И.-В. 63; 340
 Гильен Н. 442
 Гиндилис В.М. 410
 Гинзбург Л.Я. 96, 181; 434
 Гиппиус В.В. 364

 Гитлер А. 96, 97, 310
 Гитович А.И. 40, 41, 82, 254; 349—
     351, 395, 396
 Гитович С.С. (Сильва) 41, 98;
     426
 Гитовичи 98, 99, 306; 369
 Глен Н.Н. 9—11, 16, 18, 61, 70, 76,
     105, 134, 137, 177, 178, 183, 190,
     223, 227, 228, 230, 289, 304, 306,
     310, 312, 316; 32, 150, 362, 505
 Глен Р.А. 9
 Гнедин Е.А. 171, 208, 231; 390—
     392, 406, 421, 422, 483, 485
 Гоголь Н.В. 122, 123; 366
 Голицын И. 348
 Головачева А.В. 23
 Голсуорси Дж. 122, 123
 Голубенцев Н.А. 217, 225—228
 Голышева Е.М. 406
 Гольцев В.П. 192, 235; 400, 402
 Гомер 188; 351, 399
 Гораций (Квинт Гораций Флакк)
     108; 108, 381
 Горбаневская Н.Е. (Наташа) 31,
     33—35, 205, 243; 31, 426—428
 Горбовский Г.Я. 115, 116, 137
 Гордин Я.А. 115, 116; 387, 397,
     406, 415, 446, 506, 509
 Горенко В.А. 363—364
 Горенко И.Э. 259, 313; 364, 434,
     467
 Горенко Х.В. 78, 79, 84, 92, 107;
     363, 364
 Городецкий С.М. 41; 150
 Горчаков Д. П. 42; 351
 Горький А.М. 64, 258; 458, 459, 504
 Готхард Н.Л. 339, 341, 363, 364,
     443, 506

- Гранин Д.А. 118, 138, 139, 213, 281, 282; 118, 139, 396, 404, 406, 416, 438
 Грачев Р. 406
 Грибачев Н.М. 345, 405, 444
 Гринберг Р.Н. 294; 294, 456
 Грудинина Н.И. 199, 200, 208; 392, 393, 397, 398, 402—404, 406, 414, 417, 438, 479, 481—483, 485, 486
 Гумилев Л.Н. 53, 102, 107, 167, 207, 221, 222, 312; 7, 328, 330, 418, 419, 467, 494
 Гумилев Н.С. 10, 11, 20, 46, 50, 52, 60, 105, 117, 161, 171, 188, 192, 193, 204, 255, 277, 291, 294, 311; 10, 40, 44, 52, 335, 336, 352, 358, 362, 371, 392, 399, 400, 402, 442, 449, 452, 456, 460, 494
 Гумилева А.А. 46, 294
 Даль В.И. 382
 Даниэль Ю.М. 304, 307, 309, 312, 317; 461, 464
 Данте Алигьери 83, 302; 268, 291, 443, 460
 Дантес Ж.-Ш. 450
 Дар Д.Я. 118, 238, 240, 280; 118, 406, 424, 425, 438, 451, 483
 Дебенедетти Дж. 443
 Дед — см. Чуковский К.И.
 Дедюлин С. 369
 Де Костер Ш. 131
 Делоне В.Н. 427
 Дементьев А.Г. 17; 338
 Демичев П.Н. 416
 Демут-Малиновский В.И. 386
 Денисов П. 398
 Державин Г.Р. 51; 372
 Дефо Д. 353
 Джеймс Г. 353
 Джойс Дж. 330
 Дикман М.И. 237, 238, 253, 254, 263; 424
 Долинина Н.Г. 208; 406, 438, 483, 485
 Достоевский Ф.М. 340, 366, 447
 Дора Сергеевна — см. Федина Д.С.
 Дрейфус А. 13, 125; 378
 Дремлюга В.А. 427
 Друзин В.П. 248; 430
 Дудин М.А. 266, 282; 416, 440—441
 Дьяконов И.М. 481
 Дьяконов М.А. 481
 Дымшиц А.Л. 336
 Евгений Александрович — см. Гнедин Е.А.
 Евгения Федоровна — см. Книпович Е. Ф.
 Евтушенко Е.А. 21, 209, 288, 289; 339, 406, 407, 417, 454, 499
 Ежов Н.И. 81, 96, 102, 184, 188; 421
 Екатерина II 241
 Ельчанинов А. 363
 Ельянов А. 425
 Ермилов В. В. 48, 50, 54; 355, 356
 Есенин С.А. 35, 171, 299
 Ефимов И.М. 397, 406
 Ефимов Е.Б. 334
 Жанна Д'арк 483
 Жданов А.А. 61, 102, 161, 180, 206, 226, 267, 273, 278, 288, 292, 312; 402, 463
 Живова Ю.М. (Юля) 23, 24, 31, 33—35, 177, 183, 190, 218, 221,

- 223, 227, 271, 285, 287, 297, 304, 447
- Жид А.-П.-Г. 346
- Жирмунский В.М. 223, 228, 230, 278; 44, 163, 172, 365, 419, 420, 505
- Житков Б.С. 64
- Жуков Г.А. 405
- Жуковская В.А. 407
- Жуковский В.А. 122, 188; 376, 377
- Журавлев В.А. 278, 279, 287
- Журавлевы 295
- Заболоцкий Н.А. 385, 429
- Задунайская З.М. (Зоя) 107
- Замятин Е.И. 47; 352
- Западов А.В. 371
- Западовы 108, 117, 121, 129, 133, 143
- Зекнкевич М.А. 112
- Зелинский К.Л. 299
- Золя Э. 377
- Зонина Л.А. 406
- Зорза В. 417
- Зощенко М.М. 135; 479
- Зоя – см. Задунайская З.М.
- Ибрагимов А.Ш. 213; 416
- Иванов Вс. Вяч. 54, 55, 57; 191, 358
- Иванов Вяч. Вс. (Кома) 53—55, 57, 105, 170; 358, 359, 362, 389, 406
- Иванов Г.В. 105; 352, 371
- Иванова Н.Б. 450
- Иванова Т.В. 54, 187, 191; 482
- Иванова Т. 54
- Ивановы 54, 186; 362, 447
- Ивинская О.В. 156, 249, 250, 304; 156, 431
- Ивич А. 389
- Икрамов К.А. 391
- Ильина Н.И. 43, 47, 53—55, 57, 289; 376
- Ильичев Л.Ф. 217, 272; 347, 405, 417, 477
- Ионесян В.М. 148, 177; 148
- Ионин А. 113
- Иосиф – см. Бродский И.А.
- Ирвинг У. (Вашингтон) 367
- Ира, Ирина, Ирочка – см. Пунина И.Н.
- Исаев Е. А. 35, 231; 344, 345
- Исаак Абрамович, Изя 439
- Искра И.И. 19
- Каверин В.А. 348, 361
- Каган М. 363
- Казак В. 340, 341, 428
- Казакевич Э.Г. 361
- Казачков Ю.П. 361, 385
- Калугин О.Д. 396
- Камбриа А. 267; 442
- Каминская А.Г. 20, 21, 27, 73, 265, 266, 268, 277, 281, 285, 293, 318, 509
- Кантемир А.Д. 371, 372
- Капица П.И. 403
- Караганова С.Г. 17
- Карамзин А.Н. 449
- Карамзина Е.А. 279; 449
- Карамзины 202; 407
- Карп П.М. 375
- Карпов В.В. 63; 402
- Карпова В.М. 63, 222; 418
- Катулл Гай Валерий 108

- Кафка Ф. 159
- Кац Б.А. 341
- Квазимодо С. 501, 503
- Кеведо-и-Вильегас Ф. 447
- Кембалл Р. 435
- Кеннеди Дж. 115
- Кеннеди Ж. 115
- Керенский А.Ф. 502
- Кессельринг А. 500
- Кестнер Э. 336, 340
- Кинд Н.В. 170, 208, 310; 389, 407
- Киров С.М. 97; 463
- Киселев Я.С. 154
- Киселева Г. 266; 439
- Кичанова-Лифшиц И. 395
- Климова Н.С. 259; 434
- Клюкин Ю. 435
- Книпович Е. Ф. 49, 61—63, 65—
67, 73, 74, 121, 134, 135, 159; 354,
367, 452
- Кобулов Б.З. 391
- Кожевников В.М. 11; 354, 444
- Козлов И.Т. 51; 356, 357
- Козловская Г.Л. 341
- Козловский А.Ф. 341
- Козловский Я.А. 206; 406
- Козьмин Н.К. 367
- Коллонтай А.М. 466
- Коля — см. Чуковский Н.К.
- Кома — см. Иванов Вяч. Вс.
- Кондратович А.И. 442
- Кони А.Ф. 475
- Конев И.С. 20
- Константин Александрович —
см. Федин К.А.
- Кончаловский Дм. 363
- Копелев Л.З. 170, 190, 191, 227,
272—274, 296; 190, 191, 341,
389, 406, 408—410, 417, 440,
453, 454, 479, 486, 504, 506
- Копелевы 190, 199, 207, 210, 215,
222, 266, 283; 392, 408—411,
420, 447, 483
- Коржавин Н.М. 385
- Корнейчук А.Е. 307
- Корнилов Б.П. 429
- Корнилов В.Н. 68—78, 84, 85, 91,
92, 98, 136, 144, 223—225, 228,
312, 317; 365, 382, 385, 464
- Корнилова Г.П. 38
- Косолапов В.А. 112, 115, 124, 127,
169; 378, 387
- Косыгин А.Н. 502
- Кочетов В.А. 54, 244; 345, 347,
444
- Кочубей В.Л. 19
- Краевский Б. 400
- Кралин М.М. 189, 190; 186, 401,
506
- Крачковский И.Ю. 368
- Крылов И.А. 372
- Кудрова И.В. 401
- Кузмин М.А. 10
- Куняев С.Ю. 13, 299; 337, 338
- Куприн А.И. 84
- Курт А.В. 506
- Кушнер А.С. 116, 136, 137, 243
- Лаврентьев В.В. 14, 63
- Лавриков 155, 156; 385, 386
- Лаврин А. 452
- Лагренэ де 23; 339
- Ладьженская О.А. 242
- Лазарев Л.И. 417, 429
- Лакшин В.Я. 360, 361, 404, 405,
407

- Лалаянц И.Э. 429
Латманисов М.В. 399, 402, 438, 442, 443, 496, 506
Лева – см. Гумилев Л.Н.
Левин Л.И. 348
Левченко И. Н. 49; **353, 354**
Лелевич Г. 465
Ленин В.И. 35; 345, 400, 502.
Леонардо да Винчи 135
Леонов Л.М. 343
Леопарди Дж. 205, 231, 281, 283; 360, 382, 404, 421
Лермонтов М.Ю. 61, 130, 171, 201, 205; 366, 404, 451, 465, 494
Лернер Я.М. 113, 119, 127, 129, 139, 140, 155, 169, 187, 192, 200, 212, 296, 308; 113, 378, 385, 386, 398, 403, 413, 480, 482
Лесьмян Б. 447
Лесючевский Н.В. 61, 66—68, 73, 74, 134, 247, 283; 357, 429
Лившиц Б.К. 54; 358
Лифшиц В.А. 395
Линецкая Э.Л. 375, 485
Липкин С.И. 43, 136; 400, 405
Литвинов М.М. 353, 391
Литвинов П.М. 427
Литвинова Т.М. 47; **353**
Логунов П. 383, 398
Лозинский М.Л. 168
Лозинские 107, 108
Локкарт Р. 459
Ломоносов М.В. 372
Лопухина Е.Ф. 154
Лукницкая В.К. 60
Лукницкий П.Н. 60, 192, 193; 363, 402, 465
Луконин М.К. 38, 58—60; **359**
Лундквист А. 501
Лурье А.С. 111
Любарская А.И. (Шура) 101, 102, 107, 276, 277; 483
Любовь Давыдовна – см. Большинцова Л.Д.
Македонов А.В. 396
Маклярский М.Б. 188; **401**
Маковский С.К. 46, 50, 52, 53, 55, 105, 193, 294; 352, 358
Максимов В.Е. 385
Маляров М.П. 483—485
Мандельштам Н.Я. 156, 235, 262, 299, 302, 304, 312; 402, 409, 459, 461
Мандельштам О.Э. (Осип) 12, 17, 20, 52, 54, 84, 130, 155, 171, 172, 204, 233, 235, 257, 261, 262, 271, 277, 290, 293, 299, 304, 312, 317; 204, 329, 336, 337, 351, 357, 358, 364, 365, 380, 422, 430, 436, 447, 452, 456, 460, 465, 466, 490, 491, 506
Манн Т. 340
Мао Цзедун 102
Маргарита Иосифовна – см. Алигер М.И.
Марианна Петровна – см. Шаскольская М.П.
Марк М. 338
Марков Б.А. 127
Мартынов Л.Н. 36
Маруся, Мария Сергеевна – см. Петровых М.С.
Маршак С.Я. 64, 98, 102, 103, 116, 125, 127, 139, 169, 170, 174, 175, 177, 206, 207, 212, 218, 231, 233, 236, 273; 344, 371, 378, 387—

- 389, 392, 397, 406, 413, 423, 439, 474, 478, 508
- Маслин 467
- Масленикова З.А. 29; 342
- Мата Хари 458
- Матвеева Н.Н. 136
- Маяковский В.В. 39, 58, 59, 171, 227, 299; 365
- Медведев М. 113
- Медведева-Томашевская И.Н. 39
- Межиров А.П. 91, 92; 365, 366
- Мейлах М.Б. 207, 208; 405, 406
- Менделеев Д.И. 310
- Мередит Дж. 353
- Микеланджело Буонаротти 214
- Микоян А.И. 272, 273, 296; 447, 458, 475, 477
- Мильтон Дж. 96; 367
- Мильштейн И. 427
- Миронов Г. 400
- Миронов Н.Р. 174—178, 180, 200, 201, 209, 231; 393, 396, 407, 421, 422, 437, 476, 477, 479, 481, 483, 486
- Митя — см. Бронштейн М.П.
- Михайловский С. 399
- Михалков С.В. 307
- Мицкевич А. 447
- Мишкевич Г.И. 119
- Модильяни А. 73, 189, 205, 213, 229, 290; 189, 407, 456
- Моисеев 398
- Мойер И.Ф. 376
- Мойер М.А. 122; 376
- Мопассан Ги де 365
- Мориц Ю. П. 33—35, 37; 406
- Морозова Ф.П.(боярыня) 466
- Моссман Э. 369
- Мочалов Л.В. 115
- Музумечи Г. 442
- Муравьев В.С. 29, 94, 95; 29, 366—368
- Набоков В.В. 288
- Надежда Яковлевна, Надя — см. Мандельштам Н.Я.
- Назым Хикмет Ран 227; 416
- Найман А.Г. (Толя) 41, 42, 57—59, 94, 95, 115, 118—120, 124, 125, 141, 143, 144, 156, 157, 168, 175, 179—181, 188, 189, 191, 215, 229—231, 238, 246, 254—257, 266, 278, 281, 282, 287, 300, 308, 310, 311; 60, 186, 351, 357, 360, 366, 370, 378, 386, 387, 398, 406, 421, 424, 426, 432, 433, 443, 446, 452, 457, 459, 465, 483, 484, 506, 509
- Наровчатова С.С. 270, 271, 274—276, 282, 287; 287, 406, 444, 445, 447, 448, 451
- Наталья Иосифовна, Наташа — см. Ильина Н.И.
- Наумов Е.И. 338
- Неведомская В. 46, 294
- Незвал В. 411
- Неизвестный Э.И. 350, 408
- Некрасов В.П. 355
- Некрасов Н.А. 29, 119; 29, 376, 431, 455, 467
- Невельский К. 369
- Непомнящий В.С. 279; 449, 450
- Нерваль Ж. де 321
- Нерон 268
- Неруда П. 280, 282; 428, 450
- Нива Ж. 352

- Ника — см. Глен Н.Н.
 Никитина З.А. 361
 Николаев А.Г. 209
 Николай I 19
 Николай II 502
 Николай Степанович — см. Гумилев Н.С.
 Николетти Р. 442
 Нина, Нина Антоновна — см. Ольшевская Н.А.
 Ниночка — см. Федина Н.К.
 Новиков Н.И. 372
 Норинская Г.М. 78, 81
 Норман П. 294; 294, 509
- Оболенская Е.Н. 455
 Оболенские 293; 455
 Оболенский Д.Д. 455
 Облонская Р.Е. 439
 Огарев Н. П. 95, 250; 431
 Огарева М.Л. 250
 О.Генри 367
 Огородникова И.Ф. 302; 406, **460**
 Одоевцева И.В. 10, 11, 46; 335, 336, 456, 505
 Озеров Л.А. 21, 114, 115, 194, 198, 216, 223, 228, 232; 198, 420, 422
 Озерская-Тарковская Т.А. 452
 Оксман Ю.Г. 19, 246—248, 288; 352, 429, 430, 456
 Окуджава Б.Ш. 385
 Ольшевская Н.А. 30, 38, 52, 57—59, 82, 125, 127, 190, 214—217, 227, 229—231, 246, 252, 266, 270, 284, 285, 291, 295, 299, 300, 310, 312, 318; 246
- Орлов В.Н. 385
 Орлова Р.Д. 170, 190, 227, 272, 274, 283; 190, 389, 406, 408, 409, 417, 419, 440, 486, 506
 Освенская А.А. 98—100, 102, 104, 106, 107, 111; **371**
 Освенский М. А. 104, 106; **371**
 Осинский Н. 466
 Осип — см. Мандельштам О.Э.
 Осповат Л.С. 408
 Оттен Н.Д. 155, 156; **385**, 406
 Оттены 156, 157
- Павел I 154
 Павлов С.П. 355
 Пагирев Г. В. 32
 Пазолини П.-П. 448, 501
 Панаева А.Я. 250; 431
 Панова В.Ф. 425
 Пантелеев А.Л. 265; 437
 Пантелеева М.А. 106, 265; 437
 Пантелеевы А.И. и Э.С. 106
 Панченко Н.В. 385
 Пастернак Б.Л. 11, 17, 29, 56, 57, 67, 75—77, 131, 135, 150, 155, 171, 177, 206, 216, 228, 240, 244, 267, 271, 288, 290, 298, 300, 304, 307, 313; 298, 300, 340, 342—344, 358—363, 368, 369, 372, 425, 428, 431, 444, 466, 486, 490, 491, 507
 Пастернак Е.Б. 363, 507
 Пастернак Е.В. 363, 507
 Пастернак З.Н. 304; 361
 Пастернак Л.О. 95
 Паустовская (Арбузова) Т.А. 24; 23
 Паустовские 24
 Паустовский К.Г. 18, 24, 30, 48—55, 61, 187, 213; 23, 338, 343, 356,

- 385, 392, 406, 439, 447, 475,
477, 483, 484
- Перцов В.О. 465
- Пессоа Ф. 447
- Пестерев 453
- Пестерева 432
- Петефи Ш. 49
- Петр I 19, 143
- Петр III 154
- Петрашевский М.В. 375
- Петров В. 137; 382
- Петровых М.С. 23, 70, 102, 136,
139, 233—236, 258, 272, 273, 292,
310; 23, 359, 422, 423, 459
- Петровых-Чердынцева Е.С. 464
- Пикассо П. 41; 350, 419
- Пильняк Б.А. 135
- Плисецкий Г.Б. 115
- Плоткин Л.А. 338, 466
- Поделков С.А. 201; 404
- Полевой Б. Н. 25, 26; 487
- Полежаев А.И. 171
- Полетика И. 370
- Поливанов К.М. 506
- Поливанов М.К. 75, 76, 170; 362,
363, 389
- Поликарпов Д.А. 250; 431, 432,
486
- Польцух В. 462
- Поляков Л. 509
- Поповский М.А. 309; 462
- Прокофьев А.А. 187, 200, 206,
213, 241, 242, 251, 280, 296, 299;
393, 398, 403—405, 416, 424,
426, 431, 432, 437, 438, 441,
475, 477
- Протасова А.А. 122; 376
- Проффер Э. 73
- Пруст М. 130, 175
- Пунин Н.Н. 20, 58, 135, 188, 221;
399, 419, 425, 426, 493, 494
- Пунина И.Н. 27, 121, 204, 206, 277,
285, 314; 465
- Пунины 27, 277, 305
- Путята Н.В. 339
- Пушкин А.С. 15, 18—20, 22, 23, 34,
35, 39, 42, 51, 83, 96, 118, 122, 130,
137, 145, 151, 171, 202, 221, 259,
272, 279, 280; 15, 22, 154, 180,
339, 351, 366, 367, 370, 376, 377,
404, 412, 419, 429, 433, 449,
450, 468, 505
- Пушкина (Ланская) Н.Н. 202,
259; 407
- Пшибыльский Р. 271; 447
- Рабицев Л. 350
- Радищев А. Н. 96; 367
- Раневская Ф.Г. 214; 378
- Раскин А.Б. 171; 393, 487, 488
- Раскина А.А. 266, 296; 290, 439,
457
- Распутин Г.Е. 208
- Рейн Е.Б. 41, 81, 287; 351, 370, 452
- Рейснер Л.М. 420
- Рейсс И. 435
- Репин И.Е. 69, 254
- Ржевский Л. Д. 486
- Ржевская Е.М. 445
- Рив Ф.-Д. 214
- Рильке Р.-М. 11, 281; 336, 340,
446, 451
- Рипеллино А.-М. 448, 449
- Рихтер Г.-В. 314; 314, 468, 498—
504

- Рожанская Наташа — см. Кинд Н.В.
- Рожанский И.Д. 170, 208; 389, 406
- Рождественский Р.И. 189
- Розанов В.В. 135
- Романова 487
- Ромашова Р. 398
- Ромм М. И. 35; 345—348
- Рубичев А.Т. 372
- Руденко Р.А. 170, 171, 187, 206, 215, 217, 266; 389, 393, 416, 417, 439, 471—474, 477, 479
- Румянцев 388
- Русанов Г.А. 366
- Ручьев Б.А. 231
- Руэл Дж.-Р. 367
- Рыбакова Л.Я. 76, 77; 363
- Рыбакова О.И. 77
- Рыбасов А.П. 467
- Рылеев К.Ф. 171
- Рюриков Б.С. 361
- Савельева Е.А. 182, 184, 192, 200, 209; 390, 394
- Салтычиха (Салтыкова Д.Н.) 117
- Самойлов Д.С. 94, 136; 366, 382, 385
- Самуил Яковлевич — см. Маршак С.Я.
- Сатюков П.А. 405
- Саша — см. Раскина А.А.
- Сартр Ж.-П. 244, 280, 282, 296; 428, 429, 450, 458
- Сафо, Сапфо 268; 441
- Сахаров А.Д. 391, 409
- Свифт Дж. 367
- Северянин И.В. 339
- Седов 200, 201; 393, 403
- Седов Л.Л. 435
- Сельвинский И.Л. 231
- Семенов Г.С. 416, 437, 438, 485
- Семенов П.А. 343
- Семичастный В.Е. 417, 486
- Семьнин П.А. 385
- Сергей — см. Эфрон С.Я.
- Сергиевский И.В. 466
- Сильва — см. Питович С.С.
- Сильман Т.И. 281; 378, 451
- Симонов К.М. 36; 361, 441, 442, 501
- Синявский А.Д. (Абрам Терц) 208, 304, 307—309, 312, 317; 234, 461, 464
- Слуцкий Б.А. 385
- Смирнов Валя 221
- Смирнов Вова 221
- Смирнов Л.Н. 266, 272—274; 398, 439, 440, 453, 475, 479
- Смирнов Н. 398
- Смирнова Таня 221
- Снастин В.И. 486
- Соколов М. Д. 52; 357
- Сократ 430
- Солдатов А.А. 455
- Солдатов Р.Б. 455
- Солдатовы А.А. и Р.Б. 293; 455
- Солженицын А.И. 15—18, 27—29, 35, 36, 49, 81, 82, 93, 94, 102, 169, 187, 188, 220, 246, 248; 338, 341, 346, 347, 354, 355, 364, 377, 398, 399, 408, 434, 506, 509
- Соловьев С.М. 203
- Сологуб Ф.К. 420
- Сорокин Ф. 398, 473—474

- Соснора В.А. 42, 115, 116
 Софронов А.В. 244; 345, 444
 Софья Алексеевна (царевна) 241
 Срезневская В.С. 144, 239, 242, 243, 255, 258; 242, 243, 264, 331, 332, 508
 Ставиская А.А. (Аза) 256, 257
 Сталин И.В. 12, 27, 28, 96, 97, 102, 107, 127, 133, 151, 167, 184, 199, 220, 245, 248, 258, 259, 292; 339, 346—348, 353, 355, 380, 390—392, 402, 430, 444, 478, 495. 502
 Стогова И.Э. — см. Горенко И.Э.
 Столыпин П.А. 259; 434
 Столярова Н.И. 36, 259, 304; 434
 Стравинский И.Ф. 88
 Страховский Л.И. 41
 Струве Г.П. 46, 50, 105, 220, 247, 269, 288, 313; 312, 352, 365, 429, 456, 466, 467, 489, 490, 494, 505
 Струве Н.А. 56, 489—494, 496, 497, 505
 Суворова К.Н. 10, 204
 Суперфин Г.Г. 369
 Сурков А.А. 63, 64, 66, 109, 118, 119, 124, 128, 129, 167, 187, 215, 217, 268, 271—274, 304; 360, 361, 378, 406, 442, 444, 479, 500
 Суслов М.А. 350
 Сучков Б.Л. 307
- Табидзе Т. 33
 Таганцев В.Н. 400
 Тагер Е.Е. 122, 123
 Тагер Е.М. 122, 237, 290; 377, 424, 429
 Тагор Р. 135, 213, 216; 416
 Талашов А.А. 457
- Тамара Григорьевна, Туся — см. Габбе Т.Г.
 Таня — см. Иванова Т.
 Тарковский А.А. 32, 223, 225, 228—230, 258, 283, 284, 312, 314; 344, 419, 444, 451, 452, 467, 509
 Татаринова Н.И. 428
 Твардовский А.Т. 103, 187, 206, 207, 246, 248, 267, 268, 272—274, 317; 338, 344, 347, 355, 360, 391, 404, 405, 442, 443, 501, 509
 Тевекелян В.А. 354
 Тельпугов В.П. 49, 63; 354
 Тендряков В.Ф. 280, 282; 361, 450
 Терebilов В.И. 453
 Терехов Г.А. 399
 Терешкова В.В. 209
 Тикунов В.С. 170, 215; 417
 Тименчик Р.Д. 159, 162, 341, 490
 Титов В.П. 22; 339
 Титов Г.С. 402
 Тихонов А.Н. 152, 175; 152
 Тихонов Н.С. 62, 63
 Толстиков В.С. 126, 127, 170, 187, 190, 192, 200, 211, 213, 217, 251, 272, 296, 309; 318, 379, 389, 398, 407
 Толстой А.Н. 214
 Толстой Л.Н. 29, 93, 95, 101, 107, 117, 123, 135, 136; 341, 366, 382
 Толя — см. Найман А.Г.
 Трeдиakovский В.К. 377
 Триоле Э. 271
 Трифонов Ю.В. 385
 Трифонова Т. К. 56, 57
 Троцкий Л.Д. 435
 Тургенев И.С. 135

- Тынянов Ю.Н. 181
Тышлер А.Г. 367
Тютчев Ф.И. 51; 468
Тяглый Т.А. 192
- Уитмен У. 71, 75
Уйгун 43
Улановские Н.М. и М.А. 427
Унгаретти Дж. 501, 503
Урбан А.А. 231; 422
Уэллс Г. 458, 459
- Фаворский В.А. 343
Файнберг В.И. 427
Федин К.А. 64—67, 73, 74, 215, 216;
361, 362, 477, 479—481
Федина Д.С. 64
Федина Н.К. 66
Фейнберг М.И. 435
Фелипе Леон 271; 446
Фельдман Д. 399
Фернандес П.-А. 375, 376
Фет А.А. 116
Фигнер В.Н. 434
Филиппов Б.А. 269, 313; 45, 312,
364, 465, 505
Филдинг Г. 353
Флобер Г. 46; 351
Флоренский П.А. 362
Фойер К. 429
Фойер Л.-С. 429
Фойер-Миллер Р. 429
Фолкнер У. 367
Фонвизин Д.И. 259; 433
Фрадкин 169, 171, 175, 177
Фрейденоберг О.М. 368, 369
Фрида — см. Вигдорова Ф.А.
Фридрих II 504
- Фрост Р. 214; 214
Фурньер Л.-Э. 395
- Хавкин О.А. 124, 163; 124, 386
Хавкина Ж.О. 175—177; 334, 395
Халтурин И.И. 54, 55, 67; 54
Ханна Вульфовна — см. Горен-
ко Х.В.
Харджиев Н.И. 41, 213, 223; 214,
506
Хармс Д.И. 405
Хейт А. 205, 217—223, 229, 234,
289, 294; 294, 352, 509
Хемингуэй Э.-М. 271; 447
Херасков М.М. 372
Хименес Х.-Р. 447
Хмелев Н.П. 139; 384
Хмельницкая Т.Ю. 485
Ходасевич В.Ф. 452
Хольбек М. фон 462
Хрущев Н.С. 14, 49, 102, 148, 149,
152, 240, 248; 240, 343—348,
350, 361, 402, 405, 407, 417,
477, 479, 480, 482, 486, 500,
502, 506
- Цветаева М.И. 32, 33, 103, 109,
122, 171, 259, 271, 317; 181, 344,
359, 376, 385, 401, 434—436
Циолковский К.Э. 424
- Чайковская О.Г. 141, 155, 156,
272, 273; 384—386, 398
Чайковский П.И. 88
Чаковский А.Б. 187
Чалов П.И. 463
Чаплин Ч.-С. 159; 419
Чапский Йозеф (Юзеф) 24, 26,
31, 295; 23, 31, 456, 508

- Чаренц Е. 136; 136
 Чепуров А.Н. 241; 403, 424, 426
 Чердынцев В.В. 310; 463, 464
 Черноуцан И.С. 115, 117, 138,
 139, 141, 210, 211, 218; 372—
 375, 393, 412—414, 471, 481
 Черных В.А. 160, 490, 505, 506
 Чернышевский Н.Г. 431
 Черняк Я.З. 431
 Чехов А.П. 139, 140; 384, 504
 Чехов М.А. 111
 Чивер Дж. 353
 Чуковская Е.Ц. (Люша) 199, 300,
 305, 309, 318; 334, 395, 421
 Чуковская М.Б. 64
 Чуковский Б.К. (Боба) 254
 Чуковский К.И. (Дед), 11, 12, 21,
 30, 38, 43, 44, 46, 47, 53—55, 58, 61,
 64—66, 71, 75, 105, 108, 115, 116,
 127, 128, 139, 154, 170, 174—177,
 180, 194, 198, 200, 201, 207, 210,
 230—232, 237, 238, 241, 244, 246,
 248, 250, 265, 266, 272, 273, 282, 290,
 300, 302, 305, 312, 316; 29, 247, 343,
 344, 353, 357, 358, 361, 365, 388,
 389, 392—394, 397, 401, 402,
 406, 413, 420, 421, 424, 431, 439,
 440, 447, 451, 455, 458, 459, 468,
 474, 475, 478, 479, 482—484,
 506, 508
 Чуковский Н.К. (Коля) 300; 300
 Чулков Г.И. 203

 Шапорина Л.В. 369
 Шаскольская М.П. 54, 55; 357
 Шатобриан Ф.-Р. де 367
 Шаффготш Кс. 462
 Шварц Е.Л. 57
 Шевченко Т.Г. 137, 171

 Шейкин А.Л. 403
 Шекспир У. 353, 382
 Шелепин А.Н. 417
 Шелли П.-Б. 71, 175; 175, 361,
 362, 395, 416
 Шенгели Г.А. 144; 342
 Шенгели Н.Л. 143, 144, 148, 223;
 342
 Шервинский С.В. 381
 Шестинский О.Н. 138; 382—
 384, 393
 Шилейко В.К. 20, 164
 Шиллер И.-Ф. 63
 Шилов Л.А. 420, 455, 457, 508, 509
 Шкилевский Я. 398
 Шкловские 235
 Шкловский В.Б. 25, 205, 259; 433
 Шмидт П.П. 57, 67; 358
 Шоломович Д. 509
 Шолохов М.А. 35, 36, 307; 307,
 346, 347, 428, 464
 Шостакович Д.Д. 124, 127, 129,
 172—174, 180, 207; 343, 378, 406,
 478
 Штейнберг А.А. 385
 Штоки И.В. и О.Р. 153
 Штритматтер Э. 340
 Шуберт Ф. 325
 Шубин 272, 273

 Эвентов И.С. 443
 Эйзенштейн С.М. 419
 Эйхман А. 12; 337
 Эль Греко Д. 43, 44
 Эльдар С. 455
 Эльяшевич А.П. 138; 382, 383
 Эмма, Эмма Григорьевна,
 Эммочка — см. Герштейн Э.Г.

- Эренбург И.Г. 36, 48—51, 54, 304;
344, 347, 348, 355—357, 434
- Эткинд Е.Г. 11 8, 208, 210; 118,
341, 375, 377, 378, 387, 396,
397, 403, 404, 406, 414, 438,
483, 506
- Эфрон С.Я. 259; 434—436
- Юля — см. Живова Ю.М.
- Юдина М.В. 363
- Якобсон А.А. 427, 404
- Якович Е. 417, 458
- Яшин А.Я. 347, 355

Иностранные имена

- Andre Jdanoff — см. Жданов А.А.
- Borowsky К. 409
- Lo Gatto 73
- Kosko N. 409
- Naldi R. 73
- Pasolini Р.-Р. — см. Пазолини
П.-П.
- Seweryn Pollak 234
- Vlach R. 270

Указатель произведений Анны Ахматовой,
упомянутых в томах I—III*

Стихотворения и поэмы

- А-а, тебе еще мало по-русски...• III 249
- А вы, мои друзья последнего призыва...• II 287
- А Смоленская нынче именинница...• I 15; 434; III 147
- А, ты думал — я тоже такая...• II 456; 390, 598; III 160, 161
- А ты теперь тяжелый и унылый...• III 165
- А человек, который для меня...• II 657; III 167, 168
- А я молчу. Я тридцать лет молчу...• (Северные элегии. <Седьмая>) II 152; III 173, 286, 287
- А я уже стою на подступах к чему-то...• (Смерть, 2) I 477
- Александр у Фив («Наверно, страшен был и грозен юный царь...»). *Античная страничка*, 2) II 475; III 468
- Александррийские стихи см. «О Боже, за себя я всё могу простить...»
- Без названия («Среди морозной праздничной Москвы...»). *Трилистник московский*, <2>) III 120, 121; 324
- Белая ночь («Небо бело страшной белизною...») I 72
- Белый дом («Морозное солнце. С парада...») III 162; 327
- Белым камнем тот день отмечу...• (С самолета, 2) II 225, 346, 347, 415, 445; 750
- Бессмертник сух и розов. Облака...• II 733
- Бесшумно ходили по дому...• I 435, 499; III 157
- Библейские стихи III 168, 178; 468

* Указатель составила Ж.О.Хавкина.

Римские цифры обозначают том, арабские — страницу. Курсивом выделены страницы отдела «За сценой» или примечаний под строкой, полужирным — страница, на которой стихотворение дано полностью. Номера страниц «Из «Ташкентских тетрадей»» набраны другим шрифтом.

Принадлежность стихов к тем или иным циклам дается, главным образом, по «Бегу времени» или по рукописи «Бега времени» (архив Л.К.Чуковской).

- Большая исповедь** («Позвольте скрыть мне всё: мой пол и возраст...») III 15
- Борис Пастернак** («Он, сам себя сравнивший с конским глазом...») I 18, 84, 104, 107, 110; 243; 454; II 143, 220, 221, 224, 281, 456, 457; 738; III 313
- В Выборге** («Огромная подводная ступень...») II 758; III 242; 264
- В Зазеркалье** («Красотка очень молода...». *Полночные стихи*, 3) III 77, 78, 84, 92, 99, 108, 112, 264; 264
- **В которую-то из сонат...** см. Зов
- В пионерлагере** («Как будто заблудившись в нежном лете...») II 747
- **В последний раз мы встретились тогда...** II 428
- В разбитом зеркале** («Непоправимые слова...». *Шиповник цветет*, 9) II 523
- **В то время я гостила на земле...** (Эпические мотивы, 1) I 435
- **В том доме было очень страшно жить...** (*Северные элегии*. <Третья>) I 132, 133, 167; 268, 293; 416, 419, 434; II 238; III 466
- **В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...** см. Из цикла «Ташкентские страницы»
- **Ведь где-то есть простая жизнь и свет...** I 331 II 707
- **Веет ветер лебединый...** I 346, 379
- Венок мертвым** II 148; III 62, 65, 135, 149
- Вереница четверостиший** II 183; III 168; 150
- **Весенним солнцем это утро пьяно...** (Обман, 1) III 165
- **Вечерние часы перед столом...** II 623
- Вечером** («Звенела музыка в саду...») I 213; II 428
- **Вижу выцветший флаг над таможней...** II 304, 591, 706, 707
- **Вкусили смерть свидетели Христовы...** см. «Кого когда-то называли люди...»
- **Вместо мудрости – опытность, пресное...** I 334; III 255
- Вместо послесловия** («А там, где сочиняют сны...». *Полночные стихи*) III 44
- Во сне** («Черную и прочную разлуку...». *Шиповник цветет*, 3) II 211, 232, 283, 286, 289, 290
- Возвращение на родину** см. Вторая годовщина
- Воронеж** («И город весь стоит оледенелый...») I 153; 66, 271, 272; 379; II 291, 292, 298
- 8 ноября 1913** («Солнце комнату наполнило...») I 290
- **«Вот и берег северного моря...»** II 571
- **«Вот она, плодоносная осени!...»** II 523
- **«Все души милых на высоких звездах...»** I 132; 133, 267, 323; 419; III 146, 150, 151
- **«Все мы бражники здесь, блудницы...»** I 112; II 704
- **«Все уши, и никто не вернулся...»** III 162; 186, 328, 329

- **Всем обещаньям вопреки...** II 475; 727
- **Всё мне видится Павловск холмистый...** III 256
- **Всё отнято: и сила, и любовь...** III 165
- **Всё расхищено, предано, продано...** I 39, 153; 40, 270, 271, 307; II 390
- **Всё это разгадаешь ты один...** I 88, 94; 252, 253; 382, 472; II 135, 136, 143, 372; III 135
- Встреча** («Как будто страшной песенки...». *Новоселье, 4*) III 419
- Вторая годовщина** («Нет, я не выплакала их...») II 38, 39, 129, 211, 232
- **Высокие своды костела...** III 161, 162; 326
- **Высокомерьем дух твой помрачен...** I 78; III 35
- Выход книги** («Тот день всегда необычаен...») III 85, 86
- **Где, высокая, твой цыганенок...** I 108; 264, 265
- **...Где на четырех высоких лапах...** см. Под Коломной
- **Глаз не свожу с горизонта...** I 459, 460; II 22; 656
- Говорит Дидона** см. «Не пугайся, — я еще похожей...»
- Говорят дети** («В садах впервые загорелись маки...») II 747
- **Годовщину последнюю празднуй...** I 37, 153; 38, 245; II 225, 226; 733
- Гость** («Всё как раньше: в окна столовой...») II 265
- **Да, я любила их, те сборища ночные...** (*Три стихотворения, 1*) I 332; II 704; III 165
- **Дал Ты мне молодость трудную...** I 331
- Данте** («Он и после смерти не вернулся...») II 224; III 460
- **Двадцать первое. Ночь. Понедельник...** III 302; 461
- **Двадцать четвертую драму Шекспира...** см. Лондонцам
- **Дверь полуоткрыта...** I 449
- Двустиише** («От других мне хвала — что зола...») III 491
- 9 декабря 1913 года** («Самые темные дни в году...») III 165
- **Для того ль тебя носила...** III 363
- **Дорогою ценой и нежданной...** III 83
- Дорожная, или Голос из темноты** («Кто чего боится...». *Песенки, <1>*) II 216; III 168
- Другая песенка** («Как сияло там и пело...». *Шиповник цветет, 5*) III 83, 216
- **Другие уведят любимых...** III 158, 159, 185; 160, 186
- **Думали: нищие мы, нету у нас ничего...** I 39, 97; 40, 259; 357, 465; III 137
- **Если б все, кто помощи душевной...** III 117
- **Если плещется лунная жуть...** I 125, 187; III 313; 173, 467, 491
- **Есть три эпохи у воспоминаний...** (*Северные элегии. <Шестая>*) II 168, 169, 216, 232, 250—252, 443; 585, 586

- Жарко вест ветер душный...• II 355; 733
- За меня не будете в ответе...• II 482, 483
- За такую скоморошину...• (*Вереница четверостиший*) II 353; 353; III 150, 151
- Заболеть бы как следует, в жгу-чем бреду...• II 194
- Забудут? – вот чем удивили!...• II 260
- Заклинание («Из тюремных во-рот...») I 163; III 407, 466
- Запад клеветал и сам же верил...• III 407
- Заснуть огорченной...• (*Луна в зените, 1*) I 450, 451; II 366
- Застольная («Под узорной ска-тертью...») II 237; 589; III 185; 466
- Зачем вы отравили воду...• III 466
- Защитникам Сталина («Это те, что кричали: “Варраву...”») II 522 III 430
- Звенела музыка в саду...• см. Ве-чером
- Здесь всё тебе принадлежит по праву...• II 738, 739
- Здесь девушки прекраснейшие спорят...• II 624; III 185
- Здесь Пушкина изгнание на-чалось...• I 40; 66, 187
- Земля хотя и не родная...• III 242, 243; 264, 331, 492
- Знаешь сам, что не стану сла-вить...• (*Синие, 4*) II 63; III 257
- Знаю, знаю – снова лыжи...• II 424
- Зов («В которую-то из сонат...». *Полночные стихи, 5*) III 84, 264; 467
- И было сердцу ничего не надо...• (*Вереница четверости-ший*) III 468
- И в памяти черной пошарив, найдешь...• (*Три стихотво-рения, 2*) II 426, 440, 441, 444; 433, 603
- И в тайную дружбу с высо-ким...• I 435
- И вовсе я не пророчица...• II 557; III 493
- И вот, наперекор тому...• I 12, 121; II 51, 100, 545, 561, 562; 148, 624; III 185
- И, как всегда бывает в дни раз-рыва...• (*Разрыв, 2*) I 285
- И когда друг друга проклинали...• II 468
- И мальчик, что играет на волын-ке...• I 173; 275
- ...И мне показалось, что это ог-ни...• см. Отрывок
- И мнится – голос человека...• III 162; 328
- И неоплаканною тенью...• III 466
- И никакого розового детства...• (*Северные элегии. <Вто-рая>*) II 152–154, 169; 583, 584
- И последнее («Была над нами, как звезда над морем...». *Полночные стихи, 7*) III 44
- И сердце то уже не ответится...• I 285; III 135
- И скупое оно и богато...• (*Верени-ца четверостиший*) III 142; 216

- И слава лебедью плыла...» (*Вереница четверостиший*) III 216
- И снова осень валит Тамерланом...» II 84, 372, 405, 406, 413, 452; 599, 738, 739; III 298
- И та, что сегодня прощается с милым...» см. Клятва
- И ты ко мне вернулась знаменитой...» II 141, 142; 639
- И ты мне всё простишь...» I 187, 285; III 466
- И увидел месяц лукавый...» III 83
- И упало каменное слово...» см. РЕКВИЕМ, 7
- Ива** («А я росла в узорной тишине...») I 71, 220; 248, 331; II 148, 221; III 254; 341
- Из Восточной тетради** см. Из цикла «Ташкентские страницы»
- Из дружеского послания** см. «Пора забыть верблюжий этот гам...»
- Из пьесы «Пролог»** см. Пролог, или Сон во сне
- Из сожженной тетради** см. Шиповник цветет
- Из «Ташкентской тетради»** см. Из цикла «Ташкентские страницы»
- Из тюремных ворот...» см. Заклинание
- Из цикла «Ташкентские страницы»** («В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...») II 366, 444; 596, 597; III 24, 31, 178, 295; 23, 341
- Имя** («Татарское, дремучее...»). *Вереница четверостиший* II 360
- Исповедь** («Умолк простивший мне грехи...») I 434
- Истлевают звуки в эфире...» (*Cinque*, 2) II 63
- К смерти** см. РЕКВИЕМ, 8
- Как белый камень в глубине колодца...» I 107; II 750
- Как вплелась в мои темные косы...» I 442
- Как люблю, как любила глядеть я...» I 459; III 165
- Как мог ты, сильный и свободный...» II 146
- Как площади эти обширны...» I 354, 452
- Как сияло там и пело...» см. Другая песенка
- Как ты можешь смотреть на Неву...» III 161; 165, 325
- Как у облака на краю...» (*Cinque*, 1) II 63
- Какая есть. Желая вам другую...» I 469, 471; II 159, 584, 585; III 51
- Какое нам, в сущности, дело...» см. Первое предупреждение
- Киев** («Древний город словно вымер...») II 124
- Клевета** («И всюду клевета сопутствовала мне...») II 220, 221; 159, 588, 589
- Клеопатра** («Уже целовала Антония мертвые губы...») I 76, 80, 82, 91, 111, 144, 175; 250
- Клятва** («И та, что сегодня прощается с милым...») I 397, 428
- Когда в тоске самоубийства...» II 700
- Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни...» II 390, 599

- Когда погребают эпоху...** (*В со- роковом году, 1*) I 170, 171, 177; 274; 382, 472
- Когда человек умирает...** I 71, 140; 249; III 137
- Кого когда-то называли люди...** II 182, 183; 184, 586, 587; III 16; 15
- Кое-как удалось разлучиться...** I 332; III 146, 280
- Колыбельная** («Далеко в лесу огромном...») I 172; 275
- Ленинград в марте 1941 года** («*Cadran solaire* на Меншиковом доме...») I 382, 441, 444; II 14; III 56, 57
- Летний сад** («Я к розам хочу, в тот единственный сад...») II 360, 363, 521; 369, 727, 728
- Лёгкие летят недели...** см. РЕКВИЕМ, 6
- Лишняя** («Тешил — ужас. Гре- ла — вьюга...». *Песенки, <2>*) II 484; III 168
- Лондонцам** («Двадцать четвер- тую драму Шекспира...». *В сороковом году, 2*) I 202; 203, 277; 382, 423, 441, 445, 452, 461, 472
- Лотова жена** («И праведник шел за посланником Бога...». *Библейские стихи, 2*) I 127, 128; 434; II 182, 469; III 165
- Лучше б мне частушки задорно выкликать...** III 45
- Любо вам под половицей...** I 477
- Магдалина билась и рыдала...** см. РЕКВИЕМ, 10
- Мартовская элегия** («Прошло- годних сокровищ моих...») II 428, 429; 601, 746
- Маяковский в 1913 году** («Я тебя в твоей не знала славе...») I 84, 120, 146; 252; II 286
- Мелхола** («И отрок играет без- умцу царю...». *Библейские стихи, 3*) II 419, 461, 464; 606; III 168
- Меня, как реку...** (*Северные элегии. <Пятая>*) II 370, 490
- Мне ни к чему одические ра- тии...** (*Тайны ремесла, 2*) I 71, 91, 180; 249; III 172
- Мне с тобою пьяным весело...** I 120
- Многим** («Я — голос ваш, жар вашего дыханья...») III 173
- Многое еще, наверно, хочет...** (*Тайны ремесла, 10*) III 172
- Мои молодые руки...** I 98, 203, 222; 262, 263; 419; III 142
- Мой городок игрушечный сожгли...** см. «О горе мне! Они тебя сожгли...» (*Городу Пушкина, 1*)
- Молитва** («Дай мне горькие го- ды недуга...») I 78; 398; II 14, 432, 446; 601, 602
- Молюсь оконному лучу...** II 468; III 145—147; 325
- Морозное солнце. С парада...** см. Белый дом
- Мужество** («Мы знаем, что ны- не лежит на весах...») I 401, 407, 408, 418, 429, 435, 464; II 14, 15, 22, 40, 280, 281, 560; 771; III 443, 496
- Муза** («Как и жить мне с этой обузой...». *Тайны ремесла, 3*) II 426, 427; 433, 600

- Муза** («Когда я ночью жду ее прихода...») I 206; 45, 246; II 542; III 268; 457, 460
- Музыка** («В ней что-то чудотворное горит...») II 350, 351, 364, 444; 466, 595
- Мурка, не ходи, там сыч...** I 432
- На стеклах нарастает лед...** III 466
- На шее мелких четок ряд...** I 154; 272; II 138, 226, 283
- Над водой** («Стройный мальчик пастушок...») I 78
- Надпись на книге** («Из-под каких развалин говорю...») I 7; II 467, 468
- Надпись на книге** («Почти от залетней тени...») I 289; II 26, 148, 284, 299, 300
- Нам встречи нет. Мы в разных станах...** III 467
- Нам свежесть слов и чувства простоту...** II 446; 604, 605
- Нас четверо** («...И отступилась я здесь от всего...») II 485, 499; 478, 610, 682, 738; III 109, 110; 456
- Наследница** («Казалось мне, что песня спета...») II 366, 368; 595, 596; III 47, 173; 407
- Настоящую нежность не спутаешь...** II 486; III 226
- Наяву** («И время прочь, и странство прочь...» *Шиповник цветет*, 2) II 129, 211, 232, 251, 252, 286, 290
- Не будем пить из одного стакана...** I 108; 265, 289; 411
- Не бывать тебе в живых...** II 348; 593, 594; III 52
- Не дышали мы сонными маками...** (*Cinque*, 5) II 63
- Не лирою влюбленного...** II 216; 588; III 495
- Не любишь, не хочешь смотреть...** (*Смятение*, 2) II 444
- Не мудрено, что похоронным звоном...** III 466
- Не на листопадном асфальте...** см. Ночное посещение
- Не недели, не месяцы — годы...** (*Разрыв*, 1) I 285; 404, 411
- Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...** (*Три стихотворения*, 3) III 165
- Не пугайся, — я еще похожей...** (*Шиповник цветет*, 11) II 520; 292, 500, 523; III 83
- Не с теми я, кто бросил землю...** I 153, 154; 271, 331, 332; II 524; 610, 772
- Не столицей европейской...** см. Немного географии
- Не страшай меня грозной судьбой...** II 369
- Небо мелкий дождик сеет...** I 475; III 225
- Небывалая осень построила купол высокий...** I 200; 285; 346
- Невидимка, двойник, пересмешник...** см. Поздний ответ
- Немного географии** («Не столицей европейской...») I 73, 74; II 100, 434, 561; 148, 624; III 185; 466
- Неправда, у тебя соперниц нет...** см. «Сказал, что у меня соперниц нет...»
- Несказанные речи...** [эпиграф] II 425; III 83

- Нет, это не я, это кто-то другой
страдает...» см. РЕКВИЕМ, 3
- Нет, я не выплакала их... см. Вто-
рая годовщина
- Но я предупреждаю вас...» (В
сороковом году, 5) I 217; 277;
444, 445, 447; II 462
- Новогодняя баллада («И месяц,
скупая в облачной мгле...») II 182
- Новоселье II 719; III 419, 467
- Ноченька см. Нох
- Ночное посещение («Не на лис-
топадовом асфальте...». Пол-
ночные стихи, б) III 77
- О Боже, за себя я всё могу про-
стить...» III 466
- О, горе мне! Они тебя сожгли...»
(Городу Пушкина, 1) II 225,
285, 286, 289, 299, 415, 446; III 166
- О, жизнь без завтрашнего дня!..»
I 475
- О, знала ль я, когда в одежде бе-
лой...» III 147, 148;
- О, как пряно дыханье гвозди-
ки...» см. «Я над ними скло-
нюсь, как над чашей...»
- О нет, я не тебя любила...» I 435, 474
- О своем я уже не заплачу...» (Ве-
реница четверостиший)
II 510, 511; III 16, 150; 15
- Один идет прямым путем...» I 407,
441; II 376
- Одни глядятся в ласковые взо-
ры...» I 18, 154; 66, 187
- Он длится без конца — янтар-
ный, тяжкий день...» I 108; 264,
289; 435
- Он прав — опять фонарь, апте-
ка...» (Три стихотворения, 3)
II 232, 440; 236, 604; III 421
- Они летят, они еще в дороге...»
I 289
- Опять подошли “незабвенные
даты”...» II 557; 523
- Опять поминальный прибли-
зился час...» см. РЕКВИЕМ.
Эпилог
- Опять проходит полонез Шо-
пена...» II 323
- Освобожденная («Чистый ве-
тер ели колышет...») II 15
- От других мне хвала — что зо-
ла...» см. Двустешие
- От любви твоей загадочной...»
(Черный сон, 3) I 452
- От странной лирики, где каж-
дый шаг — секрет...» III 280
- От тебя я сердце скрыла...» I 96;
66, 259, 285
- Ответ («Какие странные сло-
ва...») I 324, 325
- Отрывок («...И мне показалось,
что это огни...») II 369
- Памяти В.С.Срезневской («Поч-
ти не может быть, ведь ты
была всегда...») I 334; III 242,
243, 255; 239, 264, 331, 332
- Памяти 19 июля 1914 («Мы на
сто лет состарились, и это...») I 39; 40; III 495
- Памяти М. Булгакова («Вот это
я тебе, взамен могильных
роз...») II 719; III 135, 185
- Парк Победы см. Приморский
парк Победы

- Память о солнце в сердце слабеет...» I 423; III 226
- Пахнет гарью. Четыре недели...» (*Июль, 1914, 1*) III 35
- Первая песенка («Таинственной невесты...». *Шиповник цветет, 4*) II 283, 289, 290, 332; 227; III 21
- Первое возвращение («На землю саван тягостный возложен...») II 372; III 165
- Первое предупреждение («Какое нам в сущности дело...». *Полночные стихи, 2*) III 60
- Первый артиллерийский см. Первый дальнобойный в Ленинграде
- Первый дальнобойный в Ленинграде («И в пестрой суете людской...») I 234; 278; 382, 397, 409, 428, 449, 488; II 40
- Перед весной бывают дни такие...» III 278; 165
- Перед этим горем гнутся горы...» см. РЕКВИЕМ. Посвящение
- Песенка («Бывало, я с утра молчу...») I 72; II 291
- Песенка («Я на солнечном восходе...») I 147, 270; II 498
- Песенки II 484; III 168
- Песня мира («Качаясь на волнах эфира...») II 224; 425, 747
- Песня последней встречи («Так беспомощно грудь холодела...») II 125
- Петербург в 1913 году («За заставой воеет шарманка...») II 454; 605; III 264
- Петроград, 1919 («И мы забыли навсегда...») I 378; III 143
- Пива светлого наварено...» III 466
- Пленник чужой! Мне чужого не надо...» II 265
- Плотно сомкнуты губы сухие...» I 434
- По аллею проводят лошадок...» (*В Царском Селе, 1*) I 421
- По той дороге, где Донской...» (*Шиповник цветет, 7*) II 358
- Побег («Нам бы только до взморья добраться...») I 221
- Победа («Победа у наших стоит дверей...». *Победа, 3*) II 14, 200, 382
- Победителям («Сзади Нарвские были ворота...») II 15, 16
- Под Коломной («...Где на четырех высоких лапах...») II 372, 616
- Под крышей промерзшей пустого жилья...» II 257
- Подвал памяти («Но сущий вздор, что я живу грустя...») I 71, 97, 111, 164; 260, 261, 293; 382, 407, 408; II 67, 68, 76, 79, 80, 83, 108, 482; 704; III 255; 466
- Подошла. Я волненья не выдал...» II 733
- Подражание армянскому («Я приснюсь тебе черной овцою...») II 382, 561, 562; 522, 597, 598; III 466
- Подумаешь, тоже работа...» см. Поэт
- Подушка уже горяча...» (*Два стихотворения, 1*) I 147, 154; 269
- Поздний ответ («Невидимка, двойник, пересмешник...») II 199, 230, 461; 587, 624, 654, 655; III 103, 109, 110; 456

- Показать бы тебе, насмешнице...» см. РЕКВИЕМ, 4
- Покинув рощи родины священной...» (*Эпические мотивы, 2*) I 133
- Покорно мне воображенье...» I 185; 276, 277
- Полночные стихи III 77, 92, 225, 264; 39, 44, 467, 496
- Пора забыть верблюжий этот гам...» (*Три стихотворения, 1*) II 440; 236, 603, 622
- После ветра и мороза было...» II 268; III 460
- Последний сонет см. Приморский сонет
- Последний гост («Я пью за разоренный дом...». *Разрыв, 3*) I 110; 187, 263, 285; 423, 481 III 466
- Последняя роза («Мне с Морозовою класть поклоны...») II 509, 519; 510, 511, 610; III 16, 291, 293, 297, 300; 15
- Постучи кулачком — я открою...» I 46; 430, 433, 437, 449, 463, 477, 488; II 22
- Потускнел на небе синий лак...» I 331; II 497
- Почернел, искривился бревенчатый мост...» I 421
- Почти что от летейской тени...» см. Надпись на книге («Почти от залетейской тени...»)
- ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ
I 222, 228, 229; 132, 327, 328, 331, 332, 336; 345—347, 351, 359—361, 363, 370—372, 380—383, 386, 390, 392, 393, 396, 398, 399, 403, 407—409, 417, 419, 423, 425, 427, 437, 440, 444, 445, 447, 452, 454, 460, 463, 465, 473, 474, 477, 480, 482, 484, 486—489, 491—493, 515, 517, 518;
- II 22, 23, 25, 63, 92, 97, 100, 118—123, 128, 131, 132, 134, 136—145, 152, 171, 172, 211, 224, 226, 235—238, 245, 303, 323—325, 330, 332, 338, 350, 354—356, 367, 368, 371, 375, 378—381, 383—386, 410, 423, 426—428, 434—437, 441, 442, 454—456, 463, 464, 466, 472, 474—478, 482, 484—486, 489, 490, 493, 496, 497, 506—509, 511, 516, 521, 527, 529, 532, 535, 542, 543, 545—549, 551, 552, 554, 556, 558, 559, 562, 566, 567, 573; 227, 339, 351, 358, 438, 439, 479, 495, 594, 602, 603, 619, 623, 624, 627, 639, 656, 657, 677, 704, 727, 733, 752, 783;
- III 11, 13, 21, 27, 29, 36, 38, 40, 43—46, 58, 60—62, 65, 72, 110, 111, 120, 121, 123, 124, 128, 135, 152, 153, 162, 164, 168, 171—175, 181, 185, 217, 224, 228, 230, 241, 243, 244, 257, 262, 263, 269, 286; 294, 303, 341, 367, 395, 401, 407, 433, 444, 455, 456, 463, 467, 468, 491—493, 495
- Поэт («Подумаешь, тоже работа...». *Тайны ремесла, 4*) II 360, 363, 364; 369, 594, 595, 727
- Прав, что не взял меня с собой...» I 332; III 25
- Предвесенняя элегия («Меж сосен метель присмире-

- ла...». *Полночные стихи, 1*)
III 39, 51, 77; 321
- Предыстория** («Россия Достоевского. Луна...». *Северные элегии. <Первая>*) I 221, 222; 419; II 224, 289, 332, 346, 529, 554; 592, 593; III 491
- При непосылке поэмы** («Приморские порывы ветра...») I 332; III 234
- Привольем пахнет дикий мед...•
I 64, 97; 187, 261; II 561; 148, 624; III 154, 155; 407, 466, 491, 494, 496
- Приговор** см. РЕКВИЕМ, 7
- Приду туда, и отлетит томлень...• II 284, 444, 447; 591
- Призрак** («Зажженных рано фонарей...») II 146
- Приморский парк Победы** («Еще недавно плоская коса...») II 224; 747
- Приморский сонет** («Здесь всё меня переживет...») II 344, 350; 343; III 226
- Про стихи** («Это — выжимки бессонниц...». *Тайны ремесла, 8*) I 98; 261; II 372
- Проводила друга до передней...•
II 77
- Прогулка** («Перо задело о верх экипажа...») I 170; II 733; III 46
- Пролог, или Сон во сне** II 734; III 72, 79, 80, 84, 167, 168, 252, 256, 257; 117, 234, 322, 323, 401
- Прошло пять лет, — и залечила раны...• II 747; III 167
- Птицы смерти в зените стоят...•
I 445, 488; II 22, 445; 604
- Пусть голоса органа снова грянут...• III 146, 256
- Пусть кто-то еще отдыхает на юге...• II 283, 289, 290, 332
- ПУТЕМ ВСЕЯ ЗЕМЛИ** («Прямо под ноги пулям...») I 95, 98, 103, 108, 111, 117, 199, 203; 254—258; 361, 382, 390, 397, 407, 441, 444, 445, 452; II 224; 495, 523, 546; III 121, 135, 152, 171, 175, 249, 262, 313; 467
- Пушкин** («Кто знает, что такое слава!...») III 280
- Пятая роза** («Звалась Soleil ты или Чайной...») III 99, 117; 323, 324
- Пятнадцатилетние руки** см. «Мои молодые руки...»
- Пятым действием драмы...• I 132; 133, 267; II 326; III 150, 151
- Разве не я тогда у креста...•
II 283; III 199
- Разве я стала совсем не та...•
II 172; 283
- Разлука** («Вечерний и наклонный...») II 286, 287
- Распятие** см. РЕКВИЕМ, 10
- Рахиль** («И встретил Иаков в долине Рахиль...». *Библейские стихи, 1*) I 434; II 469; III 165
- РЕКВИЕМ**
- Нет, и не под чуждым небосводом...• [Эпиграф] II 561
- Вместо предисловия** II 375
- Посвящение** («Перед этим горем гнутся горы...») I 83; 250, 251; II 366, 536, 575; III 82, 158

- Вступление** («Это было, когда улыбался...») I 73, **249, 250**; II 561; 562
1. **•Уводили тебя на рассвете...•**
I 73, 187, 285; II 494
2. **•Тихо льется тихий Дон...•** I 84; 73, **251**; III 133
3. **•Нет, это не я, это кто-то другой страдает...•** I 217; 73, **278**; II 165, 264
4. **•Показать бы тебе, насмешнице...•** I 73
5. **•Семнадцать месяцев кричу...•**
I 73; II 494; 522
6. **•Легкие летят недели...•** I 73
7. **Приговор** («И упало каменное слово...») I 37, 59, 179; 73, 179, **244**; 452; II 229, 494; 791
8. **К смерти** («Ты всё равно придешь — зачем же не теперь?...») I 48, 64; 73, **246**; II 494, 550
9. **•Уже безумие крылом...•** I 99; 154, **263, 264**, 293; 411; II 238; 471
10. **Распятие** (1. «Хор ангелов великий час восславил...») I 73; (2. «Магдалина билась и рыдала...») III **136**
- Эпизод** (1. «Узнала я, как опадают лица...») I 73; II 536, 537; **538** (2. «Опять поминальный приблизился час...») I 127, 128; **265—267**; II 536, 537, 561; **538, 539, 562**; III 63, 294; 421
- РЕКВИЕМ** (упоминания)
I 13, 73; 59, 97, 303
II 18, 21, 123, 229, 330, 365, 428, 434, 484, 491, 493—495, 513, 524, 546, 558—567, 570, 571, 573—574; 100, 224, 236, 349, 624, 790—792;
III 17, 25, 36, 51—53, 55, 61, 62, 65, 81, 93, 130—133, 135, 152, 157, 171, 181, 194, 198, 199, 201, 220, 241, 243, 262, 267, 269—271, 281, 287, 307, 313, 317; 338, 407, 466, 478, 494
- Ржавеет золото, и истлевает сталь...•** см. «Кого когда-то называли люди...»
- Рисунок на книге стихов** («Он не траурный, он не мрачный...») II 372
- Родная земля** («В заветных ладанках не носим на груди...») II 484, 485, 498—500, 524, **609**; III 15, 181, 232
- Россия Достоевского. Луна...•** см. *Предыстория (Северные элегии. <Первая>)*
- Русский Трианон** I 111; 187; III 152; 466
- Рыбак** («Руки голы выше локтя...») I 452
- С грозных ли площадей Ленинграда...•** (*Луна в зените*, 2) I 452, 453, 459; II 656
- С Новым годом! С новым годом!...•** I 67; **248**; II 561; 148; III 185
- Светает — это Страшный Суд...•**
III **280**
- Северные элегии** I 133, 188, 222, 223, 285, 293; 437; II 443, 484, 521; 152, 153, 236, 238; III 137, 150, 226; 468
- Седьмая** см. «А я молчу. Я тридцать лет молчу...» (*Северные элегии. <Седьмая>*)

- Семнадцать месяцев кричу...» см. РЕКВИЕМ, 5
- Сердце к сердцу не приковано...» III 144, 145; 324, 325
- Сероглазый король («Слава тебе, безысходная боль!...») I 139; 452; II 115, 214
- Сжала руки под темной вуалью...» I 345
- Сзади Нарвские были ворота...» см. Победителям
- Сказал, что у меня соперниц нет...» I 163; 433
- Сказка о черном кольце («Мне от бабушки-татарки...») I 24, 179; 384; II 498; III 313
- Слаб голос мой, но воля не слабеет...» I 106, 107
- Слава миру II 229, 411, 481; 705, 706; III 167; 495
- Славно начато славное дело...» (*Победа*, 1) I 381, 397, 407, 428; II 14, 22
- Словно дальнему голосу внемлю...» II 360; 361; III 135
- Словно дочка слепого Эдипа...» (*Памяти поэта*, 2) II 426, 452, 461; 600, 738; III 135, 149, 150
- Смеркается, и в небе темно-синем...» (*Эпические мотивы*, 3) I 133, 136, 141, 154; 268, 269; 434
- Смерть Софокла («На дом Софокла в ночь слетел с небес орел...». *Античная страничка*, 1) II 430, 464, 468, 469; 607
- Смуглый отрок бродил по аллеям...» II 19, 428; III 166; 165
- Со дня Купальницы-Аграфены...» I 331
- Соблазна не было. Соблазн в тиши живет...» (*Три стихотворения*, 2) I 421; III 165
- Современница см. Тень
- Сожженная тетрадь («Уже красуется на книжной полке...». *Шиповник цветет*, 1) II 523
- Сон («Был вещим этот сон или не вещим...». *Шиповник цветет*, 6) II 230, 231, 290, 350, 354; 351, 358
- Сонет, Сонет-Эпилог см. «Не пугайся, — я еще похожей...»
- Соседка из жалости — два квартала...» I 180; II 656
- Справа раскинулись пустыри...» II 656
- Среди морозной праздничной Москвы...» см. Без названия
- Стансы («Стрелецкая луна. За-москворечье. Ночь...») II 207, 382, 383, 561; 522, 588; III 466
- Стеклозвон (Стеклозвон («Стеклозвон...») III 466
- Страх, во тьме перебирая вещи...» I 97, 133; 259, 260
- Тайны ремесла II 443; III 168, 172
- Так вот он — тот осенний пейзаж...» (*Северные элегии*. <Четвертая>) I 188, 285; 437; II 370
- Так не зря мы вместе бедовали...» II 463, 561; 464, 522, 607; III 494—496
- Так отлетают темные души...» I 90—92, 202, 217; 203, 253, 254; 361; III 256
- Так просто можно жизнь покинуть эту...» II 246; 590; III 135

- Ташкент зацветает** («Словно по чьему-то повелению...») III 264
- Творчество** («Бывает так: какая-то истома...». *Тайны ремесла, 1*) I 31; **244**; II 152, 153, 359; III 46, 172, 313
- Тень** («Всегда нарядней всех, всех розовой и выше...». *В сороковом году, 3*) I 177, 199; **276, 331**; II 464, 508; *138, 433, 753*; III 46; *351, 456*
- То, что я делаю, способен делать каждый...** III 186
- Тот голос, с тишиной великой споря...** I 408
- Тот город, мной любимый с детства...** I 66; *187* II 78, 79, 477; III *173, 491, 492*
- Тот день всегда необычаен...** см. Выход книги
- Третий Зачатьевский** («Переулочек, переул...». *Черный сон, 5*) I 167; **273, 296**; II 77
- Третью весну встречаю вдали...** (*Луна в зените, 5*) II 166, 168, 265; *172*
- Трилистник московский** III 178
- Триптих** см. Поэма без героя
- Ты Азия – родина родин...** II *172, 283*
- Ты всё равно придешь – зачем же не теперь?...** см. РЕКВИЕМ, 8
- Ты выдумал меня. Такой на свете нет...** (*Шиповник цветет, 8*) II 230, 231; *369*
- Ты знаешь, я томлюсь в неволе...** I 209; II 446, 447; **605**
- Ты напрасно мне под ноги мечешь...** II 252; **590, 591**; III 82, 83, 185; *180, 407*
- Ты – отступник: за остров зеленый...** I 39, 40, 78; 354
- Ты письмо мое, милый, не комкай...** I 209; 452
- Ты пришел меня утешить, милый...** I 290
- Ты стихи мои требуешь прямо...** (*Шиповник цветет, 12*) III 83, 216
- У кладбища направо пылил пустырь...** (*Читая Гамлета, 1*) III 147
- У самого моря** («Бухты изрезали низкий берег...») I 15, 215; II 218; III 152, 172; 73
- Уводили тебя на рассвете...** см. РЕКВИЕМ, 1
- Углем намстил на левом боку...** I 414
- Уединение** («Так много камней брошено в меня...») III 146, 147
- Уже безумие крылом...** см. РЕКВИЕМ, 9
- Узнала я, как опадают лица...** см. РЕКВИЕМ. Эпилог
- Уложила сыночка кудрявого...** I 167; **273, 274**; 397
- Умолк вчера неповторимый голос...** (*Памяти поэта, 1*) II 402, 414, 441, 452; **600, 738**; III 135, 149, 150, 298, 300
- Учитель** («А тот, кого учителем считаю...») I **323**; III 135
- Хозяйка** («В этой горнице колдунья...». *Новоселье, 1*) II 719
- Хор ангелов великий час восславил...** см. РЕКВИЕМ, 10

- Хорони, хорони меня, ветер!...
III 145; 385
- Хорошо здесь: и шелест и хруст...» II 78, 79, 289
- Художнику («Мне всё твоя мерещится работа...») I 66
- Царскосельская ода («Настоящую оду...») I 323; II 478, 484; 608, 609; III 16; 15
- Царскосельская статуя («Уже клеиновые листы...») III 341
- Чем хуже этот век предшествующих? Разве...» I 39; 40, 245; II 753
- Через 23 года («Я гашу те заветные свечи...») III 40; 321
- Черепки II 328; III 194, 198, 284, 286, 292; 196, 197, 330, 331, 466
- Черный сон I 296; III 150, 164
- Читатель («Не должен быть очень несчастным...». *Тайны ремесла*, 5) II 368, 369, 372; 597, 727
- Что войны, что чума? — конец им виден скорый...» (*Вереница четверостиший*) II 475, 480; 546; III 150; 381, 466
- Что делать мне? Они тебя сожгли...» см. «О, горе мне! Они тебя сожгли...»
- Чугунная ограда...» I 359
- Шиповник цветет. Из сожженной тетради II 290, 293, 299, 425—427; 211, 227, 230, 236, 252, 260, 283, 358, 543, 616; III 83, 100
- Щели в саду вырыты...» I 430, 432, 449, 463, 477, 488
- Энума Элиш III 257
- Эпиграмма («Могла ли Биче словно Дант творить...». *Тайны ремесла*, 7) II 260; 433; III 168, 291
- Эпиграммы III 466
- Эпические мотивы I 133; 434; II 152; 700; III 137; 165
- Это было, когда улыбался...» см. РЕКВИЕМ. Вступление
- Это рысьи глаза твои, Азия...» III 264
- Этой нвы листы в девятнадцатом веке увяли...» (*Городу Пушкина*, 2) II 270, 289, 338
- Эхо («В прошлое давно пути закрыты...») II 426; 523
- Я буду помнить звездный кров...» III 264
- Я бы лучше по самые плечи...» II 346, 347
- Я была на краю чего-то...» (*Смерть*, 1) II 366
- Я всем прощение дарую...» II 738; III 56, 298
- Я гибель накликала мылом...» I 362; II 18
- Я знаю, с места не сдвинуться...» II 149, 150; 583; III 466
- Я и плакала и каялась...» I 72
- Я именем твоим не оскверню уст...» I 354, 355, 363
- Я над ними склонюсь, как над чашей...» II 372; III 172; 329
- Я научилась просто, мудро жить...» II 372
- Я не любви твоей прошу...» I 72; II 299

- Я не любила с давних дней...» (*Cinque*, 3) II 63, 368
- Я пришла тебя сменить, сестра...» I 56; 247; III 177
- Я с тобой не стану пить вино...» I 331; 378
- Я слышу иволги всегда печальный голос...» II 18
- Явление луны («Из перламутра и агата...». *Луна в зените*, 7) III 341

Иноязычные заглавия

- Cadran solaire* на Меншиковом доме...» см. Ленинград в марте 1941 года
- Cinque* II 63, 224, 443; 227; III 468
- De profundis...* Мое поколение...» III 162; 163
- Нох («Ноченька!...») I 458, 460, 461, 463, 488; II 14

Проза

- Автобиографическая проза I 310; 440; II 274, 379, 380, 457, 466; 113, 263, 448, 449, 631, 704, 759, 783; III 15, 58, 370, 432, 490
- Адольф Бенжамена Констанана в творчестве Пушкина II 767
- Александрина II 464, 467
- Амедео Модильяни I 288; II 279 III 189, 205, 213, 229, 290; 214, 407, 456
- Болдинская осень (8-я глава «Онегина») II 710
- В редакцию «Нового мира» [вместе с Вс.Ивановым, С.Бонди, С.Маршаком] II 497, 498; 764
- Воспоминания об Александре Блоке III 304, 305; 107
- Выступление по Ленинградскому радио (сентябрь, 1941) I 461; II 680
- Гибель Пушкина II 54, 175, 176, 323—324, 328, 345, 354, 355, 374, 456, 487; 55, 709, 710
- Две новые повести Пушкина I 224; II 170, 171, 362; 710
- Для Лиды II 639; III 314; 315, 465—467
- Каменный гость» Пушкина II 73, 74, 334; 308, 710, 767; III 20
- Коротко о себе II 376, 377, 380, 427, 457; III 496
- [Либретто по «Снежной маске» Блока] I 330, 331
- Листки из Дневника (О Мандельштаме) I 294 II 260, 268, 269, 272, 362, 441, 545; 422, 441, 617, 704, 719, 757; III 257, 261, 262, 290, 304; 436, 456
- [О Вячеславе Иванове] II 778
- [о Гумилеве] II 773—775; III 10, 105; 204
- [О Достоевском] II 269
- [о Маяковском] II 193
- [О стихах А.Тарковского] II 545; 747
- Пестрые заметки I 28; III 367
- Последняя сказка Пушкина I 194 II 106, 323; 767; III 20
- Последняя трагедия Анненского I 329

- Проза о Поэме** II 128—129, 134, 138—140, 379, 380, 472, 475, 486; 172, 389, 436, 466, 476, 627; III 110; 153, 154, 463; 492
- Пушкин в 1828 году** II 514, 710; III 39, 110; 339, 340
- Пушкин и Мицкевич** I 224
- Пушкин и Невское взморье** II 51; III 18—20, 22; 339
- Слово о Данте** III 460
- Слово о Лозинском** I 289, 290; II 631
- Слово о Пушкине** II 482, 483; III 279; 449
- [Сценарий о летчиках]** III 52; 357
- Труды и дни Н.С.Гумилева** (вместе с П.Н.Лукницким) II 255, 303—305; 707, 708; III 60, 192; 402

Дарственные надписи, письма, телеграммы...

- Дарственные надписи** I 157, 238; 488; II 26, 145, 205, 305, 344; 147, 308, 337, 342, 681; III 194, 300; 195, 301, 340, 344, 409, 410, 457
- Письма** I 208; 507, 509; II 631, 670, 705, 706, 759; III 14, 15, 221, 237, 238, 265; 381, 382, 445, 446, 460
- Рекомендации в Союз Писателей** II 761; III 336, 451
- Интервью** I 322—323; II 680, 684, 689, 725
- Телеграммы** II 781, 782; III 37, 296; 447, 457

Неустановленные произведения

- I 154, 177; 348, 377, 411, 419, 451, 459; II 49, 251, 290, 461, 464

Лидия Чуковская.

Записки об Анне Ахматовой. 1963-1966. Том 3.

М.: Согласие, 1997. — 544 с.

ISBN 5-86884-050-x

ISBN 5-86884-053-4 (т 3)

Третий и последний том «Записок» Лидии Чуковской охватывает три года: с января 1963 — до 5 марта 1966-го, дня смерти Анны Ахматовой.

Это годы, когда кончалась и кончилась хрущевская оттепель, годы контрнаступления сталинистов.

Не удаются попытки Анны Ахматовой напечатать «Реквием» и «Поэму без героя». Терпит неудачу Лидия Чуковская, пытаясь опубликовать свою повесть «Софья Петровна». Арестовывают, судят и ссылают поэта Иосифа Бродского... Хлопотам о нем посвящены многие страницы этой книги.

Чуковская помогает Ахматовой составить ее сборник «Бег времени», записывает ее рассказы о триумфальных последних поездках в Италию и Англию.

В приложении впервые печатаются документы из архива Лидии Чуковской, её статья об Ахматовой «Голая арифметика», а также статья немецкого публициста Ганса Вернера Рихтера «Эвтерпа с берегов Невы», не вышедшая в русском переводе.

Воспроизведён ахматовский автограф «Черепков», её надписи и пометки на книгах.

Лидия Корнеевна Чуковская

Записки об Анне Ахматовой

Том третий

1963—1966

Редактор *Т. В. Глазкова*

Компьютерная вёрстка *Д. М. Ершов*

Корректор *Ж. О. Хавкина*

Текст набран шрифтами

«Гарамон» и «Петербург»

фирмы ParaGraph International

Сдано в набор 18.05.96

Подписано к печати 22.10.96

Формат 84x108/32. Бумага офсетная

Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,58

Тираж 15 000 экз.

Заказ №3282

АО «СОГЛАСИЕ»

113054, Москва, ул. Бахрушина, 28

АО Типография «НОВОСТИ»

107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Лидия Чуковская. Середина 60-х годов

На этих страницах день за днём идёт жизнь — думы, заботы, тревоги, возникновение стихов, люди, окружающие Анну Андреевну. Здесь — она сама, — весь её облик, её взгляд, её движения, её речь, её голос, её молчанье, её смех. Здесь — жизнь её души и мысли, её страхи, её бесстрашие, её мужество, её беспомощность, её справедливость, её пристрастность, её трагичность, её юмор, её доброта. Невозможно переоценить это запечатление живой жизни...

Мария Петровых